

ТВОРЧЕСТВО
МИХАИЛА
БУЛГАКОВА

ТВОРЧЕСТВО

МИХАИЛА
БУЛГАКОВА

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

ТВОРЧЕСТВО МИХАИЛА БУЛГАКОВА

ИССЛЕДОВАНИЯ. МАТЕРИАЛЫ.
БИБЛИОГРАФИЯ

КНИГА 1

Ответственные редакторы:
Н. А. ГРОЗНОВА, А. И. ПАВЛОВСКИЙ

ЛЕНИНГРАД
«НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1991

Рецензенты:

В. Я. ГРЕЧНЕВ, А. И. МИХАЙЛОВ

Т $\frac{4603020101-592}{042(02)-91}$ Без объявления

© Коллектив авторов, 1991

ISBN 5-02-028015-1

ОТ РЕДАКЦИИ

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР приступает к публикации исследований и материалов, посвященных творчеству М. А. Булгакова.

Основная цель настоящего издания — ввести в научный оборот те архивные материалы из наследия М. А. Булгакова, которые хранятся в Пушкинском Доме.

В многочисленных работах последнего времени, посвященных творчеству писателя, как научных, так и журналистских, чаще всего архивные материалы публикуются в больших или малых извлечениях, отрывках. В данной книге каждый из имеющихся документов публикуется в полном виде, с тем чтобы дать читателю исчерпывающее представление о его содержании и характере. Так, например, с топографической, можно сказать, точностью воспроизводится обширный незавершенный «Курс истории СССР» — опыт учебника, который намеревался подготовить М. Булгаков. Читателю до сих пор были известны лишь отрывки из этой работы, которые не дают возможности проследить в целом ход размышлений художника над столь сложной темой.

В комментариях к публикациям сообщаются необходимые фактографические сведения, комментарии носят по преимуществу информационный характер.

Настоящее издание выпускается в двух сборниках.

Представляемая первая книга состоит из трех разделов.

Открывает книгу раздел исследований, в котором произведения М. Булгакова рассматриваются под историко-литературным углом зрения. Эти работы интересны, думается, прежде всего постановкой тех или иных проблем, попыткой рассмотреть творчество М. Булгакова в общественно-литературном контексте эпохи. Отдельные статьи посвящены творческим взаимоотношениям писателя со своими современниками — А. Ахматовой, Л. Леоновым, с деятелями музыкальной культуры. Здесь же помещены статьи источниковедческого, разыскательского характера, в которых уточняются некоторые биографические факты из жизни писателя.

Во втором разделе помещены публикации архивных материалов. Открывается раздел работой, посвященной описанию архивного наследия писателя, хранящегося в Пушкинском Доме. Затем следуют материалы биографического плана, переписка, а также документы из творческой истории некоторых театральных постановок.

Завершает сборник раздел III «Алфавитный перечень произведений М. А. Булгакова» (перечень первых публикаций). Этот материал к будущей обобщающей библиографии по творчеству М. Булгакова дает возможность более точно представить целостный объем творческой работы художника.

Сборник Пушкинского Дома издается параллельно с работами Института театра, музыки и кинематографии, посвященными преимущественно проблемам театрального наследия М. Булгакова. Разносторонние подходы к творчеству М. Булгакова, осуществляемые коллективными усилиями современных филологов, и позволяют, надо полагать, изучить творчество писателя во всей его широте.

Редколлегия благодарит А. С. Бурмистрова, Б. С. Мягкова, С. С. Петрова за оказанную библиографическую помощь при подготовке настоящего издания.

Именной указатель будет помещен во второй книге настоящего издания.

А. С. Бурмистров

К БИОГРАФИИ М. А. БУЛГАКОВА (1916—1918)

В предлагаемой работе¹ охвачен сравнительно короткий промежуток времени из жизни писателя: апрель 1916 г.—март 1918 г. Хотя некоторые факты биографии Булгакова этих лет были освещены в печати,² все же период врачебной практики писателя остается менее всего изученным.

В 1916 г. М. А. Булгаков окончил медицинский факультет Императорского университета Св. Владимира (Киев) и получил «Временное свидетельство» № 142 от 6 апреля 1916 г. об окончании университета.³ 16 июля того же года он был откомандирован в качестве «врача резерва» в распоряжение смоленского губернатора.⁴

С 29 сентября 1916 г. по 18 сентября 1917 г. Булгаков работал в Никольской больнице, затем в больнице города Вязьмы — с 20 сентября 1917 г. по 22 февраля 1918 г. Сведения эти заимствованы из двух документов, хранящихся в Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский Дом): «Удостоверения» № 2418 от 18 сентября 1917 г. и «Удостоверения» № 710 от 22(9) февраля 1918 г., которые, к сожалению, цитировались выборочно и неполностью.⁵ (Тексты удостоверений печатаются ниже).

¹ Настоящая статья продолжает нашу публикацию: К биографии М. А. Булгакова (1891—1916) // Контекст 1978. М., 1978. С. 249—266.

² См.: Бурмистров А. С. Поездка в прошлое. К 90-летию со дня рождения М. А. Булгакова // Звезда. 1981. № 5. С. 191—197; Яновская Л. М. Творческий путь Михаила Булгакова. М., 1983. С. 27—31; Чудакова М. О. Жизнеописание Михаила Булгакова. М., 1988. С. 50—59; Воспоминания о Михаиле Булгакове. М., 1988. С. 82—87, 112—115 (мемуары Н. А. Земской и Т. Н. Кисельгоф).

³ Бурмистров А. С. К биографии М. А. Булгакова... С. 266.

⁴ См.: Бурмистров А. С. Поездка в прошлое... С. 192. Дата 16 июля 1916 г. определена из документов: «О прибытии врачей» (от 27 сентября 1916 г., подписан врачебным инспектором смоленского губернатора А. Ф. Белоусовым), «Расчет на высылку жалования врачам резерва по 1 ноября 1916 г.» Государственный архив Смоленской области, ф. 7, оп. 3, ед. хр. 59).

⁵ Впервые опубликованы: Чудакова М. О. К творческой биографии М. Булгакова. 1916—1923 (По материалам архива писателя) // Вопр. лит. 1973. № 7. С. 233.

По воспоминаниям сестры писателя Надежды Афанасьевны Земской (1893—1971), «немедленно после окончания (университета. — А. Б.) Мих. Булгаков поступил в Красный Крест и добровольно уехал на юго-западный фронт, где работал в военном госпитале в городах Западной Украины: в Каменец-Подольском и Черновицах (ныне Черновцы. — А. Б.) Там он получил первые врачебные практические навыки, особенно по хирургии».⁶

В беседе с нами (июнь 1975 г.) Т. Н. Кисельгоф,⁷ сопровождавшая его всюду, подтвердила факты пребывания М. А. Булгакова в этих городах. Она вспомнила о его врачебной деятельности в госпитале Красного Креста в Каменец-Подольском и Черновицах. В «не совсем большом» (по ее словам) госпитале, занявшем помещение «какой-то школы», Булгаков работал хирургом. Носил военную форму. Пробыв месяц, Татьяна Николаевна была вынуждена уехать из города.

Таким образом, исходя из воспоминаний, можно наметить такую последовательность событий в биографии Булгакова: окончание университета, работа в киевском госпитале Красного Креста, перевод госпиталя ближе к театру военных действий (Каменец-Подольский, Черновицы). Но можно ли подтвердить документами эти сведения?

Отчасти можно. Нам представляется уместным и своевременным указать на такую подробность: еще в 1912 г. (когда Булгаков являлся к исполнению воинской повинности) он получил документ о зачислении его ратником ополчения второго разряда.⁸

Но Булгаков все же оказался в районе военных действий. Попытаемся понять, как это могло случиться.

В 1916 г. управление по делам о воинской повинности, которое ведало призывом, подчинялось министерству внутренних дел. Как лекарь Булгаков состоял на учете Главного военно-санитарного управления при военном министерстве. Шла война, и усилия обоих министерств, естественно, были сосредоточены в первую очередь на нормальном обеспечении действующей армии квалифицированными медицинскими кадрами.

В это время решался вопрос о передаче части освобожденных от воинской службы (в частности, ратников ополчения второго разряда) и недостаточно опытных (в практической медицинской работе) лекарей из ведения военного министерства в ведение министерства внутренних дел.

---

⁶ См.: Воспоминания о Михаиле Булгакове... С. 82.

⁷ Кисельгоф Татьяна Николаевна (1892—1982) — урожденная Лаппа, первая жена М. А. Булгакова (апрель 1913 г.—март 1925 г.). Год ее рождения установлен по «Метрической выписке о бракосочетании» № 44, хранящейся в Киевском городском государственном архиве (КГГА), ф. 16, оп. 465, ед. хр. 16.366.

⁸ ИРЛИ, ф. 369, ед. хр. 519 («Свидетельство М. А. Булгакова о явке к исполнению воинской повинности» № 191 от 15 ноября 1912 г.); См. также: КГГА, ф. 16, оп. 465, ед. хр. 16.366 (копия «Свидетельства»).

В периодике тех дней регулярно печатались объявления, приглашавшие врачей во врачебно-санитарные учреждения Российского общества Красного Креста (РОКК) с выплатой жалования. Приглашало, в частности, и Управление главноуполномоченного Красного Креста юго-западного района, обеспечивающего по линии РОККа фронтовые и тыловые военно-санитарные учреждения медицинскими кадрами. В его подчинении находились особоуполномоченные Красного Креста, прикрепленные к армиям юго-западного фронта. Среди них было и Управление особоуполномоченного Красного Креста при IX армии, дислокация которого менялась в зависимости от военных действий этой армии. Так, в начале апреля 1916 г. Управление размещалось в городе Каменец-Подольском, а в начале июня того же года оно переместилось в город Черновицы.

4 апреля 1916 г. Булгаков взял из канцелярии университета следующие документы: «Свидетельство о явке к исполнению воинской повинности» и «Свидетельство о рождении», а 6 апреля того же года вернул их.⁹ Именно эти документы, имеющие прямое отношение к прохождению военной службы, он, вероятнее всего, предъявил в Управление главноуполномоченного Красного Креста юго-западного района, которое находилось в Киеве, совсем неподалеку от университета, в доме № 8 по Бибииковскому бульвару.

Нам представляется любопытным следующий факт. В романе «Белая гвардия» описан визит полковника Най-Турса к начальнику снабжения генералу Макушину, занимавшему в особняке уютный кабинет, в котором «висела карта России и со времен Красного Креста оставшийся портрет Александры Федоровны». Похоже, что писатель вспомнил свой собственный визит к главноуполномоченному, сенатору Б. Е. Иваницкому, помощником у которого работал В. Ф. Романов (вспомним, помощником у генерала Макушина служил капитан Владимир Федорович!).

Надо полагать, что именно РОКК и откомандировало Булгакова сначала в город Каменец-Подольский, позже — в город Черновицы. 1 апреля 1916 г. в Ставке Верховного Главнокомандующего состоялось совещание, на котором было принято решение о подготовке и проведении наступления русской армии силами трех фронтов: северного, западного и юго-западного. В это время шло налаживание более эффективного военно-медицинского обслуживания. Развертывались новые госпитали, они укомплектовывались медицинским персоналом. Город Каменец-Подольский превратился в лечебный центр IX армии. В апреле 1916 г. вблизи от города проходила линия фронта.

22 мая 1916 г. началось наступление армий юго-западного фронта под командованием генерал-адъютанта, генерала от инфан-

---

⁹ Таковы отметки на Прощении о зачислении студентом медицинского факультета университета М. А. Булгакова на имя ректора Императорского университета Св. Владимира от 17 июля 1909 г. (КГГА, ф. 16, оп. 465, ед. хр. 16. 366).

тери А. А. Брусилова, вошедшее в историю русского военного искусства как «Брусилловский прорыв». Боевые успехи частей IX армии, действовавшей на крайнем южном участке фронта, привели к освобождению Буковины и принудили к выступлению на стороне Антанты прежде нейтральную Румынию. Частями 11 армейского корпуса IX армии 4 июня был взят город Черновицы. Вскоре туда переместился штаб корпуса и переехало Управление особоуполномоченного Красного Креста при IX армии.

Практика врача в боевых условиях прохождения наступления IX армии дала Булгакову многое. Можно считать отрывком из ненаписанного дневника следующую фразу в рассказе «Морфий»: «Впрочем, много помог мне госпиталь на войне».

В творчестве писателя тема войны присутствует по-разному. То всплывает неожиданно фамилия врача-психиатра Стравинского из романа «Мастер и Маргарита» (и в действительности был врач Г. Ф. Стравинский, который работал в те дни в городе Каменец-Подольском), то появляются жертвы войны — полковник Най-Турс и вахмистр Жилин (роман «Белая гвардия»), Де Бризар и генерал Хлудов (пьеса «Бег»), герой рассказа «Красная корона» и др.

5 июня 1916 г. император Николай II «соизволил на командирование из числа врачей ратников ополчения 2 разряда выпуска сего года *Императорских* Российских университетов, призываемых на действительную военную службу, 300 врачей в распоряжение Министерства внутренних дел с зачислением их по призыве в резерв чинов Московского, Казанского и Омского окружных военно-санитарных управлений, сверх штатного состава чинов резерва этих управлений, установленного *Высочайше* утвержденным 8 августа 1914 г. положением Военного Совета, и с тем, чтобы во все время состояния в командировке эти врачи числились в вышеуказанных резервах с правами и преимуществами, установленными для прочих врачей резерва».¹⁰

Новая служба засчитывалась бы М. А. Булгакову как прохождение действительной службы, он именовался бы «врачом резерва Московского окружного военно-санитарного управления» и получал бы военное жалование из расчета «основного оклада, присвоенного младшему военному врачу первых четырех лет службы».¹¹

---

¹⁰ Цит. по: «Об откомандировании врачей резерва в распоряжение Смоленской губернской земской управы и их окладе». Документ № 6093 от 3 сентября 1916 г. подписан смоленским губернатором, действительным статским советником К. А. Шумовским (ГАСО, ф. 7 (Смоленской губернской земской управы), оп. 3, ед. хр. 59).

¹¹ ГАСО, ф. 7, оп. 3, ед. хр. 59 («Об окладе врачей резерва»). Документ № 47959 от 23 августа 1916 г. (подписан окружным военно-санитарным инспектором Московского военного округа тайным советником Миртовым). Из других документов архива следует, что оклад «врачей резерва», выдаваемый военным ведомством, состоял из жалования — 720 р., столовых — 96 р., добавочных из оклада — 264 р., квартирных — 308 р. 50 к. Итого: 1388 р. 50 к. или 115 р. 75 к. ежемесячно.

Мы полагаем, что лекарь Булгаков, пока шла официальная переписка, о его переводе (в соответствии с императорским распоряжением) в тыловое военно-санитарное учреждение, продолжал работать в госпитале РОККа города Черновицы. 16 июля 1916 г. он был зачислен «врачом резерва Московского окружного военно-санитарного управления» и в числе 15 врачей откомандирован в распоряжение смоленского губернатора, затем — 3 сентября того же 1916 г. — в числе 14 врачей в распоряжение смоленской губернской земской управы.¹²

Вероятно, к середине сентября оформление перевода было завершено, и вместе с женой Булгаков выехал из Черновиц в Москву. По дороге они посетили Киев, о чем свидетельствует А. П. Гдешинский в письме к Н. А. Земской от 29 сентября 1916 г.: «Недавно приезжал Миша с Тасей».¹³ Приписка Н. А. Земской: «Проездом в Смоленскую губернию» — окончательно проясняет текст письма.

Надо полагать, что Булгаковы прибыли в Киеве до 18—19 сентября, направляясь в Москву (по дороге через Оршу). О пребывании их в Москве Н. А. Земская (запись от 22 сентября 1916 г.) упомянула в своем дневнике: «Вечер. Миша был здесь три дня с Тасей. Приезжал призваться, сейчас уехал с Тасей (она сказала, что будет там, где он, и не иначе) к месту своего назначения „в распоряжение смоленского губернатора“».¹⁴

По прибытии в Смоленск Булгакова ознакомили с решением губернатора от 3 сентября, который откомандировал его в распоряжение губернской земской управы. Последняя направила его в сычевскую уездную земскую управу «для временного замещения одной из пустующих в уезде участковых вакансий». Так было написано в документе от 24 сентября 1916 г. Далее следовало: «Службу врача Булгакова в Сычевском уезде Губернская управа будет считать с 27 сентября...».¹⁵

Это подтверждает и другой документ, текст которого мы воспроизводим полностью:

«В Смоленскую губернскую земскую управу.

Врачебное отделение уведомляет Губернскую земскую управу, что прибывшие врачи резерва Московского окружного военно-санитарного управления Георгий Яковлевич Мгебров, Михаил Афанасьевич Булгаков и Сергей Евгеньевич Лотошенко-Глоба г. Губернатором командированы в распоряжение земской управы.

Врачебный инспектор А. Ф. Белоусов.
Делопроизводитель А. И. Марков.
4 октября 1916. № 6777».¹⁶

¹² См. примеч. 4 и 10.

¹³ См.: Русская мысль. Париж. 1969. 22 мая.

¹⁴ См.: Воспоминания о Михаиле Булгакове... С. 83.

¹⁵ См.: *Стеклов М. 1*) М. А. Булгаков на Смоленщине // Политическая информация. Журнал отдела пропаганды и агитации Смоленского обкома КПСС. 1981. № 10 (май). С. 25; 2) «Я стал отважным человеком...» // Литературная Россия. 1984. 24 августа. С. 16.

¹⁶ ГАСО, ф. 7, оп. 3, ед. хр. 59.

29 сентября 1916 г. началась его служба в 3-м Никольском земском врачебном пункте. Дата начала службы указана в «Удостоверении» № 2418 от 18 сентября 1917 г., о чем будет написано ниже.

Из документов следует, что распределением врачей по местам их службы занималось Врачебное отделение при смоленском губернаторе. Схожий мотив присутствует и в тексте рассказа писателя «Морфий»: «Весь мой выпуск, не подлежащий призыву на войну (ратники ополчения 2-го разряда выпуска 1916 г.), разместили в земствах».

Итак, Булгаков приступил к исполнению обязанностей врача, заведовавшего 3-м Никольским врачебным пунктом (Никольским медицинским участком) с месячным жалованием в 115 р. 71 коп.¹⁷

Медицинское обслуживание населения Смоленской губернии в те годы находилось в ведении Смоленской губернской земской управы, объединявшей усилия уездных земских управ, среди которых была и Сычевская уездная земская управа. Последней подчинялись три земских врачебных пункта, в частности 3-й Никольский земский врачебный пункт. Он был образован в 1898 г. в большом торговом селе Воскресенское (ныне поселок Днепро-вское) и вскоре переведен неподалеку, в сельцо Никольское.¹⁸

Место оказалось более удобным по сравнению с прежним, хотя и несколько удаленным от Ново-Дугинской станции Николаевской железной дороги (20 верст), от уездного города Сычевска (35 верст). В рассказе «Морфий» и повести «Роковые яйца», отразивших реалии Никольской земской медицинской «точки», неоднократно упоминаются «двадцать верст» (расстояние от больницы до железнодорожной станции) и «сорок верст» (расстояние от больницы до уездного города).

Старожилы (М. М. Мудрецов из деревни Торпово, А. В. Владимирова из деревни Ново-Никольское) сообщили в беседе 24 февраля 1974 г., что сельцом некогда владел князь Шамшин. Кроме Никольского он владел и ближайшими к нему селениями:

---

¹⁷ Выдача военного жалования Булгакову в размере 115 р. 71 к. отражена в документах архива: «Расчет на высылку жалования врачам резерва по 1 декабря 1916 г.»; «Расчет на высылку жалования врачам резерва по 1 мая 1917 г.» (ГАСО, ф. 7, оп. 3, ед. хр. 59). Фактически размер жалования Булгакова был выше и составлял 1500 р. в год или 125 р. в месяц (ГАСО, ф. 249 — Сычевская уездная земская управа, оп. 1, ед. хр. 28: «Требовательная ведомость Сычевской уездной земской управы на отпуск денег на содержание служащих Сычевского земства за январь месяц 1917 г.»; «Требовательная ведомость Сычевской уездной земской управы на отпуск денег на дополнительное содержание служащих Сычевского земства за июль месяц 1917 г.» Разницу в жаловании, по-видимому, покрывала Сычевская уездная земская управа. С июня 1917 г. размер ежемесячного военного жалования доктору Булгакову был увеличен до 135 р. 33 к. (ГАСО, ф. 7, оп. 3, ед. хр. 59: «Расчет на высылку жалования врачам резерва по 1 июля 1917 г.»; «Расчет на высылку жалования врачам резерва по 1 октября 1917 г.»).

¹⁸ См.: Отчетный доклад земского врача Сычевского уезда М. В. Булычева // 11-й съезд земских врачей Смоленской губернии (25 августа—2 сентября 1898 г.). Смоленск. 1899. С. 65, 67—69.

деревней Торопово (ныне Торпово) и селом (сейчас деревня) Муравишники. В последнем до 1930-х гг. стояла каменная церковь, выстроенная еще при императрице Екатерине II.

3-й Никольский земский врачебный пункт разместился в бывшей усадьбе, весьма слабо сохранившей черты старинной помещичьей культуры, относящейся, надо полагать, к далекой прославленной екатерининской эпохе. В документальных источниках XIX в. можно найти упоминание «владельческого сельца» Никольского, состоявшего всего из «трех дворов», которые стояли при «безъимянном озере».¹⁹ «Сельцо» в поздних источниках именуется то «имением», то «усадьбой».²⁰ По воспоминаниям М. М. Мудрецова, в парке росли и тополя, и заграничные ели. Было озеро, образовавшееся в результате перекрытия речки Вадепки. Стояла когда-то и мельница.²¹ Сейчас можно лишь с трудом угадать масштаб и красоту былой усадьбы, определить ее границы, обнаружить замысел архитектора в организации парка. Жалкие остатки парка, заросшее травой озеро, полувыхсохшая речка да опустелый холм. Все это напоминает о прошедшем, все это говорит о безжалостном, всесокрушающем Времени.

Обширный участок земли со всеми строениями был куплен земством за 8000 р. По словам М. М. Мудрецова, владелец Никольского Н. И. Смирягин продал его, включая службы, земству за 13 000 р. в счет погашения своих карточных долгов. Дополнительно на оборудование 3-го Никольского земского врачебного пункта было отпущено еще 2000 р. Вскоре при новом пункте была открыта больница на 10 штатных коек, амбулатория и иные подсобные помещения.²²

Больница разместилась в двух домах. Главный ее корпус составлял господский дом, построенный в 1850-х гг. В верхнем этаже этого каменного двухэтажного дома было оборудовано пять палат и операционная; в нижнем — амбулатория, состоящая из двух «ожидален», двух кабинетов врачей и аптеки. В другом — деревянном одноэтажном доме, выстроенном позже, — находилось инфекционное отделение больницы. Тут же стояли два деревянных дома: двухэтажный на две четырехкомнатные квартиры для врачей; одноэтажный — в четыре квартиры для фельдшеров и акушеров, кухня, а также баня с прачечной, часовня.²³

---

¹⁹ См.: Штиглиц Н. Список населенных мест по сведениям 1859 г. Смоленская губерния. СПб., 1868. С. 381.

²⁰ «Никольский пункт занимает 7 200 кв. сажен на месте старой усадьбы с парком» (Отчетный доклад земского врача Сычевского уезда Л. Л. Смирчака // Труды 14-го съезда земских врачей и членов земских врачебно-санитарных учреждений Смоленской губернии. Смоленск, 1912. Т. 1. С. 27).

²¹ Из беседы автора 24 февраля 1974 г.

²² Отчетный доклад земского врача Сычевского уезда М. В. Булычева. С. 69; Отчетный доклад земского врача Сычевского уезда Н. И. Глинки // 12-й съезд земских врачей Смоленской губернии (8—15 августа 1901 г.). Смоленск, 1902. С. 103.

²³ Отчетный доклад земского врача Сычевского уезда Л. Л. Смирчака. С. 27—28.

Каменный двухэтажный старинный дом — главный корпус Никольской земской больницы — стоял на возвышенном месте. Здесь же, напротив больницы, в деревянном доме жила семья последнего владельца Никольского Н. И. Смирягина, состоявшая из вдовы, сына с женой и двух ее дочерей. Ныне следов от домов и построек не осталось. Старожилы рассказывали, как в бывшей Никольской больнице (просуществовала до начала войны 1941—1945 гг.) немцы содержали раненых пленных советских бойцов.²⁴ В период героического рейда по тылам врага конной армии генерал-лейтенанта П. А. Белова пленные были освобождены. Вернувшись, немцы сожгли больницу. Тогда же сгорело и соседнее село Муравишники. После войны кирпич главного корпуса больницы жители окрестных деревень употребили на строительство своих домов.

Во времена Булгакова 3-й Никольский врачебный пункт оборудован был превосходно. Имелся водопровод, канализация, телефон, библиотека.²⁵ Значительная часть медицинского инструментария, медикаментов и перевязочного материала была получена Сычевской уездной земской управой из-за границы. Своим содержанием 3-й Никольский врачебный пункт был обязан стараниям и заботе врача Леопольда Леопольдовича Смирчака, принявшего этот пункт в 1902 г. и вынужденного покинуть его в 1914 г.²⁶

Л. Л. Смирчек, чех по национальности, окончил медицинский факультет Московского университета в 1901 г. С 1902 г. он начал служить в 3-м Никольском врачебном пункте, в июне 1904 г. был призван на войну как врач запаса, вернулся обратно и работал до 1914 г. Поссорившись с председателем Сычевской уездной земской управы М. В. Герасимовым, он переехал в город Сычевку, где стал работать врачом в обычной (неземской) больнице. Умер в 1921 г.

В рассказах Булгакова «Полотенце с петухом», «Крещение поворотом» и «Тьма египетская» выведен «предшественник Леопольд Леопольдович», которого местные крестьяне называли по-своему «Липонтием» или «Липонтием Липонтьевичем». Писатель изобразил его «опытным хирургом», «замечательным доктором», что было вполне справедливо. Среди старожилов окрест-

²⁴ Записи бесед автора с М. М. Мудрецовым, А. В. Владимировым и др. 24 февраля 1974 г.

²⁵ Отчетный доклад земского врача Сычевского уезда Н. И. Глинки. С. 95; Отчетный доклад земского врача Сычевского уезда Л. Л. Смирчака. С. 26, 28; Сычевский календарь-ежегодник на 1913 г. Смоленск, 1913. С. 105.

²⁶ См.: Памятная книжка Смоленской губернии на 1904 г. Смоленск, 1904. С. 215; 13-й съезд земских врачей Смоленской губернии. Т. I. Делегатские доклады. Смоленск, 1905. С. 129 (отчетный доклад земского врача Сычевского уезда Н. И. Глинки); Журналы XII очередного Сычевского уездного земского собрания 27, 28 и 29 сентября 1905 г. и чрезвычайного собрания 23 января 1906 г. Сычевка, 1906. С. 1; Памятная книжка Смоленской губернии на 1907 г. Смоленск, 1906. С. 227; Памятная книжка Смоленской губернии на 1908 г. Смоленск, 1907. С. 233; Труды 14-го съезда. . . С. 28; Сычевский календарь-ежегодник на 1913 г. С. 95, 129; Памятная книжка Смоленской губернии на 1913 г. Смоленск, 1912. С. 304; *Степлов М.* «Я стал отважным человеком. . . ». С. 16.

ных селений до сих пор сохранилась память об этом незаурядном враче.

3-й Никольский врачебный пункт бесплатно обслуживал население нескольких волостей Сычевского уезда, в которых проживало более 37 000 человек в 295 селениях. Самое удаленное из них находилось в 30 верстах от пункта. В 1916 г. больница выросла до 24 штатных коек. Кроме того, в инфекционном и родильном отделениях было 8 и 2 койки соответственно.²⁷ По штатному расписанию 3-му Никольскому врачебному пункту полагалось два врача.

Когда Булгаков начал служить, здесь уже работали фельдшерами В. П. Коблянский, А. И. Иванов и Е. Ф. Трошков, а фельдшерами-акушерками Лобачевская А. Н. и Иванова С. А.

Ротный фельдшер Владимир Петрович Коблянский пришел в 3-й Никольский пункт в июне 1909 г. После отъезда Булгакова в сентябре 1917 г. в город Вязьму он стал исполнять обязанности врача.

Ротный фельдшер Андрей Илларионович Иванов приступил к работе в этом пункте в марте 1907 г., затем ушел «за лучшие условия». Вернулся обратно в 1915 г.

Третий фельдшер Емельян Фомич Трошков, по словам старожиле «умный», «молодой», «замещал иногда врача». Много позже работал доктором в городе Сычевка. Лобачевская Агния Николаевна, окончившая Повивальный институт при Московском воспитательном доме, поступила на работу в январе 1902 г. У нее были сын и дочь. Другая акушерка — Лебедева Степанида Андреевна — была женой фельдшера Иванова. Работала в больнице с марта 1907 г., одновременно исполняя функции экономки.

В «Записках юного врача» среди действующих лиц встречаются «фельдшер Демьян Лукич», «акушерка Анна Николаевна», «акушерка Пелагея Ивановна», вобравшие в себя отдельные черты характеров реальных людей.

В рассказе «Вьюга» Булгаков, вспоминая это время, писал: «На обходе я шел стремительной поступью, за мною мело фельдшера, фельдшерицу и двух сиделок. Остановливаясь у постели, на которой, тая в жару и жалобно дыша, болел человек, я выжимал из своего мозга все, что в нем было. Пальцы мои шарили по сухой, пылающей коже, я смотрел в зрачки, постукивал по ребрам, слушал, как таинственно бьет в глубине сердце, и нес в себе одну мысль — как его спасти? И этого спасти. И этого! Всех! Шел бой. Каждый день он начинался утром при бледном свете снега, а кончался при желтом мигании пылкой лампы-„молнии“».²⁸

²⁷ ГАСО, ф. 249, оп. 1, ед. хр. 24 («Годовые отчеты по медицинской части 3-го Никольского врачебного пункта»). Документ не датирован и не подписан. По-видимому, это отчет за 1916 г., составленный в начале 1917 г., когда Булгаков находился в отпуске).

²⁸ Булгаков М. А. Избранная проза. М., 1966. С. 77.

Круг обязанностей врача в таких условиях был необозрим. Кроме ежедневного изнурительного амбулаторного приема больных, он должен был оперировать, вести стационарное лечение коечных больных, совершать выезды на дом, руководить сложным хозяйством пункта, составлять периодические отчеты. Многие из событий тех лет, что навечно отложилось в памяти, было запечатлено писателем в шести рассказах — «Стальное горло», «Крещение поворотом», «Вьюга», «Тьма египетская», «Полотенце с петухом», «Пропавший глаз», которые образовали цикл «Записки юного врача». Булгаков публиковал эти произведения в журналах «Красная панорама» и «Медицинский работник» в 1925—1926 гг.

Бороться приходилось не только с болезнями, но и с невежеством населения этих глухих мест (знахарство, суеверие и пр.). От врача порой требовалась не только профессиональная подготовка. Многие держались на особом энтузиазме медицинского персонала, практически брошенного на произвол судьбы. Поэтому становятся понятными строки из рассказа писателя «Тьма египетская»: «.,Ну, нет. . . я буду бороться. Я буду. . . Я. . .». И сладкий сон после трудной ночи охватил меня. Потянулась пеленою тьма египетская. . . и в ней будто бы я. . . не то с мечом, не то со стетоскопом. Иду. . . борюсь. . . В глуши. Но не один. А идет моя мать: Демьян Лукич, Анна Николаевна, Пелагея Иванна. Все в белых халатах, и все вперед, вперед. . .».²⁹

Булгаков много читал. Книги он брал у Татьяны Дмитриевны Смирягиной — учительницы земской школы соседнего села Муравишники, а также в земской школе ближайшего села Воскресенское. Вел в эти годы знакомство и с известным историком Николаем Ивановичем Кареевым, работавшим как раз в эти дни над историей Великой французской революции 1789 г.,³⁰ и со священником церкви села Муравишники, совершавшим скорбные обряды отпевания и захоронения умерших в больнице.³¹ Можно предположить, что рождением двух тем (пьеса «Парижские коммунары» и роман «Белая гвардия») писатель Булгаков мог быть в какой-то мере обязан вечерним беседам с историком Н. И. Кареевым.

Политическая обстановка в стране в это время все более накалялась. Зашатался трон Николая II. В ночь с 17 на 18 декабря 1916 г. произошло убийство Григория Распутина. Эпизод с первоначальной неудачной попыткой его отравления, может быть, отразился в рассказе Булгакова «Тьма египетская», где приводится невероятный случай невосприимчивости «румяной бабочки» к чудовищной дозе белладонны. Случай этот писатель датирует 17 декабря 1916 г., как бы намеренно сближая его с покушением на жизнь старца.

²⁹ Там же. С. 96.

³⁰ См.: *Кареев Н. И.* Французская революция в историческом романе. Пг., 1923.

³¹ На церковные требы 3-го Никольского врачебного пункта за год было израсходовано 38 р. 36 к. См.: ГАСО, ф. 249, оп. 1, ед. хр. 24 («Годовые отчеты по медицинской части 3-го Никольского врачебного пункта»).

Грозные события Февральской революции захватили многие города России. Среди них был и Киев.

Булгаков принимает решение вернуться в Киев.

7 марта 1917 г. он забирает из канцелярии Киевского университета следующие документы: «Метрическое свидетельство о рождении» № 6523 от 18 апреля 1900 г.; «Формулярный список о службе доцента Киевской Духовной Академии, статского советника А. Булгакова» № 266 от 24 апреля 1900 г.; «Свидетельство о приписке к призывному участку» № 9945 от 10 октября 1908 г.; «Свидетельство о явке к исполнению воинской повинности» № 191 от 15 ноября 1912 г.; «Метрическую выписку о бракосочетании» № 44 — и оставляет вместо них копии.³²

В Киевском архиве сохранилась запись адреса, сделанная им собственноручно: «Постоянное местожительство имею в Смоленской губ. в Сычевском у. в Никольской земской больнице. Доктор Булгаков. 7 III 1917 г.»³³ В Смоленском архиве нами обнаружен несколько уточненный адрес: «Почт(овое) отд(еление) Воскресенское Сычевского уезда. Врач Никольского участка Сычевского уезда».³⁴

Таким образом, в марте 1917 г. Булгаков находился в Киеве. Улицы его родного города кипели. Он стал свидетелем первого из длинной серии политических переворотов, свершившихся в Киеве.

В рассказе «Киев-город» воссоздана атмосфера тех дней, когда, по словам художника, «внезапно и грозно наступила история»: «Я совершенно точно могу указать момент ее появления: это было в 10 час. утра 2-го марта 1917 г., когда в Киев пришла телеграмма, подписанная двумя загадочными словами: — Депутат Бубликов.

Ни один человек в Киеве, за это я ручаюсь, не знал, что должны были обозначать эти таинственные 15 букв, но знаю одно: ими история подала Киеву сигнал к началу. И началось и продолжалось в течение четырех лет. Что за это время происходило в знаменитом городе, никакому описанию не поддается. Будто уэллсовская атомистическая бомба лопнула под могилами Аскольда и Дира и в течение 1000 дней гремело и клокотало и полыхало пламенем не только в самом Киеве, но и в его пригородах, и в дачных его местах в окружности на 20 верст радиусом.

Когда небесный гром (ведь и небесному терпению есть предел) убьет всех до единого современных писателей и явится лет

---

³² Оригиналы указанных документов Булгаков имел всегда при себе. После смерти писателя часть их («Метрическое свидетельство о рождении» и «Свидетельство о явке к исполнению воинской повинности») была передана в Рукописный отдел ИРЛИ (ф. 369, ед. хр. 517, 519).

³³ КГГА, ф. 16, оп. 465, ед. хр. 16, 366.

³⁴ ГАСО, ф. 7, оп. 3, ед. хр. 59 («По удовлетворению вознаграждений врачей резерва 3 сентября 1916 — 11 июня 1918 г.»).

через 50 новый настоящий Лев Толстой, будет создана изумительная книга о великих боях в Киеве. Наживутся тогда книгоиздатели на грандиозном памятнике 1917 до 1920 годам.

Пока что можно сказать одно: по счету киевлян у них было 18 переворотов. Некоторые из теплушечных мемуаристов насчитали их 12; я точно могу сообщить, что их было 14, причем 10 из них я лично пережил». ³⁵

По-видимому, Булгаков пробыл в городе долго. А. П. Гдешинский в письме Н. А. Земской от 27 марта 1917 г. сообщал: «Миша в Киеве». ³⁶ Действительно, в Никольской больнице его в эти дни не было, что подтверждает следующий документ: «Прошу выслать мне военное жалование за март—апрель. Врач Булгаков». ³⁷ На телеграмме дата — 20 мая 1917 г. Врач Булгаков имел право на 28-дневный отпуск; вероятно, его и использовал он в это время.

Здесь, в Киеве, среди родных ему людей, он читал свои произведения, в которых, по-видимому, нашел отражение его недавний опыт врача. ³⁸ Мы говорим о рассказах писателя.

Их всего шесть, но топографические детали, присущие 3-му Никольскому врачебному пункту, можно обнаружить и в рассказе «Морфий», и в повести «Роковые яйца». Слагая все приметы, можно воссоздать мозаичную картину некой абстрактной больницы, заброшенной в глухой угол уезда. Из этих произведений писателя можно предстать характер и свойства тех людей, которые окружали Булгакова. Обращает на себя внимание в этих рассказах настроение одиночества, изолированности, беспомощности, которое постоянно мучило его в те дни. Но там же мы встречаем и образ волевого, смелого и удачливого врача, сумевшего выстоять и победить. Победить в тех случаях, когда он был единственным и главным судьей чужих и своей судьбы.

Именно в те тяжелые и беспокойные дни закалился и окреп характер Булгакова, характер человека, бойца, врача. Он вернулся в Никольское с четким планом дальнейших действий. Теперь мы видим его в иной роли — в качестве представителя от Союза земских служащих, присутствующего в 1917 г. на чрезвычайных уездных земских собраниях (26 июня, а затем 21—22 августа) и выступающего в прениях в поддержку доклада Сычевской земской управы об улучшении материального положения земских служащих. ³⁹

Обстановка в стране все усложнялась. У народа не было

³⁵ Булгаков М. А. Чаша жизни. М., 1988. С. 432.

³⁶ Русская мысль. Париж. 1969. 22 мая.

³⁷ ГАСО, ф. 7, оп. 3, ед. хр. 59.

³⁸ См. письмо А. П. Гдешинского и Н. А. Земской от 1—13 ноября 1940 г. (копия) — Архив МХАТ, А-5790. Частично опубликовано. См.: Воспоминания о Михаиле Булгакове. С. 85—86.

³⁹ Сычевская жизнь. Сычевка Смоленской обл. 1917. № 3, 2 июля; № 4, 9 июля; № 11, 27 августа.

уверенности ни в настоящем, ни в будущем. Земельный вопрос решался крестьянами однозначно. Покосяки лугов, вырубки лесов, потрава хлебов, поджоги и грабежи усадеб стали нормой жизни. В результате вооруженного выступления Верховного главнокомандующего генерал-лейтенанта Л. Г. Корнилова против Временного правительства армия оказалась разбитой на два враждующих лагеря, что лишь привело к усилению процесса стихийной демобилизации. Причина демобилизации звучала трафаретно: «по болезни». Врачей вынуждали подписывать подобные причины в демобилизационных удостоверениях, отказавшихся подписывать нередко убивали. Такой случай произошел в городе Ельня Смоленской губернии, где солдаты буквально растерзали военного врача К. В. Орлова.⁴⁰

Кончалась служба Булгакова в Никольском врачебном пункте. За это время им была оказана помощь тысячам больных. В отчете 3-го Никольского врачебного пункта, написанного в начале 1917 г., читаем: «... посещений амбулаторных — 7892, всех посещений — 15 906».⁴¹ Почти то же количество посещений приведено в рассказе писателя «Пропавший глаз»: «За год, вот до этого вечернего часа, я принял 15 613 больных.

К 18 сентября 1917 г. Булгаков добился перевода в город Вязьму, получив следующий документ:

«Выдано настоящее удостоверение Врачу Михаилу Афанасьевичу Булгакову в том, что он с 29-го сентября 1916 года и по 18 сентября сего 1917 года состоял на службе Сычевского земства в должности Врача, заведовавшего Никольской земской больницей, за каковое время зарекомендовал себя энергичным и неутомимым работником на земском поприще. При этом, по имеющимся в Управе сведениям, в Никольском участке за указанное время пользовалось стационарным лечением 211 чел., а всех амбулаторных посещений было 15 361.

Оперативная деятельность врача М. А. Булгакова за время его пребывания в Никольской земской больнице выразилась в следующем: было произведено операций — ампутация бедра 1, отнятие пальцев на ногах 3, выскабливание матки 18, обрезание крайней плоти 4, акушерские щипцы 2, поворот на ножку 3, ручное удаление последа 1, удаление атеромы и липомы 2 и трахеотомий 1; кроме того, производилось: зашивание ран, вскрытие абсцессов и нагноившихся атером, проколы живота (2), вправление вывихов; один раз производилось под хлороформным наркозом удаление осколков раздробленных ребер после огнестрельного ранения.

Председатель Управы Федор Строганов».⁴²

---

⁴⁰ Смоленский вестник. Смоленск, 1917. № 212. 8 сентября; Русское слово. М., 1917. 21 сентября.

⁴¹ ГАСО, ф. 249, оп. 1, ед. хр. 24.

⁴² ИРЛИ, ф. 369, ед. хр. 521.

В связи с переходом Булгакова на другое место работы его расписка в получении жалования за октябрь 1917 г. отсутствует.⁴³

В беседе с автором статьи (июнь 1975 г.) Т. Н. Кисельгоф прокомментировала отъезд из Никольского: «место — унылое, противное».

20 сентября того же года Булгаков приступил к работе в Вяземской городской земской больнице, приняв на себя заведование инфекционным и венерическим отделением. С нового места службы он отправил в Смоленск, в Губернскую земскую управу, открытое письмо следующего содержания: «Покорнейше прошу мое военное жалование высылать мне теперь по адресу: Вязьма. Городская земская больница. С почтением д-р Булгаков. 10 октября 1917 г.»⁴⁴

Вяземская больница (основана в 1866 г.) была крупнее Никольской.⁴⁵ Она включала в себя несколько отделений: хирургическое, родильное, инфекционное, венерическое. Инфекционное отделение насчитывало 12 коек, венерическое — 18.⁴⁶ В 1916 г. общее число коек в больнице достигало 67.⁴⁷ В рассказе «Морфий» упоминается, несомненно, Вяземская больница: «В ней было хирургическое отделение, терапевтическое, заразное, акушерское».

Старшим врачом, исполнявшим обязанности заведующего больницей, был Борис Леопольдович Нурук. Он окончил в 1910 г. медицинский факультет Московского университета, одновременно работая помощником присяжного поверенного. Во время войны 1941—1945 гг. Б. Л. Нурук был расстрелян немцами. Третьим врачом больницы был Николай Николаевич Тихомиров — выпускник медицинского факультета Юрьевского (ныне Тартуского) университета 1908 г.; в больнице работал с декабря 1910 г. Умер в Вязьме до 1941 г. Кроме них при больнице состояли фельдшер В. И. Чоп и фельдшерица—акушерка 2го разряда К. И. Сосновская.

Булгаков занял должность второго врача.

Фельдшер Войцех Иванович Чоп был зачислен в больницу в ноябре 1910 г. Констанция Ивановна Сосновская (Сакульская) окончила Гродненскую акушерскую школу и работала в больнице с января 1911 г.⁴⁸ Распределение обязанностей, по-ви-

⁴³ ГАСО, ф. 249, оп. 1, ед. хр. 28 («Требовательная ведомость Сычевской уездной земской управы на отпуск денег на содержание служащих Сычевского земства за октябрь месяц 1917 г.»).

⁴⁴ ГАСО, ф. 7, оп. 3, ед. хр. 59 («По удовлетворению вознаграждений врачам резерва 3 сентября 1916-го—11 июня 1918 г.»).

⁴⁵ См.: Земско-медицинский сборник. М., 1894. С. 13.

⁴⁶ Труды 14-го съезда... С. 223.

⁴⁷ ГАСО, ф. 1 (канцелярия смоленского губернатора), оп. 6, ед. хр. 7 («Отчет о состоянии народного здоровья и организация врачебной помощи населению за 1916 г.»).

⁴⁸ Источниками сведений о медицинском персонале больницы послужили воспоминания бывших работников, а также: Труды 14-го съезда... С. 224; Памятная книжка Смоленской губернии на 1915 г. ... С. 174; *Острогорский М. Юридический календарь на 1917 г.: В 2 ч. Пг., 1917. Ч. 2. С. 267.*

димому, было следующим. Б. Нурок возглавлял общее руководство больницей и проводил наиболее сложные хирургические операции. М. Булгаков вел работу в двух отделениях. Н. Тихомиров заведовал хирургическим и родильным отделениями. Ему помогала акушерка К. Сосновская.

Находилась больница на краю города, в северной его части, неподалеку от вокзала Московско-Брестской железной дороги, по линии Московской улицы и занимала значительную площадь. В рассказе «Морфий» эта подробность (близость к вокзалу) обыграна: «...недалеке призывно пересвистывались московские поезда». Основные здания больницы («одноэтажные корпуса больницы» — по рассказу «Морфий»), включая и подсобные помещения, были выстроены из дерева в течение 1896 г. Это — амбулатория с квартирой второго врача больницы, в которой жили Булгаковы. Рядом стояли инфекционный барак, хирургический барак (в нем имелось помещение для больных сифилисом), квартира старшего врача, здание для фельдшеров, летний хирургический барак постройки 1906 г., здание конторы, часовня для умерших, изба для вскрытия трупов и пр. Каменных строений было всего три: ледник, прачечная и водокачка.⁴⁹

Булгаков занимал с женой квартиру из трех скромно обставленных комнат. Рядом, в доме фельдшеров, жили В. И. Чоп, К. И. Сосновская и другие служащие. До наших дней сохранилась лишь часть каменных строений, значительно перестроенных. Практически прежней больницы нет. На ее месте сейчас стоит ведомственная больница для железнодорожников (улица Ленина, 71).

Вяземская городская земская больница в то время обслуживала население города и нескольких ближайших к нему волостей (Ямской, Новосельской, Федоровской, Чепчуговской, Юрневской) площадью в 420 кв. верст и населением в 26 662 человека.⁵⁰

Получилось так, что на меньшее количество населения по сравнению с населением, которое обслуживалось 3-м Никольским врачебным пунктом, здесь приходилось три врача. Обратимся вновь к рассказу «Морфий»: «Я почувствовал себя впервые человеком, объем ответственности которого ограничен какими-то рамками. Роды? Пожалуйста, вон — низенький корпус, вон — крайнее окно, завешанное белой марлей. Там врач-акушер, симпатичный и толстый, с рыженькими усиками и лысоватый. Это его дело. Сани, поворачивайте к окну с марлей! Осложненный перелом — главный врач-хирург. Воспаление легких? В терапевтическое отделение к Павлу Владимировичу. О, величественная машина большой больницы на налаженном, точно смазанном ходу! Как новый винт по заранее взятой мерке, и я вошел в аппарат и принял детское отделение. И дифтерит, и скарлатина

⁴⁹ Труды 14-го съезда... С. 221—222.

⁵⁰ Там же. С. 221.

поглотили меня, взяли мои дни. Но только дни. Я стал спать по ночам. . .».

Работать в таких условиях стало много легче. В письме к сестре Н. А. Земской от 3 октября 1917 г. Булгаков просит выслать ему книги по кожным и венерическим болезням.⁵¹ К этой же поре его врачебной деятельности следует отнести рассказ «Звездная сыпь».

Город Вязьма был невелик. Обычный старинный русский уездный город, главными достопримечательностями которого считались собор во имя Св. Троицы постройки XVII в., украшавший Соборную горку, многочисленные церкви, монастыри, памятники Отечественной войны 1812 г., гостинный двор. Выходила газета «Вяземская свободная мысль», действовал литературно-музыкально-драматический кружок, работал местный клуб, существовал в зачаточном состоянии Народный дом, в законсервированном виде — театр.

И все же это был город. Удивительно метко написал о нем сам Булгаков: «Что касается меня, то я, как выяснилось это теперь, был счастлив в 1917 году, зимой. Незабываемый, выжженный, стремительный год! Начавшаяся вьюга подхватила меня как клочок изорванной газеты и перенесла с глухого участка в уездный город. Велика штука, подумаешь, уездный город? . . . Уютнейшая вещь керосиновая лампа, но я за электричество! И вот, я увидел их вновь, наконец, обольстительные электрические лампочки! Главная улица городка, хорошо укатанная крестьянскими санями, улица, на которой, чаруя взор, висели — вывеска с сапогами, золотой крендель, красные флаги, изображение молодого человека со свинными и наглыми глазками и с абсолютно неестественной прической, означавшей, что за стеклянными дверями помещается местный Базиль, за 30 копеек бравший вас брить во всякое время, за исключением дней праздничных, коими избилует отечество мое. . . На перекрестке стоял живой милиционер, в запыленной витрине смутно виднелись железные листы с тесными рядами пирожных с рыжим кремом, сено устилало плошадь, и шли, и ехали, и разговаривали, в будке торговали вчерашними московскими газетами, содержащими в себе потрясающие известия. . . Словом, это была цивилизация, Вавилон, Невский проспект» («Морфий»).

Зимой город утопал в снегу. Казалось, что никогда не нарушится тишина в его добротных каменных домах, спрятавшихся за бесконечными заборами. Однако покоя не было, ощущалась близость фронта. Мимо Брестского вокзала непрерывно шли эшелоны. В городе росло число беженцев; он задыхался от обилия людей, которым надоело воевать, голодать, прятаться, бояться. (В «Сводке сведений о настроении и событиях в частях Западного фронта с 14 по 21 октября», составленной 24 октября 1917 г., отмечалось: «. . . хуже других настроение в 263-м пе-

⁵¹ Письма М. Булгакова к родным // Вопр. лит. 1984. № 11. С. 203—204.

хотном запасном полку, что объясняется массовым прибытием с распределительных пунктов солдат почти раздетых и без обуви. В 305-м пехотном запасном полку отказались ехать на фронт кадровые солдаты»⁵²).

После 25 октября 1917 г. хозяином Вязьмы стал Военно-революционный комитет, возглавляемый большевиком Г. С. Овсяником. Комитет опирался в первую очередь на солдат 263-го и 305-го пехотных запасных полков, которые поддерживались рабочими-железнодорожниками. В городе толком ничего известно не было. В письме Татьяны Николаевны из Вязьмы к Н. А. Земской от 30 октября 1917 г. выражалось беспокойство по поводу событий в Москве, так как четыре дня Вязьма не получала газет.⁵³ 30 октября (ст. ст.) 1917 г. в городе установилась Советская власть.⁵⁴ Из появившихся в городе газет население Вязьмы узнало о создании «Временного рабочего и крестьянского правительства, которое будет именоваться Советом народных комиссаров». Из тех же газет стали известны первые декреты нового правительства о мире, о земле.

Осложнилось положение на Украине. Позиция ее правительства — Центральной Рады — по отношению к Совету народных комиссаров была резко враждебной. Для Булгаковых это могло означать большие затруднения, связанные с возвращением в Киев. В начале декабря Булгаков выехал в Москву с целью оформления своей демобилизации. Но исполнить задуманное ему тогда оказалось не по силам: «В начале декабря я ездил в Москву по своим делам — и с чем приехал, с тем и уехал. И вновь тяну лямку в Вязьме. . . Я живу в полном одиночестве. . . Зато у меня есть широкое поле для размышлений. И я размышляю. Единственным моим утешением является для меня работа и чтение по вечерам. . . Мучительно тянет меня вон отсюда в Москву или Киев, туда, где хоть и замирая, но все же еще идет жизнь. В особенности мне хотелось бы быть в Киеве!»⁵⁵

Правда, Булгаков сумел попасть в Саратов. В комментарии к вышеприведенному письму от 31 декабря 1917 г. Н. А. Земская пояснила, что Булгаков «проехал дальше на восток, в родной город его жены, чтобы повидаться с ее семьей и выполнить ее поручения к отцу и матери. Поездка была крайне трудна: транспорт был разрушен, с фронта хлынули толпы солдат, поезда осаждались толпами солдат и пассажиров. . .»⁵⁶

26 января 1918 г. революционными войсками под командованием М. А. Муравьева был взят город Киев. Гражданская

---

⁵² См.: Революционное движение в русской армии. 27 II—24 X 1917 г. Сб. документов. М., 1968. С. 539.

⁵³ Русская мысль. Париж, 1969. 22 мая.

⁵⁴ См.: Установление и упрочение Советской власти в Смоленской губернии в 1917—1918 гг. Сб. документов. Смоленск, 1957. С. 160, 359.

⁵⁵ Письмо М. А. Булгакова от 31 декабря 1917 г. См.: Чудакова М. О. К творческой биографии. . . С. 234; Вопр. лит. 1984. № 11. С. 204.

⁵⁶ Чудакова М. О. К творческой биографии. . . С. 234.

война в России стала фактом. В подобной ситуации нетрудно представить настроение Булгаковых. Т. Н. Кисельгоф вспоминала (июнь 1975 г.): «... в Вязьме пробыли недолго... Уехали, торопились попасть в Киев». В феврале Булгаков снова появляется в Москве, и ему удается получить документ о демобилизации «по болезни». «Удостоверение» № 11812 от 19 февраля⁵⁷ 1918 г. было выдано Уездным воинским революционным штабом. Сестра писателя В. А. Карум сообщала в своем письме из Москвы Н. А. Земской 19 февраля 1918 г.: «У нас Миша. Его комиссия по болезни освободила от военной службы».⁵⁸

По воспоминаниям знакомых Булгаковых, в период его работы в Вяземской больнице Михаил Афанасьевич часто отлучался из города, и тогда молодежь собиралась у Татьяны Николаевны скоротать вечерок. Пели песни, танцевали.⁵⁹

К последним документам, относящимся к врачебной деятельности Булгакова, относится талон (ассигновка № 301), по которому он 27 января 1918 г. получил 316 р. 75 к.⁶⁰ Вернувшись в Вязьму, Булгаков 22 февраля 1918 г. получил необходимое удостоверение:

«Дано сие удостоверение из Вяземской уездной земской управы временно командированному Смоленской земской управой, согласно отношения ея от 20-го сентября 1917 года за № 1301, в распоряжение Вяземской уездной земской управы врачу резерва Михаилу Афанасьевичу Булгакову, уволенному с военной службы по болезни, согласно удостоверения о том Московского уездного воинского революционного штаба по части запасной от 19-го февраля 1918 года за № 11812, в том, что он, Булгаков, состояв в должности врача Вяземской городской земской больницы, заведовал инфекционным и венерическим отделениями и исполнял свои обязанности безупречно».⁶¹

Имея такой документ, нужно было уезжать. И как можно быстрее. Украина все дальше и дальше отходила от Советской России. В соответствии с мирным договором, заключенным правительством Украинской Народной Республики с правительствами воюющих держав (Германия, Австро-Венгрия, Болгария, Турция) 9 февраля 1918 г. в городе Брест-Литовске, немецкие войска вступили в пределы Украины.⁶²

В советский Киев Булгаковы отправились из Москвы санитарным поездом. «Ехали, — по словам Т. Н. Кисельгоф (июнь 1976 г.), — через Москву, последним поездом на Украину». Знав-

⁵⁷ С 14 февраля 1918 г. все даты приводятся по новому стилю.

⁵⁸ Чудакова М. О. К творческой биографии... С. 234.

⁵⁹ Запись беседы автора с А. Ф. Штраних и бывшими работниками Вяземской больницы В. И. Иасоновой и И. И. Иасоновым.

⁶⁰ ГАСО, ф. 7, оп. 3, ед. хр. 59 («По удовлетворению вознаграждений врачей резерва 3 сентября 1916—11 июня 1918 г.»).

⁶¹ ИРЛИ, ф. 369, ед. хр. 521.

⁶² См.: Советско-германские отношения от переговоров в Брест-Литовске до подписания Рапалльского договора. Т. 1. 1917—1918. Сб. документов. М., 1968. С. 298—308.

шая их по Вязьме А. Ф. Штраних добавила, что уезжали Булгаковы на родину накануне весны, на санях-розвальнях. Вернулись они почти одновременно с приходом немецких войск в Киев. В конце февраля 1918 г. обороной города по поручению Народного секретариата Украины командовал А. В. Павлов. «Штаб обороны, — вспоминал В. А. Малаховский, — расположился для удобства связи и сообщения на пассажирском вокзале, куда перешел, ожидая эвакуации, и Народный секретариат Украины. . . На Киевском пассажирском вокзале я застал только штаб обороны с небольшими силами красногвардейцев. Выделенный для эвакуации штаба поезд уже стоял у перрона под парами. Он двинулся последним, с потушенными огнями, тихо, будто ощупью. Путь наш лежал через Полтаву на Харьков».⁶³

Т. Н. Кисельгоф вспоминала (июнь 1976 г.): «. . . в Киеве при нас вошли немцы». В очерке «Киев-город» занятие города немцами воспроизведено так: «. . . железные немцы в тазах на головах, явились в Киев с фельдмаршалом Эйхгорном и великолепными туго завязанными обозными фурами»; в романе «Белая гвардия»: «Но однажды, в марте, пришли в Город серыми шеренгами немцы, и на головах у них были рыжие металлические тазы, предохранявшие их от шрапнельных пуль. . .».

Началась нелегкая полоса киевской жизни Булгакова.

Л. Ф. Ершов

РАННЯЯ САТИРА МИХАИЛА БУЛГАКОВА

В работе «Советская сатирическая проза 20-х годов» (1960) автор данной статьи одним из первых в послевоенные годы пытался определить место сатиры Булгакова в общем литературном процессе. К сожалению, некритическое отношение к нигилистическим суждениям предшественников 20—30-х гг. привело к неверным оценкам повестей «Дьяволиада» и «Роковые яйца». Последовавшая затем публикация таких крупных произведений Булгакова, как «Мастер и Маргарита» и «Собачье сердце», общий прогресс литературоведения открыли новые возможности для характеристики сатирического наследия художника. Не случайно уже во второй половине 70-х гг. автором был дан уточненный в ряде случаев анализ ранней сатиры М. Булгакова.

1

Сегодня, когда появилась наконец возможность изучать литературное наследие таких художников, как М. Булгаков, А. Платонов, Е. Замятин, в полном объеме, иными становятся научные

---

⁶³ Октябрь на фронте: Воспоминания. М., 1967. С. 178.

подходы к творчеству этих писателей; иной вырисовывается и общая историко-литературная ситуация 20-х гг.

У поколения писателей, вступившего на литературное поприще незадолго до Октябрьской революции или в первые ее годы, раскрывались особые творческие горизонты. Подумать только, ведь им предстояло постигать и изображать события, которых еще не знала история. Тут и переворошенный до основания мир общественных отношений, и мучительно-трудное, противоречивое становление нового. Тут соблазнительная возможность стать певцом и трубадуром огненных зорь и нелегкая участь социального диагноста, никогда, нигде, ни при каких обстоятельствах не изменяющего правде сурового времени. Именно правде, а не ее подобию, не достоверности, что дается нелицеприятным изучением жизни, горьким опытом служения истине.

Три крупнейших сатирика первой половины 1920-х гг. — Михаил Зощенко, Евгений Замятин (роман-памфлет «Мы», — 1920) и Михаил Булгаков — выбрали три пути, соответствовавшие духу их дарований, и три преимущественные сферы критического исследования. У Зощенко многое было связано со сферой быта. Второго — привлекала область социологии и политики. Третьего волновали вопросы судеб культуры и нравственности в круто изменившемся мире.

Если непосредственные предшественники Е. Замятина (Н. Федоров, «Вечер в 2217 году», 1906; А. Богданов, «Красная звезда», 1908) создавали утопические произведения, то в романе «Мы» реализован жанр негативной утопии, антиутопии. И в соответствии с этим фантастический сюжет дополняется сатирической экспрессией. Ирония, пародия, скепсис пронизывают все повествование.

Роман Е. Замятина «Мы» — блистательная, полная ядовитой иронии пародия на казарменный социализм и на отдельные теоретические откровения пролеткультовских деятелей. Автор подробно описывает уклад Единого Государства, его математически выверенный, строго рациональный образ жизни, где начисто вычеркнуты эмоции. Прежние цивилизации свергнуты и заменены машинизированным, геометрически расчерченным существованием. Здесь торжествует «великая, божественная, точная, мудрая — мудрейшая из линий. . .».¹ Все жители Единого Государства разнятся только профессиями, но как личности стерты до неузнаваемости и потому отмечены лишь бляхами с буквенно-цифровыми индексами. Эта унификация распространилась и на природу, даже небо здесь «стерильное, безукоризненное» (с. 131).

Русская и мировая сатира уже знала близкие этому художественные решения. Мотивы сатирической антиутопии отчетливо просвечивают в «Истории одного города» М. Е. Салтыкова-Щедрина. Одному из наиболее зловещих порождений щедринской

---

¹ Замятин Е. Мы // Знамя. 1988. № 4. С. 130. В дальнейшем ссылки на это издание в тексте.

фантазии Угрюм-Бурчееву социальное общественное устройство рисовалось в виде казармы. Истинная гармония, по его градоначальническому разумению, лежала на пути «сочетания идеи прямолинейности с идеей всеобщего осчастливления». «Начертавши прямую линию, он замыслил втиснуть в нее весь видимый и невидимый мир. . .»²

Е. Замятин откровенно пародирует на страницах романа «Мы» вульгарно-упрощенческие домыслы одного из виднейших теоретиков Пролеткульта А. Гастева, который в своих трудах 1919—1920-х гг. вполне серьезно утверждал, что в недалеком будущем индивидуально-неповторимое, психологическое содержание будет вытеснено индустриально-машинизированным сознанием. В арсенале этого неслыханного «комбинированного искусства» будут прежде всего «технизированные слова», отделенные от живого их носителя-человека, «отступят на задний план чисто человеческие демонстрации, жалкие современные лицедейства и камерная музыка».³ Перспектива развития такого рода искусства, превращающего пролетария в «социальный автомат», прочерчивалась с подкупающей прямолинейностью: «Мы идем к невиданно объективной демонстрации вещей, механизированных толп и потрясающей открытой грандиозности, не знающей ничего интимного и лирического».⁴ Следовательно, утверждает А. Гастев, появится возможность классификации «отдельной пролетарской единицы как А, В, С или 325, 075 и т. д.»⁵

В романе-памфлете «Мы» (как это и положено произведению такого жанра, где в центре коренные проблемы, касающиеся будущего человечества, его политического и государственного устройства) поставлены глобальные социальные вопросы, возникающие с неизбежностью после неслыханных войн и небывалой революции. Под эгидой Единого Государства осуществлена мечта наиболее рьяных пролеткультовцев — истреблены все признаки духовного, культурного наследия прежних цивилизаций. Кроме промышленно-технических.

Автор приглашает своих читателей задуматься над последствиями торжества плоских социологических схем, сверхр-р-революционных деяний. Он заклинает не предавать забвению достижения гуманистического разума и общечеловеческой культуры. Иначе даже в супертехницизированном мире нет гарантии от самого жестокого и бесчеловечного варварства. В Едином Государстве, для того чтобы повелевать миллионами, их лишали эмоций, фантазии, души, превратив в обезличенные «нумера».

Некогда пифагорейцы мечтали о том, чтобы с помощью цифр, ставшей универсальным философским камнем, расколоть все сущее. Им виделось торжество цифири во всем; это и представля-

² Салтыков-Щедрин М. Е. Полн. собр. соч. Л., 1934. Т. 9. С. 407.

³ Гастев А. О тенденциях пролетарской культуры // Пролетарская культура. 1919. № 9—10. С. 45.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 44.

лось высшей гармонией, музыкой небесных сфер. К счастью, долгое время чистая и невинная утопия древних не имела никаких социальных последствий.

У Е. Замятина пролеткультовские догмы оживают, воплощаются в некий паноптикум наукообразных уродств. Один из персонажей романа — верховный вождь Единого Государства Благодетель — говорит, что «истинная, алгебраическая любовь к человечеству — непременно бесчеловечна, и непреходящий признак истины — ее жестокость».⁶ В царстве «винтиков» свои принципы, где размыты критерии добра и зла, где вездесущей полезностью раздавлены красота и поэзия. При этом Благодетель утверждает, что его подданные уже реализовали древнюю мечту о райской жизни: «Вспомните: в раю уже не знают желаний, не знают жалости, не знают любви, там — блаженные с оперированной фантазией. . .» (№ 5, с. 146).

На деле же окаменело-райское существование оборачивается для пигмеев-обывателей злым фарсом. Это и есть исполнение задачи сатирика — приведение теоретического бреда к ироническому абсурду.

Человеческая жизнь, по Замятину, — неприкосновенная ценность. А как быть, если личность начисто стерта, если вместо нее бляха нумер такой-то? Но все равно человекоубийство остается человекоубийством. И здесь опять возникает переключка с Щедриным. Однако если в «Истории одного города» незадачливого Ивашку или беспутную Клементинку грубо хватали и бросали с раската, то у Е. Замятина провинившегося номера деликатно препровождают в безукоризненно стерильное Операционное, где бесшумно и почти безболезненно отделяют голову от тела.

Щедринские традиции прочитываются и там, где речь идет о регламентации всего жизненного устройства в Едином Государстве. Отличия, конечно же, есть, но они не принципиального порядка. В «Истории одного города» «нивелляторство» представлено в широком ассортименте и отмечено, говоря щедринским словом, «разнообразием мероприятий»: «Были нивелляторы „хождения в струне“, нивелляторы „бараньего рога“, нивелляторы „ежовых рукавиц“ и проч. и проч.».⁷

В романе «Мы» все приведено к единому знаменателю. Здесь ни рядовым номерам, ни строителям «Интеграла», ни даже самому Благодетелю не отпущено ни одной «задоринки» или подобия индивидуальной черточки. По всем равно проехался паровой каток машинной цивилизации: вместо иконы у каждого на стене висит Расписание — осколок Скрижали Плановости.

Благодетель как о великой победе светлой мечты над тяжелой явью вещает: «О чем люди молились, мечтали, мучались? О том, чтобы кто-нибудь раз навсегда сказал им, что такое счастье — и потом приковал их к этому счастью на цепь. . .» (№ 5, с. 146).

⁶ Замятин Е. Мы. Нью-Йорк, 1952. С. 184.

⁷ Салтыков-Щедрин М. Е. Полн. собр. соч. Т. 9. С. 406.

А вот автор позитивной сутью своего повествования утверждает: инакомыслие не должно преследоваться, святые идеалы не утверждаются насилием, на крови не построишь светлого храма.

Один из чутких и внимательных наблюдателей литературного процесса 20-х гг. А. К. Воронский свою статью о Е. Замятине начал такими словами: «На примере Замятина прекрасно подтверждается истина, что талант и ум, как бы ни был ими одарен писатель недостаточны, если потерян контакт с эпохой, если изменило внутреннее чутье и художник или мыслитель чувствуют себя среди современности пассажирами на корабле либо туристами, враждебно и неприветливо озирающимися вокруг».⁸

Есть в этой статье оценки и посуровее, связанные с характеристикой романа «Мы».

Надо сказать, что неприятие, отвержение, более того — плотная завеса враждебности, окутывавшая имя большого русского писателя, объяснялись тем, что долгие годы продолжалось полное непонимание сути главного произведения Е. Замятина. А ставил он такие проблемы, которые действительно не контактировали с переживаемой эпохой, ибо опережали ее на десятилетия.

Как соотносятся между собой гуманизм и фанатизм? Как сделать так, чтобы «огненный Тамерлан счастья» (с. 164) не возродил худшие времена инквизиции? Вот какие тревожные вопросы роились в сознании автора романа «Мы», который видел, как обрушилось царство тех, кто эксплуатировал массы. Но как бы в итоге не получилось подавления личности во имя безликой и покорной ко всему массы.

В романе «Мы» подвергаются смелому, решительному пересмотру многие актуальные лозунги времени. Здесь художник уступает место общественно-политическому диагносту, мыслителю, для которого фантастический сюжет, сочетающийся с приемом «интегрирующего образа» (Е. Замятин), и служит цели социального прогноза. Публицистические, памфлетные краски определяют все. Отсюда стремительное развитие фабулы в ущерб разворачиванию характера, жестковатая условность письма, скромная рельефность повествования, лишенного подтекста, былой сочности языка и привычной пластики.

Идеи уравнительного коммунизма и Замятин — чуждые понятия. Он тяготеет к гуманизму общечеловеческого типа, для него важна судьба любой личности в обществе. Позиция Замятина близка к гуманизму автора «Бесов». Но он — писатель нового, XX столетия. Вот почему в романе «Мы», говоря словами его же автора, сказанными о горячо любимом им Г. Уэллсе: «... рядом: математика и миф, физика и фантастика, чертеж и чудо, пародия и пророчество, сказка и социализм».⁹

⁸ Воронский А. Избранные статьи о литературе. М., 1982. С. 119.

⁹ Замятин Е. Герберт Уэллс. Пг., 1922. С. 21.

Финал романа «Мы» пронизан безнадежностью и скепсисом. Попытка разбить хрустальную тюрьму и соединиться с простым неразграфленным и нерасчисленным миром за Зеленой Стеной завершается крахом. Тут ощутимы пессимистические ноты, которые ряд лет спустя будут определять тональность других романов-антиутопий, созданных уже не в нашей стране, а в Западной Европе и Америке (О. Хаксли, Дж. Оруэлл, Р. Брэдбери и др.).

Е. Замятин опередил на десятилетия движение мировой общественно-эстетической мысли. Четыре проблемы в центре внимания автора романа «Мы»: государство и личность, машинная и человеческая цивилизация, революция и культура, судьбы общечеловеческих и национальных ценностей. И по многим из них — прозорливые, провидческие решения.

В статье А. К. Воронского о Е. Замятине присутствовало утверждение, что у писателя «подход к революции созерцательный, внешний»;¹⁰ что роман «Мы» «пропитан неподдельным страхом перед социализмом».¹¹

Но это обвинение рушится перед лицом непредвзятой истины истории. Е. Замятин силой художественного гения провидел такие времена, когда вульгарное упрощенчество может одолеть истинную человечность. Его пером водило опасение, что вместо обычного — нелегкого и противоречивого, горького и радостного человеческого счастья народу будет преподнесен его суррогат, эрзац в ультрареволюционной упаковке. Е. Замятин раскрывал механику деспотизма власти, унификации личности перед лицом канона, превращения быта в ритуальное действие, но не освященное высокой целью, а исковерканное злой и низменной волей догмы, предписания, приказа. То есть предупреждал об опасности грядущей империи страха.

Иной бастион для своей атаки избрал Михаил Зощенко. То, с чего начинал в своем «Уездном» Е. Замятин, как бы продолжил автор «Старухи Врангель», «Рыбьей самки», «Бани» и «Аристократки», переселив прежних персонажей из провинции на столичные мостовые. Это — крепость мещанства и обывательщины, которая оказалась крепким орешком.

Тематика зощенковских рассказов первой половины 20-х гг. пестра и разнообразна: беспорядки на транспорте и в коммунальных учреждениях, гримасы нэпа и канцелярская волокита, спесивое помпадурство и стелющееся лакейство и многое, многое другое. Несоответствие между действием и его причиной, разрыв связи между причиной и следствием — традиционный источник комического. Но сатирику этого мало. Ему надо уловить характерный для данной среды и эпохи тип конфликтов и передать их средствами комического искусства. У Зощенко главенствует мотив разлада, житейской нелепицы, трагикомической несогласованности героя с темпом, ритмом и духом времени.

¹⁰ Воронский А. Избранные статьи о литературе. С. 137.

¹¹ Там же. С. 133.

Все в мире, где обитает зощенковский персонаж, странно сдвинуто: и «жертва» и «победитель», и потерпевший и выигравший чувствуют себя равно обиженными, жалуются на «трудную жизнь». Порой зощенковскому герою очень хочется идти в ногу с прогрессом, и поспешно усвоенное, «современное веянье» кажется ему образцом органичного вживания в пореволюционную действительность. Отсюда пристрастие к модным именам и политической терминологии, стремление утвердить свое «пролетарское» нутро грубостью, невежеством, хамством. Здесь сатирик раздвигает рамки бытовой темы, поднимается до значительных обобщений.

Новаторство Зощенко началось с открытия героя, который, по словам писателя, «почти что не фигурировал раньше в русской литературе»,¹² а также приемов комической маски, посредством которой раскрывались закулисные стороны жизни. Большой мастер сказа, к которому ни Замятин (роман «Мы»), ни Булгаков не прибегали, Зощенко с его помощью проникает в святая святых мещанина, невольно разоблачающегося в своих монологах.

Эта умелая мистификация достигалась манерой повествования от имени рассказчика, мещанина, который не только опасался открыто декларировать свои воззрения, но и старался нечаянно не дать повода для возбуждения о себе каких-либо предосудительных мнений. Сказ для Зощенко универсальное средство, с его помощью он лепит характер, строит сюжет, тклет замысловатое полотно повествования.

Мировосприятие Зощенко обусловило и своеобразие его юмора: под маской веселого часто проглядывает печальное, у зощенковского смеха нередко заплаканные глаза. Насквозь ироничен юмор в рассказах «Счастье», «Любовь», «Легкая жизнь», «Приятная встреча», «Честный гражданин», «Богатая жизнь», ибо речь в них шла о прямо противоположном тому, что было провозглашено в заголовке.

Сильный личностно-субъективный тон в новеллах Зощенко не укладывался в схему чеховского рассказа, в котором значительная роль принадлежала бытовым деталям, переливам чувств и скрытых душевных движений, наконец, пейзажу, либо как средству социального обобщения, либо как приему выражения человеческих настроений. У Зощенко рассказ одновременно и более обнаженный, «голый» (детали быта и тем более пейзаж не должны затемнять скелета анекдота), и несравненно менее психологичный (комическое достигается сказом, а не раскрытием внутренних противоречий между тем, что думает и как поступает человек). Новелла Зощенко стала ярким и своеобразным явлением прозы 20-х гг., ибо раскрывала неведомые ранее черты комического героя и утверждала оригинальную поэтику малого сатирико-юмористического жанра.

¹² Зощенко М. О себе, о критиках и о своей работе // Михаил Зощенко: Статьи и материалы. Л., 1928. С. 8.

Богатство и многоцветье жанровых форм сатиры — свидетельство расцвета искусства обличения смехом в начале 20-х гг. Тут и роман-памфлет, и сказовая новелла, и, наконец, особая форма рассказа-повести, которую избрал для себя Михаил Булгаков. Концептуальные начала, оплодотворявшие раннюю сатирическую прозу М. Булгакова, ближе всего к позициям Е. Замятина. Автор повестей «Дьяволиада» (1923), «Роковые яйца» (1924) и «Собачье сердце» (1925) говорит о пореволюционной эпохе с точки зрения общечеловеческого идеала, с вышки большой истории страны, народа, его культуры. Так же как и его старшему современнику, М. Булгакову присуще бесстрашие мысли, глубокий анализ, стремление дойти до корня тех явлений, которые ему представляются вредными, пошлыми, уродливыми, унижающими достоинство человека.

Для изображения бытовых недоразумений, коммунальных неурядиц, анекдотических квипрокво достаточно было зощенковского шаржа. Мир, в котором действуют персонажи М. Булгакова, подчиняется законам иных измерений. В центре внимания писателя не быт, а бытие. Вот почему здесь на первом плане гротеск и фантасмагория.

Пять первых лет московской жизни М. Булгакова (1921—1925) оказались на редкость плодотворными. Написаны и опубликованы роман «Белая гвардия», серия сатирических повестей и рассказов, множество фельетонов. 20 апреля 1925 г. известный в литературных кругах тогдашней Москвы партийный деятель и руководитель издательства «Недра» А. С. Ангарский в ответ на восторженное письмо М. Волошина о «Белой гвардии» писал: «Булгаков прочел Ваш отзыв о нем и был весьма польщен. Я не согласен с Вами в оценке его романа: роман слаб, а сатирические рассказы хороши, но проводить их сквозь цензуру очень трудно».¹³

Оставим на совести автора этого мнения неверную оценку достоинств «Белой гвардии». Здесь могли быть привнесены и внелитературные соображения. Что же касается суждения об обличительном пласте в творчестве писателя, то оно весьма показательно. Тем более что в том же 1925 г. именно в «Недрах» была издана первая и последняя при жизни Булгакова книга сатирических повестей и рассказов.

Если в «Белой гвардии» и «Беге» он показывал лагерь, противостоящий революции, как бы с того же берега, то уже в ранней сатирической прозе происходит решительная переориентация точки зрения. Здесь чуждый революции «антимир» изображен с позиций передового социального идеала. Отсюда такая энергия, сила и мощь отрицания, заложенная в подкладке его обличительных произведений. В первой половине 20-х гг. формировалась особая поэтика булгаковской сатиры, основы ее гротескно-фантасмагорического изображения действительности, ко-

¹³ Цит. по: Чудакова М. Последействие // Знамя. 1987. № 6. С. 137.

торое впоследствии получит широкое распространение во всем его творчестве.

Большинство фельетонов М. Булгакова опубликовано в 1923—1926 гг. на страницах газеты «Гудок». Эта газета объединила многих талантливых мастеров сатирико-публицистического жанра: В. Катаева и Ю. Олешу, И. Ильфа и Е. Петрова. Из произведений этих авторов — в ту пору преимущественно юмористов — фельетон М. Булгакова сразу выделился своей обостренной философичностью и резкой, порой саркастически-язвительной насмешкой.

Для писателя не существовало мелких тем. Его тревожило все, что задевало производителя материальных благ, рядового труженика, — будь то дрянные сапоги, всученные через рабочий кредит («Сапоги-невидимки», — «Гудок», 1924, 15 июля), или никудышная торговля в глубинке, где покупателю предлагали лишь корсеты и омаров («Торговый дом на колесах», — «Гудок», 1924, 23 марта), будь то рукоприкладство как средство решения служебных конфликтов («Кулак бухгалтера», — «Гудок», 1925, 9 августа) или просто грубость начальника («Чемпион мира. Фантазия в прозе», — «Гудок», 1925, 25 декабря). Сцепщик, стрелочник, младший агент охраны, машинистка, курьерша — вот кого защищает от проявлений сановного равнодушия и административного восторга фельетонист «Гудка». На грустные раздумья наводит фельетон «Три копейки» («Гудок», 1924, 3 сентября). Здесь внешне спокойно-будничным тоном повествуется о том, как стрелочник станции Орехово вместо положенных 25 р. 80 к. получил на руки всего лишь три копейки месячного жалования. Сухой перечень бесчисленных вычетов действует на сознание читателя сильнее, чем гневная инвектива.

Вместе с тем М. Булгаков — сатирик и диагност общественных пороков широко пользуется такими крайними средствами заострения сатирической мысли, как гипербола и гротеск. В фельетоне «Приключения покойника» («Гудок», 1924, 27 июня) рабочий, умерший от скоротечной чахотки, удостоивается ласкового приема у начальника лишь на том свете. Герой вспоминает, что ему причитается для поездки в Москву на рентген бесплатный билет, который он, пока был жив, так и не смог получить. И вот, будучи уже в гробу, покойник решается отправиться за билетом. Начальство без проволочек выписывает трупу место в мягком международном вагоне.

— Покорнейше благодарим. Позвольте руку пожать.

— Нет уж, рукопожатия отменяются!

— Иди, голубчик, умоляю тебя, иди скорей! Курьер, проводи товарища покойника».¹⁴

М. Булгаков весьма искусно строит свои фельетоны, стилизуя их под новеллу, страничку из дневника или протокола, использует форму письма, диалогическую сценку и т. п. На узкой

¹⁴ Гудок. 1924. 27 июня.

площадке фельетона часто разыгрываются комические сценки, а порою все произведение строится целиком как пьеса («„Ревизор“ с вышибанием. Новая постановка», — «Гудок», 1924, 24 декабря; «По телефону. Пьеса», — «Гудок», 1924, 30 декабря, и др.). В фельетоне «По телефону» список действующих лиц включает «Голос станционного чина», «Голос барышни», «Голос горничной», «Голос чужой жены», «Загробный голос», «Голос мужа».

Если у Зошенко наряду с другими формами вводился и диалог, то у Булгакова он начал выполнять функцию несущей сюжетно-композиционной конструкции. Это и понятно, ибо драматическая природа дарования фельетониста не могла не проявить себя. Вот почему фраза Булгакова упруга и динамична, порок не просто обозначен, но очерчен в ходе развития фельетонно-комедийной интриги. Отрицательный персонаж раскрывается не только сам по себе, но и, будучи отраженным как бы в серии гиперболических зеркал в деяниях себе подобных, вырастает в значительное сатирическое обобщение.

Параллельно с фельетоном писатель пробует свои силы и в жанре рассказа, повести. Здесь-то, пожалуй, наиболее полно раскрылись особенности его комического дарования. При этом, как и в фельетонах, щедро проявляется искусство фабульно-композиционного построения. В сборнике «Дьяволиада» (1925) помещены беллетристические произведения с самыми разными видовыми уточнениями: повесть, 6 картин вместо рассказа, поэма в 2-х пунктах с прологом и эпилогом.

Если в своей обычной (несатирической) прозе М. Булгаков на редкость психологичен и необычайно дорожит бытовой реалистической деталью (порой вырастающей до символа), то как писатель-сатирик он работает в совершенно иной — парадоксально-гротесковой манере. Границы реального и призрачного все время нарушаются, одно переходит в другое, смещаются видимое и невидимое, сон и явь. Приемы масок, двойничества, быстрых перевоплощений, порой откровенной буффонады определяют манеру повествования. Вместо углубленного драматизма — комическая утрированность, плакат и шарж при воссоздании внутреннего мира героя. Место духовной эволюции заняли моменты зловещих трансформаций, смены масок.

Именно так во многом построена повесть «Дьяволиада». Фабула ее несложна: в некоем Главцентрбазспимате (Главная Центральная База Спичечных Материалов) делопроизводитель Коротков допускает оплошность: перепутал фамилию нового начальника Кальсонера с кальсонами и жестоко за это поплатился. Неправедливо и беспешное отстранение от должности воспринимается Коротковым не просто как чрезмерно тяжелое, но и унижающее наказание. Этим и продиктована его незаурядная активность в поисках неизменно ускользающего Кальсонера, чтобы не просто восстановиться в должности, но и восстановить незаконно нарушенную справедливость. Наивный Коротков еще не

знает, что там, где властвует бюрократ, не только нет места демократии, но начинается царство абсурда.

В глазах автора «Дьяволиады» бюрократизм не преходящее явление, а одно из коренных, сущностных начал всякой административной системы. Поэтому в отличие от большинства обличителей той поры, исповедовавших слишком оптимистические взгляды, толковавших бюрократизм всего лишь как печальное наследие свергнутого режима, остатки коего еще ютятся в недрах плохо проветриваемых канцелярий, М. Булгаков подходил к этому явлению как вдумчивый социолог-философ. Он рассматривал схватки здравого смысла и бюрократических ухищрений на перекрестке тех координат, которые завещала большая этическая мысль прошлого, в рамках борения вечных категорий добра и зла, света и тьмы, праведного и сатанинского начал. В сознании писателя, свободно оперировавшего знаниями в области мифологии и основных мировых религий, все враждебное истине и добру могло признаваться (как философско-художественное допущение) делом рук дьявола — духа злобы, представителя зла и тьмы. Тем более что все это шло в русле разветвленной европейской литературной традиции от Гёте и Байрона до Н. Гоголя, Ф. Достоевского и «Мелкого беса» Ф. Сологуба.

Скажем, Кальсонер нередко предстает перед изумленным Коротковым под разными личинами: то это обладатель лысого как яйцо черепа и лица «иссиня бритого», то его физиономию украшает «длинная ассирийско-гофрированная борода», а звучание голоса меняется от кастрюльного грохота до нежно-тенорового пьяннессимо. На самом деле эти два Кальсонера — близнецы. Но в измученном бесконечной гонкой сознании Короткова этот факт воспринимается раздвоением личности, магическим оборотничеством, наваждением с целью обмана. Это и не случайно. На глазах у Короткова, как это случалось со щедринскими градоначальниками, «люстриновые старички» могут летать по воздуху, а статуя Яна Собесского оживает и становится рядовым клерком с вполне пролетарской фамилией «Соцвосский».

Одна из глав «Дьяволиады» называется «Машинная жуть». В изображенном здесь фантазмагорическом учреждении, где летают по воздуху люстриновые старички, а из ящика письменного стола выскакивают как чертики из табакерки секретари в крахмальных воротничках, хозяйничает некий «изящный блондин в синем костюме». В его утомленном административными усилиями мозгу несколько машинных блоков, прокручивающих одни и те же мотивы, напоминающие изречения щедринского Органчика: «Товарищ! Без истерики. Конкретно и абстрактно изложите письменно и устно, срочно и секретно — Полтава или Иркутск? Не отнимайте время у занятого человека! По коридорам не ходить! Не плевать! Не курить! Разменом денег не затруднять!».¹⁵ А люстриновый старичок даже Библию приспособил

¹⁵ Булгаков М. Дьяволиада. М., 1925. С. 35.

к бюрократическому канону: «Сказано в заповеди тринадцатой: не входи без доклада к ближнему твоему. . .».¹⁶

В кабинете у «страшного Дыркина» Коротков в ярости лупит хозяина канделябром, а потом бьет и по часам: «Они ответили громом и брызгами золотых стрелок. Кальсонер выскочил из часов, превратился в белого петушка с надписью „исходящий“ и юркнул в дверь».¹⁷ Погоня Короткова за неуловимым Кальсонером и на сей раз разрешается ничем: «Белый петушок провалился сквозь землю, оставив серный запах. . .».¹⁸

Появление дьявольской силы, бесовского наваждения связано с запахом серы, который трижды возникает в повести. Первый раз он появляется в комнате Короткова, тщетно пытающегося зажечь дрянные спички производства Спимата, где сидит Кальсонер. Но тут этот запах правдоподобен и реалистически мотивирован. Совсем другое дело, когда уже в Центроснабе, куда устремился за удравшим Кальсонером Коротков, злосчастный герой встречается с неким таинственным «люстриновым старичком в синих очках и огромным списком в руках».¹⁹ Внезапно старичок исчезает, как видение, оставляя после себя запах серы: «В полутьме пахло чуть-чуть серой».²⁰ И наконец, в третий раз уже на месте исчезнувшего Кальсонера остается «серный запах».

В тех случаях, когда истощается дьявольская выдумка на фантастические ухищрения, все усилия Короткова разбиваются о надолбы из бетонных стереотипов Кальсонера: «Без доклада не входить», «Поздно, товарищ, в пятницу», «Товарищ, вы же видите, я занят?». Характерно, что Кальсонер может менять обличия, терять или приобретать ассирийско-гофрированную бороду, надевать ту или иную маску, но он никогда не расстается с символом власти — «черным блестящим портфелем».

Бедя не приходит одна. Лишившись места, Коротков утрачивает и вид на жительство, обворованный неким Колобковым в трамвайной давке. И тут разыгрываются поистине трагикомические истории. Потерпевший обращается за помощью в учреждение, расположенное в «небольшом здании неприятной архитектуры». Происходит показательный диалог между бедой и бездушием, повторенный десятилетия спустя многими сатириками, особенно часто на эстраде.

«Серый человек, косою и мрачный, глядя не на Короткова, а куда-то в сторону, спросил:

— Куда ты лезешь?

— Я, товарищ, Коротков, Вэ Пэ, у которого только что украли документы. . . Все до единого. . . Меня забрать могут. . .

— И очень просто, — подтвердил человек на крыльце.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же. С. 39.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же. С. 17.

²⁰ Там же. С. 19.

— Так вот позвольте. . .

— Пушай Коротков самолично и придет.

— Так я же, товарищ, Коротков.

— Удостоверение дай.

— Украли его у меня только что, — застонал Коротков, — украли, товарищ, молодой человек с усиками.

— С усиками? Это, стало быть, Колобков. Беспременно он. Он в нашем районе специально работает. Ты его теперь по чайным ищи.

— Товарищ, я не могу, — заплакал Коротков, — мне в Спимат нужно к Кальсонеру. Пустите меня.

— Удостоверение дай, что украли.

— От кого?

— От домового». ²¹

Каламбур («домовой» вместо «домоуправ») уже не кажется чужеродным в структуре фантазмагорической повести.

В способах построения сюжета и образа Булгаков все время нарушает привычное, прибегая к приемам, уже не раз опробованным В. Маяковским («О дряни», — 1921, «Прозаседавшиеся», — 1922, «Бюрократиада», — 1922). В «Прозаседавшихся» и «Бюрократиаде» поэт прибегает к фантазмагии как к излюбленному средству заострения образа. Это помогает ему саркастически высмеять поклонников бесконечных заседаний и других бюрократических затей, приводящих к тому, что люди оказываются ничтожными «человечками» — раздавленными бумагой, вытесненными и скомканными.

М. Булгаков сосредоточивает внимание на необычном, сдвинутом, нереальном, подчиняя этому и структуру произведения. Действие в «Дьяволиаде» не движется линейно: оно, наоборот, обретает скачкообразный ритм, порою даже обратный порядок, внешне следуя логике абсурда, а на деле подчиняясь принципу не казуса, но внутренних закономерностей. Что бы ни случилось в действительности, в гротескно-параноидальном «антимире» бюрократа свои законы. Герой такого замеса не в силах освободиться от наркотика власти и потому-то равнодушно взирает на любой абсурд, лишь бы он не задевал его кровных интересов.

«Дьяволиада» — это больше чем название одной из повестей, ибо в сгущенном, концентрированном виде намекает на некое социально-этическое состояние. Это попытка по-своему осмыслить переходную эпоху, то смутное время, когда новое только еще формируется, а старое не без успеха вростает в пореволюционный быт. Однако Булгаков увидел не только это. Но и вслед за Маяковским показал становление бюрократии нового пошиба — еще более грубой и хамской. Исследование непознанного и таинственного, но сущностного в современной действительности и породило особую форму сатиры М. Булгакова.

---

²¹ Там же.

Это не была юмористика М. Зощенко. Это не была и памфлетная острота Е. Замятина. Здесь нравственно-философское задание обусловило ту разновидность проблемного, гипотетического мышления, в котором гротеск и фантастика позволили быт перевести в бытие. Но не в форме антиутопии, а в виде призрачно-иллюзионного явления, имеющего вместе с тем постоянную приписку в сегодняшней действительности.

В «Дьяволиаде» не столько показан самый механизм бюрократизма (Булгаков отнюдь не сигнализирует, не комментирует, а самостоятельно изучает предмет), сколько приоткрывается завеса над некоторыми колесиками и винтиками, что приводит в действие машины, претендующую на безраздельную власть над людьми. Взаимодействие «Кальсонер—Коротков» одно из звеньев этой цепи, когда только еще складывался вроде бы качественно новый тип отношений по линии «начальствующий—подчиненный». Что же тут от нового, а что от достолюбезного прошлого, воскрешающего в сознании гоголевские и щедринские времена?

Сатирик и начинает в «Дьяволиаде» исследовать истоки того, что впоследствии будет названо административным социализмом. Правда, здесь пока еще на сравнительно узком (в отличие от повести «Роковые яйца») плацдарме воссоздаются взаимоотношения между учреждением и одним из его служащих. Появление некоей высшей (дьявольской, сатанинской, бесовской) силы подтверждает, что тут дело вовсе не в тех или иных личных пороках, изъянах и недостатках индивидуального мышления, жизненного опыта, а в определенной системе взглядов, которые широко распространены, но пока мало кем познаны.

Кому-то, возможно, представляется, что всеобщий порядок зависит от отлаженности бумагопроизводства, от неукоснительности исполнения предписаний. Но автор «Дьяволиады» раскрывает, как такой отшлифованный до блеска административно-чиновничий механизм, дав самый ничтожный сбой (мелкая оплошность усердного делопроизводителя Короткова) может породить чудовищную анархию. А все потому, что изъят или предан забвению принцип общегуманитарных человеческих ценностей.

И вот возникает некое царство теней, жители которого деловито обмениваются «входящими—исходящими», изводят рулоны бумаги, бешено активничают от 10 до 4, а истинное дело либо тормозится, либо даже откатывается назад. То есть процветает имитация труда, интенсивное лодырничество. Опять же на поверку получается паразитизм, но только с ярлыком «трудовой».

Если в условиях царской России была нормой беззащитность человека перед должностным лицом или государственным органом, то после революции подобная ситуация могла показаться здравому смыслу нелепостью, нонсенсом, абсурдом. И тем не менее этот абсурд обретал подчас поистине гротесковый вид. Это оттого, что духовное и гражданское обновление, которое

несла на своих знаменах революция, только опалило верхушки, не затронуло глубинных нравственных, психологических, эмоциональных основ человеческих натур. Булгаков не скрывает своего разочарования, тревоги и горечи оттого, что замедляется или прекращается работа души, что катастрофически снижается общий уровень культуры.

Проблемы «революция и культура», «интеллигенция и революция», «личность и история» составляют ядро новой работы писателя — повести «Роковые яйца» (1924). Контрасты и гримасы жизни осмыслены в свете конфликтов реального и идеального, мировой цивилизации и конкретных условий нынешнего существования.

Столкновение художника с окружающим миром — побудительный мотив любого творчества. В случае с Булгаковым все это обретает совершенно особые, неповторимые формы. Воскрешая имена горячо любимых им Гоголя и Щедрина,²² сатирик меньше всего думал о повторении пройденного. Гоголевские и щедринские принципы становились исходным пунктом, бесценным инструментом в исследовании новой действительности. Писателя волновали пороки настоящего, то есть уже модифицированные пороки, те, что объясняются не преклонением перед богатством и знатностью (как было в прошлом), а перед местом и должностью.

В повести «Роковые яйца» впервые в эстетическую систему писателя вводится понятие «Большой эксперимент». Без эксперимента, будь то наука или социально-политические отношения в их целом, человечество не проживет. Но как это экспериментирование должно осуществляться в науке и риторике социальной истории? Противостояние двух антиподов — профессора Персикова и бывшего флейтиста, а ныне заведующего показательным совхозом «Красный луч» Александра Семеновича Рокка — и содержит попытку дать ответ на этот вопрос.

В новой повести Булгакова к гоголевско-щедринским традициям подключается и та, что идет от современности, т. е. берет начало от фантастики Г. Уэллса (на которую в определенной мере опирался и Е. Замятин). Видимо, не случайно в текст повести «Роковые яйца» включено упоминание о романе Г. Уэллса «Пища богов». Однако для Булгакова элементы научной фантастики не столь уж и существенны. Их роль — сыграть функцию детонатора, быть своеобразной запальной свечой сюжета, в основе которого — комическое, сатирическое изображение действительности. И как бы ни было невероятным открытие профессором Персиковым «лучей жизни», еще более фантастичной и дикой представляется автору степень невежества красного директора, из-за которого чуть не погибла Москва, а может быть, и Рос-

---

²² В ответе на одну из анкет о Салтыкове-Щедрине, предложенную в 1932—1933 гг., М. Булгаков сообщил: «Влияние Салтыкова на меня чрезвычайное...». А «Мертвые души» называл «пленительными гоголевскими фантазмагориями».

сия. М. Булгаков уловил отрицательные тенденции не столько с политической окраской, не столько издержки самой административной системы (как было у Е. Замятина), а, скорее, иное — недоброжелательное отношение к интеллигенции, к основам старой культуры, хотя в те же годы В. И. Ленин не уставал повторять, что коммунистом нельзя стать, не освоив всего культурного наследия прошлого.

Чудесный аппарат Персикова попадает в невежественные руки Рокка. Происходит характерная сцена в профессорских апартаментах. Служитель Панкрат докладывает: «Там до вас, господин профессор, Рокк пришел.

Подобие улыбки показалось на щеках ученого. Он сузил глаза и молвил:

— Это интересно, только я занят.

— Они говорят, что с казенной бумагой с Кремля.

— Рокк с бумагой? Редкое сочетание, — вымолвил Персиков. . .».²³

Как выяснится позже, профессорский каламбур имеет весьма зловещий оттенок.

Сам Рокк и его сомнительная затея проводить промышленные опыты с аппаратом ученого вызывают у Персикова «иронию и презрение». Но что он может сделать, если у Рокка «приказ, напечатанный на великолепной плотной бумаге». А главное — категорическое подтверждение этого приказа по телефону из высоких инстанций, хотя Персиков и сопротивляется:

«Простите. . . Я не могу понять. . . Как же так? Я. . . без моего согласия, совета. . . Да, ведь он черт знает что наделает!!

Я, наконец, категорически протестую. Я не даю своей санкции на опыты с яйцами. . .».²⁴

Однако протесты ученого сменяются непреклонностью тона говорящего на другом конце провода.

«Что-то квакало и постукивало в трубке, и даже издали было понятно, что голос в трубке, снисходительный, говорит с малым ребенком. Кончилось тем, что багровый Персиков с громом повесил трубку и мимо нее в стену сказал:

— Я уываваю руки».²⁵

Тем самым, конечно же, не догадываясь об этом, профессор сам себе подписал смертный приговор. Рокк, воспользовавшись аппаратом, ускоряющим размножение и увеличивающим в небывалых размерах рост живых организмов, облучил по невежеству яйца крупных земноводных. Вместо кур-великанов из яиц вылупились огромные змеи и крокодилы, пожравшие жену директора совхоза и принесшие огромные бедствия республике. Распространившиеся по России гигантские земноводные внесли сумятицу наподобие некоей космической катастрофы. Страну

²³ Булгаков М. Дьяволиада. С. 84.

²⁴ Там же. С. 86.

²⁵ Там же.

и Москву спас от нашествия гадов внезапно разразившийся посреди лета мороз.

В финале сбывается то поистине пророческое, что привиделось профессору «на малиновом ковре» лестницы в Цекубу после второй встречи с владельцем «желтой кобуры»: «На миг заслонило черным яркую люстру в вестибюле и Персикову стало смутно, тошнотно. . . Ему почудилась гарь, показалось, что кровь течет у него липко и жарко по шее. . .».²⁶

На последних страницах повести это смутное ощущение обретает четкие контуры, завершившиеся гибелью тысяч людей и насильственной смертью самого Персикова.

Мотив «желтой кобуры», как и «серный запах» в «Дьяволяде», трижды возникает в наиболее важных сюжетно-композиционных узлах повести. И связан он с образом Рокка, послужной список которого красноречив и показателен.

«Некогда флейта была специальностью Александра Семеновича. Вплоть до 1917 года он служил в известном концертном ансамбле маэстро Петухова, ежевечерне оглашающем стройными звуками флейты фойе уютного кинематографа „Волшебные Грезы“ в городе Екатеринославе. Но великий 1917 год, переломивший карьеру многих людей, и Александра Семеновича повел по новым путям. Он покинул „Волшебные Грезы“ и пыльный звездный сатин в фойе и бросился в открытое море войны и революции, сменив флейту на губительный маузер. . . Нужна была именно революция, чтобы вполне выявить Александра Семеновича. Выяснилось, что этот человек положительно велик, и, конечно, не в фойе „Грез“ ему сидеть. Не вдаваясь в долгие подробности, скажем, что последний 1927 и начало 28-го года застали Александра Семеновича в Туркестане, где он, во-первых, редактировал огромную газету, а засим, как местный член высшей хозяйственной комиссии, прославился своими изумительными работами по орошению туркестанского края».²⁷

Как видим, универсальность этого героя удивительна. За короткий срок он без особой натуги как колоду карт тасует множество профессий, всегда оставаясь «на коне». Если Кальсонер меняет личины, неизменно оставаясь при «черном блестящем портфеле», то Рокк — профессии, но выглядит всегда однотипно. Внешний вид Рокка был «страшно старомоден», как отмечает писатель. Хотя уже идет одиннадцатый год советской власти, «на вошедшем была кожаная двубортная куртка, зеленые штаны, на ногах обмотки и штилеты, а на боку огромный старой конструкции маузер в желтой битой кобуре». А лицо у него, так же как и у одной из ипостасей Кальсонера, — «иссиня бритое». «Маленькие глазки смотрели на весь мир изумленно и в то же время уверенно, что-то развязное было в коротких ногах с плоскими ступнями».²⁸

²⁶ Там же. С. 84.

²⁷ Там же. С. 97.

²⁸ Там же. С. 85.

Тема дьяволиады не угасает и в повести «Роковые яйца». Оказывается, местные мужики, узнав о диковинных опытах Рокка в совхозе, начинают поговаривать, что он «антихрист», называют яйца, которые находятся в камерах, «дьявольскими». Но самонадеянный Александр Семенович откровенно пренебрегает мнением тех, кто, как он говорит, населяет этот «медвежий какой-то угол».

Рокк игнорирует и трехкратное предупреждение местных животных и птиц — «невыносимый лай собак», отлет птиц на север, умолкшее кваканье лягушек и, наконец: «Вечером произошел третий сюрприз — опять взвыли собаки в Концовке и, ведь, как! Над лунными полями стоял непрерывный стон, злобные тоскливые стенания».²⁹

Однако Рокку нипочем и недобрые знаки природы и глухой, но открыто враждебный ропот мужиков. Он поступает вполне в духе щедринских градоначальников: выписывает из города сразу двух ораторов «на две темы — международное положение и вопрос о Доброкуре».³⁰ А на молчаливые взоры подчиненных отвечает победоносно: «Не выведу цыпляток, скажете?.. Выведу таких, что вы ахнете».³¹

По ходу действия в «Дьяволиаде» постепенно нарастает чувство тревоги и страха. В финале уже не только Коротков, но и его антипод Кальсонер испытывают страх и ужас. В «Роковых яйцах» слова «чудовищно» и «ужасно» по мере движения повести к концу тоже встречаются все чаще.

В этой повести Булгаков впервые показал зависимость «колесика» (Рокк) от Административной Системы в целом. В «Дьяволиаде» Кальсонер демонстрировал свои подвиги как бы в тесном пространстве, ограниченном стенами учрежденческих кабинетов и коридоров. В новой повести масштаб иной — от подножия к вершине пирамиды, к центру, от которого зависит функционирование всей Системы. И не столько по принципу торжества истинного знания, сколько по высоте занимаемого кресла (оттуда, дескать, виднее). Не этим ли объясняется снисходительный тон телефонного голоса из квакающей трубки.

М. Булгаков показывает всем ходом сюжета, что всеведение «центра» иллюзорно, что без совета со специалистами, контроля и критической оценки с их стороны любое решение верхов чревато большими или меньшими неприятностями, а может быть, и катастрофой. В этих условиях «желтая кобура» и приобретает ритуальное значение. Потому-то бывший флейтист Рокк и не расстается с нею более десяти лет. Так выявляется драматизм, точнее трагикомизм, ситуации, когда малокомпетентные «верхи», присвоившие монополию на принятие решений, постепенно утрачивают реальный контроль над ходом социально-исторического прогресса.

²⁹ Там же. С. 100.

³⁰ Там же. С. 99.

³¹ Там же. С. 100.

Сатирик не может удержаться, чтобы не сделать ряд язвительных замечаний по поводу уровня тогдашней печати. Ведь вряд ли рокки могли процветать и благоденствовать, если бы их не подпирала средства массовой информации, да и сами они периодически не возглавляли отдельные органы.

Запоминается образ бойкого столичного журналиста Альфреда Бронского, который просит Персикова уделить ему «пару минуточек»:

«Что вы скажете за кур, дорогой профессор?».

Ученый с брезгливой миной парирует претензии бесцеремонного, а главное, безграмотного репортера:

«И вот мне непонятно, как вы можете писать, если вы не умеете даже говорить по-русски. Что это за „пара минуточек“, и „за кур“?»³²

Автора повести тревожит всплеск ширпотребной культуры под видом культуры для масс. Даже национальное бедствие — куриный мор в республике — становится для «рыцарей» контркультуры поводом для шутовских парадов-алле, способом нагреть руки на народном горе и снять навар с чужой беды.

«В Эрмитаже, где бусинками жалобно горели китайские фонарики в неживой, задушенной зелени, на убивающей глаза своим пронзительным светом эстраде куплетисты Шрамс и Карманчиков пели куплеты, сочиненные поэтами Ардо и Аргуевым:

Ах, мама, что я буду делать
Без яиц?? —

и грохотали ногами в чечетке.

Театр имени покойного Всеволода Мейерхольда, погибшего, как известно, в 1927 году, при постановке пушкинского „Бориса Годунова“, когда обрушились трапеции с голыми боярами, выбросил движущуюся разных цветов электрическую вывеску, возвешавшую пьесу писателя Эрендорга „Курий дох“ в постановке ученика Мейерхольда, заслуженного режиссера республики Кухтермана».³³

А в административных сферах принимались меры быстрые и крутые: «Чрезвычайная комиссия по борьбе с куриной чумой переименовалась в чрезвычайную комиссию по поднятию и возрождению куроводства в республике, пополнившись новой чрезвычайной тройкой в составе шестнадцати товарищей. Был основан „Доброкур“... Прогремел на всю Москву ядовитый фельетон журналиста Колечкина, заканчивающийся словами: „Не зарьтесь, господин Юз, на наши яйца, — у вас есть свои“».³⁴

Для сатирических повестей Булгакова характерен динамизм фабулы, которая развивается стремительно. Круг связей и отношений героев выявляется в перипетиях сюжета контрастно и

³² Там же. С. 75.

³³ Там же. С. 81.

³⁴ Там же. С. 84.

остро. Конфликты воплощаются в поступках персонажей броско и четко. Но никогда — психологически развернуто и углубленно, как это присуще Булгакову-романисту («Белая гвардия», «Мастер и Маргарита», «Театральный роман»). Примитивизм помыслов и действий сатирических персонажей подсказывает особый тип сюжетно-фабульных решений. Но это не исключает изощренности и даже изысканности приемов поэтики и стилистики.

Все это воплотилось и в третьем крупном сатирическом произведении писателя — повести «Собачье сердце» (1925). Здесь — знакомые по прежним вещам Булгакова проблемы «революция и культура», «интеллигенция и революция». Вновь речь идет об эксперименте и его социальных последствиях.

Знаменитый клиницист профессор Преображенский вшивает гипофиз (который вырабатывает гормоны роста) погибшего в пьяной драке молодого пролетария Клима Чугункина собаке Шарик. Развивается некий монстр — человекообразное существо с крайне пониженным порогом чувств, знаний, общекультурных навыков. Профессор Преображенский, не только блестящий хирург, но и человек громадной культуры, терпеливо учит творение рук своих азам человеческого общежития. Но, как говорится, не в коня корм.

Клим Чугункин некогда кичился своим пролетарским происхождением (как это будет спустя год делать главный персонаж комедии В. Маяковского «Клоп» Присыпкин). Этаким аристократизмом навыворот буквально одержим и его двойник Шариков — грубость, хамство, хулиганские поступки, махровое бескультурье. Пока Шариков в одиночку выкидывает разные фортели, это еще в какой-то мере терпимо. Однако зловещий смысл обретает союз оперирующего аракеевскими категориями председателя домкома Швондера и воскресшего в собачьем облике Клима Чугункина. Вкупе и влюбе с Чугункиным и нагнетает Швондер атмосферу недоброжелательства, подозрения, враждебности по отношению к большому ученому. Этим поклонникам шкурного, узкокастового интереса ничего не стоит сочинить донос, спровоцировать обыск. Духовная и гражданская деградация, а нередко и прямое перерождение, приспособленчество в его наиболее массовой и в то же время практически неуязвимой (и даже поощряемой) форме — вот о чем сигнализирует повесть «Собачье сердце». Задолго до массовой волны этот нездоровый сдвиг в нравственной атмосфере общества был предсказан и объяснен М. Булгаковым.

В «Собачьем сердце» меньше комического, чем было у Булгакова — создателя «Дьяволиады» и «Роковых яиц». Сама улыбка как бы застывает на авторских устах. Тут почти нет места даже сарказму, а горький сардонический смех возникает порой как следствие раздумий художника над трагикомическими несообразностями жизни.

Всех героев писателя, которые противостоят сатирическим персонажам, роднит одно — праведность нравственных принци-

пов, самозабвенное служение добру и истине, а не корысти или карьере. Есть в повести «Роковые яйца» сцена, где потрясенный мировым достижением Персикова его ассистент приват-доцент Иванов делает попытку намекнуть профессору, что не худо бы и его, Иванова, причислить к соавторам открытия. «Тут произошла маленькая заминка.

— Я, Петр Степанович, когда опубликую работу, напишу, что камеры сооружены вами, — вставил Персиков, чувствуя, что заминочку надо разрешить.

— О, это не важно. . . Впрочем, конечно. . .

И заминочка тотчас разрешилась».³⁵

А в финале повести после гибели великого изобретателя и разгрома разъяренной толпой камер профессора как ни старался приват-доцент, а «ныне ординарный профессор Иванов» повторить открытие, это ему так и не удалось. «Очевидно, для этого нужно было что-то особенное»,³⁶ — замечает автор. А что же? Интуиция, вера, гений? Не исключено. Но главное — со-
весть.

Если уж ею не обладает ближайший сподвижник профессора, то тем более нет ее у таких его антиподов, как Кальсонер, Рокк и Швондер. Отсюда их делячество и цинизм, та пластичность натур, которую иронически воспел В. Маяковский в «Бане»: «Эчеленца, прикажите. . .».

Вот почему в сценических ли интерпретациях, или в интерпретациях литературно-критических недопустимо затушевывать и смягчать зловещее звучание образа Швондера.

История многое расставила по своим местам, показав усталость былых верований, несостоятельность многих прежних стереотипов. И теперь мы можем говорить о прозорливости и смелости таланта художника, создавшего три наиболее значительных памятника ранней сатиры. О пророческом смехе Михаила Булгакова.

Н. А. Грознова

ПОВЕСТЬ «СОБАЧЬЕ СЕРДЦЕ» В ЛИТЕРАТУРНОМ КОНТЕКСТЕ 20-х ГОДОВ

Повесть «Собачье сердце» — одно из наименее изученных произведений в наследии М. Булгакова.

Хотя М. Чудаковой удалось восстановить хронику основных событий, связанных с попыткой Булгакова опубликовать в

---

³⁵ Булгаков М. Дьяволиада. С. 55.

³⁶ Там же. С. 124.

1925 г. «Собачье сердце» в альманахе «Недра»,¹ все же творческая история этой повести остается по сути дела неизвестной.

Современники предчувствовали, что этой рукописи предстоит трудный путь. Редактор альманаха «Недра» Н. Ангарский писал 20 апреля 1925 г. М. Волошину о произведениях Булгакова: «... сатирические рассказы хороши, но проводить их сквозь цензуру очень трудно. Я не уверен, что его новый рассказ „Собачье сердце“ пройдет».² Такой запрет действительно был вынесен цензурой.

Редакция альманаха «Недра» уговаривала Булгакова обратиться со «слезной» просьбой к Л. Б. Каменеву, просить его прочесть на отдыхе (в Боржоми) повесть. Булгаков сделать это отказался. Но «Собачье сердце» было все же прочтено Каменевым и категорически им отвергнуто: «Это острый памфлет на современность, печатать ни в коем случае нельзя. . .».³ Надо полагать, после нетерпимой оценки Каменева и был наложен окончательный арест на рукопись.

«В 1926-м году в день генеральной репетиции „Дней Турбиных“, — писал Булгаков в июне 1929 г., обращаясь к И. Сталину, М. Калинин, А. Свидерскому, М. Горькому, — я был в сопровождении агента ОГПУ отправлен в ОГПУ, где подвергся допросу. Несколькоими месяцами раньше представителями ОГПУ у меня был произведен обыск, причем отобраны были у меня „Мой дневник“ в 3-х тетрадях и единственный экземпляр сатирической повести моей „Собачье сердце“».⁴

Эти обстоятельства на несколько десятилетий отодвинули знакомство читателя с повестью, а драматическая судьба рукописи, по-видимому, навсегда сокрыла многие особенности работы художника над ней.

И тем не менее некоторые из фактов биографии Булгакова, которые начинают наконец в наши дни обретать историко-литературную жизнь, позволяют вести более обстоятельный разговор о повести «Собачье сердце», которая во многих отношениях играла, видимо, ключевую роль в творческой эволюции писателя.

Какую роль повесть могла сыграть в общем историко-литературном развитии тех лет? Искать ответ на поставленный вопрос можно лишь косвенным способом, то есть путем выяснения с дальних, так сказать, позиций того, в каком литературном контексте формировался замысел повести, каков был уровень художественного мышления того времени. Это позволит представить одновременно и то, в какую почву могли упасть зерна художественных идей булгаковской повести.

¹ См. об этом: *Чудакова М.* Жизнеописание Михаила Булгакова. М., 1988. С. 245—247.

² Там же. С. 246.

³ *Чудакова М.* Послесловие [к повести «Собачье сердце»] // Знамя. 1987. № 6. С. 138.

⁴ Цит. по: *Нинев А.* Легенда «Багрового острова»: Документально-исторический очерк о М. Булгакове // Нева. 1989. № 5. С. 191.

В изучении этих вопросов мы можем идти прежде всего от немаловажных, хотя и очень скурых, собственных суждений писателя о «Собачьем сердце».

После того как в 1926 г. машинописный текст неопубликованной повести был изъят у Булгакова, писатель направил в правительственные органы заявление, в котором как раз и вырвалась особая оценка «Собачьего сердца».

В Пушкинском Доме хранится следующий документ:

«Копия письма, написанного рукой
М. А. Булгакова и за его подписью.

Председателю Совета Народных комиссаров
литератора
Михаила Афанасьевича
Булгакова

Заявление

7-го мая с. г. представителями ОГПУ у меня был произведен обыск (ордер № 2287, дело 45), во время которого у меня были отобраны с соответствующим занесением в протокол следующие мои, имеющие для меня громадную интимную ценность рукописи:

Повесть „Собачье сердце“ в 2-х экземплярах и „Мой дневник“ (3 тетради).

Убедительно прошу о возвращении мне их.

Михаил Булгаков.

Адрес: Москва, Малый Левшинский 4, кв. 1.
24 июня 1926 года».⁵

Знаменательный факт: повесть «Собачье сердце» названа как одна из рукописей, имевших для автора «громадную интимную ценность». И хотя интимное содержание заключалось, безусловно, в первую очередь в дневниках писателя, присутствие здесь на равных повести «Собачье сердце» говорит о многом.

Дневники Булгакова охватывали 1921—1925 гг., то есть тот период, в конце которого и появилось «Собачье сердце». Повесть возникла, надо полагать, как своего рода продолжение размышлений из дневниковых записей художника.

Появившиеся в самое последнее время (уже после того, как была завершена работа над настоящей статьей) в печати отрывки из дневника, носящего зловещий заголовок «Под пятой. Мой дневник» («Огонек». 1989. № 51), дают возможность убедиться в справедливости этого предположения. В «Дневнике» за 1923, 1924, 1925 годы появляются записи, которые, как видно, станут своего рода скрепами — идеологическими, тематическими, сюжетными — «Собачьего сердца». Это сказывается прежде всего в самом психологическом настрое, который должен был помочь художнику взяться за произведение о катастрофе, подготавли-

⁵ РО ИРЛИ, ф. 369, ед. хр. 524, л. 1.

ваемой стране со стороны Шариковых. Как показывает дневник, Булгаков хорошо осознавал опасность своего пути: «Мне с моими взглядами. . . трудно печататься и жить» (26 октября 1923 г.). Вместе с тем он осознавал с такой же отчетливостью и другое: «. . . Сейчас я слышу в себе, как взмывает моя мысль и верно, что я неизмеримо сильнее как писатель всех, кого я ни знаю» (2 сентября 1923 г.). Вряд ли это состояние нужно расценивать как самомнение художника. Вернее будет говорить о том, что Булгаков искал внутреннюю опору тому, чтобы пойти на риск говорить о Шариковых. А для этого необходимо было чувствовать на себе обязанность сильнейшего из художников. Именно с высоты этой взятой писателем на себя социальной ответственности и появляются в дневнике записи, прокладывающие пути к образу Шарикова («. . . нынешняя эпоха — это эпоха свинства. . .»), к швондеровской компании (в квартире приятеля Булгакова оргия домкомовцев: «пьянствуют коммунисты. . . Да, чем-нибудь все это да кончится. Верую»), к концепциям профессора Преображенского об истоках бед страны («я консерватор до . . . мозга костей»; «Москва в грязи, все больше в огнях — и в ней странным образом уживаются два явления: налаживание жизни и полная ее гангрена»).

Последующие документы по поводу конфискации «Моих дневников» и «Собачьего сердца», звучащие столь же трагически, как и первое обращение Булгакова к Правительству, продолжают укреплять мысль о том, что существовала известная психологическая родственность между «Моими дневниками» и «Собачьим сердцем».

В июле 1928 г., получив из рук Горького надежду на возвращение своих рукописей, Булгаков написал доверенность, которая не просто констатирует определенные факты, но несет в себе поистине историко-литературное волнение, — тексты Булгакова должны были попасть в руки людей, которые сами являли собою судьбу русской литературы:

«Копия с Доверенности, написанной рукой
М. А. Булгакова и за его подписью.

Доверенность

Рукописи мои — три тетради под заглавием „Мой дневник“, писанные от руки, и экземпляр моей повести „Собачье сердце“, писанный на машинке, которые находятся в ОГПУ и которые, по сообщению от А. М. Горького, мне обещано вернуть, доверяю получить Екатерине Павловне Пешковой.

Михаил Булгаков.

Москва, Б. Пироговская 35-б, кв. 6.
телеф. 2-03-27.

Подпись члена Драмсоюза М. А. Булгакова удостоверяю.
Чл. Правл. Драмсоюза (подпись)

6 VII <19>28

Печать: Главнаука. Нар. Комисс. по Просв. Ленинградск(ое)
О-во драматических и музыкальн(ых) писат(елей).

(Удостоверение подписи М. А. Булгакова написано красными чернилами — подпись неразборчива)».⁶

Но история русской литературы во второй половине 20-х гг. уже начинала в полную меру испытывать на себе разрушительное насилие со стороны группы политиков. Теперь уже мало что значили авторитеты Горького, Е. Пешковой. Рукописи к писателю не возвращались, а он продолжал искать их. Об этом говорит и письмо Е. П. Пешковой к Булгакову от 14 августа 1928 г.: «Михаил Афанасьевич! Совсем не „совестно“ беспокоить меня. — О рукописях Ваших я не забыла. . . Как только получу их, извещу Вас. . .».⁷ Как свидетельствуют материалы Пушкинского Дома, Булгаков обратился с новым заявлением в ОГПУ, где опять подчеркивал особое для его творческой работы значение конфискованных рукописей:

«Копия с копии, писанной рукой
М. А. Булгакова, — за его подписью.
Копия.

Заместителю Председателя Коллегии ОГПУ т. Ягода
литератора
Михаила Афанасьевича
Булгакова

Заявление

Так как по ходу моих литературных работ необходимо перечитать мои дневники, взятые у меня при обыске в мае 1926 года, я обратился к Алексею Максимовичу Горькому с просьбой ходатайствовать перед ОГПУ о возвращении мне моих рукописей, содержащих крайне ценное лично для меня отражение моего настроения в прошедшие годы (1921—1925).

Алексей Максимович дал мне знать, что ходатайство его успехом увенчалось, и рукописи я получу.

Но вопрос о возвращении почему-то затянулся.

Я прошу Вас (зачеркнуто в копии рукой М. А. Б.) ОГПУ вернуть мне мои дневники (зачеркнуто рукой М. А. Б. в копии), дать ход этому моему заявлению и дневники мои мне возвратить.

М. Булгаков».⁸

Булгаков здесь не упоминает повести «Собачье сердце», что, по-видимому, вызвано стремлением писателя вызволить из погибающих рукописей ту хотя бы, которую уже невозможно восстановить. Ведь «Мой дневник» был арестован в рукописном виде в отличие от машинописи «Собачье сердце». Но самый смысл

⁶ Там же, л. 3.

⁷ Москва. 1987. № 8. С. 78.

⁸ РО ИРЛИ, ф. 369, ед. хр. 524, л. 4.

заявления Булгакова и спустя два года повторял главное: «Собачье сердце» и «Мой дневник» неосенимо много значили в творческом развитии писателя.

Обозначенное именно так самим художником местоположение повести в его творческой биографии заставляет с особым вниманием изучать судьбу этой книги.

Понять это тем более важно, что недавно стало известным неожиданное, можно сказать, свидетельство Е. С. Булгаковой, сохранившееся в ее дневнике за 1937 г.: «12 июля. . . Вечером пошли к Вильямсам. М. А. (М. А. Булгаков. — Н. Г.) обещал им принести и прочитает «Собачье сердце». — хотя М. А. про нее говорит, что это — грубая вещь».⁹ Что означает высказанное здесь суждение писателя? Неудовлетворенность художественным воплощением замысла повести или разочарование (спустя десять лет!) в ее идее?

В выяснении нуждается прежде всего генеалогия этой вещи, ее место в собственно булгаковском развитии. Она появилась после романа «Белая гвардия», пьесы «Дни Турбиных», рядом с такими сатирическими произведениями, как «Дьяволиада», «Роковые яйца», «Зойкина квартира».

И если движение сатирического мышления Булгакова от «Дьяволиады», его журналистики, фельетонов 20-х гг. к «Собачьему сердцу» просматривается достаточно ясно, этот путь естествен и последователен, то писательский маршрут от «Белой гвардии» к «Собачьему сердцу» идет как бы потаенными путями, его еще только предстоит изучать историкам литературы.

В «Собачьем сердце» Булгаков шел на опасный риск. Он бросил вызов одной из самых приоритетных, заглавных идей современности — идее социального равенства, утверждение которой в те годы сопровождалось особенно светлым историческим оптимизмом и одновременно выливалось нередко в уверенную и даже самоуверенную политическую аффектацию.

Решившись прибегнуть к беспрецедентной метаморфозе (животному выпадает социально ответственная жизнь человека), Булгаков приоткрыл в этой повести границы той катастрофы, которая сопутствует концепции равноправия, можно сказать, преследует ее — в том случае, если социальное равенство вручается личности с низкими нравственными качествами. Тогда пафос равноправия оборачивается не иначе как пошлостью и омерзением. В «Собачьем сердце» и показано как раз то, как благородная идея равенства, равенства, предоставленного революцией личности, оказывается скомпрометированной разгулом агрессии со стороны этой личности, что, естественно, несет нравственное оскорбление окружающей жизни.

И хотя границы этой бесстрашной и опасной компрометации еще предстоит изучать, сегодня можно с уверенностью утверждать, что делал это Булгаков ради того, чтобы защитить извеч-

---

⁹ Дневник Елены Булгаковой. М., 1990. С. 161.

ные гуманистические ценности. Тревогой за судьбу таких ценностей был напоен хрупкий мир романа «Белая гвардия». И в этом смысле «Собачье сердце» находится в прямом родстве с «Белой гвардией».

Изучение общего литературного контекста для творчества Булгакова ведется сегодня еще так слабо, что до сих пор это творчество в сознании не только читателей, но и историков литературы находится как бы вне литературной среды.

Если в отношении романа «Мастер и Маргарита» этот литературоведческий просчет возмещается тем, что благодаря ряду плодотворных исследований все отчетливее выявляется мировая литературная традиция, в которую вписывается роман, то буквально все остальные булгаковские произведения, и «Собачье сердце» в том числе, до сих пор остаются в нашем представлении вне какого бы то ни было литературного окружения.

До самого последнего времени существовало лишь сопоставление с пьесой В. Маяковского «Клоп» (М. Чудакова) да была выявлена аналогия булгаковской медицинской темы из «Собачьего сердца» экспериментальной медицине 20-х гг., активно занимавшейся одно время интенсивным омоложением человеческого организма с помощью разного рода оперативных вмешательств (Н. Кольцов и др.).¹⁰

Наиболее значительные связи «Собачьего сердца» с национальной духовной жизнью выявлены М. Золотоносовым в статье «„Родись второрождением тайным...“ Михаил Булгаков: позиция писателя и движение времени». Автор стремится доказать, что, войдя в литературу, Булгаков занял позицию известной обособленности по отношению к литературной жизни 20—30-х гг. и что обособленным в конце концов стало все его творчество в общем литературном движении первой трети XX века. Отыскивая истоки такой ситуации, М. Золотоносов показывает, что Булгаков в отличие от других писателей 20-х гг. исповедовал традиции русской классики, причем «образ русского писателя с дореволюционным прошлым „исполнялся“ Булгаковым с известным нажимом и вызовом... „архаизм“ завершался в высшей степени серьезно и последовательно выдержанной социальной ролью, общественной позицией и поступками, имевшими важнейшие, жизненные последствия для Булгакова».¹¹

В этом взгляде на творчество Булгакова неверно, думается, лишь то, что будто позиция автора «Белой гвардии» представляла собой явление единичное в том общем слове национальных традиций, которым действительно было охвачено искусство периода Октября.

К сожалению, мы еще недостаточно глубоко осмыслили те сложные процессы, которые были вызваны в русской литературе

---

¹⁰ Золотоносов М. «Родись второрождением тайным...». Михаил Булгаков: позиция писателя и движение времени // Вопр. лит. 1989. № 4. С. 171—173.

¹¹ Там же. С. 162.

свершившейся революцией. Это обстоятельство обязывает историков литературы и сегодня, спустя семь десятилетий после 1917 г., оставаться особенно осторожными при любого рода историко-литературных обобщениях.

В случае же с Булгаковым следует помнить, что позицию «старых реалистов» занимали одновременно с ним многие художники. Благодаря им русский реализм смог выдержать натиск многих модернистских ниспровержений, он выдержал политический террор и привел литературу советского периода к художественным завоеваниям поистине мирового масштаба.

Так, например, приверженцем традиционных принципов реализма был К. Федин («... рассказы, которые он в то время писал, — вспоминал В. Каверин, — были близки к классической русской прозе. Лунцу (и мне) они казались повторением пройденного. То было время, когда Тургенева я считал своим главным литературным врагом»¹²); упорно шел в русле традиции XIX в. Л. Леонов, создавая и роман «Барсуки», и повесть «Конец мелкого человека»; «Ничто не порождается без преемственности, — писал А. Толстой в 1924 г. в статье «Чистота русского языка», — преемственность послеоктябрьской литературы — Пушкин»; «Мы крепко-накрепко связаны с великими художественными традициями старой — без кавычек — русской литературы...» — заявлял С. Семенов, автор будущей знаменитой «Натальи Тарповой» («Литературная неделя». 1923. № 2). Как протест против разного рода декларативных, против авангардистских установок в искусстве и как призыв не изменять гуманистическим традициям русской литературы звучали в 1921 г. слова А. Неверова: «Мы слышим только топот ног революции, но не знаем ее сердца...»¹³ При будущем тщательном изучении документов эпохи мы увидим, что призывы сбросить Пушкина «с корабля современности» были лишь нервными выкриками. Русская литература не меняла русла своего глубинного течения.

С позиций этой историко-литературной закономерности и следует, как представляется, уточнять место Булгакова-художника в литературном процессе.

Но такие подходы пока еще почти не предпринимаются в нашем литературоведении. Не случайно и М. Золотоносов предпринял попытку вписать «Собачье сердце» в перспективу движения главным образом общественной мысли на рубеже XIX—XX вв. (Н. Бердяев, Н. Морозов; идеи народознания у Достоевского, Салтыкова-Щедрина, Л. Толстого; А. Луначарский, Б. Рассел), но не в литературный контекст своего времени.

Тем не менее общее состояние литературы 20-х гг., особенно малой прозы, помогает понять наиболее важные и художе-

---

¹² Каверин В. «Здравствуй, брат. Писать очень трудно...». Портреты, письма о литературе, воспоминания. М., 1965. С. 193.

¹³ Неверов А. Собр. соч.: В 4 т. Куйбышев, 1958. Т. 4. С. 266.

ственные, и идеологические особенности повести «Собачье сердце». Повесть Булгакова, как становится особенно хорошо видно сегодня, встает рядом с такими произведениями 20-х гг., как «Конец мелкого человека» Л. Леонова, «Голый человек» С. Семенова, «Апполон и Тамара» М. Зощенко, «Рынок любви» Н. Никандрова, «Пещера» и «Мамай» Е. Замятина, «Обыватели» О. Форш и др.

«Собачье сердце» рождалось в атмосфере этих книг, в преемственных контактах с ними, и одновременно повесть делала смелый рывок в общем движении реализма в те годы.

Прежде всего обращает на себя внимание социально-бытовой колорит «Собачьего сердца». Он словно соткан из тех же самых примет времени, которые уже были воссозданы до Булгакова или воссоздавались рядом с его книгами во многих произведениях других авторов. М. Золотоносов совершенно справедливо отметил, что начальный эпизод «Собачьего сердца» «демонстративно помещен в блоковскую декорацию (вечер, вьюга, буржуй, безродный пес. . .)». ¹⁴ Может быть, и не совсем точно было бы говорить о демонстративной переключке художественного материала, но переключка объективная безусловно налицо. Подобного рода параллелями и аналогиями можно в избытке окружить «Собачье сердце». И это вполне естественно, таков был воздух того времени.

Достаточно припомнить, например, рассказ Е. Замятина «Мамай» (1922), который открывается зарисовкой быта обитателей одного из петербургских особняков, до мелочей напоминавшего Калабуховский дом в Москве, где жил булгаковский Филипп Филиппович Преображенский: «. . . было явно неблагоприятно. . . Где-то вверху, и вправо, и влево — тревожно, дробно стучат в двери. . . ; где-то на полутемных площадках — потушенные, полголоса разговоры; и топот быстро сбегающих по ступенькам подошв. . . гул, грохот стульев, . . . пальцы с перстнями, бородавки, бантики, баки» ¹⁵ — страх перед обысками, перед подселением в квартиры посторонних (то, чем руководил Швондер у Булгакова) и т. п. И даже «бывший швейцар, а ныне гражданин Малафеев» «у парадного трапа» до деталей напоминал швейцара Федора из «Собачьего сердца», особенно тем, как «регулировал для каждого уровень почтения». ¹⁶

В прозе 20-х гг. нетрудно отыскать и параллели к таким булгаковским характерам, как прислуга у профессора Преображенского (Домна Павловна в рассказе М. Зощенко «Коза» и др.), как «худенькая с подрисованными глазами барышня в кремовых чулочках», «в потертом пальтишке» (несчастная избранница Шарикова), — армию их, этих обездоленных, униженных то ли нищетой, то ли одиночеством женщин, нанвно искавших хоть

¹⁴ Вопр. лит. 1989. № 4. С. 164.

¹⁵ *Замятин Евг.* Мамай. Землемер. Пг., 1923. С. 6.

¹⁶ Там же. С. 3.

какой-нибудь приют среди людей, словно выплеснуло на улицы малых и больших русских городов жерло революции и гражданской войны. Потому они и встречаются чуть ли ни в каждой из выпущенных в 20-е гг. книг — будь то Елена Вальц из «Шоколада» (1922) А. Тарасова-Родионова, Наталья Петровна из романа Р. Ивнева «Любовь без любви» (1925), или героиня повести Л. Сейфуллиной «Четыре главы» (1922); или Лизочка Рундукова из рассказа Е. Замятина «О чем пел соловей» (1926); или многочисленные персонажи из произведений П. Романова, Н. Никандрова, С. Григорьева — действующие лица того огромного несчастья, которое называется «рынком любви» (одноименная повесть Н. Никандрова).

Посетителями этого «рынка» являются и созданные в стиле блистательной иронии смехотворно борющиеся за свое омоложение пациенты профессора Преображенского. Как правило, они были из той мещанской среды, что составляла пену нэпа: нэповские барыши позволяли и такое.

В произведениях современников Булгакова часто встречались потенциальные пациенты профессора Преображенского, особенно, может быть, у М. Зощенко. Недаром в «Возвращенной молодости» (1933) М. Зощенко в щедрых повествовательных подробностях воссоздаст, как бы прощаясь с этой темой, мелодраматическую судьбу некоего Василия Петровича Волосатова, тщетно пытавшегося вернуть молодость брачным союзом с молодой особой. Этот сюжет вполне можно было бы воспринять как проявленную биографию одного из последних пациентов профессора Преображенского, промелькнувшего перед пока еще песьими глазами изумленного Шарика, впервые попавшего в Калабуховский дом; того пациента, который просил у профессора помощи в благополучном завершении своего романа с юной женщиной.

«Собачье сердце» вписывается в литературный контекст первого десятилетия революции не только по периферийным деталям сюжета и по второстепенным, создающим фон, всего лишь декорацию персонажам, но и по центральным коллизиям.

Во всяком случае, решившись войти в кабинет к профессору Преображенскому, Булгаков невольно следовал Л. Леонову, который в «Конце мелкого человека» (1922) одним из первых в советской литературе обратился к судьбе ученого, к судьбе научной мысли в годы революции — и сумел распознать на путях этой темы многие узловые проблемы социально-исторического будущего России.

Профессор-историк Лихарев из «Конца мелкого человека» и профессор-физиолог Преображенский из «Собачьего сердца» проживают совершенно разную жизнь, они заняты не имеющими ничего общего научными проблемами. Но сама логика жизни русской научной интеллигенции, стиль ее поведения, характер и исканий и метаний гражданского чувства приводят к тому, что в той и другой повести появляются если не общие, то родственные

размышления о революции, о человеке в революции. «Конец мелкого человека» и «Собачье сердце» оказываются на одних историко-литературных перекрестках. При сопоставлении этих повестей вновь бросается в глаза прежде всего поразительное сходство социально-бытовых деталей, подтверждающее достоверность художественных реалий в том и другом произведении.

Так, например, в «Конце мелкого человека» за несколько лет до Швондера уже появилась зловещая фигура из домкома с сопровождающими («быстрый человек с круглыми глазами»),¹⁷ которая воплощала поистине швондеровское вероломство: ворвавшись в квартиру профессора Лихарева в момент, когда там умирала сестра профессора, они, упоенные равноправием, «необузданные» (как пишет Леонов), бесцеремонно в эти трагические минуты хозяйничали, ведрами таская из квартиры Лихаревых воду, так как в доме замерз водопровод.

Любопытно, что и пациенты доктора Елкова в «Конце мелкого человека» были таковы, что они, подобно посетителям профессора Преображенского, способны были демонстрировать лишь «ужасное паденье нравственности».¹⁸ В повести Леонова промелькнул даже и образ страдающей от невзгод трудного исторического времени «дворянжки последней»¹⁹ как своего рода предтечи того погибающего от голода и холода Шарика, воем которого открывается «Собачье сердце».

Но подобные примеры говорят о сближении художественных миров этих двух повестей, конечно, не более чем по касательной линии.

Главное состоит в том, что в повести «Конец мелкого человека» и в «Собачьем сердце» ведется разговор о сложных социальных проблемах как бы на одном и том же языке. В известном смысле можно даже сказать, что эти повести написаны об одном — о том, как проявил себя в революции «мелкий» человек.

Персонажи Леонова ведут нелегкую, горячую дискуссию о русской революции. Тема «мелкого» человека появляется в разных ракурсах повествования; но во всех случаях она звучит как предостережение об опасности, которую таит в себе поведение «мелкого» человека в тот момент, когда общество вышло к осуществлению всеобщего равноправия.

Булгаков в «Собачьем сердце» подошел к тем же трудным мыслям о человеке в революции.

Во второй редакции «Конца мелкого человека» Леонов внес правку в слова одного из персонажей, который говорил о муках рождения новой жизни в России. В отличие от редакции 1922 г. спустя несколько десятилетий писатель ввел очень важную мысль о том, каким может быть дитя, которое вынашивает страна: «Россия, можно сказать, родит в исторических, жизнеопасных му-

¹⁷ Леонов Л. Рассказы. М.; Л. [Б. г.]. С. 171.

¹⁸ Там же. С. 105.

¹⁹ Там же. С. 109.

ках, заметьте. . . потому что дите-то, чего доброго, может побольше матери оказаться на поверку. . . тогда плохо дело».²⁰

Эта опасность всяческой — и социальной тоже! — прозорливости, которая неизбежна со стороны дитя, способного при рождении оказаться больше своей матери, и предстала в «Собачьем сердце» в облике швондеровской неумной демагогии, в его агрессии по отношению к образу жизни, к жилищу профессора Преображенского, а еще больше — в непомерных притязаниях Шарикова, даже и не личности вовсе, на то, чтобы все, что было у него на глазах, оказалось поделено с ним поровну.

Собственно, ведь и смысл «Собачьего сердца» в конце концов сводится именно к тому, что «дитя» революции (Чугункин-Шариков, получивший гражданское рождение только благодаря революции) вместо того, чтобы служить идеям революции, стало пожирать их. Это отвратительное зрелище и воссоздает Булгаков. Заслуга его как художника, видимо, состоит в том, что, мастерски обыграв физиологические метаморфозы по рецепту Преображенского, он сумел социально опасное поведение «мелкого» человека довести буквально до степени физического омерзения. Тем самым писатель добивался огромного эмоционального, художественного эффекта, рисуя коварные социальные, политические аппетиты «мелкого» человека. И если следовать сопоставительному анализу леоновской и булгаковской повестей, то мы увидим, что явные идеологические соответствия касались разных сторон поведения опасного «дитя» революции.

Леонов опасался, в частности, того, что видел в природе «мелкого» человека способность к неостановимому воспроизведению ожесточения. Стихия насильственного (по неизбежным законам революционного переворота) повсеместного установления равноправия создавала с этой точки зрения катастрофически неуправляемую ситуацию. Потому в «Конце мелкого человека» и появляется леденящая душу фраза, и по интонации, и по смыслу своему имеющая прямое отношение и к булгаковским персонажам: «Оно страсть как приятно, батенька, историческую-то справедливость да собственноручно осуществлять. . .» Именно эту социальную «страсть» и подтверждают уверенная швондеровская демагогия с угрозами, домкомовский фальцет и шариковская неотступная наглость.

Потому-то и возник в леоновской повести в тревожной огласовке вопрос: «Мелкий человек экзамен держит, коленки дрожат, сердчишко трепыхается, — а вдруг да выдержит? . . . Вот сегодня Ванька. . . человечка-то пришиб, а завтра пойдет он, Ванька этот, кирпичики класть, сооружать деликатное-то здание свету всему на удивление. . .».²¹ Леоновская интонация сложна. Вопрос выстраивается здесь таким образом, что понятие «выдержит экзамен», обращенное к «мелкому» человеку — Ваньке,

²⁰ Леонов Л. Собр. соч.: В 10 т. М., 1969. Т. 1. С. 243.

²¹ Леонов Л. Рассказы. С. 138—139.

вчера еще совершившему преступление, не столько содержит привычное представление об одержанной нравственной победе, сколько вселяет страх от того, что может произойти, если такой человек победу одержит. Во второй редакции повести Леонов снял из этого отрывка уголовный мотив, тему преступления «мелкого» человека-Ваньки; в результате разговор приобрел план еще более затяжной социальной ситуации. «Мелкий» человек не просто предстает человеком оступившимся, но становится широким социальным явлением: это — множество тех, кто, оказавшись на строительстве нового дома, способны и расшатать основание этого дома, растащить его «по кирпичику» («растащат по слабости человеческой, как пить дать»).

«Собачье сердце» и в этом плане перекликается с «Концом мелкого человека». Причем у Булгакова тема предстает как бы в варианте именно редакции «Конец мелкого человека» — 1922 года. Шариков-Чугункин своим обликом напоминает не что иное, как леоновского «Ваньку» из первой редакции повести.

В этой связи нуждается в уточнении одно из основных положений, сложившееся в критике о повести Булгакова. В трактовках «Собачьего сердца» Шариков рассматривается не иначе как пародия на пролетария; но Клим Чугункин, чье обличье воспроизводит Шариков, рабочему классу не принадлежит. В повести имеется лишь неясный намек на его какое-то социально привилегированное происхождение. По характеристике из дневника Борменталья он является уголовным элементом: «Беспартийный, сочувствующий. Судился 3 раза и оправдан: в первый раз благодаря недостатку улик, второй раз — происхождение спасло, в третий раз — условно каторга на 15 лет. Кражи. Профессия — игра на балалайке по трактирам».²² То есть полное подобие того «Ваньки», что «человечка-то приходи».

У Булгакова, как и у Леонова, тема «мелкого» человека не замыкалась на Шарикове-Чугункине, она тоже выходит к разговору о том, каким же образом «мелкий» человек подключается к строительству нового дома. Предположение леоновских персонажей, что, принявшись за социализм, «мелкий» человек может в конце концов сам это здание и разрушить; «растащить по кирпичику», возникает и у Булгакова. Идеологические акценты в этой части повествования писатель расставляет наиболее отчетливо и определенно.

Речь идет о причинах экономической разрухи, в которой оказалась страна после гражданской войны. Профессор Преображенский воинственно не приемлет объяснений, истолковывающих экономические трудности общим политическим моментом, небывалыми задачами по политическому переустройству общества. Профессор протестует против поведения как раз того «мелкого» человека, который в демагогическом пылу беззастен-

---

²² Булгаков М. Собачье сердце. Повесть // Знамя. 1987. № 6. С. 106. В дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте с указанием страниц.

чиво называл себя представителем народовластия, а по сути своей был разрушителем народного достояния (того, о котором в «Конце мелкого человека» было сказано: «деликатное здание» человеческого мироустройства «расташить по кирпичику»). Речь Филиппа Филипповича Преображенского наполнена немаловажным смыслом на этот счет: «... С 1903 года я живу в этом (Калабуховском. — Н. Г.) доме. И вот, в течение этого времени до марта 1917 года не было ни одного случая — подчеркиваю красным карандашом ни одного, чтобы из нашего парадного внизу при общей незапертой двери пропала бы хоть одна пара калош... Я не говорю уже о паровом отоплении. Не говорю. Пусть: раз социальная революция — не нужно топить. Но я спрашиваю: почему, когда началась вся эта история, все стали ходить в грязных калошах и валенках по мраморной лестнице? Почему калоши нужно до сих пор еще запирасть под замок? И еще представлять к ним солдата, чтобы кто-либо их не стащил? Почему убрали ковер с парадной лестницы? Разве Карл Маркс запрещает держать на лестнице ковры?... Что такое это ваша разруха?.. Это вот что: если я, вместо того чтобы оперировать каждый вечер, начну у себя в квартире петь хором, у меня настанет разруха. Если я, входя в уборную, начну, извините за выражение, мочиться мимо унитаза и то же самое будет делать Зина и Дарья Петровна, в уборной начнется разруха. Следовательно, разруха не в клозетах, а в головах...». При этом профессор советовал «мелкому» человеку, увлеченному демагогией на революционной почве, «лупить себя по затылку! И вот, когда он вылупит из себя всякие галлюцинации и займется чисткой сараев — прямым своим делом — разруха исчезнет сама собой. (Нельзя не заметить, что доктор Елков в „Конце мелкого человека“ тоже предлагал „выпороть если их всех по разу, тогда, может быть, и... Нет, и тогда не выйдет ничего!“²³). Городовой! Это и только это. И совершенно неважно — будет ли он с бляхой или же в красном кепи. Поставить городского умерить вокальные порывы наших граждан... Ничто не изменится к лучшему в нашем доме, да и во всяком другом доме, до тех пор, пока не усмирят этих певцов!» (93).

Чем дальше уходит время, тем все более проясняется положительный смысл многого из высказанной здесь программы: первейшая обязанность человека на планете заниматься обустройством, благоустройством жизни, возделывать жизнь так, как возделывается земля для плодоношения. Быть во что бы то ни стало земледельцем, старателем, мастером. «Никакой... контрреволюции в моих словах нет, — в азарте отстаивал свою позицию Преображенский. — В них здравый смысл и жизненная опытность» (93).

Но события в повести разворачиваются так, что, с неколебимой уверенностью рассуждающий об «оздоровительной» силе го-

²³ Леонов Л. Рассказы. С. 131.

родового, Филипп Филиппович Преображенский останавливается перед применением какого бы то ни было насилия по отношению к распоясавшемуся Шарикову. Почему?

М. Золотоносос считает, что такое поведение героя говорит о его бессилии перед жизнью, а это в свою очередь было знаком отживания традиционных позиций русской интеллигенции. Автор статьи выдвигает в качестве некоего положительного героя доктора Борменталья, который считал, что с Шариковыми надо расправляться насильем, и готов был сам поднять руку на Шарикова. Булгаков при этом представлен единомышленником Борменталья: «... в 1925 году позиция Преображенского лишилась для Булгакова всякого обаяния, перестала быть образцом верного социального поведения».²⁴

Видя в Шариковых исполнителей будущих политических репрессий («никем и ничем в реальной жизни не остановленные, не встретившие отпора и насилия, очень скоро они переместились наверх и широко применили насилие сами»²⁵), М. Золотоносос значительную долю вины за сохранение Шариковых как социальной силы возлагает на профессора Преображенского, представителя «народолюбивой русской интеллигенции».²⁶ Преображенскому следовало идти за Борменталем, а он вместо этого останавливал молодого доктора: «На преступление не идите никогда, против кого бы оно ни было направлено. Доживите до старости с чистыми руками» (126). Раздражение против мягкотелости Преображенского настолько велико у автора статьи, что он, не колеблясь, утверждает: «Булгаков выступает не только против Шарикова и Швондера, но и против Преображенского».²⁷ С такой же уверенностью М. Золотоносос объявляет и о том, что будто «Булгаков... демонстративно нарушал традицию, еще вполне ощутимую, еще недавно входившую в моральную обязанность передовой интеллигенции: поклоняясь народу, считать, что в народе нет ни виноватых, нет ни преступников, ни негодяев, а есть лишь „угнетенные обстоятельствами“».²⁸

В логике М. Золотонососа есть свои резоны. И все же, если Булгаков и назвал «Собачье сердце» «грубой вещью», то сделал он это, по-видимому, потому, что осознавал беззащитной свою повесть перед упрощенным прочтением, тенденциозным истолкованием воссозданного здесь буквально на острие самых трудных идеологических проблем художественного материала, в результате чего и само произведение в любой момент могло предстать как «грубая вещь». Во всяком случае трактовка «Собачьего сердца», предложенная М. Золотонососым, дает основание думать именно таким образом.

---

²⁴ Вопр. лит. 1989. № 4. С. 168.

²⁵ Там же. С. 174.

²⁶ Там же. С. 169.

²⁷ Там же. С. 171.

²⁸ Там же. С. 166.

Идеологическая атмосфера повести выглядит иной, и рождена она не желанием писателя расстаться с духовностью «народолюбивой русской интеллигенции», частицей которой был он сам, а тем, что «некоторые черты народного характера и народной жизни вызывали у него, вслед за классическими учителями, „глубочайшие страдания“ и даже, по его собственным словам, тяготение к мистике. . . Все это в большой степени скрыто в сюжете „Собачьего сердца“, что придает сатирической прозе оттенок бесконечной неустранимой печали».²⁹

Печаль, нелегкие размышления художника, но не проповедь того, чтобы насилие Шариковых заменить насилием Борменталей и тем самым достичь социальной «чистоты» общества.

К тому же и художественные реалии говорят в повести о другом.

Прежде всего — можно ли видеть в докторе Борментале ту устойчивую силу, которая была способна выправить и психологическую, и идеологическую ситуацию, сложившуюся вокруг социальной агрессии шариковых? Художественная реальность повести оснований для этого не дает. Иван Арнольдович Борменталь предстает личностью зыбкой, его поведение движимо эмоциями, легко и ненадолго вспыхивающими.

Нельзя оставлять без внимания эпитеты, которые снижают героя, вызывают снисхождение и даже насмешку по поводу его поступков. Борменталь вписывается в общую сатирическую стихию повести, нисколько не получая от художника дополнительной положительной весомости. В глаза бросается то его нелепая патетика: «Вы великий ученый, вот что! — молвил Борменталь, глотая коньяк. Глаза его налились кровью» (126); то смехотворное возбуждение: «пламенный Борменталь», «страстно воскликнул Борменталь» (124), «яростно перебил Борменталь» (125): то детская неряшливость в дневнике: «на первых двух страницах» почерк «аккуратен, уборист и четок, в дальнейшем размашист, взволнован, с большим количеством плясок» (101), «(в тетради — глянца. После глянсы торопливым почерком)» (102) и т. д. Да и тот момент, когда Борменталь готов был устранить Шарикова из жизни, выглядит больше смешным, чем сколько-нибудь социально-значимым эпизодом: «. . . до последней степени взвинченный Борменталь сжал сильные худые руки в кулаки, повел плечами, твердо молвил: „Конечно. Я его убью!“» (127).

Не был только робким, мягкотелым и Преображенский. Когда он настаивал на силе городского применительно к разного рода шариковым или, доведенный до отчаяния притязаниями Швондера, произнес: «Клянусь, я этого Швондера в конце концов застрелю» (122), — то он вполне походил на решительного Борменталья. Нельзя забывать, что не кто иной, как профессор Преображенский, совершил единственный в повести действенный

---

²⁹ Смелянский А. Черный снег // Театр. 1988. № 8. С. 119.

поступок: осознав всю нравственную ответственность за свои научные эксперименты, он принял решение вернуть Шарикова в дарованное ему природой — собачье — состояние.

Такова расстановка сил в «Собачьем сердце». Повесть создавалась, надо полагать, не ради того, чтобы вручить Борменталю право «править миром». Своеобразие булгаковского повествования состоит в том, что все поднятые здесь трудные вопросы остаются открытыми. Перестал существовать экспериментальный Шариков, но все остальное осталось прежним в воссозданном Булгаковым мире.

Симптоматичен финал повести. Он передает даже настроение умиротворения, житейского покоя: «Серые гармонии труб грели. Шторы скрыли густую пречистенскую ночь с ее одинокою звездой». Профессор «сидел в кресле, а пес Шарик, привалившись, лежал на ковре у кожаного дивана. . . Мысли в голове у пса текли складные и теплые. . . В отдалении глухо позвякивали склянки». Борменталь (далекий от какого бы то ни было лидерства) «убирал в шкафах смотровой. Седой же волшебник сидел и напевал: „К берегам священным Нила. . .“» (134—135).

Подобное течение событий не случайно, оно не от пассивности, не от усталости художника, а от философского взгляда на вещи, который определяется в повести научными воззрениями профессора Преображенского.

Феномен Шарикова заставил ученого словно заново осознать и власть, и могущество, и неисповедимые тайны природы. Профессор становится еще бóльшим стражем терпимости и благоразумия по отношению к каждому проявлению жизни. Но, что, может быть, особенно важно, он с еще более жестоким азартом отстаивает мысль о иерархии жизненных сил в природе как законе ее существования, как о безусловном принципе жизнетворения на Земле. Вселенная дарит не простое равенство жизненных проявлений, не просто количественное многообразие жизни — в горниле мучительных и радостных борений выщенивается содружество разноликих, соподчиненных природных сил. Такой подход к жизни неизбежно оказывал влияние и на реализм социального мышления. Энергичным, броским был разговор профессора на эту тему: «Объясните мне, пожалуйста, зачем нужно искусственно фабриковать Спиноз, когда любая баба может его родить когда угодно. Ведь родила же в Холмогорах мадам Ломоносова этого своего знаменитого! . . . Человечество само заботится об этом и в эволюционном порядке каждый год упорно, выделяя из массы всякой мрази, создает десятками выдающихся гениев, украшающих земной шар» (125).

Так все случившееся в Калабуховском доме на Пречистенке невольно обретало некий философский коэффициент, почему и оказался открытым финал «Собачьего сердца».

Аналогичное явление наблюдается и в повести Леонова «Конец мелкого человека». Если в первой редакции Леонов только подходил к идеям эволюционного плана, то во второй редакции

в повествование буквально врываются размышления персонажей, близкие тому, что думал о человечестве в его эволюционном развитии Филипп Филиппович Преображенский. Так, например, доктор Елков, не без любопытства и снисходительности наблюдая невиданное движение человеческой жизни вокруг, отмечал: «Вон токаришку с завода на днях в квартиру ко мне вселили. . . потомства у жильца моего что песку морского. . . заметьте, природа всегда атакует грядущую неизвестность мельчайшим множеством!»³⁰

Еще более сложные суждения о ходе эволюции человечества выскажет в «Конце мелкого человека» профессор Лихарев: «. . . человечество не что иное, как сорвавшееся с оси и покотившееся самостоятельно под откос природы колесо!»³¹

Появление общефилософского, натурфилософского ракурса невольно повлекло за собой и мысль о том, что человеческая жизнь на планете представляет собою не только разумно организованное сообщество, но и неподвластную стихию, развивающуюся по законам космогонических масс, что существует тайна целесообразности этой жизни и т. п. Такой аспект нужен был «Собачьему сердцу», так как он помогал писателю сказать современникам о том, что бороться за улучшение бытия надо так, чтобы не оказаться в позе самонадеянных реформаторов сложного человеческого пути на Земле.

Хотя жизнь в Калабуховском доме в эпилоге и вернулась в свое лоно, Шариков перестал существовать, его сменил прежний Шарик, — тревога из-за опасностей, которые нес революции «мелкий» человек, не исчезала. Шарикова не стало, но землю продолжали заселять Чугункины. Видела ли их русская литература или только Булгакову удалось рассмотреть всю опасность этой сложной идеологической координаты?

Надо сразу отметить, что «Собачье сердце» с этой точки зрения вписывается в достаточно плотный литературный контекст 20-х гг. Мучительная дума русской писательской интеллигенции о том, каковы нравственные возможности тех, кому отдается власть над нацией, и прежде всего нравственные качества пролетария, росла в период наступления революции буквально с каждым днем.

В ноябре 1917 г. в «Воле народа» М. Пришвин писал: «Я не знаю, во имя какого человека свершилось восстание — того, которого пригвоздили к горе Кавказа (имеется в виду, надо полагать, Прометей. — *Н. Г.*), или которого теперь разыгрывают актеры на русской сцене — человека-обезьяну. . .» («Воля народа». 1917. 5 ноября).

В статье «Гуманизм и революция» (1918) известный филолог, публицист Ф. Д. Батюшков ставил вопрос, имеющий прямое отношение к «Собачьему сердцу»: «А какие достоинства проле-

³⁰ Леонов Л. Собр. соч.: В 10 т. Т. 1. С. 271.

³¹ Там же. С. 248.

тария как такового? Ведь это понятие чисто экономическое. Пролетарий не имеет специфических качеств и свойств как „гражданин“. С него нечего спрашивать. Оно, пожалуй, удобнее, так как нетрудно всякого человека обратить в пролетария, лишив его какой-нибудь обеспеченности». ³² В этих словах не только как бы запечатлена беспокойная интонация профессора Преображенского, но и обозначено то опасное политическое условие, которое буквально, как на потоке, создавало в те годы армию, можно сказать, лжепролетариата (Шариковы-Чугункины), армию людей, отчужденных нередко от труда вообще.

Обнаружившиеся уже в первое время революции искажение, деформация сложных процессов демократизации общества оказывались в центре внимания большинства писателей. Публицистика не страшилась обнажать самые сложные противоречия в глубинах революционного сознания. «Идея справедливости — самая жестокая и самая цепкая из всех идей, овладевавших когда-либо человеческим мозгом. Когда она вселяется в сердца и мутит взгляд человека, то люди начинают убивать друг друга», — размышлял в 1905 г. на подступах к Октябрьской революции М. Волошин, видевший смысл грядущей революции в том, чтобы народ сумел «перенести внешний закон внутрь человеческой души». ³³ И вновь мы видим, что «Собачье сердце» предстало своего рода воплощением высказанных М. Волошиным тревог. Та же цепкость социальных притязаний, беззастенчиво продемонстрированная Шариковым и Швондером с сотоварищи; тот же помутневший взгляд алчущих глаз и та же неспособность лиц, действующих от имени революции, внешний закон перенести в глубь души.

Еще более глубокую разведку в область социально-психологических процессов, сопровождавших процессы демократизации, делала художественная литература.

Хотя в статье «Я боюсь» (1921) Е. Замятин и писал о том, что «настоящей литературы у нас не будет, пока не перестанут смотреть на демос российский как на ребенка, невинность которого надо оберегать», ³⁴ — можно уверенно утверждать, что русская литература пореволюционного периода не только не страшилась, но, наоборот, настойчиво стремилась узнать всю трудную правду о человеке из народа.

Уже в первое пятилетие революции появилась такая мучительно беспощадная проза, как «Дите» Вс. Иванова, «Жестокость» С. Сергеева-Ценского, «Повольники» А. Яковлева и др. Подхваченные огнем классовых сражений, крестьянин, оторванный от земли, фабричный, оторванный от дома, — эти простые люди, из самой гущи народа, предстали в литературе не только счастливыми, оттого что впервые в истории познали

³² Батюшков Ф. Д. Гуманизм и революция // РО ИРЛИ, ф. 20, ед. хр. 15.732.

³³ Волошин М. Лики творчества. Л., 1988. С. 193, 196.

³⁴ Книжное обозрение. 1988. № 15. 8 апреля.

глоток свободы, равенства. Искусство нередко рисовало их в то же время и страшными, и несчастными одновременно, потому что литература видела, как в соотечественниках рождался в буре сражений не только революционный порыв, но и разгул жестокости, жестокосердия. Десятки первоклассных по художественному мастерству произведений писали «хаос дурной демократизации (власти темной массы)».³⁵ И не было здесь ни любования маленьким человеком, ни снисхождения к нему. Литература жила болью и тревогой.

Булгаковский образ Шарикова-Чугункина постепенно вызревал в литературе тех лет.

Облик этого персонажа как одна из наиболее порочных деформаций демократизации не раз мелькал, например, в новеллистике И. Бунина. Художник увез с собой из России тревожную думу о нем. В сказке «О дураке Емеле, который вышел всех умнее» (1921) Бунин выводил такого героя, который, получив равенство в своем обществе, быстро успокоился сытостью и стал безразличен ко всему, что рядом.

Равенство, возвышающее нравственные начала личности, а не низводящее ее до состояния равного обывательского потребления, которое только и может что заселить родину Шариковыми-Чугункиными, — с такой буквально мольбой обращался Бунин к соотечественникам в миниатюре «Слепой» (1924): «Не пекитесь о равенстве в обыденности, в ее зависти, ненависти, злом состязании. Там равенства не может быть, никогда не было и не будет». Сразу вслед за этой новеллой появлялись рассказы «Мухи», «Слава» и другие, в которых писатель вновь и вновь искал черты той болезни, что порождала Чугункиных, разлагающих духовное начало в народе. Он видел истоки ее «в цельности ходячей ненасытной утробы, ее зоологической устремленности исключительно к одной цели — к лапше, к арбузу. . .». Понимая, сколь «страшна сила этой зоологической цельности»,³⁶ писатель оставался перед самым трудным, наверно, вопросом, но от него и зависела судьба невиданной по своему размаху демократизации в стране: это — «блаженство нищих духом или безразличие отчаяния? Ничего не понимаю. . .».³⁷

Сатирическое обличье булгаковских персонажей в чем-то даже облегчало отношение к ним читателя: Шариковых-Чугункиных сатира преднамеренно делала уродливыми и тем самым выделяла, отстраняла их от общей среды. Создавался как бы барьер между сценой, где действовали сатирические Шариковы, и зрительным залом, который заполняли Чугункины.

Но еще более драматической вырисовывалась ситуация, когда русская литература высвечивала Чугункиных в «зрительном зале», их присутствие в живой действительности наносило

³⁵ Наука, техника, культура: проблемы гуманизации и социальной ответственности (Материалы «круглого стола») // *Вопр. философии*. 1989. № 1. С. 7.

³⁶ *Бунин И.* Собр. соч.: В 9 т. М., 1966. Т. 5. С. 148, 168.

³⁷ Там же. С. 152.

ей неизлечимые травмы. Косноязычная, но агрессивная демагогия Чугункиных, их социальная алчность, душевная распущенность вторгались в народную жизнь, изъязвляли ее. Здесь были Заварихин и Чикилев из «Вора» Леонова, Чурыгин из рассказа Е. Замятина «Слово предоставляется товарищу Чурыгину», персонажи И. Бабеля, О. Форш и других писателей.

Особый интерес представляет в этом плане повесть С. Семенова «Голый человек» (1924). В повествовании с особой идеологической обнаженностью обсуждался вопрос о том, в какой опасной демагогической эквилибристике может происходить в общественных представлениях подмена понятий «человек» и «гражданин», подмена, неизбежно уродующая и личность, и высокие идеи революции. «Наша эпоха окончательно и до дна подменила человека гражданином. . . — утверждал герой повести. — Мы до сих пор свои низшие зоологические инстинкты, организованную чудовищность нашей культуры, кровавый цвет нашей эпохи оправдываем близкими целями всеобщей гармонии. . . Человеку убить человека — всегда мучительно, всегда трудно, всегда трагедия; убить гражданину миллионы подобных себе — всегда легко. . . Еще бы не легко — впереди маячат такие идеальные цели!». ³⁸ Как показывают трагические маршруты, пройденные страной в XX в., нелегкие рассуждения героя о деформации гуманности, о сложностях взаимоотношений личности с общеполитическими устремлениями эпохи имели под собой немало оснований в 20-е гг. и еще больше этих оснований появилось в годы последующие. Но, с точки зрения булгаковской темы, «Голый человек» интересен особенно тем, что, рисуя одно из уродств, порожденных подменой понятий «человек» и «гражданин», С. Семенов создает нечто вроде прообраза будущего Шарикова. В главе «Посещение Афоньки» появляется человек, в котором столь же омерзительно сочетаются безнравственность, социальная агрессия и политическая демагогия.

Литературный контекст «Собачьего сердца» еще предстоит изучать в широких и многообразных художественных параллелях. Но и сегодня становится все лучше видно, что Булгаков в своих творческих исканиях не был одинок, весь воздух литературы 20-х гг. был насыщен теми же проблемами, которые волновали и автора «Собачьего сердца».

---

³⁸ Семенов С. Голый человек. Л.; М., 1924. С. 10—11.

А. И. Павловский

Булгаков и Ахматова

Сплетней изувечены,
Биты кистенем. . .

(А. Ахматова
«Застольная»)¹

В их судьбах, даже в миропонимании и интересах было так много родственного — и это при огромной разнице в собственно ремесле, что кажется случайностью, как это до сих пор, за очень беглыми исключениями, никто их не сблизил, не поставил рядом: ведь если говорить о духе времени и о его жестоко изуродованной плоти, то они оба, конечно, сходно принадлежат своей эпохе и потому, при упомянутой разнице (у одного — проза и драма, у другой — поэзия), они чувствовали, думали, а подчас и писали сходное, грозившее им всечасной гибелью от любой строки.

Я не искала прибыли
И славы не ждала,
Я под крылом у гибели
Все тридцать лет жила.²

Когда они, ставшие близкими друзьями, познакомились? Об этом нет точных сведений. В. Я. Виленкин, автор книги «В сто первом зеркале», хорошо знающий ахматовскую биографию, постоянно общавшийся с Булгаковым по театральным делам, знавший его семью, пишет по этому поводу: «Труднее всего мне ответить на Ваш вопрос о том, когда и где впервые встретились Анна Андреевна с Булгаковым. Знаю точно, что осенью 1935 года она пришла к нему уже как знакомая. Обратилась за советом, а м(ожет) б(ыть), и за помощью в связи с арестом Левы и Пунина (сына и мужа Ахматовой, — А. П.). Эта помощь была оказана, кажется, в составлении текста письма Сталину, и — наверное, т. е. я это знаю, — он ей посоветовал написать письмо от руки, не на машинке. Кажется, помог и передать письмо (через Н. П. Русланова — Поскребышеву?).»

До этого, в апреле 35 г., они общались, судя по дневнику Е. С. Булгаковой, по крайней мере дважды: 6-го А. А. обедала у Булгаковых. 13-го „Миша днем заходил к Ахматовой“.

В воспоминаниях А. А. о Мандельштаме (ГПБ) есть такие строчки: „Зимой 1933/34 г., когда я гостила у Мандельштамов в Нашокинском в феврале 1934 г., меня пригласили на вечер Бул-

¹ Ахматова Анна. Соч.: В 2 т. М., 1986. Т. 1. С. 237. В дальнейшем ссылки на сочинения А. Ахматовой, кроме специально оговоренных, даются в тексте по этому изданию.

² Ахматова Анна. Стихи из сожженной тетради (Из неопубликованного) // Даугава. 1987. № 9. С. 125. Публ. Р. Тименчика.

Михаил Афанасьевич Булгаков.
1926 г.

Афанасий Иванович Булгаков. 1900-е гг.

Варвара Михайловна Булгакова. 1915 г.

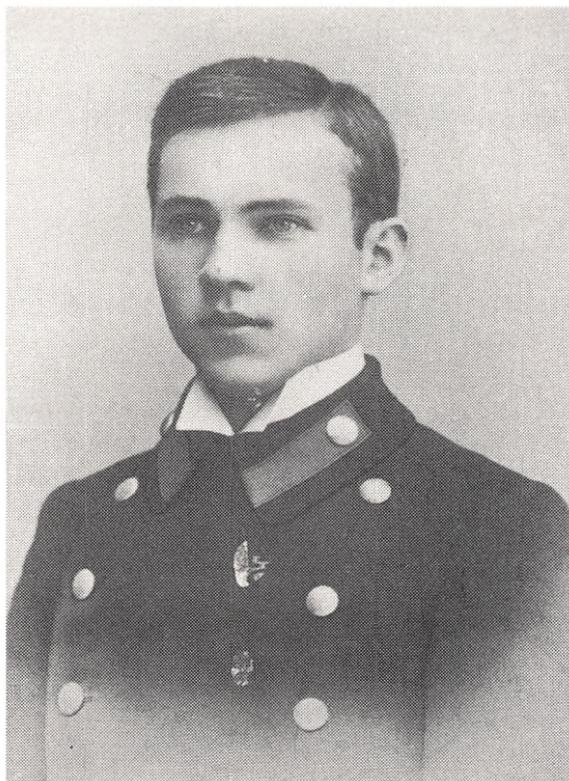
Татьяна Николаевна Булгакова (урожд. Лаппа).
1910-е гг.

Николай Афанасьевич Булгаков.
1926 г.

Евгений Иванович Замятин.
1926 г.

Константин Петрович Булгаков (двоюродный брат).
1910-е гг.

Из коллекции А. С. Бурмистрова

Платон Петрович Гдешинский.
1910-е гг.
Из коллекции А. С. Бурмистрова

Александр Петрович Гдешинский.
1930-е гг.
Из коллекции А. С. Бурмистрова

гакова. Осип взволновался: «Нас хотят сводить с московской литературой?!» Чтобы его успокоить, я неудачно сказала: «Нет, Булгаков сам изгой. Вероятно, там будет кто-нибудь из МХАТ'а». Осип совсем расстроился. Он бегал по комнатам и кричал: «Как оторвать Ахматову от МХАТ'а?» (Уверен, что гнев был наигранным, несерьезным. Просто О. Э-чу показалась забавной произвольная аллитерация — „ахмат“ — „мхата“ и он ее смаковал).

Вот все, что я знаю. Думаю, что познакомились они (м<ожет> б<ыть>, у Пильняка?) не раньше начала 30-х гг. Если бы это произошло раньше, это непременно отразилось бы в чрезвычайной точных и подробных записях П. Лукницкого 20-х гг., а с ними (правда, далеко не полностью) меня недавно ознакомила его вдова. Но подчеркиваю: не полностью. Так что и эта ссылка шаткая. . .».³

Все же первая встреча Ахматовой с Булгаковым произошла раньше — в мае 1926 г. Он приехал тогда в Ленинград, так как был приглашен выступить на вечере писателей в филармонии.

Жизнь иногда тоже бывает неплохим драматургом. Дело в том, что Булгаков приехал сразу же после первого в своей жизни обыска: у него отобрали рукописи и дневники. Понимал ли он, что этот эпизод вовсе и не эпизод, а зловещая мизансцена, поставленная органами ОГПУ как бы с целью возвестить о начале той «полной гибели всерьез», о которой применительно к судьбе художника скажет впоследствии Пастернак? Скорее всего, еще не понимал: шла всего лишь середина 20-х гг. — то было время, по его позднейшей оглядке назад, относительно благополучное. Он писал и печатал фельетоны, рассказы, сатирические повести, задумывал «Белую гвардию», к нему проявили интерес театры — МХАТ и вахтанговцы. Он еще не был тем зафлаженным волком, гонимым «по всем правилам литературной садки в огороженном дворе», по его горькому выражению в черновике письма к Сталину.⁴ Он еще был, как ему думалось, свободен.

На вечере в Ленинградской филармонии Булгаков, по-видимому, читал «Похождения Чичикова», но, возможно, и кое-что из «Записок на манжетах». Чтец он, по всем о нем воспоминаниям, был превосходный. У него была чисто актерская способность к перевоплощению и к мгновенной импровизации. Да ведь и сама булгаковская проза содержит богатейшие потенциальные возможности для многовариантного актерского чтения. Как бывает проза поэта со всеми отличительными своими особенностями, так безусловно существует и проза драматурга, и если искать примеры подобного феномена, то именно Булгаков может служить образцом писателя, остающегося верным своему жанру во всех других сочинениях — от заметок и фельетонов до романа.

Тогда на вечере выступали вместе с Булгаковым Л. Борисов, Е. Замятин, М. Зощенко, В. Каверин, Б. Лавренев, Н. Никитин,

³ Письмо В. Я. Виленкина автору статьи от 15 XII 1987

⁴ Булгаков М. Из литературного наследия: Письма / Публ. и послесл. В. Лосева // Октябрь. 1987. № 6. С. 181.

Ф. Сологуб, Н. Тихонов, А. Толстой, К. Федин и — Анна Ахматова. Надо думать, что Булгаков, будучи представленным всем петербургским знаменитостям, познакомился, конечно, и с Ахматовой. Правда, у нас нет никаких документов, чтобы можно было это знакомство 1926 г., так сказать, «запротоколировать», но документы в этом случае вряд ли и нужны. Скорее всего, знакомство носило формальный характер и вряд ли в ближайшее за маем 1926 г. время имело какое-либо продолжение. Булгаков, кроме того, торопился в Москву, где его ждала переворошенная перед самым отъездом квартира и очень беспокоили отобранные дневники. Он был встревожен не на шутку. Не забудем, что он приехал в 1921 г. из Киева и хорошо помнил, как за любую крамольную бумажку запросто ставили к стенке и белые, и красные, и зеленые, и петлюровцы, и махновцы.

Кстати, самый год приезда Булгакова в Москву (1921) оказался в полном смысле слова литературно-траурным: 7 августа умер Блок, 24-го расстреляли Гумилева, а в сентябре ходил упорный слух, что в Петрограде умерла Анна Ахматова.

Вероятно, слушая на вечере в филармонии Ахматову, он мог вспомнить, как был ошеломлен вестью о гибели трех поэтов.

Выступление Ахматовой на вечере в филармонии 12 мая 1926 г. было уже большой редкостью в ее тогдашней жизни. Она была в опале, стихов почти не писала, уйдя вместо них в изучение архитектуры пушкинского Петербурга и — для заработка — в переводы. Высказывания в ее адрес напостовской и иной критики были оскорбительными. Не только, впрочем, советская, но и зарубежная (эмигрантская) критика считала ее поэзию реликтом, прекратившим какое-либо живое движение. По ее позднему выражению, ее «замуровали» в 10-е гг. Эмиграция не могла простить ни стихотворения-инвективы «Мне голос был. Он звал утешно. . .», ни горького и пророческого стихотворения «Не с теми я, кто бросил землю. . .». В глазах же отечественной вульгарной критики она была «обломком империи», декаденткой и внутренним эмигрантом.

Всему этому было суждено длиться десятилетия.

Однако вернемся на минуту к первой встрече — в филармонии, в 1926 г.

Как сказано, Булгаков читал тогда скорее всего, «Похождения Чичикова» — своеобразную гоголиану. Известно, что Гоголь (после Пушкина) был заветнейшим художником Ахматовой, он значил для ее духовного мира исключительно много. Вполне возможно, если учесть этот интерес, что первое внимание к Булгакову возникло именно на этой почве. Булгаковскую «чертовщину» она и впоследствии, когда знакомство переросло в дружбу, очень ценила. Ахматова всегда любила всякую ворожбу, гадания, верила в жизнь изображений в старых зеркалах и многое другое, что трезвые и скучные люди называют мистикой, а ученые — ирреальностью, но что для поэтов является притягательной в своей непознанности оборотной и загадочной стороной видимого

мира. Наверно, все же не случайно Гумилев называл свою юную жену колдуньей, когда писал:

Из города Киева,
Из логова Виева
Привез не жену, а колдунью...⁵

Кстати, Киев, как вскоре оказалось, тоже по-своему объединял Ахматову и Булгакова: она заканчивала там Фундуклеевскую гимназию, находившуюся поблизости от Первой мужской, где учился, будучи на два года ее младше, Булгаков. Они, следовательно, в своей юности бывали в тех же местах, где любила проводить время, флиртовать, влюбляться, назначать свидания тогдашняя гимназическая и студенческая молодежь. В отличие от Булгакова, считавшего Киев лучшим городом на свете, Ахматова его не любила, но главным образом из-за своего тогдашнего семейно-бытового окружения. Но в ее стихи Киев вошел несколькими прекрасными строфами:

Древний город словно вымер,
Странен мой приезд.
Над рекой своей Владимир
Поднял черный крест.

Липы шумные и вязы
По садам темны,
Звезд иглистые алмазы
К богу внесены.

Путь мой жертвенный и славный
Здесь окончу я.
И со мной лишь ты, мне равный,
Да любовь моя.

(I, 87—88)

Можно вспомнить, кроме того, что Ахматова по отцу была украинкой, знала язык, любила Шевченко, а Гоголя с молодости — как автора Рудого Паньки и веселой чертовщины — помнила наизусть.

Когда впоследствии Ахматова познакомилась в доме Булгакова с его женой Еленой Сергеевной, то к искреннему веселью хозяина, любившего шутку, озорство, розыгрыши и всякого рода ворожбу со словом и поступками, это была встреча. . . двух «колдуний», тотчас вступивших в состязание в чародействе. Повидимому, и та и другая имели те, на теперешний взгляд уже почти расхожие свойства, обладателей которых сейчас называют вполне опошлившимся словом «экстрасенс».

Когда однажды, уже в Ташкенте, в годы войны, Ахматовой пришлось жить в комнате уехавшей из эвакуации в Москву Елены Сергеевны, она написала стихотворение, в котором и себя,

⁵ Новый мир. 1987. № 9. С. 45.

и Булгакову называла то ли в шутку, то ли всерьез именно «колдуньями»:

В этой горнице колдунья
До меня жила одна:
Тень ее еще видна
Накануне полнолуны,
Тень ее еще стоит
У высокого порога,
И уклончиво и строго
На меня она глядит.
Я сама не из таких,
Кто чужим подвластен чарам,
Я сама. . . Но, впрочем, даром
Тайн не выдаю своих.

(I, 209)

В их чародействах, при жизни и участии Булгакова, было много задора, веселья и игры — в отличие от сегодняшней унылой полунаучной «магии», пытающейся скрыть свое невежество и прагматичность под технизированной фразеологией и вполне наивным «окультизмом». В их игре было много от литературы, от Гоголя, от Гофмана, они любили Калиостро, и обе ценили прелестный посвященный этому авантюристу роман М. Кузмина, знали множество фольклорных заклятий, наговоров и присушек; для Ахматовой, «почти» киевлянки, и для Булгакова, коренного киевлянина, вся эта «чертовщина», веселая и забавная, была совершенно живой жизнью, даже бытом, отделенным от Гоголя не столетием, а всего лишь полутора сутками езды по железной дороге. Не забудем, что Булгаков был не только превосходным чтецом и рассказчиком, но и талантливым актером, лицедеем и пересмешником. Может быть, бывая у Булгаковых, в их гостеприимном доме, где в любой момент мог случиться какой-нибудь розыгрыш, Ахматова невольно вспоминала «Бродячую собаку», с ее веселыми нелепостями, и «Привал комедиантов», где было полно актерства, где все были так молоды и все были влюблены, а сама атмосфера дышала лукавством и грехом, где стены были расписаны Судейкиным и где блистала юная и грешная, изящная и обольстительная Путаница-Психея — Ольга Афанасьевна Глебова-Судейкина, подруга ахматовской юности, будущая героиня «Поэмы без героя»:

Ты ли, Путаница-Психея,
Черно-белым веером вея,
Наклоняешься надо мной. . .

(I, 275)

А сколько «чертовщины» в «Поэме без героя»! Какая там игра зеркал и «зазеркалий», таинственных и зловещих отсветов и быстрых скольжений к пропастям и обрывам. Там появляются, словно в знаменитых «Снах» из «Бега», странные фигуры, подсвеченные нездешним светом, и целые вереницы призраков; там

в канун 1941 г. встречают 1913-й, а скелеты танцуют канкан возле разрытых могил; там есть строфы, написанные «симпатическими чернилами» и «зеркальным письмом»; там появляются вместе Калиостро, Маяковский, Шалапин и Блок, а Путаница-Психея не перестает танцевать, хотя ее возлюбленный уже застрелился. . .

При чтении «Поэмы без героя», с ее трагическим маскарадом, с ее лицами, отмеченными печатью гибели, с ее шутками, отдающими стоном, с улыбками, похожими на гримасы, с ее шутейным действием, переходящим в трагедию, нельзя не вспомнить Булгакова — не только «Мастера и Маргариту», но и «Театральный роман», «Дьяволиаду», и «Бег», и даже «Кабалу святош». . .

Однако вернемся снова ненадолго к 20-м гг. Тот год, когда Ахматова и Булгаков впервые познакомились, был для него в сущности последним годом, еще отмеченным надеждами на реальное свершение многих близких планов — в особенности на постановку «Зойкиной квартиры» и «Дней Турбиных».

И действительно, «Дни Турбиных» в одном лишь октябре 1926 г. давали (в МХАТе) тринадцать раз, в ноябре — четырнадцать, а через год уже будет 150 спектаклей.

И все же то был успех всего лишь одного произведения. Булгаков вскоре начал понимать, что он загнан в собственную пьесу, как в клетку, потому что едва ли не всем другим его произведениям были перекрыты все пути.

Да и спектакли «Дней Турбиных» имели успех у публики, что, конечно, важно, но не у критики, что внушало серьезные опасения. Со стороны критики слышалось почти сплошное улюлюканье. Было похоже, как если бы охотники гнали зверя. На пьесу словно легло некое заклятие. Считалось, что автор показывает революцию не с «нашей», а с «той» стороны, что он, уютно устроившись в интерьере барской квартиры, смотрит на все через «кремовые занавески», что к белогвардейцам относится, конечно же, с любовью, поскольку и сам — скрытый белогвардеец. Поэт Александр Безыменский обратился к Художественному театру с «Открытым письмом», где писал, что Булгаков «чем был, тем и останется: новобуржуазным отродьем, брызжущим отравленной, но бессильной слюной на рабочий класс и его коммунистические идеалы», он считал, что МХАТ, поставив «Дни Турбиных», дал «пощечину» памяти «тысяч наших растерзанных братьев и мне, поэту и рядовому большевику».⁶

В книге «Творческий путь Михаила Булгакова» Лидия Яновская подобрала целый букет высказываний, ничем не уступавших политическому доносу А. Безыменского. Она пишет, что рецензии на спектакль были «почти в стопроцентном большинстве» отрицательные. В них, как правило, содержались политические обвинения и резкие выпады против как автора, так и Художественного театра. Писали так: «Художественный театр получил от

⁶ Комсомольская правда. 1926. 14 октября.

Булгакова не драматургический материал, а огрызки и объедки со стола романиста» (М. Загорский); «Пьеса политически вредна, а драматургически слаба» (О. Литовский); «Это объективно „белая агитка“» (он же); «Белый цвет выпирает настолько, что отдельные пятнышки редисочного цвета его не затушевывают» (А. Орлинский); «Автор одержим собачьей старостью» (В. Блюм); «Пьеса как вещь — мелочь» (А. Асиров). И т. д.⁷

Чем дальше к концу 20-х гг., тем травля становилась сильнее и организованнее. Оказались запрещенными все его пьесы — и «Дни Турбиных», и «Бег», и «Зойкина квартира». Было запрещено также издание «Записок на манжетах», переиздание сборника сатирических рассказов «Дьяволиада», изъята рукопись повести «Собачье сердце», запрещено публичное исполнение «Похождений Чичикова», прервана публикация романа «Белая гвардия»...

В проекте письма к Сталину Булгаков писал: «На широком поле словесности российской в СССР я был один-единственный литературный волк. Мне советовали выкрасить шкуру. Нелепый совет. Крашенный ли волк, стриженный ли волк, но все равно не похож на пуделя.

Со мной и поступили как с волком...

Злобы я не знаю, но я очень устал и в конце 1929 года свалился. Ведь и зверь может устать...»⁸

В этом письме, являющемся трагическим документом эпохи, есть только одна неточность: Булгаков, к несчастью для советской литературы, не был единственным изгоем. В сходном положении оказался его близкий друг Е. Замятин, также вынужденный обратиться с письмом к Правительству, а затем эмигрировать — в результате жесточайшей травли, продолжавшейся для него с самого начала 20-х гг., когда он написал роман «Мы». Сходная беда подкрадывалась и ко многим другим, в том числе и к В. Маяковскому, покончившему самоубийством именно в то роковое время, когда Булгаков и Замятин писали Сталину свои письма.

Ахматова к концу 20-х гг. также почувствовала себя в полнейшей и исключительно враждебной изоляции. Не случайно, оглядываясь на свой путь, отмеченный, как и булгаковский, вынужденным молчанием, клеветой и карами, она тоже сравнила себя со зверем, но даже не с уставшим зверем, а с растерзанным и вздернутым на окровавленный крюк:

Вы меня, как убитого зверя,
На кровавый поднимете крюк...

(I, 330)

Наверное, не случайно, что именно к концу 20-х гг. относятся первые наброски романа Булгакова «Мастер и Маргарита»,

⁷ См.: Яновская Л. Творческий путь Михаила Булгакова. М., 1983. С. 170—171.

⁸ Октябрь. 1987. № 6. С. 181.

в котором литературно-общественный быт парадоксально и закономерно соединен с образом Голгофы и Христа.

Этот образ вскоре стал тревожить и поэтическое сознание Ахматовой: на протяжении 30-х гг. она работает над циклом стихов, составивших поэму «Реквием», где образы Матери и казненного Сына соотнесены с евангельской символикой.

Для обоих художников обращение к библейским образам и мотивам было закономерным, так как давало возможность предельно широко раздвинуть временные и пространственные рамки своих произведений, чтобы показать, что силы Зла, взявшие в стране верх, вполне соотносимы с крупнейшими общечеловеческими трагедиями. Торжество Воланда и всемогущий мрак каторжных лагерей олицетворяют у Булгакова и Ахматовой прежде всего кошмарный мир сталинских репрессий и чудовищной по своей дьявольской бесчеловечности государственной системы. Ни тот, ни другая не считают происшедшие в стране беды ни временными нарушениями законности, которые могли бы быть легко исправлены, ни заблуждениями отдельных лиц. Библейский масштаб заставляет мерить события самой крупной меркой. Ведь речь шла об исковерканной судьбе народа, о геноциде, направленном против нации и наций, о миллионах безвинных жертв, об отступничестве от основных общечеловеческих моральных норм.

Вот почему оба они были — в глазах чиновников, запрещавших пьесы и стихи, в глазах обывателей и составителей доносов — людьми безусловно опасными, чуть ли не проклятыми, которых, пока их не упрятали в тюрьму, лучше остерегаться. Оба прекрасно понимали свою отверженность:

Не лирою влюбленного
Иду пленять народ —
Трещотка проклятого
В моей руке поет.
Успеете наахаться
И воя и кляня.
Я научу шарахаться
Вас, смелых, от меня. . .⁹

Время, о котором пишет в своем письме В. Я. Виленкин, утверждая, что к 1935 г. они были уже хорошо знакомы, было исключительно тяжелым. Если в 1929 г. М. Булгаков говорил, что он «устал», то в 30-е гг. его «усталость» обернулась смертельной болезнью. Его уже не били, а добивали — беспощадно, настойчиво и методично. В письме к Б. В. Асафьеву он писал: «За семь последних лет я сделал шестнадцать вещей разного жанра, и все они погибли. Такое положение невозможно. . . В доме у нас полная бесперспективность и мрак. . .».¹⁰ С ним, правда, заключали до-

⁹ Ахматова Анна. Стихи из сожженной тетради (Из неопубликованного).

¹⁰ РО ИРЛИ, ф. 369.

говору. Именно по договорам с театрами он написал пьесы «Адам и Ева» (1931), «Блаженство» (1934), «Иван Васильевич» (1935) — все эти вещи не были, однако, поставлены. Такая же судьба постигла «Полоумного Журдена» (1932), «Последние дни» (1935), «Дон Кихота» (1938)... Будучи либреттистом Большого театра, Булгаков написал четыре оперных либретто («Черное море», «Минин и Пожарский», «Петр Великий» и «Рашель»), но и они не дошли до оперных постановок. Сопротивление Булгакова судьбе было, однако, поразительным. Еще в проекте письма к Сталину (1930) он мужественно заявлял: «Нет такого писателя, чтобы он замолчал. Если замолчал, значит был не настоящий. А если настоящий замолчал — погибнет...»¹¹

30-е гг. были для него непрестанной, ежедневной и ежечасной борьбой с гибелью посредством творчества. Этот период в его жизни был наиболее продуктивным — никогда он не писал так много, так самоотреченно и так блистательно, как в тридцатые. И никогда с такой жестокой последовательностью не отвергались почти все его вещи. Не случайно, конечно, именно в эти годы тема «Художник и Власть» станет для него магистральной, особенно резко воплотившись в пьесах о Мольере («Кабала святош») и о Пушкине («Последние дни»), а также, разумеется, в романе «Мастер и Маргарита», который он писал уже на излете своей смертельной болезни, исчерпав буквально все силы и отчужденно понимая, что все написанное уйдет, по его словам, «во тьму ящика»¹² — как в гроб. «Впрочем, — характерно комментировал он свои предсказания, — мы не знаем нашего будущего».¹³

Удивительно, но необыкновенный взлет творчества — и по тем же трагическим причинам, что у Булгакова, — пережила в 30-е гг. Ахматова. В 20-е гг. она, как уже говорилось, почти не писала — то были годы, когда она думала, что песенный дар навсегда покинул ее. Трагедии 30-х гг. словно высекли искру из кремня, и пламя ее творчества взметнулось высоко и торжествующе. Как и Булгакова, ее не печатали. Да и как можно было напечатать «Реквием», или «Черепки», или многие другие стихи, где говорилось о трагедии художника, сопряженной с трагедией народа. Бесследно исчезали друзья — Б. Пильняк, О. Мандельштам; исчез Н. Клюев — автор лучшего, по мнению Ахматовой, стихотворения о ее творчестве. Был разрушен семейный очаг — арестован сын, а затем сослан и муж — Н. Пунин. Она могла бы повторить слова Булгакова: «В доме у нас полная бесперспективность и мрак...». Тема разоренного очага — одна из главнейших в ее творчестве этих лет:

---

¹¹ Октябрь. 1987. № 6. С. 181.

¹² Письмо к Е. С. Булгаковой от 15 VI 1938. Цит. по статье О. Е. Есипова О пьесе М. Булгакова «Дон Кихот» (Из творческой истории) // Проблемы театрального наследия М. А. Булгакова: Сб. научных трудов. Л., 1987. С. 92.

¹³ Там же.

Я пью за разоренный дом,
За злую жизнь мою,
За одиночество вдвоем
И за тебя я пью, —
За ложь меня предавших губ,
За мертвый холод глаз,
За то, что мир жесток и груб,
За то, что бог не спас.

(«Последний тост», I, 187)

В 1935 г. она пишет стихотворение-инвективу, в котором тема судьбы поэта, трагической и высокой, соединена со страстной филиппикой, обращенной к властям:

Зачем вы отравили воду
И с грязью мой смешали хлеб?
Зачем последнюю свободу
Вы превращаете в вертеп?
За то, что я не издевалась
Над горькой гибелью друзей?
За то, что я верна осталась
Печальной родине моей?
Пусть так. Без палача и плахи
Поэту на земле не быть.
Нам покаянные рубахи,
Нам со свечой идти и выть.¹⁴
(«Зачем вы отравили воду...»)

В «Реквиеме» Ахматова скорбела и плакала не только о своей личной трагедии, но имела в виду прежде всего трагедию народа, миллионы и миллионы безвинных жертв:

Для них соткала я широкий покров
Из бедных, у них же подслушанных слов.
О них вспоминаю всегда и везде,
О них не забуду и в новой беде.
И если зажмут мой измученный рот,
Которым кричит стомиллионный народ,
Пусть так же они поминуют меня
В канун моего погребального дня...¹⁵

Да, как и у Булгакова, в ее творчестве 30-х гг. происходит удивительный по своей интенсивности и силе взлет. Материнское ли горе («...сына страшные глаза — Окаменелое страданье»), трагедия ли народа, или же ощущение новой небывалой и уже приближавшейся военной беды, — что было тому причиной? Скорее всего — все: вся совокупность причин и следствий, из которых главной для поэта была трагедия его народа:

Нет! И не под чуждым небосводом
И не под защитой чуждых крыл —

¹⁴ Ахматова Анна. Стихи из сожженной тетради (Из неопубликованного).

¹⁵ Ахматова Анна. Реквием // Октябрь. 1987. № 3. С. 134.

Я была тогда с моим народом,
Там, где мой народ, к несчастью, был.¹⁶
(«Так не зря мы вместе бедовали. . .»)

Ахматова в произведениях 30-х гг. подчеркивала свою полную приобщенность к народной жизни. Ее дарование, будучи по природе своей внутренне трагедийным, со всей силой своих возможностей откликнулось на трагические и бедственные стороны народной жизни. Более того, она почувствовала и осознала свою гражданскую и художественную ответственность перед людьми, которых заставили не только страдать, но и молчать. В предисловии к «Реквиему» она прямо написала об этом. «В страшные годы ежовщины я провела семнадцать месяцев в тюремных очередях в Ленинграде. Как-то раз кто-то „опознал“ меня. Тогда стоящая за мной женщина с голубыми губами, которая, конечно, никогда в жизни не слыхала моего имени, очнулась от свойственного нам всем оцепенения и спросила меня на ухо (там все говорили шопотом):

. А это вы можете описать?

И я сказала:

— Могу.

Тогда что-то вроде улыбки скользнуло по тому, что некогда было ее лицом».¹⁷

Ахматова приняла этот необыкновенный заказ на Реквием с полным пониманием своей силы и ответственности.

Оба художника несли свою трагедию, замкнувшую их рот, как писала Ахматова, «черной краской», в равной мере достойно, идя навстречу гибели мужественно и самоотреченно. В основных мотивах своего творчества они постоянно перекликались друг с другом. Их встречи становились реже и грустнее, не было былых розыгрышей и веселья, все труднее и труднее было писать. В отличие от Булгакова, упорно продолжавшего заключать договоры, принимавшегося то за либретто, то за учебник по истории СССР, то в последнем отчаянии за пьесу о молодом Сталине («Батум»), то есть все пробывавшегося и пробывавшегося к читателю и зрителю и, следовательно, не терявшего несбыточной надежды, Ахматова шла другим путем. Этот путь не она выбрала, а он ее выбрал: ведь Ахматова не могла заключать договоры, упорствовать с издателями, бороться за свое писательское право в открытую, так как в глазах власти, так и не откликнувшейся на ее письмо о помиловании сына, она была безнадежно и абсолютно неприемлемой: во-первых, как жена (хотя бы и разведенная) расстрелянного «контрреволюционера» Гумилева, во-вторых, как мать сосланного за «антисоветскую деятельность» сына и, наконец, как жена (правда, тоже разведенная) заключенного Н. Пунина. При желании всегда могли найтись и четвертые, и пятые причины.

¹⁶ Ахматова Анна. Стихи из сожженной тетради (Из неопубликованного). С. 126. Эту строфу А. Ахматова поставила эпитафией к поэме «Реквием».

¹⁷ Ахматова Анна. Реквием. С. 13.

Если Булгаков еще в 1930 г. мог сравнивать себя с затравленным волком, гонимым по всем правилам смертельной охоты, то и Ахматова была в такой же степени затравленной и гонимой; она могла ежечасно ожидать ареста и гибели, а пока что ей позволялось существовать, но уж ни в коем случае не рассчитывать на читательское внимание. Правда, одна из книг, составленная в большинстве своем из прежних стихов, все же увидела свет, но так как в ней по преимуществу была представлена лирика из дореволюционных сборников, то она сыграла роль в общем неблагоприятную для Ахматовой, потому что невольно лишь подтверждала ходячее мнение и официальную версию о «реликтовом» характере ее поэзии. Недаром М. Цветаева, не знавшая новых ахматовских стихов и уж, конечно, не имевшая представления ни о «Реквиеме», ни о «Черепках», ни о других произведениях, раскрывавших трагедию репрессивного периода, говорила, что Ахматова, увы, осталась в прошлом и что ее знаменитые слова о «непоправимо белой странице» в полной мере можно отнести ко всему двадцатилетию после Октября. Но Ахматова, как мы знаем, оставалась, подобно Булгакову, живым писателем — аналитиком и летописцем своей трагической эпохи. Однако в отличие от своего друга она сознательно и с полной мерой ответственности писала для будущего, совершенно отказавшись от какой-либо надежды на прижизненное издание многих и многих своих стихов. Были годы, когда она не только не надеялась на печатание, но даже и не записывала своих стихов, держа их в памяти, так как боялась арестов и обысков. Ее друзья запоминали их с голоса или же с того клочка бумаги, на котором она быстро набрасывала стихотворные строки, чтобы тут же предать их огню. Известно, что Е. С. Булгакова, не имевшая памяти на стихи, со слезами на глазах терпеливо заучивала стихотворную эпитафию, написанную Ахматовой Булгакову. Кто-то, горестно шутя, называл этот период изустного бытования ахматовских стихов фольклорным. Если учесть, какое количество вариантов, нередко возвращавшихся к Ахматовой, словно из дальних странствий, с измененными строчками, существовало все эти годы, то слова о фольклорности не покажутся парадоксальными. Характерно, что фольклорность (в смысле бытования) соединилась у нее в 30-е гг. с умением и стремлением быть подлинно народной — в глубоком значении этого понятия. Ведь «Реквием», как мы знаем, написан словами, подслушанными в тюремных очередях.

Отказавшись, как говорила Ахматова, от «изобретения Гутенберга», она получила печальную возможность писать и говорить то, что при расчете на печать было бы невозможно. Трагический парадокс заключался, если иметь в виду Булгакова, однако, в том, что и расчет на печать никак себя не оправдывал: ведь большинство булгаковских произведений, написанных в 30-е гг., так и не увидело света. В отличие от Ахматовой Булгаков, надевшийся на опубликование, в известной мере как бы уходил в прошлое — в «Кабале святош», в Мольериане, в «Дон Кихоте», в «Иване Ва-

сильевиче», в «Последних днях». Это его не спасло, так как все эти вещи, с их внутренним смыслом и слишком ясными аллюзиями, целили, конечно же, в современность. Ахматова же, трезво понимавшая свое особое и вполне обреченное положение, ни о каком спасении своих стихов не могла и думать: она их создавала, читала друзьям, и они какими-то неведомыми путями, поверх запретов и препон, уходили к тому читателю, которого она впоследствии в цикле «Тайны ремесла» назвала своим неведомым другом. Поэтому — еще один парадокс: будучи в глазах большинства и тем более в глазах власти «поэтом любви», художником вполне асоциальным, очень камерным и хрупким, изломанно-декадентским и т. д. и т. д., она на самом деле сформировалась благодаря трагическим условиям тогдашней жизни в писателя острого социального мышления. Она писала в 30-е гг. только и исключительно о современности: величайшая общественная трагедия, затронувшая ее собственную жизнь, придала ее произведениям широкий размах и политическую глубину. Беда заключалась в том, что, как и многие другие честные и чуткие художники, она была вынуждена молчать. На молчание был обречен и Булгаков — при всей его отчаянной и судорожной борьбе за право на печать и на сцену. Лишь в последние год-полтора своей жизни, торопившийся в виду приближавшейся смерти закончить роман «Мастер и Маргарита», он, по-видимому, солидаризировался с Ахматовой, поняв, что, кроме как во «тьму ящика», писать некуда.

Жизнь была их с такой жестокостью и последовательностью, так настойчиво и свирепо пресекала все попытки противостояния и даже той молчаливой борьбы, какую избрала для себя сначала Ахматова, а потом и Булгаков, что образ Судьбы и даже Рока (в античном смысле) не мог не появиться у обоих. Их действительно зримо сближала прежде всего абсолютная — в античном или в ветхозаветном смысле — трагичность судьбы. Оба любили Софокла, оба пришли в своем творчестве к образу Христа и Голгофы. Их объединял также непререкаемый, обреченный и такой же абсолютный дух мужества.

Как бы в насмешку Судьба и Рок не были для них подсвечены ни традиционно-романтическим зыбким звездным блеском, что дало бы некую поэтическую иллюзию, столь ценимую любым художником, ни inferнальным отблеском подземных адских огней, излюбленных трагическими и романтическими поэтами. Нет, Судьба (или Рок) представляли взору обоих в неприглядном и жутковато обыденном облике: то были «маруси» и «черные вороны», подъезжавшие по ночам к тревожно спящим квартирам; то были одиночество, разворошенный очаг и нищета. По иронии той же судьбы Ахматова жила то в Мраморном дворце, то в Фонтанном, где занимала не апартаменты, подобающие, казалось бы, королеве поэзии, а полупустую комнату в коммунальной квартире. Булгаков, живший несколько благополучнее, все же писал (в уже цитированном письме) о «полной бесперспективности и мраке». Как романист он поселил в своей квартире и Азазелло, и Воланда. А Ахма-

това превратила Фонтанный Дом (в «Поэме без героя») в место встречи мертвецов и в театр призраков.

По знаменитому выражению Б. Пастернака (в стихотворении «Ночь»), художник — пленник времени.

И Ахматова (друг Пастернака), и Булгаков были и пленниками и смертниками своего времени. Но в соответствии с поэтической формулой Пастернака:

Не спи, не спи, художник,
Не предавайся сну.
Ты — вечности заложник
У времени в плену, —¹⁸

они оба, и Ахматова и Булгаков, не могли — как художники — не ощущать у своих щек дыхания вечности. Всей своей художнической сутью, всей конкретностью своего существования связанные с «днем» и даже с «моментом», они не упускали из виду того великого масштаба, на котором нанесены самые крупные рубрикации бытия. Что останется от «дня»? Останется то, что непреходяще и вечно. В 30-е гг. Булгаков доказывал эту мысль в Мольериане, в «Пушкине» («Последние дни»), в «Дон Кихоте» и едва ли не во всех других вещах, все больше делая упор на всевластии искусства и на торжестве вечных нравственных законов, выработанных человечеством на протяжении многих столетий. Милость Людовика, разрешившего Мольеру поставить спектакль, чтобы «актеры не умерли с голоду», является ничтожной, призрачной и издевательской по сравнению с искусством Мольера и тех же актеров. Эту же мысль проводит в своих пушкинских работах Ахматова. «Он победил и время и пространство», — пишет она о Пушкине, добавляя, что «это уже к литературе прямого отношения не имеет, это что-то совсем другое»,¹⁹ то есть, надо думать, несравненно большее, охватывающее не только всю эпоху, названную пушкинской, но и иные времена. Весь «океан грязи, измен, лжи, равнодушия», окружавший Пушкина, поясняет Ахматова, исчез — остался Пушкин и его поэзия.

Начиная с 30-х гг. для творчества Ахматовой становится характерным сочетание (в высшей степени свойственное и Булгакову) сиюминутной отзывчивости на сегодняшнее людское страдание, то есть, иначе говоря, актуальности, с высоким и мудрым взглядом, идущим как бы издалека и сверху. Она судит свою эпоху, зная и учитывая весь путь человечества, его поражения, преступления и победы, судит с позиций общечеловеческой непреходящей нравственности, выработанной в длинной веренице сумрачных столетий. В этом пункте и Ахматова, и Булгаков были исключительно близки и обращались подчас, как бы переключаясь друг с другом, к одним и тем же образам, в особенности библейским. У Ахматовой есть сти-

¹⁸ Пастернак Б. Избранное: В 2 т. М., 1985. Т. 1. С. 439.

¹⁹ Ахматова Анна. О Пушкине: Статьи и заметки. Л., 1977. С. 6.

хотворение, которое кажется навеянным чтением романа Булгакова «Мастер и Маргарита», хорошо знакомого ей:

Кого когда-то называли люди
Царем в насмешку, богом в самом деле,
Кто был убит — и чье орудье пытки
Согрето теплотой моей груди. . .
Вкусили смерть свидетели Христовы,
И сплетницы-старухи, и солдаты,
И прокуратор Рима — все прошли.
Там, где когда-то возвышалась арка,
Где море билось, где чернел утес, —
Их выпили в вине, вдохнули с пылью жаркой
И с запахом бессмертных роз.

Ржавеет золото и истлевает сталь,
Крошится мрамор — к смерти все готово.
Всего прочнее на земле печаль
И долговечней царственное слово.²⁶

(I, 329)

Но важнее этих, даже неизбежных совпадений, сходящихся к общему евангельскому сюжету, оказывается совпадение идей и мотивов, которые и Ахматова, и Булгаков акцентируют, возможно, не без цели отсылок к собственной жизни и к тем духовным решениям, которые они были вынуждены (она — раньше, он — позже) принять к концу 30-х гг.

В романе Булгакова мы видим, с одной стороны, всесильного Прокуратора, а с другой — стоящего перед ним в рубище внешне совершенно бесправного бродячего пророка, который — обратим на это особое внимание — отказался от всех деяний, от всей активной деятельности, когда-то присущей его натуре. Первосвященники, требовавшие от Понтия казни преступного агитатора, наводнившего Галилею своими пропагандистами-апостолами, основавшего церковь, знали Иисуса именно как деятельного и потому, в их глазах, крайне опасного врага. Но Булгаков, рисуя сцену встречи Иисуса с Понтием, изображает другого человека. Га-Ноцри отказался от деяния в его обычном, суетном, земном и, как, по-видимому, он убедился, малоплодотворном смысле.

Здесь надо постоянно иметь в виду, что не только вся булгаковская проза автобиографична, словно лирика, но что именно роман «Мастер и Маргарита» — самый личный из всех, написанных им; он не менее автобиографичен, чем, скажем, «Театральный роман», в документально-автобиографической основе которого никто не сомневается, и даже «биографичнее» «Белой гвардии». Конечно, нельзя упрощать ни роман, ни намерения автора, всегда слишком художника и поэта, чтобы сбиваться на простую биографию, но все же надо учитывать, что в «Мастере и Маргарите» болезненно и точно запечатлен тот момент духовной жизни Бул-

²⁶ Стихотворение написано приблизительно в 1945 г.

гакова (и Ахматовой), когда они, подобно другим замечательным Мастерам, загнанным в темницу немоты террором и невозможностью действия, уходили в молчание как в некую единственную цитадель, где можно было хотя бы на некоторое время уцелеть, чтобы дописать до конца и отдать времени свой «пергамент». Иешуа действует в романе не столько словом, сколько молчанием, направленным непосредственно в тирана: ни толпа, ни народ, ни апостолы его уже не слышат. Сейчас — перед Понтием — он одиночка, но его редкие слова и тем более его молчание грозны.

В мире булгаковского Христа, с всемогущим Понтием Пилатом, с начальником тайной стражи, с Крысобоем, палачами и первосвященниками и с тою толпой, что кричит: «Распни его! Распни!», — в этом мире деяние, даже простое и человеческое, вроде исцеления слепого и хромого, стало казаться в глазах власти поступком незаконным и преступным, то есть в буквальном смысле переступающим границы официальной власти — прокураторской, императорской или первосвященнической — все равно. Оно, это человеческое деяние, сделалось таким на 33-м году по Рождестве Христовом, когда разворачиваются евангельские страницы романа, и оно же сделалось таким снова в году 1933-м, когда к власти пришел «наследник» Священной Римской империи Гитлер, а в России — Сталин и его «кентурнионы» и «крысобои», палачи и истязатели: Ежов, Берия, Вышинский и другие зловещие фигуры.

По своей сути это все те же лица, что когда-то присутствовали при казни Христа, только одеты они в современные костюмы: ведь и Воланд в романе вынужден менять костюмы и прическу. Одни в латах, другие в сталинских френчах и гимнастерках, но они могли бы легко ходить и разговаривать друг с другом, не придавая никакого значения чисто внешним атрибутам: ведь именно так сосуществуют в фильме «Покаяние» режиссера Абуладзе средневековые судьи в париках, латники и вполне современная грузинская публика, слушающая дело о позорной эксгумации трупа одного из советских прокураторов.

И Ахматова, и Булгаков (и как позже Пастернак в стихах романа «Доктор Живаго»), надо думать, рассчитывали на эту аллюзию, тем более что она хорошо и верно отражала общественную ситуацию тех лет. Одновременно для них было исключительно важным протянуть в современность, столь зловеще переклинувшуюся с историей двухтысячелетней давности, живую нить человечности. Идея добра через страдание и самопожертвование была им обоим, по-видимому, в равной мере важна, она придала евангельским мотивам их произведений не только высоко-трагедийный, но и актуальный (до сих пор) характер.

Когда умер Булгаков, Ахматова написала своему другу стихотворную эпитафию. Это стихотворение интересно не только тем, что оно завершило круг их земных взаимоотношений, исполненных дружбы, любви и высокого взаимопонимания, но и тем, что в нем высказано о Булгакове самое главное, что в нем видела и ценила

Ахматова. В эпитафии «М. А. Булгакову» видны черты как Булгакова, так в неменьшей мере и самой Ахматовой:

Вот это я тебе взамен могильных роз,
Взамен кадильного куренья;
Ты так сурово жил и до конца донес
Великолепное презренье.
Ты пил вино, ты как никто шутил
И в душных стенах задышался,
И гостью страшную ты сам к себе впустил
И с ней наедине остался.
И нет тебя, и все вокруг молчит
О скорбной и высокой жизни,
Лишь голос мой, как флейта, прозвучит
И на твоей безмолвной тризне.
О, кто поверить смел, что полоумной мне,
Мне, плакальщице дней погибших,
Мне, тлеющей на медленном огне,
Всех потерявшей, все забывшей, —
Придется поминать того, кто, полный сил,
И светлых замыслов, и воли,
Как будто бы вчера со мною говорил,
Скрывая дрожь предсмертной боли.

(I, 244)

Т. М. Вахитова
БУЛГАКОВ И ЛЕОНОВ.
К ВОПРОСУ О ТВОРЧЕСКИХ ПАРАЛЛЕЛЯХ
(«БЕЛАЯ ГВАРДИЯ» И «БЕЛАЯ НОЧЬ»)

Тема «Булгаков и Леонов», на первый взгляд, представляется весьма неожиданной и экстравагантной. Слишком уж непохожи творческие и человеческие судьбы этих писателей, полярны созданные ими художественные миры. И в то же время они все-таки были современниками, вместе входили в литературную жизнь в 20-е гг. в Москве. Общая литературная среда, прочные связи художников с МХАТом, редкие личные встречи являются фактографической основой творческих контактов писателей.

Булгаков и Леонов были знакомы. Дата их первой встречи не установлена, но может быть отнесена к началу 20-х гг. Они нередко встречались на заседаниях «Никитинских субботников», других литературных кружков. Имеются частные свидетельства о том, что они входили в основную группу писателей — «фантазеров», «фантастических» писателей (М. Булгаков, С. С. Зяйницкий, М. Я. Козырев, В. Мозалевский, Л. М. Леонов), собиравшихся в кружке П. Н. Зайцева. В своих воспоминаниях П. Н. Зайцев рас-

сказывал о последнем заседании кружка «фантастических писателей», которое происходило на квартире у Леонова на Новодевичьем поле, 8-а, где хозяин знакомил присутствующих с последней своей вещью — «Записками Ковякина». «Что же случилось на этом чтении? — писал П. Н. Зайцев. — Милая дама, жена Козырева, поэтесса А. Д. Владимирова, уже в начале одиннадцатого вечера начала беспокойно ерзать на стуле и дергать своего Мишу громким шепотом: „Миша, едем, трамвай уйдет!“.

Леонов продолжал читать, но громкий шепот Ады его очень раздражал. Нетерпеливая, беспокойная дама таки увлекла своего мужа, просто прервав чтение. . . С грехом пополам досидели мы до двенадцати часов. . . Вечер был испорчен и Леонову, и всем присутствующим. Булгаков и Леонов пеняли мне потом, зачем я привлек дам в наш кружок?».¹

Летом 1925 г. Булгаков и Леонов вместе были на даче Максимилиана Волошина в Коктебеле. Однако, как замечает Н. А. Северцова, жившая там в то лето, они «не сдружились».² Булгаковы и Леоновы вместе возвращались в Москву, видимо, до Феодосии. Дальше Булгаковы поехали морем, а по свидетельству жены Булгакова — Любови Евгеньевны, «Леоновы испугались моря в последнюю минуту».³

В письме М. Волошину от 18 декабря 1925 г. Леонов, вспоминая коктебельское житье, пишет и о Булгакове: «Мишу Булгакова встречаю редко: оказиями. Он часто в таинственности пребывает. Пишет ли он Вам? . . . Москва, в ней как-то очень трудно встретиться»⁴.

Строгий в своих отношениях с людьми, впечатлительный, ранимый, часто пребывающий в стесненных материальных условиях⁵ Булгаков, видимо, не просто сходил с писателями. Тем более что тогда, в 20-е гг., Леонов много печатался, о нем постоянно спорили в писательских кругах и критике. Уже появились в печати его блистательные рассказы «Бурьга», «Гибель Егорушки», «Туатамур» и другие, повести «Петушихинский пролом», «Конец мелкого человека», «Записки Ковякина».

По предположению М. Чудаковой, несколько раз появляющийся в «Театральном романе» «молодой литератор», поражающий автора-повествователя тем, «что с недостижимой лов-

---

¹ Цит. по: Чудакова М. Жизнеописание Михаила Булгакова // Москва. 1987. № 8. С. 33.

² Там же. С. 51.

³ Булгакова Л. Е. Волошину М. А. 10 июня 1925 г. // РО ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, № 296.

⁴ Леонов Л. М. Волошину М. А. 18 декабря 1925 г. // РО ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, № 778.

⁵ В ноябре 1925 г. почти одновременно с Леоновым Булгаков пишет открытку М. А. Волошину: «Стыдно писать Вам, пока не перевел долг. Меня совсем придавило мое издательство: лопнуло, и только сегодня я получил то, что мне должны. Три месяца жил платя и делая долги. Не имейте сердца на меня. Теперь нанишу Вам со спокойной совестью на днях о том, что со мной выделывали» // РО ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, № 296.

костью писал рассказы». . . имел подоплекой, среди прочих тогдашних впечатлений Булгакова, и счастливо начинавшуюся литературную судьбу Леонида Леонова, который был на восемь лет его моложе и к началу 1924 г. — моменту первых чтений «Белой гвардии» — был уже «автором ряда рассказов, напечатанных и активно обсуждавшихся критикой».⁶

Далее исследовательница творчества Булгакова утверждает, что для писателя был очень труден жанр рассказа — «малой формы с ее сложившимися в его литературном сознании стереотипами, к которым он не мог приноровить свою повествовательную позицию, поэтому слова о „недосягаемой ловкости“ в большей степени надо толковать буквально».⁷ Однако невозможно не заметить и иронический оттенок этой характеристики молодого писателя: слишком уж высокий эпитет для начинающего литератора — «недосягаемая» и странное существительное — «ловкость», более относимое к артисту цирка, нежели к служителю муз.

В «Театральном романе» этот молодой литератор, имеющий сходство с Леоновым, почти ничего не говорит, лишь повторяет вслед за «пожилым литератором» после чтения романа Максудова: «Да, — вежливо подтвердил молодой литератор, — бедноват язык».⁸

Действительно, Леонов с его яркой образностью, густой и изощренной метафоричностью, специфической орнаментовкой мог воспринимать классическую в пушкинском смысле прозу Булгакова как «бедноватую». Но это существенное языково-стилистическое различие почти не ощущалось современниками, объединявшими Булгакова и Леонова по «фантастическому» принципу (как в кружке П. Н. Зайцева).

Возможно, именно эти черты близости имел в виду и Максим Горький, который в переписке с советскими писателями постоянно ставил рядом Леонова, Булгакова и Бабеля.

Так, в письме М. Слонимскому 8 мая 1925 г. Горький писал: «От Леонова можно ожидать многого, он талантлив, но пока еще не нашел своей тропы. „Барсуков“ я его не читал. Булгаков очень понравился мне, очень, но он сделал конец рассказа плохо. Поход пресмыкающихся на Москву не использован, а, подумайте, какая это чудовищно интересная картина».⁹

В письме А. Демидову от 15 мая 1925 г. Горький заметил: «Леонов тоже крайне интересен и тоже „многообещающий“. Лично я не знаю его, но, кажется, он самолюбив. Это может помешать ему. Но он писатель по натуре. „Обещающих“ немало. . . Остроумно и ловко написаны „Роковые яйца“ Булгакова».¹⁰

⁶ Чудакова М. Жизнеописание Михаила Булгакова. С. 33.

⁷ Там же.

⁸ Булгаков М. Театральный роман / Записки покойника // Булгаков М. Романы. Кн. 2. М., 1987. С. 352.

⁹ Литературное наследство. Т. 70. Горький и советские писатели (Неизданная переписка). М., 1963. С. 388.

¹⁰ Там же. С. 152.

В письме к П. А. Маркову от 4 февраля 1932 г., размышляя о новом репертуаре для советского театра, Горький называл самых талантливых драматургов: «Булгакова, Афиногенова, Олешу, Вс. Иванова, Леонова».¹¹

Не случайно в этом списке на первом месте стоит Булгаков. Драматургическое дарование Булгакова в 20—30-е гг. было одним из самых выдающихся, а леоновская драматургия оставалась чересчур символической, утяжеленной большим грузом мыслительной фактуры.

Будучи современниками, работая рядом в прозе и драматургии, Булгаков и Леонов находились на разных идейных, мировоззренческих и творческих позициях.

Но, несмотря на особую художественную несовместимость творческих индивидуальностей Булгакова и Леонова, проявлявшуюся в несовпадении реалистического материала, стилистической манеры, мировоззренческих установок, можно обнаружить и небольшие общие сферы в философско-эстетических исканиях этих художников, в интерпретации жизненных коллизий и даже в творческом методе. Художественные миры этих писателей соприкасаются в отдельных историко-культурных точках, пересекаются в национальных координатах, чтобы снова обрести свою замкнутость и суверенность.

Факты этих сближений отчасти носят и самый общий характер, который обусловлен во многом эпохой, временем революции и гражданской войны, общественно-политической ситуацией 20—30-х гг. Как заметил в одном из последних интервью Леонид Леонов, «у человечества одни и те же идеалы, опасности и мишени. . .».¹²

Эта леоновская афористическая формула раскрывает единство литературного процесса, в котором оказывались сближенными и фигуры Булгакова и Леонова. Действительно, для писателей является «идеалом» свободный, благородный, мыслящий и сострадающий человек, носитель культуры, патриот, измеряющий события современности критерием «всемирности».

«Опасность», подстерегающая человечество, жалеющая, разъедающая душу личности, связана для обоих художников прежде всего с мещанством, безнравственностью, бездуховностью. Их боль, гнев, ирония были направлены против этого социального зла, как против главной болезни века.

А «мишенью», как констатировали в своих произведениях 20—30-х гг. и Булгаков, и Леонов, оказывалась и в наше время, как и во многие другие, творчески одаренная личность — художник, мыслитель, ученый, выбивающийся своим талантом и трудом из среды исполнителей, посредственности и мещанства. Главной, сокровенной темой для писателей была тема творчества как основная созидательная сила истории, культуры, нравственного прогресса.

¹¹ Там же. С. 30.

¹² Соловьева О. Встречи с Леонидом Леоновым // Москва. 1987. № 7. С. 192.

Общие для художников творческие цели, несмотря на полярность подходов, обусловили и некоторые общие художнические принципы. Выдающиеся писатели-новаторы, оригинально раскрывшие возможности реализма, Булгаков и Леонов в то же время являются наиболее «традиционными» художниками слова. Постоянна их ориентация на классический опыт русской и мировой литературы. Среди обширного поля классических констант, культурного континуума есть общие постоянные для двух художников величины — Шекспир, Пушкин, Гоголь, Салтыков-Щедрин, Достоевский, Толстой. . . Есть у каждого художника и свои особые пристрастия: Мольер и Сервантес — у Булгакова, Данте и Бальзак — у Леонова.

Представляется весьма интересным с точки зрения философской, мировоззренческой и чисто художественной рассмотреть конкретное существование общих традиций в творчестве этих крупнейших художников XX в. Подобное исследование помогло бы уяснить не только «живую жизнь» традиции, но и ярче высветить оригинальность художественного мышления писателей, своеобразную манеру творческой работы с литературным наследством.

Также нуждается в серьезном научном исследовании особая тяга этих художников к культурно-философской, библейской традиции, стремление ввести повествование о современности в культурно-исторический контекст, создать космологическую, вселенскую картину бытия. Изучение культуроведческих и философских «методик» Леонова (Н. Грознова, А. Лысов, Э. Кондюрина и др.) и Булгакова (И. Бэлза, Н. Утехин, И. Галинская и др.) осуществляется изолированно, что, к сожалению, не позволяет сделать выводы о типах и вариантах культурно-реконструктивных процессов в советской литературе.

Главная мысль писателей о том, что революция изменила генотип взаимоотношений личности и культуры, решается разными путями. Леонов пишет «эссенциями», пытаясь через прихотливое строение фразы, осложненной подтекстом и дополнительными символическими акцентами, донести культурно-исторический колорит эпох. Он использует принцип «одновременности», сиюминутности существования в настоящем всех эпох прошлого.

Булгаков вносит историко-культурный элемент через образы, детали, предметный мир, воплощая в реальные характеры, в реальную ситуацию эпохи прошлого. Он оживляет даже библейские персонажи, вводя историческое повествование в рассказ о современности. Причем ассоциативные, подтекстовые переключки между прошлым и настоящим как бы намагничивают реалистические образы настоящего, внося через элемент фантастики загадочные философско-символические линии развития авторской мысли («Мастер и Маргарита»).

Нельзя не обратить внимание еще на одну общую черту творческого метода Булгакова и Леонова — стремление к фантастическому предвидению, пророчеству, свойственное литературе 20—30-х гг. Пронизаны пророческими, научно-фантастическими, соци-

ально-фантастическими мотивами романы Л. Леонова 30-х гг. — «Скутаревский», «Дорога на Океан», проза и драматургия М. Булгакова — «Адам и Ева», «Багровый остров», «Роковые яйца».

Хочется отметить еще один важный штрих, роднящий творческие индивидуальности этих писателей, — иронию. Сфера иронического пронизывает все грани повествования, является порой организующим и единственно позитивным началом в прозе и даже драматургии писателей.

Однако природа иронии у художников различна. У Леонова она сопряжена с рационалистическим «всеведением» разума, его неспособностью найти в мире устойчивую и определенную, незыблемую опору. У Булгакова она обусловлена трагическим ощущением несовершенства бытия, несоответствием окружающего мира «идеальной» человеческой сути, призрачной и обманчивой гармонией Добра и Зла.

Отвечая на анкету о значении творчества М. Салтыкова-Щедрина для современности, Булгаков сказал о советской сатире: «Я уверен в том, что всякие попытки создать сатиру обречены на полнейшую неудачу. Ее нельзя создать. Она создается сама собой, внезапно. Она создается тогда, когда появляется писатель, который сочтет несовершенной текущую жизнь и, негодуя, приступит к художественному обличению ее. Полагаю, что путь такого художника будет весьма и весьма труден».¹³

В какой-то мере слова Булгакова о писателе, который «сочтет несовершенной текущую жизнь», можно отнести и к нему самому.

Объединяет индивидуальности Булгакова и Леонова пристальный интерес к «бывшим», потерпевшим в революции классам. Булгаков первым среди писателей 20-х гг. с непревзойденной художественной силой показал в «Белой гвардии» не только трагедию белого офицерства, состоящую в том, что порядочные и патристически настроенные люди оказывались на обочине прогресса, но и трагедию страны, в которой культура и ее носители попали под удар колеса истории. Весьма примечательной является характеристика «Белой гвардии» М. Волошина. На одной из своих акварелей, подаренной писателю, он в 1925 г. написал: «Дорогому Михаилу Афанасьевичу — первому, кто запечатлел душу русской убоицы, с глубокой любовью».¹⁴

Булгакову удалось запечатлеть именно «душу» — внутреннее, интимно-человеческое, духовно-эмоциональное выражение классового сражения. И новаторство писателя заключалось в том, что героем его произведения были представители класса, потерпевшего поражение в этой борьбе.

У Леонова интерес к «бывшим» носил в 20-е гг. экспериментально-археологический характер. Он сознательно ставил «бывших» в фантастически непредсказуемые условия новой, послереволюционной действительности и проверял их духовные и нравственные

¹³ Булгаков М. А. О Салтыкове-Щедрине М. Е. // РО ИРЛИ, ф. 369, № 327.

¹⁴ Чудакова М. Жизнеописание Михаила Булгакова. С. 51.

качества экстремальными обстоятельствами («Конец мелкого человека», «Барсуки», «Вор»).

Повесть Леонова «Белая ночь» — наиболее близкое к «Белой гвардии» произведение. Она была написана зимой 1927/28 г. и создавалась, как нам кажется, в атмосфере булгаковской «Белой гвардии». Повесть Булгакова была опубликована в 1925 г. (без заключительной части). В Москве состоялись многочисленные литературные чтения этой вещи, а во МХАТе почти одновременно с «Днями Турбиных» в 1925—1926 гг. шла репетиция леоновского «Унтиловска». Премьера пьесы Леонова состоялась в феврале 1928 г., спустя два года после премьеры и шумного успеха «Дней Турбиных». Несомненно, что Леонов через театр и литературную жизнь Москвы близко соприкасался с миром булгаковской «Белой гвардии».

Разумеется, было бы преувеличением считать роман или пьесу Булгакова отправной точкой для художественных раздумий автора «Белой ночи». Ведь в 1918—1919 гг. Леонов жил в Архангельске и мог наблюдать и приход «белых», и союзников, и их уход. Писатель, конечно же, шел «от жизни». Но сам факт обращения молодого Леонова к исследованию изнутри «белой гвардии» все-таки инспирирован творческими открытиями Булгакова.

Повесть Леонова более компактна, более локальна, чем «Белая гвардия», лишена эпических и народных сцен, но сюжетным рисунком, общим пафосом, какой-то перекличкой отдельных характеров или общих совпадений в судьбах героев, поэтикой некоторых сцен близко соприкасается с произведением Булгакова.

Произведения написаны в разной манере. Повесть Булгакова — в яркой, экспрессивно-романтической, леоновская вещь — в ироническо-медитативной форме. Различны и художественные концепции. И тем не менее представляется весьма интересным рассмотреть факты сближений и расхождений художников, чтобы оценить оригинальность и перспективы для советской литературы их творческих решений по кардинальным проблемам национальной жизни.

Сначала о сближениях. Жизненный материал произведений Булгакова и Леонова относится к 1918—1919 гг., поэтому картина революционной действительности, эпохи гражданской войны как бы восстанавливается в эстетически оформленном качестве на основе южных (киевских) впечатлений Булгакова и северных (архангельских) наблюдений Леонова.

Художественное пространство произведений Булгакова и Леонова замкнуто пределами одного города, в жизни которого наблюдается решительный перелом накануне победы Красной Армии. Особенностью повествования в сопоставляемых произведениях является изображение белой гвардии «изнутри», из стана терпящего бедствие, поражение, грозящее гибелью и непредсказуемыми страданиями. На страницах этих произведений отсутствует показ революционных сил, «нового» человека, пытающегося переделать мир на разумных и коллективистских началах.

Булгаковский принцип отраженного исследования революции по ее воздействию на глубинную психологию семьи, отдельного человека, не связанного с идеалами революции, реализуется и в повести Леонова «Белая ночь». Почти одинаковым оказывается и состав социальных групп персонажей в произведениях Булгакова и Леонова. В центре повествования — психологический анализ белой гвардии, русского офицера, ее лучшей части (у Булгакова), размышляющей о судьбах России и своем месте в свершающихся переменах. Большое внимание уделяется писателями исследованию косной, мещанской среды, готовой принять и поддержать любую власть, давшую им гарантию сохранности жизни, накопленных средств и недвижимости. Обнаруживается у писателей и крестьянская тема. Она почти незаметна, пунктирна у Булгакова, переключается с петлюровской темой и рассуждениями персонажей о мужичке-богоносце. Интересно отметить, что у Булгакова образ мужика является предвестником смерти, разгулявшейся в России после революции. «...Смерть не замедлила. Она пошла по осенним, а потом зимним украинским дорогам вместе с сухим веющим ветром. Стала постукивать в перелесках пулеметами. Самое ее не было видно, но, явственно видный, предшествовал ей некий корявый мужичонков гнев. Он бежал по метели и холоду, в дырявых лаптишках, с сеном в непокрытой свалывшейся голове, и выл. В руках он нес великую дубину, без которой не обходится никакое начинание на Руси. Запорхали легонькие красные петушки».¹⁵

Крестьянская тема у Леонова более значительна, цветиста и философична. Все события повести как бы обрамляются ее развитием, связанным с образом Кручинкина. «Белая ночь» начинается с приезда мужика в город, а заканчивается возвращением Кручинкина домой в деревню.

Кроме этих общих, принципиальных вещей у Булгакова и Леонова можно обнаружить многочисленные переключки деталей, аллюзий, ассоциаций, реминисценций. Если у Булгакова упоминается образ Демона, «замок Тамары» (с. 22), то и у Леонова возникает Демон, но в народной, лубочной транскрипции, в виде картинки «Демон в водке и табаке».¹⁶ Если Николка Турбин в «Белой гвардии» глубокомысленно заявляет: «В России всего много. В Белом море киты есть» (с. 34), то в «Белой ночи» Кручинкин рассказывает о ките целую байку: «А то надьсь кит в реку-то к нам заплыл, заплыл, да обмелел, обмелел да и обмяк весь, ровно студень на солнышке. . .» (с. 476). Если Тальберг называет историю с Гетманом и немцами пошлой опереткой (с. 34), то в повести Леонова символично звучат «сильные вступительные звоны „Корневильских колоколов“» (с. 458).

Похожи своей призрачностью и метельный, вьюжный Город

¹⁵ Булгаков М. Белая гвардия // Булгаков М. Романы. Кишинев, 1987. С. 57. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте.

¹⁶ Леонов Л. Белая ночь // Собр. соч.: В 10 т. М., 1981. Т. 1. С. 462. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте.

Булгакова, и тающий в мареве белых ночей Няндорск Леонова; в чем-то перекликаются разговоры о России белых офицеров «Белой гвардии» и военных из контрразведки в «Белой ночи».

Однако факты совпадений и похожести столь явны у Леонова, а характер их использования почти всегда так полярен и противоположен булгаковскому, что у многих исследователей возникает мысль о полемическом смысле и пафосе «Белой ночи». Так, один из них утверждает, что «повесть „Белая ночь“ имеет еще и явный полемический подтекст уже в самом заглавии, но, главным образом, в освещении белого офицерства, подтекст, обусловленный появлением романа М. Булгакова «Белая гвардия» (1925), автор которого, любящая сложностью духовной жизни героев, с очевидным сочувствием рассказывал об их поражении, избегал необходимых социальных акцентов. Леонид Леонов противопоставил этому жестокое осуждение, убийственную иронию и сарказм».¹⁷

Противопоставление мировоззренческой и творческой позиции этих художников по принципу: у Булгакова нет социальных акцентов, а у Леонова есть, Булгаков любит белогвардейцами, а Леонов иронизирует, — представляется достаточно упрощенным. Здесь действуют более тонкие и сложные закономерности.

Прежде всего хотелось бы отметить, что картина социальной действительности и у Булгакова, и у Леонова воссоздана четко и определенно. Леонов вслед за Булгаковым игнорирует главный конфликт времени, разрабатываемый столь активно в литературе 20-х гг., конфликт «белых» и «красных». Но если Булгаков непосредственно не принимал участия в гражданской войне, то для Леонова — красноармейца, участника штурма Перекопа — такая позиция представлялась по меньшей мере странной. Более того, на протяжении всей почти семидесятилетней творческой жизни Леонов ни в одном произведении не воссоздал конкретных эпизодов гражданской войны, хотя кое-что проявлялось в публицистике и некоторых интервью. Остается лишь догадываться, почему материал не обрел под пером художника своей философско-художественной формы. Но, как подчеркивал в одной беседе сам Леонов, «писатель ведь часто не волен в выборе фона и материала, он прежде всего подчиняется идеям и проблемам, которые не дают ему спокойно жить. Понимаете, мне не документ важен, не сама эта натуральная жизнь, а ее отражение в личности художника».¹⁸

Победное шествие Красной Армии не привлекало внимания художников, их интересовали процессы внутри побежденного лагеря накануне капитуляции. К этому их побуждало высокое звание русского писателя, обязывающее художника сочувствовать униженным и оскорбленным. Был в этом пристальном внимании и интерес к сложным проблемам взаимодействия «старой» культуры, бытового уклада жизни, всей внутренней системы

¹⁷ Дюжев Ю. Конец белой ночи // Север. 1968. № 4. С. 119.

¹⁸ О Леонове / Ред.-сост. В. Чивилихин. М., 1979. С. 252.

нравственно-философской ориентации с «новым» порядком. Булгаков художнически исследовал ту среднеинтеллигентскую прослойку, которая оказалась в революцию и гражданскую войну почти уничтоженной вихрем социальных перемен. Этот «культурный слой», разнородный и в нравственном, и в интеллектуальном отношении, впоследствии подвергался не только физическому и духовному уничтожению, но и обезличиванию. Вовлечение личности, обыкновенной, средней, добропорядочной и компромиссной, в катастрофические события истории оказывалось гибельным, ненужным и порой фарсовым фактом.

В письме к Правительству СССР М. Булгаков (1930) указывал, что ненависть критики вызывает «упорное изображение русской интеллигенции как лучшего слоя в нашей стране. В частности, изображение интеллигентско-дворянской семьи, волею судьбы брошенной в годы гражданской войны в лагерь белой гвардии, в традициях «Войны и мира». Такое изображение вполне естественно для писателя, кровно связанного с интеллигенцией. Но такого рода изображения приводят к тому, что автор и в СССР, наравне со своими героями, получает — несмотря на свои великие усилия стать бесстрастно над красными и белыми — аттестат бело-гвардейца-врага, а получив его, как всякий понимает, может считать себя конченным человеком в СССР».¹⁹

Стремление Булгакова «стать над красными и белыми» осуществлялось все-таки с позиции интеллигентского мироощущения. А у Леонова в «Белой ночи» такой же диктат объективности (над красными и белыми) обусловлен сближением авторской позиции с крестьянской точкой зрения. В этом принципиальное расхождение творческих установок писателей, различие социальных программ.

Однако эта объективистская позиция художников объяснялась не столько классово-социальными привязанностями, сколько философско-этическими предствлениями и целями художественного исследования мира. С атмосферой и образом жизни интеллигентско-дворянской семьи Булгаков связывал определенные нравственные ценности, которые имеют непреходящий, «вечный» смысл. Не случайно конкретно-историческое повествование «Белой гвардии» заканчивается символическим, радостным сном Петьки Щеглова, философским пейзажем Города на Днепре и неожиданным, глубоким выводом, носящим «вневременной» характер: «Все пройдет. Страдания, муки, кровь, голод и мор. Меч исчезнет, а вот звезды останутся, когда и тени наших тел и дел не останутся на земле. Нет ни одного человека, который бы этого не знал. Так почему же мы не хотим обратить свой взгляд на них? Почему?» (с. 212). Впервые в творчестве Булгакова 20-х гг. была сформулирована методологическая, если можно так выразиться, позиция автора, стремящегося в своей работе к выявлению и осмыслению вечных истин, философских законов и категорий. Эта позиция нашла свою полную реализацию лишь в романе «Мастер и Марга-

---

¹⁹ Новый мир. 1987. № 8. С. 196.

рита», но ее формирование связано непосредственно с «Белой гвардией».

Булгаковская идея вечности, необстановимости жизни, несмотря на страдание, муки, смерть, одухотворяет оптимистическим пафосом все его творчество. Ее проявление писатель связывает с личной этической программой каждого человека, являющегося хранителем насущного и всемирного нравственного опыта. Главными в этой программе являются наличие у каждого веры и идеала.²⁰

Идея непрерывности жизни у Леонова в повести «Белая ночь» связана с крестьянским мироощущением, инстинктивным умением уловить ее прихотливое течение, подчиниться воле событий, почувствовать тайные и скрытые токи исторического движения. Олицетворяющий эту идею образ Кручинкина весьма непросто. Он то ли прикидывается глуповатым, дурашливым мужиком, который не ведает, что творит, и лезет в самое пекло белых, то ли на самом деле плохо понимает происходящее, не осознает грозящую ему гибель. Однако Леонов постоянно подчеркивает тайную уверенность Кручинкина, что все кончится хорошо. И действительно, Пальчиков отпускает всех арестованных, понимая ненужность жертв и дальнейшего сопротивления большевикам. Субъективное, выстраданное решение поручика как бы предошущалось Кручинкиным, «нутром» чувствующим ход событий.

Кручинкин возвращается к себе домой, в родную деревню, и ничего вокруг не изменилось в природе, в жизненном естестве. «И опять пошла дорога, а при дороге мох-деряба, да брусника, да сиха голубая, да клюква, да редкая подорожная сосна. Здесь он чуял себя хозяином...» (с. 480). Все осталось неизменным, лишь большая лужа при въезде в город изменила свой колер — из розовой превратилась в голубую. И только это изменение рефлексов²¹ свидетельствовало о течении времени. За рамками времени в Няндорске существует другое время, которое, как и у Булгакова, связывается с новым поколением. Легкие и радостные сны Петьки Щеглова сопровождаются голосистым ревом сына Кручинкина, «оповещавшего мир о своем появлении на свет» (с. 480).

Особое значение в идейно-философской концепции произведений Булгакова и Леонова имеет образ изображаемого города, в котором происходят события. Этот образ несет своеобразную символическо-философскую функцию, отражая пространственно-временные и причинно-следственные связи.

Изображение Города у Булгакова выполнено в романтической манере. Это заколдованный, волшебный город. Он существует в «тяжкой серо-голубой завесе» (с. 175), то «в морозной дымке» (с. 177), то «в угольной тьме» (с. 81), то «сияющий,

²⁰ См.: Яблоков Е. А. «Я — часть той силы...» (Этическая проблематика романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита») // Рус. лит. 1988. № 2.

²¹ Было бы весьма прямолинейно связывать изменение цвета с социальным характером событий, как это предпринято в статье Ю. Дюжева (Дюжев Ю. Конец белой ночи. С. 120).

как жемчужина в бирюзе» (с. 47). Несмотря на романтический ореол, события в этом прекрасном Городе воспроизводятся сурово, жестко и точно. Как в документальном фильме сменяются кадры: уличные сценки, газетчики, толпа, похороны «порезанных» мужиками и петлюровцами офицеров, сцена в гимназии, смерть знаменитого подрядчика Фельдмана, отступающие юнкерские цепи...

И каждый эпизод, каждое событие, что очень характерно для прозы и молодого, и зрелого Булгакова, имеет свою топографию, свой конкретный, исторический адрес. Автор «Белой гвардии», к примеру, подробно восстанавливает в конкретных топографических деталях последний путь по Городу Алексея Турбина. Булгаков описывает метания доктора от конфетницы «Маркизы» на Прорезной до Владимирской, потом на Мало-Провальную, где его спасла Юлия Рейсс.

В этом точном, реалистическом описании поражает удивительная закономерность, открываемая писателем в действительности. С одной стороны, он подчеркивает надежность, устойчивость, узнаваемость окружающего героя материального мира. С другой — обращает внимание на эфемерность совершаемых событий, непредсказуемость как внешних для человека, так и глубинных внутренних побуждений, толкающих личность к неосознанному, странному и роковым поступкам.

Так, Алексею Турбину, чтобы укрыться дома на Алексеевском спуске, нужно было «вернуть сейчас от Золотых ворот влево по переулку, а там, прижимаясь за Софийским собором, . . . переулками на Алексеевский спуск» (с. 146). Турбин же вместо того, чтобы «свернуть», сделал всего лишь десять лишних шагов, и его жизнь потекла по другому руслу. «Есть же такая сила, — подчеркивает автор, что заставляет иногда глядеть вниз с обрыва в горах. . . Тянет к холодку» (с. 146). Именно эта странная сила, связанная с судьбой, роком, случаем, необъяснимой необходимостью, иррациональным предощущением вступает в противоречие с таким обжитым, знакомым с детства миром. Именно эта сила придает реальности зыбкость, иллюзорность, таинственный и опасный «холодок».

Чем точнее и подробнее описывает автор конкретную реальность — тупики, переулки, сады, калитки, стены, дворы, лестницы, веранды — тем страшнее, непонятнее происходят там события. Как будто все совершенно случайно: спасение Юлией Турбина, спасение Николки, смерть Най-Турса.

Подобная зависимость предметного, материального мира и событий обнаруживается и в семейном, домашнем мире Турбиных. Вещи — картины, книги, шторы, шкафы, настольные лампы (у Булгакова какая-то особая привязанность к лампе с абажуром и часам), свечи, сервизы — как будто призваны быть хранителями устойчивости, порядка, культуры. Несмотря на тревогу в Городе, покидаемом Гетманом и немцами, «на белизне скатерти свежие букеты тепличных роз, три бутылки водки и германские

узкие бутылки белых вин. Лафитные стаканы, яблоки в сверкающих изломах ваз, ломтики лимона, крошки, крошки, чай. . .» (с. 31).

Но эта устойчивость мнимая: в уютной квартире Турбиных поселилась тревога, обнаружилось беспокойство, признаки нарушения устоявшейся гармонии и привычного ритма. Философским эквивалентом этого беспокойства является образ «мятущегося», «сумасшедшего» времени. В квартире Турбиных огромное количество часов, которые своим ходом, манерой отсчитывать время связаны со всем происходящим в квартире. Булгаков с какой-то постоянной педантичностью указывает время свершающихся перемен и как бы регистрирует отношение этого абстрактного, вроде бы объективного и беспристрастного фактора к человеческим деяниям. Так, в «Белой гвардии» дан точный хронометраж бегства Тальберга, истории болезни и смерти Алексея Турбина.

Часы могут от радости «ходить ходуном» (с. 22), «презрительно давиться» (с. 25), замирать от печали: «. . . часы не били двенадцать раз, стояли молча стрелки и были похожи на сверкающий меч, обернутый в траурный флаг» (с. 138). Во время болезни Алексея «часы ходили с хрипотой» и «стрелки их показывали то девять, то девять с четвертью, то девять с половиной» (с. 139).

Случается в этой «нехорошей» квартире и так, что «назад от половины шестого к без двадцати пять пошло время» (с. 142). Именно с образом часов, времени связан еще один важный и важный вывод писателя. «Били предостерегающе, и чьи-то алебафры позвякивали серебристо и приятно. Часовые ходили и охраняли, ибо башни, тревоги и оружие человек воздвиг, сам того не зная, для одной лишь цели — охранять человеческий покой и очаг. Из-за него он воюет, и, в сущности говоря, ни из-за чего другого воевать ни в коем случае не следует» (с. 142). Эти жизненные константы — покой и очаг — дерзко выдвигал Булгаков в виде первоочередных задач и вечных ценностей в середине 20-х гг.

Другой вывод Булгакова сформулирован более категорично: «Никогда не дергайте абажур с лампы! Абажур священен. Никогда не убегайте крысёй побегкой на неизвестность от опасности. У абажура дремлите, читайте — пусть вое вьюга, — ждите, пока к вам придут» (с. 24). В кровавой и страшней исторической сумятице Булгаков искал формы достойного поведения личности, сохраняющей свое внутреннее самоуважение и нравственные принципы.

И эти ценности, несмотря на их кажущуюся эфемерность, идеальность, оказывались единственно устойчивыми и реальными в бесконечной цепи исторических катаклизмов, в которых находился Киев в 1918—1919 гг. В этом удивительном Городе «события. . . не шли по прямой, они проделывали причудливые зигзаги» (с. 25). и Город «жил странную, неестественную жизнь» (с. 42). Реальный, материальный мир, несмотря на кажущуюся устойчивость и надежность, приобретал зыбкие очертания, становился призрачным и опасным, а время растягивалось, сжималось

или просто замирало в сетях случайности и непредсказуемости. Нарушился общий ход вещей, связь времен, и лишь одно хрупкое человеческое естество хранит накопленный опыт для будущей жизни, несмотря ни на что.

Призрачность пространства и противоречивость времени характерны и для повести Леонида Леонова. Не случайно она названа «Белая ночь». События отражаются в ней, как во сне, в его неверном, зыбком освещении. Город Няндорск доживает в дремотной спячке при белых и английских интервентах последние дни. Время как бы замерло, остановилось, исчезло, и поэтому «в городе нехорошо» (с. 439). Повествователь отмечает, что даже «природе вменялась в обязанность грусть» (с. 440).

Но были у Няндорска и лучшие времена, когда из «непорочной российской щели» (с. 446) он превратился в «блистающий с кабаками, штабами, с иностранными комендантами и женщинами» город. Здесь, среди офицеров и интеллигенции, как и у Булгакова, возникал «призрак великой России», которой так и остался призраком, растворенным неумолимым ходом истории.

Но если Город Булгакова показан в брожении, человеческой круговерти, уличных митингах и потасовках, то город Леонова остается «в тиши обреченности». Хотя и здесь, на севере, происходят невероятные, фантастические события. Накануне сдачи Няндорска красным новому начальнику контрразведки Пальчикову «приводили на допрос пленных, еле стоявших от изнурения; из штаба звонили о квартире для японского военного атташе, который нарочно приехал полюбопытствовать о российской сумятице; приходили подпрапорщики из артиллерийской школы с просьбой о крепких напитках для выпускной попойки, а в довершение всего тюремная охрана отказалась есть пайковое лимонное варенье, от которого якобы у нее опухали языки, и потребовали родного малинового. . .» (с. 448—449).

Природа невероятного совершенно однородна у Булгакова и Леонова; она обусловлена неестественным, катастрофическим состоянием жизни — исторической, общественной, личной, как духовной, так и материальной. Как отмечал Булгаков в очерке «Киев-город», причиной невероятных событий в Киеве в 1919 г. была «уверенность в непрочности земного».²²

Именно этой пессимистической философией руководствуется в жизни герой повести Леонова Пальчиков, считая, что «время есть только ощущение умирания, а жизнь есть кипение остывающего вещества» (с. 464). Ему и человеческие судьбы представлялись «как бы волокнами, висящими где-то в отвлеченном пространстве. Вдоль них опускается плоскость — время, и жалкие проекции их, точки на плоскости, лихо мечутся по ней потому, что именно так изогнулась их кривая» (с. 464). Плоскость времени, истории изгибает кривую людских судеб, меняя течение, смысл и характер их жизни. Булгаков о своих героях говорит более резко:

²² Булгаков М. Киев-город // Накануне. 1923. 6 июля.

«Жизнь-то им как раз перебило на самом рассвете» (с. 12). Леонов сближается с Булгаковым в констатации беззащитности среднего, обыкновенного человека перед «железным» ходом истории.

Если Леонов и Булгаков расходятся в социальной программе (из-за различия своей социальной принадлежности, воспитания, культуры), то в системе философско-этического осмысления мира можно обнаружить определенные сферы сближения, связанные с изображением конкретной действительности с точки зрения «вечных» ценностей, борьбы идей катастрофичности и устойчивости, неостановимости жизни, идей духовности и материальности, красоты и безобразия.

В. А. Шошин

М. А. БУЛГАКОВ КАК АВТОР ОПЕРНЫХ ЛИБРЕТТО

(ПО МАТЕРИАЛАМ РУКОПИСНОГО ОТДЕЛА
ПУШКИНСКОГО ДОМА)

Булгаков-писатель: прозаик, очеркист, романист, фельетонист, но не только. Булгаков также — драматург, сценарист, режиссер, либреттист, вообще — «человек театра». Органичность многогранного творческого облика Михаила Афанасьевича подчеркивала Елена Сергеевна Булгакова, рассказывая: «Он блестяще создавал тут же какие-то новеллы, при этом показывал их, как актер».¹ Известно письмо К. С. Станиславского Булгакову в связи с его приходом в коллектив МХАТа: «Дорогой и милый Михаил Афанасьевич. Вы не представляете себе, до какой степени я рад Вашему вступлению в наш Театр!

Мне пришлось поработать с Вами лишь на нескольких репетициях Турбиных, и я тогда почувствовал в Вас — режиссера (а м(ожет) б(ыть) и артиста?!).

Мольер и многие другие совмещали эти профессии с литературой!».²

По мнению К. Г. Паустовского, приход Булгакова к театру был естественным и закономерным: «Иначе и быть не могло. Потому что Булгаков был не только большим писателем, но и большим актером».³ П. А. Марков уточнял: «Он был до мозга костей театральным человеком, и стихия театра поглощала его целиком»; более того, казалось, что «каждую свою роль он внутренне проигрывает, — он не просто писал, но играл эти роли для себя внутренне».⁴

Не потому ли артисты с такой отзывчивостью воспринимали

¹ Театральная жизнь. 1987. № 14. С. 26.

² РО ИРЛИ, ф. 369, № 556.

³ Там же.

⁴ Там же.

его пьесы? Рубен Симонов, вспоминая булгаковского Дон Кихота, говорил: «Это, пожалуй, самое дорогое из того, что я сыграл за всю мою актерскую жизнь».⁵ Работа для театра особенно наглядно выявляет присущее Булгакову единство восприятия искусства и жизни, в которой он, по выражению В. Топоркова, «горел театром».⁶

П. А. Марков свидетельствовал: «Когда его пьесы репетировались, он был фактически сорежиссером каждой постановки. И это было новое его свойство как драматурга: он был драматургом-актером, он был и драматургом-режиссером».⁷ Не этим ли в известной мере определяется оценка В. И. Немировича-Данченко: «Булгаков — едва ли не самый яркий представитель драматургической техники. Его талант вести интригу, держать зал в напряжении в течение всего спектакля, рисовать образы в движении и вести публику к определенной заостренной идее — совершенно исключителен».⁸

Булгаков не просто сыграл роль судьи (президента суда) в «Пиквикском клубе» на сцене филиала МХАТа, но и сыграл ее, невыигрышную, полунемую, по определению народного артиста СССР В. Топоркова «блестяще»,⁹ вызвав и удивленную похвалу Станиславского,¹⁰ предчувствовавшего, впрочем, еще раньше, что «он не только литератор, но он и актер».¹¹ Он — постоянный представитель театра в прозе. Прозаик, он размышляет о природе прежде всего драматургического творчества. «Этот роман, — сказал о „Мастере и Маргарите“ А. Файко, — он писал тоже как драматург».¹² Более того, «Мастера и Маргариту», по мнению А. Нинова, он строит по законам грандиозного театрально-музыкального представления.¹³

А. Файко, близко знавший Булгакова, считал, что тот был драматургом не только потому, что писал пьесы для театра хорошо, знал его актеров и любил сцену, а потому, что «он ощущал жизнь, как действие».¹⁴ Эта мысль еще раз напоминает о том, что истоки театральной биографии Булгакова — в его жизненной биографии, причем с самых ранних лет.

Театр — это и бал у Воланда. Театр — это и прощальное восклицание уезжающего в провинцию героя «Записок юного врача». Театр — это прежде всего киевская юность, когда самый

⁵ Там же. № 557.

⁶ Там же. № 556.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ Новый мир. 1965. № 8. С. 99.

¹⁰ *Виноградская И.* Жизнь и творчество К. С. Станиславского. М., 1976. Т. 4. С. 387. 19 апреля 1931 г. Станиславский одобрил просьбу Булгакова о зачислении его «помимо режиссерства также и в актеры Художественного театра» (Там же. С. 232).

¹¹ *Станиславский К. С.* Собр. соч.: В 8 т. М., 1961. Т. 8. С. 269.

¹² РО ИРЛИ, ф. 369, № 556.

¹³ *Нинов А.* О драматургии и театре Михаила Булгакова (Итоги и перспективы изучения) // *Вопр. лит.* 1986. № 9. С. 100.

¹⁴ РО ИРЛИ, ф. 369, № 556.

воздух зрительного зала действовал на будущего драматурга опьяняюще, рождая щедрость юношеских мистификаций, силу воображения, талант импровизатора.

В середине 30-х гг. Булгаковы приобрели рояль. На нем играли С. Прокофьев, Д. Шостакович, Ю. Шапорин, А. Мелик-Пашаев. Это был последний рояль в жизни писателя — но был и первый. Уже в доме детства «жила музыка. . . По вечерам, уложив детей спать, мать играла на рояле Шопена. На скрипке играл отец. Он пел, и чаще всего „Нелюдимо наше море“». ¹⁵ Семья была музыкальной, братья Николай и Иван пели в гимназическом хоре, в хоре пела и Вера, другая сестра, Варя, училась в консерватории.

У киевлян были популярны летние концерты в саду над Днепром. Так музыка соединялась с природой, и много лет спустя писатель с необычным для него лирическим пафосом вспоминал ее обаяние: «Весной зацветали белым цветом сады, одевался в зелень Царский сад, солнце ломилось во все окна, зажигало в них пожары. А Днепр! А закаты! А Выдубецкий монастырь на склонах. Зеленое море уступами сбегало к разноцветному ласковому Днепру. Черно-синие густые ночи над водой, электрический крест Св. Владимира, висящий в высоте. . .». ¹⁶

Все это жило в душе, поддерживало ее возвышенный настрой. В одном из писем 1935 г. также видим искру поэзии, высеченную встречей с Киевом: «Когда днем я шел в парках, странное чувство поразило меня. Моя земля! Грусть, сладость, тревога!». ¹⁷ Неожиданно отозвалась киевская юность и в XXVII сцене булгаковской инсценировки «Войны и мира» Л. Толстого, когда Пьер бредит: «Красавица-полька на балконе моего киевского дома. . .». ¹⁸

В Киеве в пору юности Михаила Афанасьевича пели Ф. Шаляпин, Тито Руффо и другие известные певцы, на их концерты часто ходили и Булгаковы. Юношей Михаил Афанасьевич пел, у него был мягкий, красивый баритон. Сестра Надежда Афанасьевна рассказывала: «В школьные годы он мечтал стать оперным артистом. На столе у него стоял портрет Льва Сибирякова — очень популярный в те годы бас — с автографом. . .». ¹⁹

Приезжая в Киев, Ф. И. Шаляпин непременно пел в «Фаусте». «Фауст» был популярен в семье Булгаковых, навсегда оставшись любимой оперой писателя. Ноты «Фауста» на раскрытом рояле в гостиной — общеизвестен этот образ-символ духовной жизни Турбиных в романе «Белая гвардия». Дорогой автору, он варьируется, например, в незаконченной повести «Тайному Другу»: «На

¹⁵ Яновская Л. Творческий путь Михаила Булгакова. М., 1983. С. 7—8.

¹⁶ Булгаков М. Киев-город // М. Булгаков. Чаша жизни. М., 1989. С. 432.

¹⁷ РО ИРЛИ, ф. 369, № 314.

¹⁸ Там же, № 208. Киевский дом выходит здесь у Пьера (у Булгакова!) на первый план, в романе же у Пьера образ польки возникает лишь в конце длинного предложения, в котором говорится и о взглядах Платона Каратаева, и о выстреле, и о вое собаки, и о преступных лицах двух французов, и о дымящемся ружье, и об отсутствии Каратаева на этом привале. . .

¹⁹ Яновская Л. Творческий путь Михаила Булгакова. С. 25—26.

пианино над раскрытыми клавишами стоял клавир „Фауста“, он был раскрыт на той странице, где Валентин поет».²⁰

Сорок один раз слушал Булгаков «Фауста» только в гимназические и студенческие годы — поразительна эта цифра, сообщенная Е. А. Земской.²¹ На вечере, где он встретился с Еленой Сергеевной, он играл на рояле вальс из «Фауста». Когда герой «Записок юного врача» видит свою будущую больницу, в его памяти звучит фраза из арии Фауста. «Фаустом» начинается и завершается (в первой редакции) пьеса «Адам и Ева». Герою «Театрального романа» слышатся звуки все того же «Фауста» — это откладывает миг самоубийства и спасает ему жизнь. В рассказе «Морфий» оперная музыка создает целый мир (второй мир) в сознании героя.

Но насыщенность булгаковского творчества музыкой глубже, чем может показаться на первый взгляд. Несомненна драматичная музыкальность самого повествования. «Ритм его произведений, — отмечал П. Марков, — тревожен, он часто ломается, внезапно взрываясь бурей неожиданных, но вполне оправданных ситуаций. Оттого все его творчество производит впечатление некоего внутреннего клочкотания. . .».²² О пьесе Булгакова «Дон Кихот» И. Анисимов писал, что она «чудесно передает не только сатирический, но и поэтический, музыкальный колорит романа Сервантеса».²³ Поистине безбрежна, например, созданная Булгаковым в начале 30-х гг. музыкальная партитура к пьесе «Бег»: «Глухой хор монахов из подземелья, многокопытный топот, мягкий удар колокола, нежный медный вальс, под который уходит конница Чарноты, лязганье, стук, страдальческий вой бронепоезда и могильная тишина, нежные голоса поющих телефонов и оглушительный их треск, ария безумного Германа из „Пиковой дамы“ и „странная симфония“ Константинополя, в которой „Светит месяц“ сплетается с турецкими напевами, теноровые крики продавцов лимонов и вторящие им басы разносчиков буйволиного молока, залихватские марши гармоней и тихие капли падающей воды, шарманочная „Разлука“, голос муэдзина, летящий с минарета, и хор, распеваяющий песню о Кудеяре-атамане. . .».²⁴ Услышишь ли все это в современной, не булгаковской интерпретации «Бега»?

Музыка — это и родительский рояль, и скрипка, на которой Миша Булгаков тоже учился играть. Музыка — это и Николка с гитарой в «Днях Турбиных», и Шуберт, звучащий как обещание в последней главе романа «Мастер и Маргарита», вообще пронизанной музыкой. Жанр «Багрового острова» автором определен как «генеральная репетиция пьесы. . . с музыкой. . .». Новогод-

²⁰ Булгаков М. Чаша жизни. С. 269.

²¹ Из доклада на III Булгаковских чтениях «Михаил Булгаков и его театр в современном мире» (Л., 1988).

²² Булгаков М. Пьесы. М., 1962. С. 7.

²³ Там же. С. 478.

²⁴ Смялянский А. Михаил Булгаков в Художественном театре. М., 1989. С. 178.

нее (28 декабря 1939 г.) почти предсмертное послание Булгакова другу детства А. Гдешинскому кончалось пожеланием видеть солнце, слышать море, слушать музыку.²⁵

Музыка и театр — что могло быть важнее? «Это мир мой», — говорит о театре герой автобиографического «Театрального романа».²⁶ Причем любовь к театру с детства была активной. Уже с 12 лет Миша Булгаков участвовал в постановках любительских спектаклей дома, у знакомых, на даче под Киевом, где ставили А. П. Чехова и пьесы собственного сочинения.

Сестре Надежде Афанасьевне Булгаков написал под Новый год 31 декабря 1917 г.: «И вновь тяну лямку (. . .) вновь работаю в ненавистной мне атмосфере среди ненавистных людей. Мое окружение настолько мне противно, что я живу в полном одиночестве».²⁷ И из этого — из скуки будней, из тины окрестной обывательщины — траектория взыскующей души также не могла не привести к свету рампы. Как бы ни был увлечен Булгаков своей фельетонной работой в начале 20-х гг., он четко сказал: «Но не может жить великий талант одним гневом. Не утоленная будет душа. Нужна любовь. Как свет к тени».²⁸

С заглавной буквы писал Булгаков само слово Театр. Говоря, что он не может оставаться «в безвоздушном пространстве», что ему необходима «среда», он уточнял: лучше всего театральная.²⁹ По словам Н. Кузьякиной, Булгаков — единственный крупный писатель своего времени, который испытал столь большое влияние оперы со всеми вытекающими отсюда последствиями.³⁰

Особенности творческой индивидуальности Булгакова, его интерес к театру вообще, к музыкальному театру в частности, закономерно привели его к сотрудничеству с композиторами. Б. Асафьеву, И. Дунаевскому. Р. Глиэру, В. Соловьеву-Седому — всем своим соавторам-композиторам Булгаков был созвучен своей отзывчивостью музыке.

Материалы из переписки М. А. Булгакова с деятелями культуры, причастными к театру, хранящиеся в Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский Дом), имеют, на наш взгляд, особое значение, если учесть исключительную роль театра в творческой деятельности писателя. Не имея целью охватить здесь всю проблематику взаимоотношений М. А. Булгакова с оперным театром, остановимся на его переписке и сотрудничестве с композиторами — Б. В. Асафьевым, В. П. Соловьевым-Се-

²⁵ Наст. изд. С. 259.

²⁶ Булгаков М. Избранная проза. М., 1966. С. 542.

²⁷ Вопр. лит. 1984. № 11. С. 204.

²⁸ Там же. С. 197. Характерен интерес Булгакова к «театрализирующей действительность повести А. В. Чайнова «Венедиктов, или Достопамятные события жизни моей» (Вулис А. «Гофманиада» Ботаника X, или литературные деяния профессора А. В. Чайнова // Наука и жизнь. 1988. № 5. С. 98).

²⁹ «Беседовать с тобою одной»: Из писем Михаила Булгакова к жене // Октябрь. 1984. № 1. С. 190.

³⁰ Из доклада на III Булгаковских чтениях «Михаил Булгаков и его театр в современном мире».

дым, И. О. Дунаевским. Это тем более важно, что сотрудничество Булгакова с оперным театром изучено явно недостаточно. Даже в фундаментальном (50 листов) исследовании Е. А. Грошевой «Большой театр Союза ССР» (М., 1978) Булгаков упомянут лишь один раз и то в отрицательном плане — в цитате из рецензии на оперу С. Потоцкого «Прорыв»: «...турбинскую идеологию опере простить невозможно».³¹ Правда, ни одна из булгаковских опер так и не была поставлена, но он работал в Большом театре не только в качестве либреттиста. Тому же А. Прейсу, упомянутому в названном труде, он помогал в работе над либретто оперы В. Желобинского «Мать».

Взаимоотношения Булгакова с его соавторами-композиторами в 30-е гг. поучительно рассматривать не самоценно и разрозненно, как делалось до сих пор, а совокупно и поставив в контекст жизни писателя в целом. «Музыку нельзя не любить, — говорит булгаковский Дон Кихот. — Где музыка, там нет злого».³² Однако зло преобладало. «Трагической» назвал судьбу Булгакова В. Катаев.³³ Тревожно тягостен вздох Булгакова: «Я так устаю от своей каторжной работы. . .».³⁴ Однако при его жизни ни одна из его пьес в СССР так и не была опубликована. В письме Правительству СССР Булгаков сообщал, что из зафиксированных им 301 отзыва о нем в печати 298 — враждебно ругательны.

Г. Н. Бояджиев писал: «Фигура Мольера под пером у Булгакова обрела героический и драматический отсвет, его страсть к театру воспринимается как подвижничество, его жизнь предстает как непрерывная цепь писательских подвигов».³⁵ Однако не зря говорят, что писатель создает своих героев по своему образу и подобию. В. Каверин напоминал о «трагедии зависимости» булгаковского Мольера,³⁶ но такова же и трагедия Булгакова.

Перед иными адресатами свои грустные чувства писатель старался не выказать, однако драматизм положения тягостно чувствуется, например, в письмах к брату Николаю Афанасьевичу: «Силы мои истощились» (14 I 1933); «...безумно устал» (10 V 1934); «Мое молчание объясняется тем, что я переутомлен» (10 VII 1934); «Я нездоров, у меня нервное переутомление» (1 VIII 1934); «Хворал переутомлением. . .» (14 IV 1935); «...я безмерно утомлен. Впрочем, об утомлении распространяться не буду, устал уж и жаловаться».³⁷ Даже в мимолетных беседах он говорил о нелепости судьбы таланта, о самых странных опасностях на его пути.³⁸

«Все запрещено, я разорен, затравлен в полном одиноче-

³¹ Грошева Е. А. Большой театр Союза ССР. М., 1978. С. 133.

³² Булгаков М. Пьесы. М., 1962. С. 417.

³³ РО ИРЛИ, ф. 369, № 556.

³⁴ Вопр. лит. 1984. № 11. С. 214.

³⁵ РО ИРЛИ, ф. 369, № 295.

³⁶ Там же.

³⁷ Там же, № 310.

³⁸ Шереметьева Е. Из театральной жизни Ленинграда // Звезда. 1976. № 12. С. 199.

стве», — писал Булгаков М. Горькому уже осенью 1929 г.³⁹, и с тех пор мотив одиночества станет одним из определяющих его мироощущение. Тогда же Булгаков сообщал А. С. Енукидзе: «...совершившееся полное запрещение моих произведений в СССР обрекает меня на гибель».⁴⁰ В конце того же года последовал новый удар: Главрепертком фактически запрещает все его пьесы.

«Он презирал не людей, — говорил о нем П. С. Попов, — он ненавидел только человеческое высокомерие, тупость, однообразие, повседневность, карьеризм, неискренность и ложь... Сам он был смел и неуклонно прямолинеен в своих взглядах. Кривда для него никогда не могла стать правдой. Мужественно и самоотверженно он шел по избранному пути».⁴¹ Было невыносимо трудно, но ведь высота идеалов и предполагала принципиальность позиции. Пересмотрите эпиграфы к главам повести Булгакова «Жизнь господина де Мольера»: «Что помешает мне, смеясь, говорить правду?» (Гоголь); «Не насиуйте свой талант!» (Лафонтен); «Странно, что наши комики никак не могут обойтись без правилительства» (Гоголь). Сообщавший открыто в письме Правительству СССР, что считает своим писательским долгом «борьбу с цензурой, какая бы она ни была и при какой бы власти она ни существовала»,⁴² конечно, прежде всего он утверждал свободу и самоценность творческого таланта. Однако добиться этой свободы и оказывалось самым трудным, практически невозможным, обреченно-невозможным делом.

Б. Земского Булгаков в 1922 г. поразил «своей энергией, работоспособностью...».⁴³ Но после боев вокруг «Дней Турбиных» состояние здоровья резко ухудшилось. В письмах Сталину тяжело видеть незащитность души, пораженной почти смертельно: «С конца 1930 года я хвораю тяжелой формой нейрастении с припадками страха и предсердечной тоски...»; «Причина моей болезни — многолетняя задрывленность, а затем молчание»; «Я страдаю припадками страха в одиночестве»; «...страдаю истощением нервной системы, связанным с боязнью одиночества».⁴⁴

Сложность ситуации наиболее полно изложена в письме, написанном Булгаковым в июле 1929 г. Письмо оформлено в виде заявления, адресаты которого — «Генеральный секретарь партии И. В. Сталин; Председатель Ц. И. Комитета М. И. Калинин; Начальник Главискусства А. И. Свидерский»;⁴⁵ Алексей Максимович Горький»:

³⁹ РО ИРЛИ, ф. 369, № 332.

⁴⁰ Там же, № 338.

⁴¹ Там же, № 556.

⁴² Октябрь. 1987. № 6. С. 178.

⁴³ Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1976. Т. 35, № 5. С. 453.

⁴⁴ РО ИРЛИ, ф. 369, № 338.

⁴⁵ Свидерский Алексей Иванович (20 III 1878—10 V 1933) — советский государственный и партийный деятель, в 1918—1928 гг. — член коллегии Наркомпрода, заместитель наркома земледелия РСФСР, ректор сельскохозяйственной академии им. К. А. Тимирязева. В 1928—1929 гг. — член коллегии Наркомпроса РСФСР, начальник Главискусства.

«В этом году исполняется десять лет с тех пор, как я начал заниматься литературной работой в СССР. Из этих десяти лет последние четыре года я посвятил драматургии, причем мною были написаны 4 пьесы. Из них три («Дни Турбиных», «Зойкина квартира» и «Багровый остров») были поставлены на сценах государственных театров в Москве, а четвертая — „Бег“ — была принята МХАТом к постановке и в процессе работы Театра над нею к представлению запрещена.

В настоящее время я узнал о запрещении к представлению „Дней Турбиных“ и „Багрового острова“, „Зойкина квартира“ была снята после 200-го представления в прошлом сезоне по распоряжению властей. Таким образом, к настоящему театральному сезону все мои пьесы оказываются запрещенными, в том числе и выдержавшие около 300 представлений „Дни Турбиных“.

В 1926-м году в день генеральной репетиции „Дней Турбиных“ я был в сопровождении агента ОГПУ отправлен в ОГПУ, где подвергался допросу.

Несколькими месяцами раньше представителями ОГПУ у меня был произведен обыск, причем отобраны были у меня „Мой дневник“ в 3-х тетрадях и единственный экземпляр сатирической повести моей „Собачье сердце“.

Ранее этого подвергались запрещению повесть моя „Записки на манжетах“. Запрещен к переизданию сборник сатирических рассказов „Дьяволиада“, запрещен к изданию сборник фельетонов, запрещаются в публичных выступлениях „Похождения Чичикова“. Роман „Белая гвардия“ был прерван печатанием в журнале „Россия“, т(ак) к(ак) запрещен был самый журнал.

По мере того, как я выпускал в свет свои произведения, критика в СССР обращала на меня все большее внимание, причем ни одно из моих произведений будь то беллетристическое произведение или пьеса, не только никогда и нигде не получило ни одного одобрительного отзыва, но, напротив, чем больше известность приобретало мое имя в СССР и за границей, тем яростнее становились отзывы прессы, принявшие наконец характер неистовой брани.⁴⁶

Все мои произведения получили чудовишные, неблагоприятные отзывы, мое имя было ошельмовано не только в периодической прессе, но в таких изданиях, как Б(ольшая) Сов(етская) Энциклопедия и Лит(ературная) Энциклопедия.

Бессильный защищаться, я подавал прошения о разрешении хотя бы на короткий срок отправиться за границу. Я получил отказ.

Мои произведения „Дни Турбиных“ и „Зойкина квартира“ были украдены и вывезены за границу. В г. Риге одно из издательств дописало мой роман „Белая гвардия“, выпустив в свет под моей фамилией книгу с безграмотным концом. Гонорар мой за границей стали расхищать.

Тогда жена моя Любовь Евгениевна Булгакова вторично подала

⁴⁶ В тексте зачеркнуто М. А. Булгаковым слово «травли».

прошение о разрешении ей отправиться за границу одной для устройства моих дел, причем я предлагал остаться в качестве заложника.

Мы получили отказ.

Я подавал много раз прошения о возвращении мне рукописей из ГПУ и получал отказы или не получал ответа на заявления.

Я просил разрешения отправить за границу пьесу «Бег», чтобы ее охранить от кражи за пределами СССР.

Я получил отказ.

К концу десятого года силы мои надломились, не будучи в силах более существовать, затравленный, зная, что ни печататься и ставиться (в письме зачеркнуто М. А. Б.—ым слово — мне) более в пределах СССР мне нельзя, доведенный до нервного расстройства, обращаюсь к Вам и прошу Вашего ходатайства перед Правительством СССР ОБ ИЗГНАНИИ МЕНЯ ЗА ПРЕДЕЛЫ СССР ВМЕСТЕ С ЖЕНОЙ МОЕЙ Л. Е. БУЛГАКОВОЙ, которая к прошению этому присоединяется».⁴⁷

Михаил Афанасьевич ждал положительного ответа, но приходили письма, получение которых едва ли могло содействовать бодрости духа и творческой деятельности. Например, повесткой от 2 октября 1929 г. секретный отдел объединенного Государственного Политического управления предложил «Булгакову Михаилу Афанасьевичу»⁴⁸ явиться для дачи показаний в дом № 2 по ул. Дзержинского. Аналогичная повестка посылалась и 16 ноября 1926 г. Но были и другие письма. Анна Ильинична Толстая писала 19 марта 1934 г.: «Я Вам очень сочувствую в Ваших мучениях и неприятностях с Мольером (. . .) закусите удила, молчите и пишите. Выйдет хорошо, потому что Вы не можете сделать плохо».⁴⁹

Наделенный музыкальным слухом, он хорошо слышал мир. В том числе и его тишину. А между тем, как вспоминал С. Е. Ермолинский, «все окончательно затихло вокруг него. Так тихо, что хотелось кричать. . . Ни одного упоминания о нем; заговор молчания. . . Его словно и не было никогда».⁵⁰ Но сквозь завесу молчания тем явственнее прорывались голоса друзей. «Умоляю, не терзайте себя», — взывал к нему его соавтор композитор Б. В. Асафьев.⁵¹ «Дорогой Михаил Афанасьевич! До чего мне больно за Вас! Какая непрерывная нервная трепка!» — это другой его соавтор, писатель В. В. Вересаев.⁵²

«Лирика всегда таилась в Булгакове», — свидетельствовал П. А. Марков, имея в виду и проявления «парадоксального и темпераментного таланта» и «беспокойную, захватывающую все его существо творческую инициативу».⁵³ Но эта энергия была направ-

⁴⁷ РО ИРЛИ, ф. 369, № 338.

⁴⁸ Так в тексте (РО ИРЛИ, ф. 369, № 524).

⁴⁹ Там же, № 467.

⁵⁰ Театр. 1966. № 9. С. 84.

⁵¹ РО ИРЛИ, ф. 369, № 348.

⁵² Там же, № 230.

⁵³ Марков П. А. В Художественном театре. М., 1976. С. 231, 436.

лена не только на искусство. Так, Михаил Афанасьевич в решительную минуту помог В. Катаеву, взяв на себя чтение за автора его пьесы «Растратчики» перед ответственной аудиторией артистов МХАТа.⁵⁴ Нуждаясь постоянно в средствах, он сам помогал другим и в денежном плане.⁵⁵ Из античных времен доносится до нас вздох Менандра: счастлив тот, кому довелось встретить хотя бы тень настоящего друга. Булгаков был счастлив в друзьях, как и друзья его — в нем.

«. . .Мое утомление, безнадежность безмерны. Не могу ничего писать», — это из послания Булгакова М. Горькому в трудный для него 1929 год.⁵⁶ Но вот обстановка проясняется, и он же Горькому пишет: «Зная, какое значение для разрешения пьесы имел Ваш хороший отзыв о ней, я от души хочу поблагодарить Вас».⁵⁷ К М. Горькому обратился Булгаков и с просьбой походатайствовать о возвращении рукописей, изъятых у него ОГПУ. М. Горький дал знать, что его ходатайство увенчалось успехом и рукописи автор получит.⁵⁸ Было это в 1926 г., и тогда же, в 1926 г., направив письмо председателю Совета народных комиссаров о возвращении ему рукописи повести «Собачье сердце» и «Моего дневника», также изъятых при обыске, через два года направляет уверенность на получение их Е. П. Пешковой.⁵⁹ Нервничает, что результатов все нет. Екатерина Павловна в письме от 14 августа 1928 г. старается успокоить писателя дружеским письмом: «Михаил Афанасьевич! Совсем не „совестно“ беспокоить меня. О рукописях Ваших я не забыла и 2 раза в неделю беспокою запросами о них кого следует. Но лица, давшего распоряжение, нет в Москве. Видимо, потому вопрос так затянулся. Как только получу их, извещу Вас. Жму руку Ек. Пешкова».⁶⁰

Непрерывное движение путем писательского подвижничества в тревожных заревах трагической современности — такой была жизнь героев Булгакова, Мольера и Пушкина, такой была и его собственная жизнь. «Люди выбирают разные пути, — говорит булгаковский Дон Кихот. — Один, спотыкаясь, карабкается по дороге тщеславия, другой ползет по тропе унижительной лести, иные пробираются по дороге лицемерия и обмана. Иду ли я по одной из этих дорог? Нет! Я иду по крутой дороге рыцарства и презираю земные блага, но не честь! . . .Я заступался за слабых, обиженных сильными! Если я видел где-нибудь зло, я шел на смертельную схватку, чтобы побить чудовищ злобы и преступлений! Вы их не видите нигде? У вас плохое зрение, святой отец!».⁶¹

⁵⁴ РО ИРЛИ, ф. 369, № 557.

⁵⁵ Там же, № 464.

⁵⁶ Там же, № 332.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ Там же, № 524.

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ Там же, № 461.

⁶¹ Булгаков М. Пьесы. С. 434. У Сервантеса это место звучит так: «Я вступался за униженных, выпрямлял кривду, карал дерзость, побеждал великанов и попираал чудовищ» (*Сервантес Сааведра М. Дон Кихот Ламанчский. М., 1976. Ч. 2.*

Одному на таком пути особенно трудно, учитывая к тому же «редкую впечатлительность, ранимость».⁶² Вот почему надо сказать о том громадном значении, которое для Михаила Афанасьевича имела в трудные годы поддержка друзей — соавторов его упорства, пусть и не соавторов в конкретно творческом смысле. Нет-нет да и ободрит весточка от доброго друга Павла Маркова, его слово приветия, дружеской заинтересованности: «Но что меня очень радует, интересуется — это твоя новая пьеса. Жду ее с нетерпением».⁶³ «Как твои „Души“?» — спрашивает в другом письме Павел Александрович,⁶⁴ и за этим слышится забота не только об инсценировке романа Гоголя, но и о покое души ее автора.

Режиссер МХАТа Я. Л. Леонтьев, еще один друг Булгакова, 30 июня 1934 г. пишет Булгакову письмо на бланке МХАТа, а уже 15 сентября того же года сообщает: «Понемногу начинаю приходить в себя от получения душевной травмы, авось излечусь вовсе. С МХАТ распростился окончательно. А что делать буду, еще не знаю»,⁶⁵ и благодарит Михаила Афанасьевича за «ласку и сердечность». К счастью, оба — и драматург, и режиссер, оставив МХАТ, перешли в Большой театр: «Когда же возвратитесь? Когда у меня начнутся жаркие, страдные дни?».⁶⁶

«Человек поразительного таланта» (А. Фадеев),⁶⁷ Булгаков силой своего обаяния вовлекал в свою орбиту множество людей, начиная, может быть, со своего первого, так или иначе, соавтора по пьесе «Сыновья муллы». Лето 1939 г. — последнее лето в жизни Михаила Афанасьевича. Подведение итогов — затруднения с «Дон Кихотом», с «Рашелью», с «Дружбой», с «Батумом». Надежда — на пьесу о Пушкине в МХАТе. И Виталий Яковлевич Виленкин спешит ободрить его письмом из Петергофа: «Дорогой Михаил Афанасьевич! Получил Ваше письмо вчера вечером и очень ему обрадовался. Я уверен и в дальнейшем успехе пьесы, твердо уверен. И заранее предвкушаю общее приподнятое, бодрое настроение, когда все съедутся осенью, и пойдет работа».⁶⁸ Работа так и не пошла, но доброе слово, наверно, все же не пропало.

Дружеские отношения — это было то, что позволяло не разувериться в людях, сохранить веру в непреложность высоких нравственных идеалов, особенно тогда, когда они подвергались жесточайшим испытаниям. Вот почему дороги нам собранные по крупицам знаки внимания к Михаилу Афанасьевичу, к его таланту. В историю пьесы «Последние дни» войдет, например, и письмо

С. 191). Булгаков уточняет: «... чудовищ злобы и преступлений!». И добавляет слова, которых у Сервантеса не было: «Вы их не видите нигде? У вас плохое зрение, святой отец!». Это было написано в 1938 году. . .

⁶² Шереметьева Е. Из театральной жизни Ленинграда. С. 199.

⁶³ РО ИРЛИ, ф. 369, № 438.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ Там же, № 429.

⁶⁶ Там же.

⁶⁷ Там же, № 553.

⁶⁸ Там же, № 367.

администратора театра им. Е. Вахтангова Л. П. Русланова, посланное Булгакову после его телефонного запроса о пьесе: «Я тогда же ответил Вам, что вопрос о Вашей пьесе был решен сразу же на чтении, что она всем очень понравилась и безусловно принята (. . .) Мне так понравилась Ваша пьеса, я так много о ней думаю, что хочется говорить и говорить о ней (. . .) Ваша пьеса еще больше усилит любовь к Пушкину».⁶⁹

Поэт, по словам Поля Валери, — самое уязвимое создание на свете. Но — если он не один? Тогда трудности каждого преодолевают сотрудничество двоих. Поиск соавтора — это в сущности поиск друга в искусстве, а его найти нелегко особенно тому, у кого, как у Булгакова, высокие требования к людям.

Переписка с деятелями искусства, с композиторами значительна прежде всего тем, что придает дополнительные штрихи нашему представлению о М. А. Булгакове, его индивидуальности и самом творчестве. Должно быть сохранено для истории то чувство уважения, дружелюбия, расположения, которое питали к нему и Б. Асафьев, и И. Дунаевский, и В. Соловьев-Седой. Что-то в высшей степени волнующее заключено в творческой близости мастеров-соавторов, в той трепетности сопереживания, которая соединяла их, в том, что Булгаков был не только соавтором, «но и другом, и единомышленником композитора. . .».⁷⁰

Работа над либретто была в известной мере вынужденной, Булгаков сам не без иронии и грусти отзывался о ней. Это была как бы дополнительная жизнь, вторая, которая отнимала время и силы от первой, настоящей, основной, отданной драматургии и прозе и потому — единственной! Однако талант и на вынужденной производственной площадке мог проявить себя. «То, — подчеркивал Я. Л. Леонтьев, — что писал Михаил Афанасьевич Булгаков для Большого театра, это не только конспекты, инсценировки и либретто, а это — настоящие драматургические произведения в стихах, которые, если бы даже были переложены для оперных спектаклей, могли бы представить самостоятельные произведения».⁷¹

Надо напомнить, что и к своим соавторам-композиторам Булгаков питал добрые чувства, встречи с ними приносили ему радость. Елена Сергеевна заносила в дневник: «Мне вообще Асафьев очень нравится, как необыкновенный умница и художественный человек».⁷² Все три композитора, соавторы Булгакова, — ленинградцы; тема работы с ними — развитие темы «Булгаков и Ленинград», не исчерпывающее пока разработанной.

Противник «бесстыдного хамелеонства», по выражению С. Ермолинского, Булгаков и в различных видах своего театрального сотворчества был искренним и отзывчивым. «Будучи литератур-

⁶⁹ Там же, № 234.

⁷⁰ Козлова М. Опера «Минин и Пожарский» // Музыка России. М., 1980. Вып. 3. С. 212.

⁷¹ РО ИРЛИ, ф. 369, № 556.

⁷² 1937-й год. Из дневников Е. С. Булгаковой // Сов. Россия. 1989. 30 июля.

ным консультантом Большого театра, — вспоминал Б. А. Мордвинов, — Михаил Афанасьевич всегда проявлял совершенно исключительную чуткость и такт, обсуждая с авторами приносимые ими либретто и сценарии, готовый помочь всем своим опытом и знаниями. Так, создавая свое либретто к опере „Минин и Пожарский“, Михаил Афанасьевич, тем не менее, без какой-либо личной заинтересованности, с чувством исключительно товарищеской помощи делился своими материалами и знаниями при работе театра над созданием нового либретто к опере „Иван Сусанин“». ⁷³ Не даром к нему тянулись не только причастные к литературе и театру, но и самые разные люди. Один из примеров — письмо, посланное ему Георгием Федоровичем Жордания 16 июня 1935 г.: «Я не знаю, что будет со мною завтра, доведен до крайности, до отчаяния. Моя драма — драма непонятой души, я — жертва чудовишной предубежденности (<...> Не откажите же меня выслушать (<...> Только не медлите!..» ⁷⁴

Совершенно не случайно адресатом подобного рода писем оказывался именно Булгаков. Его чуткая душа вызывала ответное внимание. Вспомним, что участниками вечеров его памяти в 1940 и 1965 гг. были Е. С. Булгакова, О. Л. Книппер-Чехова, А. А. Ахматова, П. А. Марков, Я. Л. Леонтьев, Б. Л. Леонтьев, В. А. Каверин, В. П. Катаев, К. М. Симонов, Р. Н. Симонов — блистательный подбор имен, но он лишь соответствует высокому нравственному уровню, заданному Булгаковым. Еще два великих композитора были ему близки: С. С. Прокофьев и Д. Д. Шостакович намеревались писать оперы по пьесе Булгакова о Пушкине. М. Горький, К. С. Станиславский, П. С. Попов, С. А. Ермолинский, В. Я. Виленкин, В. Е. Вольф — у такого человека, как Булгаков, не могло не быть таких хороших, надежных друзей. Но не зря тому же С. А. Ермолинскому Михаил Афанасьевич признавался: «А знаешь, кто мне больше всех навредил? Завистники». ⁷⁵

У Булгакова было необычайное зрительное и слуховое «предчувствие» своих пьес. ⁷⁶ Этого «предчувствия» были лишены многие начальствующие бюрократы. Говоря об откликах на постановку «Багрового острова», Д. И. Золотницкий писал: «Ничего творческого, продиктованного заботой о советском театре не было в грубой брани О. С. Литовского». ⁷⁷ Литовский, в качестве сотрудника Главреперткома сыгравший отрицательную роль в судьбе Булгакова, даже и после XX съезда КПСС уверенно заявлял: «... и после „Дней Турбиных“ М. А. Булгаков не предпринимал никаких попыток приблизиться к советской действительности. Две последующие пьесы Булгакова: „Багровый остров“ и „Зойкина квартира“ по обывательски-мещанскому своему тону и клеветническому характеру («Багровый остров») не могли не смутить

⁷³ РО ИРЛИ, ф. 369, № 556.

⁷⁴ Там же, № 386.

⁷⁵ Ермолинский С. Драматические сочинения. М., 1982. С. 595.

⁷⁶ Смирнова В. Современный портрет. М., 1964. С. 287.

⁷⁷ Проблемы театрального наследия М. А. Булгакова. Л., 1987. С. 73.

и поклонников Булгакова. Произведения Булгакова, начиная от его откровенно контрреволюционной прозы — „Дьяволиада“, „Роковые яйца“ — и кончая „Мольером“, занимают место не в художественной, а в политической истории нашей страны, как наиболее яркое и выразительное проявление внутренней эмиграции, хорошо известной под нарицательным именем „булгаковщины“.⁷⁸

О. Литовский якобы свидетельствует: «Будет правильно сказать, что советская литературно-театральная цензура как бы являлась продолжением общественной критики того или иного произведения. „Голых“ административных запретов в советское время, за редким исключением, не бывало. Даже такая явно порочная пьеса, как „Бег“ Булгакова, не отбрасывалась, а предпринимались всяческие попытки сделать ее достоянием театра».⁷⁹ Написано это в книге с категорическим названием «Так и было», а было не так — история драматургии Булгакова испещрена цензурными запрещениями. Слово «запрещение» фигурирует и в официальных документах; так, 14 октября 1929 г. дирекция МХАТа писала Булгакову о «запрещении Главреперткомом постановки пьесы „Бег“».⁸⁰ Елена Сергеевна в своих дневниках дала резко критическую оценку той роли, которую Литовский сыграл в трагической судьбе Булгакова. А ведь речь шла о судьбе писателя — гениального: «Все употребляют именно это выражение — гениальный. . .».⁸¹

Но можно ли не вспомнить здесь и того, что в самый трагический момент на помощь Михаилу Афанасьевичу попытались прийти его друзья — друзья-актеры. 8 февраля 1940 г. в секретариат Сталина на имя Поскребышева было написано следующее письмо: «Глубокоуважаемый Александр Николаевич! Простите, что беспокоим Вас этим письмом, но мы не можем не обратиться к Вам в данном случае, считаем это своим долгом.

Дело в том, что драматург Михаил Афанасьевич Булгаков этой осенью заболел тяжелейшей формой гипертонии и почти ослеп. Сейчас в его состоянии наступило резкое ухудшение, и врачи полагают, что дни его сочтены. Он испытывает невероятные физические страдания, страшно истощен и уже не может принимать никакой пищи. Трагической развязки можно ожидать со дня на день. Медицина оказывается явно бессильной, и лечащие врачи не скрывают этого от семьи. Единственное, что, по их мнению, могло бы дать надежду на спасение Булгакова, — это сильнейшее радостное потрясение, которое дало бы ему новые силы для борьбы с болезнью, вернее — заставило бы его захотеть жить, — чтобы работать, творить, увидеть свои будущие произведения на сцене.

Булгаков часто говорил, как бесконечно он обязан Иосифу

⁷⁸ Литовский О. Так и было. М., 1958. С. 205.

⁷⁹ Там же. С. 232.

⁸⁰ РО ИРЛИ, ф. 369, № 130.

⁸¹ 1935-й год. Из дневников Е. С. Булгаковой // Сов. Россия. 1989. 5 марта.

Виссарионовичу, его необычайной чуткости к нему, его поддержке. Часто с сердечной благодарностью вспоминал о разговоре с ним Иосифа Виссарионовича по телефону десять лет тому назад, о разговоре, вдохнувшем тогда в него новые силы. Видя его умирающим, мы — друзья Булгакова — не можем не рассказать Вам, Александр Николаевич, о положении его, в надежде, что Вы найдете возможным сообщить об этом Иосифу Виссарионовичу. С глубоким уважением народных артисты Союза ССР В. Качалов, А. Тарасова, Н. Хмелев».⁸²

Это статья о соавторах жизни Михаила Афанасьевича — о друзьях, чье внимание поддерживало его и в самые беспросветные дни, о трудной эпохе, в которую Булгаков жил, — в поучение грядущему. Но прежде всего — это строки о воплощении в нем солнечного света, постоянной творческой энергии, запечатленной в словах Елены Сергеевны: «У него были необыкновенные ярко-голубые глаза, как небо, и они всегда светились...».⁸³

БУЛГАКОВ И АСАФЬЕВ

«Мною многие командуют, — писал 14 марта 1935 г. Булгаков П. С. Попову. — Теперь накомандовал Станиславский. Прогнали для него Мольера без последней картины (не готова), и он вместо того, чтобы разбирать постановку и игру, начал разбирать пьесу.

В присутствии актеров (на пятом году!) он стал мне рассказывать о том, что Мольер гений и как этого гения надо описывать в пьесе.

Актеры хищно обрадовались и стали просить увеличивать им роли.

Мною овладела ярость. Опьянило желание бросить тетрадь, сказать всем: — пишите вы сами про гениев и про негениев, а меня не учите, я все равно не сумею».¹

Как бы отошло в прошлое то самое сентябрьское письмо Станиславского из Баденвейлера Булгакову: «От всей души приветствую Вас, искренно верю в успех и очень бы хотел поскорее поработать вместе с Вами. До скорого и приятного свидания (<...> Искренно Вас любящий К. Станиславский».² Все было искренно и благожелательно, и о самом «Мольере» М. Горький писал так: «О пьесе М. Булгакова „Мольер“ я могу сказать что — на мой взгляд — это очень хорошая, искусно сделанная вещь, в которой каждая роль дает исполнителю солидный материал. Автору удалось много, что еще раз утверждает общее мнение о его талантливости и его способности драматурга (<...> Отличная пьеса».³

⁸² РО ИРЛИ, ф. 369, № 556.

⁸³ Театральная жизнь. 1987. № 13. С. 27.

¹ РО ИРЛИ, ф. 369, № 334.

² Там же, № 556.

³ Там же.

20 июня 1934 г. в связи с пятисотым исполнением «Дней Турбиных» заместитель директора МХАТа В. Г. Сахновский направил Булгакову приветственную телеграмму: «Вы уже давно знаете и от Константина Сергеевича, и от Владимира Ивановича, что они оба считают Вас „своим“ в Художественном Театре, „своим“ по творческой близости, поэтому в день ПЯТИСОТОГО спектакля позвольте от имени Театра поздравить Вас как „своего“, не только как любимого драматурга».⁴ Однако с «Мольером» решительно не ладилось. После категорического отказа Булгакова переделать текст Станиславский «Мольера» не бросил, еще более углубился в него. Между тем затянувшиеся репетиции «Мольера» стали «сказкой театрального быта»,⁵ «притчей во языцех», по выражению В. И. Немировича-Данченко.⁶

5 октября 1936 г. Булгаков сообщил П. С. Попову: «У меня была страшная кутерьма, мучения, размышления, которые кончились тем, что я подал в отставку в Художественном Театре и разорвал договор на перевод „Виндзорских“. Довольно! Все должно иметь свой предел».⁷

В дирекцию МХАТа Булгаков 15 сентября написал следующее заявление: «Ввиду того, что тяжелое состояние мое, вызванное снятием моих последних пьес, лишает меня продолжать службу в МХАТ, прошу меня от нее освободить».⁸ Письмо директору М. П. Аркадьеву было более пространно: «Дорогой Михаил Павлович, обдумав окончательно вопрос, по которому мы с Вами беседовали, я пришел к твердому заключению, что, при том тягостном состоянии, которое вызвано разгромом моих пьес, я не в силах больше работать в МХАТ, мне просто в нем тяжело бывать. Вчера я проверил и свои размышления по поводу „Виндзорских“ и вижу, что пересилить себя не могу. Я перевод этот делать не буду. Поэтому прошу Вас сделать распоряжение о расторжении со мною договора, а также принять прилагаемое при этом мое заявление об освобождении меня от службы в МХАТ. Примите мой привет. М. Булгаков».⁹

О «Виндзорских» Булгаков пишет особо. В. В. Гудкова напоминает: «22 февраля Н. М. Горчаков на заседании режиссеров МХАТа предложил „Виндзорских проказниц“ Шекспира для постановки. 19 мая Булгаков заключает договор с театром на перевод пьесы. Задача: написать новое произведение, объединив мотивы „Виндзорских проказниц“ и „Генриха IV“».¹⁰ Пришлось отказаться и от этого замысла.

⁴ Там же.

⁵ Строева М. Н. Режиссерские искания Станиславского. 1917—1938. М., 1977. С. 357.

⁶ РО ИРЛИ, ф. 369, № 556.

⁷ Там же, № 334.

⁸ Там же, № 529.

⁹ Там же, № 304.

¹⁰ Новый мир. 1987. № 2. С. 178. Хранящийся в Рукописном отделе ИРЛИ (ф. 369, № 539) договор Булгакова с МХАТом о переводе и переработке «Виндзорских проказниц» помечен 22 мая.

Относящееся к тому времени последнее письмо Булгакова из его диалога с В. В. Вересаевым, хранящееся в Пушкинском Доме, кончается пессимистически, но категорично: «Я очень утомлен и размышляю. Мои последние попытки сочинять для драматических театров были чистейшим дон-кихотством с моей стороны. И больше его я не повторю. На фронте драматических театров меня больше не будет».¹¹

Обо всем этом стоит вспомнить, чтобы лучше понять то настроение, с которым 10 октября 1936 г. Михаил Афанасьевич поступил в Большой театр Союза ССР на должность литературного консультанта и либреттиста. Если внешне это могло показаться несколько неожиданным, то на самом деле для Булгакова такая перемена была вполне органичной. В решении творческой судьбы сыграли свою роль юношеские увлечения оперой. Более того, с давних лет в какой-то мере Булгаков обладал и начатками технологических навыков либреттиста: как свидетельствует Е. А. Земская, он был уже тогда автором самодеятельной оперы.¹²

Работал Булгаков в Большом театре также режиссером-ассистентом. Новые надежды — новые замыслы. Новые предложения. В октябре Михаил Афанасьевич получает еще одно дружеское и деловое письмо — от Ю. М. Юрьева:

«Многоуважаемый Михаил Афанасьевич!

У Вас есть новая пьеса „Багровый остров“.

Я надеюсь, что Вы, согласно нашему договору в мае, дадите мне возможность ознакомиться с Вашими новыми произведениями, дабы иметь возможность вовремя включить пьесу в репертуар нашего театра.

Буду в Москве в начале сентября или в конце августа.

Разрешите мне тогда повидаться с Вами, а до моего приезда, — если Вы ничего не имеете против, может быть, передадите экземпляры для передачи мне Николаю Яковлевичу Берестову, которого я прошу обратиться к Вам.

Во всяком случае, очень бы желал повидаться с Вами в Москве, чтобы более конкретно договориться с Вами.

Искренне уважающий Вас Юр. Юрьев».¹³

Р. С. Мой настоящий адрес: Тверская губ., Кашинский уезд, почтовая станция Троица-Нерль, сельцо Поняки Юр. Михайловичу Юрьеву».¹⁴

¹¹ РО ИРЛИ, ф. 369, № 226.

¹² Из доклада на III Булгаковских чтениях «Михаил Булгаков и его театр в современном мире».

¹³ Юрьев Юрий Михайлович (1872—1948) — актер, народный артист СССР, лауреат Государственной премии СССР. С 1893 г. работал в Александринском театре в Петербурге (ныне Ленинградский государственный академический театр драмы им. А. С. Пушкина), в 1922—1928 гг. был его художественным руководителем.

¹⁴ РО ИРЛИ, ф. 369, № 127. Ю. Юрьев впервые писал Булгакову еще в марте 1928 г. (см. там же).

По-видимому, письмо это осталось без последствий: новая должность требовала профессиональной сосредоточенности. О необходимости создания советской оперы в ту пору рассуждали немало, и одним из самых серьезных препятствий на этом пути считали отсутствие достойных либретто. Профессиональные литераторы, критически писал один из рассуждавших, «считают чуть ли не оскорбительным для себя работать над оперным либретто. . . Это совершенно неправильно».¹⁵

Буквально через неделю после перехода в Большой театр Михаил Афанасьевич подписывает договор о написании либретто на музыку композитора С. И. Потоцкого с условным названием «Черное море»: «Срок выполнения Булгаковым либретто устанавливается 1 декабря 1936 г.».¹⁶ Работа со стороны либреттиста шла успешно: 2 апреля 1937 г. «Театральная декада» сообщала: «Композитор С. Потоцкий по заданию Большого театра СССР работает над оперой „Черное море“. Либретто оперы написано драматургом М. А. Булгаковым».¹⁷ «Литературная газета» 20 апреля подтверждала в «Хронике искусств»: «Либретто оперы „Черное море“ написал М. А. Булгаков для Большого театра. Драматургом взят эпизод из героической борьбы Красной армии за Перекоп. Музыка пишет композитор С. Потоцкий».¹⁸

Было условлено, что Михаил Афанасьевич будет создавать по одному либретто в год. Но одновременно с «Черным морем» он работает и над другой вещью, договор о которой был заключен еще до перехода в Большой театр:

«Гор(од) Москва, 1936 г. июня 17-го дня, мы, нижеподписавшиеся, Директор Государственного Академического Большого Театра Союза СССР, именуемая в дальнейшем Дирекция, в лице Директора Владимира Ивановича М у т н ы х, с одной стороны, и — литератор Михаил Афанасьевич Бу л г а к о в, — с другой, заключили между собой настоящий договор в следующем:

1 М(ихаил) А(фанасьевич) Булгаков принимает на себя обязанность написать для Дирекции либретто для оперы „Минин и Пожарский“, музыка Б. В. Асафьева, в 4-х актах и 7-ми картинах.

2. Все либретто должно быть сдано Дирекции не позднее 15-го сентября 1936 г.».¹⁹

Весной 1937 г. на активе работников искусства Москвы председатель Государственного комитета по делам искусств при Совнаркоме СССР П. М. Керженцев подчеркнул, что и в оперном искусстве «нам нужны в первую очередь героические произведения».²⁰ Тема, как говорится, висела в воздухе и уж во всяком случае представлялась безусловной. Повезло Булгакову и с соавтором, да и

¹⁵ Городинский В. Путь советского оперного театра // Правда. 1937. 5 июня.

¹⁶ РО ИРЛИ, ф. 369, № 541.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же.

¹⁹ РО ИРЛИ, ф. 369, № 540.

²⁰ Там же, № 545.

сам замысел оперы подсказал чуткий к вопросам русской истории Б. В. Асафьев,²¹ живший в Ленинграде.

С Ленинградом Булгаков связывал не только многострадальный «Мольер». Еще в мае 1926 г. Булгаков установил отношения с Ленинградским государственным Большим драматическим театром, его управляющим Р. А. Шапиро. В августе 1931 г. дирекция ГБДТ поручила Булгакову написать пьесу по роману Льва Толстого «Война и мир».²² В 1933 г. Булгаков приезжает в Ленинград вместе с МХАТом, привезшим сюда на гастроли и «Дни Турбиных», которые произвели, очевидно, сложное впечатление, о чем свидетельствовала опубликованная тогда же рецензия С. Мокульского: «... Решительно нужно говорить о недочетах „Дней Турбиных“, о политических и методологических ошибках этого спектакля. Эти ошибки не случайны».²³ Думается, что А. Бурмистров прав, говоря о негативном приеме прессой «Дней Турбиных» в Ленинграде в 1933 г.²⁴ Но в письме ленинградских зрителей в июле 1933 г. игра актеров в пьесе Булгакова характеризовалась как «величайшее творчество и изумительная созвучность».²⁵ Доброе мнение зрителей, несомненно, способствовало тому, что Ленинград вдохновлял Булгакова и в 1933, и в 1934 гг. на работу над «Мастером и Маргаритой». Из «Астории» он писал П. С. Попову летом 1934 г: «... в голове бродит моя Маргарита, и кот, и полеты...».²⁶ Первые «полеты» в романе были «прорепетированы» именно над Ленинградом в тихие белые ночи начала 30-х гг. . . .

Москвич Булгаков ленинградца Асафьева не знал. Но для драматурга Асафьев с его интересом к русской истории был сущей находкой. Наставником Асафьева был великий русский патриот В. В. Стасов, который ввел его в мир Глинки и Мусоргского, Белинского и Чернышевского, познакомил с Шаляпиным, Репиным, Глазуновым, М. Горьким. При всей энциклопедической широте интересов Асафьева ему особенно дороги были работы сочленов балакиревской свободной художественной артели с их «пламенным увлечением темами русской истории»: «... ни одна нация не может противопоставить в своем оперном искусстве ничего равного этой силе и величавости», — писал он.²⁷ Основным в музыке «Ивана Сусанина», которая, начиная с увертюры, говорит «о прямоте русского характера», Асафьев считал «чувство родины».²⁸ Бородина ценил как композитора, «глубоко национального и патриота в высоком значении этого понятия».²⁹ Идеей,

---

²¹ Асафьев Борис Владимирович (19 VII 1884—21 I 1949) — выдающийся советский композитор и музыковед, народный артист СССР, академик АН СССР, лауреат Государственной премии СССР.

²² РО ИРЛИ, ф. 369, № 211.

²³ Рабочий и театр. 1933. № 19. С. 10.

²⁴ Нева. 1987. № 12. С. 195.

²⁵ Московский Художественный театр в советскую эпоху. М., 1974. С. 127.

²⁶ РО ИРЛИ, ф. 369, № 334.

²⁷ Асафьев Б. В. Избранные статьи. М.; Л., 1965. С. 141.

²⁸ Асафьев Б. Об опере. Л., 1976. С. 97.

²⁹ Там же. С. 156.

объединяющей великих русских композиторов — Глинку, Бородину, Мусоргского, Римского-Корсакова, Чайковского, Асафьев считал «глубоко патриотическую идею».³⁰ Очевидно, будущие соавторы легко могли найти общую творческую платформу.

Их диалог начинался мажорно. В начале июля от А. Ш. Мелик-Пашаева, приехавшего в Дом отдыха ГАБТ Поленово, Асафьев узнает, что Булгаков уже закончил работу над либретто оперы. Посылает соавтору два письма 10 и 23 июля 1936 г., а затем, 17 октября, и телеграфное извещение о завершении своей части работы над оперой. «Гениальная музыкальная одаренность, на редкость пылкий ум, исключительная трудоспособность»,³¹ — чего еще можно было бы пожелать от соавтора, который к тому же распространял вокруг себя атмосферу творческой благожелательности. «У Бориса Владимировича, — вспоминал Б. А. Покровский, — это было потребностью, одной из форм служения искусству — каждым часом, каждым поступком объединять и вызывать художественные потенции тех, кто его окружает».³² Очень важна была отмечавшаяся современниками в Асафьеве «тяга к людям».³³

Работа Булгакова в свою очередь помогала Асафьеву творчески реализовать свой давний интерес к русской истории, интенсивный с тех времен, когда он был студентом историко-филологического факультета Ленинградского университета. Замысел оперы вдохновлял его и потому, что темой его государственного экзамена весной 1908 г. было движение нижегородского ополчения во главе с Мининым и Пожарским к Москве. В 20-е годы Асафьеву с его приверженностью к национальной музыке доставалось от рапповской критики, чью травлю он воспринимал, как и Булгаков, драматично: «Кончился я, ничего не сделал. Тоска и тоска. . .» — писал он в 1930 г.³⁴

Незадолго до встречи с Булгаковым Асафьев 9 января 1935 г. опубликовал в «Ленинградской правде» статью под заголовком «Смелее дерзать!». Речь шла прежде всего о развитии патриотических русских оперных традиций, к чему Асафьев призывал еще в первые послереволюционные годы: «Думается, что за периодом „очищения“ может воспоследовать период возрождения, и тогда мы станем на пороге рождения новой культуры русской оперы».³⁵ То, к чему Асафьев призывал как музыковед, он сам хотел осуществить как композитор. В середине 30-х гг. он сделал немало: были созданы балеты «Утраченные иллюзии» (по мотивам Бальзака), «Кавказский пленник» (по тексту Пушкина), «Партизаны» (на современную тему), опера «Казначейша» (по Лермонтову); были сделаны наброски оперно-драматического спектакля «Царь Эдип»

³⁰ Там же. С. 98.

³¹ Орлова Е., Крюков А. Академик Борис Владимирович Асафьев. Л., 1984. С. 7.

³² Асафьев Б. Об опере. С. 7.

³³ Друскин М. Исследования. Воспоминания. Л.; М., 1977. С. 171.

³⁴ Орлова Е. Б. В. Асафьев. Л., 1964. С. 243.

³⁵ Асафьев Б. Об опере. С. 93.

(по Софоклу), балета «Спартак», но все еще не воплощенным осталось стремление к созданию произведения на темы родной истории. И вот — «Минин и Пожарский».

Первая хранящаяся в Пушкинском Доме телеграмма Булгакова Асафьеву — ответ на депешу от 17 октября, отправленный в тот же день: «Радуюсь горячо приветствую хочу услышать Булгаков». ³⁶ Далее работа пошла совсем быстро. В отчете «В Большом театре Союза ССР» газета «Советское искусство» 23 октября 1936 г. сообщала: «Композитор Б. Асафьев закончил, по заказу театра, оперу „Минин и Пожарский“ по либретто М. Булгакова». ³⁷ Непрерывное и энергичное крещендо! «Создадим советскую классическую оперу» — так «Комсомольская правда» в номере от 14 ноября озаглавила интервью с художественным руководителем Большого театра С. А. Самосудом: «Композитор Б. Асафьев заканчивает музыку к исторической опере „Минин и Пожарский“ (либретто М. Булгакова) о патриотизме русского народа, отстаивавшего независимость своей родины и прогнавшего поляков в 1612 г.». ³⁸ Есть, правда, некоторое разночтение: то — «закончил», то — лишь «заканчивает». Но 22 ноября «Вечерняя Москва» как бы уточняет: «Композитор Б. Асафьев закончил по заказу Большого театра Союза ССР оперу „Минин и Пожарский“ на либретто М. А. Булгакова». ³⁹ Имя Булгакова снова не сходит со страниц газет. Оперу ждут.

12 декабря 1936 г. Асафьев так писал Булгакову, вспоминая приезд его и Мелик-Пашаева: «Приезд Ваш и Мелика вспоминаю с радостью. Это было единственно яркое происшествие за последние месяцы в моем существовании: все остальное стерлось. При свидании нашем я, волнуясь, ощутил, что я и человек, и художник, и артист, а не просто какая-то бездонная лохань знаний и соображений к услугам многих, не замечающих во мне измученного небрежением человека. Я был глубоко тронут чуткостью Вас обоих. Сердечное спасибо. . .». ⁴⁰

В первом имеющемся в Рукописном отделе Пушкинского Дома письме Булгакова к Асафьеву (январь 1937 г.) говорится: «Мне — трудно, я дурно чувствую себя. Неотвязная мысль о погубленной литературной жизни, о безнадежном будущем порождает другие черные мысли». ⁴¹ Вроде бы для этого нет оснований? «Известия» 30 декабря сообщают, что Большой театр поставит историческую оперу «Минин и Пожарский» и что накануне 20-летия Октября музыка обогатится рядом новых советских опер. Основания для черных мыслей, однако, были. 14 ноября 1936 г. в «Правде» публикуется постановление Комитета по делам искусств при Совнаркомоме Союза ССР «О пьесе „Богатыри“ Демьяна Бедного». Попал в эту

³⁶ РО ИРЛИ, ф. 369, № 306.

³⁷ Там же, № 540.

³⁸ Там же.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Там же, № 348.

⁴¹ Там же, № 306.

полосу под удар и «Багровый остров»: ругая А. Таирова за «Бога-тырей», ругали за все другое, досталось и Булгакову, и старые «грехи» приплюсовали («Багровый остров», как мы помним, был поставлен еще в 1928 г.). В «Правде» Михаил Афанасьевич читает о себе: «В этой пьесе под видом пародии содержался пасквиль на нашу жизнь. Камерный театр „не заметил“ издевательства над нашей советской культурой, над нашей страной, которое было лишь кое-как прикрыто автором».⁴² Дальше — больше. В № 12 «Советского театра» О. Литовский характеризовал «Багровый остров» как пасквиль уже на Октябрьскую революцию. Н. Дмитриев в «Литературной газете» (21.XI.1936) квалифицировал пьесу как «контрреволюционный памфлет».⁴³

Между тем 5 февраля 1937 г. «Советское искусство» снова объявляет о постановке оперы «Минин и Пожарский». В феврале об этом же говорит и «Вечерняя Москва». 17 февраля Булгаков одновременно с телеграммой Асафьеву посылает телеграмму будущему художнику спектакля В. В. Дмитриеву: «Немедленно ознакомьтесь Мининым делайте эскизы везите Москву Булгаков».⁴⁴ В «Правде» 10 марта 1937 г., в статье Г. Хубова «Новые советские оперы», работа Асафьева названа среди опер, которые «находясь в работе и близятся к завершению».⁴⁵

Тревожное ожидание получило оживление в переписке. У Асафьева преобладали минорные тона: «Знаю, напр(имер), что „Пленник“⁴⁶ не пойдет, — и потому стараюсь о нем забыть, а с „Мининым“ хуже: дразнят, что, мол, кто знает, может и пойдет!»⁴⁷ Булгаков — подбадривает: «Знайте, что, несмотря на все тяжести, которыми я плачусь за свою литературную жизнь, несмотря на утомление и мрак, — я неотрывно слежу за „Мининым“ и делаю все для проведения оперы на сцену».⁴⁸

Как вспоминал Д. Кабалевский, «внешне Асафьев был всегда очень спокоен, казалось, никогда никуда не торопился, но мозг его всегда спешил, стремясь не растратить впустую ни одного мгновения».⁴⁹ Он не задерживал соавтора, как, впрочем, и тот его. Но Булгакова отвлекали обязанности литературного консультанта Большого театра. Много приходилось рецензировать, сохранилась, например, заметка Булгакова к постановке «Руслана и Людмилы» от 24 ноября 1936 г.: «Начало оперы мне представляется в таком виде:

Киев — восьмидесятые годы десятого века. Пир сказочного размаха идет на холме, на котором стоят колоссальные фигуры

⁴² Зритель. Линия ошибок // Правда. 1936. 20 ноября.

⁴³ РО ИРЛИ, ф. 369, № 563.

⁴⁴ РО ИРЛИ, ф. 369, № 540.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Балет-поэма Асафьева по «Кавказскому пленнику» А. С. Пушкина (клавир был закончен в июле 1936 г.).

⁴⁷ РО ИРЛИ, ф. 369, № 348.

⁴⁸ Там же, № 306.

⁴⁹ Воспоминания о Б. В. Асафьеве. Л., 1974. С. 300.

золотоусого с серебряной головой Перуна и других богов (Дажбог, Хорс, Стрибог), и в гриднице (помещение дружины князя), которая раскрыта так, что внутренность ее видна публике.

Народ пирует у подножья идолов, князь киевский с дружиной — в гриднице.

Гридница подчеркнута сказочно роскошна — утварь, ткани, оружие и греческого, и скандинавского, и восточного происхождения.

В окружении князя кроме дружинников-славян — торки (кочевники, союзники князя), хазары. Очень мало варягов (а вернее, их совсем нет, кроме Фарлафа).

Кроме того, в окружении князя — множество женщин из его гарема (в том числе женщин Востока).

Гридница особенно блистает оружием. Воинственно и с блеском вооружена дружина. Вооружение чрезвычайно разнообразно, но преобладают прямые мечи, продолговатые щиты (у кочевников — луки).

Никаких бород, бритые подбородки, висячие усы, у многих — бритые головы с чубами (украинский тип). В особенности это надо подчеркнуть в отношении князя и юного Руслана.⁵⁰

Конечно, несомненен интерес литконсультанта, да и просто «человека театра», к тому, что будет происходить на сцене. Тем более, если сюжеты других работ созвучны «Минину». «Минин», однако, все задерживается, но не по вине авторов. То в Большом готовили «Поднятую целину», то «Руслана и Людмилу» (Булгаков как бы сам себе мешал!). Беспokoясь о нем, Я. Леонтьев из санатория в Кисловодске пишет ему 28 сентября 1936 г. о необходимости «нажима» на дирекцию: «Там сидят порядочные люди (. . .) но все они заняты по горло сегодняшним днем! Это не значит, что они что-то задержат, станут отмахиваться, — нет! Но надо ставить этот вопрос. . .»⁵¹

М. Козлова свидетельствует: «Прошли слухи о переносе постановки „Минина и Пожарского“ с основной сцены Большого театра в филиал, что вызвало волнение композитора, так как он считал, что эта сцена не отвечает масштабному замыслу оперы. . .»⁵² К сожалению, это были не только слухи. Директор театра В. И. Мутных в интервью «Театральной декаде» говорил о постановке оперы именно в филиале Большого театра. Это было не только неудобно для композитора, это было прямым нарушением частично процитированного выше Договора, в пункте 3 которого говорилось о премьере оперы именно в Большом театре. Более того, в печати промелькнуло сообщение, что опера будет поставлена вообще даже не в Москве, а в Ленинграде, «на сцене Театра оперы и балета им. С. М. Кирова», как 5 июля 1937 г. сообщила «Ленинградская правда». Возникла и кандидатура театра в г. Горьком.

⁵⁰ РО ИРЛИ, ф. 369, № 258.

⁵¹ Там же, № 429.

⁵² Музыка России. Вып. 3. С. 219.

Новые волнения, новые тревоги у Асафьева: «Не могу писать большого письма, т(ак) к(ак) все еще измотан „Партизанами“». ⁵³ Через месяц: «Простите, что молчал. Замучили репетиции „Партизан“ и „Казначейши“». ⁵⁴ Дни уходят на это. Ночами же работал над музыкой (инструментовка) для „Бориса“ для МХАТа». ⁵⁵

Письмо Асафьева от 16 февраля 1937 г. еще полно задиристкой полемичности: «В сущности, я не понимаю, почему нельзя разучивать „Минина“. Семь картин?! Ведь „Целину“ же готовили до ее окончания?! А моя фирма в техническом отношении прочнее». ⁵⁶ Но творческий оптимизм в письме от 12 марта падает до самоиронии: «. . . „Подн(ятую) целину“ можно принимать авансом и разучивать до окончания. Но я еще композитор неумелый и незрелый, не владеющий техникой муз(ыкальной) речи. . .». ⁵⁷

Асафьев — Булгакову: «Из г. Горького мне прислали запрос о клавире „Минина“. Они хотят ставить в будущем сезоне». ⁵⁸ Но, конечно, ничто не может заменить большой сцены Большого театра. Асафьев сетует: «Когда у меня был Платон Михайлович и восторженно описывал мне, какой он сценически представляет себе нашу оперу с точки зрения политической значимости тематики, — я все время ощущал большой размах, большой план и, следовательно, сцену Большого театра. Но если это — мечты, если Б(ольшой) театр не для меня, — то ведь тогда, действительно, надо пересмотреть всю оперу и многое переделать (. . .) Словом, эти слухи о Филиале изнуряют и подтачивают мою творческую энергию. . .». ⁵⁹ Работа все же идет.

Руководители Комитета по делам искусств при СНК СССР и Большого театра высказывают свои замечания, предлагают дополнить либретто двумя картинами (что шло на пользу делу, но было еще одним нарушением Договора, четко определенвшего и количество картин). Булгакову хочется поскорее все довести до конца, выполнить и новые пожелания. 10 марта он сетует соавтору: «Почему задерживается присылка музыки телеграфируйте Приветы Булгаков». ⁶⁰ Но 24 марта — вздох облегчения, Булгаков — Асафьеву: «Обнимаю Вас и приветствую, это написано блестяще!». ⁶¹ Это 22 марта А. Мелик-Пашаев играл у Булгаковых «Кострому» — новую картину из оперы, написанную Асафьевым.

⁵³ РО ИРЛИ, ф. 369, № 348.

⁵⁴ «Партизаны» — балет Асафьева «Партизанские дни». «Казначейша» — опера Асафьева по поэме М. Ю. Лермонтова «Тамбовская казначейша», премьера состоялась 1 апреля 1937 г. в Ленинграде.

⁵⁵ РО ИРЛИ, ф. 369, № 348.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ Там же, № 306.

⁶¹ Там же.

Гроза грянула там, где ее не ждали. Ее предвестье слышится в письме Булгакова от 10 мая. А на следующий день, 11 мая, в статье «Будущее Большого театра» С. Самосуд в «Советском искусстве», хотя и называет по-прежнему «Минина», но особо указывает, что в Большом театре намечено поставить и «Бориса Годунова», и «Ивана Сусанина». Это подтвердило опасения Булгакова, что если пойдет «Иван Сусанин», то другая опера на сюжет из той же исторической эпохи в одном с ней сезоне поставлена быть не может.⁶² О своей предстоящей работе над оперой М. Глинки Самосуд известил Асафьева специальным письмом. 4 июня в статье в «Правде» «К вершинам мирового искусства» С. Самосуд, говоря о необходимости «создания советского классического оперного спектакля», называет лишь «Бориса Годунова», «Ивана Сусанина», «Поднятую целину», «Мать», «Броненосца Потемкина».⁶³

«Отставка» «Минина» при содействии «Сусанина» была тем более обидна, что именно Асафьев активно содействовал постановке на сцене русских композиторов в их подлинном виде. Особенно дорог был ему именно Глинка: «Я преклоняюсь перед гением Глинки. Я считаю, что мы мало ценим его, мало знаем».⁶⁴ «Утренней зарей русской оперы» назвал Асафьев «Ивана Сусанина», и вот теперь, обновленная редактурой С. Городецкого, именно эта классическая опера воспрепятствует ему осуществить его желание: идя по стопам Глинки, внести и свой музыкальный вклад в развитие русской патристической оперы.

В июле 1936 г., поздравляя Булгакова с окончанием «Минина», Асафьев планировал их совместную встречу с директором ГАБТа СССР Владимиром Ивановичем Мутных. Через год это стало не только опасно, а и попросту невозможно. В том же письме 10 мая 1937 г. Булгаков пишет соавтору: «... о том, что Мутных уже не директор Большого Театра, и арестован, Вы, конечно, уже знаете».⁶⁵ «Вечерняя Москва» 7 мая в статье Л. Берна «Новая творческая платформа» так писала о борьбе в театре, об оппозиции: «Нездоровые настроения этой группы работников широко использовал в своих гнусных целях, ныне разоблаченный враг народа, бывший директор театра Мутных. Стараясь перессорить коллектив, Мутных мешал работе Самосуда, восстанавливая против него актеров».⁶⁶ По-видимому, отзвуком усложнившихся человеческих отношений является объяснение в письме Булгакова Асафьеву 18 декабря 1937 г.: «Ваша догадка о том, что мне рекомендовали не общаться с Вами, совершенно неосновательна. Решительно никто мне этого не рекомендовал, а если бы кто и вздумал рекомендовать, то ведь я таков человек, что могу, чего доброго, и не послушаться!»⁶⁷

⁶² Там же, № 545.

⁶³ Там же.

⁶⁴ Асафьев Б. В. Избранные труды. М., 1955. Т. 4. С. 27.

⁶⁵ РО ИРЛИ, ф. 369, № 306.

⁶⁶ Там же, № 545.

⁶⁷ Там же, № 306.

Итак, все лето для «Минина» практически пропало. 20 октября на бланке Всесоюзного комитета по делам искусств при Совете Народных Комиссаров Союза ССР идет письмо в ГАБТ — тов. Булгакову: «По поручению тов. Керженцева⁶⁸ направляю Вам выписку из письма тов. Керженцева — тов. Асафьеву о постановке оперы „Минин и Пожарский“. Зав. Секретариатом ВКИ Соловейчик».⁶⁹

Не так давно Керженцев назвал «Багровый остров» «пасквилем на диктатуру пролетариата».⁷⁰ Но ждать решения судьбы приходится именно от него. Керженцев в письме Асафьеву, а через него и Булгакову, разъясняет: «Теперь об операх. Вопрос о постановке „Минина и Пожарского“ оттянулся только по той причине, что мы получили разрешение поставить „Ивана Сусанина“ в новой редакции. Мы, конечно, не могли этого дела откладывать. Поставить в одном году две оперы про одну и ту же историческую эпоху, конечно, нерационально. Опера „Минин и Пожарский“ остается заданием, которое мы получили и которое обязаны выполнить. Я считаю, как Вы знаете, что Ваши попытки в этой области в общем удачны, но я считаю также, что пока либретто, даже после переделки, еще недостаточно. Нам нужна опера большого масштаба, героическая, и прежде всего должны быть более широко показаны народные массы. Нужно вывести каких-то ее представителей, дав соответствующий музыкальный материал. Вот этот показ масс еще не достигнут, в основном по вине либретто. С одной стороны, образ Минина и образ Пожарского требуют также дополнительных характеристик. Сейчас оба образа все-таки близки. С другой стороны, надо учесть, что пока музыки примерно на 1 1/2 часа, т. е. музыкальный материал может быть увеличен почти вдвое.

Я думаю, что дальнейшая работа над оперой должна исходить из указанных основных моментов. Кроме того, надо учесть, что сейчас будет идти не наша опера „Иван Сусанин“. Поэтому некоторые моменты в редакции придется соответственно перестроить. Например, финал намечался как въезд Пожарского и Минина в Кремль. Сейчас в таком роде переделан финал „Ивана Сусанина“. Поэтому надо придумать что-то другое. Может быть, Москву и Кремль сделать и нарисовать на заднике, вдали и показать встречу ополчения с московским народом где-то под стенами Кремля, Москва-реки, Замоскворечья, у стен Кремля (но не на Красной площади). Одним словом, показать здесь не пышную сторону Москвы, а Москву народную, московские улицы, окраину. Но это, конечно, один из возможных вариантов.

Затем, важно обрисовать разные группы населения, участвова-

---

⁶⁸ Керженцев (Лебедев) Платон Михайлович (16 VIII 1881—2 VI 1940) — русский советский публицист, государственный деятель — был ответственным редактором РОСТА, редактором журнала «Книга и революция», председателем Всесоюзного радиокомитета; в 1936—1938 гг. — председатель Комитета по делам искусств при СНК СССР.

⁶⁹ РО ИРЛИ, ф. 369, № 540.

⁷⁰ Там же, № 563.

вшие в борьбе против интервентов (крестьянское ополчение, казачество и т. д.). Это в опере есть, но это надо более развернуть. Женский образ в опере показан довольно безжизненно. Надо дать ему какую-то более сильную характеристику, опять-таки героического плана. Надо более широко развернуть песенный материал.

Я недавно говорил по поводу Вашей оперы с т. Самосудом, и мы считаем, что работа над оперой со стороны либреттиста и Вашей должна обязательно продолжаться. Мы хотим включить ее в план первых постановок Большого театра на осень 1938 года.

Учитывая интерес к вопросам истории, мы уверены, что эта опера, если над ней еще поработать, будет крупным событием на нашем музыкальном фронте и будет иметь большой успех среди советских зрителей.

Но, конечно, как Вы сами понимаете, работы здесь требуется еще порядочно. Как ни хотите, а публика всегда будет сопоставлять „Ивана Сусанина“ с этой оперой, поскольку трактуется та же эпоха. Разумеется, и для художника, и для режиссера тоже будет довольно трудно дать эту оперу так, чтобы она не напоминала нашу постановку „Ивана Сусанина“. Я считаю поэтому, что мы не только привлечем другого художника („Ивана Сусанина“ делает Федоровский), но также и другого режиссера». ⁷¹

Деловое и обстоятельное письмо. Явно поторопились все процитированные выше газеты, как и корреспондент одного уже из летних номеров «Вечерней Москвы» за 1937 г. (27 июня), сообщивший (в который уже раз!) о завершении оперы. Как бы то ни было, с осени работа началась с новым воодушевлением.

17 декабря 1937 г. Булгаков пишет в Дирекцию Большого театра: «Прошу прилагаемое при сем письмо относительно оперы „Минин“ направить председателю Всесоюзного комитета по делам искусств». ⁷² На отдельном листке следовал текст письма Керженцеву: «Я приступил к разработке переделок в либретто „Минина“ на основе беседы с Вами 14.XII.37. Для ускорения работы и уточнения переделок я очень прошу Вас назначить прослушание клавира Б. В. Асафьева в последнем его варианте, то есть дополненного двумя картинами (приезд гонца и Кострома)». ⁷³

Наверное, быстрого отзыва быть не могло — Керженцев был занят иными делами: 17 декабря в «Правде» была опубликована его статья «Чужой театр», в которой объявлялось об идейном крахе театра Мейерхольда, отрицалось значение и всех прежних его спектаклей — необъективно и тенденциозно. 25 декабря (Булгаков в творческих делах нетерпелив!) опять от него идет письмо в Дирекцию Большого театра: «Прошу прилагаемое при сем письмо относительно оперы „Минин“ направить председателю Всесоюзного Комитета по делам искусств. М. Булгаков». ⁷⁴ Следовал текст:

⁷¹ Там же, № 540.

⁷² Там же.

⁷³ Там же.

⁷⁴ Там же.

«Председателю Всесоюзного комитета по делам искусств Плантау Михайловичу Керженцеву от М. А. Булгакова.

Вторично обращаюсь к Вам с просьбой назначить прослушание клавира оперы Б. В. Асафьева „Минин“, в последнем варианте, то есть со сценами приезда гонца и в Костроме. М. Булгаков».⁷⁵

Письма, видимо, разошлись со встречным, которое 20 декабря Керженцев направил Б. Асафьеву и в копиях М. Булгакову и С. Самосуду:

«Дорогой Борис Владимирович!

Поскольку Вы заняты дописыванием нескольких мест для „Кавказского пленника“ (над которым Большой театр работает с большим подъемом и, уверен, даст превосходный спектакль), я не хотел мешать Вам своим письмом, но теперь, когда, вероятно, дело с „Кавказским пленником“ приходит к концу,⁷⁶ — пишу.

Моя тема снова „Минин и Пожарский“. На днях я еще раз имел возможность беседовать об этом с руководящими товарищами (по их инициативе). Меня спросили — как подвигается опера. Было отмечено в разговоре высокое качество Вашей музыки, в частности „Пламя Парижа“.⁷⁷ Думаю, это даст Вам новый толчок, чтобы работать над „Мининым и Пожарским“.

На днях я имел длительную беседу с Булгаковым, указав ему, что именно либретто требует дополнения и развертывания.

Основное — это более широко и полно дать образ Минина, как героического народного вождя, дорисовать образ Пожарского, как доблестного, честного воина, дать более развернутые и осложненные характеристики другим действующим лицам, более развернуто дать массу. Создать некоторые не то что конфликты, но какое-то осложнение и разногласие в позициях Пожарского и Минина в Костроме. Например, что Пожарский несколько осторожно требует выжидания в Костроме, чтобы подтянулись силы, а Минин, более политически прозорлив, требует быстрее наступления на Москву, учитывая, что силы ополчения пополняются в процессе похода на Москву, и сознавая важность быстрого военного удара.

Я считаю необходимым, чтобы был написан полноценный политический монолог-ария для Минина, что-то вроде „О, дайте, дайте мне свободу“ из „Князя Игоря“. Это должна быть ария Минина соло, скажем, ранним утром на берегу Волги, где он поет о Волге, о народе, угнетенном, о стране, опустошаемой иноземцами.

Эта ария должна показать его как человека широкого политического кругозора, который болеет не за свою губернию, а за всю страну. Волга — это олицетворение большей части Руси. Это — должна быть центральная героическая ария.

⁷⁵ Там же.

⁷⁶ Балет Асафьева «Кавказский пленник» был закончен композитором в 1938 г.

⁷⁷ «Пламя Парижа» — балет Асафьева (1932).

Я указал Булгакову, что в пьесе „Козьма Минин“ Островского есть подобный монолог, где много хорошего, что можно позаимствовать. Вот над этой арией я прошу Вас особенно поработать. Это — должно быть кульминацией. Думаю, что можно вставить ее в самом начале Новгородских сцен до веча.

Сцену веча тоже надо осложнить какими-то противодействиями, оппозицией боярской верхушки и каких-то их приспешников, сделать более драматическими, иначе получается, что с первых слов Минина все с ним согласны, что не соответствует исторической правде.

Хорошо бы в оперу ввести еще 2—3 народные песни. Одну, например, против бояр, попов и гнета, под которым живет народ на Руси. Другую — какую-нибудь издевательскую против поляков, чтобы она имела острое политическое звучание для нашего времени. Она должна прохватить панов, их пустозвонство, сказать, что их вышибли из Руси и (ни)когда их нос сюда не сунется. Третью — какую-то массовую волжскую, что ли, широкого размаха, показывающую мощь, удадь, талантливость русского народа. На массовые песни тоже прошу обратить особенное внимание.

Я еще раз перечитал либретто Булгакова и считаю, что в основном оно очень неплохое, но еще схематично и требует значительной доработки. Ведь размер оперы пока что получился маленький. Конечно, надо еще проверить хронометраж, но все-таки усиление сцен в Нижнем, Костроме и у Москвы будет весьма важно.

Равным образом требуется как-то иначе разрешить финал, чтобы он не был похож на финал „Ивана Сусанина“. Я говорил т. Булгакову, что, может быть, нам сделать финальную сцену не у стен Кремля, а в Замоскворечье или на Москворецком мосту, где бы показать народ, массы, московских жителей, ремесленников, крестьян с соседних деревень и ополчение. Кремль будет где-то нарисован на заднике, а вся сцена непосредственно в народной массе, без той сугубо-оперной пышности, которая имеется в финале „Ивана Сусанина“. Может быть, здесь дать песню издевательства народа над поляками, посрамление поляков.

Я сообщил руководящим товарищам, что работа над „Мининым и Пожарским“ у нас несколько отложились из-за восстановления новой редакции „Ивана Сусанина“, но что мы предполагаем иметь эту постановку в Большом театре в конце 1938 года.

Может быть, с нее мы начнем новый сезон 1938 года. Я уверен, что Булгаков доработает либретто хорошо.

Итак, желаю Вам всякого успеха. Прошу информировать, как у Вас пойдет работа».⁷⁸

Опять — интересные соображения, досадно, что до них не додумались сами создатели оперы. К тому же видим повторение некоторых предложений из октябрьского письма Керженцева — вынужденное? Тем не менее работа получает новый импульс. Творческое содружество углубляется. Внимание Асафьева привлекает «на ред-

⁷⁸ РО ИРЛИ, ф. 369, № 540.

кость странное, пренебрежительное отношение русского народа к жизни и смерти и невероятная расточительность всех жизненных сил». ⁷⁹ Его интересуют различные драматические периоды отечественной истории. 12 декабря 1936 г. он пишет Булгакову: «Намерены ли Вы ждать решения судьбы „Минина“ или можно начать думать о другом сюжете уже теперь? Сюжет хочется такой, чтобы в нем пела и русская душевная боль, и русское до всего мира чуткое сердце, и русская философия жизни и смерти. Где будем искать: около Петра?» ⁸⁰

Вопрос и тема не случайны: еще в 1920 г. Асафьев писал музыку к драматическому спектаклю по трагедии Д. С. Мережковского «Царевич Алексей». Но здесь для нас важно то, что, во-первых, над образом Петра I он хочет работать именно с Булгаковым, и, во-вторых, то, что и «за Петром» ему видятся все новые горизонты. Об этом — в письме Булгакову 16 февраля 1937 г.: «Вкратце: о работах с Вами. П е т р а обязательно с о м н о й. Я подбираюсь к нему давно и не хотел бы ни его, ни Вас уступить кому-либо. Затем, с Вами же намерен делать Х а д ж и М у р а т а (. . .) И, наконец, в третью очередь (с Вами же) 1 8 1 2 г о д по наметке трагедии А. С. Грибоедова». ⁸¹ Еще 13 февраля 1937 г. Булгаков писал Асафьеву о зреющем у него замысле оперы «Петр Великий». 4 июля 1937 г. Асафьев сообщал, что готов взяться за «Петра» в любой момент.

Сосредоточиться на собственно творческой работе оказывалось, однако, невозможным. Булгаков вынужден был в качестве литконсультанта принимать участие и в подготовке ставшего позднее для него роковым «Ивана Сусанина» в Большом театре, править либретто, написанное С. Городецким, Б. Мордвиновым, С. Самосудом. Для будущего историка сохранилась эта правка. ⁸²

17 сентября 1937 г. Булгаков с уверенностью в законченности работы пишет П. М. Керженцеву: «Прилагая при этом экземпляр оперного либретто „Петр Великий“, сочиненного мною и сданного в Большой Театр (согласно договоренности, по которой я обязался сочинять одно либретто в год для Большого Театра), прошу Вас ознакомиться с ним». ⁸³ Ответ Керженцева (через ГАБТ) последовал уже 19 сентября:

«1. Нет народа (даже в Полтавской битве), надо дать 2—3 соответствующих фигуры (крестьянин, мастеровой, солдат и пр.) и массовые сцены.

2. Не видно, на кого опирался Петр (в частности, — купечество), кто против него (часть бояр, церковь).

3. Роль сподвижников слаба (в частности, роль Миньшикова).

4. Не показано, что новое государство создавалось на жесто-

⁷⁹ Там же, № 348.

⁸⁰ Там же.

⁸¹ Там же.

⁸² Там же, № 261.

⁸³ Там же, № 323.

кой эксплуатации народа (надо вообще взять в основу формулировку тов. Сталина).

5. Многие картины как-то не закончены, нет в них драматического действия. Надо больше остроты, конфликтов, трагичности.

6. Конец чересчур идилличен — здесь тоже какая-то песнь угнетенного народа должна быть.⁸⁴ Будущие госуд(арственные) перевороты и междуцарствия надо также больше здесь выявить. (Дежж власти между правящими классами и группами).

7. Не плохо было бы указать эпизодически роль иноземных держав (шпионаж, напр., попытки использования Алексея).

8. Надо резко подчеркнуть, что Алексей и компания за старое (и за что именно).

9. Надо больше показать разносторонность работы Петра, его хозяйственную и др. цивилизаторскую работу. (Картина 2-я схематична).

10. Язык чересчур модернизован — надо добавлять колориты эпохи. Итак, это **самое первое приближение к теме**. Нужна еще очень большая работа.⁸⁵

Отзыв был получен Булгаковым 2 октября и означал, что «всю работу надо делать с самого начала заново...». ⁸⁶ А 5 января 1938 г. в «Вечерней Москве» была опубликована заметка «Петр Первый»: «Композитор Иван Шишов приступил к работе над большой исторической оперой „Петр Первый“... Либретто, автором которого является Вл. Латов, строится на историческом документальном материале. . . В контрасте с прогрессивным образом Петра — строителя государства — будет дан Алексей — представитель и опора консервативной знати, орудие темных и невежественных сил России, борющихся с Петром».⁸⁷

Прошло еще десять дней. . . 15 января 1938 г. «Правда» поместила заметку «Опера „Иван Сусанин“», в которой говорилось: «Государственный академический Большой театр СССР готовит постановку оперы „Иван Сусанин“, созданной гениальным русским композитором М. И. Глинкой. Новый текст к опере написан С. Городецким. . . Весь коллектив театра стремится создать спектакль, отражающий величие и патриотизм русского народа, боровшегося против иностранного вторжения за свою независимость и государственную самостоятельность».⁸⁸ А что же «Минин»?

Друзья продолжали работу. Мрачные думы в свою очередь продолжали, однако, обуревать их. Не было стимула — и опера оставалась неоркестрованной и без увертюры. Булгаков с грустью писал: «За семь последних лет я сделал шестнадцать вещей разного жанра, и все они погибли. Такое положение невозможно, и в доме у нас полная бесперспективность и мрак».⁸⁹ Но приходилось ис-

⁸⁴ См. в письме Керженцева о «Минине и Пожарском» на с. 121.

⁸⁵ РО ИРЛИ, ф. 369, № 323.

⁸⁶ Там же, № 306.

⁸⁷ Там же, № 323.

⁸⁸ Там же, № 540.

⁸⁹ Там же, № 306.

кать пути выхода из внешне созданного творческого кризиса, и он, обещав Керженцеву создавать каждый год по одному либретто, писал С. А. Самосуду:

«Дорогой Самуил Абрамович, я наметил и предлагаю ГАБТ тему для следующего моего либретто — пугачевское восстание. По моему мнению, в этом хороший материал для сильной оперы.

Дайте ответ: если эта тема по-вашему неподходящая, буду искать другую. А если она интересует ГАБТ, поставлю ее в мой план с тем, чтобы, по окончании теперешней работы, начать разрабатывать материал».⁹⁰

Но «теперешняя работа», уже не один год близкая к окончанию, окончиться все не могла. В июне пришло ему помеченное 4-м числом письмо от Асафьева: «. . . скорбно и горестно похоронил в своей душе „Минина“ (< . . . >) В Б<ольшом> театре и в Комитете меня как композитора знать больше не хотят».⁹¹

Так ли это? Современники говорят о чрезвычайной ранимости, «мимозности» Асафьева. 4 июня 1938 г., очевидно не без впечатления от неудачи с «Мининым», он писал А. Евлахову: «. . . предупреждаю, имейте в виду, что меня как композитора в театрах не любят. Очень не любят».⁹² Однако и Евлахов принес Асафьеву дополнительное огорчение своей неудачной попыткой написать с ним оперу «Княжна Мери» по Лермонтову. Все резюмировано им в двух предложениях: «Вскоре я доставил Борису Владимировичу либретто. К сожалению, ничего из моей затеи не получилось».⁹³

Основания для мнительности были: человек разносторонних талантов, Асафьев был и композитором, и ученым-музыковедом. Борис Владимирович с горечью вспоминал, что Ленинградская организация Союза композиторов СССР в течение долгого времени отрицала его композиторский опыт, что в 1934 г. «главки ЛОСКа» на большом собрании объявили, что он недостойн голосоваться с композиторами.⁹⁴ Автор двадцати восьми балетов, он не был счастлив в оперных замыслах. Мечтал написать оперу по «Неточке Незвановой» Достоевского, но так и не написал. . . Не осуществился замысел оперы «1812 год». . . Не осуществился и замысел шекспировской «Бури». Да и созданные оперы имели странную судьбу: например, посланная в Баку оперная партитура перед войной попросту затерялась. И композитор подводит итог, по-булгаковски драматичный: судьба всех его опер «позволяет предполагать существование рока: в театры им нет дороги. . . Из реализованных мною за всю жизнь десяти опер ни одна не увидела профессиональной сцены».⁹⁵

Конечно, об этом не думалось при работе над «Мининым». И композитор добавляет, что отдельные сцены и монтажи из его

⁹⁰ Там же, № 336.

⁹¹ Там же, № 348.

⁹² Воспоминания о Б. В. Асафьеве. С. 225.

⁹³ Там же.

⁹⁴ Там же. С. 306.

⁹⁵ Там же. С. 423.

опер, в том числе и из оперы «Минин и Пожарский», исполнялись по радио, в кружках и самодеятельных организациях. М. Козлова расшифровывает частично этот тезис, приводя воспоминания А. Н. Дмитриева, дирижировавшего в конце 1938 г. радиопремьерой оперы, для которой Асафьев оркестровал монтаж народных сцен, написал и оркестровал увертюру: «Исполнение было закрытое, то есть в Радиостудии, без публики, но транслировалось оно очень широко. . . Хор Радиокомитета выучил оперу очень быстро и очень охотно. Пели чисто,⁹⁶ мелодически осмысленно, а главное, предельно выразительно. Особенно хорошо и с душой хор пел песню Народного ополчения: „То не тучею солнце затмевается, то знамена над войском развеваются. . .“. Исполнение оперы „Минин и Пожарский“ было всегда праздником в Ленинградском радиокомитете. Опера исполнялась несколько раз».⁹⁷

Думается, что перед нами — яркая страница в биографии М. Булгакова, на которую пока в булгаковедении обращалось недостаточное внимание. Исследователи творчества Асафьева «в свою очередь» забывают о его содружестве с Булгаковым, даже имени драматурга нет в таком документальном издании, как «Материалы к биографии Б. Асафьева». Но почему все же не сладилось дело? 21 февраля 1939 г. состоялась наконец премьера «Ивана Сусанина» в новой редакции. Открывается путь и для «Минина». Но Булгакову оставался всего год жизни. . .

Наше внимание должна, однако, привлечь оценка доктора искусствоведения А. Н. Дмитриева: «Булгаков — знаток русской истории — создал редкую по силе воздействия эпическую пьесу. На ее основе Борис Владимирович сочинил масштабную историческую оперу ярко патриотической направленности».⁹⁸ Недаром песню хора Народного ополчения с воодушевлением исполняли на фронте во время Великой Отечественной войны. И сейчас видно, как актуально могли прозвучать тогда слова Михаила Булгакова:

Ой, вы, гой еси, люди добрые,
Оставляйте вы свои дома,
Покидайте ваших жен, дочерей,
Пойдем-ка мы сражаться
За матушку за родну землю.
За славный город Москву!⁹⁹

В Рукописном отделе Пушкинского Дома лежит незавершенная рукопись эпопеи писателя В. Ричиотти «Ледовый поход». Завершить ее без автора невозможно, можно лишь поражаться неистовству его труда. Не одна такая рукопись на свете. . . Но рукопись клавира оперы Асафьева — не такая. Она опирается на вполне законченное либретто. Булгаковеды должны соединиться с композиторами, чтобы извлечь из полумрака ЦГАЛИ талантливую

⁹⁶ Солистами выступили артисты Кировского и Малого оперного театров (Там же. С. 127).

⁹⁷ Музыка России. Вып. 3. С. 225.

⁹⁸ Воспоминания о Б. В. Асафьеве. С. 128.

⁹⁹ Музыка России. Вып. 3. С. 251.

музыку, патриотическую поэзию, расширяющую наше представление о даровании Булгакова, не только сатирическом, язвительном, гротескном, но и проникновенно-лирическом, сочувственно-человечном, посрамляющем тех, кто пытался представить писателя недоброжелателем родных традиций. И в наши дни эпически-размашисто и сердечно-тревожно звучит запевный монолог Козьмы Минина: «Рассвет и тишина! Ужели богом забыт наш край? Не слышно бурлаков с их слезной песней, не видно лодок на реке. И нету дыма в селеньях дальних, умерщвленных великим гневом божьим, гладом, мором и зябелю на всякий плод земной! Молчит родная Волга, но здесь в тиши я слышу стоны нищих, я слышу плач загубленных сирот, великий слышу плач народный, и распалется огнем душа, и дальний глас зовет меня на подвиг! О, всевеликий боже, дай мне силы, вооружи губительным мечом, вложи в уста мне огненное слово, чтоб потрясти сердца людей и повести на подвиг освобождения земли!».¹⁰⁰

БУЛГАКОВ И СОЛОВЬЕВ-СЕДОЙ

Булгаковедение упоминает о работе Михаила Афанасьевича лишь над четырьмя либретто. В одной из последних и весьма содержательной работе на тему «М. А. Булгаков — драматург» В. Новиков упоминает также только «Минина и Пожарского», «Петра Великого», «Черное море» и «Рашель».¹

М. Чудакова разрывает этот круг упоминанием о набросках либретто «О Владимире».² Следует напомнить и о том, что в 1938—1939 гг. Булгаков возвращается к «Войне и миру», но делает на этот раз не пьесу, а, по его определению, «оперу по Л. Толстому, Ден. Давыдову и историческим материалам, Жуковскому».³ Ранее Булгаков писал С. А. Самосуду о замысле оперы, посвященной пу- гачевскому восстанию.⁴

Еще над одной оперой — «Дружба» — Булгаков работал с композитором В. П. Соловьевым-Седым.⁵ Однако даже имени Соловьева-Седого в литературоведческой Булгаковиане нет. Только недавно в дневнике Елены Сергеевны мы прочитали в записи от 6 мая 1937 г.: «Сегодня удружил Самосуд! Прислал композитора

¹⁰⁰ Там же. С. 232.

¹ Булгаков М. А. Пьесы. М., 1986. С. 8.

² Москва. 1988. № 12. С. 71.

³ РО ИРЛИ, ф. 369, № 209.

⁴ Подробнее см. выше, с. 125.

⁵ Соловьев-Седой Василий Павлович (24 IV 1907—2 XII 1979) — выдающийся советский композитор, народный артист СССР, лауреат Ленинской премии, Герой Социалистического Труда. Подытоживая результаты его жизни и работы, Арам Хачатурян писал ему: «От нашей эпохи останутся в истории музыки единицы. Среди очень немногих останешься ты, Гомер нашей эпохи... немногие песни, и среди них в первую очередь твои, народ считает своими, они стали народными. А это самая высокая честь!» (Хентова С. М. Соловьев-Седой в Петрограде—Ленинграде. Л., 1984. С. 222).

Соловьева с началом оперы. Очень талантливая музыка, но никакого либретто нету. Какие-то обрывки, начала — из колхозной пограничной жизни. План Самосуда — чтобы М. А. написал ему либретто. . .».⁶ Отсюда ясен смысл названия: речь должна была идти о дружбе колхозников и пограничников.

Желание создать оперу зародилось у В. Соловьева-Седова еще в те времена, когда его однокашник по Ленинградской консерватории И. Держинский, будучи студентом, привлек внимание общественности написанной им оперой «Тихий Дон». Консерваторцев, как вспоминал В. Соловьев-Седой, очень подзадоривал пример Держинского. Василий Павлович делал наброски к операм «Поединок» по А. Куприну, «Мать» по М. Горькому. Но по «Матери» оперу вскоре написал В. Желобинский, она пошла в Малом оперном, а затем и в Большом театре.

В. Соловьев (тогда еще Седой⁷) продолжал искать свой путь к крупным музыкальным жанрам. В 1930—1931 гг. пишет музыку к пьесам детского кукольного театра, затем музыку к комедии Шекспира «Много шума из ничего», радиооперетту «Хорошая погода», музыку к радиопостановкам. В 1936—1937 гг. он написал музыку к радиопередаче по «Сказке о рыбаке и рыбке», к радиопостановке «Сказки о попе и о работнике его Балде» Пушкина (в 1937 г. отмечалось столетие со дня гибели А. С. Пушкина). Композитора отделяет желание попробовать себя и в опере. «Любовь Яровая», «Виринея» . . . Замыслы эти так и не были реализованы. В газетах появилось сообщение о постановке оперы В. Соловьева-Седого «Крестьяне» на сюжет одноименного фильма. Об этой опере было сочувственно сказано в первой опубликованной статье о В. Соловьеве-Седом. Однако эта опера не была создана. В 1937 г. композитор встретился с Булгаковым.

У Соловьева-Седого уже был соответствующий опыт, он понимал, что музыка характеризует героев, «раскрывая их характеры как бы изнутри».⁸ Какой находкой был бы он для либреттиста, он, понимающий технологию не только музыки, но и слова — практически активно понимающий! «Бывает, — вспоминал он, — что я разойдусь, сочиню нечто такое, что мне самому понравится. . . Я становлюсь на это время и сценаристом, и режиссером. . .».⁹ Соловьев-Седой тянулся к слову, Булгаков был на пути перевоплощения в деятеля музыки: «Сочиняя либретто оперы „Минин и Пожарский“, он усаживался за рояль и пел арии на какой-то невообразимый собственный мотив. . . Он подгонял текст под ритмическую прозу и сам с собой играл в оперного певца, композитора, изображал оркестр и дирижера».¹⁰

⁶ 1937-й год. Из дневников Е. С. Булгаковой // Сов. Россия. 1989. 30 июня.

⁷ В начале 30-х гг. у В. Соловьева появился псевдоним «Седой» (отец, Павел Павлович, называл с детства Васю из-за светлого цвета его волос «седым»). Позднее к псевдониму была прибавлена фамилия.

⁸ *Соловьев-Седой В. П.* Пути-дороги. Л., 1983. С. 139.

⁹ Там же. С. 140.

¹⁰ *Ермолинский С.* Драматические сочинения. С. 638.

Переписка между ними, хранящаяся в Рукописном отделе Пушкинского Дома, начинается письмом Соловьева-Седого Булгакову от 4 ноября 1937 г.:

«Дорогой Михаил Афанасьевич!

Спешу нарушить Ваш покой присылкой сценария. Я — как Вы по прочтении убедитесь, кой-чего „приковырял“ к нему.

О чем я Вас умоляю?

а) Подпишите договор.

(С Войновым¹¹ я договорился.

Договор пишется на Вас двоих, причем вся материальная сторона делится поровну, а творческая по договоренности автора музыки с каждым автором либретто в отдельности).

б) Получите аванс!

(Ибо то, что Вы для меня сделали, дает Вам полное право на него, и даже если Вы больше палец о палец не ударите (хотя мне не хочется этому верить), никто ни в чем не будет Вас упрекать).

с) Передайте привет Елене Сергеевне и юному снайперу.

(Ее радушие и гостеприимность оставили во мне самые приятные воспоминания о пребывании в Москве).

д) Поправляйтесь!

(Хотя я надеюсь, что Ваши недуги уже исчезли и Вы даже думаете обо мне).

е) Разъясните!

(Сценарий Як(ову)Леонтьевичу, так как вряд ли одного чтения ему будет достаточно. Он, вероятно, Вас попросит об этом, т(ак) к(ак) я ему писал).

Теперь пару слов о себе.

Сейчас мы с Войновым делаем 3-ю картину. Работа пока в самом зачатии, т(ак) к(ак) по приезде в Ленинград меня затаскали по всяким комиссиям, просмотрам, концертам и т. п. Дошло до того, что я (Вы можете себе представить?) дирижировал в Филармонии оркестром и хором. (Исполнялись мои песни). И несмотря на то, что я первый раз в жизни взял в руки дирижерскую палочку, очевидцы говорят, что я держался храбро и даже... с претензией на порядочного дирижера.

Думаю написать 3-ю картину месяца за полтора, после чего буду иметь удовольствие обеспокоить Вас своим присутствием.

Мих(аил) Аф(анасьевич), если не лень, напишите несколько слов о Вашем здоровье и свое мнение о том, что я так „небрежно набросал“ в данном письме.

Крепко жму руку.

В. Соловьев (Седой)».¹²

¹¹ Так в тексте. Воинов Владимир Васильевич (1878—12 XI 1938) — поэт, прозаик, драматург, жил в Ленинграде.

¹² РО ИРЛИ, ф. 369, № 483.

Письмо, как видим, свидетельствует о прочном уже знакомстве. В «юном снайпере» угадывается Сережа, сын Елены Сергеевны, пасынок Булгакова, юный Сергей Евгеньевич Шиловский.¹³ Елену Сергеевну волновало и трогало то, что Михаил Афанасьевич относился к мальчику очень тепло, даже «очень трогательно».¹⁴ Видимо, это чувствовали и посетители.

По тексту письма видно, что молодой композитор и впрямь, как о том свидетельствует его биограф,¹⁵ обладал даром доверительного общения. Булгаков проникся дружескими чувствами к нему, тогда еще малоизвестному, читал ему фрагменты из своих сочинений, его маленькой дочери ко дню рождения подарил детскую кроватку.¹⁶

«...кой-чего „приковырял“...». Соловьева-Седого восхищал дар тех, кто ярко, образно и афористично сочиняет стихи-песни.¹⁷ И он сам писал тексты на свою музыку — начал писать либретто для балета «Тарас Бульба», написал позднее тексты двух своих песен.

16 ноября 1937 г. Булгаков пишет композитору ответное письмо.

«Дорогой Василий Павлович, извините, что до сих пор не прислал Вам ответа на Ваше письмо. Причина все та же — я болен. Откладывал ответ со дня на день, чтобы предварительно ознакомиться с тем материалом, который Вы мне прислали. Ознакомиться с ним я могу только дня через два-три, когда меня отпустят мои головные боли, как я надеюсь.

Договор я в данное время подписать не могу, так как чувствую себя плохо и не решаюсь брать на себя какие-либо обязательства. Пусть Воинов подписывает договор и работает с Вами, а я Вам всемерно помогу, как делал это и раньше.

Следующее письмо Вам пошлю, как только просмотрю присланный Вами материал.

Приветствую Вас! Елена Сергеевна Вам шлет привет.

М. Булгаков».¹⁸

В те же дни Соловьев-Седой получил и другое письмо из Москвы, от Я. Леонтьева:

«На письмо Ваше от 2 XI-с. г. сообщаем:

1) Приглашенный нами М. А. Булгаков пока отказался от подписания договора, составленного нами на имя М. А. Булгакова и В. В. Воинова, для написания либретто к Вашей опере „Дружба“.

2) Согласно Вашей просьбе, одновременно с сим письмом, мы высылаем два экземпляра договора В. В. Воинову, причем один

¹³ См. наст. изд. С. 223.

¹⁴ Ардов В. Этюды к портретам. М., 1983. С. 44.

¹⁵ Хентова С. М. Соловьев-Седой в Петрограде — Ленинграде. С. 5.

¹⁶ Там же. С. 75.

¹⁷ Соловьев-Седой В. П. Пути-дороги. С. 118.

¹⁸ РО ИРЛИ, ф. 369, № 337.

экземпляр В. В. Воинов оставляет у себя, а второй, подписанный им, возвращает нам, после чего мы вышлем обусловленный договорный аванс.

3) Третий экземпляр договора и часть аванса, причитающегося, согласно писем Вашего и В. В. Воинова, — М. А. Булгакову, мы храним у себя в распоряжении последнего, впредь до Ваших окончательных переговоров с Мих(аилом) Афанасьевичем по поводу его участия в продолжении работы над либретто.

4) Поэту Гусеву¹⁹ мы не напоминали о стихах, т(ак) к(ак) это обещали сделать Вы. — Теперь постараемся сделать это».²⁰

В Рукописном отделе Пушкинского Дома хранится и письмо, высланное 13 ноября в Ленинград Владимиру Васильевичу Воинову также от Я. Леонтьева:

«На Ваше письмо, присланное вместе с письмом В. П. Соловьева (Седого), сообщаю:

1) Договор на написание либретто М. А. Булгаковым и Вами к опере „Дружба“ нами составлен, и два экземпляра его при сем прилагаются.

2) В связи с тем что М. А. Булгаков еще не подписал этого договора, по причинам, о которых Вам, очевидно, расскажет В. П. Соловьев, мы просим Вас одного и подписать этот договор.

3) Подписанный Вами договор в одном экземпляре просим вернуть нам, а второй оставить у себя. — Третий экземпляр договора, впредь до подписания его М. А. Булгаковым, будет храниться у нас.

4) Просим немедленно сообщить, куда перевести причитающийся аванс в размере 1500 руб., т. е. на текущий счет, сберкнижку, наличными и т. д.».²¹

Такие вот солидные и обнадеживающие письма. Соловьев-Седой энергично принялся за дело. «Мне в жизни везло на друзей» — эти слова из автобиографической книги Василия Павловича имеют особый смысл.²² Дело в том, что для него дружба всегда была самым дорогим и необходимым чувством, он ставил ее даже выше любви.²³ Тема дружбы развивается в его творчестве, он пишет «Песню о дружбе», «Песню о двух товарищах» на слова В. Гусева, песню для кинофильма под названием «Приятели». Поэтому его увлекла мысль написать оперу о дружбе колхозников и пограничников.

Как отмечал Ю. Кремлев, в музыку оперы, так и названной — «Дружба», композитор вложил много сердечного пыла. К своей задаче он отнесся серьезно, продумал музыкальную структуру про-

---

¹⁹ Гусев Виктор Михайлович (1909—1944) — русский советский поэт и драматург, лауреат Государственных премий СССР.

²⁰ РО ИРЛИ, ф. 359, № 483.

²¹ Там же.

²² Соловьев-Седой В. П. Пути-дороги. С. 33.

²³ Хентова С. М. Соловьев-Седой в Петрограде-Ленинграде. С. 71.

изведения с «прямолинейными контрастами, подчеркнутым наложением планов действия, сжатостью ариозного начала, вторжением песен и танцев».²⁴ В печати появилось сообщение, что сочинение идет столь интенсивно, что музыка обгоняет либретто.²⁵

Работа над либретто и не могла идти успешно. У либреттиста не было творческого настроения. Не могла стереться в памяти драма с «Мольером», к которому он шел фактически всю жизнь. Еще в 1921—1922 гг. Михаил Афанасьевич занимался французским языком, фактически то было уже подготовкой к «Мольеру»; в 20-е гг. он заново переводил и переделывал пьесы французского собрата («Скупой», «Полоумный Журден»). Приветствуя Булгакова в связи с его приходом во МХАТ в 1930 г., Станиславский в своем поздравлении, как известно, вспомнил Мольера.²⁶ Наконец началась непосредственно работа над спектаклем о Мольере.

Переводя «Виндзорских кумушек», Булгаков занимался английским языком. Готовя инсценировку «Дон Кихота», изучал не просто испанский, но староиспанский. Во время работы над «Мольером» «оброс» литературой на французском языке. «У меня вообще сейчас французская полоса», — сообщает он в 1933 г. брату Николаю.²⁷ Из письма от 8 марта того же года: «Уже не помню, который год я, считая с начала работы еще над пьесой, живу в призрачном и сказочном Париже XVII-го века».²⁸ Все глубже погружаясь в материал, драматург живо ощущает своего героя. Брату пишет в Париж: «Жану-Батисту де Мольеру передай от меня привет!».²⁹ Дает брату и деловое задание: «Сейчас я заканчиваю большую работу — биографию Мольера.

Ты меня очень обязал бы, если бы выбрал свободную минуту для того, чтобы, — хотя бы бегло — глянуть на памятник Мольеру (фонтан Мольера), улица Ришелье.

Мне нужно краткое, но точное описание этого памятника в настоящем его виде, по следующей, примерно, схеме:

Материал, цвет статуи Мольера.

Материал, цвет женщин у подножья.

Течет ли вода в этом фонтане (львиные головы внизу).

Название места (улиц, перекрестка в наше время, куда лицом обращен Мольер, на какое здание он смотрит)».³⁰

Проза помогала пьесе, пьеса помогала прозе. Но ни дотошность, ни талант не могли помочь самому писателю. После трех лет репетиций булгаковского «Мольера» во МХАТе в 1933 г. начались серьезные трения драматурга не только с режиссером спектакля Н. М. Горчаковым, но и с К. С. Станиславским. Что из того,

²⁴ Кремлев Ю. Василий Павлович Соловьев-Седой. Л., 1960. С. 51, 50.

²⁵ Там же.

²⁶ Станиславский К. С. Собр. соч.: В 8 т. М., 1961. Т. 8. С. 270.

²⁷ РО ИРЛИ, ф. 369, № 310.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же.

что «сам» М. Горький увидел в «Мольере» «очень хорошую, искусно сделанную вещь».³¹ Роль Булгакова оказалась «трагически зависимой», он в изнеможении признавался: «Поправки тянутся пять лет, сил больше нет».³² «Ты спрашиваешь о „Мольере“? — отвечает Булгаков брату Николаю 13 мая 1935 г. — К сожалению, все нескладно. Художественный Театр, по собственной вине, затянул репетиции пьесы на четыре года (неслышанная вещь!) и этой весной все-таки не выпустил ее.

Станиславскому пришла фантазия, вместо того чтобы выпустить пьесу, работа над которой непристойно затянулась, делать в ней исправления. Большая чаша моего терпения переполнилась, и я отказался делать изменения. Что будет дальше, еще точно не знаю».³³ Резали буквально по живому.³⁴

Премьера «Мольера» состоялась наконец 15 февраля 1936 г., но уже 9 марта в «Правде» появилась критическая статья о постановке «Внешний блеск и фальшивое содержание», и спектакль был снят после всего семи представлений.³⁵ Булгаков попросил освободить его от штатной должности режиссера во МХАТе, которой был рад еще так недавно.

Вместо МХАТа теперь был Большой театр, и это тоже было неплохо, но где были гарантии, что прежние ситуации не повторятся; «Минин» уже напоминал, настораживая, об этом. К тому же много бесценного для творчества времени «убивало» выполнение обязанностей литконсультанта. 1 октября 1936 г. Михаил Афанасьевич пишет отзыв о пьесе Н. Алибеговой «Стоячий бунт», посвященной восстанию декабристов. «„Стоячий бунт“ представляет собой примитивную пьесу, написанную плохим языком и с неудачным заглавием.

Примеры погрешностей и нелепостей столь многочисленны, что выписывать их не представляется возможным (<...>)

Пьеса состоит из ряда растянутых, шаблонных сцен и заканчивается тягостной по безвкусице сценой повешения.

Заключение: материал непригоден (<...> консультант-либреттист ГАБТ М. Булгаков».³⁶

Тут же — рецензия на экспозе либретто М. Лакербай и Н. Рой

³¹ Там же, № 556.

³² Театр. 1966. № 9. С. 83.

³³ РО ИРЛИ, ф. 369, № 310.

³⁴ В. Новиков говорит и о моментах согласия Булгакова со Станиславским, приводит его слова относительно одного из предложений Константина Сергеевича: «Хорошая мысль — дать несколько фраз о лишении Мольера покровительства короля...» (Булгаков М. А. Пьесы. М., 1986. С. 38). Но ведь произведение Булгакова изначально было, по определению М. Горького, «отличной пьесой» (Там же. С. 35). Едва ли можно согласиться с В. Новиковым, что «при всех дискуссиях (неизбежных в творческом деле) режиссер и драматург находили общий язык» (Там же. С. 41).

³⁵ О. Литовский, добывая «Мольера» в № 12 «Советского театра» за 1936 г., назвал его «исторической фальшью» (РО ИРЛИ, ф. 369, № 563). До этого О. Литовский и другие работники Главреперткома, вопреки мнению М. Горького, А. Луначарского, К. Станиславского, добились в 1928 г. запрещения «Бега».

³⁶ РО ИРЛИ, ф. 369, № 259.

«Изгнанники» («Махаджиры»). Едва ли такая работа могла дать творческое удовлетворение и сама по себе. К тому же она отнимала время, которое ждала «Дружба». Соавтор-композитор спешил напомнить о себе в письме от 28 декабря 1937 г.:

«Дорогой Михаил Афанасьевич

Вряд ли стоит Вам говорить о том, что мне осточертело курортно-санаторное времяпровождение.

Вид пустующей нотной бумаги приводит меня в тихое негодование.

Ваше молчание усиливает выделение желчи из моих бедных органов, а разговор по телефону с моей женой меня доконал.

„Вероломная!“

Где Ваши обещания?

Когда Вы успокоите меня?

Когда я буду счастлив озвучить ваши мысли?

Зароните хоть надежду в мою душу через посредство почты (которая все перенесет).

Ах! Зачем я уехал!

Михаил Афанасьевич?

Может быть, Вам необходимо мое присутствие?

Или, может быть, Вы написали что-нибудь и Вас это не удовлетворяет?

Если это так — шлите — разберемся.

Михаил Афанасьевич, помимо всего прочего я Вас прошу поставить в известность о моих переживаниях либо Самуил <а> Абрамовича,³⁷ либо Борис <а> Аркадьевича,³⁸ либо Платон <а> Михайловича,³⁹ пусть они из Ваших собственных уст услышат позорные слова.

Я с нетерпением жду от Вас вестей.

Прошу передать сердечный привет Елене Сергеевне и попросить ее оказать на Вас возможное давление в моих интересах.

Всего хорошего!

Убитый горем В. Соловьев.⁴⁰

Еще не так давно Булгаков с нетерпением и порой безуспешно ждал музыки от Б. Асафьева. Теперь другой композитор ждет от него опоры своей музыке — и тоже безуспешно. Его не мог удовлетворить такой, например, ответ: «Дорогой Василий Павлович, сейчас только начинаю подниматься после гриппа. Пытаюсь разобраться в материале 2-й картины. Ждите от меня известия. Привет! М. Булгаков».⁴¹

³⁷ Самуил Абрамович Самосуд.

³⁸ Борис Аркадьевич Мордвинов (1899—1953) — заслуженный артист РСФСР, главный режиссер Большого театра.

³⁹ Платон Михайлович Керженцев.

⁴⁰ РО ИРЛИ, ф. 369, № 483.

⁴¹ Там же, № 337.

Когда, уже после войны, Василий Павлович писал оперетту «Олимпийские звезды», то он поселился за городом в одном доме с либреттистами. Работали вплотную — каждый день, и тогда работа шла, просто не могла не идти, несмотря на пасмурность осенних дней. Сложнее было находить контакты, будучи в разных городах.

Краткий обмен информацией. «У меня пятнадцать дней вынужденного простоя принимайте срочные меры привет супруге Седой».⁴² «Приезжайте на несколько дней Москву Булгаков».⁴³ Все это говорит о том, что контакт был более серьезным, чем порой представляют.

10 января Василий Павлович посылает новую депешу.

«Дорогой Михаил Афанасьевич!

Истосковался я! В Москву хотел ехать! Может надо? Я приеду.

С нетерпением жду дальнейших посланий.

Привет Елене Сергеевне.

В. Соловьев».⁴⁴

(У Василия Павловича была своеобразная подпись — ВАСоловьев).

Весточка в Ленинград: «Приезжайте Москву Булгаков».⁴⁵ Телеграмма в Москву: «Буду через пару дней Седой».⁴⁶ И — обрыв до апреля. . .

Как говорит С. Хентова о «Дружбе», «оставив незавершенным это сочинение, Соловьев взялся за другой оперный сюжет. . .».⁴⁷ Но почему же взялся за другой, оставив то, что целых два года было, также по словам С. Хентовой, «в центре внимания»?⁴⁸ Причину неудачи в работе над «Дружбой» Ю. Кремлев видел в самой натуре композитора — «очень лиричной и мало склонной к объективно-драматургическому построению образов».⁴⁹ Однако ведь, взявшись после «Дружбы» за «Тараса Бульбу», композитор работу над балетом уверенно завершил: «Я прислушивался к мнению либреттиста и много раз переписывал, сокращал, дописывал целые картины».⁵⁰ Что же он мог сделать, когда «мнение либреттиста» вообще отсутствовало?

Думается, музыковеды, ища причину замедления работы над оперой в тех или иных качествах композитора, совершенно неправы, ибо не учитывают обстоятельств «со стороны» его соавтора. Переписка Соловьева-Седого и Булгакова свидетельствует о том, что композитор не только не «устаёт» от вживания в оперу, а жаждет словесной канвы, спешит испытать сопротив-

⁴² Там же, № 483.

⁴³ Там же, № 337.

⁴⁴ Там же, № 483.

⁴⁵ Там же, № 337.

⁴⁶ Там же, № 483.

⁴⁷ Хентова С. М. Соловьев-Седой в Петрограде—Ленинграде. С. 76.

⁴⁸ Там же. С. 75.

⁴⁹ Кремлев Ю. Василий Павлович Соловьев-Седой. С. 201.

⁵⁰ Соловьев-Седой В. П. Пути-дороги. С. 62.

ление материалов, торопит соавтора и не встречает ответного отклика.

Творческая подавленность Булгакова была достаточно объяснима. Его авторитет в мире искусства все рос, но — как бы неофициально; официально же пьесы его либо попадали под запрет, либо не доводились до сцены. «Бег», «Пушкин», «Адам и Ева», «Мольер», «Минин и Пожарский», «Петр Великий» — эти имена как обвинительный приговор диктату со стороны власти предрезающих. И для «Дружбы» нужно было вдохновение, а вместо него Михаил Афанасьевич грустно писал: «Сегодня у меня праздник. Ровно десять лет тому назад совершилась премьера „Турбиных“... Сажу у чернильницы и жду, что откроется дверь и появится делегация со Станиславским и Немировичем с адресом и ценным подношением. В адресе будут указаны все мои искалеченные и погубленные пьесы и приведен список всех радостей, которые они, Станиславский и Немирович, мне доставили за десять лет в Проезде Художественного театра. Ценное же подношение будет выражено в большой кастрюле какого-нибудь благородного металла (например, меди), наполненной той самой кровью, которую они выпили из меня за десять лет».⁵¹

6 апреля 1938 г. из Ленинграда в Москву идет следующее письмо:

«Дорогой Михаил Афанасьевич!

Во имя нашей прежней дружбы и надеюсь еще не совсем угасшей и теперь, умоляю поставить меня в известность о том, что творится в вашем любимом театре.

Я сижу как старуха у разбитого корыта и моя история даже несколько напоминает это незаурядное произведение, до того много было перспектив у моего злосчастного произведения.

Ваш лучший друг, Борис Аркадьевич, был осажден от меня письмом, на которое до сих пор никак не реагул.

Во мне теплится искра надежды что это письмо затерялось где-нибудь в архивах, не дойдя до своего адресата, ибо в противном случае мне абсолютно непонятно молчание.

На всякий случай в этом письме к Б(орису) А(ркадьевичу) я просил поставить меня в известность — сделали Московские авторы что-нибудь в отношении моего либретто или нет (Прут, Катаев).

Если нет, то я буду разговаривать с Ленинградцами.

А то эта длительная бездеятельность начинает д а ж е м е н я раздражать.

Вот собственно и все и если к этому присовокупить сердечный привет Елене Сергеевне и попросить у Вас извинение за

---

⁵¹ Строева М. Н. Режиссерские искания Станиславского. 1917—1938. М., 1977. С. 365.

беспокойство в сочетании, впрочем, с убедительной просьбой „разведать“ это дело, то мое письмо смело можно закончить.

Привет. Седой». ⁵²

Искренность и нервность письма до нас доносят не только мысли и интонации, но также торопливая забывчивость о некоторых знаках препинания. Характерна приписка — сбоку: «На всякий случай мой адрес: Ленинград. Пр. 25 окт(ября) 139, кв. 49».

По мнению Ю. Кремлева, опера стала жертвой разочарования в ней со стороны композитора. ⁵³ Как видим, разочарования не было. Ю. Кремлев продолжает: «Опера эта не спеша писалась до 1938 года». ⁵⁴ Это говорится о композиторе, но это неверно, композитор как раз спешил работать и продолжал работу уже зимой-весной 1938 г., а не только «до» него.

Читаем ответное письмо Булгакова от 13 апреля 1938 г.

«Дор(огой) Вас(илий) Пав(лович)!»

Зачем же во имя „прежней“?

Дружел(юбное) отношение к Вам в наш(ем) переулке и сейч(ас) налицо. Прут, ⁵⁵ скольк(о) мне извест(но), отказался от В(ашего) либретто, п(отому) ч(то) занят чем-т(о) другим.

Для меня ясно, что Вам нуж(но) со всею В(ашей) энергией самому тотчас же приступить к поискам солидн(ого) либ(рет-ти)ста и с ним связ(ать)ся.

Конеч(но), луч(ше), если это будет ленинград(е)ц. Ведь В(а)м нужно вс(е) время быть с ним, при нем!

Так(ов) м(ой) совет. Я оч(ень) же(лаю) В(ам) успеха в эт(ом) деле, а Ел(ена) С(ергеевна) шл(ет) В(ам) привет.

И я приветствую.

М. Булгаков». ⁵⁶

Я. Л. Леонтьев подчеркивал «щепетильность» Булгакова. ⁵⁷ Несомненно, она сказалась в том, что драматург, несмотря на просьбу театра и соавтора, так и не решился подписать договор на создание либретто. Почему же все-таки не решился? Дело было не только в болезнях, усталости, тягостных раздумьях. Великий драматург был загружен служебной поденной работой. Не забудем, что и с Асафьевым, и с Соловьевым-Седым он работал, будучи консультантом репертуарной части ГАБТ. Не забудем, что делу этому уделялось тогда особое внимание. Отмечая, как «одну из важнейших задач советского оперного театра и в первую очередь Большого театра», «восстановление в правах

⁵² РО ИРЛИ, ф. 369, № 483.

⁵³ Кремлев Ю. Василий Павлович Соловьев-Седой. С. 53.

⁵⁴ Там же. С. 50.

⁵⁵ Прут Иосиф Леонидович (18 XI 1900) — русский советский драматург, в начале 30-х гг. автор пьес о гражданской войне.

⁵⁶ РО ИРЛИ, ф. 369, № 337.

⁵⁷ РО ИРЛИ, ф. 369, № 429.

художественного либретто и либреттиста», критик не где-нибудь, а в «Правде» указывал почти через два года после прихода туда Булгакова на должность, что «пренебрежение к языку, живой русской речи все еще и очень часто замечается в Большом театре».⁵⁸

В этих условиях у Булгакова на первый план выходили заботы о либретто других авторов — как раз в разгар работы над собственными либретто. Так, 2 марта 1937 г. помечен написанный Булгаковым официальный отзыв от имени Большого театра на либретто оперы Ю. Шапорина «Декабристы». Основному резюме: «Материал либретто необходимо переработать, подняв его от частного случая с Полиной Анненковой до общей темы „Декабристы“»,⁵⁹ — предшествует подробный анализ текста, развернутый на нескольких страницах.

Другие отзывы менее пространны, например на либретто С. Шаншиашвили «Арсен» в переводе А. Канчелли (5 мая 1937 г.), но и они отнимали время от собственного творчества. Отзыв о конспекте героической драмы Д. М. Щеглова «Сихотэ-Алинь» (27 апреля 1937 г.) Булгаков снабдил специальным примечанием: «Вообще желательно, чтобы в оперный театр представлялись бы конспекты оперных либретто, а не драм!».⁶⁰ Даже драмами должен был заниматься консультант оперного театра.

Бури проносились над «Мольером», «Мининым» и «Рашелью», а заведующий литературной частью и консультант репертуарной части ГАБТ (он же великий драматург — по совместительству!) вынужден был заниматься «бессмысленной и тупой работой», как назвал правку им чужих либретто А. Смелянский.⁶¹ На него шла лавина все новых и новых, но равно ни к чему не пригодных либретто типа «Марии Волконской» А. С. Мазлаха или «Паводка» Иванова-Зацепского, в котором, по словам рецензии Булгакова, «ни одно событие не обосновано, происшествия малопонятны. Сцены, в которых герой попадает в шайку бродяг и воров, становится соучастником в кражах, способны вызвать изумление. . .».⁶²

В это время в Большой театр поступает либретто оперы Н. Баранова и В. Белецкого под условным названием «Паны идут». Тема — спасение родины народом под предводительством Минина и Пожарского в 1612 г. Отзыв на это либретто Михаил Афанасьевич написал 16 ноября, в тот самый день 1937 г.; когда он послал извинение Соловьеву-Седому за то, что до сих пор не прислал ответа.

Только 3 ноября 1938 г. по поручению Дирекции ГАБТ на заключение Булгакова препровождается сразу 4 либретто опер и балетов: «Илья Муромец» В. Д. Соколовой, «Дороги к счастью»

⁵⁸ *Городинский В.* Путь советского оперного театра // Правда. 1937. 5 июня.

⁵⁹ РО ИРЛИ, ф. 369, № 260.

⁶⁰ Там же, № 259.

⁶¹ Театр. 1988. № 12. С. 104.

⁶² РО ИРЛИ, ф. 369, № 259.

А. Д'Актиля, «За счастливую жизнь» Борисова-Лейкина и либретто даже без указания автора и названия. Он и это обязан был читать. В том же 1938 г. Булгаков работает с А. Г. Прейсом по редактированию текста арий и хоров в опере «Мать» В. Желобинского, с которым дружески соперничал молодой Соловьев-Седой. Между тем одна за другой проходят премьеры современных опер — 23 октября 1937 г. «Поднятой целины» И. Дзержинского, 5 января 1938 г. «Броненосца Потемкина» А. С. Чишко, 30 декабря 1938 г. «Матери» В. Желобинского (Булгаков помог-таки довести ее до окончательного вида), но вот «Дружба» все еще оставалась у него на руках.

Что же говорил о работе над оперой Соловьев-Седой? «Засел я за оперу для Большого театра СССР. Условно она называлась „Дружба“». ⁶³ Как видим, сам композитор говорит о своей увлеченности, а не о разочаровании. Далее он тактично «вину» берет на себя: «Я набросал несколько фрагментов, эскизов, но они не „проросли“». И композитор вынужден все-таки указать: «Либретто так и не было написано, если не считать двух картин, написанных Воиновым, и одной — Булгаковым». ⁶⁴

Последнее письмо Булгакова — Москва, 23 мая 1938 г.:

«Дорогой Василий Павлович!

Тот материал, что Вы демонстрировали в последний раз (по Павленко), увы, не годится для либретто и его совершенно справедливо бракуют. Действительно, в нем только пограничный фон, отдельные сцены, но нет главного — основной темы героя и героини, данных для их драмы. Кроме того, конец никуда не годится. Опять Вы становитесь перед поисками. Я спрашивал Прута, почему он не работает для Вас. Я советую Вам написать ему, сговариваться с ним, чтобы он сделал для Вас либретто (возможно, что все нужно делать наново). Напишите ему сами (ул. Горького, 66, кв. 2. Иосиф Леонидович Прут).

Говорил я и с Файко. ⁶⁵ Тот не берется делать. Пишите Пруту!

Ваш М. Булгаков». ⁶⁶

Как видим, речь действительно шла уже о полной замене Булгакова другим либреттистом. В ту весну решался вопрос о «Минине». К тому же Булгаков договаривался с И. Дунаевским о работе над оперой «Рашель». Конечно, «Минин и Пожарский» и «Рашель» были для Булгакова предпочтительнее; видимо, и в этом была причина «отхода» от «Дружбы», только не композитора, а либреттиста.

Причина, может быть, и в том, что 1938 г. был отдан прежде всего «Мастеру и Маргарите» и «Дон Кихоту»; договор на пьесу

⁶³ Соловьев-Седой В. П. Пути-дороги. С. 60.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ Файко Алексей Михайлович (19 IX 1893) — известный советский драматург.

⁶⁶ РО ИРЛИ, ф. 369, № 337.

был заключен 3 декабря 1937 г.: срок выполнения — ровно год. «Булгаков оставлял работу над пьесой ради романа и возвращался к ней по необходимости. . .».⁶⁷ Однако необходимость переросла в любовь: «К концу работы над пьесой писатель ощущал ее как собственное важнейшее „слово“».⁶⁸

В архиве Булгакова хранится вырезка из «Вечерней Москвы» от 25 ноября 1938 г.⁶⁹ О самом Булгакове здесь ничего не говорится, чем же привлекла его внимание отчеркнутая заметка «Опера „Волочаевские дни“»? Поэт В. Гусев, рассказывая в ней о своей работе над оперой, подчеркивал ее созвучность современным событиям на приграничном озере Хасан. Не смутила ли снова Булгакова параллель, как у «Минина» с «Сусаниным»? В «Дружбе» фигурировал шпион-японец и угадывалась манчжурская граница, а «Волочаевские дни» готовил к постановке также Большой театр.

Кроме того, сюжет «Дружбы» оказался весьма близким готовившемуся тогда же также в Большом театре балету Д. Клебанова «Светлана»: активное освоение Дальнего Востока, борьба с нарушителями границы, любовь дочери местного жителя и вожака комсомольской бригады, маскировка диверсанта под облик «своего парня» (премьера балета состоялась 30 декабря 1939 г.).

Были еще и другие заботы. 23 декабря 1936 г. Булгаков пишет следующее письмо в редакцию «Литературной газеты»: «Я был поражен известием о потоплении советского торгового теплохода „Комсомол“. Но, по моему убеждению, слова возмущения здесь ничего не помогут. И я присоединяю свой голос к тем, которые находят, что необходимо направить в испанские воды эскадру.

Советские военные корабли сумеют и отконвоировать торговые суда, и внушить уважение к флагу Союза, а, в случае крайности, напомнить, насколько глубоки и опасны воды, в которых плавают поджигатели войны. Писатель М. Булгаков».⁷⁰

Письмо о потоплении теплохода более симптоматично, чем может показаться на первый взгляд. Конечно, подобные письма писали и другие. Но мало кто, откликаясь на грозные события времени, не только поднимал свой голос в сфере международной политики, но и вмешивался в дела сугубо внутренние и предельно опасные.

Известно, что Михаил Афанасьевич писал Сталину, хлопотал о сыне и муже Анны Ахматовой. Он счел нужным заступиться и за Н. Р. Эрдмана, о чем свидетельствует приводимое ниже письмо.

---

⁶⁷ *Есинова О. Е.* О пьесе М. Булгакова «Дон Кихот» (Из творческой истории) // Проблемы театрального наследия М. А. Булгакова. Л., 1987. С. 87.

⁶⁸ Там же. С. 104.

⁶⁹ РО ИРЛИ, ф. 369, № 545.

⁷⁰ РО ИРЛИ, ф. 369, № 326.

«Иосифу Виссарионовичу Сталину
от драматурга
Михаила Афанасьевича Булгакова

Глубокоуважаемый Иосиф Виссарионович!

Разрешите мне обратиться к Вам с просьбою, касающейся драматурга Николая Робертовича Эрдмана,⁷¹ отбывшего полностью трехлетний срок своей ссылки в городах Енисейске и Томске и в настоящее время проживающего в г. Калинин.

Уверенный в том, что литературные дарования чрезвычайно ценны в нашем отечестве, и зная в то же время, что литератор Н. Эрдман теперь лишен возможности применить свои способности вследствие создавшегося к нему отрицательного отношения, получившего резкое выражение в прессе, я позволяю себе просить Вас обратить внимание на его судьбу.

Находясь в надежде, что участь литератора Н. Эрдмана будет смягчена, если Вы найдете нужным рассмотреть эту просьбу, я горячо прошу о том, чтобы Н. Эрдману была дана возможность вернуться в Москву, беспрепятственно трудиться в литературе, выйдя из состояния одиночества и душевного угнетения.

М. Булгаков.

Москва, 4 февраля 1938 года.⁷²

Судьба оперных либретто М. Булгакова достаточно драматична — ни одно не увидело сцены. В этом отношении «Дружба» всего лишь не составляет исключения. Драматичен опыт работы над оперой и В. Соловьева-Седого: вспомним тех же «Крестяны», которые предшествовали «Дружке» (1936 г.) и над которыми работали также два либреттиста (Д. Толмачев и В. Михайлов). Но можно ли сказать, что «Дружба» не сыграла никакой роли в истории советского искусства?

Да, «Дружба» не только не была завершена в целом, но от нее не сохранились и уже завершённые фрагменты. Оказалось, рукописи все-таки горят, во всяком случае — музыкальные рукописи. «Та вы ще напишете», — с философским спокойствием утешала Василия Павловича после его возвращения в конце войны в родной Ленинград бывшая домработница, которая в блокадную зиму растапливала печь его партитурами и клавирами.⁷³

Однако непременно следует сказать и то, что работа над «Дружкой» явилась для В. Соловьева-Седого полезной творческой школой. Ю. Кремлев свидетельствует: «Здесь композитор немало потрудился над выработкой выразительного речитатива,

⁷¹ Эрдман Николай Робертович (16 XI 1902—10 VIII 1970) — известный советский драматург, автор, в частности, «победоносного», по выражению А. Луначарского, «Мандата».

⁷² РО ИРЛИ, ф. 369, № 338.

⁷³ Нева, 1956. № 7. С. 162.

тех факторов и приемов передачи речи в музыке, которые чрезвычайно способствовали внедрению речевой интонационной правды в песенные его мелодии». ⁷⁴ Действительно, песенное творчество Соловьева-Седого в последние предвоенные и последующие годы характерно обращениями к слушателю (типичный прием оперного пения), обилием не только мелодий, но и ритмов, лирических интонаций, в том числе диалогического склада. В подтверждение этого можно назвать такие шедевры, как «Играй, мой баян», «Вечер на рейде», «О чем ты тоскуешь, товарищ моряк?», «Не тревожь ты себя, не тревожь», «Давно мы дома не были», «Наш город», «Соловьи», «Ничего не говорила», «Пора в путь-дорогу», «Услышь меня, хорошая», «Золотые огоньки», «На лодке», «В путь».

Если путь к созданию этих шедевров песенной классики прошел через «Дружбу», то можно уверенно заключить, что сотворчество с М. Булгаковым в какой-то мере содействовало становлению одного из величайших композиторов-песенников, что соприкосновение его с атмосферой творчества Булгакова привело к обогащению сокровищницы русских песен. Во всяком случае, Юлий Анатольевич Кремлев, вдумчивый и эрудированный знаток и исследователь музыки, видел в «Дружбе» прямые прототипы будущих лирических тем В. П. Соловьева-Седого.

Б. С. Мягков

БУЛГАКОВСКИЕ МЕСТА

(ЛИТЕРАТУРНО-ТОПОГРАФИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ)

География произведений М. Булгакова не отличается особой обширностью, карта ее не испещрена многочисленными надписями и знаками. Он обычно «поселял» своих персонажей в тех местах, которые прекрасно знал. Эти места всегда либо точно узнаваемы в фактических адресах, либо слегка зашифрованы или изменены, соединены друг с другом в различных сочетаниях.

1

Главный адрес родины М. Булгакова — Киева — это знаменитая самая «киевская» улица — Андреевский спуск. Центр Андреевского спуска — двухэтажный с балкончиком булгаковский дом № 13 — «Дом Турбиных», описанный в романе «Белая гвардия».

---

⁷⁴ *Кремлев Ю.* Василий Павлович Соловьев-Седой. С. 50.

Здесь семья Булгаковых поселилась в 1906 г. Отсюда он уехал в 1919-м. Практически в этом доме все сохранилось: турбинские комнаты, внутренняя лестница, белые изразцы, на которых писал Николка. Сейчас фасад дома отреставрирован, и на нем в 1982 г. укреплена мемориальная доска с портретом писателя (скульптор А. Куш, архитектор Б. Кравчук). Построен дом (по исследованиям киевлянина М. Кальницкого — «Вечерний Киев», 28 ноября 1986 г.) известным киевским архитектором конца прошлого века Н. Гордениным в 1888 г. для купчихи В. Литошенко. В начале нынешнего столетия здание приобрел чиновник З. Минович, а с 1908 г. (когда там уже жили Булгаковы) его владельцем становится В. П. Листовничий с женой Я. В. Крынской. Они безусловные прототипы Василисы (В. И. Лисовича) и его жены Ванды в «Белой гвардии».

Приятно отметить, что «принято решение создать литературно-мемориальный музей М. А. Булгакова на Андреевском спуске в доме, где он жил. Сейчас идет сбор экспонатов для будущего музея, личных вещей, книг, принадлежавших писателю, материалов о постановках его пьес в театрах Москвы, Ленинграда, Украины».¹

Недалеко от «турбинского» дома находится старое здание, где родился Булгаков. Исследователи Л. Яновская, Т. Рогозовская и М. Кальницкий доказали, что адрес рождения писателя — левый каменный флигель дома (№ 10—В) по Воздвиженской улице, владельцем которого был тогда священник Матвей Бутовский, знакомый родителей Булгакова. Он же и крестил новорожденного в существующей и ныне Крестовоздвиженской церкви на Подоле, расположенной рядом.

Какие места в Киеве, связанные с жизнью писателя, можно еще назвать? Это сохранившиеся дома по Кудрявской улице № 9 (жили с 1895 по 1903 г.) и № 10 (жили в 1904 г.), дом по Рейтарской улице, 25 и по тому же Андреевскому спуску, 38, где снимало в 1913—1914 гг. квартиры счастливое семейство — Михаил Булгаков и Татьяна Лаппа, его первая жена.

Учился Булгаков в Первой Киевской гимназии (ныне учебный корпус университета) — бульвар Тараса Шевченко, 14. А на расстоянии в сотню метров высится красное здание основных корпусов Киевского университета (улица Владимирская, 60), где в 1916 г. Булгаков закончил медицинский факультет. Много часов довелось провести ему в доме тогдашнего анатомического театра (улица Ленина, 37), где теперь — Музей истории медицины. Гимназия и «анатомичка» попали в «Белую гвардию». Киевские краеведы потратили много сил, чтобы разыскать «адреса» «Белой гвардии», рассказов «В ночь на 3-ье число», «Я убил», очерка «Киев-город». Теперь они могут показать путь погони за Алексеем Турбиным, приведший его на Мало-Провальную улицу во флигель Юлии Рейсс в «сказочном многоярусном

¹ Правда. 1987. 24 февраля.

саду» и со «стеклянным фонарем старинных сеней, занесенных снегом», в «купах девственной и нетронутой сирени» (проход от дома на Мало-Подвальной, 10, в глубь квартала, навверх к старинному флигелю со стеклянной террасой на улице Паторжинского, 12). Можно пройти обоими маршрутами Николки через весь Старый Киев, посетить магазин мадам Анжу «Парижский шик» (улица Лысенко, 10), кафе «Маркиз» (Владимирская, 39), отель «Женева» (Владимирская, 25) и несколько десятков других адресов.

Путешествие по страницам «киевских» произведений писателя может увести нас далеко. Но остановимся. И в заключение побываем лишь в двух местах. На Байковом кладбище (в старой его части) — «черный мраморный крест», где покоится прах родителей Булгакова. А на скоростном трамвае из центра проследуем на окраину Киева — Южную Борщаговку, где в новом жилом массиве между улицами Королева и Семеренко расположена улица Михаила Булгакова. Интересная деталь: дом № 13 по улице Южная Борщаговка окружен такими же старинными фонарями, как и его тезка по номеру на Андреевском спуске. Так в булгаковском Киеве смыкается память истории и современность.

2

«Булгаковским» называют, как правило, то место (город или местность), в котором значительное время пребывал писатель и, что самое важное, которое обрело значительное содержание в его творчестве. Поэтому правомочны уже вошедшие в литературный оборот такие термины, как «булгаковский Киев» и «булгаковская Москва». В меньшей степени это применимо к тем местам, где Булгаков был ограниченное время и которые в его творчестве нашли лишь небольшое отражение: к пребыванию его во Владикавказе, Ленинграде (см.: *Бурмистров А. «Астория», № 430 // Нева. 1987. № 12*), Лебедяни (дом счетовода В. И. Андриевского, улица Ситникова, 24).

Смоленск, Вязьма, Сычевка, Никольское занимают в биографии и творчестве Булгакова хотя и меньшее по сравнению с Киевом и Москвой, но все же весомое место. В этих краях он работал врачом с сентября 1916 по февраль 1918 г. До приезда в Смоленскую губернию в тыловое земство Булгаков как ратник ополчения 2-го разряда успел уже поработать добровольцем в прифронтовых госпиталях Красного Креста в Киеве, Каменец-Подольском, Черновицах. Фронтовой опыт, видимо, нашел отражение в не разысканном пока его рассказе «День главного врача», который, по воспоминаниям биографа писателя П. С. Попова, он считал «наиболее выдающимся из произведений, написанных в начале революции». В нем описывался врач в боевой обстановке.

Уже работая врачом в Никольской земской больнице (вблизи

деревни Никольское Сычевского уезда Смоленской губернии), он начал набрасывать фрагменты будущих «Записок юного врача», опубликованных много позже, в 1925—1927 гг. Цикл «Записок...» состоит из 8 рассказов: «Полотенце с петухом», «Стальное горло», «Крещение поворотом», «Звездная сыпь», «Вьюга», «Тьма египетская», «Пропавший глаз», «Морфий».

Рассказы эти внешне непритязательны, напоминают медицинские новеллы, какие создавали русские врачи-писатели Чехов, Вересаев. Молодой врач, только что получивший врачебный диплом в Москве, попадает в среднерусскую глушь в 40 верстах от уездного города и от железной дороги. В первых семи по хронологии жизни повествователя рассказах он не назван по имени, и лишь в последнем («Морфий»), отличающемся по структуре и композиции от остальных, названо его имя — Владимир Михайлович Бомгард.

В какой же степени судьба, жизнь и работа рассказчика совпадают с авторской? Хоть и значительно, но не полностью. Булгаков приехал в смоленский край уже с достаточным фронтовым опытом; промахи и опасности, поджидавшие «юного врача», он сумел в основном избежать, тем более что с ним была помогавшая ему Татьяна Лаппа. В рассказе «Морфий» доктору Сергею Полякову, ставшему морфинистом и от этого окончившему с собой, приданы отчасти и автобиографические черты. Отсасывая дифтеритные пленки из горла больного ребенка, Булгаков заразился и ввел себе противодифтеритную сыворотку, давшую сильную аллергическую реакцию: начался зуд, выступила сыпь, распухло лицо. От начавшихся сильных болей он начал впрыскивать морфий и излечился от этого пагубного и рокового привыкания к нему благодаря жене: она постепенно снижала содержание морфия в растворе и вылечила своего мужа.

В справке, выданной молодому врачу за истекший год работы, сказано, что он зарекомендовал себя неутомимым работником на земском поприще (было произведено операций: ампутиаций бедра — 1, отнятие пальцев на ногах — 3... поворот на ножку — 3... удаление атеромы и липомы — 2, трахеотомий — 1; кроме того, производилось зашивание ран... вправление вывихов... удаление осколков ребер после огнестрельного ранения).

Проведенные Булгаковым операции и лечебные приемы больных (за год в стационаре перебивало 211 человек, а на амбулаторном приеме — 15 361) так или иначе отразились в его «Записках...». Географическое же описание местности Булгаковым было изменено. Никольское — то Мурьево, то Горелово («Морфий»); уездный город Сычевка прозрачно зашифрован Грачевкой; Караваяевская волость заменена на Коробовский уезд («Звездная сыпь») и т. п. На нынешней карте Смоленской области мы уже практически не найдем в нынешних Сычевском, Новодугинском и Холм-Жирковском районах того участка Сычевского уезда с деревнями и селами, где живут герои «Записок юного врача», — Грабиловки («Полотенце с петухом»), Торопова

и Дульцева («Крещение поворотом»), Шалометьева, где вблизи — Шалометьевское (возможно, Шереметьевское) имение — «белое здание с колоннами», видимо, времен Николая I («Вьюга»), опять Дульцева и деревни Коробово («Тьма египетская»), некоего города Вознесенска (это, по-видимому, тогда большое село Воскресенское — теперь Днепровское), куда «за 9 верст посылали за газетами», и деревни Гришаево (возможно, нынешнее Григорьевское), упоминаемых в «Пропадшем глазе».

Одновременно с созданием окончательных редакций «Записок юного врача» Булгаков написал фантастическую повесть «Роковые яйца» («Луч жизни»), где местом действия несколько глав он избирает также Никольское Смоленской губернии. Там, правда, уже не больница, а совхоз «Красный луч» в бывшем Шереметьевском доме-дворце с колоннадой. Тут же упоминается деревня Концовка, расположенная за «дворцом-совхозом», уже известная нам Грачевка и железнодорожная станция Дугино (теперь — Новодугинская).

Но вернемся к «юному врачу», только что приехавшему в Никольскую больницу, где его восхитило великолепие медицинского оборудования, лекарств и книг, оставленных его предшественником, легендарным Леопольдом Леопольдовичем, и где его встретили фельдшер Демьян Лукич и акушерки Пелагея Ивановна и Анна Николаевна.

Деревня Никольское (в «Записках...» — Мурьево или Горелово) находилась достаточно далеко от ближайшего города. У Булгакова в «Полотенце с петухом» есть такое описание приезда своего героя к новому месту работы: «...сорок верст, отделяющих уездный город Грачевку от Мурьевской больницы, ехали мы с возницей моим ровно сутки. И даже до курьезного ровно: в два часа дня 16 сентября 1917 года мы были у последнего лабаза, помещающегося на границе этого замечательного города Грачевки, а в два часа пять минут 17 сентября того же 17-го незабываемого года я стоял на битой, умирающей и смякшей от сентябрьского дождика траве во дворе Мурьевской больницы».

А вот каким увидел новоприбывший доктор свое место работы: «Я... оглянулся... на белый облупленный двухэтажный корпус, на небеленые бревенчатые стены фельдшерского домика, на свою будущую резиденцию — двухэтажный очень чистенький дом с гробовыми загадочными окнами».

Исследователи и краеведы² полагают, что предшественником героя «Записок...» и Булгакова в Мурьевской (Никольской) больнице был выпускник Московского университета Леопольд Леопольдович Смирчек, чех по национальности, проработавший в Никольской земской больнице с ноября 1902 г. по март 1914 г. и зарекомендовавший себя с наилучшей стороны. Среди его

---

² См.: Бурмистров А. Поездка в прошлое // Звезда. 1981. № 5; Стеклов М. «Я стал отважным человеком...» // Лит. Россия. 1984. 24 августа; Чудакова М. Жизнеописание Михаила Булгакова // Москва. 1987. № 6.

коллеги были акушерки Агния Николаевна Лобачевская и Степанида Андреевна Лебедева — вполне возможные прототипы акушерок Анны Николаевны и Пелагеи Ивановны. А реальным прототипом фельдшера Демьяна Лукича мог быть работавший с Булгаковым фельдшер Емельян Фомич Трошков, сторожа Егорыча («Полотенце с петухом», «Пропавший глаз») — работник больницы Иван Егоров. Другими прототипами, не названными по имени персонажей «Записок...», могли, по всей вероятности, послужить реально существовавшие люди, работавшие в Никольской больнице: Владимир Петрович Коблянский, С. И. Иванов, Е. О. Тропикова.

Как же выглядела в действительности Никольская земская больница, точнее 3-й Никольский врачебный пункт, образованный еще в 1898 г. при большом торговом селе Воскресенском и потом переведенный в Никольское Караваяевской волости? «Главный корпус больницы, — пишет А. Бурмистров, опираясь на документальные источники и воспоминания старожилов, — разместился в бывшем барском доме (помещицкой усадьбе). В верхнем его этаже находились пять палат (первоначально больница имела 10 коек) и операционная. В нижнем — амбулатория из двух ожидален, двух кабинетов врачей и аптеки. К 1916 году количество коек возросло до 24-х, не считая 8-ми коек для острозаразных больных и 2-х коек родильного отделения. Рядом стояли деревянные строения: одноэтажный барак для инфекционных больных, кухня, баня с прачечной, часовня. Для персонала были предназначены два дома. Оба из дерева. Двухэтажный — на две квартиры, в четыре комнаты, каждая для двух врачей, и другой дом — одноэтажный, в четыре квартиры, для фельдшеров и акушерок. Оборудован пункт был превосходно. Имелись водопровод, канализация, библиотека, телефон. Значительная часть медицинского инструментария, медикаментов и перевязочного материала поступила из-за границы».³

А где располагалась больница, каковы были ее окрестности? «Размещалась больница, — пишет другой исследователь, М. Чудакова, — в бывшем помещицком доме, проданном его последним владельцем земству. Белый двухэтажный дом смотрел фасадом на озеро: оно образовалось, когда протекавшую близ больницы речку перегородили плотиной. Больницу окружал лиственный парк (несколько уцелевших огромных лиственных местные жители и сегодня называют «немецкими елками»). На том берегу речки, дугой огибавшей территорию больницы, находился заповедник... С трех сторон больницу окружал лес, а с четвертой лес быстро кончался и за лугом в версте видна была деревня Никольское. С другой стороны, за заповедником, в полутора верстах — имение Муравишники и деревня Муравишниково».⁴

Что и говорить, по этим описаниям достаточно впечатляю-

³ Бурмистров А. Поездка в прошлое. С. 194.

⁴ Чудакова М. Жизнеописание Михаила Булгакова. С. 40.

щее место. Но сохранилось ли оно? Шутка ли, прошло более 70 лет, война прогремела в этих местах, умирали и уезжали люди, менялись границы районов. И это не могло не сказаться: сейчас, добравшись туда едва ли не таким же сложным и долгим путем, каким добирались Булгаков и его герой, мы ничего практически там не обнаружим. Только несколько лиственниц в мелколесье у луга с дренажными канавами, ямы да остатки каменного фундамента и разрушенного, заросшего травой угла стены. И вокруг только бывшие деревни — Никольское, Муравишниково. Пахоты, покосы, глухой лес, овраги, заболоченные мокрые низины, кочки, кустарник. Вот и все. . .

Если же кто из читателей захочет съездить туда, где витает дух героев «Записок юного врача», могу указать дорогу. Добраться до Ржева или Вязьмы и оттуда дизель-поездом до Новодугина. Потом автобусом или попутной машиной в сторону села Днепровского мимо деревень Полютихи, Абрамихи, Пятерниково, Кузнецово. Дальше, как уж повезет — машиной или пешком: между Кузнецово и Печеничено налево проселочной, прихотливо вьющейся среди полей и рощ дорогой; через 3 километра деревенька Бубны, еще через 1 — Торопово (упоминающееся у Булгакова). Дальше развилка, круто направо — в Муравишниково, прямо — дороги практически нет: только пешком по лесным тропам и разбитой тракторами просеке выходим к трем разрушенным деревянным избам бывшего Никольского (позднее Ново-Никольского). Лишь правильные ряды лип и берез, одичавшие яблони, старые осыпавшиеся колодцы свидетельствуют, что когда-то здесь жили люди. Еще через километра полтора направо от этой заброшенной деревни — и по приметным могучим лиственницам можно отыскать остатки Никольской больницы.

Есть, правда, туда и другой путь: от Новодугино сначала по той же дороге, затем налево через Липецы на Извеково, и оттуда вправо по заброшенной дороге, проселками по направлению в Муравишниково километров пять, и уже с другой стороны можно также выйти к этому месту. Запасаясь предварительно упорством и настойчивостью.

В сентябре 1917 г. Булгакова переводят в Вяземскую городскую земскую больницу, где он проработал до февраля 1918 г. Впечатления переезда из далекой глуши в большой уездный город отражены в рассказе «Морфий». По данным А. Бурмистрова, Булгаковы жили в здании амбулатории рядом с больницей на улице Московской (теперь Ленина), 71. Это одноэтажное, но прочное строение сохранилось до наших дней. Здание же больницы погребено в войну, и на его месте с начала 50-х гг. стоит другое. Сейчас здесь Центральная железнодорожная больница.

От старых вяземских земских больниц, построенных фабрикантом-меценатом Лютовым (называемых старожилками «лютовскими больницами»), сохранилось лишь два строения. В одном из них на бывшей Привокзальной улице (теперь Красноармейское шоссе), 7^б, находится городская санэпидемстанция; другое —

на бывшей Калужской (теперь — улице 25-летия Октября), 21, занято учебными классами. Возможно, и там лечил больных молодой врач Михаил Булгаков.

Март 1918 застаёт чету Булгаковых в Киеве. Михаил — успешно практикующий частный врач-венеролог в том же доме 13 на Андреевском спуске. Но остаться мирным врачом ему, военнообязанному, в Киеве, который занимали белогвардейцы, петлюровцы, немцы, Красная Армия, не удалось. Его несколько раз мобилизовывали петлюровцы. Он дезертировал, примерно так же, как герои его рассказов «В ночь на 3-ье число», «Я убил». Наконец в сентябре 1919 г. его все-таки мобилизуют в медицинскую службу Добровольческой армии.

Так он оказался на Северном Кавказе, в Грозном, затем во Владикавказе.

3

О своей новой жизни Булгаков позже так говорит в автобиографии: «Как-то ночью в 1919 году, глухой осенью, едуци в расхлябанном поезде, при свете свечечки, вставленной в бутылку из-под керосина, написал первый маленький рассказ. В городе, в который затащил меня поезд, отнес рассказ в редакцию газеты. Там его напечатали. Потом напечатали несколько фельетонов». Так состоялся литературный дебют будущего писателя. В городе Грозном в местной газете с тем же названием «Грозный» 13 (26) ноября 1919 г. был опубликован его рассказ-статья «Грядущие перспективы» под псевдонимом «М. Б.».

Позже, уже во Владикавказе, 15 февраля 1920 г. Булгаков по собственному свидетельству «пережил духовный перелом», когда «бросил звание лекаря с отличием» и целиком отдался литературе. В этот день (по старому стилю) вышла новая газета «Кавказ» с фамилией Булгакова в списке ее сотрудников, а десятью днями раньше в местной «Кавказской газете» он опубликовал рассказ с подзаголовком «Дань восхищения» о киевских революционных событиях осенью 1917 г.

По мнению М. Чудаковой, «душевный перелом» произошел не в связи с этими газетными успехами: «Слова о „душевном переломе“, — пишет она, — шифруют перелом внешний, биографический. . . В те дни он отказался от медицины — занятия, прямо связывающего с той или иной властью и ее армией, и принял давно обдуманное решение избрать свободную профессию — литературу».⁵

В конце февраля Булгаков заболевает возвратным тифом, а когда через месяц начинает вставать, в городе уже Красная Армия, Советская власть и Ревком. С этого времени и до конца жизни источник существования для него — литературное творчество, драматургия и театр.

⁵ Там же. № 7. С. 12.

Его занятиями во Владикавказе стала работа в подотделе искусств Терского Наробраза, где он заведовал сначала литературной, затем театральной секциями, работа в Народном университете, чтение лекций и вступительных слов на литературных концертах и вечерах, публикации рассказов и фельетонов в местной печати. В это же время им было написано 5 пьес, и четыре из них поставлены на сцене местного Первого советского театра — в общем он жил полнокровной творческой жизнью.

События тех времен нашли отражение в первой, «владикавказской» части повести «Записки на манжетах» и рассказе «Богема», пьесе «Сыновья муллы», трех рецензиях и в единственном пока дошедшем до нас фельетоне «Неделя просвещения». Где остальное из написанного и опубликованного, пока неясно.

Известно два адреса, где жил Булгаков. У генеральши Ларисы Дмитриевны Гавриловой (в повести — Ларисы Леонтьевны), где он и пережил тиф (Петровский переулок, 8), и в Слепцовском переулке (теперь улица Маяковского), 9, квартира 2.

Театр, где шли первые булгаковские пьесы, расположен в центре города. Сейчас он называется Русским драматическим театром, и на его здании в марте 1988 г. установлена мемориальная доска: «В этом доме с августа 1920 года по май 1921 года работал выдающийся советский писатель Булгаков Михаил Афанасьевич».

Там же, где театр, на бывшем Александровском проспекте, были редакции газет: сначала «Кавказа», потом «Известий Ревкома», «Коммуниста», «Горской жизни». На том же проспекте в здании Коммерческого клуба был «Подотдел искусств Наробраза». До наших дней сохранился Летний театр в парке «Трек», где были литературные диспуты, в том числе и знаменитый — о Пушкине — с пролеткультовцами, на котором начинающий писатель выступил блестяще.

Приближалась к концу владикавказская жизнь Булгакова. И хотя быт и работа наладились (в апреле 1921 г. его назначили деканом театрального факультета Горского народного художественного института), его неудержимо тянуло на родину в Россию, в Киев, в Москву.

И вот в двадцатых числах мая 1921 г. он кружным путем через Баку, Тифлис, Батум, морем до Одессы, далее через Киев приезжает в столицу, «чтобы остаться в ней навсегда». Произошло это в конце сентября 1921 г.

4

В произведениях Булгакова есть несколько описаний его въезда в Москву, очарования мощью большого столичного города, куда он приехал как провинциал, но вскоре стал заправским москвичом, воспевающим его улицы, переулки, жителей, реальных и вымышленных.

Вот фрагмент из рассказа «Воспоминание»: «Был конец 1921 года. И я приехал в Москву. Самый переезд не составил для меня особенных затруднений, потому что мой багаж был совершенно компактен. Все мое имущество помещалось в ручном чемоданчике. . .».

А это из «Записок на манжетах» («московская» часть): «Бездонная тьма. Лязг. Грохот. Еще катят колеса, но вот тише, тише. И стали. Конец. Самый настоящий, всем концам конец. Больше ехать некуда. Это — Москва. М-о-с-к-в-а. . . Качаясь, в искрах и зигзагах на огни. От них дробятся лучи. На них ползет невиданная серая змея. Стекланный купол. Долгий, долгий звук. В глаза — ослепляющий свет. Билет. Калитка. Взрыв голосов. Тяжко упало ругательство. Опять тьма. Опять луч. Тьма. Москва! Москва!».⁶

В очерке «Бенефис лорда Керзона» Булгаков восклицал: «. . . Москва, город громадный, город единственный, государство, в нем только и можно жить. . .», а в фельетоне «Сорок сороков» вспоминал снова: «Панорама первая была в густой тьме, потому что въехал я в Москву ночью. Это было в конце сентября 1921 года. По гроб моей жизни не забуду ослепительного фонаря на Брянском вокзале и двух фонарей на Дорогомиловском мосту, указывающих путь в родную столицу. Ибо, что бы ни происходило, что бы вы ни говорили, Москва — мать, Москва — родной город».⁷

«Не из прекрасного далека я изучил Москву 1921—1924 годов,— писал, наконец, Булгаков в автобиографическом рассказе „Трактат о жилище“. — О, нет, я жил в ней, я истоптал ее вдоль и поперек. Я поднимался во все почти шестые этажи, в каких только помещались учреждения, а так как не было положительно ни одного 6-го этажа, в котором бы не было учреждения, то этажи знакомы мне все решительно. . . Где я только ни был! На Мясницкой сотни раз, на Варварке — в Деловом Дворе, на Старой Площади — в Центросоюзе, заезжал в Сокольники, швыряло меня и на Девичье Поле. . . Я писал торгово-промышленную хронику в газетку, а по ночам сочинял веселые фельетоны. . . а однажды. . . сочинил ослепительный проект световой торговой рекламы. . . Рассказываю я все это с единственной целью, чтобы поверили мне, что Москву 20-х годов я знаю досконально. Я обшарил ее вдоль и поперек. И намерен описать ее. Но, описывая ее, я желаю, чтобы мне верили. Если я говорю, что это так, значит оно действительно так! На будущее время, когда в Москву начнут приезжать знатные иностранцы, у меня есть в запасе должность гида».⁸

Приехав и оставшись жить в Москве, Михаил Булгаков сразу и навсегда полюбил этот город. Он остался верен этой любви

⁶ Булгаков М. Чаша жизни. М., 1988. С. 233.

⁷ Там же. С. 413—414.

⁸ Там же. С. 159—161.

до конца, а описания, сделанные им, позволяют считать его одним из самых московских литераторов.

Уже в первых своих московских очерках писатель обращал внимание на застройку и архитектуру города, на восстановление и ремонт жилого фонда после многих лет разрухи. В очерке «Столица в блокноте» есть главка, так и названная «Бог Ремонт», где он полушутливо пишет: «...мой любимый бог — бог Ремонт, вселившийся в Москву в 1922 году, в переднике, вымазан известкой. . . Он и меня зацепил своей кистью, и до сих пор я храню след его божественного прикосновения. . . бог неугомонный, прекрасный — штукатур, маляр и каменщик — орудует. . . Московская эпиталама: — „Пою тебе, о бог Ремонт!“».⁹ Очерк «Золотистый город» посвящен Первой сельскохозяйственной выставке 1923 г., где красочные павильоны были выстроены по проектам знаменитых московских архитекторов Щусева, Мельникова, Жолтовского. А очерк «Москва 20-х годов» кончается восклицанием автора: «Москву надо отстраивать. Москва! Я вижу тебя в небоскребах!».

Свои же «небоскребы» Михаил Булгаков «возвел» уже в 1924 г. на страницах фантастической повести «Луч жизни» («Роковые яйца»), где сообщал, что «. . . в 1926 году. . . соединенная американо-русская компания выстроила, начав с угла Газетного переулка и Тверской, в центре Москвы, 15 пятнадцатиэтажных домов, а на окраинах 300 рабочих коттеджей, каждый на 8 квартир, раз и навсегда прикончив тот страшный и смешной жилищный кризис, который так терзал москвичей в годы 1919—1925».¹⁰

Сейчас нам кажется наивной эта булгаковская мечта, но он в нее безусловно верил и в своих последующих произведениях неоднократно так или иначе возвращался к теме застройки своего Города, своей Москвы.

Как мы уже знаем, писатель приехал в столицу после долгих мытарств и странствований на юге Республики, приехал, как он писал потом в автобиографии, «. . . без денег, без вещей в Москву, чтобы остаться в ней навсегда». И первым постоянным московским адресом (не считая кратковременных остановок у родственников и друзей: Чистый переулок, 1, квартира 12; Воротниковский переулок, 1; Малая Пироговская улица, 18) был дом 10 по Большой Садовой улице. В квартире № 50 с помощью Н. К. Крупской (бывшей тогда Председателем Главполитпросвета) Булгаков получил небольшую комнату. Оставляющие печальный осадок впечатления о больших трудностях при вселении в эту комнату Булгаков изложил в рассказе «Воспоминание» (1924).

В этой квартире, где в настоящее время создается общественный музей Булгакова и его героев, он прожил до начала 1923 г., потом переехал в квартиру 34 в том же доме на «уплотнение»

⁹ Там же. С. 386, 388.

¹⁰ Там же. С. 61.

семьи Левшиных (Манасевичей). В письме к своей сестре Н. А. Земской 23 октября 1921 г. Михаил Афанасьевич сообщал первые полушутливые и невеселые наблюдения:

На Большой Садовой
Стоит дом здоровый.
Живет в доме наш брат —
Организованный пролетариат.
И я затерялся между пролетариатом,
Как какой-нибудь, извините за выражение, атом.
Жаль некоторых удобств нет:
Например, испорчен в . . . р-к . . . т;
С умывальником тоже беда:
Днем он сухой, а ночью из него на пол течет вода.
Питаемся понемножку:
Сахарин да картошка.
Свет электрический — странной марки:
То потухнет, а то опять ни с того, ни с сего разгорится ярко.
Теперь, впрочем, уже несколько дней горит подряд,
И пролетариат очень рад.
За левой стеной женский голос выводит: «. . . бедная чайка. . .»
А за правой играют на балалайке.¹¹

По определившейся уже тогда своей писательской манере М. А. Булгаков не остановился на использовании экзотической фактуры и истории этого дома только в одном произведении. В старинном доме и в квартире 50 шестого парадного происходят события его рассказов «№ 13. — Дом Эльпит-рабкоммуна», «Псалом», «Три вида свинства», «Самогонное озеро», «Бурнаковский племянник», пьесы «Зойкина квартира», фельетона «День нашей жизни».

Но наибольшим образом писатель прославил свое первое московское пристанище в романе «Мастер и Маргарита». Дом номер 10 на Большой Садовой улице фантазией автора превратился в дом «302-бис на Садовой» (формулу этого превращения вывел литературовед И. Ф. Белза: $(3+0+2) \times 2 = 10$, а латинское «bis» (дважды), по мнению мемуариста В. А. Левшина,¹² делает в «романе с чертовщинкой». . . крутой вираж и оборачивается украинским бисом)». Изменение же автором названия самой улицы не слишком грешит против истины: Большая Садовая в 1920—1930-е гг. одно время называлась и Садово-Триумфальной, и просто Садовой улицей.

Мы не будем специально останавливаться на других местах жизни Булгакова в Москве и адресах и прототипах его рассказов и очерков, «Театрального романа», «Тайному другу», «Мастера и Маргариты, пьес «Зойкина квартира» и «Багровый остров», тем более что основные из них достаточно подробно описаны в ряде

¹¹ Воспоминания о Михаиле Булгакове. М., 1988. С. 65.

¹² Там же. С. 155.

статей автора этих строк.¹³ Перечислим только московские адреса писателя и подробнее расскажем о литературной топографии и прототипах его московских повестей.

Итак, вслед за названными адресами местожительства следуют — улица Герцена, 46; Чистый переулок, 9, квартира 4; Малый Левшинский переулок, 4, квартира 1; Большая Пироговская улица, 35^б, квартира 6; улица Фурманова, 3—5, квартира 44. Потом основные места службы: в ЛИТО Главполитпросвета — Сретенский бульвар, 6; в газете «Гудок» во «Дворце Труда» — улица Солянка, 12; во МХАТе — проезд Художественного театра, 3; в Большом театре — площадь Свердлова, 2. При этом можно упомянуть основные газеты и журналы, что печатали Булгаков: «Накануне» (Московская редакция) — Большой Гнездиновский переулок, 10; «Рабочий» и «Рабочая газета» — Путинковский переулок, 3; «Медицинский работник» — Большая Лубянка (теперь улица Дзержинского), 20; «Рупор» — Сытинский переулок, 4; «Возрождение» — Гранатный переулок (теперь улица Щусева), 9; «Россия» — Большая Полянка, 15, и др.

Булгаков бывал у своих друзей, где читал новые произведения: у Крешковых — Малая Бронная, 32, квартира 24; у Лямыных — Савельевский переулок, 12, квартира 66; у Топлениновых — Мансуровский переулок, 9; у П. С. Попова — Плотников переулок, 10, квартира 35; у Коморских — Малый Козихинский переулок, 12, квартира 12; у Калужских в Малом Власьевском, 9^а, Шапошниковых в Кропоткинском и Морицев в Померанцевом переулках.

Мы уже знаем из начала «московской» части «Записок на манжетах», как их герой (читай — сам Булгаков) приехал в Москву. Далее рассказывается, как он устраивается на службу:

«В сущности говоря, я не знаю, почему я пересек всю Москву и направился именно в это колоссальное здание. Та бумажка, которую я бережно вывез из горного царства, могла иметь касательство ко всем шестиэтажным зданиям, а вернее не имела никакого касательства ни к одному из них.

В 6-м подъезде — у сетчатой трубы мертвого лифта. Отдышался. Дверь. Две надписи. „Кв. 50“. Другая загадочная — „Худо“. Отдышаться. Как никак, а ведь решается судьба.

Толкнул незапертую дверь. В полутемной передней огромный ящик с бумагой и крышка от рояля. Мелькнула комната, полная женщин в дыму. Дробно застучала машинка. Стихла. Басом кто-то сказал: „Мейерхольд“.

— Где Лито? — спросил я, облокотившись на деревянный барьер.

Женщина у барьера раздраженно повела плечами. Не знает. Другая — не знает. Но вот темноватый коридор. Смутно, наугад.

Открыл одну дверь — ванная. А на другой двери — маленький

¹³ См.: В мире книг. 1982. № 9; Север. 1983. № 8; Турист. 1983. № 8—10; Памятники отечества. 1984. № 1; Нева. 1985. № 6; Дружба народов. 1985. № 11; В мире книг. 1986. № 5; Дружба. 1986. № 4; Нева. 1987. № 7, а также: Куранты. 1987. Вып. 2.

клок. Прибит косо и край завернулся. Ли! А! Слава богу. Да, Лито. Опять сердце. Из-за двери слышались голоса: ду-ду-ду...

Закрыв глаза на секунду и мысленно представил себе. Там. Там — вот что: в первой комнате ковер огромный, письменный стол и шкафы с книгами. Торжественно тихо. За столом секретарь, вероятно, одно из имен, знакомых мне по журналам. Дальше двери. Кабинет заведующего. Еще большая глубокая тишина. Шкафы. В кресле, конечно... кто? Лито? В Москве? Да Горький Максим! На дне. Мать. Больше кому же? Ду-ду-ду... Разговаривают... А вдруг это Брюсов с Белым?...

И я легонько стукнул в дверь. Ду-ду-ду прекратилось, и глухо: — Да!

Потом опять ду-ду-ду. Я дернул за ручку, и она осталась у меня в руках. Я замер: хорошее начало карьеры — сломал! Опять постучал.

— Да! Да!

— Не могу войти! — крикнул я.

В замочной скважине прозвучал голос:

— Вверните ручку вправо, потом налево, вы нас заперли...

Вправо, влево, дверь мягко поддалась, и...

Да я не туда попал! Лито? Плетеный дачный стул. Пустой деревянный стол. Раскрытый шкаф. Маленький столик сверху ножками в углу. И два человека. Один высокий, очень молодой, в пенсне. Бросились в глаза его обмотки. Они были белые, в руках он держал потрескавшийся портфель и мешок. Другой седоватый старик с живыми чуть смеющимися глазами был в папаше, солдатской шинели. На ней не было места без дыры, и карманы висели ключьями. Обмотки серые и лакированные, бальные туфли с бантами.

Потухшим взором я обвел лицо, затем стены, ища двери дальше. Но двери не было. Комната с оборванными проводами была глуха. Как-то косноязычно:

— Это... Лито?

— Да.

— Нельзя ли видеть заведующего?

Старик ласково ответил:

— Это я.

Затем взял со стола огромный лист московской газеты, отодрал от нее четвертушку, всыпал махорки, свернул козью ногу и спросил у меня:

— Нет ли спичечки?

Я машинально чиркнул спичкой, а затем под ласково-вопросительным взглядом старика достал из кармана заветную бу-мажку.

Старик наклонился над ней, а я в это время мучительно думал о том, кто бы он мог быть... Больше всего он походил на обритого Эмиля Золя.

Молодой, перегнувшись через плечо старому, тоже читал. Кончили и посмотрели на меня как-то растерянно и с уважением.

Старик:

— Так вы? . . .

Я ответил:

— Я хотел бы должность в Лито.

Молодой восхищенно крикнул:

— Великолепно! . . . Знаете. . .

Подхватил старика под руку. Загудел шопотом:

— Ду-ду-ду. . .

Старик повернулся на каблуках, схватил со стола ручку. А молодой сказал скороговоркой:

— Пишите заявление.

Заявление у меня было за пазухой. Я подал». ¹⁴

Где это было? Что за люди встретились Булгакову? Кем были его будущие сослуживцы?

Адрес нам уже известен: Сретенский бульвар, 6. Там и сейчас высится длиной в целый квартал пятиэтажное оригинальное здание, состоящее из двух замкнутых по периметру корпусов. С остальных сторон три переулка: Фролов, Бобров (бывший Юшков) и Милютинский, переименованный в 1924 г. в улицу Мархлевского. Это двухкорпусное здание весьма привлекательно. Оно было построено в 1899—1902 гг. для общества «Россия» одной из крупнейших страховых компаний, которая часть своих миллионных доходов вкладывала в строительство и эксплуатацию многоквартирных, хорошо оборудованных домов. Автор проекта архитектор Н. П. Проскурнин придал зданию черты позднего итальянского ренессанса. Знаменитый французский архитектор Ле Корбюзье считал этот дом самым красивым в Москве. Прекрасная решетка между корпусами сделана по рисунку О. Дессина.

В 1909 г. в доме бывал И. Е. Репин, писавший портрет жившего здесь доктора П. А. Левина. После революции дом был национализирован, большинство состоятельных квартирантов сбежало, остальные были уплотнены. В доме были расселены рабочие, а также появились многочисленные учреждения. После переезда Советского правительства в Москву здесь со стороны Боброва переулка находилось Главное управление Красной Армии, которое 18 июня 1918 г. посетили В. И. Ленин и А. М. Горький.

В правом со стороны бульвара корпусе с 1920 по 1925 г. помещался Наркомпрос, во главе которого стоял А. В. Луначарский — кабинет его был на втором этаже. При Наркомпросе находился и Главполитпросвет, которым в те же годы заведовала Н. К. Крупская. Вот сюда в его Литературный отдел (ЛИТО) и пришел осенью 1921 г. Булгаков с удостоверением Владикавказского подотдела искусств.

К тому времени многокомнатные квартиры дома уже были вполне приспособлены под длинные учрежденческие коридоры — соединены между собой. И герою «Записок на манжетах» это

¹⁴ Булгаков М. Чаша жизни. С. 235—237.

здание было положительно страшно: «Все было пронизано продольными ходами, как муравейник, так что его все можно было пройти из конца в конец, не выходя на улицу».

Где же в доме находилось само ЛИТО? Почтовый его адрес значился так: «Сретенский бульвар, 6, Юшков переулок, 6-й подъезд, квартира 65». В «Записках на манжетах» указано два адреса. Первый, куда пришел рассказчик: «дом 4, 6-й подъезд, 3-й этаж, квартира 50, комната 7» и второй после переезда ЛИТО: уже во 2-м подъезде, 1-м этаже, квартире 23, комнате 40. И хотя при поисках пропавшего учреждения герой сталкивается с форменной чертовщиной (попавшей потом и в повесть «Дьяволиада»), видно, что адрес фактического ЛИТО лишь прозрачно зашифрован автором — 6-й подъезд и 50-я квартира (как и 65-я) выходят в бывший Юшков переулок.

Булгаковский герой встречает первых сотрудников ЛИТО: заведующий — «старик» и его помощник — «молодой». Потом число их возрастает. Кто эти люди? Молодой московский историк Р. Янгиров установил¹⁵ по материалам Центрального государственного архива РСФСР, что «старик» — писатель и журналист Алексей Павлович Годфрид, основатель ЛИТО Главполитпросвета, заместитель А. С. Серафимовича, заведующего ЛИТО Наркомпроса. «Молодой» — бывший студент МГУ и Брюсовского института, а позже драматург Владимир Сергеевич Богатырев.

События в повести стремительно развиваются, и ЛИТО обрастает новыми сотрудниками:

«Историку литературы не забыть:

В конце 21-го года литературой в Республике занимались 3 человека: старик (драмы; он, конечно, оказался не Эмиль Золя, а незнакомый мне), молодой (помощник старика, тоже незнакомый — стихи) и я (ничего не писал)...

Утром в 11 вошел молодой, по-видимому, очень озябший поэт. Тихо сказал:

— Шторн.

— Чем могу вам служить?

— Я хотел бы получить место в ЛИТО.

Я развернул листок с надписью „Штаты“. В ЛИТО полагается 18 человек. Смутно я лелеял такое распределение:

Инструктора по поэтической части:

Брюсов, Белый... и т. д.

Прозаики:

Горький, Вересаев, Шмелев, Зайцев, Серафимович... и т. д.

Но никто из перечисленных не являлся.

И смелой рукой я черкнул на прошении Шторна: „пр. назн. инстр.“. За завед. Буква. Завитушка.

— Идите наверх, пока он не уехал.

---

¹⁵ На эту тему им был сделан специальный доклад в Ленинграде 14 мая 1986 г. на Вторых Булгаковских чтениях в помещении Института театра, музыки и кинематографии.

Потом пришел кудрявый, румяный и очень жизнерадостный поэт Скарцев.

— Идите наверх, пока он не уехал.

Из Сибири приехал необыкновенно мрачный в очках, лет 25, сбитый так плотно, что казался медным.

— Идите наверх. . .

Но он ответил:

— Никуда я не пойду.

Сел в угол на сломанный, шатающийся стул, вынул четвертушку бумаги и стал что-то писать короткими строчками. По-видимому, бывалый человек.

Открылась дверь, и вошел в хорошем теплом пальто и котиковой шапке некто. Оказалось поэт. Саша.

Старик написал магические слова. Саша осмотрел внимательно комнату, задумчиво потрогал висящий оборванный провод, заглянул зачем-то в шкаф. Вздохнул.

Подсел ко мне — конфиденциально:

— Деньги будут? . . .¹⁶

Продолжим знакомство с булгаковскими коллегами по ЛИТО. Шторн — это известный в будущем писатель Георгий Петрович Шторн (его фамилия писалась, кстати, и как Шторн). О встречах с ним вспоминают современные литературоведы В. Я. Лакшин и М. О. Чудакова. Поэт Скарцев узнается в Иване Ивановиче Старцеве (1896—1967), поэте-имажинисте, приятеле Есенина, впоследствии известном библиографе. По мнению М. Чудаковой, он мог послужить одним из «слагаемых» будущих булгаковских героев — Ивана Русакова («Белая гвардия») и Ивана Бездомного («Мастер и Маргарита»).

А практичный «поэт Саша» — это доживший до наших дней и начавший второй век жизни, старейший в Москве, а может и в стране, журналист Александр Давыдович Брянский, известный в 20-х гг. по литературному псевдониму «Саша Красный» (он считал себя продолжателем сатирической поэзии Саши Черного, но уже в советское «красное» время). А. Д. Брянский встречался с В. И. Лениным (сохранилась фотография, где они рядом на Красной площади 1 мая 1919 г.), был одним из создателей «Синей блузы», сотрудником ряда московских журналов. Кроме ЛИТО он работал с Булгаковым в «Гудке», встречался с ним много раз позже. В середине 20-х гг. Саша Красный одевался и вел себя довольно экстравагантно. Возможно, и поэтому Булгаков, сам любивший эпатировать окружающих (монокль, манеры), увидел в нем бойкого репортера Альфреда Бронского (Алонзо) в повести «Роковые яйца».

В «медном» человеке из Сибири литературоведы В. А. Чеботарева и Л. М. Яновская видят Всеволода Иванова, но, думается, что это не совсем отвечает фактам: в феврале 1921 г. он из Сибири переехал в Петроград, где стал активным членом объединения «Серрапионовы братья».

¹⁶ Булгаков М. Чаша жизни. С. 238—241.

И еще несколько человек мелькают на страницах повести. «Король репортеров» в золотых очках — им может быть вполне или Н. И. Шестаков, или, вероятнее, Арон Осипович Альперович, профессиональный газетчик и известный в дореволюционной прессе журналист. «Смешливая барышня-журналистка», по всей вероятности — Н. Рынзюнская; «барышня, вышедшая замуж за бандита», возможно — машинистка ЛИТО И. Н. Бобылева. Эти люди сейчас неизвестны, зато последний упоминаемый персонаж — «с юга молодой человек, журналист» — узнаваем. Это Арон Исаевич Эрлих, приехавший из Ставрополя, будущий известный журналист и писатель. После закрытия ЛИТО именно он помог в трудное время Булгакову — устроил его на работу в редакцию газеты «Гудок», о чем писатель вспомнил в повести «Тайному другу». А. И. Эрлих оставил о Булгакове интересные воспоминания в книге мемуаров «Нас учила жизнь».

Чем занимался Булгаков в ЛИТО кроме работы секретаря? Обработкой присылаемых рукописей, составлением поэтических сборников русских поэтов. В это время им были написаны литературные фельетоны «Муза мести», «Евгений Онегин», «Театральный Октябрь». А историю написания лозунгов для агитпоезда Главполитпросвета в помощь голодающим Поволжья узнаем в изложении автора:

«За столами не было места. Писали лозунги все и еще один новый, подвижной и шумный, в золотых очках, называвший себя — король репортеров. Король явился на другое утро после получения нами аванса без четверти девять со словами:

— Слушайте, говорят тут у вас деньги давали?

И поступил на службу к нам.

История лозунгов была такова:

Сверху пришла бумага: „Предлагается ЛИТО к 12 час. дня такого-то числа в срочном порядке представить ряд лозунгов“.

Теоретически это должно было обстоять так: старик при моем соучастии должен был издать какой-то приказ или клич по всему пространству, где только предполагалось — есть писатели. Лозунги должны были посылаться со всех сторон: телеграфно, письменно и устно. Затем комиссия должна была выбрать из тысяч лозунгов лучшие и представить их к 12 час. такого-то числа. Затем я и подведомственная мне канцелярия (т. е. печальная жена разбойника) должны были составить требовательную ведомость, получить по ней и выплатить наиболее достойным за наилучшие лозунги.

Но это теория.

На практике же:

1) Никакого клича кликнуть было невозможно, ибо некого было кликать. Литераторов в то время в поле зрения было: все перечисленные плюс король.

2) Исключалось первым: никакого, стало быть, наплыва лозунгов быть не могло.

3) К 12 час. дня такого-то числа лозунги представить было

невозможно по той причине, что бумага пришла в 1 ч. 26 мин. этого самого такого-то числа.

4) Ведомость можно было и не писать, так как никакой такой графы „на лозунги“ не было. Но у старика была маленькая заветная сумма: на разъезды.

Поэтому:

а) Лозунги в срочном порядке писать всем, находящимся налицо.

б) Комиссию для рассмотрения лозунгов составить для полного ее беспристрастия также из всех находящихся налицо.

с) За лозунги уплатить по 15 т. за штуку, выбрав наилучшие.

Сели в 1 ч. 50 м., а в 3 ч. лозунги были готовы. Каждый успел выдать из себя по 5—6 лозунгов, за исключением короля, написавшего 19 в стихах и прозе.

Комиссия была справедлива и строга.

Я — писавший лозунги — не имел ничего общего с тем мною, который принимал и критиковал лозунги

В результате принято:

У старика — 3 лозунга.

У молодого — 3 лозунга.

У меня — 3 лозунга.

И т. д., и т. д.

Словом: каждому 45 тысяч». ¹⁷

Что это были за лозунги? Сохранились ли они? Сохранились. Вот что пишет впервые разыскавший их в архивохранилище ЛИТО Р. Янгиров: «7 и 8 октября 1921 года литературному подотделу Главполитпросвета (так официально называлось ЛИТО.— Б. М.) было поручено составить в срочном порядке агитационные лозунги для агитпоезда имени М. И. Калинина, отправляющегося в „хлебодородную область Украины“ для организации там помощи голодающим. Времени было мало, и в считанные часы сотрудники отдела сочинили 58 лозунгов, из которых было принято 19. Булгаков представил 4 лозунга... На одном из листков, на котором написано два стихотворных лозунга, стоит подпись М. Булгаков. Трудно, конечно, считать их серьезной поэтической работой, но они представляют все же определенный интерес:

I

Волга все долги запомнит,
Все вернет с лихвой,
Так скорей спеша на помощь
Щедрую рукой.

II

Ты знаешь, товарищ, про ужас голодный,
Горит ли огонь в твоей честной груди,
И если ты честен, то чем только можешь
На помощь голодным приди.

Там же. С. 241—242.

К сожалению, сейчас невозможно выяснить, были ли использованы сочиненные лозунги для оформления агитпоезда». ¹⁸

Время шло, но судьба ЛИТО складывалась так, что дни его были сочтены.

1 декабря 1921 г. Булгаков остался без работы. Но ненадолго. И как мы знаем из его автобиографических очерков и писем — заведовал отделом хроники в «Торгово-промышленном вестнике», играл в бродячем коллективе актеров, вел конференс в маленьком театре на окраине, работал заведующим издательской частью в Научно-техническом комитете при Военно-воздушной академии им. Н. Е. Жуковского, и, наконец, поступил на службу в газеты, сначала в «Рабочий», потом в «Гудок», стал активно печататься в берлинской газете «Накануне», в московских небольших журналах. Впереди была «Белая гвардия», «Дни Турбиных», «Театральный роман» с МХАТом и многое, многое. . .

5

Если киевская проза, «Записки юного врача» и «Записки на манжетах», московские очерки и рассказы предельно автобиографичны, то фантастические повести «Дьяволиада», «Роковые яйца», «Собачье сердце» показали автора в блеске острой сатиры, едкой иронии, яркого гротеска, цирковой буффонады. Сюжетным выдумкам, смешным зарисовкам, пародийным карикатурам нет числа, хотя и с опорой на конкретные события, и с учетом московской топографии.

Фоном для развернутых фантастических с большой дозой достоверного реализма действий в повестях служили факты тогдашнего московского быта периода нэпа. Они не могли пройти мимо Булгакова, активного в те годы журналиста и газетчика. 16 очерков о московской жизни им были написаны в 1922—1924 гг. — времени создания «Дьяволиады» и «Роковых яиц». Среди них важнейшие: «Торговый ренессанс», «Москва краснокаменная», «Столица в блокноте», «Золотистый город», «Москва 20-х годов».

Действие повести «Дьяволиада» происходит, казалось бы, в точных временных рамках, начиная с 20 сентября 1921 г. ¹⁹ и продолжаясь несколько дней, и в нескольких, по большей части вымышленных, хотя и достаточно похожих, московских

¹⁸ См.: Янгиров Р. «...Скорей спешите на помощь» // Ленинец. Уфа, 1984. 22 марта. С. 3.

¹⁹ Эту дату автор заметки «Происшествие 20-го числа. . .» М. Шатин (Литературная Россия. 1987. 20 ноября) считает днем приезда Булгакова в Москву. Однако это противоречит сведениям, которые сообщила сестра писателя Н. А. Земская своему мужу А. М. Земскому из Киева в Москву (письмо от 18 сентября 1921 г. — Отдел рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина, ф. 562, к. 19, ед. хр. 22): «...Вчера приехал Миша. Едет в Москву. . . Он выедет отсюда около среды 26 сентября. . .». Если принять эту дату за фактическую, то Булгаков должен был приехать в Москву в ночь с 27 на 28 сентября 1921 г.

учреждениях. Произведение носит подзаголовок: «Повесть о том, как близнецы погубили делопроизводителя» — и направлено против неразберихи и бюрократизма с избыточными, ненужными людьми во вновь образованных учреждениях и конторах.

Служащий «Главной Центральной Базы спичечных материалов» (Главцентрбазспимате) Варфоломей Петрович Коротков из-за допущенной ошибки в документе увольняется с работы и пытается восстановить справедливость в различных бюрократических инстанциях. На беду у него вдобавок выкрадывают все документы и принимают за похожего на него человека со сходной фамилией — Колобков. Во всех своих неудачах он винит, и небезосновательно, братьев-близнецов Кальсонеров (одного бритого, другого с ассирийской бородой) и сходит с ума. Кинематографическая погоня²⁰ героя повести по улицам Москвы, лестницам и коридорам громадных учреждений приводит его на крышу высокого здания, откуда он бросается в ущелье узкого переуллка навстречу смерти.

Рассмотрим несколько адресов повести, вооружившись московскими справочниками начала 20-х гг. Была ли база Спимата, где работал герой? Нет, буквально такой (Главцентрбазспимата) не было, но были похожие спичечные конторы — «Спичечный синдикат» (Арбат, 42) и звучащее сейчас почти по-булгаковски «Бюро регулирования спичечной промышленности» (Мясницкая²¹, 6, квартира 1). Тем не менее ориентир в «Дьяволади» дан — «спиматовцы» служили в помещении бывшего ресторана «Альпийская роза».

Такой ресторан действительно был в дореволюционное время, и здание его прекрасно сохранилось до наших дней. Теперь это известный «Дом учителя» на Пушечной улице (бывшей до 1922 г. Софийке), 4. Огромные окна и внешний вид здания с улицы поражают вызывающей роскошью своего оформления. Новый фасад был сделан в 1912 г. при перестройке ресторана (автор — инженер П. П. Висневский). В послереволюционные годы здесь находились различные учреждения, а в октябре 1935 г. открылся городской Учительский дом.

До начала 30-х гг. по узкой Пушечной ходил трамвай, почти не оставлявший места для других видов транспорта, кроме разве что извозчиков и мотоциклеток, как это и есть в повести. И именно на трамвае Коротков преследовал по улицам Москвы ускользающих Кальсонеров, добирался на службу, то есть трамвай и трамвайные страсти Булгаков подметил с самого начала своей московской жизни (см. его фельетон «Площадь на колесах») и использовал позже в начальных главах «Мастера и Маргариты».

---

²⁰ Действие порой разительно напоминает сценарий немого кино в жанре трюковой кинокомедии, каких было немало тогда в прокате. Недаром последняя глава так и называется «Парфорсное кино. . .», то есть по аналогии, например, с кино с парфорсной охотой — преследованием зверя по пересеченной местности с применением специально дрессированных «парфорсных собак».

²¹ Теперь улица Кирова.

Построенные на рубеже столетий и в начале века «Московские городские железные дороги» (так называли трамваи) имели более 30 маршрутов, и особенно густую сеть в Центре.

Нас интересует путь взволнованного Короткова из Спимата на Пушечной до серого здания Центроснаба, узнаваемого на нынешней площади Ногина (до 1924 г. Варварской) в больших серых корпусах — в прошлом «Деловом Дворе», построенном в 1913 г. архитектором И. С. Кузнецовым для учреждений, контор и гостиницы. Правда, одна надпись в коридоре нас может направить в соседний, выходящий на Москворецкую набережную дом. Золотая по зеленому с твердым знаком «Дортуар пепиньерок»²² надпись заставляет вспомнить, что в нынешней Военной академии был когда-то Воспитательный дом (учрежденный в 1760-х гг. в качестве приюта для незаконнорожденных и сирот), позже Институт благородных девиц. Уже в советское время здесь — знаменитый «Дворец Труда» с множеством контор, редакций газет и журналов. Одно время там находилась редакция «Гудка», где работал Булгаков вместе с блестящей плеядой сотрудников «Четвертой полосы» — В. Катаевым, Ю. Олешей, И. Ильфом, Е. Петровым. Последние обессмертили это здание в романе «Двенадцать стульев».

Итак, «. . . Коротков вихрем сбежал с лестницы. . . и выбежал на улицу. Короткову повезло. Трамвай в ту же минуту поравнялся с Альпийской Розой. Удачно прыгнув, Коротков понесся вперед. Минут пять Короткова молотило и мяло на площадке, наконец, у серого здания Центроснаба. . . Коротков на ходу вырвался из трамвая. . . поспешил в вестибюль». По Пушечной улице ходил тогда трамвай только одного маршрута — 27-го (позже — 15-го), шедший далее через Лубянскую площадь, площадь Ногина, Китайский проезд.

Еще один эпизод приводит Короткова в поисках некоего «Бюро претензий» в девятиэтажное (называемое также и десятиэтажным) зеленое здание. Туда он стремится из Спимата тоже на трамвае и доезжает довольно быстро, и тоже за пять минут. Приключения в этом здании сходны с поисками переехавшего ЛИТО в «Записках на манжетах». «Бюро претензий» находится на 8-м этаже, в 9-м коридоре, 41-й квартире, комнате 302! (Как не вспомнить тут знаменитый номер 302-бис из «Мастера и Маргариты»!). Вполне возможно, что это тот же дом на Сретенском бульваре, 6, расположенный сравнительно близко от Пушечной улицы с элементами примет первого московского десятиэтажного небоскреба в Большом Гнездиновском переулке, 10.

Об этом доме следует поговорить особо. Построенный в 1913 г. по проекту архитектора Э. К. Нирнзее (архитектор был и его первым владельцем, поэтому дом получил его имя), он занимает

---

²² Пепиньерка (*фр.*) — девушка, окончившая среднее закрытое учебное заведение (женский институт) и оставленная при нем для практики.

все пространство переулка. Его фасад облицован серо-зеленоватым глазурированным кирпичом и плиткой, украшен длинными эркерами. Москвичи называли этот дом домом дешевых квартир для холостяков: разветвленная сеть коридоров, с дверьми по сторонам, многочисленные лестницы, новинка тех лет — три вместительных лифта. На крыше этого дома размещался ресторан с видовой площадкой. Он так и назывался — «Крыша». Здесь были кинематограф, бильярдные, зимний каток, кабаре. В советское время здесь находился 4-й Дом Моссовета, где жили заслуженные революционеры, ветераны партии.

О литературном, театральном значении дома Нирнзее рассказано в статье В. Бессонова «А внизу шумела Москва. . .» (Неделя. 1987. № 44). Этот московский адрес тесно связан с именами Горького и Маяковского, В. Катаева, И. Ильфа, Е. Петрова, Ю. Трифонова. Тесно связан он и с творчеством Булгакова.

Каким же образом? Многими и многими сторонами. Дом Нирнзее, пожалуй, второй после дома 10 на Большой Садовой московский адрес, так полно отразившийся у писателя. Помните А. П. Готфрида — «старика», заведующего ЛИТО? Он жил в этом доме в комнате 527 и проводил у себя заседания подведомственного отдела. На одном из них 8 октября 1921 г. присутствовал и Булгаков.

Возможно, это было его первое знакомство с домом Нирнзее. Позже ему довелось приходить сюда все чаще. Весной 1922 г. на первом этаже дома разместилась редакция газеты «Накануне», активным автором которой, как мы уже знаем, был Булгаков. Здесь же находилась одно время и редакция журнала «Россия», где И. Лежневым публиковались две первые части булгаковской «Белой гвардии».²³

Очерк «Сорок сороков», появившийся в начале 1923 г. в «Накануне», написан как репортаж с нирнзеевской крыши: «Москва лежала, до самых краев видная, внизу. Не то дым, не то туман стлался над ней, но сквозь дымку глядели бесчисленные кровли, фабричные трубы и маковки сорока сороков. . . Цепями огня светились Бульварные кольца, и радиусы уходили к краям Москвы. . . горят сорок сороков на семи холмах. . . дышит, блестит Москва. Москва — мать».²⁴

Дом в Большом Гнездиновском переулке связан не только с началом литературной судьбы писателя. Он памятен Булгакову

²³ Возможно, эту редакцию он описал позже в повести «Тайному другу» и в «Дьяволяде»: «. . . он миновал три двери, увидел на четвертой черную цифру „40“ и вошел в необъятный двухсветный зал с колоннами. В углу лежали катушки рулонной бумаги, и весь пол был усеян исписанными бумажными обрывками. . . ». Там героя повести встречают редактор Ян Собесский и машинистка Персимфанс. Фамилии их пародируют сокращения тех лет. Двойной тезка польского короля и полководца Яна Собесского (1624—1696) хочет заменить фамилию на Соцвосский. Эти фамилии, видимо, произведены от сокращений тех лет: собес — социальное обеспечение, а соцвос — социалистическое воспитание. Персимфанс — так назывался Первый симфонический ансамбль, игравший без дирижера.

²⁴ Булгаков М. Чаша жизни. С. 415, 416, 420.

еще и тем, что в феврале 1929 г. у художников Моисеенко он познакомился с Еленой Сергеевной Шиловой, ставшей прообразом Маргариты. Эта встреча так отразилась в книге: «... Она несла в руках отвратительные желтые цветы... Повернула с Тверской в переулок и тут обернулась. Повинуясь этому желтому знаку, я тоже свернул в переулок и пошел по ее следам. Мы шли по кривому скучному переулку безмолвно, я по одной стороне, она по другой, и не было, вообразите, в переулке ни души...».

В повести «Роковые яйца» также указаны точные даты, адреса, фамилии, хотя случается уж совсем почти неправдоподобная история. Автор оперирует такой массой деталей и живых примет времени, что этой истории всерьез поверили американские газеты и напечатали о страшных событиях в далекой России как о реально происшедшем, что очень позабавило бывшего там тогда В. Маяковского.

В «Роковых яйцах» профессор Персиков открывает собой целую галерею булгаковских подвижников-творцов, чьи великие достижения либо не находят признания у современников, либо утверждаются ценой больших страданий и жертв. Таков и профессор Преображенский в «Собачем сердце», академик Ефросимов в пьесе «Адам и Ева», таков инженер Рейн в пьесе «Блаженство», и, наконец, в «Мастере и Маргарите» тема творца находит свое завершение в образе главного героя, а третий булгаковский профессор, психиатр Стравинский, играет уже вспомогательную роль.

Каковы же источники произведения, прототипы главных героев, топографические адреса? Упомянутый в тексте повести роман Г. Уэллса «Пища богов» — один из источников его фабулы. Правда, у Уэллса речь идет о чудесной пище, ускоряющей рост живых организмов и развитие интеллектуальных способностей у людей-гигантов, причем рост физических и духовных возможностей человечества приводит в романе к более совершенному миропорядку и столкновению мира будущего — мира людей-гигантов с миром прошлого — миром людей-пигмеев. Нетрудно заметить полемичность Булгакова по отношению к Уэллсу. В повести отразился и другой роман английского фантаста — «Борьба миров», особенно в сцене гибели гигантских пресмыкающихся от небывало ранних августовских морозов (у Уэллса марсиане гибнут от земных микробов).

У повести обнаруживаются и более неожиданные источники. Как отмечает ленинградский литературовед В. П. Купченко, М. А. Волошин из Крыма прислал Булгакову вырезку из одной феодосийской газеты 1921 г., где говорилось «о появлении в районе горы Кара-Даг огромного гада, на поимку которого была отправлена рота красноармейцев». Еще один несомненный источник — книга В. Б. Шкловского «Сентиментальное путешествие», вышедшая двумя изданиями в 1923 и 1924 гг. в Берлине, Москве и Ленинграде. У Шкловского описываются, в частности, слухи,

циркулировавшие в Киеве в дни петлюровщины среди части русской буржуазии и интеллигенции, бежавшей на Украину от Советской власти и возлагавшей все надежды на Антанту: «Рассказывали, что у французов есть фиолетовый луч, которым они могут ослепить всех большевиков, и журналист Борис Мирский написал об этом луче фельетон „Болезнь красавица“. Красавица — старый мир, который нужно лечить фиолетовым лучом. И никогда раньше так не боялись большевиков, как в то время. Рассказывали, что англичане — рассказывали это люди не больные — что англичане уже высадили в Баку стада обезьян, обученных всем правилам военного строя. Рассказывали, что этих обезьян нельзя распропагандировать, что идут они в атаку без страха, что они победят большевиков». Это место Булгаков спародировал, превратив ослепляющий фиолетовый луч в красный луч жизни, а вместо похода диковинных обезьян на большевиков дал яркую картину похода на Москву гигантских пресмыкающихся, вылупившихся из яиц, также присланных из-за границы. Меры же по закрытию границ для защиты от «куриного мора» напоминают политику «санитарного кордона», проводившуюся буржуазными государствами против Советской России.

Есть еще один (а может, найдутся аналогичные другие), уже отечественный и современный Булгакову «московский» источник фантастического сюжета: опыты московского профессора Гурвича. О них, возможно, писали и раньше в газетах и научной прессе, но вот какую заметку опубликовали в Ленинграде в год выхода повести: «Открытие луча жизни. Опыты профессора Гурвича. Московским биологом профессором А. Г. Гурвичем сделано изумительное открытие, одно из необычайных открытий нашего века, обещающее, может быть, передачу в руки людей власти над самым непокорным и сокровенным явлением природы — жизнью. Профессор Гурвич уже несколько лет работает над явлением размножения клеток животных и растений. Размножаются клетки, как известно, делением. Клетки луковицы, лежащей под микроскопом, стали необыкновенно сильно и быстро делиться. Профессор Гурвич предположил, что излучаются какие-то особые, неизвестные лучи, действующие на расстоянии на живые клетки и сообщающие этим клеткам громадный толчок к размножению. Это предположение полностью оправдалось на опыте. Новые загадочные лучи, названные профессором Гурвичем „лучом жизни“, по своей природе оказались схожими со световыми, с рентгеновскими, с электромагнитными лучами. Невозможно предсказать сейчас же перспективы этого удивительного открытия».²⁵

Действительно, верны ли прогнозы анонимного автора этой заметки — предсказать оказалось невозможным ни «сейчас же», ни теперь. Что стало с открытием профессора Гурвича неизвестно, во всяком случае за прошедшие 60 лет ничего похожего в современной биологии не наблюдалось. А сенсационный характер

²⁵ Новая вечерняя газета. 1925. 17 октября.

подачи материала, терминология («луч жизни») совпадает практически полностью со стилем булгаковского Альфреда Бронского.

В своем герое писатель объединил черты ряда известных и менее известных ученых. В первую очередь это великие естествоиспытатели И. П. Павлов и К. А. Тимирязев,²⁶ не оставившие молодую Советскую республику в трудные послереволюционные годы, несмотря на все приглашения западных научных кругов. Так же поступил и Персиков. Одним из возможных и наиболее близких к реальности прототипов мог быть видный московский биолог и врач-патологоанатом А. И. Абрикосов (1875—1955). И не только из-за аналогии «фруктового» происхождения фамилий, но и из-за того, что булгаковский герой работал там же, где и его прототип, — в клинике 1-го МГУ, в здании на улице Герцена, 6, — нынешнем Зоологическом музее.²⁷

Есть и еще кандидаты на роль прототипа Персикова. Так, М. Чудакова находит сходство биографических черт зоолога А. Н. Северцова, преподававшего в МГУ, и героя повести. В ученике Северцова Б. С. Матвееве — ассистента профессора Иванова, в слугителе Зоомузея Феликсе — сторожей Зооинститута в «Роковых яйцах» Власа и Панкрата.²⁸

Если А. Н. Северцов жил в профессорских квартирах здания того же Зоологического музея, то Булгаков помещает своего героя на любимую им Пречистенку — в пятикомнатную квартиру вместе с экономкой, сухонькой старушкой Марьей Степановной. Пречистенка, уже тогда переименованная в Кропоткинскую улицу, была для писателя особенным местом. Не только потому, что это первая улица в Москве, которую он узнал, приезжая к своему дяде Николаю Михайловичу Покровскому в дом 24 этой улицы; не только потому, что жил там в Чистом переулке (во флигеле дома 9) в 1924—1926 гг., но главным образом потому, что атмосфера «пречистенцев» с самой улицы и окрестных переулков была ему чрезвычайно близка по духу и дала многих близких друзей практически на всю жизнь. Кроме уже известных нам Лямыных, Топлениновых, Морицев, Шапошниковых можно упомянуть филолога Б. И. Ярхо (ставшего прототипом Феси из ранних редакций «Мастера и Маргариты»), писателей С. С. Заяицкого, В. И. Долгорукого, А. Н. Тихонова, поэта С. В. Шервинского, композитора С. Н. Василенко, историка С. К. Шамбинаго, врача А. А. Арендта (потомка лейб-медика Арендта, бывшего при Пушкине во время его смертельной болезни; А. Арендт пытался спасти Булгакова в последние дни жизни писателя), искусствоведа А. Г. Габричевского, философа Г. Г. Шпета.

²⁶ По воспоминаниям В. П. Катаева на вопрос Булгакова В. Маяковскому, как назвать профессора будущей повести, тот посоветовал — «Тимирязев».

²⁷ Напротив Большой Пироговской, 35-а, находится Абрикосовский переулок, названный в честь ученого, установлен его бюст.

²⁸ Москва. 1987. № 8. С. 45.

Драматург С. А. Ермолинский, живший со своей женой М. А. Чемишкиан в Мансуровском переулке у Топлениновых, тоже принадлежал к кругу пречистенских друзей Булгакова и его второй жены Л. Е. Белозерской. Он вспоминал позже так об этом времени: «На бывшей Пречистенке, в ее кривых и тесных переулках, застроенных уютными особнячками, жила особая прослойка московской интеллигенции. . . Здесь истари селилась московская профессура, имена ее до сих пор составляют гордость русской общественной мысли. В двадцатые годы эти традиции как бы сохранялись, но они теряли живые корни, продолжая существовать искусственно, оранжерейно. Советские „пречистенцы“ жили келейной жизнью, они писали литературоведческие комментарии, выступали с небольшими, сугубо академическими статьями и публикациями в журналах и бюллетенях. Жили они в тесном кругу, общаясь друг с другом. . . в их комнатах громоздилось красное дерево, старые книги, бронза, картины. Они были островитянами в мутном потоке нэпа, но в равной степени отделены от всякой новой, формирующейся культуры».²⁹

Такого «пречистенца» изобразил Булгаков, перенеся его в свою фантастическую Москву лета 1928 г. Мы уже знаем, как он покончил с жилищным кризисом, а вот несколько зарисовок, так сказать, культурной жизни: «На Театральной площади вертелись белые фонари автобусов, зеленые огни трамваев; над бывшим Мюр и Мерилизом, над десятим надстроенным на него этажом, прыгала электрическая разноцветная женщина, выбрасывая по буквам разноцветные слова „рабочий кредит“. В сквере против Большого театра, где был ночью разноцветный фонтан, толкалась и гудела толпа. А над Большим театром гигантский рупор завывал. . .

Театральный проезд, Неглинный и Лубянка пылали белыми и фиолетовыми полосами, брызгали лучами, выли сигналами, клубились пылью. Толпы народа теснились у стен у больших листов объявлений, освещенных резкими красными рефлекторами. . .

В Петровских линиях зелеными и оранжевыми фонарями сиял знаменитый на весь мир ресторан „Ампир“, и в нем на столиках, у переносных телефонов, лежали картонные вывески, залитые пятнами ликеров: „По распоряжению — омлета нет. Получены свежие устрицы“.

В Эрмитаже, где бусинками горели китайские фонарики в неживой, задушенной зелени, на убивающей глаза своим пронзительным светом эстраде куплетисты Шрамс и Карманчиков пели куплеты, сочиненные поэтами Ардо и Аргуевым. . .

Театр имени покойного Всеволода Мейерхольда, погибшего, как известно, в 1927 г. при постановке пушкинского „Бориса Годунова“, когда обрушились трапеции с голыми боярами, выбросил движущуюся разных цветов электрическую вывеску, возвещавшую пьесу писателя Эрендорга „Курий дох“ в постановке

²⁹ Ермолинский С. Драматические сочинения. М., 1982. С. 607—608.

ученика Мейерхольда, заслуженного режиссера республики Кухтермана. Рядом, в Аквариуме, переливаясь рекламными огнями и блестя полуобнаженным женским телом, в зелени эстрады, под гром аплодисментов шло обозрение писателя Ленивцева „Курицыны дети“. А по Тверской, с фонариками по бокам морд, шли вереницею цирковые ослики, несли на себе сияющие плакаты. В театре Корш возобновляется „Шантеклэр“ Ростана.

Мальчишки-газетчики рычали и выли между колес моторов:

— Кошмарная находка в подzemелье! Польша готовится к кошмарной войне!! Кошмарные опыты профессора Персикова!!

В цирке бывшего Никитина, на приятной пахнувшей навозом коричневой жирной арене мертвенно-бледный клоун Бом говорил распухшему в клетчатой водянке Биму:

— Я знаю, отчего ты такой печальный!

— Отциво? — пискливо спрашивал Бим.

— Ты зарыл яйца в землю, а милиция 15-го участка их нашла.

— Га-га-га, — смеялся цирк так, что в жилах стыла радостно и тоскливо кровь, и под стареньким куполом веяли трапеции и паутина.

— А-ап! — пронзительно кричали клоуны, и кормленная белая лошадь выносила на себе чудной красоты женщину, на стройных ногах, в малиновом трико. . .»³⁰

Как позже в «Театральном романе» и «Мастере и Маргарите», Булгаков сатирической кистью прошелся по своим современникам — писателям, журналистам, театральным деятелям. О В. Э. Мейерхольде достаточно резко написано уже в очерке «Столица в блокноте» («Биомеханическая глава»), здесь — применен и «черный юмор». В коллеге Альфреда Бронского, заведующем литературной частью Валентине Петровиче, любителе выражений «пара минуточек», «за кур», узнается бывший одессит В. П. Катаев. В писателе Эрендоре — И. Г. Эренбург, в журналисте Колечкине — М. Е. Кольцов, в Ленивцеве — Н. Я. Агнивцев, в поэтах Ардо и Аргуеве — современники Булгакова А. М. Арго и Н. А. Адуев. Есть прототипы у куплетистов Шрамса и Карманникова, режиссера Кухтермана.

То же с топографией. Ресторан «Альказар» был некогда на Большой Садовой, а «Ампир» — нынешний «Будапешт». Здание бывшего театра Корша на теперешней улице Москвина занимает одна из трупп разделившегося Художественного театра, в бывшем цирке братьев Никитиных сегодня Театр сатиры (это здание писатель вспомнил в своем последнем романе, изобразив варьете, где устраивают сеанс черной магии Воланд и его присные).

В повести «Собачье сердце» действие происходит на довольно ограниченном пространстве в квартире профессора Филиппа Филипповича Преображенского. Сравнительно мало и действующих

³⁰ Булгаков М. Чаша жизни. С. 86—88.

лиц — ассистент профессора доктор Борменталь, подопытное существо Шариков, прислуга профессора Зина и Дарья, домком во главе со Шондером и еще несколько вспомогательных персонажей.

Сюжет и тема повести опираются на реальные факты, а персонажи и место действия имеют биографическую и литературно-топографическую основу.

В начале 1920-х гг. идея омоложения человека путем пересадки различных органов от обезьяны и других животных широко обсуждалась и в нашей стране, и в Европе. Шел даже научно-популярный кинофильм под названием: «Омоложение. Победа человека над природой. По опытам профессора Э. Штейнаха, продемонстрированным на животных и людях». Об этом безусловно знал автор повести, и хлещущее в метели полотнище с надписью: «Возможно ли омоложение?» — вряд ли было его большим преувеличением.³¹

Прототипом Филиппа Филипповича большинство исследователей считают дядю писателя по матери Николая Михайловича Покровского (1878—1942). Он, как и его брат, Михаил Михайлович, был врачом. Их адреса значатся в дореволюционных и начала 20-х гг. московских адресно-справочных книгах: «Покровский Н. М. — женские болезни — Обухов переулоч, 1, квартира 12» и «Покровский М. М. — венерические болезни — Пречистенка, 24, квартира 12». А по существу их адрес был один — в угловом доме постройки 1904 г. домовладельца-архитектора С. М. Калугина (в повести — Калабухина), в бельэтаже второго подъезда.

Замена фамилии Покровского на Преображенского весьма прозрачна, и, кроме того, в соседнем Мертвом переулочке (он упомянут в повести, а нынешнее его название — переулоч Н. А. Островского) жил уже подлинный Преображенский, В. И., и тоже врач-венеролог (дом 7, квартира 1).

Следует отметить, что дядю Булгаков уже выводил в своих произведениях. В «Москве 20-х годов» читаем, как боролись с уплотнением знакомые рассказчика: «Николай Иванович отыгрался на двух племянницах. Написал в провинцию, и прибыли две племянницы. Одна из них ввинтилась в какой-то ВУЗ, доказав по всем швам пролетарское происхождение, а другая поступила в студию. Умен ли Николай Иванович, повесивший себе на шею двух племянниц в столь трудное время? Не умен-с, а гениален. Шесть комнат остались у Николая Ивановича. Приходили с портфелями и без портфелей и ушли ни с чем. Квартира битком набита племянницами. В каждой комнате стояла кровать, а в гостиной — две».

Николай Иванович — здесь Николай Михайлович, живший вдвоем с братом, а также экономкой-горничной и кухаркой

³¹ М. Чудакова указывает (Знамя. 1987. № 6) также на другие источники этой темы: сборник статей «Омоложение» под редакцией профессора Н. К. Кольцова (1924 г.), статьи проф. Шипачева, А. М. Василевского, И. Полтавского, и др.

в шести комнатах 12-й квартиры (в повести она заменена на 5-ю). Племянницы — дочери сестры Александры и брата Митрофана приехали в 1920 г. Одна из больших комнат квартиры при этом была перегороджена, и стало семь комнат, расположение которых нашло точное отражение в описании квартиры Филиппа Филипповича. Все сохранилось в практической неприкосновенности до наших дней, и сегодня в этой легендарной квартире можно найти кабинет и спальню профессора, смотровую, комнату Дарьи и Зины. Даже мелкие детали интерьера, связанные с эпизодом Шарикова в ванной (погоня за котом и порча крана), остались целы.

Племянницы Александра Андреевна и Оксана Митрофановна дожили до наших дней. Последняя до конца 70-х гг. жила в этой квартире нынешнего Чистого переулка. Невестка Александры Андреевны — Мария Степановна Бархатова жила там до недавнего времени. Из их рассказов и фотографий воссоздается облик самого Николая Михайловича: представительный, внушительный и уверенный вид, громкий голос, пушистые усы и остроконечная борода, — словом очень похож на него герой повести, которого автор сравнивает с французскими рыцарями.

И все-таки профессор Преображенский, как и все у Булгакова, не буквальная копия своего реального прототипа. Фигура эта собирательная. Никогда, конечно, ни Николай Михайлович, ни его брат не проводили таких фантастических операций и не занимались практикой по омоложению, хотя этот вопрос, видимо, не раз обсуждался в их гостеприимном доме, и, возможно, в присутствии Булгакова. В образ «колдуна с Пречистенки» могли войти черты и других врачей, соседей и братьев Покровских.

Не только квартиру своего дяди описал Булгаков топографически точно. Сама Пречистенка тех времен со страниц книги выглядит как живая. И если повторить сегодня путь пса Шарика от метельной подворотни на Пречистенке до двери бельэтажной квартиры, куда привел его «собачий благодетель», можно найти практически все приметы литературной топографии повести.

С жалобного обиженного воя больной собаки, как мы уже знаем, начинается первая глава.

Повар столовой «нормального питания» обварил ему бок кипятком, и в морозной метели никто не может помочь: ни другая собака (он — «холостой бродячий пес»), ни «машинисточка IX разряда», спешившая в «кружевном белишке» и в «любовниковых чулках» со службы из казенного здания. Однако счастливая случайность спасает пса от верной гибели: из кооперативного магазина напротив через улицу выходит человек и в руках у него сверток с купленной краковской колбасой, собака учуяла ее через метель, выползает на запах, получает от «господина в шубе» (мы уже догадались, что это профессор Преображенский) кусок «краковской» и следует за ним по Пречистенке в Обухов переулок.

Направление движения явно от центра, от Пречистенских ворот: по пути их следования находится и Мертвый переулок,

где пес «поцеловал профессора в ботинок и напугал какую-то даму», и здание пожарной части (оно существует до сих пор: Кропоткинская улица, 22, угол с Чистым переулком, напротив дома номер 1), где пожарники играли на валторне.

Эти реальные ориентиры позволяют с достаточной точностью определить место завязки повести. Здание с воротами, под которыми лежал больной Шарик, легко узнается в бывшем доме ЦЕКУБУ — Центральный комитет улучшения быта ученых (ныне «Дом ученых» — Кропоткинская улица, 16). Старинный экзотической архитектуры особняк фабрикантов Коншиных (построен в екатерининское время, но современный вид приобрел в 1910 г., архитектор А. О. Гунст) до сих пор сохранил старинные ворота с сидящими на них львами,³² и путь Шарика прослеживается с точностью до метра. Магазин, где купил «краковскую» профессор, как и в повести, находился до недавнего времени наискось-напротив зорот «Дома ученых». Теперь его уже нет на Кропоткинской улице, 9 (угол со Всеволожским переулком).

Вернемся на страницы повести: ученый и его новый друг, пес Шарик, подошли к подъезду в Обуховом переулке, где их (к немалому удивлению пса) уважительно встречает швейцар Федор, который еще не раз появится в профессорской квартире. А в вестибюле парадного сохранилось до сих пор много деталей интерьера, некоторые из них воссоздают описанную Булгаковым обстановку. На первом этаже лестницы слева можно увидеть узкие ступеньки в подвал, в швейцарскую; рядом с ней легко представить себе калошную стойку, ту самую, из которой исчезли калоши после революции. При входе на верхний этаж нам нужно будет также сделать два поворота по лестнице, на нас повеет (при зимнем путешествии) теплом, как и в повести на пса, от радиаторов батарей (пусть и новой, современной конструкции). Но вазонов с цветами мы, как и Преображенский, не увидим: от них остались лишь придверные выступы — основания.

Еще большее открытие нас ждет при виде двери в двенадцатую квартиру: она, как и в повести, стеклянная с сохранившимися хрустально-гранеными фасетками толстого зеркального стекла. Кажется, несмотря на прошедшие годы, — позвонишь, дверь «вспыхнет неожиданным и радостным светом», откроется, перед нами появится горничная Зина. . .

В самой семикомнатной квартире, как уже отмечалось, сохранилось все как было и во время братьев Покровских, и во время профессора Преображенского. При известной степени воображения можно увидеть слева и громадное зеркало, в котором в свете «опалового тюльпана» — люстры³³ — изумленно отразился

³² Эти львы, думается, лишнее свидетельство тому, что именно здесь лежал бедный Шарик. В следующих главах повести так сказано об уже поправившемся псе: «Шарик лежал на плите (на кухне. — Б. М.), как лев на воротах».

³³ Упомянутая в тексте другая люстра со стеклянными цветами-лепестками, старинным подъемно-опускным механизмом (противовес — груз из охотничьей дробы) сохранилась у М. С. Бархатовой.

вошедший Шарик, а справа — вешалку, с которой пьяные собутыльники будущего Полиграфа Шарикова украли малахитовую пепельницу, палку-трость и бобровую шапку профессора. Справа, сразу за вешалкой, дверь в комнату Зины, впереди — в приемную, где пациентов Филиппа Филипповича встречал его ассистент, доктор Иван Арнольдович Борменталь,³⁴ «тяпнутый» за ногу Шариком во время первого знакомства. . .

Пройдя приемную, окажемся в кабинете профессора. Конечно, сейчас это уже покинутая жильцами комната. В квартире сохранились лишь медицинские столики, когда-то используемые для инструментов братьями Покровскими. Из кабинета (дверь налево) попадаем в узкий коридорчик, ведущий сразу в четыре двери (двери старинные, филенчатые, со сложной ручной столярной работой, медными ручками) — в спальню, столовую, смотровую и операционную. Здесь проходили многие события в профессорской квартире. Застольные и кабинетные беседы ученого, его ассистента и выращенного им «человека» с собачьим сердцем. Знаменитые операции. Усмирение пьяного Полиграфа и борьба со сделанным им маленьким наводнением. Визиты Швондера и других «жилтоварищей», изумление милицейских и обморок следователя при виде полу-Шарикова—полу-Шарика. . .

Самым любимым местом пса и выращенного из него хулигана Полиграфа³⁵ была конечно же кухня, царство кухарки Дарьи Петровны. И это по-своему понятно. Но великолепное описание «колдовства» кухарки при готовке заставляет констатировать, что автор знал и этот, казалось бы, далекий от него предмет. На кухне, конечно, не осталось ни следа от старой печи и полатей, где любил прохладиться Шариков, но дверь черного хода, в которую, прослышав про таинственные опыты профессора с омоложением, лезли к нему в квартиру обыватели и корреспонденты, служит исправно.

«Калабуховский дом», созданный фантазией Булгакова хоть и на реальной основе, заселен и другими персонажами, так или иначе соприкасавшимися с Преображенским. В третью квартиру бывшего «буржуя» Саблина вселили четырех «жилтоварищей»: Швондера, Вяземскую, Петрухина и Шаровкина. Где-то рядом «живут или жили» бывший сахарозаводчик Полозов и некая мадам Поласухер, чью кошку убил Шариков.

Шарик—Шариков — главный герой повести — тесно связан с тем городом и людьми, плохими и хорошими, которые его окружают. Видимо, не случайно детство щенка Шарика и конец жизни

---

³⁴ Ни людская память, ни архивы не сохранили имени человека, который мог бы быть прообразом И. А. Борменталья. По всей видимости, у Николая Михайловича Покровского не было специального ассистента-ученика. С похожей фамилией был в действительности специалист по женским болезням и акушерству доктор А. Г. Боргест, живший в Трехпрудном переулке.

³⁵ Имя Полиграф Полиграфович новоиспеченный «человек» взял из настенного календаря. Интересно, что подобный календарь существовал и в действительности.

того. так сказать мужчины-донора, убитого в пивной. — Клим Чугункина. — соединяются на одной и той же Московской окраине: Преображенской заставе.³⁶ В воспоминаниях-снах Шарика это «необъятный, залитый солнцем московский двор, вольные псы — побродяги». В одном из подобных значных мест, которых в 20-е гг. было достаточно и в районе Преображенки (на пути к рынку, в начале Большой Черкизовской улицы), был убит Клим. В повести эта пивная называлась «Стоп-сигнал», и это название не вымышленное.

Строки повести, описывающие первые шаги молодого Шарика по городу в поисках пропитания, переносят нас в Москву начала 20-х гг., сохранившую в нэпманских магазинах многое из дореволюционной торговли. В частности, трест «Главрыба» находился на Рождественском бульваре, 12; ресторан «Бар» — в Неглинном проезде, 2; вместо электротехнических магазинов братьев Голубизнер на Мясницкой сегодня магазин «Электротовары» на улице Кирова.

Бывал Шарик и в Сокольниках, и в других местах Москвы, которые были достаточно исхожены автором повести.

Нет, не мог ужиться такой гнусный субъект, как Шариков, в одной квартире с профессором Преображенским, не был он и понастоящему человеком: «...он говорил? — Это еще не значит быть человеком». — уверенно заявляет ученый, «предъявляя» властям возвращающегося снова в собачий облик Шарикова.

Поэтому, с удовлетворением воспринимает читатель прежнюю дооперационную идиллию: Шарик лежит на ковре в кабинете профессора. Горячий поклонник, как и сам автор, Большого театра, и особенно его оперы «Аида». Филипп Филиппович Преображенский напевает вполголоса знаменитую арию верховного жреца Рамфиса: «К берегам священных Нила...».

Этими словами кончается булгаковская фантастико-сатирическая повесть, и этими же словами закончим наше повествование о литературно-топографическом путешествии по ее страницам и по другим страницам избранной прозы Михаила Булгакова.

---

³⁶ Хочется даже предположить, что и фамилия ученого выбрана автором отчасти в связи с этим географическим названием: Преображенский преобразует живые существа для научного эксперимента.

II

Я. С. Лурье

РУКОПИСИ М. А. БУЛГАКОВА В ПУШКИНСКОМ ДОМЕ

Фонд М. А. Булгакова в ИРЛИ (ф. 369) значительно уступает по своему объему и значению аналогичному фонду в Государственной библиотеке СССР им. В. И. Ленина, хотя превосходит собрания рукописей писателя в остальных хранилищах — ЦГАЛИ, Музее МХАТ и еще нескольких. Фонд был дважды кратко охарактеризован в двух печатных описаниях — в «Обзоре историко-литературных архивных материалов XVIII — XIX вв., поступивших в Рукописный отдел ИРЛИ (Пушкинский Дом) АН СССР за 1958—1961 гг.» М. И. Маловой и Н. Т. Панченко¹ и в обзорной статье Э. К. Райта и Дж. Кёртис «Выборочный перечень материалов М. Булгакова в советских архивах».² В обзоре Райта и Кёрти отмечено, что составители не могли ознакомиться с личной корреспонденцией в собрании ИРЛИ и с описью фонда; некоторые сведения были получены ими из ссылок в работах других исследователей.

В настоящее время фонд состоит из 578 единиц. Основную часть его составляют материалы, переданные третьей женой и основной хранительницей наследия М. А. Булгакова — Е. С. Булгаковой (1893—1970) еще при ее жизни; эта часть фонда (564 единицы) имеет машинописную опись, составленную Г. Г. Поляковой 24 апреля 1972 г. Е. С. Булгакова передала рукописи М. А. Булгакова в Пушкинский Дом еще при жизни — в 1958—1966 гг. — по предложению тогдашнего руководителя отдела Б. В. Томашевского. Переданы были рукописи, которые уже Е. С. Булгакова опубликовала («Дни Турбиных», «Последние дни (Пушкин)», «Бег», перевод «Скупого» Мольера) или не предполагала публиковать (инсценировка «Войны и мира», «Курс истории

¹ Малова М. И., Панченко Н. Т. Обзор историко-литературных материалов XVIII—XX вв., поступивших в РО ИРЛИ за 1958—1961 гг. // Ежегодник Пушкинского Дома за 1969 г. Л., 1971. С. 90—91.

² Wright A. C., Curtis J. Partial Check-List of Bulgakov's Materials in Soviet Archives. Canadian-American Slavic Studies. 15 (1981). P. 446—450.

СССР»), вырезанные тексты напечатанных рассказов, подготовленный Е. С. Булгаковой машинописный первый том «Сочинений» (фельетоны, очерки, рассказы 1922—1930 гг.), составленные самим Булгаковым и частично Е. С. Булгаковой альбомы, связанные с постановкой его пьес, деловые документы, часть переписки и т. д. В 1966 г. Е. С. Булгакова отказалась от своего первоначального намерения и стала передавать основной фонд рукописей Булгакова в Библиотеку им. В. И. Ленина (однако выходявшие после 1966 г. издания Булгакова она продолжала передавать в Пушкинский Дом со своими дарственными надписями).

В 1978 г. в Пушкинский Дом поступили рукописи и фотографии от Л. Е. Белозерской, бывшей замужем за М. А. Булгаковым в 1924—1932 гг. Эта часть фонда невелика по объему (ед. хр. 565—576); она также имеет машинописную опись Г. Г. Поляковой. В 1987—1988 гг. от А. П. Кончаковского и Г. А. Крыловой в Рукописный отдел поступили фотографии М. А. Булгакова (в группе) и А. А. Глаголева (духовника писателя в юные годы); материалы эти (ед. хр. 577—578) внесены в опись Л. Ивановой.

В машинописной описи материалы фонда М. А. Булгакова (кроме материалов Л. Е. Белозерской) распределены по четырем большим разделам.

I. Произведения М. А. Булгакова (в этот раздел входят не только тексты его произведений, но и связанная с ними переписка, договоры, альбомы с материалами о постановке пьес и т. д.).

II. Письма Булгакова к разным лицам.

III. Письма разных лиц Булгакову.

IV. Биографический материал (удостоверения, заявления, договоры, деловые письма и т. д.).

Разумеется, распределение рукописей по этим рубрикам неизбежно условно: многие из писем (от отдельных лиц и учреждений), помещенных в раздел III, подобно письмам, попавшим в раздел I (куда включена, например, переписка с В. В. Вересаевым), имеют деловой характер и связаны с теми или иными сочинениями писателя (просьба о присылке текста, разрешении на перевод и т. д.); договоры также содержатся в разных разделах — I, III (проект договора с издательством «Накануне» об издании «Записок на манжетах» № 450) и IV. Нумерация всех единиц хранения — сквозная (нумерация приводится далее без знака «№»).

В настоящем описании мы в основном стремились сохранить тот же порядок, однако письма, наиболее важные для характеристики творческих рукописей Булгакова, мы упоминаем (приводя номера, но называя корреспондента лишь в наиболее важных случаях) в части I; часть II целиком посвящена корреспонденции Булгакова (письма от него и к нему), но сюда же включена и характеристика наиболее важных писем, включенных в раздел I машинописной описи. Часть II разбита на следующие рубрики:

1) переписка с родными (включая Л. Е. Белозерскую), 2) переписка с друзьями, 3) переписка с писателями, 4) переписка с деятелями искусства, 5) переписка с общественными деятелями, 6) переписка с другими корреспондентами (начинающие писатели, просители и т. д.). Часть III посвящена документальным памятникам.

I

Из творческих рукописей М. А. Булгакова, находящихся в Пушкинском Доме, наибольший интерес представляют машинописные списки (рукописи не сохранились) пьесы «Белая гвардия» (первоначальное название) — «Дни Турбиных» (название третьей редакции). Экземпляр наиболее ранней версии (РО ИРЛИ, ф. 369, № 1), содержащий авторские поправки и изменения, кладется в основу вышедшего ныне в свет издания театрального наследия Булгакова, экземпляры третьей редакции (2 и 3) также весьма ценны.³ Здесь же литографированный текст (290), верстка издания 1955 г. (291) и печатные тексты 1955—1965 гг. (292—294) с дарственными надписями Е. С. Булгаковой. Здесь же машинописный текст перевода на английский язык (4) (печатный текст немецкого перевода 2-й редакции «Белой гвардии» содержится в фонде под № 288; печатный текст английского перевода — под № 289). Из советских театров Булгаков заключал договоры на постановку «Дней Турбиных» с Большим драматическим театром в Ленинграде (5), двумя киевскими театрами (6, 54), вел переговоры с директором Ташкентского театра Л. Иостом (18, 43), директором Крымского театра Я. Варшавским (29), режиссером Ашхабадского театра Гавриловым в 1936 г. (16, 36). Постановке в МХАТ предшествовал протокол совещания Главреперткома от 25 июня 1926 г. (12);⁴ еще в 1925—1926 гг. Булгаков получал в связи с этой пьесой письма из Общества драматических писателей и композиторов в Москве (МОДПиК) (50); с пьесой связано и письмо из Главлита в Драмсоюз 1928 г. (73) о том, что пьеса в Главлит не поступала. С гастрольными мхатовскими спектаклями «Дней Турбиных» связана переписка с Ленинградом (8, 61, 62, 328, 436) и Киевом (17, 38), а также заявление в Управление авторских прав и доверенность, выданная Ф. И. Михальскому в 1934—1935 гг. (11). Переписка с советскими корреспондентами о «Днях

³ Ср.: *Лурье Я. С. М. Булгаков в работе над текстом «Дней Турбиных» // Проблемы театрального наследия М. А. Булгакова. Л., 1987. С. 21—22, 28—29. Тексты «Белой гвардии» и «Дней Турбиных» опубликованы нами в издании: Булгаков М. Пьесы 20-х годов. Л., 1989, с. 35—160. Предшествующие издания «Дней Турбиных» см.: Булгаков М. Дни Турбиных. Последние дни (Пушкин). М., 1955; Булгаков М. Пьесы. М., 1962; Булгаков М. Драмы и комедии. М., 1965.*

⁴ Другой список этого же протокола — в Музее МХАТ. Выписка из протокола содержится также в Альбоме I Булгакова (75). Ср.: *Смелянский А. М. Михаил Булгаков в Художественном театре. М., 1986. С. 94—95.*

Турбиных» весьма обширна. Она включает 2 письма Московского общества писателей и композиторов (МОДПиК) 21 декабря и 20 апреля 1926 г. о предполагаемой читке пьесы в МОДПиК (50), письмо В. В. Лужского 1926 г. в связи со спорами о переделке пьесы⁵ (48; ср. другое письмо Лужского — 75, л. 13), письмо Театрального книжного магазина 1926 г. о присылке «Дней Турбиных» и «Зойкиной квартиры» (63), письмо, телеграмму и расписку В. В. Швейцера 1926 г. о получении текста пьесы для Бакинского театра (68), письмо В. И. Званского 28 ноября 1932 г. (42), к которому мы обратимся в дальнейшем изложении, письмо работника Дворца культуры из Донбасса В. И. Ланского 13 февраля 1934 г. с просьбой прислать пьесу (47), карандашную записку 26 марта 1934 г. (подпись неразборчива) с просьбой представителя Интуриста С. М. Богомолова дать экземпляр пьесы американскому послу Буллиту (44), письмо Г. М. Танина 16 февраля и ответ Е. С. Булгаковой 22 февраля 1935 г. по поводу судебного дела, связанного с постановкой «Дней Турбиных» (62), а также ряд писем, которые будут упомянуты в последующем тексте «Описания» (342, 350, 357, 398, 425, 435, 491, 504).

Еще более обильны письма зарубежных театральных деятелей, издателей и переводчиков с предложениями перевести или поставить пьесу. Среди них письмо И. Готца (по-немецки) 12 ноября 1926 г. о переводе пьесы на немецкий язык (39), письмо (с визитной карточкой) М. Гиршмана 20 декабря 1926 г. о переводе пьесы и постановке на европейской сцене (37), письма З. А. Венгеровой 27 декабря 1926 г. с предложением о постановке пьесы в Англии (33), письмо П. Де Ваттин (De Wattine) 21 марта на французском языке о переводе пьесы и ее постановке на нидерландской сцене (31), письмо А. Е. Шульца 12 апреля 1927 г. о переводе пьесы на норвежский язык (69), 2 письма Э. Ю. Блока 16 апреля — 30 мая 1927 г. о переводе на немецкий язык и возможной постановке пьесы (27), 4 письма Н. В. Попова 27 апреля — 21 июня 1927 г. о переводе и постановке пьесы во Франции (52), письмо Ф. Б. Рота 1 ноября 1927 г. о переводе «Дней Турбиных» и «Зойкиной квартиры» Вассербауером (58), 2 письма (по-французски с русским переводом) театральной компании Питоева (Pitoëff) 8 ноября — 17 декабря 1927 г. о французском переводе и постановке пьесы во Франции и копия письма компании Питоева А. В. Луначарскому (53), письмо о переводе пьесы на немецкий язык А. М. Вассербауера и 2 черновика (порванных) договора о переводе 23 ноября 1927 г. (39; ср. 101), 4 письма А. М. Ардова 21 ноября — 29 февраля 1928 г. о постановке пьесы в Латвии и других государствах (25), 2 письма Г. Бибермана без даты и 23 ноября 1927 г. о постановке пьесы в США (26), 2 письма М. Булгакова Г. Биберману 12 декабря 1927 г. и без даты (по-английски, копии по-русски) о постановке

---

⁵ Ср.: Смелянский А. Михаил Булгаков в Художественном театре. С. 93; Лурье Я. С. М. Булгаков в работе над текстом «Дней Турбиных».

в США и о правах фирмы Фишер на пьесу (13), письмо С. Рубинова 12 марта 1928 г. о переводе пьесы на польский язык (59), 41 письмо и 3 телеграммы фирмы Фишер 13 апреля 1928 г. — 23 апреля 1935 г., выступавшей в качестве посредника Булгакова в переводах и постановках пьесы в зарубежных странах, 3 текста договора Булгакова с фирмой Фишер и договор с Вассербауером (66, ср. 183), письмо Н. Попова 21 июня 1928 г. о посылке фотографий актеров, игравших пьесу в Риге (55), 2 письма итальянского критика Марио Апа 8—28 ноября 1928 г. о переводе пьесы (24), письмо А. Коорн (?) 30 марта 1929 г. о возможности перевода и постановки пьесы в Норвегии (45), письмо А. А. Густавсона 30 июня 1929 г. о передаче текста «Дней Турбиных» и других пьес Булгакова для постановки в Австрии (41), письмо Б. Ошиллер (по-французски) 30 сентября 1929 г. о переводе пьесы на французский язык (51), письмо Мечислава Волка 27 декабря 1929 г. о переводе и постановке пьесы в США (34), письмо неизвестного лица без даты о разрешении Н. А. Эртель перевести пьесу на английский язык (70), письмо Б. С. Неволина 9 января 1930 г. о неудачной попытке поставить фильм по пьесе в Австрии (49), письмо Г. С. Гурвича 9 сентября 1930 г. о переводе пьесы на немецкий язык (40), 2 письма Обществу композиторов и драматургов в Париже (по-французски) 29 октября 1931-го — 7 мая 1932 г. о правах фирмы «Фишер» и об отсутствии прав Греанина на пьесу (20), письмо Ф. Финкельмана 15 декабря 1931 г. о переводе пьесы на французский и английский языки (65), 2 письма Е. Пренской (по-французски и по-русски) 6 июля 1933 г. и копия письма из Парижа (56), письмо Булгакова Еве Пренской 1 августа 1933 г. по этому же вопросу (21), письмо О. Ресневич 27 сентября 1933 г. о немецком переводе пьесы (57), письмо С. Е. Бертенсона 12 декабря 1933 г. Е. С. Булгаковой о переводе пьесы на английский язык. Ю. Лайонсом и ее подтверждение прав Лайонса (71—72), договор (английский текст и черновик русского перевода) 30 января 1934 г. с Юджином Лайонсом (Eugene Lyons) на перевод и инсценировки пьесы; 4 письма Лайонса (по-английски) без даты и 31 июля — 18 августа 1935 г. о постановке и издании пьесы, машинописная копия статьи об американской постановке, черновик письма Булгакова (по-английски, чужим почерком), визитные карточки и записки Лайонса (46), письмо из Всесоюзного общества культурных связей с заграницей (ВОКС) и 2 письма уполномоченного ВОКС в Швеции 24 апреля — 4 июня 1935 г. о передаче пьесы по шведскому радио (35), письмо 4 мая 1935 г. и телеграмма (по-английски) без даты Ю. Лайонсу о постановке пьесы в Англии (15), проект договора (по-русски и по-английски) 10 мая 1935 г. и 4 письма (по-английски и по-немецки) Л. Вегнер 21 июня и 8 августа 1935 г. о постановке пьесы в Англии и США (32), письма и телеграммы уполномоченному ВОКС в Швеции В. Смирнову 15 мая — 30 июня о передаче пьесы по радио (22), 2 письма и телеграммы Л. Вегнер

26 июня — 13 сентября 1935 г. об оплате постановки пьесы в Англии (15), договор с акционерным обществом «Литературное агентство» 13 апреля — 3 мая 1936 г. о постановке пьесы и исполнении по радио в Норвегии и Дании (9), письмо (по-французски) Общества культурных связей Британии с СССР 15 июня 1939 г. о прекращении спектаклей «Дней Турбиных» в Англии (60). Другие письма иностранных корреспондентов Булгакова, касающиеся, в частности, «Дней Турбиных», будут упомянуты в дальнейших разделах Описания (345, 355, 447, 493). В ряде стран (Франция, США, Англия, Норвегия, Дания, Латвия и др.) постановки были осуществлены (ср.: 22, 25, 46, 60, Альбом II — 77). Сохранилась телеграмма Булгакову от жены (28, без даты) о постановке пьесы в Бреславле (тогда — Германия). Особенно обильна переписка Булгакова с постоянным переводчиком советских авторов за рубежом В. Л. Бинштоком в 1927—1932 гг. (14, 74, 354). Сохранились составленные Булгаковым альбомы по истории постановки «Дней Турбиных»: Альбом I (75) охватывает 1925—1927 гг.; Альбом II (77) — 1927—1929 гг.; Альбом III (78) — 1936—1953 гг.; отдельный альбом (76) содержит фотографии спектаклей 1926—1934 гг.; окончание Альбома III и следующие альбомы (79—80) составлялись уже после смерти писателя.

Уникальны материалы инсценировки «Войны и мира», сохранившиеся в Пушкинском Доме: рукопись инсценировки (207), машинописный текст (208) и первоначальные наброски инсценировки (206). По этим материалам инсценировка «Войны и мира» публиковалась.⁶ В том же фонде и наброски либретто оперы «Война и мир» (209—210), и договоры на постановку инсценировки (211).

Очень важное значение списки разбираемого фонда имеют для установления истории текста и публикации пьесы «Бег». В Пушкинском Доме находится сценический экземпляр МХАТ 1928 г. (123) с той концовкой, которая вошла в публикацию (решение Хлудова вернуться в Советскую Россию), экземпляр Большого драматического театра (в «шкафу редкой книги» библиотеки ИРЛИ, 102 ¹/₄) — в 5 действиях, несколько версий конца с изменениями (дополнение к беседе Хлудова с Главкомандующим, где Хлудов говорит, что «драгоценные жители нашей страны», входящие в Крым, не несут в руках «солонки и хлеба» для белых; самоубийство Хлудова в финале) (125, л. 4, 32) и более поздний вариант «Бега» в 4 действиях (без самоубийства) (126).⁷ Списки «Бега», как и других пьес, сопровождаются рядом материалов, включая договоры 1923 г. на постановку «Бега»

⁶ *Булгаков М. Пьесы / Вступ. ст. В. В. Новикова; Сост. Л. Е. Белозерская, И. Ю. Ковалева. М., 1986.*

⁷ Ср.: *Булгаков М. А. Пьесы 20-х годов. С. 477—481; ср. С. 249—295, 411—476, 550—553; Гудкова В. В. Судьба пьесы «Бег» // Проблемы театрального наследия М. А. Булгакова. С. 49—58. Текст «Бега» публикуется в издании: Булгаков М. Театральное наследие, т. 1.*

с Большим драматическим театром (127, там же — письмо Ю. М. Юрьева), Бакинским драматическим театром (128), Одесским русским драматическим театром (129). Договоры с МХАТом 1928—1933 гг. сохраняются вместе с резолюцией Главреперткома, письмом и стенограммой выступлений И. Я. Судакова, письмом Булгакова Судакову, телеграммой и письмом П. А. Маркова (130); сохранилась также выписка из протокола заседания по обсуждению пьесы «Бег» 1928—1933 гг. (142). Кроме того, в фонде содержится переписка о пьесе «Бег» с советскими корреспондентами, в том числе 2 письма Управления ленинградских академических театров — 30 сентября — 16 октября 1928 г. (135) (остальные см. в следующем разделе — 397, 398, 454), и с иностранными — письмо Булгакова представителю фирмы Фишер на немецком языке о неразрешении пьесы (131), 2 письма Р. Гофмана 21 февраля — 2 апреля о предполагаемой постановке «Бега» в Америке (132), 5 писем А. И. Гришина Булгакову 1928—1933 гг. и письмо его Е. С. Булгаковой о постановке пьесы в Риге (133), письмо А. Ф. Девриена 11 августа 1928 г. о печатании пьесы «Миг» (!) в Берлине (134), письма фирмы Фишер Булгакову 25 сентября 1928 — 27 мая 1933 г. о «Беге» (136).

Альбом постановки «Бега» (143) охватывает 1927—1933. 1937 гг. (когда постановка готовилась — договор, газетные сообщения) и 1955—1957 гг. — уже после смерти писателя. Кроме того, сохранился и еще ряд посмертных материалов по «Бегу», связанных с Е. С. Булгаковой (137—141).

Столь же важны списки пьесы «Александр Пушкин (Последние дни)». В фонде имеется текст 1934—1935 гг., имеющий в конце дату «29 мая 1935 г.» (218), где после имени М. Булгакова вырезан кусок текста, очевидно с именем В. Вересаева (на картонной папке проставлены, очевидно рукой Булгакова, два имени — М. А. Булгаков и В. В. Вересаев). В тексте — ряд вставок, внесенных рукой Булгакова; некоторые из них вошли в более позднюю версию, другие — не вошли. Есть и фрагменты в основном машинописном тексте, впоследствии выпущенные.⁸ Ряд отличий имеет сцена у Салтыковых (приведены стихи Бенедиктова «Звездочка», а не «Напоминание», по-иному читается речь Кукольника против Пушкина, ответная реплика Воронцовой-Дашковой). В сцене на балу второго действия Булгаковым вписан текст, где Николай I делает камер-юнкеру выговор не за фразу, адресованную к нему (как в окончательной версии), а за неправильное обращение к послу, приглашающему на танец великую княгиню. Вписаны слова Дантеса Пушкиной по поводу ее беседы с царем: «У меня могущественный соперник... Какое гнусное (?) вероломство... Коварство... Ряд вставок сделан в разговор

⁸ Часть их отмечена по спискам I БД1 в работе: Яновская Л. Михаил Булгаков: из черновых тетрадей пьесы «Александр Пушкин» // Звезда. 1974. № 6. С. 202—204. Ср.: Чудакова М. О. Архив М. А. Булгакова // Записки ОР ГБЛ. М., 1976. Вып. 37. С. 143—144 (далее: Чудакова. Архив).

Богомазова с Долгоруковым: Долгоруков в первоначальном машинописном тексте сознается, что он послал пасквиль Пушкину; затем эту реплику Булгаков зачеркнул и вписал: «Откуда я знаю? Почему вы задаете мне этот вопрос? Кто бы ни послал, так ему и надо! Будет знать, как на красивой женщине жениться, обезьяна!». Слова Воронцовой-Дашковой Долгорукову: «Висельник...» зачеркнуты со знаком вставки, но самой этой вставки нет. Ряд вставок есть в сцене у Дубельта; Николай I называет Жуковского «балаболкой» за то, что он сравнивал Пушкина с Карамзиным: «Карамзин был святой жизни человек, доблестный певец». Сцена на Мойке перед выносом Пушкина более пространна, чем в окончательной версии (в толпе — Бенедиктов и Кукольник). В той же папке вторая редакция пьесы, с датой (в конце) 9 IX 1935, имеются разрешение на исполнение в театре Главного управления по репертуару Комитета по делам искусств от 26 июня 1939 г. и сходный текст с разрешением Главного управления театров 1953 г. (219). Помимо этого сохранилась еще одна папка с фрагментами, не включенными в последнюю редакцию (220). Частично фрагменты совпадают с текстами (машинописными и вписанными Булгаковым от руки) в раннем варианте (218), но исключение этих фрагментов явно было произведено самим Булгаковым, ибо в тексте, представленном на утверждение в июне 1939 г., их нет. Здесь — пение за сценой «Я помню чудное мгновенье» у Салтыковых во время разговора Кукольника с Долгоруковым о Пушкине; сцена на Мойке, значительно более обширная, чем в окончательном варианте («Наших, стало быть, иностранцы почем зря могут бить? — Лекаря немцы! Ну, натурально, залечили русского!»), более пространный текст разговора Геккерена с Дантесом и царя с Жуковским на балу; вставки текстов, намеченные, но не осуществленные в раннем варианте: сцена изгнания Долгорукова из дома Воронцовой-Дашковой и реплика Александры Гончаровой, что мертвый Пушкин «не видит» толпы, собравшейся у дома на Мойке (эта реплика была использована в последней редакции с ответом Жуковского: «Нет, он видит»).

В том же разделе фонда, где содержатся материалы по пьесе «Пушкин», находится и переписка Булгакова с Вересаевым — письма М. А. Булгакова (226) и В. В. Вересаева (230). Здесь же договоры на постановку пьесы с Харьковским театром русской драмы 1936 г. (221), театром им. Вахтангова 1934—1937 гг. (222), Красным театром 1935—1936 гг. (223), здесь же связанные с постановкой 6 писем М. А. Булгакова и 3 письма и 2 телеграммы режиссера В. Е. Вольфа), киевским театром Красной Армии на Украине 1935—1937 гг. (224) и МХАТом 1940 г. (225), переписка с К. А. Державиным в связи с предполагавшимся спектаклем в Ленинградском театре драмы (227), переписка с Татарским государственным академическим театром (229), Саратовским драматическим театром (231), Горьковским театром драмы (233), Архангельским Большим театром

(235), письма Б. Е. Захавы (232) и Л. П. Русланова (234) 1935 г. в связи с подготовлявшейся постановкой в театре им. Вахтангова, материалы судебного дела 1936—1937 гг. с Харьковским театром в связи с отмененной постановкой (236), письмо З. М. Славяновой 1934 г., адресованное Е. С. Булгаковой (241), вырезки из рецензий (К. А. Федина, И. А. Груздева и др.), написанных до и после посмертной постановки (1943 г.) пьесы (242). Альбом постановки включает переписку М. А. Булгакова (2 письма его Судакову и 2 письма Судакова, письма Б. Е. Захавы, Л. П. Русланова, В. М. Ангарского) в связи с не состоявшейся при его жизни постановкой и посмертные материалы вплоть до 1955 г. (244). Остальные материалы — посмертны и связаны в основном с Е. С. Булгаковой (220, 237—240, 242—245).

Сохранилась в ИРЛИ и инсценировка «Мертвых душ»: титульный лист авторского экземпляра с дарственной надписью Е. С. Шиловской (будущей Булгаковой) 28 ноября 1936 г. (186), машинописный текст режиссерского экземпляра 1930 г. с правкой и подписью автора (165), машинописная копия этого экземпляра с учетом авторской правки (164), мхатовский вариант инсценировки 1930 г. с правкой Булгакова и частично, возможно, Е. С. Булгаковой (166) и немецкий перевод сценческой редакции инсценировки Н. Эльшова и Ф. Риттига (167).

Обширная переписка по инсценировке включает договоры, сообщение о режиссерском замысле Булгакова и Сахновского (199), договоры и переписку с Сахновским 1930—1937 гг. (168, 180), договор с Бакинским театром 1931—1932 гг. (169), с театром Госнардома в Ленинграде 1931—1932 гг. (170), Гостеатром русской драмы в Киеве 1932—1934 гг. (171). Писал Булгаков об этой инсценировке В. И. Немировичу-Данченко 18—16 ноября 1930 г. (178), К. С. Станиславскому 18 января 1930-го — 18 января 1933 г. (182), М. Г. Волкову в 1932 г. в Кострому (175), Я. А. Варшавскому в 1932 г. в Одессу (188), К. А. Ведерникову в 1932 г. в Иваново (189), Ал. Вознесенскому о переводе и постановке на Украине в 1932—1934 гг. (190), В. Е. Месхетели 11 ноября — 25 декабря 1931 г. (177), директору МХТ М. С. Гейтцу об авансе (с отказом М. С. Гейтца) 29 декабря 1930 г. (184), заявление во Всеросскомдрам 9 декабря 1932 г. (185), часть письма (без начала и без даты) О. С. Бокшанской о распределении ролей в «Мертвых душах» (187). Связано с работой над «Мертвыми душами» и неоконченное заявление (черновик с рядом зачеркиваний, оборванный на полупhrase) без даты — о материальных трудностях, вызванных работой над инсценировкой (529).

По поводу переговоров с заграницей велась переписка с ВОКС (Япония и Латвия) в декабре 1932-го — январе 1933 г. (167, 191), с Литературным агентством (о постановке в Чехословакии) в декабре 1935 — феврале 1937 г. (193). Переписывался Булгаков также по поводу инсценировки с фирмой Фишер 9 июля (183) и 23 июля — 4 декабря 1931 г. (197), с Н. И. Эльшовым

(о переводе на немецкий язык) в декабре 1935-го — феврале 1937 г. (193), с М. А. Гришиным 11 ноября 1932 г. (176) и Э. Смильгисом в октябре 1932-го — январе 1933 г. (195) о постановке в Риге. Два письма М. Ваничковой 13 февраля — 2 апреля 1936 г. посвящены постановке «Мертвых душ» в чехословацких театрах и передаче по радио (201, ср. 193); статья неизвестного автора (возможно, Ю. Лайонса) из журнала «Variety» 27 декабря 1932 г. (машинописная копия и русский перевод), обнаруживающая хорошую осведомленность автора в обстоятельствах написания и постановки «Мертвых душ».

Переводческая деятельность Булгакова представлена изданным в 1939 г. переводом пьесы Мольера «Скупой» («Скряга») ⁹ в 1935—1936 гг. (267), сохранившимся в рукописном списке и машинописи со значительной авторской правкой, и предварительными материалами для перевода и перделки «Виндзорских проказниц» Шекспира (261).

Уникальны тексты М. А. Булгакова, относящиеся к другому, весьма необычному для него жанру, — конспекты «Курса истории СССР» (268—269), предназначенные для объявленного в 1936 г. конкурса на учебник для 3—4-х классов средней школы (газетные вырезки о конкурсе — 270). Они включают рукопись, состоящую из четырех толстых тетрадей (268), и ее машинописную перепечатку, осуществленную, по-видимому, уже Е. С. Булгаковой (269).¹⁰

Рассказы и фельетоны Булгакова, печатавшиеся в 20-х гг. в периодических изданиях (или готовившиеся для них), сохранились в машинописных копиях (253—256), в двух случаях («Записки на манжетах» и «Типаж») ¹¹ — с правкой автора, а также подготовленным Е. С. Булгаковой в 1954 г. первым томом «Сочинений», напечатанным на машинке и переплетенным (257). Ряд рассказов и фельетонов сохранился в вырезках из периодических изданий (272—283, 287). Сохранились также печатные экземпляры сборников «Дьяволиада» (284) и «Трактат о жилище» (284 и 286). Договоры о написании этих рассказов и фельетонов и об издании их сохранились и в разделе документов (117, 533, 535, 536 — ср. во второй книге «Творчество Булгакова»). Помимо упомянутых выше переводов «Дней Турбиных» сохранился также печатный текст французского перевода «Роковых яиц» (285).

Ряд произведений Булгакова, списки которых отсутствуют в Пушкинском Доме, отразился в фонде косвенно. Сохранилась обширная русская и международная переписка по «Зойкиной

---

⁹ Мольер Ж.-Б. Собр. соч. М.; Л.: Гослитиздат, 1939. Т. 3. С. 361—497. Указание А. К. Райта и Дж. Кёртис, что в собрании ИРЛИ под № 267 содержится пьеса Булгакова «Полоумный Журден» (перделка «Мещанина во дворянстве»; ср.: Булгаков М. Драммы и комедии. М., 1965. С. 285—337), ошибочно.

¹⁰ Ср.: Лурье Я. С., Паных В. М. Работа М. А. Булгакова над курсом истории СССР // Русская литература. 1988. № 3. С. 183.

¹¹ Рассказ «Типаж» опубликован в «Литературной газете» (1973. 21 февраля. № 8. С. 16.)

квартире» (90—115, 132). Фотографии участников постановки «Зойкиной квартиры» находятся в одном из альбомов по истории «Дней Турбиных» (76). Аналогичные материалы сохранились и по «Багровому острову» — договор на издание с издательством ЗИФ 25 августа 1925 г. и др. (117—122). В фонде содержатся договор и материалы по пьесе «Мольер» (148—167), включая Альбом (163); переписка о «Жизнеописании Мольера» для серии «Жизнь замечательных людей» (письмо А. Н. Тихонова) (147); обширная переписка по сценарию (172, 179, 192, 194, 196) «Мертвых душ», а также сценарию «Ревизора» (173, 320).¹² Содержится также переписка о пьесе «Адам и Ева» (212—213), о переделке пьесы Мольера «Мещанин во дворянстве» («Полоумный Журден») и переписка с театром Ю. Завадского о ней (214), с новосибирским театром о незаконном использовании этой переделки (215), переписка с Ленинградским мюзик-холлом о неназванной «синтетической трехактной комедии» (вероятно, будущем «Блаженстве») (216) и с театром сатиры о «Блаженстве» и «Иване Васильевиче» (217). Наконец, перепиской и другими материалами (246—252), в частности Альбомом (251), представлена инсценировка «Дон Кихота».

Роман «Белая гвардия» содержится в фонде только в составе издания «Избранной прозы» М. Булгакова 1966 г. с дарственной надписью Е. С. Булгаковой (299), но просьба доставить текст романа (обычно для перевода) читается в ряде русских (362, 425, 476, 504) и зарубежных (354, 447, 401, 493, 534) писем; здесь же содержится договор 5 ноября 1924 г. с М. В. Сабашниковым на издание «Белой гвардии», расторгнутый 31 декабря того же года (532), и с Е. Бреннером 6 марта 1929 г. об издании романа в Париже.

Роман «Мастер и Маргарита» также представлен печатным текстом (из журнала «Москва» — 300, 301). Однако среди писем к Булгакову есть одно, специально посвященное «Мастеру и Маргарите». Это письмо психиатра С. Л. Цейтлина 10 апреля 1938 г. (502), из которого явствует, что Булгаков читал ему (или давал читать) роман с целью проверить достоверность изображения маниакального состояния Ивана Николаевича Поньрева (Бездомного). Отвечая на просьбу Булгакова, желавшего «использовать» своего «консультанта (без кавычек)» (намек на раннее название романа «Консультант с копытом»), и отмечая, что он «очень вошел в эту странную историю», С. Л. Цейтлин писал, что «Иван Николаевич должен был по законам психопатологии испытывать чувство тоскливого страха... У покойного Берлиоза это Вами было отмечено, а Иван Николаевич, как мне кажется, главным образом направляет свою активность по линии преследования врагов и разрушения их замыслов, но ничуть не реагирует на необычность совершающегося с ним самим. Этому синдрому свойственно больше депрессивное состояние, переходящее в

¹² Ср.: *Файман Г.* Кинороман // *Искусство кино.* 1987. № 7, 8, 9.

панику и затем уже в двигательное возбуждение с разрушением всех преград в стремлении спастись. . . Это какой-то алкогольный галлюциноз, который может вылиться в более стойкий бред с тенденцией к систематизации — алкогольный параноид (гретеровская форма шизофрении). Но все же он — бедняга — отравлен, и это не может не сказаться на его настоящем состоянии. . .». Конечно С. Л. Цейтлин прекрасно понимал условность этого «диагноза», но, следуя пожеланию Булгакова, он помогал тому, чтобы фантастический план романа совмещался с формально-«реалистическим» (как в «Пиковой даме» или у Мериме).

Особое место в творчестве Булгакова занимают либретто опер и отзывы на них, которые он писал в 1936—1939 гг., работая в Большом театре (209, 210, 258—261; эта работа отразилась также в его переписке — 306, 316, 323, 336, 337, 348, 376, 384, 429, 443, 448, 483).

II

Весьма обширна эпистолярная в булгаковском фонде Пушкинского Дома.¹³ Письма Булгакова, как это обычно бывает в личных фондах, сохранились лишь в черновиках и копиях (подлинники, естественно, должны были попасть в архивы адресатов), но письма к Булгакову представлены здесь значительно шире, чем в собрании ГБЛ и других собраниях. Следуя машинописной описи, перечислим в алфавитном порядке (с краткой характеристикой адресата и указанием дат написания) письма Булгакова и письма, адресованные к нему. Содержание писем, наиболее интересных для характеристики жизни и творчества писателя, будет раскрыто в той части описания, которое публикуется в следующей книге; номера ряда писем, важных для комментирования его творческих рукописей, упоминались в предшествующем разделе. Содержание остальных писем отмечаем при перечислении их.

В разделе II фонда «Письма Булгакова к разным лицам» содержатся письма: директору МХАТ П. Аркадьеву 1936 г. (304), в Архив Горького 1938 г. об отсутствии у Булгакова автографов Горького (305), композитору Б. А. Асафьеву (13 писем, 8 телеграмм) 1936—1938 гг. (306), врачу С. М. Бергу 1935 г. с благодарностью за помощь (307), секретарю В. И. Немировича-Данченко О. С. Бокшанской 1933 г. (308), брату И. А. Булгакову (2 письма) 1934 г. (309), брату Н. А. Булгакову (30 писем, 3 телеграммы) 1932—1937 гг. (310), сотруднику МХАТ М. Ф. Бухтееву с просьбой получить зарплату 1934 г. (311),

¹³ В связи с этим представляется чрезвычайно странным, что составители недавно опубликованного сборника писем Булгакова В. И. Лосев и В. В. Петелин (Булгаков Михаил. Письма. Жизнеописание в документах. М., 1989) включили в сборник сотни текстов из ГБЛ (без указания шифров) и перепечаток из предшествующих изданий, но ни разу не обратились к собранию Пушкинского Дома, оставив без внимания важнейшие письма из этого собрания.

начинающему драматургу А. Н. Верву 1933 г. (312), его матери Е. А. Вевр 1933 г. (313),¹⁴ другу юности А. П. Гдешинскому (4 письма, 2 телеграммы) 1935—1939 гг. (314), в Горком писателей 1932 г. с указанием, что не вступает в союз, ибо уже состоит в Рабисе (315), письмо в ГАБТ и дальнейшая переписка 1939 г. относительно либретто оперы «Рашель» (316), фармацевту А. М. Дамиру 1933 г. о лекарствах для некоей пациентки (317), художнику В. В. Дмитриеву 1937 г. — телеграмма с просьбой прислать испанский и французский словари (318), друзьям М. А. и С. А. Ермолиным 1935 г. (319), завлиту киевского театра Красной Армии М. В. Загорскому 1934 г. (320), писателю Е. И. Замятину (6 писем) 1932—1933 г. (321) и его жене Л. Н. Замятиной (322), председателю Комитета по делам искусств П. М. Керженцеву (323), режиссеру В. В. Кузе 1935 г. (324), театральному деятелю Я. Л. Леонтьеву (4 письма) 1934—1936 гг. (325), в редакцию «Литературной газеты» 1936 г. по поводу потопления советского судна в Испании¹⁵ (326), в редакцию «Литературного наследства» о Салтыкове-Щедрине 1933 г. (327), сотруднику МХАТ П. Л. Людвигову 1935 г. (328), другу Н. Н. Лямину (2 письма) 1933 г. (329), В. М. Молотову 1938 г. (330), знакомой — Е. К. Нордгрэн 1938 г. с обещанием навестить ее (331), А. М. Пешкову (Максиму Горькому) (6 писем) 1929—1934 гг. (332), знакомым А. П. и О. П. Писаржевским 1933 г. о невозможности навестить их (333), другу П. С. Попову (334), художнице Н. Радловой-Шведе (335), главному дирижеру ГАБТа С. А. Самосуду 1936 г. (336), композитору В. П. Соловьеву-Седому (4 письма, 2 телеграммы) 1937—1938 гг. (337), И. В. Сталину 1931—1938 гг. (3 письма), Сталину, Калинин, Свидерскому и Горькому 1929 г., А. С. Енукидзе 1929 г., в Моссовет 1928 г. (338), писателю П. Столярову (2 письма) 1933—1938 гг. (339), режиссеру И. Я. Судакову 1933 г. (340), в английскую энциклопедию «Who's Who» («Кто — кто?») 1937 г. по поводу ошибки в биографии Булгакова (неверное упоминание о пребывании в эмиграции) (341).

Письма М. А. Булгакова Л. Е. Белозерской, поступившие в собрание ИРЛИ позже (567), охватывают время их совместной жизни (недатированные и датированные — с 1928 по 1932 г.) и после разрыва (с октября 1932-го по 1933 г.); тогда же поступили его шуточные записки о домашних животных (568).

Письма М. А. Булгакова сохранились не только в фонде 369. 4 письма М. А. Волошину за 1925—1926 гг. (одно — Л. Е. Белозерской с припиской Булгакова) сохранились в фонде Волошина (ф. 562, оп. 3, № 296).

Раздел III фонда значительно обширнее предыдущего. Он включает письма соученика по гимназии Е. В. Адельгейма 1926 г.

¹⁴ Письма эти, как и творчество А. Н. Верва, публикуются в кн. 2 настоящего издания.

¹⁵ Письмо опубликовано в «Литературной газете» за 26 декабря 1936 г.

(342), издательства «Academia» (3 письма) 1935—1939 гг. об издании перевода Мольера (343), В. Акулишина о материальной помощи — без даты (344), журналистки Э. С. Альтшуллер о возможности перевода и издания сочинений Булгакова в США 1933 г. (345), писателя В. Е. Ардова (3 письма) 1932—1934 гг. — краткие записки делового характера (346), знакомых Е. Г. и А. А. Арендт (4 письма) 1937—1939 гг. (430), помощника режиссера С. Аронсона 1931 г. о некоей репетиции в клубе древообделочников (347), Б. А. Асафьева (16 писем и 5 телеграмм) 1936—1938 гг. (348), Н. В. Безекирского о материальной помощи 1929 г. (349), М. В. Белидо 1932 г. (350), С. А. Берга (2 письма) 1935 г. (351), Т. И. Бережного без даты — карандашная записка по поручению Ю. М. Юрьева (352), режиссера И. Н. Берсенева (2 письма) 1926—1927 гг. (353), переводчика на французский язык В. Л. Бинштока (16 писем) 1927—1930 гг. (354) и одно письмо Бинштока к Луначарскому 1928 г. (561), представителя немецкой фирмы «Петрополис» Э. Блока 1926 г. с предложением организовать охрану авторских прав Булгакова в Германии (355), В. А. Блюменталь-Тамарина без даты с рекомендацией пьесы Л. И. Крылова «Каторга» и извинением по поводу «нелепой сцены» при последней встрече, «в которой я ни сном ни духом не повинен» (356), читателя С. И. Боголепова 1928 г. (357), О. С. Бокшанской (6 писем, 2 телеграммы) 1930—1938 гг. (358), сотрудника по «Гудку» А. А. Бочкарева 1934 г. с просьбой высказаться о художественной литературе Белоруссии (359), библиографа А. Р. Брянского (2 письма) 1926 г. с просьбой передать ему материалы для Словаря русских писателей и поэтов (360), сотрудника архива Горького И. С. Буквина 1938 г. с запросом об автографах Горького (361; ср. 305), историка гражданской войны Л. Вайсловича 1929 г. (362), режиссера самодеятельности Л. Н. Васнецовой-Сынгаевской 1939 г. (363), писательницы Н. А. Венкестерн 1932 г. с просьбой поговорить в Ленинграде о пьесе «Пиквикский клуб» (364), писателя Е. О. Венского без даты (365), редакции «Вечерней Москвы» 1926 г. с предложением Булгакову явиться в редакцию к «товарищу З.», который «имеет для вас задание — литературное конечно» (366) — с пометкой Булгакова на письме: «Изругать за тон»; письма (2 письма) В. Я. Виленкина 1939 г. из Ленинграда с упоминанием о «пьесе» (очевидно, «Батум») (367), жены художника Вильямса А. С. Вильямс (телеграмма) без даты (368), администратора В. И. Владимирова 1937 г. с предложением сделать монтаж к 20-летию Октября и краткий отрицательный ответ Булгакова (369), актера А. Волкова без годовой даты с предложением написать пьесу из эмигрантской жизни с ролью аристократа для автора письма (370), М. А. Волошина (2 письма) 1925—1926 гг. (371), секретарей Всеросскомдрама (2 письма на бланках) 30-х гг. (372), из Всероссийского театрального общества с приглашением на совещание (373), А. П. Гдешинского (21 письмо) 1923—1940 гг. (374), писателя С. Гехта 1933 г. (375),

С. М. Городецкого 1938 г. (376), режиссера Н. М. Горчакова 1936 г. (377), из Госкино (3 повестки) 1925—1926 гг. (378), из редакции газеты «Гудок» 1925 г. о привлечении автора и газеты за клевету из-за заметки «Пожар»¹⁶ (379), Л. И. Гутмана с просьбой прочитать пьесу М. П. Столярова (380), начинающей писательницы Г. Н. 1929 г. (381), В. В. Дмитриева (2 телеграммы) 1936 г. (382), знакомого по легнему отдыху М. Долгополова без даты (383), композитора И. О. Дунаевского (2 письма) 1938—1939 гг. (384), актера (игравшего в пьесе «Сыновья муллы») Г. Г. Егикова 1928 г. (385), бывш. председателя правления Общества любителей грузинской культуры Г. В. Жордания 1935 г. (386), библиографа А. Журбенко 1924 г. с просьбой помочь в составлении Словаря писателей (387), М. В. Загорского 1939 г. по поводу пьесы о Сталине (388), зав. худ. отделом Украинфильма О. Загорского без даты (389), секретаря редакции журнала «Недра» П. Н. Зайцева (3 письма) 1924—1926 гг. о написании повести для сборников «Недра»¹⁷ (390), Е. И. Замятина (10 писем) 1928—1933 гг. (391), его жены, Л. Н. Замятиной (11 писем) 1928—1936 гг. (392), редакции газеты «Заря Востока» (2 письма) 1924—1925 гг. с заказом статьи, издательства «Земля и Фабрика» (3 письма) 1925—1926 гг. об издании «Белой гвардии» (394—395), сестры Н. А. Земской (1 телеграмма) 1922 г. (396), директора Театра революции И. С. Зубцова 1927 г. (397), библиофила В. Е. Иванова 1932 г. (398), организатора литературы о Красной Армии Н. Иванова (машинописная программа) 1929 г. (399), из издательства «Искусство» (3 письма на бланках) 1937—1939 гг. (400), эмигранта В. Кадашева с предложением перевести на немецкий язык «Роковые яйца» 1925 г. (401), В. П. Катаева (телеграмма) — без даты (402), сотрудника Украинфильма В. В. Катинова (2 письма) 1935 г. о пьесе драматурга И. Кочерги (просьба о совете) и о даче под Киевом (404), Э. Ки. . . (фамилия неразборчива) о предстоящем приезде Чичерова (405, без даты; см. ниже, 505), О. Л. Книппер-Чеховой 1936 г. (406), писателя Ф. Ф. Кнорре (2 телеграммы) 1930 (?) о лекции Булгакова (407), писателя и старого революционера Е. Е. Колосова 1932 г. (408), Феликса Кона 1930 г. с просьбой прочесть пьесу «Легенда» Т. Майской (409), читательницы С. С. Кононович (5 писем) 1929—1930 гг. (410), артиста Г. Г. Конского (5 писем и телеграмма от семьи Степунов) 1937—1939 гг. (411), гимназического товарища В. И. Корецкого 1937 г. (412), редакции «Красной газеты» (о написании фельетона) 1925—1926 гг. (413), редакции «Красного журнала для всех» и «Журнала для всех» (4 письма) (о написании рассказов) 1924—1928 гг. (414), редакции журнала «Красный перец» (о написании фельетона) 1924 г. (415), редактора «Крестьянской радиогазеты» А. Каценеленбаума 1932 г. с предложением писать на

¹⁶ Ср.: Гудок. 1925. № 187.

¹⁷ Чудакова. Архив. С. 42.

сельскохозяйственную тему и отказом М. А. Булгакова (416), сотрудницы редакции «Накануне» Е. Кричевской по поводу издания книги (3 письма) 1922—1923 гг. (417), драматурга-любителя Н. А. Кронмана 1929 г. (418), издательства «Круг» (2 письма) по поручению А. Н. Тихонова 1925 г. и от него лично 1927 г. (419), правления Кружка деятелей искусства и культуры 1928 г. (420), артистов И. М. Кудрявцева и И. М. Москвина (служебная записка карандашом) без даты (421), В. В. Кузы без даты (422), писателя С. М. Льва (2 письма) 1930 г. (432), сотрудницы ГАХН А. Г. Левенталь 1927 г. о составлении Словаря русских писателей XX в. (424), библиографа-любителя М. А. Левонтина без даты (425), редактора И. И. Лежнева (5 писем) 1923—1925 гг. (426), Ленинградского Драмсоюза (6 писем, 2 телеграммы) 1927—1929 гг. (427), сотрудника редакции журнала «Недра» Б. Л. Леонтьева 1926 г. (428, ср. 533), Я. Л. Леонтьева (9 писем) 1934—1937 гг. (429), писателя В. Г. Лидина о необходимости срочно сдать «литературный материал» 1924 г. (431), председателя и секретаря правления «Литературного агентства» (2 письма) — с копией письма М. А. Булгакова 1934 г. — с предложением передавать за границу «на коммерческих началах» произведения о «социалистическом строительстве» (432), «Литературного наследства» (печатное) без даты (433), Литературного фонда (Ленинградское отделение) без даты (434), артиста П. Лихомского (карандашом) без даты (435), П. Л. Людвигова (2 письма) 1935 г. о гастролях МХАТ в Ленинграде (436), Н. Н. Лямина (19 писем) 1932—1939 гг. (437), завлита МХАТ П. А. Маркова (3 письма, 1 телеграмма) 1930—1931 гг. (438), библиографа И. Ф. Масанова (печатное) 1932 г. (439), редакции журнала «Медицинский работник» с предложением «поговорить о делах» (440), издательства «Межрабпом» 1929 г. (441), В. Э. Мейерхольда (2 письма) 1927 г. (442), дирижера А. Ш. Мелик-Пашаева (1 письмо, 1937 г. 1 телеграмма) (443), администратора МХАТ Ф. Михальского (3 записки) (444), исполнительного бюро профсекций Московского университета (карандашом) с приглашением на диспут 1926 г. (445), дирекции МХАТ (4 пригласительных билета) 1926—1932 гг. (446), переводчика из Чехословакии Б. Мужика 1928 г. (447), драматурга С. Мятежного (Апраксиной) 1929 г. (448), директора и режиссера ленинградского Нового театра Вл. Нагли и Кролля без даты (449), письмо из издательства «Накануне» (П. Садыкер) и договор на издание «Записок на манжетах» 1923 г. (450), секретаря Наркомпроса 1930 г. с приглашением к Ф. Кону (451), студента В. Невского 1929 г. с приглашением посетить какую-то постановку (452), начинающего драматурга Е. Д. Никитиной 1929 г. (453), сотрудника МОДПиКа И. М. Новокшонова (2 письма) 1927 г. (454), редакции «Огонька» 1926 г. о возвращении какой-то фотографии (455), сотрудницы редакции серии «Жизнь замечательных людей» Н. А. Озерской-Экк 1934 г. с предложением о написании книги для серии (456), знакомого Паленкина (записка) без даты (457).

жены артиста Панченко без даты с просьбой о помощи (458), писателя Б. В. Папаригопуло с просьбой о пьесе для ленинградской «Комедии» 1927 г. (459), литератора М. А. Перельмана (2 письма) без даты — с приглашением зайти вместе в клуб и просьбой дать «Записки на манжетах» для издания (460), Е. П. Пешковой 1928 г. (копия) (461), А. П. и О. П. Писаржевских 1932 г. — открытка из Гагр и приглашение на дачу Лианозова (462), зав. ленинградской 167-й школой Половцева 1927 г. с просьбой прислать портрет и автограф для выставки (463), литератора Е. Полонского (5 писем) 1934—1935 гг. по личным делам и с просьбой о помощи (464), режиссера А. Д. Попова 1926 г. (465), П. С. Попова (34 письма) 1929—1939 гг. (466), А. И. Поповой-Толстой (письмо и телеграмма без даты) (467), публициста Ю. Н. Потехина (2 письма) личного характера 1925 г. (468), писателя Ив. Пруткова 1925 г. о пересылке денег из журнала «Смехач» (469), редакции «Рабочей Москвы» 20-х гг. с просьбой о написании очерка или возвращении аванса (470), Н. Радловой-Шведе (2 письма) 1935 г. (471), издательского работника Ракитникова без даты с просьбой о рассказе для бакинского издания (472), администратора Политехнического музея С. Репнина без даты с напоминанием о вечере в музее (473), переводчика на немецкий язык Оскара Риземана (3 письма) 1927—1928 гг. (474), администратора театра им. Е. Вахтангова Л. П. Русланова (2 письма) 1936 г. с приглашением на спектакль «Сенсация» (475), издателя М. В. Сабашникова 1924 г. об издании «Белой гвардии» (476), писательницы Н. В. Савицкой 1931 г. с предложением прослушать чтение ее пьесы (477), пенсионера, бывшего журналиста Н. Н. Светлова (3 письма) без даты с просьбой о помощи (478), писателя И. В. Селенкина 1933 г., приносившего свои пьесы (479), писателя Ю. Л. Слезкина (2 письма) без даты (480), библиографа Н. В. Смирнова 1923 г., составляющего библиографию питомцев Духовной академии, с просьбой сообщить сведения о К. Треневе (481), художника С. Соколова (3 письма) 1927 г., писавшего портрет Булгакова (482), В. П. Соловьева-Седого (2 письма) 1937—1938 гг. (483), Союза писателей (15 писем и повесток) 1927—1939 гг. (484), П. Столярова (11 писем) 1929—1938 гг. (485), писателя Д. М. Стонова (журнальная вырезка с надписью) 1928 г. (486), сотрудника Драмсоюза (машинописный бланк) И. В. Стрельникова без даты с приглашением на свой юбилей (487), преподавательницы французского языка И. И. Сырокомской 1936 г. (488), секретаря К. С. Станиславского Р. К. Таманцевой (2 письма) 1927—1930 гг. (489), режиссера Е. С. Телешовой без даты с приглашением на спектакль «Горячее сердце» (490), литературного деятеля А. Н. Тихонова о приезде Булгакова в Ленинград (491; ср. 64), писателя К. А. Тренева 1937 г. на бланке — о пьесе к 20-летию Октября (492), переводчицы на английский язык Франчески Уилсон 1928 г. (493), уполномоченного Украинского товарищества драматургов и композиторов (494), художника Н. П. Ульянова без даты о билете на «Зойкину квартиру» и возвращении книги (495),

дипломатического работника Д. А. Уманского 1925 г.¹⁸ (496), писателя А. М. Файко (3 письма, 8 телеграмм) 1937—1939 гг. (497), режиссера Бакинского рабочего театра В. Ф. Федорова 1926 г. (498), писательницы С. З. Федорченко (3 письма) 1927 г. и без даты (499), вдовы писателя А. Н. Фурмановой 1930 г. от имени землячества женщин-фронтовичек (500), артиста Н. П. Хмелева 1939 г. (501), психиатра С. Л. Цейтлина 1938 г. (502), зав. Музеем новейшей литературы при доме Герцена Е. Н. Чеботаревской (на бланке) без даты о материалах для музея (503), читателя И. Н. Чемезова (2 письма) 1939—1940 гг. (504), ответственного секретаря драмсекции Союза писателей Чичерова (письмо на бланке и телеграмма) без даты (505), писателя Г. И. Чулкова 1927 г. (506), знакомого М. Л. Шапиро 1939 г. с пожеланием выздоровления (507), писателя Г. А. Шенгели 1933 г., рекомендующего свою знакомую на работу в МХАТ (508), начинающей писательницы Н. П. Шиловцевой 1931 г. (509), писателя и историка П. Е. Щеголева 1929 г. (510), писателя Н. Р. Эрдмана и его брата Б. Р. Эрдмана (2 телеграммы) без даты (511), артиста Ю. М. Юрьева 1926 г. (512), писателя А. Е. Явича 1923 г. о «бытовом фельетоне» для «Гудка» (513), артиста М. М. Яншина без даты (514), а также некоей Наталии (515), и письма из редакций (на бланках) 1924—1937 гг. с предложениями участвовать в их изданиях (516).

При характеристике переписки Булгакова следует иметь в виду, что переписка эта отражена в архиве односторонне — письма М. А. Булгакова сохранились либо в черновиках, либо в копиях; переписка с адресатами, проживавшими в Москве, ограничивалась краткими записками — более обычным было здесь личное общение или разговоры по телефону.

ПЕРЕПИСКА С РОДНЫМИ

Наиболее ранним документом из переписки с родными оказывается телеграмма сестры Н. А. Земской из Киева 2 февраля 1922 г.: «Первого февраля мама скончалась от сыпного тифа. Надя» (396). Переписка с братьями Н. А. Булгаковым и И. А. Булгаковым представлена машинописными копиями и несколькими черновиками писем М. Булгакова; писем братьев к нему в ИРЛИ нет. Первые сведения о братьях, эмигрировавших с белой армией, М. А. Булгаков получил в 1922 г.; уже в 1925 г. Николай Булгаков, ставший ученым-бактериологом и обосновавшийся (как и брат Иван) в Париже, написал Михаилу Булгакову;¹⁹ но материалы в ИРЛИ (310) охватывают лишь 1932—1937 гг.

Письма М. А. Булгакова Н. А. Булгакову с 25 апреля 1929 г.

¹⁸ Чудакова М. О.: Жизнеописание Михаила Булгакова. М., 1988. С. 328 (далее: Чудакова. Жизнеописание).

¹⁹ Ср.: Чудакова. Архив. С. 48.

недавно опубликованы В. В. Гудковой; некоторые дополнения к этой публикации сделаны в сборнике «Письма».²² Поэтому мы не будем подробно останавливаться на характеристике этой переписки. Отметим лишь, что в Пушкинском Доме письма от 6 мая и 7 декабря 1932 г. сохранились в автографах (черновиках) с рядом сокращений. Письмо от 29 января 1934 г. представлено, как и в публикации, копией, но фразы: «я с ним... для всей заграницы» и (на английском языке): «для театров и на всяком языке для кино» вписаны от руки. Письмо от 10 мая дошло в автографе (черновике). Писем за 1936 г. ни в ИРЛИ, ни в опубликованных текстах нет. К 5 февраля 1937 г. кроме опубликованных относятся одно деловое письмо от 2 февраля (копия, подпись от руки) и записка 15 июня (копия карандашом от руки): «Я в полном недоумении и беспокойстве. После твоей телеграммы, полученной 7 апреля 1937 г. ... из Парижа никаких известий... Твое молчание меня тревожит». Два кратких письма 1939 г. чисто делового характера, упомянутые В. В. Гудковой и изданные в «Письмах», в ИРЛИ отсутствуют.

В том же 1934 г. весной, не получив известий от Н. А. Булгакова, М. Булгаков пишет младшему брату Ивану (309), музыканту (он играл в русском оркестре на балалайке), 21 апреля (копия; подпись от руки) и 12 мая; в последнем письме (незаконченном автографе) — замечания по поводу стихов, присланных ему братом: Михаил Булгаков советует ему «немедленно начать избавляться» от важного порока: «... это постановка в стихах затертых, бледных, ничего не определяющих слов».

Письма М. А. Булгакова Л. Е. Белозерской (567 — записки и открытки от руки, обычно карандашом) лишь в небольшой степени отражают его писательскую деятельность. Открытки от 18 августа (две),¹³ и 14 октября 1928 г. написаны во время поездки на юг (Конотоп, под Киевом, Одесса, Харьков, Ростов, Гудермес). В 1930 г. Булгаков пишет Белозерской из Крыма: 16 июля — из Симферополя (на поле: «Люсеньке пишу, ей привет!» — имеется в виду Е. С. Шиловская, будущая Е. С. Булгакова), 17 июля из Мисхора. Ко времени до октября 1932 г. относятся краткие письма без годовых дат с упоминанием «все Мольер душит...», записка: «Дорогая кошечка, на шкаф, на хозяйство, на портниху, на зубного врача, на сладости, на вино, на ковер и автомобиль — 30 рублей», записка: «... Сегодня нужно срочно сдать роман для отсылки его Вересаеву. Очень обяжешь меня, если ты к вечеру извлечешь его к Тарковским. Я приеду и заберу его. Без лести преданный^N (и последний)», письма о животных и от их имени (568) и изображения их, сделанные М. Булгаковым (566).²³

²² «Не все ли равно, где быть немым...». Письма М. А. Булгакова брату Н. А. Булгакову (Дружба народов. 1989. № 2. С. 198—223; «Письма» — см. выше, примеч. 12).

²³ В сборнике «Булгаков Михаил. Письма» письма М. А. Булгакова Л. Е. Белозерской-Булгаковой цитируются почему-то не по оригиналам, находящимся в

К тому же времени относится и очень любопытная сценка (565, автограф, карандашом) под названием «Стенограмма» — разговор Булгакова по телефону с неким Константином Аполлоновичем, знакомым Л. Е. Белозерской по манежу, совершенно пьяным, но сохраняющим гонор бывшего гвардейского офицера,²⁴ и самодельная шуточная книжка детского писателя В. Долгорукого с рисунками Н. Ушаковой «Муки Маки» (573). Разрыв с Л. Е. Белозерской отражен в письме (карандашом, на календарном листке 1930 г.): «Чиша! Не волнуйся ты так: поверь мне, что всем сердцем я с твоими заботами и болью. Ты — не одинокий человек. Больше ничего не умею сказать. И звери тоже. 20 октября 32. Приду, если не будешь спать, поговорю с тобой» (на обороте запись Л. Е. «Последняя запись в общем доме» и далее зачеркнутый текст). Помощь М. А. Булгакова Л. Е. Белозерской не прекратилась после развода: сохранились письма 27 января, 19 февраля и 10 марта о посылке денег («Посылаю тебе кленовый лист в виде 100 рублей. . .» и т. п.).

Переписка М. А. Булгакова с Е. С. Булгаковой,²⁵ его третьей женой, сохранившей основное рукописное наследие писателя, в собрании Пушкинского Дома не отразилась — письма эти были переданы Е. С. Булгаковой в ГБЛ и опубликованы лишь в извлечениях.*

Е. И. Колесникова

КРАТКИЙ ОБЗОР ДОКУМЕНТАЛЬНЫХ МАТЕРИАЛОВ М. БУЛГАКОВА

Булгаков — писатель с богатейшей фантазией, свободно преломлявший в своем воображении реалии обыденного мира и исторической конкретики, — «продиктовал», однако, современному

Пушкинском Доме, а по рукописным воспоминаниям адресата (ОР ГБЛ); составители мотивируют это тем, что письма Булгакова Белозерской находятся в «частных коллекциях» (с. 29); в действительности корпус писем Белозерской-Булгаковой уже более 10 лет назад был передан в Пушкинский Дом. По «Воспоминаниям» изданы тексты открыток 18 августа и 13 октября 1928 г., 15 июля (в ИРЛИ нет), 16 и 17 июля, 28 июля (в ИРЛИ нет) 1930 г.; последующих писем Белозерской нет.

²⁴ Включена в текст книги Л. Е. Белозерской-Булгаковой «Воспоминания» (М., 1989. С. 158—159) и издана в журнале «Русская литература» (1990. № 3. С. 103—104).

²⁵ Яновская Л. Беседовать с тобой одной. . . // Октябрь. 1984. № 1. С. 189—201; Булгаков М. Чаша жизни. М., 1988. С. 549—570 (рукописи в ОР ГБЛ, ф. 562, к. 19, ед. хр. 4—8). Ср.: Чудакова. Архив. С. 146.

* Разделы, содержащие переписку с друзьями, с писателями, деятелями искусства, общественными деятелями и другими корреспондентами, а также документы, см. во второй части описания, публикуемой в следующей книге.

булгаковедению явный фактографический уклон.¹ Частично это может объясняться сложной судьбой его наследия, когда выпавшие из общекультурного бытования факты творческой биографии художника становятся самоценными, обещая разгадку «интригующих тайн» и легенд своеобразной художественной лаборатории Булгакова.

Ведутся интенсивные текстологические поиски, идет накопление сведений о конкретных книжных источниках, легших в основу его произведений, собираются биографические данные, т. е. подготавливается надежный плацдарм для исследований нового уровня — глубинного осмысления художественно-философской, идейной проблематики творчества Булгакова во взаимосвязях с его мировоззрением.

Несмотря на то что к настоящему времени уже предпринят ряд серьезных попыток обращения к различным этапам жизни и творчества писателя, белых пятен в его биографии остается немало. Поэтому представляются особо ценными любые достоверные свидетельства, которые могут послужить основой для будущих биографических изысканий.

В Рукописном отделе ИРЛИ (Пушкинский Дом) АН СССР сохраняется не один десяток подлинных документов, отражающих различные этапы биографии и творчества писателя. Но даже сведенные воедино и выстроенные в хронологической последовательности, они не способны дать сколько-нибудь цельной биографической канвы. Поэтому данный обзор, не претендующий на полноту охвата всего документального материала М. Булгакова, не ставит целью дать описательную характеристику различных периодов жизни художника; задача его более конкретна — ввести в научный оборот часть подлинных официальных документов, имевших при жизни Булгакова юридическую силу.

Свидетельство о рождении Михаила Афанасьевича и формулярный список о службе А. И. Булгакова, отца писателя (1859—1907), за 1876—1897 гг. — это самые ранние материалы, они будут приведены полностью, поскольку содержат важные сведения о семье Булгаковых и о служебной деятельности Афанасия Ивановича Булгакова.

Время рождения и крещения М. А. Булгакова зафиксировано «Свидетельством о рождении» (ф. 369, № 517, л. 1):

«По указу Его Императорского Величества дано сие свидетельство Киевской Духовной Консистенции за надлежащим

---

¹ Чудакова М. Архив М. А. Булгакова: Материалы для творческой биографии писателя // Записки Отдела рукописей (ГБЛ). Вып. 37. М., 1977. С. 25—152; Бурмистров А. К биографии М. А. Булгакова (1891—1916) // Контекст. 1978. С. 249—267; Чудакова М. Жизнеописание Михаила Булгакова // Москва. 1987. № 6—8, и др. Авторы данных работ частично опираются на документы из Архива ИРЛИ. Так, например, А. Бурмистров (К биографии М. А. Булгакова... с. 249), приводя сведения о рождении писателя, ссылается на хранящееся здесь свидетельство о рождении М. Чудакова также использует сведения из документов Рукописного отдела ИРЛИ, однако ссылок на них не делает.

подписом и приложением казенной печати в том, что по метрической книге Киево-Подольской Кресто-Воздвиженской церкви, под № 67, состоит статья записанного так: тысяча восемьсот девяносто первого года родился мая третьего,² а крещен восемнадцатого чисел Михаил. Родители: доцент Киевской Духовной Академии Афанасий Иванович Булгаков и законная жена его Варвара Михайловна,³ оба православного вероисповедания. Восприемники: ординарный профессор той же Академии Николай Иванович Петров⁴ и жена священника города Орла Сергиевской кладбищенской церкви Олимпиада Ферапонтова Булгакова.⁵

Таинство крещения совершал священник — Матфей Бутовский с причтом. Гербовый сбор оплачен.

Апреля 18 дня 1900 года.

Член Консистории, священник — подпись.
Секретарь — подпись. Столоначальник — подпись.

Д. № 560, 1900 г. 1 стола».

В становлении личности юного М. Булгакова далеко не последнюю роль играл его отец. Биографам писателя еще предстоит выяснение всей меры воздействия отца на духовное формирование сына. Вероятно, при этом происходило отрицание ценностей старшего поколения, так называемый обратный эффект воспитания, не исключаящий, однако, и некоей внутренней общности. Для прояснения взаимоотношений Михаила Афанасьевича со своим отцом во всей их диалектической сложности необходимы подробные сведения из биографии А. И. Булгакова.

Немало интересных в этом отношении фактов, а также сведений обо всей семье Булгаковых содержит «Формулярный список о службе Доцента Киевской Духовной Академии, Статского Советника Афанасия Булгакова за 1900 г.».⁶ Под № 518 (4 л.) хранится копия, снятая в 1900 г. по просьбе Афанасия Ивановича для представления в Киевскую 2-ю Гимназию при определении в число ее учеников сына Михаила.⁷

Копия формулярного списка сделана на специальном типографском бланке, представляющем собой 4 скрепленных листа, разграфленных на несколько колонок. В настоящем обзоре со-

² В некоторых других документах указывается неверная дата рождения М. Булгакова.

³ Годы жизни В. М. Булгаковой, матери писателя, — 1869—1922.

⁴ Н. И. Петров (1840—1921) преподавал в Академии эстетику и теорию словесности, историю западных литератур, заведовал академическим музеем.

⁵ О. Ф. Булгакова — бабка М. Булгакова по отцовской линии.

⁶ В статье А. Бурмистрова привлекается Формулярный список А. И. Булгакова за 1907 г. (Киевский городской государственный архив, ф. 16, оп. 465, ед. хр. 16367), содержащий более полные сведения о служебной деятельности отца писателя (см.: *Бурмистров А. К биографии М. А. Булгакова*).

⁷ М. Булгаков был зачислен в подготовительный класс 2-й гимназии 18 августа 1900 г.

держание каждой из этих граф излагается последовательно слева направо, заглавия выделены шрифтом.

«Чин, имя, должность, вероисповедание, знаки отличия и получаемое содержание:

Статский советник, магистр богословия Афанасий Иванович Булгаков. Доцент Киевской Духовной Академии по кафедре истории и разбора западных исповеданий, сорока одного года, православного исповедания.

Кавалер орденов: Св. Анны 3 ст. и Св. Станислава 3 ст. Имеет серебряную медаль на Александровской ленте в память Императора Александра III-го. Получает содержания: а) по должности Доцента Академии: жалованья 90 р (ублей), столовых 150 р (ублей), квартирных 15 р (ублей), б) по должности Киевского отдельного цензора по внутренней цензуре 1200 р (ублей). Итого: 2400 руб (лей).

Из какого звания происходит: сын священника Орловской епархии.

Есть ли имение? 1) У него самого и у родителей — нет.

2) У жены, если женат — нет.

Где получил воспитание и окончил ли полный курс наук в учебном заведении, когда поступил в службу; какими чинами, в каких должностях и где проходил оную; не было ли каких особенных, по службе действий или отличий: не был ли особенно чем-либо награжден кроме чинов?

Обучался в Орловской Духовной Семинарии с 1876 по 1881 год и в Киевской Духовной Академии с 1881 по 1885 год.

По окончании академического курса утвержден в степени кандидата богословия без нового устного испытания, чрез представление печатной диссертации — 1885 г. июнь 9.

Святейшим Синодом определен на должность учителя греческого языка в Новочеркасское Духовное училище тысяча восемьсот восемьдесят пятого года сентября восемнадцатого дня.

Исправлял должность члена Правления от учителей с 16 июня по 5 августа 1887 г.

За сочинение «Очерки истории методизма» (Киев, 1886 г.) Советом Киевской Академии 24 мая 1887 года удостоен степени магистра богословия и указом Святейшего Синода за № 2807 утвержден в ней 1887 г. августа 21.

Определен на службу в Киевскую Духовную Академию в звании доцента общей древней гражданской истории тысяча восемьсот восемьдесят седьмого года октября двадцать девятого дня.

Указом Правительствующего Сената от 27 мая 1890 г. за № 126 утвержден по должности доцента в чине надворного советника со старшинством с двадцать девятого октября тысяча восемьсот восемьдесят седьмого года.

Перемещен на кафедру истории и разбора западных исповеданий в этой же Академии с 1889 г. января 14.

Определен преподавателем истории в Киевском Институте Благородных Девиц — с 1890 г. апреля 9.

Указом Правительствующего Сената от 26 марта 1892 г. за № 42 произведен, за выслугу лет, в чин Коллежского Советника со старшинством с 1891 г. октября 29.

Согласно прошению, уволен от должности преподавателя Киевского Института Богородных Девиц тридцать первого августа тысяча восемьсот девяносто второго года.

За отличную усердную службу Всемилостивейше пожалован орденом Св. Станислава 3-й степени 1892 г. мая 15.

Г. Министром Внутренних Дел допущен к исполнению обязанностей Киевского отдельного цензора по внутренней цензуре.

Получил серебряную медаль в память Императора Александра III-го для ношения на груди на Александровской ленте на основании высочайшего повеления от 1896 г. февраля 26.

Высочайшим приказом по гражданскому ведомству от 5 июля 1896 года за № 42 произведен, за выслугу лет, в чин Статского Советника со старшинством с 1895 г. октября 29.

За отлично-усердную службу Всемилостивейше пожалован орденом Св. Анны 3-й степени 1897 г. мая 6.

Был ли в походах против неприятеля? — Не был.

Подвергался ли наказаниям и взысканиям? — Нет.

Был ли в отпусках? — Не был.

Был ли в отставке? — Не был.

Холост или женат, имеет ли детей. . . : Женат на Варваре Михайловне Покровской, у них сын Михаил, родившийся 2 мая 1891 г.,⁸ дочь Вера, родившаяся 20 августа 1892 г., дочь Надежда, родившаяся 11 декабря 1893 г., дочь Варвара, родившаяся 10 октября 1895 года, сын Николай, родившийся 1 октября 1898 г. Жена и дети православного вероисповедания.

Киев, 1900 г. 22 апреля.

Ректор Академии Епископ Димитрий.
Секретарь Правления С. Песоцкий».

Под № 519 (1 л.) хранится «Свидетельство о явке к исполнению воинской повинности». Данный документ представляет собой специальный бланк, лицевая сторона которого содержит непосредственную информацию о воинской причастности М. Булгакова:

«Для ратников ополчения второго разряда. № 43 призывного списка. Булгаков Михаил Афанасьевич являлся к исполнению воинской повинности при призыве 1912 года и зачислен в ратники ополчения второго разряда.

Выдано Киевским Городским по воинской повинности Присутствием ноября 15 1912 года за № 191.

Председатель Присутствия — подпись <нрзб.>.

Делопроизводитель — подпись».

---

⁸ См. примеч. 2.

На оборотной стороне «Свидетельства» мелким типографским шрифтом набрано «Извлечение из Устава о воинской повинности в редакции Высочайше утвержденной 14 июня 1880 г.»:

«Ст. 154. По окончании приема людей на службу в постоянные войска, уездное, окружное или городское присутствие подвергает освидетельствованию всех остальных призываемых, в порядке, указанном в ст. 146-й, за исключением оказавшихся по наружному виду совсем неспособными носить оружие, — во второй разряд ополчения.

Примечание: лица, имеющие по семейному положению право на льготу первого разряда в случае такого изменения в семейном их положении, которое лишает их сего права, перечисляются в надлежащий возраст ратников ополчения первого разряда, если по освидетельствовании окажутся годными к военной службе».⁹

Далее приводятся выдержки из 303-й и 364-й статей Устава, разъясняющих структуру ополчения, принципы разделения ратников по разрядам, а также предупреждающих об ответственности за неявку на учебный сбор.

Последним документальным материалом киевского периода, хранящимся в РО ИРЛИ, является «Диплом об окончании Киевского университета по медицинскому факультету» (№ 520, 2 л.).

Кроме того, что этот документ подтверждает важный факт биографии писателя, он сам по себе служит интересным свидетельством своего времени со свойственной ему высокой оценкой роли интеллигенции, и в частности врача, в общественной жизни. Содержащееся здесь же «Факультетское обещание» являет образец высокой требовательности государства к профессиональным и нравственным качествам будущих врачей, а выдержки из Устава Императорских Российских Университетов отражают, с другой стороны, прочные социальные гарантии, обеспечивающие будущим специалистам соответствующее положение в обществе.

«Диплом.

Медицинская испытательная комиссия при Императорском университете Св. Владимира сим свидетельствует, что Булгаков Михаил Афанасьевич, сын чиновника, вероисповедания православного, родившийся 3 мая 1891 года, прослушал полный курс медицинского факультета и, весьма удовлетворительно выдержав установленные испытания, 6 апреля 1916 года, на основании ст. 481 Уст(ава) Учеб(ных) Зав(едений), т. XI, ч. I Св(ода) Зак(онов), изд(ания) 1893 года и ст. 595 Уст(ава) Врачебн(ого), т. XIII, изд(ания) 1905 года утвержден в степени лекаря с отличием со всеми правами и преимуществами, Законами Российской Империи сей степени присвоенными.

---

⁹ Ко времени выдачи «Свидетельства» М. А. Булгаков был старшим в многодетной семье вдовы В. М. Булгаковой.

В удостоверение сего выдан лекарю Булгакову Михаилу настоящий диплом с приложением печати.

г. Киев, октября 31 дня 1916 года.

№ 39665

5540

Попечитель Киевского Учебного Округа, Действительный Статский Советник и Кавалер И. Баранов.

Председатель медицинской испытательной комиссии —
подпись.

Правитель канцелярии — подпись».

На оборотной стороне 1-го листа диплома напечатано «Факультетское обещание»:

«Принимая с глубокою признательностью даруемые мне наукой права врача и постигая всю важность обязанностей, возлагаемых на меня сим званием, даю обещание в течение всей своей жизни ничем не помрачать чести сословия, в которое ныне вступаю. Обещаю во всякое время помогать, по лучшему моему разумению, прибегающим к моему пособию страждущим; свято хранить вверяемые мне семейные тайны и не употреблять во зло оказываемого мне доверия. Обещаю продолжать изучать врачебную науку и способствовать всеми своими силами ее процветанию, сообщая ученому свету все, что открою. Обещаю не заниматься приготовлением и продажей тайных средств. Обещаю быть справедливым к своим сотоварищам-врачам и не оскорблять их личности; однако же, если бы того потребовала польза больного, говорить правду и без лицепрятия. В важных случаях обещаю прибегать к советам врачей, более меня сведущих и опытных; когда же сам буду призван на совещание, буду по совести отдавать справедливость их заслугам и стараниям».

На 2-м листе диплома приводится выдержка из ст. 92 «Устава Императорских Российских Университетов, высочайше утвержденного 23 августа 1884 года:

Удостоенные, по выдержании испытания, одного из установленных статьею 81 дипломов, пользуются относительно отбывания воинской повинности правами, определенными в уставе сей повинности (Свод Зак(онов) т. IV, кн. 1, изд(ание) 1897 г.). Принадлежащие к мещанскому сословию или состоянию сельских обывателей лица, приобретшие ученые степени или получившие один из установленных статьею 81 сего устава дипломов, пользуются: первые — правом на причисление к потомственному почетному гражданству, а вторые — правом на причисление к личному почетному гражданству, согласно статьям 514 и 515 Законов о состояниях (Свод Законов, т. IX, изд(ание) 1899 г.).

В п. Высочайше утвержденного 23 августа 1884 года мнения Государственного Совета:

Впредь до разрешения общего вопроса о служебных правах, приобретаемых окончанием курса в учебных заведениях, предо-

ставить лицам, удостоенным ученых степеней, а равно выдержавшим окончательное университетское испытание, право на утверждение при поступлении в гражданскую службу в следующих чинах: доктору — в чине VIII класса, магистру — в чине IX класса, получившему диплом Первой степени — в чине X класса и получившему диплом Второй степени — в чине XII класса».

Большой массив документов (34 ед.) хранится под № 522: трудовая книжка, профсоюзные билеты, членские билеты всевозможных обществ, клубов, удостоверения личности, служебные пропуски, расчетные книжки, лечебные карточки, военный билет. Эти материалы охватывают период с 1921 по 1940 г., который совпадает со временем утверждения и расцвета писательского таланта, но эти же материалы являются свидетелями и тяжелых творческих испытаний, и бесконечных материальных трудностей, и надвигающихся физических недугов.

Эти документы также приводятся по возможности полностью, однако в некоторых случаях опущена расшифровка штампов, грифов, не даются сопровождающие некоторые документы Правила, Уставы и т. д. Графа с указанием фамилии, имени, отчества присутствует во всех материалах, при перепечатке же, если не нарушался синтаксический строй записи, она опускалась. В некоторых случаях даются лишь описания документов с перечислением основных сведений, в них содержащихся.

Приехавший в 1921 г. из Батуми в Москву, М. Булгаков устраивается на работу в Главполитпросвет секретарем ЛИТО, однако прослужил он на этой должности всего два месяца, так как учреждение было закрыто в связи со всеобщим сокращением штатов.¹⁰ Однако довольно быстро Булгаков устраивается заведующим отделом хроники в «Торгово-промышленный вестник»,¹¹ получив перед этим столь необходимую в то время для поступления на службу трудовую книжку. В стране царила безработица, над целыми регионами нависла угроза голода, поэтому препровождающий трудовую книжку девиз-эпиграф: «Не трудящийся, да не ест!» — отражал реальное положение дел и, вероятно, даже остроумным Булгаковым воспринимался без иронии.

«Трудовая книжка № 15612» (л. 58—75) содержит следующие сведения о М. Булгакове:

I. Время рождения — 1891 г., место постоянного жительства — Москва.

II. Основная профессия — литератор.

III. Грамотен ли — да.

IV. Отметка о браке — женат (с 30 IV <19> 25 г. на Любви Евгеньевне Белозерской, № 1139).

¹⁰ Об этом М. А. Булгаков писал в письме к матери от 17 ноября 1921 г. См.: Чудакова М. Жизнеописание Михаила Булгакова // Москва. 1987. № 7. С. 27.

¹¹ Еженедельная коммерческая газета, выходившая в Москве с 1921 г. по январь 1922 г.

V. Отношение к воинской повинности — [графа не заполнена].

VI. Кем выдана книжка — 15 отделением милиции на основании копии личной карточки № 12410. Бутырский Учет от 29 XI <19> 21 г.¹² Время выдачи — 3 XII <19> 21 г».

В книжке заполнена таблица о местах службы М. Булгакова. По неизвестным причинам здесь указано лишь одно, предшествующее получению трудовой книжки место работы:

Наименование предприятия	Адрес предприятия	Должность	Время	
			поступления	увольнения
Главполитпросвет	Сретенский б-р, 6.	Секретарь ЛИТО	С I X 1921 г.	С I XII <19>21 г. уволен за расформированием ЛИТО.

На л. 71—75 вне всякой хронологии проставлены штампы о прописке М. Булгакова по различным адресам:

- 1) 1921 г. 24 VIII — Москва, ул. Б. Пироговская, 35.
- 2) 1922 г. 22 VII — Москва, 15 отд. милиции, ул. Б. Садовая, д. 10, кв. 50. Выписан 1927 29 X.
- 3) 1924 г. 1 XI — Москва, Чистый, д. 4, кв. 9. Выписан 1926 г. 24 VI.
- 4) 1926 г. 1 / 4 (или 7) — Ленинград, 3-е отд. милиции, ул. Лассалья 1/7.
- 5) 1926 г. 10/5 — Ленинград, 3-е отделение милиции, ул. Лассалья, 1/7.
- 6) 1926 г. 24 VI — Москва, М. Левшинский, д. 4, кв. 1.
- 7) 1927 г. — Москва, М. Левшинский, д. 4, кв. 1.
- 8) 1927 г. 22 IV — Батум, г<остини>ца «Франция», № 27.
- 9) 1927 г. 7 VII — Явлен в управление Алуштинского отделения Ялтрайгормилиции. Прописан по ул. — <нрзб.>, группа дач.
- 10) 1928 г. 30 III — Ленинград, 3-е отделение милиции, ул. Лассалья, 1/7.
- 11) На л. 74 и 75 стоят два штампа на грузинском языке за 1929 20 IV и 1928 7 V.

¹² Описывая эпизод получения М. Булгаковым трудовой книжки, М. Чудакова в своем «Жизнеописании...» (с. 27) допустила маленькую неточность: она пишет, что на учет Булгаков был принят 22 ноября 1921 г. и что до выдачи самой книжки прошел недельный срок. Но даже если не принимать во внимание ошибку в дате, от 22 ноября до 3 декабря прошел срок больше недельного. На самом же деле после установки на учет (29 ноября) книжка была получена через три дня (3 декабря). Поэтому приводимые исследовательницей строки из фельетона «Москва 20-х годов»: «Я, граждане, человек замечательный. . . Трудовую книжку в три дня добыл» — следует воспринимать как биографически достоверные, без скидок на художественное преувеличение, поскольку «добыл» этот документ был действительно «в три дня».

Как и в некоторых других документах этого времени, Булгаков умалчивает в трудовой книжке о своем высшем медицинском образовании,¹³ в графе же «образование» указывается «среднее».

Под этим же номером (552, л. 142—153) хранится Удостоверение личности № 0003596 (167) серия А, выданное М. А. Булгакову 10-м отделением г. Москвы на основании свидетельства о рождении и выписки из домовой книги от 20 июля 1928 г. Здесь содержатся сведения о времени, месте рождения, месте жительства (Москва), роде занятий (литератор), отношении к воинской обязанности (состоит в запасе РККА). В графе о семейном положении сказано о разводе с Булгаковой Любовью Евгеньевной (3 X 1932) и о заключении брака с Нюренберг Еленой Сергеевной (4 X 1932).

На л. 144 значатся следующие штампы о прописке:

- 1) 1928 24 VII — Москва, ул. Б. Пироговская, 35.
10 отд. милиции.
- 2) 1928 1 VIII Ленинград, ул. Лассалья, 1/7.
3 отд. милиции.
- 3) 1928 14 VIII — Ленинград, ул. Лассалья, 1/7.
3 отд. милиции.
- 4) 1928 20 XI — Ленинград, ул. Лассалья 1/7.
3 отд. милиции.¹⁴

В фонде ИРЛИ сохраняются также воинская личная книжка № 249 (л. 9—11) и военный билет (л. 154—170) М. А. Булгакова. Билет выдан 18 мая 1931 г. Октябрьским райвоенкоматом г. Москвы. Имеются отметки о переучете, освидетельствовании, о профилактических прививках, снятии и постановке на учет, выдаче мобилизационного листка. Род войск — медицинский. В армии — не служил, группа крови по Янскому В-III.

Яркая страница литературной жизни М. Булгакова — работа в газете «Гудок» — отразилась в нескольких сухих строках «Членского билета № 37846 Всероссийского Профессионального Союза работников Просвещения». «Отдел: Губернское отделение. Москва. Секция рабочей печати». Билет выдан 19 февраля 1923 г. Под графой «Изменения в месте службы и должности» приведена следующая таблица:

Название предприятия или учреждения	Цех или отдел	Занимаемая должность
Гудок	Редакция	Обработчик

¹³ По мнению некоторых исследователей, это делалось во избежание мобилизации в армию (см., например: *Чудакова М. Жизнеописание. . .*).

¹⁴ Из записей, содержащихся в штампах, нельзя понять, какие из них подтверждают прописку, а какие — выписку.

Двумя месяцами спустя М. Булгаков получает «Членский билет № 361 Всероссийского Союза писателей», который удостоверяет, что «предъявитель сего Михаил Афанасьевич Булгаков состоит членом Всероссийского Профессионального Союза Писателей», выдан этот документ в Москве 20 апреля 1923 г., действителен по 31 декабря 1923 г. На оборотной стороне билета от руки сделаны следующие карандашные записи: «1-22-35 Саша Красный. БДМ 2613 Богосл. 4., кв. 13».

В Рукописном отделе ИРЛИ хранятся свидетельства, подтверждающие принадлежность М. Булгакова к Профессиональному союзу рабочих полиграфического производства:

1) «Удостоверение.¹⁵ СССР, Московский Губернский Отдел Союза рабочих полиграфического производства, Местком писателей. 15 X 27 г., № 2165. Москва, Тверской бульвар, д. 25, д(ом) им. Герцена, тел. 1-30-63. Настоящее выдано т. Булгакову М. А. в том, что он действительно является членом Профсоюза Работников Полиграфического производства СССР. Москва. Действительно с 15 X по 15 XI 1927 г.».

2) «Членская книжка (л. 124—137). Союз рабочих полиграфического производства СССР. Москва. № 148137.

Профессия — писатель; возраст — 1891 г.; время выдачи книжки — X (19)27 г.

Когда впервые вступил в Союз и какой: с 1927 г. — 15 X, Союз Печатников.

2) В каком производстве начал работать и с какого года — 1921.

3) Сколько лет всего работает в печатном производстве — 1920.

4) Образование — высшее.

5) Партийность — б/п.

6) Занимаемая должность — литератор».

Известно, что в 1928 г. М. Булгаков налаживает тесные контакты с ленинградскими театрами, неоднократно выезжает в Ленинград.¹⁶ Документальными свидетельствами тому могут служить:

1) «Членский билет № 371 В» (л. 1) Ленинградского общества Драматических и музыкальных писателей (драмосоюз). Билет подписал Председатель Правления А. Глазунов. Выдан на 1928 г.

2) «Состоящее в ведении Главискусства Наркомпроса РСФСР Ленинградское общество Драматических и музыкальных писателей (драмосоюз). Устав утвержден Совнаркомом РСФСР 20 ноября 1923 г. Правление: Ленинград, ул. Марата, д. 20, кв. 22, тел. 157-19. Агентурный Отдел: Москва IX, Большой Гнезниковский, 10. Тел.: 4-31-93.

¹⁵ Удостоверение напечатано на машинке.

¹⁶ Это же подтверждают штампы о прописке М. Булгакова в Ленинграде, см. с. 202—203.

Временный билет. Выдан Михаилу Афанасьевичу Булгакову в том, что он состоит членом Драмосоюза по секции драматургов.

Член Правления Потехин.

Председатель Драмсекции Архипов. 21 июня 1929 г.».

Единица хранения № 522 содержит также профсоюзные билеты М. Булгакова разных лет и разных ведомств (л. 78—123).

1) «Всероссийский Союз работников Просвещения. Московский Губотдел. Членский билет № 9778. Год рождения — 1892.¹⁷ Специальность — ¹⁸ Семейное положение — женат. Отметки об уплате взносов: 1924 г. — январь, апрель».

2) «Профессиональный Союз Работников Искусств СССР Всерабис. Членский билет № 134661. Профессия — драматург. Специальность — режиссер. Год рождения — 1891. Время вступления во Всерабис: X 1930. Выдан 22 X 30 г.

Наименование предприятия	Время поступления	Выполняемая работа
МХТ	25 V (19) 30 г.	Режиссер

Взносы: вступительные, 1930: ноябрь, декабрь. 1931: январь—декабрь. 1932: январь—декабрь. 1933: январь—февраль»

3) «Профессиональный Союз Работников Искусств. Членский билет № 009842. Год рождения — 1891. Профессия — писатель-режиссер. Производственный стаж — 6 лет. Год вступления в Союз — 1930. Наименование профоргана — МХАТ СССР им. Горького. Дата 16 V 36 г. Уплата взносов — с момента вступления по 1939 г., 19 сентября. За 1940 г. (л. 87) стоит отметка местного комитета о болезни. 4 XI 36 г. МХАТ СССР — уволен по собственному желанию. 4 XI 36 г. ГАБТ СССР — взят на учет».

Кроме профсоюзных билетов имеются билеты различных обществ, членом которых являлся Булгаков. Как будет видно из приводимых документов, эти общества в разной степени могли привлекать внимание писателя. Одни из них близки ему по роду деятельности, другие, вероятно, имели для него чисто формальное значение, как например Общество друзей воздушного флота, и членство в них могло носить благотворительный характер.

1) Л. 3. «Членский билет действительного члена Клуба Дома Ученых № 65. Центральная Комиссия по Улучшению Быта Ученых при Совнарком (ЦЕКУБУ). Действителен по 1 января 1927 г.

Председатель Правления Клуба Ученых — подпись».

2) Л. 138—139. «Московское Отделение секции научных работников. Удостоверение № 937. Выдано Булгакову М. А. в том, что он зарегистрирован как научный работник по г. Москва.

¹⁷ См. примеч. 2.

¹⁸ Графа не заполнена.

Председатель секции Н. Виноградов. Действительно по 1 января 1929 г. Продлено по 1 января 1930 г. Настоящее удостоверение профбилет не заменяет».

3) Л. 76—77. «Всероскомдрам. Членский билет № 1791. Всероссийское общество драматургов и композиторов. Выдан члену Всероскомдрама тов. Булгакову Михаилу Афанасьевичу. Состоит в обществе по секции Драматургов с 1926 г. Москва, 7 IX <19>31 г. Билет продлевался: по 1 I 19<32> г., с 19 I <19>32 г. по 1 I <19>33 г.».

4) Л. 2. «Временный членский билет № 100 клуба мастеров искусств ЦК РАБИС, специальность — драматург. Место работы — МХАТ-1. Время вступления — 11 ноября 1935 г. Уплата членских взносов: вступительные, ноябрь, декабрь».

5) Л. 177—180. «Трудовой народ, строй Воздушный флот! Член Общества Друзей Воздушного флота СССР. 1924, № 513933. Год рождения — 1891. Время вступления — 17 IV <19>24 г. Взнос уплачен по 17 VI <19>25 г.».

6). Л. 175—176. «Друг детей. Комиссия помощи детям. СССР. № 390410. Настоящее выдано гр. Булгакову М. А. в том, что он имеет право на звание „Друг детей“. Взносы — 1925 г., май—август. Председатель Алексеев. И. О. отв. секретаря Рабинович. Выдано 1 IV <19>25 г.».

7) Л. 4. «Членский билет № 38. Кружок друзей искусства и культуры. На 1 и 2 полугодие 1928 года. Москва, 29 V <19>28 г.».

8) Л. 5. «Членский билет № 34. Кружок друзей искусства и культуры. На 1 и 2 полугодие 1929 г. Москва, 14 II <19>29 г.».

9) Л. 171—174. «Членский билет МОИР (Международной организации помощи борцам революции) № 260. Время вступления — 15 III 1931 г. Какой организацией выдан билет — ячейкой при МХТ. Председатель ЦК МОПР СССР Е. Стасова. Взносы за 1931 г., июль—декабрь». На л. 174 сказано, что «МОПР — школа интернационального воспитания и пролетарской солидарности», «своевременная уплата членских взносов — основа материальной помощи борцам революции».

Среди документов, сохраняющихся под № 522, находится несколько удостоверений, пропусков, подтверждающих причастность М. Булгакова в той или иной степени к различным учреждениям.

1) Л. 140—141. «Редакция и издательство газеты „Гудок“ Центрального Комитета Союза железнодорожников СССР. Удостоверение № 26. 11 февраля 1925 г. Москва, Солянка, 12, „Дворец Труда“. Продлено по 31 декабря 1925 г. Булгаков М. А. состоит литсотрудником. Действительно по 1 VI 25 г.».

2) Л. 192. «Московский Художественный театр. Личная карточка № 77. Предъявитель сего Булгаков М. А. состоит режиссером МХАТ СССР. Выдано 1 января 1932 г. Действительно по 1 декабря 1932 г. Зав. личным столом — И. Клейман».

3) Л. 183—184. «МХАТ СССР им. Горького. Должность —

режиссер. 1 января 1935 г. Действителен по 1 сентября 1935 г. Действителен по 31 декабря 1935 г. Действителен по 31 января 1936 г.».

4) Л. 181—182. «МХАТ СССР им. Горького. Должность — режиссер. 1 января 1936 г. Действителен по 25 марта 1936 г.».

5) Л. 188—189. «Государственный ордена Ленина Академический Большой театр Союза ССР. Сезон 1939—1940. Пропуск № 18 на право входа в здание ГАБТ СССР. Должность — консультант-либреттист Репертуарной части. Выдан 15 октября 1939 г. Действителен по 1 декабря 1940 г.».

Бытовыми реалиями из жизни писателя являются следующие документы:

1) Л. 17—34. «Расчетная книжка № 72. Должность — литсотрудник. Наименование предприятия — издательство газеты „Гудок“. Адрес: Солянка, 12. Выдана 1 I 1924 г.

Зачислен в 16 разряд тарифной сетки. Тарифная ставка 144 руб. Система оплаты: повременная, месячная. Заработная плата выдается 2 раза в месяц: 1 и 15 числа». Здесь же оговариваются условия труда, приводятся выдержки из положений о рабочем времени, времени отдыха, сверхурочных, оплате, охране труда и т. д.

2) Л. 35—58. Аналогичные сведения содержит и «Расчетная книжка № 128», выданная 27 III 1925 г. тем же издательством.

3) Л. 14—16. «Расчетная книжка № 434. Московский Художественный театр. Должность — режиссер. Выдана: 2 июля 1930 г. Оплата труда — 150 руб. Сроки выдачи — 2 и 16».

4) Л. 190—191. «Дом им. Герцена. Литер „Н“. Билет № 1054 для входа в столовую ВССП. Выдан 7 IX. Действителен по 31 декабря 1931 г. Организация: Всероскомдрам».

5) Л. 193—194. «Литфонд СССР при Союзе Советских писателей. Москва, Пушкинский б., 25, т. 1-30-83.

Лечебная карточка № 186.

Писатель Булгаков М. А. проживает: ул. Фурманова, 3/5, кв. 44. На право лечения в поликлинике 1-го Московского Медицинского института (Москва, Серебряный п., 5) на счет Литфонда. Основание: Договор от 25 сентября 1934 г. Выдана сроком по 1 XII <19>37 г. Директор поликлиники Оськин.

Прикрепления иждивенцев.

Ф. И. О.	Возраст	Отношение к главе семьи
1. Булгакова Е. С.	42 г.	Жена
2. Булгаков Сергей	10 л.	Сын

На оборотной стороне обложки лечебной карточки сделана карандашная запись: «9-1-85-92 зубной врач Тарлева, прием $1/2$ 2—5 час.».

6) Л. 185—187. «Центральная поликлиника Наркомздрава СССР. Билет № 5658. Булгаков М. А. прикреплен по списку № 242. Учреждение — Литфонд. Действителен с 1 января 1940 г. по 31 декабря 1940 г.»

Кроме описанных в данной публикации документов в Рукописном отделе имеется немало интересных материалов, проливающих свет на некоторые моменты биографии М. Булгакова. Их обзор будет продолжен в следующем сборнике.

ИЗ ПЕРЕПИСКИ М. А. БУЛГАКОВА с Е. И. ЗАМЯТИНЫМ и Л. Н. ЗАМЯТИНОЙ (1928—1936) (ПУБЛИКАЦИЯ В. В. БУЗНИК)

Переписка М. А. Булгакова (1891—1940) с Е. И. Замятиным (1884—1937) представляет немалый научный интерес как неподдельный документ, характеризующий не только взаимоотношения двух выдающихся русских прозаиков XX в., но и некоторые общие для них жизненные, творческие проблемы, а также сходную по своему драматизму, хотя во многом и разную литературную судьбу. В переписке этой точно запечатлелись личности обоих писателей, их человеческие характеры, пристрастия, вкусы, круг интересов и знакомств. Содержатся в ней и отдельные новые или уточняющие сведения биографического свойства.

Замятин был одним из первых, кто еще в начале 20-х гг. одобрительно отозвался в печати о только что вступавшем в литературу Булгакове. В своей статье «О сегодняшнем и о современном» (Русский современник. 1924. № 2) он выделил булгаковскую сатирическую повесть «Дьяволиада» как «единственное современное» произведение из всех, опубликованных в четвертом номере альманаха «Недра» за 1924 г. И хотя «абсолютная ценность этой вещи» показала ему «невелика», он с удовлетворением отметил некоторые особенности ее стиля, как отвечающие духу времени и, вместе, перспективные. «У автора, — говорилось в статье, — несомненно, есть верный инстинкт в выборе композиционной установки: фантастика, корнями вырастающая в быт, быстрая, как в кино, смена картин — одна из тех (немногих) формальных рамок, в какие можно уложить наше вчера — 19-й, 20-й год» (с. 266). Вполне оптимистическим был и общий вывод Замятина о том, что в дальнейшем от Булгакова, «по-видимому, можно ожидать хороших работ» (там же).

Завязавшееся таким образом знакомство вскоре стало очным. Точная дата и место первой встречи писателей пока не установлены. Однако имеются сведения о том, что уже летом 1925 г. Булгаков приезжал в Ленинград в связи с публикацией его рассказов и очерков на страницах журнала «Красная панорама» и «Вечерней Красной газеты» (см.: Яновская Л. Творческий путь Михаила Булгакова. М., 1983. С. 145; Балонов Ф. Влекущая тайна творчества // Вечерний Ленинград. 1987. 11 августа. С. 3). Известно и то, что примерно тогда же Замятин побывал в Москве, где присутствовал на премьере своей пьесы «Блоха» («Левша») во 2-м МХАТе (см.: Чудакова М. Жизнеописание Михаила Булгакова // Москва. 1987. № 8. С. 29). Вполне вероятно поэтому, что во время одной из этих поездок и состоялось личное знакомство Булгакова с Замятиным. Так или иначе, но к маю 1926 г. они уже несомненно знали друг друга и оба принимали участие в большом литературно-художественном вечере Всероссийского союза писателей, проходившем в Ленинграде.

С тех пор между Булгаковым и Замятиным установились прочные дружеские отношения, которые не оборвались и после того, как осенью 1931 г. Замя-

тину пришлось навсегда покинуть СССР, эмигрировать во Францию. Писатели постоянно встречались и у Замятина в Ленинграде, и у Булгакова в Москве, куда выезжали по своим литературно-театральным делам. Для Булгакова отношения эти были по-особому важны и дороги. Как замечено, «это была та литературная дружба, которой не хватало Булгакову в Москве, где близкие ему люди относились главным образом к ученому миру и миру актеров» (*Чудакова М. Жизнеописание Михаила Булгакова. С. 79*).

На протяжении всего знакомства между Булгаковым и Замятиным велась непрерывная переписка, в которой принимала живейшее участие и Л. Н. Замятина (1887?—1965), жена писателя, испытывавшая к Булгакову большое душевное расположение и хорошо осведомленная о многих его как семейно-бытовых, так и творческих обстоятельствах.

Ниже публикуется часть этой переписки (автографы и машинописные копии), хранящаяся в Рукописном отделе ИРЛИ (Пушкинский Дом) АН СССР (ф. 369, ед. хр. 321, 322, 391, 392). Ее составляют три письма Булгакова к Замятину, одно — к Л. Н. Замятиной, одно — к ним обоим; одиннадцать писем Замятина к Булгакову и столько же — Л. Н. Замятиной к нему.

Другая часть настоящей переписки, состоящая из шести писем Булгакова к Замятину (1928—1931) и находящаяся в Отделе рукописей ИМЛИ им. А. М. Горького АН СССР, опубликована Е. Ю. Литвин в журнале «Памир» (1987. № 8. С. 94—99), а также: *Булгаков М. Письма. Материалы для биографии. М., 1988. С. 130, 131, 135, 144, 208, 213.*

1

Е. И. Замятин — М. А. Булгакову
(январь—март 1928 г. Ленинград) ¹

... дня... 192... г.

Уважаемый Михаил Афанасьевич,

Вы любезно обещали написать для театрально-литературного сборника Драмосоюза статью на тему «Драматург и критика».²

Ввиду того что сборник должен выйти в мае месяце в ознаменование 25-летнего существования Драмосоюза, мы убедительно просим Вас подтвердить свое согласие на представление Вашей статьи к сроку и подписать прилагаемое при сем соглашение, необходимое по формальным основаниям.

Просим принять уверение в нашем уважении.

Редакторы: А. Кугель,
Е. Замятин.

¹ Датируется ориентировочно по содержанию письма, а также приложенному к нему «Соглашению», где сказано, что срок представления рукописи — 5 апреля 1928 г.

Письмо отпечатано на официальном бланке Главнауки Наркомпроса РСФСР Ленинградского общества драматических и музыкальных писателей (Драмосоюз).

² По-видимому, эта статья будет упоминаться в дальнейшей переписке Булгакова и Замятина под новым названием — «Премьера» (см. письма 7 и 8).

Л. Н. Замятина — М. А. Булгакову

17 марта <1928. Ленинград>

Дорогой Михаил Афанасьевич, Вы забыли нас. И забыли туманный, фантастический Петербург, Вас не тянет туда больше. Или Вы перебрались на какой-нибудь необитаемый небагровый остров¹ и не хотите ни с кем иметь дела?

Но мы, я — хотим иметь с Вами дело, хотим по-прежнему видеть Вас у себя. . .

Написали бы хотя несколько строк о себе, не грех было бы это сделать.

Привет!

Л. З <амятина>.

¹ На протяжении 1927—1928 гг. Камерный театр готовил к постановке комедию Булгакова «Багровый остров», написанную на основе его одноименной повести. Премьера состоялась 11 декабря 1928 г.

Л. Н. Замятина — М. А. Булгакову

1 апреля <1928. Ленинград>

Посылаю Вам порошки, Михаил Афанасьевич. Должны излечиться моментально от своей головной боли.

Вечером надеюсь видеть Вас у себя — Моховая, 36, кв. 8.

Л. Замятина.

Л. Н. Замятина — М. А. Булгакову

15 мая <1928. Ленинград>

Дорогой Михаил Афанасьевич.

Простите меня — дуру петербургскую, что пишу Вам. Но обстоятельства необычайной важности заставляют это делать.

Ваш наместник в ПБ — Николай Эрн <естович>¹ забыл правила Вашей игры,² вводит при поддержке Е <вгения> И <вановича> свои, с чем я никак не могу согласиться и подчиниться. Они, напр <имер>, отрицают право начинающего игру выкладывать слова до хода. Не пора ли Вам приехать в ПБ и навести порядок?

Ждем.

Л. З <амятина>.

P. S. Посылаю письмо с сестрою. Для верности.

¹ Радлов Николай Эрнестович (1889—1942) — художник, общий знакомый Замятиных и Булгакова.

² Речь идет, вероятно, о некогда популярной игре буриме.

5

Л. Н. Замятина — М. А. Булгакову

25 июля <1928. Ленинград>

Дорогой метр!

В воскресенье — 28 VII — в 6.45 м. вечера мы будем на Курском вокзале. Едем с поездом № 11 (скорым на Феодосию—Севастополь), отходящим из ПБ в 8.25 утра. Из Москвы уходит в 7.25 веч(ера). Сами понимаете, что мы никуда тронуться из вагона не можем на долгое время, раз у нас всего имеется 40 мин<ут>. Но если бы Вы смогли и захотели приехать по-видаться — было бы чудесно, а мы были бы Вам благодарны.

Итак, м<ожет> б<ыть>, до свиданья?

Привет Люб<ови> Евг<еньевне>.¹ Ее беспокоить мы не смеем.

Л. З<амятина>.

Е<вгений> И<ванович> в Новгороде с Зошенкой² до пятницы.

¹ Белозерская Любовь Евгеньевна (1895?—1987) — вторая жена писателя, брак с которой был заключен 30 апреля 1925 г.

² Зошенко Михаил Михайлович (1895—1958) — один из немногих ленинградских литераторов, не отвернувшихся от Замятина даже в самые тяжелые годы критических гонений, когда из автора романа «Мы» старались сделать «какого-то мракобеса» и любые дела, отношения с ним становились политически опасными. С горечью констатировал Замятин: «Меня стали бояться вчерашние мои товарищи, издательства, театры» (Письмо Замятина Сталину // Книжное обозрение. 1988. 8 апреля. С. 6).

6

Л. Н. Замятина — М. А. Булгакову

1 августа <1928. Ленинград>

Милый Михаил Афанасьевич, посылаю один порошок с кофеином (прилагаю рецепт) и 2 облатки пирамидона. Желаю немедленно избавиться от головной боли.

Ждем! Захватите «Бег».¹

Л. Замятина.

¹ В течение лета 1928 г. Булгакову пришлось с переменным успехом бороться за восстановление своей пьесы «Бег» в репертуаре Художественного театра, откуда она была исключена резолюцией Главреперткомма (см.: Гудкова В. В. Судьба пьесы «Бег» // Проблемы театрального наследия М. А. Булгакова: Сб. научных трудов. Л., 1987. С. 41).

Е. И. Замятин — М. А. Булгакову

8 августа 1928 (Ленинград)

Дорогой Михаил Афанасьевич, честь имею уведомить Вас, что мы гнием на корню от ежедневных дождей. А затем — следуют пункты:

1. Приветствую Любовь Евгеньевну и Вас;
2. Напоминаю Вам, что Вы обещали написать для альманаха Драмосоюза статью «Премьера»;¹ размером не стесняйтесь; статью заранее приветствую (альманах будет издан в «Academia»);
3. Примите к сведению, что мой петербургский телефон теперь 2-40-72;
4. Кончайте скорее свою зубоврачебную карьеру² и приезжайте в Питер;
5. Начихайте на все.³

Ваш Евг. З(амятин).

¹ См. письмо 1, примеч. 2.

² Имеется в виду, наверное, то обстоятельство, что Булгаков не забывал своей профессии врача, о чем, например, свидетельствуют воспоминания С. Ермолинского: «Как и прежде, когда я заболел, он спешил ко мне: любил лечить. Болезни у меня по тем молодым годам были несложные — простуда, бронхит. Тем не менее у него был вид строгий, озабоченный, в руках чемоданчик, из которого он извлекал спиртовку, градусник, банки» (Ермолинский С. Из записей разных лет // Воспоминания о Михаиле Булгакове. М., 1988. С. 468).

³ Подразумевается, по-видимому, тяжело травмировавшая Булгакова обстановка неопределенности, образовавшаяся к этому времени вокруг его пьес: «Настроение, владевшее им в эти дни, легко реконструировать — „Бег“ все еще не был разрешен, „Дни Турбиных“ обречены (их должна была сменить готовящаяся к постановке пьеса Вс. Иванова), в прочность будущей постановки „Багрового острова“, при сложившемся отношении Реперткома к его пьесам, Булгаков вряд ли верил...» (Чудакова М. Жизнеописание Михаила Булгакова. С. 79).

Е. И. Замятин — М. А. Булгакову¹

13 сентября 1928 (Ленинград)

С «Багряным² островом» Вас!

Дорогой старичок,

позвольте Вам напомнить о Вашем обещании дать для альманаха Драмосоюза «Премьеру».³ Когда прикажете этого ждать? Пора уж.⁴

Пожалуйста, не подражайте нашему общему другу Булгакову — не кладите писем под сукно, но вместо того честно ответьте.

Привет Любви Евгеньевне.

Ваш Евг. Замятин.

¹ В сокращенном виде настоящее письмо, а также ответ на него Булгакова, датированный 27 сентября 1928 г., впервые опубликованы: *Чудакова М. Жизнеописание Михаила Булгакова. С. 78—80.*

² Так у Замятина: «багряный» вместо «багровый».

³ См. письмо I, примеч. 2.

⁴ В ответном письме Булгакова говорится:

«К тем семи страницам „Премьеры“, что лежали без движения в первом ящике, я за две недели приписал еще 13. И все 20 убористых страниц, выправив предварительно на них ошибки, вчера спалил в той печке, возле которой вы не раз сидели у меня.

И хорошо, что вовремя опомнился.

При живых людях, окружающих меня, о направлении в печать этого опуса речи быть не может.

Хорошо, что не послал. Вы меня извините за то, что я не выполнил обещания, я в этом уверен, если я скажу, что все равно не напечатали бы ни в коем случае.

Не будет „Премьеры“!

Вообще упражнения в области изящной словесности, по-видимому, закончились» (цит. по: Памир. 1987. № 8. С. 96).

9

Л. Н. Замятина — М. А. Булгакову

25 февраля (1929. Москва)

Дорогие Булгаковы!

Я возмущена — Е(вгений) Ив(анович) скрыл от меня, что у вас появился сын.¹ Ну, поздравляю, поздравляю. Какой красавец он у Вас!

Приехала я сегодня — у меня опасно болен племянник, лежит в клинике МГУ. Поехала к нему, оказалось — приемные часы поздние, решила повидать вас — тоже неудачно. Позвоню вечером, чтобы условиться насчет свиданья.

Приняты были (я была с сестрой) Марусей² по-московски — очень приветливо и гостеприимно.

Привет.

Л. Замятина.

Я живу в бестелефонном месте.

¹ Возможно, что речь идет об одном из розыгрышей, принятых у Булгаковых. На этот раз он связан с появлением в их доме пса Бутона. «Он быстро завоевал наши сердца, — рассказывала позже Л. Е. Белозерская, — стал общим баловнем и участником шарад. Со временем он настолько освоился с нашей жизнью, что стал как бы членом семьи. Я даже повесила на входной двери под карточкой Михаила Афанасьевича другую карточку, где было написано: „Бутон Булгаков. Звонить два раза“» (*Белозерская Л. Е. Страницы жизни // Воспоминания о Михаиле Булгакове. С. 220.*)

² Домработница Булгаковых. «Была она чистоплотна и добра... Когда появился пес, полюбила и пса, называла его „батушка“ и ласкала» (Там же. С. 219).

Л. Н. Замятина — М. А. Булгакову

9 марта <1929. Москва>

Михаил Афан<асьевич>, дорогой, я должна получить какую-нибудь <удь> книгу Ваших произведений.¹ Если не дадите, буду считать Вас Пильняком. До такого позора, надеюсь, не доживем.

Готовьте Е<вгению> И<вановичу> письмо, я уеду, вероятно, в середине этой недели. И книгу мне, книгу.

Привет.

Л. З<амятина>.

Мой племянник выразил желание иметь след<ующие> книги:

Булгакова
Вольтера
Толстого Льва!!!

¹ К этому времени было издано несколько сборников рассказов Булгакова: «Дьяволиада» (М., 1925), «Роковые яйца» (Рига, 1925), «Трактат о жилище» (М.; Л., 1926).

Е. И. Замятин — М. А. Булгакову

15 июля 1929 <Ленинград>

Дорогой товарищ инструктор,¹ я хорошо понимаю, что всякое напоминание о городе, где Вам пришлось 10 (десять) раз пролезать под бильярдом, — Вам не очень приятно. Поверьте, что причинить Вам эту неприятность меня вынуждает только крайняя необходимость.

Как Вам известно — пьес я больше не пишу.² Но вот одну хорошую американскую пьесу московским театрам хочу предложить — в срочном порядке. Для этого мне нужно знать, кто из театральных людей сейчас в Москве.

Благоволите снять с телефона свой халат, позвонить и затем сообщить мне: 1) имеется ли налицо П. А. Марков;³ 2) Таиров;⁴ 3) кто остался в живых из МХАТа 2-го;⁵ и 4) из вахтанговцев.⁶

Пожалуйста, не будьте <нрзб.>, разузнайте это и поскорее напишите мне.

Привет Любови Евгеньевне и лучшему из старичков, какого я знаю, — Маричке.⁷ Ах, если бы мне дожить до такой старости!

Ваш Евг. Замятин.
(Он же Фока).

Вот уже неделя, как Людмила Николаевна перестала смеяться. А когда я не вижу, — может быть, даже рыдает, как дитя.⁸

¹ В таком обращении содержится, возможно, шуточный намек на то, что Булгаков незадолго до поступления в МХАТ стал консультантом в Московском театре рабочей молодежи (ТРАМ), где служил до 1931 г. «ТРАМ — не Художественный театр, куда жаждал попасть Михаил Афанасьевич, — вспоминала в этой связи Л. Е. Белозерская, — но капризничать не приходилось» (*Белозерская Л. Е. Страницы жизни. С. 226*).

² Позже, характеризуя невыносимую обстановку идеологического остракизма, исключавшую всякую возможность творчества, в том числе и писания пьес, Замятин сообщал в известном своем обращении к И. В. Сталину: «Организована была небывалая еще до сих пор в советской литературе травля, отмеченная даже в иностранной прессе: сделано было все, чтобы закрыть для меня всякую возможность дальнейшей работы» (Письмо Замятина Сталину. С. 6).

³ Марков Павел Александрович (1897—1980) — режиссер, заведующий литературной частью МХАТа в 1929—1949 гг.

⁴ Таиров Александр Яковлевич (1885—1950) — режиссер, художественный руководитель Камерного театра.

⁵ В 1924 г. Первая студия Художественного театра стала МХАТом Вторым.

⁶ Тогда же Третья студия оформилась как Театр им. Е. Б. Вахтангова.

⁷ Подразумевается М. А. Чимишкиан, близкая знакомая Л. Е. Белозерской и Булгакова (см.: *Чудакова М. Жизнеописание Михаила Булгакова. С. 76, 79—80*).

⁸ В ответном письме (19 июля 1929 г.) Булгаков писал: «Дорогой Евгений Иванович! Насчет лазанья под бильярд: существует знаменитая формула: «Сегодня я, а завтра, наоборот, Ваша компания!»

П. А. Маркова в Москве нет. Где он и когда вернется, сразу узнать не удалось. Таиров (Александр Яковлевич) за границей и будет там до половины августа. По телефону узнал, что в 2-м МХАТе обязанности директора сейчас исполняет Резголь Антон Александрович. Вахтанговцы сейчас все в Москве и до 28-го июля будут играть в Парке культуры, а что дальше с ними будет — неизвестно. Желаю успеха, рад служить. И Любви Евгениевне, и Мушке привет Ваш передал. Что касается старости, то если мы будем вести себя так, как ведем, то наша старость не будет блистательна. Передайте мой лучший привет Людмиле Николаевне, а также миллионщикам.

Ваш до гроба (который не за горами) М. Булгаков.

Р. С. Как изволите видеть, письмо касается лишь Вашего уважаемого поручения. Относительно же Вашей пьесы я Вам, как обещал, напишу. Ждите. Говорил я кое с кем, и во мраке маленький луч. Но если этот луч врет?! О, Тетрага, о, Mores!

В Москве краткие грозы, прохладно, пасмурно, скучно. На душе и зуйно и фонно.

М. Б.».

(Цит. по: Памир. 1987. № 8. С. 97—98).

12

Е. И. Замятин — М. А. Булгакову

23 октября 1930 <Ленинград>

Дорогой Михаил Афанасьевич,

уважаемый режиссер!¹

К Вам — как к режиссеру и магистру драматургии — направляю молодую драматургшу Наталью Александровну Эляшеву. Она написала пьесу, очень современную по тематике («молодежную» и «новобитную») и любопытную по конструкции: посмот-

рите, не пригодится ли эта пьеса для ТРАМа² или для Малой сцены МХАТа.

Искренне Ваш

Евг. Замятин

(бывший писатель, а ныне доцент Ленингр<адского> Кораблестроительного института).³

Привет от Людм<илы> Ник<олаевны>
Вам и Любви Евгеньевне.

¹ В мае 1930 г. после беседы с И. В. Сталиным, Булгаков был принят в МХАТ на должность режиссера-ассистента (Михаил Булгаков. Из литературного наследия // Октябрь. 1987. № 6. С. 188—189). В этой связи К. С. Станиславский писал ему: «Дорогой и милый Михаил Афанасьевич! Вы не представляете себе, до какой степени я рад Вашему вступлению в наш театр! Мне пришлось поработать с Вами лишь на нескольких репетициях „Турбиных“, и я тогда почувствовал в Вас — режиссера (а может быть, и артиста?!). Мольер и многие другие совмещали эти профессии с литературой! От всей души приветствую Вас, искренно верю в успех и очень бы хотел поскорее поработать вместе с Вами» (Станиславский К. С. Собр. соч.: В 8 т. М., 1961. Т. 8. С. 270).

² См. письмо 11, примеч. 1.

³ См. письмо 11, примеч. 2.

13

Е. И. Замятин — М. А. Булгакову

Москва, Б. Пироговская, 35 А, кв. 6
Драматургу Михаилу Афанасьевичу Булгакову.
28 октября 1931 <Ленинград>

Дорогой Афанасьич,

итак — ура трем М: Михаилу, Максиму и Мольеру!¹ Прекрасная комбинация из трех М для Вас обернется очень червонно: радуюсь за Вас. Стало быть, Вы поступаете в драматурги, а я — в агасферы.²

Дальний мой путь начнется, вероятно, 14 ноября. В Москве буду, д<олжно> б<ыть>, числа 4—5. Это зависит от известий о получении визы (которой все еще нет — черт бы побрал их). А 15 ноября МХАТ 2-й выпускает освеженную «Блоху»³ — посмотреть едва ли успею. Жаль. Увидимся во всяком случае.

Знатная путешественница убежала из дому, поручила нежно приветствовать Вас и Любовь Евгеньевну.

Е. Зам<ятин>.

¹ В октябре 1931 г. была принята к постановке в МХАТе пьеса Булгакова «Мольер» («Кабала святош»), ранее запрещенная Главреперткомом и увидевшая свет рампы только после обращения автора с письмом в Правительство СССР 28 марта 1930 г. (Михаил Булгаков. Из литературного наследия. С. 176—180). Упомянув имя «Максим», Замятин намекает на Горького, принимавшего в 1928—1931 гг. деятельное участие в устройстве театральных дел Булгакова, в защите его пьес от несправедливых нападок Главреперткома (Проблемы театрального наследия М. А. Булгакова. С. 41—45).

В ответном письме Замятину (31 октября 1931 г.) Булгаков писал:
«Дорогой Агасфер!

Когда приедете в Москву, дайте мне знать о своем появлении и местопребывании, каким Вам понравится способом — хотя бы, скажем, запиской в МХТ, ибо телефон мой — сволочь — не подает никаких признаков жизни.

Из трех эм'ов в Москве остались, увы, только два — Михаил и Мольер.

Что касается Людмилы Николаевны, то я поздравляю ее с интересной партией. Она может петь куплет:

Вот удачная афера,
Вышла я за Агасфера.

Итак, семейству Агасферовых привет!

Ваш М. Булгаков».

(Цит. по: Памир. 1987. № 8. С. 98—99).

² Образ «вечного странника» Агасфера был для Замятина не случаен. В нем олицетворялась для него судьба всех крупных писателей, «художников очень больших», чей путь в жизни «это всегда — хождение по мукам, всегда измена синнице в руках ради журавля в небе» (*Замятин Е. Грядущая Россия // Дом искусств. 1921. № 2. С. 95*).

Непрекращавшаяся травля со стороны рапповских ортодоксов (см. письмо 11, примеч. 1) вынудила самого Замятина разделить горькую агасферову судьбу. В середине ноября 1931 г. он эмигрировал из Советской страны, и «на перроне Белорусского вокзала его навсегда провожал друживший с ним Михаил Булгаков» (*Лакшин В. «Антиутопия» Евгения Замятина // Знамя. 1988. № 4. С. 129*).

³ «Блоха» — «народное шуточное представление», написанное Замятиным на тему рассказа Н. С. Лескова «Левша». Первую постановку осуществил МХАТ 2-й в 1925 г.

14

Е. И. Замятин — М. А. Булгакову

15 мая (1932. Монако)

Дорогой Мольер, мы сидим в кафе в Монако и вспоминаем Вас. Какие лица! Какой материал для Вашего пера! Радуюсь, что оно не работает вхолостую (читал о возобновлении «Турбинных»).¹ Я после моих странствований — отдыхаю в Côte-d'Azur'ных краях уже с месяц. Скоро опять еду в Париж — пока на месяц. Потом, вероятно, опять вернусь сюда. А отсюда — может быть, в Америку. Буду рад получить от Вас несколько строк. Привет Любви Евгеньевне.

Л(юдмила) Н(иколаевна) очень загорела и гордая — сама не может писать — шлет привет.

Адрес: Villa «Borisella», Cagnes-sur-mer (А. М.).

Евг. Замятин.

¹ В январе 1932 г. последовало правительственное распоряжение о возобновлении на сцене МХАТа пьесы Булгакова «Дни Турбинных», исключенной из его репертуара после известного выступления И. В. Сталина «Ответ Билль-Белоцерковскому» (2 февраля 1929 г.). Премьера пьесы состоялась 18 февраля 1932 г.

15. Л. Н. Замятина — М. А. Булгакову

31 мая <1932. Ницца> ¹

Не верю, не хочу верить, что Вы постарели. Устали — да. Но летом отдохнете все же и станете прежним — блистательным, остроумнейшим, очаровательно-веселым — каким Вы бывали иногда в Ленинграде, и когда я так много смеялась всегда.

Да, топ cher ami, пути судьбы неисповедимы — и я уже скоро три месяца наслаждаюсь на Côte d'Azur'e. Здесь природа благословенна, щедра, мягка. Люди — любезны и веселы. Вдали — Альпы с снежными вершинами, прямо — море, изумительное по краскам (конечно, уже давно купаюсь). А у себя — в саду — розы, вербены, отцветающий уже fleur d'orange. А еще в саду — моя нежная, пылкая любовь, носящая опьяняющее имя Whisky, — чудесная обезьянка с Канарских островов. Такой забавницы и проказницы трудно найти. А любопытна до чего! Разрешите послать Вам ее фотографию. И мы, между прочим, посылаемся и 1/2 пижамы очаровательной женщины.²

Моп тагі умчался снова в Париж. Там сейчас разгар весеннего сезона, Ваше письмо — переслано уже. Париж — сплошная фантастика. Это не Берлин — скучный, чистый, прямой, и не Прага. Изумительный, прекрасный город! С удовольствием думаю, что вернусь еще туда и буду жить там. О получении этого письма непременно напишите сюда же. Я не говорю Вам «adieu», нет — au revoir, au revoir — где хотите — в Москве ли, в Ленинграде ли. Бывали Вы в нем без нас? Ревную жестоко... К кому — сами знаете. Моск(овские) газеты читаем с интересом. Привет Л(юбови) Евг(еньевне). Целую Вас, мой милый Маб!³

Л. Замятина.

¹ В Рукописном отделе ИРЛИ это письмо ошибочно датировано 1929 г. Между тем оно отправлено из Франции и вложено в конверт, помеченный 31 мая 1932 г., Ницца (ф. 369, ед. хр. 392, л. 18).

² К письму приложена фотография Л. Н. Замятиной и Е. И. Замятина (ф. 369, ед. хр. 392, л. 11).

³ «Маб» — одно из ласковых прозвищ Булгакова, принятых в среде его друзей, близких. Более часто писателя именовали «Мак», «Мака». Л. Е. Белозерская так рассказывает о происхождении этого уменьшительного имени: «Я уже говорила, что мы любили прозвища. Как-то Михаил Афанасьевич вспомнил детское стихотворение, в котором говорилось, что у хитрой, злой орангутанихи было три сына: Мика, Мака и Микуха. И добавил: Мака — это я. Удивительнее всего, что это прозвище — с его же легкой руки — очень быстро привилось. Уже никто из друзей не называл его иначе, а самый близкий его друг Коля Лямин говорил ласково „Макин“. Сам Михаил Афанасьевич часто подписывался Мак или Мака» (Белозерская Л. Е. Страницы жизни. С. 197).

Е. И. Замятин — М. А. Булгакову

5 октября 1932. <Париж>

Автору «Мольера»¹ и «Мертвых душ»² привет от странника, который — к слову сказать — оскандалился и на юге получил грипп, только 3—4 дня как опять гуляю.

Напишите, как живете и работаете.

Адрес: 21, В^d Bruon, Paris. Mr. Savitch — pour

Е. Zam.

¹ См. письмо 13, примеч. 1.

² Осенью 1932 г. в МХАТе готовится спектакль (режиссер К. С. Станиславский) по написанной Булгаковым инсценировке поэмы Н. В. Гоголя «Мертвые души». Вскоре состоялась премьера, «спектакли пошли один за другим — и шли с неизменным, невероятным успехом почти полвека, прежде чем постановка, в которой сменилось несколько поколений актеров, начала угасать...» (*Яновская Л.* Творческий путь Михаила Булгакова. С. 211).

М. А. Булгаков — Е. И. Замятину

«Астория», Ленинград.
25 октября 1932.

Дорогой странник!

Что же, милый Евгений Иванович, Вы так скупы на слова? Хотел ответить Вам тем же — написать кратко...¹

¹ Отрывок черновика.

М. А. Булгаков — Е. И. Замятину

28 октября 1932.
Москва

Зачем же, о Странник, такая скупость на слова?

Хотел отомстить Вам тем же, но желание говорить о драматургии берет верх.

Как я работаю? Прежде всего, как Вы работаете? Пишете ли? Что? Почему? Как? Скучаете ли? Слышал, что Вы вскоре возвращаетесь на родину. Когда?...¹

¹ Отрывок черновика, представляющего новый вариант письма, начатого Булгаковым в Ленинграде 25 октября 1932 г. (см. письмо 17).

М. А. Булгаков — Е. И. Замятину

7 декабря 1932. <Москва>

Дорогой Евгений Иванович, дайте о себе весть — где Вы?

Ваш М. Булгаков.

Б. Пироговская, 35 А, кв. 6.

Л. Н. Замятина — М. А. Булгакову

Сочельник — 24 декабря <1932>,
а по-ихнему Réveillon!
<Париж>

Хорошо Réveillon, когда +15, когда сияет солнце, продают розы, когда люди ходят в одних пиджаках и по-весеннему улыбаются! Нет, я предпочитаю в сочельник мороз, снег, яркие звезды, а Новый год встречать не в ресторане на Монмартре, а в Москве или в Ленинграде и — с Вами, дорогой Михаил Афанасьевич. Такое пожелание делаю себе на 1933 год.

Поздравляю Вас с успехом «Мертвых душ».¹ Московские газеты иногда нам попадают. Очень приятно за Вас. Надеюсь, что Ваша апатия прошла и Вы чувствуете себя хорошо. Над чем работаете сейчас? Как обстоят дела с «Мольером»?² Вообще, как идет Ваша жизнь? Все это очень меня интересует, и Вы напишите мне обо всем этом.

Мы безбожно застряли на Ривьере, только с месяц, как вернулись в Париж. Е(вгений) И(ванович) делал в Ницце один сценарий,³ потом писал роман, а я купалась, купалась и, кажется, перекупалась — чувствую себя в Париже не очень хорошо. А Париж — такой красивый, стремительный, фантастический, каждый день открываю в нем всегда новое. Пока остаемся здесь и адрес наш такой: 22, rue Lamblardie, Paris, 12.

Были ли в Ленинграде? Как живут Коля с Диной?⁴ Оставляю место Е(вгению) Ив(ановичу).

Жду письма.
Л. Замятина.

¹ См. письмо 16, примеч. 2.

² См. письмо 13, примеч. 1.

³ Речь идет, по-видимому, о сценарии по роману Л. Толстого «Анна Каренина», написанном Замятиным для французского кино.

⁴ Подразумеваются Николай Эрнестович и Надежда Константиновна Радловы.

Е. И. Замятин — М. А. Булгакову¹

25 декабря 1932. <Париж>

Дорогой Мака,² сегодня ихний, французский праздник. Это я ощущаю всем своим существом и особенно — ушами: у соседей слева — радио, справа — радио и напротив могучий электрофон. Слева — оперетка, справа — канканчик, в середине — рождественский гимн: прелестная французская симфония! Я наслаждаюсь ею уже два дня — два дня сижу дома и отдыхаю после пред-рождественской беготни по магазинам и редакциям. Крепкий народец французы: как Вам известно, даже американцам не удалось выжать из них долгов. Я оказался счастливей американцев: большую часть долгов мне заплатили, живем! В одной из редакций («Revue de France» — ихний «толстый» журнал) произошел случай, можно сказать, спиритический: предо мной предстал Марсель Прево,³ которого я считал покойничком, а он жив и даже, оказывается, в числе бессмертных. Знакомство состоялось по поводу «Наводнения»,⁴ которое было у них напечатано и проняло старичка. Ну, это — *demi-vierge*. А вот как-то сидел у Моруа⁵ — и вспомнил Вас: с этим бы Вы поговорили с удовольствием, приятные мозги у человека.

Я по Вас и супруге Вашей, ей-богу, соскучился, но раньше весны едва ли увидимся: кой-какие дела тут начаты и еще не кончены, паспорта продлены пока еще на полгода. Видел на днях Вашего москвича — Бабеля.⁶ Н-да, жизнь у вас там — кипит. . . Вас — с Новым годом и с «Мертвыми душами»⁷ — от души.

Е. З(амятин).

¹ Написано в продолжение письма Л. Н. Замятиной к Булгакову от 24 декабря 1932 г. (см. письмо 20).

² См. письмо 15, примеч. 3.

³ Прево Эжен Марсель (1862—1941) — французский писатель, член Французской академии, автор любовно-психологических романов, склонных к морализаторству.

⁴ Новелла Замятина, впервые опубликованная в 1930 г. (Ленинград).

⁵ Моруа Андре (1885—1967) — классик французской литературы XX в. писатель-гуманист. Завоевал всемирную известность не только своими реалистическими романами из жизни буржуазного общества, но и художественно-биографическими произведениями, посвященными выдающимся личностям мировой культуры («Шелли», «Байрон», «Тургенев»). Его творческая манера отличается соединением психологизма с иронией. Большой знаток и ценитель русской литературы (статьи о Л. Толстом, А. Чехове).

⁶ Бабель Исаак Эммануилович (1894—1941), в конце 20-х—начале 30-х гг. неоднократно бывал в Париже по литературным делам.

⁷ См. письмо 16, примеч. 2.

Л. Н. Замятина — М. А. Булгакову

12 февраля 1933.
(Париж)

Дорогой Михаил Афанасьевич.

В конце декабря писала Вам. Ответа не получила. Огорчена. Делаю следующие предположения:

- 1) Вы изменили мне.
- 2) Вы изменились сами.
- 3) Изменили своему адресу — переехали на другую квартиру, и письмо мое не дошло до Вас.

Если и теперь ничего не получу от Вас — буду делать выводы из 2-х первых пунктов, 3-й отпадает — театр никуда не переехал, и Вы по-прежнему работаете там.¹

Искала в новогоднем № «Лит(ературной) газ(еты)» Вашего портрета и Ваших пожеланий. Не нашла и моего первого мужа. А так хотелось бы на Вас обоих посмотреть.

Париж нравится все больше и больше. Город исключительный.

Е(вгений) И(ванович) шлет приветы. Очень занят. Делает с одним режиссером фильм из «Анны Карениной» (parlant).²

Ну, а Вы не собираетесь на Запад? ³ Когда? Весной? Летом?

Au revoir, топ сгег ami, не хочу думать, что Вы мне уже сказали «adieu». . . Адрес: 22, Lamblardie, Paris, 12.

Л. Замятина.

Р. S. Вашим успехам очень радуемся. Московские газеты читаем. Когда пойдет «Мольер»? ⁴

Привет Ольге Леонардовне ⁵ большущий передайте от нас.

¹ На конверте обозначен театральный адрес Булгакова: URSS, Moscou, М. А. Булгакову, Моск(овский) Худ(ожественный) театр имени М. Горького, Проезд Художественного театра, Москва (ф. 369, ед. хр. 392, л. 15).

² См. письмо 20, примеч. 3.

³ Булгаков долгое время думал о поездке за границу и начиная с 1929 по 1934 г. неоднократно обращался к Правительству СССР, непосредственно к И. Сталину за соответствующим разрешением. Мотивируя свою просьбу, он писал, например, секретарю ЦИК Союза ССР А. С. Енукидзе: «Ввиду того, что абсолютная неприемлемость моих произведений для советской общественности очевидна,

ввиду того, что совершившееся полное запрещение моих произведений в СССР обрекает меня на гибель,

ввиду того, что уничтожение меня как писателя уже повлекло за собой материальную катастрофу (отсутствие у меня сбережений, невозможность платить налог и невозможность жить, начиная со следующего месяца, могут быть документально доказаны).

При безмерном утомлении,

бесплодности всяких попыток

обращаюсь в верховный орган Союза — Центр(альный) Исполнительный Комитет СССР и прошу

разрешить мне вместе с женою моей Любовию Евгениевной Булгаковой

выехать за границу на тот срок, который Правительство Союза найдет нужным назначить мне.

Михаил Афанасьевич Булгаков
(автор пьес «Дни Турбиных», «Бег»
и других).

3 IX 1929 г.
Москва».

(Цит. по: Михаил Булгаков. Из литературного наследия. С. 175).

Одновременно писатель направил несколько писем М. Горькому с просьбой поддержать это его ходатайство.

Все попытки Булгакова побывать за рубежом оказались, однако, тщетными. В 1934 г. ему окончательно отказали в выезде. (Подробно об этом см.: Михаил Булгаков. Из литературного наследия. С. 175—191).

⁴ См. письмо 13, прим. 1.

⁵ Книппер-Чехова Ольга Леонардовна (1868—1959) — одна из старейших актрис Художественного театра, активно поддерживавшая интересы молодежной части его труппы (см.: *Марков П. А.* Книга воспоминаний. М., 1983. С. 291—292).

23

М. А. Булгаков — Л. Н. и Е. И. Замятиным ¹

10 апреля 1933.
Москва

Дорогие Людмила Николаевна и Женя!

С октября месяца прошлого года сочиняю Вам это письмо. Начал его еще в Вашей благословенной ленинградской Астории. Нет, нет, милая Людмила Николаевна: я жутко изменился, но я ничуть не изменился в отношении Вас!

Итак, я развелся с Любовью Евгеньевной и женат на Елене Сергеевне Шиловской.² Прошу ее любить и жаловать, как люблю и жалую я. На Пироговской живем втроем — она, я и ее шестилетний сын Сергей. Зиму провели у печки в интереснейших рассказах про Северный полюс и про охоты на слонов, стреляли из игрушечного пистолета и непрерывно болели гриппом. За это же время я написал биографию Вашего парижанина Жана-Батиста Мольера для серии «Жизнь замечательных людей».³ Теперь этой биографией любуются Тихонов.⁴

А Вы, стало быть, обвенчались с Анной Карениной? ⁵ Бог мой! Слово — Толстой — приводит меня в ужас! Я написал инсценировку «Войны и мира».⁶ Без содрогания не могу проходить теперь мимо полки, где стоит Толстой. Будь прокляты инсценировки отныне и вовеки!

Вы спрашиваете, когда я собираюсь на Запад? ⁷ Представьте, в последние три месяца этот вопрос мне задают многие. . .

¹ Печатается по машинописному черновику, не имеющему окончания.

² Брак оформлен в октябре 1932 г. См. письмо 9, примеч. 1.

³ Повесть «Жизнь господина де Мольера» была написана в 1932—1933 гг., но увидела свет только в 60-е гг.

⁴ Тихонов Александр Николаевич (1880—1956) — русский советский писатель, литературный деятель, один из издателей серии «Жизнь замечательных людей». В 1930—1936 гг. возглавлял издательство «Academia».

⁵ См. письмо 20, примеч. 3.

⁶ В августе 1931 г. Булгаковым был заключен с Ленинградским драматическим театром (ГБДТ) договор на инсценировку романа Л. Толстого «Война и мир».

⁷ См. письмо 22, примеч. 3.

Е. И. Замятин — М. А. Булгакову

3 ноября 1933.
Париж.

Дорогой Мольер Афанасьевич,

я задержался с ответом на Ваше милое письмо для того, чтобы иметь возможность поздравить Вас одновременно с Октябрьской годовщиной — и с новым семейным очагом. Ах, молодежь, молодежь! Ах, ветрогоны!

Когда-то я был вроде Вас, а теперь вот наказан за грехи: два месяца пролежал в постели с жестоким ишиасом в левой ноге. И такая обида: это случилось чуть ли не накануне поездки в Италию, на Комо — уж виза была в кармане — и, вместо Комо, в кровать. . . Впрочем, теперь уже встаю, выхожу, еду на репетиции.

На какие репетиции? Как, разве я ничего Вам не сказал? Ну, конечно, — «Блоха»,¹ а вернее — «La Puce», ибо нашлись искусники, которые умудрились перевести это на французский, и смельчаки, которые это ставят. Я говорю — смельчаки, потому что «Блоха» выпрыгивает из здешнего нерушимого адюльтерного канона. Пойдет «Блоха» в конце ноября — для открытия спектаклей нового «авангардного» «Théâtre des Artisans», в декорациях Юрия Анненкова.²

Àme slave здесь вообще в моде. Один из лучших парижских драматургов — Деваль³ — написал пьесу «Товаргисч» из парижско-русского быта с участием большевика. . . Что за клюква! И ничего — фрунцузы глотают и похваливают. А вот когда им показали «Бронепоезд»⁴ прошлой зимой, они фыркали в самых драматических местах, вообще — не поняли, и пьесу быстренько сняли (правда, актеры — особенно «les moujiks gusses» — были ужасны).

Летом видел здесь «Турбиных» одного из небезызвестных Вам мольеров, в исполнении так называемой «пражской группы». За исключением превосходного Мышлаевского — все остальные. . . — Вы бы не досидели до конца.

Зато, надеюсь, Вы вполне удовлетворены тем, как идет работа по постановке «Бега» и «Мольера».⁵ Желаю Вам успеха.

Как видите, мои блошинные дела, а также кое-какие перспективы относительно другой пьесы и фильма, к сожалению, еще задерживают меня здесь, так что наше свидание все откладывается. Ну, что делать, что делать! Не забывайте, пишите.

Ваш Евг. З(амятин).

¹ См. письмо 13, примеч. 3.

² Анненков Юрий Павлович (1889—1974) — русский театральный художник, живописец, график. С 1924 г. жил во Франции.

³ Деваль Жак (1890—?) — автор мелодрам, пользовавшихся успехом у буржуазно-мещанской публики. В пьесе «Товариш» карикатурно изобразил посланца Страны Советов и в скорбных тонах рассказал о печальной участи потомков русской императорской фамилии.

⁴ Инсценировка повести Вс. Иванова «Бронепоезд 14-69».

⁵ Запрещенный в 1929 г. «Бег» был впервые инсценирован лишь после смерти писателя — в 1957 г. (Волгоградский драматический театр). Репетиции пьесы «Мольер» начались в МХАТе весной 1932 г.

Л. Н. Замятина — М. А. Булгакову ¹

3 ноября 1933.
Париж.

Далекий Михаил Афанасьевич,

не из-за мстительности я не отвечала на Ваше письмо. Оно пришло, когда мы были в Бретани, у океана. Вернувшись в августе — тогда получили. А тут начались хлопоты об итальянской визе, частые поездки на авто по окрестностям Парижа (они очаровательные!). А в сентябре — топ cheg tagi заболел, такие переносил мучения, что трудно описать. Все мое внимание фиксировалось на него, на что-либо другое не хватало времени. Теперь самое неприятное уже позади. Е(вгений) И(ванович) двигается, улыбается. А улыбка в жизни ведь так много значит, правда?

Я не представляю Вас в новой обстановке, в новом окружении. Мне жаль Любовь Евг(еньевну) . . . Устроена ли ее личная жизнь? Ах, Маша, Маша. . . Вы должны, конечно, измениться теперь, и изменитесь наверно. Вот почему Вы не поняли, что Вам надо было ответить скорее на мое последнее письмо, послать хоть два слова, надо было это сделать. Можете порадоваться — благодаря Вам я стала более равнодушна к родине, меньше стала думать и мечтать о ней. . .

Живем мы около Булонского леса — 14, rue Raffet, Paris, 16^e. Весной и летом много гуляли по нему, теперь ездим туда на авто — есть у нас приятели французы, имеющие автомобили, вот и заезжают за бедным больным, чтобы дать ему возможность дышать свежим воздухом.

Я за болезнь Е(вгения) И(вановича) оч(ень) устала — и физически, и морально. Поэтому Париж воспринимаю плохо пока, но его люблю очень и привыкла уже к нему.

Если напишете — буду очень рада, но уж никаких условий не ставлю больше.

Пусть Елена Сергеевна сдержит слово и провезет Вас по Европе.² Тогда я познакомлюсь с ней, а пока передайте мой привет. Вам — всяческих успехов.

Л. Замятина.

¹ Написано в продолжение письма Замятина к Булгакову от 3 ноября 1933 г. (см. письмо 24).

² См. письмо 22, примеч. 3.

26

М. А. Булгаков — Л. Н. Замятиной ¹

31 декабря 1933.
Москва.

Милая Людмила Николаевна!

Еще несколько часов и пробьет — «12». Говорят, что все это условности. Возможно. Но все-таки, всякий раз, как ждешь боя часов, внушаешь себе, что, вот, явится Фортуна, обольстительно улыбнется. Она, конечно, не явится, все это чепуха, но ждать никогда не запрещается.

Итак, поздравляю Вас с Новым годом. Так как мне точно известно, что нужно для счастья человека, то этого и желаю Вам: 1) здоровье, 2) собственная вилла, 3) автомобиль, 4) деньги. Все прочее приложится.

Себе желаю только одного: как можно скорее переехать в Нащокинский переулоч.² Больше мне ничего не нужно.

Есть затрепанная, тусклая, заношенная надежда, что это случится в январе. Но если не случится, то гражданин, которому наша Пироговская квартира уже сдана, отравит мне окончательно жизнь.

Но недаром я жду полночи — улыбнется богиня — авось, передедем.

Ваше письмо от 3 XI 33 получено. . .

¹ Черновой автограф незавершенного письма.

² В Нащокинском переулочке (Фурманова, 3) находился кооперативный писательский дом, куда Булгаков переехал в начале 1934 г. (последняя квартира писателя).

27

Л. Н. Замятина — М. А. Булгакову

14, rue Raffet,
Paris, 16^e.

1 июня 1936.
<Париж>

Дорогой Михаил Афанасьевич!

Около двух лет прошло (подумайте — 2 года!), как я получила Ваше последнее письмо. В нем Вы писали, что Елена Серг(еевна) собирается «возить Вас по Европам». «Мольер» поставлен, «Мертвые души» и «Дни Турбиных» не сходят со сцены МХТ, а Елена Серг(еевна) до сих пор не исполнила своего намерения,

и Вы все не едете. Не раз мечтали о достойной встрече Вас. Под гитару, как Николка в «Дн⟨ях⟩ Турб⟨инных⟩», была бы исполнена в Вашу честь кантата (как замечательный поэт Ваш Николка!). выпили бы ароматного густого бургундского etc, etc

Читали рецензии о «Мертвых душах»,¹ о «Мольере»,² т⟨ак⟩ к⟨ак⟩ имеем почти все моск⟨овские⟩ газеты и журналы.

Посмотреть бы на Вас — каким Вы стали теперь? Солидным? Уравновешенным? Этим интересуюсь не я одна.

Живем — неплохо. Париж с каждой весной люблю все больше и больше. И когда Е⟨вгений⟩ И⟨ванович⟩ поднимает вопрос о возможном переезде в Лондон — я протестую. Расстаться с этим изумительным городом, с «прекрасной Францией» — не хочется. Но Е⟨вгению⟩ И⟨вановичу⟩ уже давно Париж поднадоел.

Если напишете — буду рада, если не захотите — не пишите, буду огорчена, но в обиде теперь не буду.

Привет от Е⟨вгения⟩ И⟨вановича⟩.

Л. Замятина.

¹ См. письмо 16, примеч. 2.

² См. письмо 13, примеч. 1.

ПЕРЕПИСКА М. А. БУЛГАКОВА С А. П. ГДЕШИНСКИМ (1923—1940) (ПУБЛИКАЦИЯ Т. М. ВАХИТОВОЙ)

В фонде М. А. Булгакова в Рукописном отделе ИРЛИ (Пушкинский дом) АН СССР хранится переписка писателя с другом его юности А. П. Гдешинским. В гимназические годы Миша Булгаков был близок к семье Гдешинских, дружил с младшими сыновьями Петра Степановича Гдешинского — Платоном и Александром. П. С. Гдешинский был помощником библиотекаря Духовной семинарии, а его сыновья — семинаристами.

Знакомство писателя с Гдешинскими биографы Булгакова относят к 1905 г. А. С. Бурмистров связывает факт их знакомства с тем, что обе семьи — и Булгаковых, и Гдешинских — жили в одном доме в это время. Он замечает: «В 1905 году Булгаковы жили в академическом доме, у самой Академии (дом 5/10 на углу Ильинской и Волошской улиц). Вероятно, что в этот год и в этом доме произошла встреча Михаила Булгакова с братьями Гдешинскими — Платоном (1892—1920) и Александром (1893—1951), которые жили здесь и с которыми его связывала многолетняя дружба».¹

Несмотря на то что братья были семинаристами, они являлись постоянными участниками музыкальных и театральных вечеров в доме Булгаковых. И, хотя состав домашних артистов нередко обновлялся, Саша Гдешинский всегда был рядом с Мишей Булгаковым. По воспоминаниям Надежды Афанасьевны Земской (сестры писателя), он ходил за ним «тенью»,² принимая участие не только в спектаклях, но и в серьезных диспутах о смысле жизни, предназначении человека.

¹ Бурмистров А. С. К биографии М. А. Булгакова (1891—1916) // Контекст 1978. М., 1978. С. 257.

² Дневник Н. А. Земской хранится в семейном архиве ее дочери Е. А. Земской.

По свидетельству Ларисы Николаевны Ильиной, жены А. П. Гдешинского, братья бросили семинарию, и «по светской дороге они пошли под влиянием Миши — оказали свое воздействие вечера в „открытом“ доме Булгаковых с музыкой. Он их ввел, так сказать, в светскую жизнь, заставил полюбить все это. И, по моему, уговаривал их уйти из семинарии — хотя это было трудно, везде в других заведениях уже надо было платить за обучение».³

Как утверждает М. Чудакова, «из семинарии братья ушли из четвертого класса — сначала тайком от отца и, кажется, сами зарабатывали на свое обучение».⁴ Платон Гдешинский ушел в политехникум, а Александр поступил в консерваторию, собираясь стать скрипачом.

В 1913 г., когда М. Булгаков венчался с Татьяной Лаппой, братья Гдешинские были его «поручителями» вместе с Б. Богдановым и К. Булгаковым.⁵

Семья Гдешинских была очень музыкальной, глава семьи играл на нескольких музыкальных инструментах и, как отмечает в своих воспоминаниях Н. А. Земская, Петр Степанович учил играть на скрипке и Мишу Булгакова. В доме Гдешинских постоянно звучала музыка, семейный квартет или трио исполняли популярные классические произведения (см. об этом письмо А. П. Гдешинского М. А. Булгакову от 9 декабря 1939 г.). Интересно отметить, что в конце жизни, будучи смертельно больным, Булгаков живо интересуется музыкальной программой домашних концертов в доме Гдешинских, планом их квартиры, программой концертов в саду «Купеческого собрания».

(Два письма М. А. Булгакова А. П. Гдешинскому с вопросами о музыке хранятся в семейном архиве Е. А. Земской).

После революции А. П. Гдешинский работал в консерватории, служил в музыкальной школе. «Служу понемногу в консерватории и в детской музыкальной школе, директором которой состою моя жена — Лариса Николаевна», — сообщал он М. Булгакову в письме от 9 апреля 1935 г.

В конце 20-х гг. А. П. Гдешинский выступал в составе струнного квартета при музыкальном обществе им. Леонтовича: 1-я скрипка — М. А. Вольф-Изразль, 2-я скрипка — А. П. Гдешинский, альт — А. М. Грабовский, виолончель — И. Г. Кушаков. Имеются документальные свидетельства о том, что в 1929 г. А. П. Гдешинский входил в состав лектуры в Киевском музыкально-драматическом институте им. Лысенко.⁶

На всю жизнь А. П. Гдешинский сохранил к М. А. Булгакову нежное и возвышенное отношение. В свою очередь и Михаил Афанасьевич дорожил этой дружбой, он был до конца искренен и честен с другом юности. Об этом свидетельствуют и содержание их переписки, и бережно сохраненные Булгаковым письма А. П. Гдешинского. Видимо, не будет преувеличением утверждение, что А. П. Гдешинский, как и П. С. Попов, принадлежал к ближайшему окружению писателя. Их связывали прекрасные юношеские воспоминания, неизбывная, романтическая любовь к Киеву, неодолимая страсть к музыке. Не случайно в одном из самых последних своих писем, написанных А. П. Гдешинскому, от 28 декабря 1939 г. М. Булгаков, предчувствуя гибель, желал старинному другу «видеть солнце, слышать море, слушать музыку».

Письма А. П. Гдешинского интересны прежде всего сведениями о жизни Булгакова, характере его привязанностей, манере поведения. Некоторые из этих фактов, деталей известны булгаковедам, другие еще не введены в широкий научный оборот. Так, представляется весьма любопытной любимая молодым Булгаковым цитата из Саши Черного, приводимая А. П. Гдешинским в письме от 17 октября 1929 г.: «Я в мир, как все, явился голый, /и шел за радостью, как все. ./. кто спелал мой дух веселый — /Я сам иль ведьма в колесе?». Именно эти строки могли бы послужить эпиграфом ко всему творчеству и жизни писателя.

В письмах А. Гдешинского содержится и оценка творчества Булгакова, и размышления о жизни в Киеве в 20—30-е гг. Стоит отметить глубокое замечание

³ Цит. по книге: Чудакова М. Жизнеописание Михаила Булгакова // М., 1988. С. 38.

⁴ Там же.

⁵ Бурмистров А. С. К биографии М. А. Булгакова. С. 264—265.

⁶ Театральный и музыкальный справочник на 1929 год. М.; Л., 1929. С. 327.

А. Гдешинского о том, что кроме «экономического равенства», статистики, политэкономии есть еще и другие законы, скрытые за грубыми жестами истории, как дух творца, скрытый за строками, и вот по этому „чему-то“ плачет все же свободный дух человека, вместить и заковать который не могут никакие „измы“» (письмо от 6 августа 1923 г.). Дополняет это утверждение другое замечание А. Гдешинского из письма от 4 мая 1924 г.: «Если б не было этих глупых и узких людей, которые взяли внешнюю сторону нашей жизни».

Представляют интерес и наблюдения А. Гдешинского над стилем жизни в Киеве, о котором постоянно просил сообщать друга юности М. Булгаков. Видимо, эти сведения были необходимы писателю для творческой работы над постоянной, киевской, темой его творчества.

В конце 1938 г. А. Гдешинский заболел острой формой ревматизма и обратился к М. Булгакову с просьбой достать дефицитное по тем временам лекарство. Булгаков мгновенно откликнулся и буквально через несколько дней отослал лекарство в Киев. Этот акт милосердия особым образом характеризует писателя, никогда не забывавшего о профессиональной, врачебной этике и человеческом сострадании.

Особую научную ценность представляет письмо А. Гдешинского от 9 декабря 1939 г., содержащее ответы на вопросы М. Булгакова о музыке. С профессиональной точностью музыканта (скрипача) А. П. Гдешинский воссоздает атмосферу музыкальной жизни Киева перед революцией, рассказывает о характере музыкальных программ в саду Купеческого собрания, которые так часто в юности посещал Михаил Булгаков. Эти материалы представляют исключительно ценный источник для исследования на тему «Булгаков и музыка».

Ответных писем М. Булгакова А. П. Гдешинскому в Рукописном отделе ИРЛИ находится только четыре. Некоторые из писем писателя, по-видимому, пропали в годы Великой Отечественной войны. Наиболее значительными являются письмо от 2—6 марта 1935 г., посвященное встрече Булгакова с родными местами в Киеве, и письмо от 28 декабря 1939 г., которое является своеобразным духовным завещанием писателя, прощанием с другом юности и жизнью.

Образ А. Гдешинского запечатлен и в творчестве Михаила Булгакова. По предположению Л. Яновской, черты характера этого человека просматриваются в образе непутевого, но бесконечно милого и доброго кузена Лариосика из пьесы «Дни Турбиных».

А. П. Гдешинский умер в 1951 г. Он похоронен в Киеве на Байковом кладбище. В 1987 г. рядом похоронили и его супругу. В ограде находится памятник из черного гранита, на нем надпись:

«Александр Петрович Гдешинский
9 X 1893—18 VIII 1951

Лариса Николаевна Ильина-Гдешинская
29 IV 1895—22 VII 1987

Отчего так грустны эти жалобы?
Отчего так бьется эта грудь?
В этот миг душа желала бы
Невозвратное вернуть.

Бальмонт».⁷

В фонде М. Булгакова (ф. 369) находятся четыре письма писателя и две его телеграммы А. П. Гдешинскому (машинописные копии) (ед. хр. 314) и двадцать одно письмо А. П. Гдешинского М. Булгакову (автографы) (ед. хр. 374):

⁷ Эти сведения любезно предоставлены А. П. Кончаковским.

А. П. Гдешинский — М. А. Булгакову

Киев. 6 VIII <19>23 г.

Дорогой Миша!

Вчера я случайно зашел к Вере Афанасьевне,¹ и она мне дала прочитать твои воспоминания о Киеве;² еще раз не мог не подивиться я твоему таланту, дружбе, и от души насладиться, как чтением мастерски написанного тобою, так и тем, что написано оно тобою, милым, бесценным Мишею. Боюсь, впрочем, что ты, быть может, уехал чем-либо огорченным с моей стороны, то прости, потому что благодаря неустройству своей жизни внутреннему и внешнему не мог я, быть может, отпраздновать приезд твой в Киев³ и оказать тебе то внимание, какое неизменно живет в душе моей по отношению к тебе. Не подумай также, что чисто литературное восхищение заставило меня писать тебе, нет оно лишь дало толчек (помнишь в письме Лили П.,⁴ которое я тебе когда-то дал прочитать, было слово «толчек», над которым ты так иронизировал), но не в этом дело. Испытал я также и чувство некоторой зависти тебе, вот мол человек достигает, а я все еще какой-то недотыкой.

Именно ценно в твоих произведениях то, что они вливают какую-то бодрость в человека, заставляют сильнее, может быть, яснее чувствовать. Есть какая-то мягкая струя, несмотря на мужественность твоего письма, она изобличает в тебе не только ум, но и сердце, а это так важно, так благородно в наше истрадавшееся по какому-то высокому идеалу веку, грубому веку, грубых идеалов. Не знаю, м<ожет> б<ыть>, оно там так и нужно в железном ходе истории, но, кроме железного века истории, «экономического равенства», статистики, политэкономии есть еще другие законы, скрытые за грубыми жестами истории, как дух творца, скрытый за строками, и вот по этому «чему-то» плачет все же свободный дух человека, вместить и заковать который не могут никакие «измы».

Недавно я чрез 15-летний промежуток прочел «Идиота» Достоевского и вспомнил слова какого-то критика, что Достоевский в своем гениальном прозрении ушел бесконечно далеко от нас вперед. Скажи, пожалуйста, почему все так носятся с Л. Толстым, а Достоевский, истинный гигант духа, как будто всегда в тени? — Нехорошо также то, что ты не присылаешь, как обещал, своих произведений, и купить у меня есть за что, но в Киеве это гораздо труднее, чем в Москве. Вот бы ты, когда выходит в печать номер с твоим произведением или чем-нибудь очень интересным, взял бы его в бандерольку и написал: Киев, Гоголевская 47, кв. 2. А. П. Гдешинскому. С Ларисой Николаевной⁵ мы часто тебя вспоминаем, и она человек весьма разборчивый в людях, весьма тебя выделяет, но недоумевает, почему ты не черкнул и пары слов.

Как провел ты лето? Мы довольно скучно на днях собираемся

в Радомысльский уезд недельки на две к моей племяннице Зине, помнишь, гостившей у нас как-то летом, когда еще жив был Платон.⁶ Она замужем, у нее сын, и зовет к себе погостить, потом думаю на недельку махнуть в Николаевку, хочу продать свое пианино.

Не знаю, слышали ли у вас в Москве о нашем киевском чуде. Действительно, купол на Сретенской церкви, что на Сенной, обновился, т(о) е(сть) имеет вид совершенно новой позолоты, которая расплавленным золотом блестит на солнце. Событие это в первые три дня и даже неделю собрало возле церкви не одну тысячу народу. Это было интересное зрелище, которое я наблюдал с балкона соседнего с церковью дома на Житомир(ской) ул(ице). Вся Сенная и часть Житомирской было сплошное море голов, поднятых к куполу.

Ну, до свидания, дорогой Миша. Привет тебе от Л. Н., а от меня привет многоуважаемой и дорогой Татьяне Николаевне.⁷

Твой Александр.

¹ Вера Афанасьевна Булгакова (Давыдова) (1892—1973) — сестра писателя.

² Имеется в виду очерк М. Булгакова «Киев-город», опубликованный в берлинской газете «Накануне» в 1923 г. 6 июля. Перепечатан в 1988 г. в журнале «Наука и религия» (№ 2. С. 36—38).

³ М. Булгаков был в Киеве весной (в мае) 1923 г., и очерк о Киеве был написан по воспоминаниям и живым впечатлениям о поездке на родину (*Чудакова М. Жизнеописание Михаила Булгакова. С. 258*).

⁴ Адресата установить не удалось.

⁵ Лариса Николаевна Ильина (Гдешинская) (1895—1987) — жена А. П. Гдешинского.

⁶ Платон Петрович Гдешинский (1892—1920) — брат А. П. Гдешинского.

⁷ Татьяна Николаевна Лаппа (Кисельгоф) (1892—1982) — первая жена М. Булгакова.

2

А. П. Гдешинский — М. А. Булгакову

Киев. 4 V 1924 г.

Христос воскрес, дорогой Миша!

Несмотря на мою невероятную лень — я беру перо и пишу тебе. Солнце так ласково светит в мою комнату (Львовская 58а, кв. 12), в воздухе так упоительно до изнеможения пахнет киевской весной, воспоминание о давно проведенных пасхах так сладко шекочет сердце и, несмотря на мой 31-й год, так еще хочется наслаждаться жизнью и так хочется, чтобы ты был поближе где-нибудь, чтобы пойти к тебе, увидеть тебя, твою шляпу и пальто и испытать то своеобразное чувство общества хорошо знающего тебя веселого и умного человека, что... все это воскрешается в памяти — благодатном и жестоком даре нашего сердца. Часто я вспоминаю тебя и по самым различным поводам. Вот улица Б. Подвальная, на тротуаре группа людей. Случилось что-нибудь? Нет — это слепой скрипач и такой же гармонист играют. Что это? Такая знакомая

мелодия, такая знакомая, что даже не можешь припомнить, как она называется. Да... серенада Шуберта. Меланхолично, протяжно наигрывает аккомпанемент гармония, и вдруг — вступает скрипка: несмотря на то что скрипач плохо одет и что иногда делает ненужные взвизгивающие глissандо, у него есть сердце — нежная мелодия льется от него в сердца стоящей задумчиво толпы. Вот с противоположной стороны стоит пожилая красивая и бедно одетая дама. Я всматриваюсь в нее и не могу удержаться от слез. Сколько в этих глазах, наполненных слезами, что прожито, кто вспомнился? Но дальше, дальше: вот караимская кенаса.¹ Я первый раз захожу внутрь ее — там богослужение. Какая удивительная чисто сказочная красота, кажется, что это драгоценная огромная игрушка. Дальше — вот и Владимирская горка — мать юных увлечений, и Днепр, седой и юный, и Подол — почему-то неприятно и грустно смотреть на него. А простор так широк, и кажется, что расширились и легкие, и душа, и глаза, а мысли такие же легкие и изменчивые, как эти облака, а сердце, как этот ветерок, что ласкает легкие. Жизнь нельзя остановить — жизнь нельзя остановить — это ты сказал.² Было хорошо, будет еще лучше, а сейчас тоже хорошо, но не совсем. Если б не было этих глупых и узких людей, которые взяли внешнюю сторону нашей жизни.

Ну, однако, я расфилософствовался. Пасху я провел весело. Есть у меня ограниченный, но очень милый круг знакомых. Как ты проводишь время? Слышал, что едешь на юг? Будешь ли через Киев?³ Я мечтаю хоть на месяц поехать куда-нибудь в деревню подлечить нервы — никуда! Ларисе Никол(аевне) еще хуже.

Привет милой Татьяне Николаевне.

До свидания. Твой Александр.

Через 4 дня год твоей надписи у меня на письменном столе.⁴ Миша, дорогой, у меня в с(еле) Николаевке, где я был учителем, есть пианино, которое я думаю привезти в Киев и продать, но нет за что поехать, если не в тягость тебе будет, займи 1 или 2 червонца, продам пианино — отдам. (Мой месячный бюджет сейчас всего — 12—15 р.). А.

¹ Караимская кенаса — культовое сооружение для людей караимского вероисповедания находилась в Киеве по адресу: Б. Подвальная, д. 7.

² «Жизнь нельзя остановить» — основной философско-мировоззренческий принцип М. Булгакова, заявленный в очерке «Киев-город» и «Белой гвардии».

³ В 1924 г. М. Булгаков в Киеве не был.

⁴ См. письмо А. П. Гдешинского от 9 июня 1935 г., где приводится текст этой надписи.

А. П. Гдешинский — М. А. Булгакову

Адрес: Гоголевская 47, кв. 3, Киев. 17 X (19)29 г.
кв. Ильиных, А. П. Гдешинскому

Дорогой Миша!

Наконец-то ты ответил мне! Как я рад — ты не можешь себе представить! Письмо твое пришло вовремя,¹ во 1-х, к дню моего Ангела, во 2-х, оно застало меня в живых и даже в бодром настроении возвращающейся жизни. Дело в том, что я чуть было не помер две недели тому назад, от совместного воспал(ения) легких и эксудативного плеврита. 8 дней и ночей жил я камфарой и кислородными подушками, но, видно, судьба захотела мне еще доставить удовольствие получить твое письмо. Но все это, надеюсь, прошло.

Вроде тяжелой болезни было для меня и твое молчание; главное, я никак не мог постичь его? Не находил за собой, как будто, никакой вины кроме (к чему лукавить, неискоренимой любви к тебе) и потому было больно. Если же я охаял тебя чем-нибудь — то прости!

Иногда я старался представить себе твою жизнь и чувствовал, что она должна быть высокого давления и горения. Поэтому то, что ты пишешь, что надорвался, — понятно мне и очень, очень грустно!

Мне почему-то вспоминается, как ты когда-то на Андр(еевском) сп(уске) процитировал за столом стихок (Саши Черного, кажется): «Я в этот мир явился голым и шел за радостью, как все, кто спеленал мой дух веселый»² — или м(ожет) б(ыть) вру, но я хочу сказать, что мне очень грустно, что ухайдакали, верно, очень люди моего веселого, умного и доброго Мишу! Не заподозривай меня в лести, я так рад, что получил от тебя живое слово, что в словах моих несть лести!

Однако мне бы очень хотелось знать, как, что и почему было с твоими пьесами?³ До сих пор я помню лишь одно — нельзя было вернуть ни одного номера «Правды», чтобы, ей Богу, даже с досадой и завистью, не увидеть в маленьком абзаце объявления 4 или 5 раз «Дни Турбиных».⁴ В журналах «Искусство», всегда тщательно следя за рецензиями, читал я их и ругательные, и не ругательные.⁵

Ясно было одно, что ты наступил кому-то на хвост, и он тебя ел. Впрочем, все это мои впечатления, и м(ожет) б(ыть), не по существу, а я прошу тебя обо всем подробно написать.

Ты пишешь, что «все разрушено до тла, что я сделал за много лет ужасной жизни?»⁶ Бог с тобой — мне кажется, ты преувеличиваешь.

О Киеве напишу другой раз.

А пока твой А. Гдешинский.

(Пишу сейчас же по прочтении твоего письма).

¹ Письмо М. Булгакова к А. П. Гдешинскому, относящееся к октябрю 1929 г., не обнаружено.

² А. П. Гдешинский неточно цитирует стихотворение Саши Черного «В пространство» из цикла «Бурьян», впервые опубликованное в газете «Киевская мысль» (1911, № 209):

Я в мир, как все, явился голый
и шел за радостью, как все. . .
Кто спеленал мой дух веселый —
Я сам? Иль ведьма в колесе?

(Черный Саша.

Стихотворения. Л., 1960. С. 220).

³ В марте 1929 г. исчезли со сцен московских театров все пьесы М. Булгакова. «В сентябре 1929 года, перед началом нового театрального сезона, Р. Пикель объявил, что „борьба вокруг булгаковских пьес была борьбой реакционных и прогрессивных группировок внутри театра и вокруг него“» (см.: *Смелянский А. Михаил Булгаков в Художественном театре*. М., 1986. С. 195). Рапповская литературная и театральная критика борьбу художественных направлений объявила борьбой идеологической, политической, избрав главной мишенью для своих небезопасных «упражнений» драматургию М. Булгакова.

⁴ Со дня премьеры (5 октября 1926 г.) «Дни Турбиных» с большим успехом шли на сцене МХАТа. Первое упоминание о постановке этой пьесы М. Булгакова содержалось в «Правде» за 11 августа 1926 г. в информации «Театр и музыка»: «МХАТ включил в репертуар зимнего сезона шесть новых постановок, из которых над тремя театр вел подготовительную работу уже в минувшем сезоне, сюда относятся: „Белая гвардия“ (заглавие, вероятно, изменится) Булгакова (доведенная до генеральных репетиций), „Прометей“ Эсхилла и „Женитьба Фигаро“ Бомарше. Кроме того, включены „Бесприданница“ Островского, инсценировка повести Л. Леонова „Утиловск“ и — предположительно — „Войтек“ Бюхнера. „Утиловск“ дает комические картины современного ссыльного города, в котором показана жизнь бывших людей старой России».

28 сентября 1926 г. в «Правде» было объявление о премьеры «Дней Турбиных»; 5, 6, 7 октября, сразу после премьеры, спектакль шел по 10—12 раз в месяц, затем по 4—5.

⁵ В журнале «Искусство» в это время появилась отрицательная рецензия Р. Пикеля «Новая пьеса Булгакова „Бег“» (1929. № 3—4. С. 66—75). Упоминания о пьесах Булгакова («ругательные и неругательные») встречались в обзорах: Перспективы художественного сезона 1927—1928. Театр Н. Алексеева // Советское искусство. 1927. № 6; *Вакс Б.* Тематика современной драматургии // Советское искусство. 1928. № 1; *Бескин Э.* Формальные пути советской драматургии // Советское искусство. 1928. № 2; *Рейх Б.* Формальные пути советского театра // Советское искусство. 1928. № 3, и др.

⁶ В конце 1929-го—начале 1930 г. М. Булгаков находился в кризисном положении, пьесы на сцене были запрещены, в начале 1930 г. была отклонена пьеса «Кабала святош» о Мольере. Именно в это время (28 марта 1930 г.) Булгаков обращается к Правительству СССР с письмом, в котором содержалась просьба разрешить «покинуть пределы СССР», а если это невозможно, «дать работу по специальности» в театре (Новый мир. 1987. № 8. С. 194—198).

4

А. П. Гдешинский — М. А. Булгакову

20 II 1935

Дорогой Миша!

Так крепко соскучился я за тобой, так хотел бы повидать тебя, что решаюсь просить тебя приехать хоть на неделку-другую в Киев. Моя комната к твоим услугам, а также все возможное.

чтобы тебе было легко и приятно повидать нашу столицу, буде тебе это улыбнется.

Эх, тряхнем стариной, много ли осталось еще дней — неизвестно.

Целую тебя и жду ответа.

Твой Саша.

Киев, Артема 58а, кв. 6

А. П. Гдешинский.

5

М. А. Булгаков — А. П. Гдешинскому

Москва. 2 III 1935.

Дорогой Саша!

Спасибо тебе за то, что вспомнил меня, за милое приглашение.

Если ты полагаешь, что проживаешь в Киеве — жестоко заблуждаешься! По крайней мере, киевский адресный стол тебя в Киеве не видит.

Я был в прошлом августе, и бабья рука высунула в окошечко бумажку, на которой отчетливо написано, что А. П. Гдешинский в Киеве «не значится».

Теперь вижу, что чертовы куклы в адресном столе, как и полагается, наврала. Ты «значишься», и я рад твоему письму. Я был в Киеве с одной целью — походить по родной земле и показать моей жене места, которые я некогда описывал. Она хотела видеть их. К сожалению, мы могли пробыть в Киеве только пять дней. В «Континентале» мне не дали номера. Хорошо, что приютил один киевлянин.

6 III

Не мог в один присест написать письмо, так как оторвали театральные дела. Итак, был я и на выступе в Купеческом, смотрел на огни на реке, вспоминал свою жизнь.

Когда днем я шел в парках, странное чувство поразило меня. Моя земля! Грусть, сладость, тревога!

Мне очень бы хотелось еще раз побывать на этой земле. Раньше лета, в лучшем случае весной, этого сделать нельзя (сезон). Но думаю, что летом исполню намеченное.

Напиши мне о своей жизни. Женат ли ты? Где работаешь? Если не лень — что-нибудь о стиле жизни в Киеве. Вопрос о поездке не так прост. Если я поеду, то обязательно с женою, и тут всплывают все эти беспокойства с «Континенталем» и прочее. Так напиши же мне о себе!

Твой Михаил.

П. С. Жену мою зовут Елена Сергеевна. И живем мы втроем:

она. я и 8-летний Сергей, мой пасынок, — личность высоко интересная. Бандит с оловянным револьвером и учится на рояле.

Порадуй письмом.

М.

Нащокинский переулок, д. 3, кв. 44.

6

М. А. Булгаков — А. П. Гдешинскому

30 марта 1935 г.
Москва

Я послал тебе, дорогой Саша, письмо в ответ на твое, но от тебя нет ничего.

Так что начинаю думать, что ты не получил моего послания.

Поддай весть!

Твой Михаил.

Нащокинский пер. 3, кв. 44

Пиши заказным.

7

А. П. Гдешинский — М. А. Булгакову

9 IV 1935.

Киев, Артема 58а, кв. 6.

Дорогой Миша!

Получил оба твои письма¹ и был очень рад, что ты мне ответил. Извини, что не отвечал тотчас же. Конечно очень жаль, что проклятый адресный стол лишил меня удовольствия встретиться с тобой, а также с твоей женой и сыном. Надеюсь, что в этом году обстоятельства сложатся благоприятно и Вы, будучи в Киеве, остановитесь у меня. Боюсь только, что моя комната и скромна и, конечно, не может быть противопоставлена «Континенталю». Однако от этого ничуть не уменьшается мое самое искреннее желание видеть тебя, Елену Сергеевну и Сережу у себя редкими и дорогими гостями.

Напиши только заранее, когда приблизительно ты располагаешь быть в Киеве, чтобы не было какого-либо совпадения, мешающего осуществить Ваш визит.

О себе пока не буду много распространяться — служу понемногу в консерватории и в Детской музыкальной школе, директором которой (школы) состоит моя жена Лариса Николаевна. (Помнишь на Гоголевской ты был в 1923 г. и оставил даже на столе надпись «За неимением манжет писал на столе М. Б. май 1923 г.»). Жизнь наша сложилась так, что я живу на Гоголевской, но имею

еще комнату на Львовской, где у меня что-то вроде рабочего кабинета. Сию комнату я и предлагаю в полное ваше распоряжение.

Кончаю. Напишу следующий раз больше.

Сейчас жена сильно простудилась, и у меня много беготни.

Твой Саша.

Передай мой привет Елене Сергеевне.

Бандит,² играющий на рояле, меня заочно очаровал.

¹ Письма М. Булгакова от 2—6 марта 1935 г. и 30 марта 1935 г.

² Пасынок М. Булгакова — Сергей Шиловский.

8

А. П. Гдешинский — М. А. Булгакову

17 VI (19)36

Дорогой Миша!

2¹/₂ часа ночи.

Это насмешка, какая теперь установилась чудная погода! Только я не хожу на Днепр — одному скучно. Как вы доехали в Москву и не скучаете ли за Киевом?¹ Что касается Остра,² то я думаю после 20-го съездить туда. 20-го же едут туда наши знакомые снимать дачу, и я у них выпытаю предварительно кой-что об Остре. Туда, кажется, в этом году тяга. Комнаты там, по-видимому, не дороги, говорят 100—200 руб⟨лей⟩ тогда как, напр⟨имер⟩, в Ворзеле³ доходят до 1000 руб⟨лей⟩. Если Ваши планы не изменились, черкни пару слов, и я выеду туда лично осмотреть, чтобы написать более подробно. Мы еще не решили куда ехать — возможно, в Крым. Так что я тебе не буду мешать отдыхать.

Целую ручки глубокоуважаемой Елене Сергеевне 1000 раз. Пиши.

Твой Александр.

Жду обещанной карточки. Привет от Ларисы Николаевны.

¹ В июне 1936 г. Булгаков и Елена Сергеевна были в Киеве вместе с артистами Художественного театра, который был там на гастролях.

² Остёр — город в Черниговской области УССР, расположен при впадении реки Остёр в Десну. Булгаковы, видимо, собирались там снимать комнату на лето. Однако «остаток лета Булгаков и Елена Сергеевна проводят с «мхатчиками» в Синопе, под Сухуми» (Смелянский А. Михаил Булгаков в Художественном театре. С. 313).

³ Ворзель — курортное место в Киевской области УССР.

А. П. Гдешинский — М. А. Булгакову

Всемиловитый государь и повелитель мой
Михаил свет Афанасьевич!

Понеже распоряжение имех от тебя изследовати городок Остер, еже на Десне реке быти, дабы в оном граде ты с любезным семейством твоим местопребывание летнее возмог иметь бы, то не получаях от тебя более точных сведений, аз, мерзкий пес и раб твой, недоумевал, что соделати. В Крым ли ехати? Удерживает меня страх великий прогневати тебя и лишиться на веки лицезрения светлого лика твоего и любезных писем твоих (раз в четырехлетие отсылаемых). Почто гневаешь си на мя, почто лика твоего обещанного, на светописи запечатленного, не посылаеши?

Здрав — ли ты ес?

Не ругаешь ли — си мя по линии сродственников [восподящих]?

В ожидании всих сих — послал писание к ужику¹ своему, в Остре пребывание имевшему. Сей муж мало-мало благочестивый ответ держа мне тако же: Остер место злачно, место покойно, где за *(нрзб.)* все иметь можно. Работницу такожде, вода близко, угодия, купание. ловля рыбная. мражено есть. воды сельтерские и базар. Дачников приезжает «до черта» (не к ночи будь помянут!)

С помещением не так уж чтобы легко, но с упомянутыми ефимиками,² очевидно, возможно. Не прогневайся, если что не потрафил. исправитья всегда могу и хочу для тебя. друга милого

Рцы, како думаеши?

До получения любезных словес твоих
твой остаюсь раб ничтожный

Сашка.

Киев град. Лето 1936 червня³ 26-го.

¹ Древнеславянское — родственник. (Примечание А. П. Гдешинского).

² Ефимок — русский серебряный рубль, чеканенный в 1654—1655 гг. при царе Алексее Михайловиче.

³ Червень (*укр.*) — июнь.

А. П. Гдешинский — М. А. Булгакову

Гурзуф. 4 VIII 1936

Дорогой Миша!

Сию у самого моря и . . . купанья. Захотелось написать тебе пару приветственных слов. Где ты? В Киеве от тебя не получил ни слова. В Гурзуфе с 10-го числа. Ехал морем через Одессу. Здесь весьма прекрасно, если бы не устрашающая до 60 °С жара.

В Киеве думаю быть 10—15<-го>. Т<ак> к<ак> ты, по-видимому, не отвечаешь на письмо, то я играю solo.

Искр<енний> привет Елене Сергеевне.

Твой Александр.

11

А. П. Гдешинский — М. А. Булгакову

Киев. 21 XII <19>36

Дорогой друг Миша!

На днях (26<-го>) жена собирается ехать в Москву на музыкальную конференцию,¹ сперва было думал послать тебе письмо через нее лично, но, вспомнив твои благословенные советы, решил послать письмо по почте. Что греха таить, на одно мгновение у меня появилась мысль поехать вместе с ней. Все-таки, знаешь, Москва, заманчивый, старинный и знаменитый друг. Но, вспомнив, что гостеприимство друзей растет обратно пропорционально количеству занимаемых комнат, — задумался. Повисеть разве пару дней на телефонной трубке в надежде горячо обнять тебя, но ведь и это не наверное. Мысленно нацарапал себе картинку: «Послушай, Милочка, так кажется этот, как его, Саша звонил по телефону, так если он еще будет звонить, скажи, что я очень рад, но сейчас очень занят и денька через три, возможно, мы встретимся с ним. . . нет, постой, лучше не надо. . . Черт его угораздил приехать, . . . „Кофе приготовили?“ „Адольф, скажи Петрушке“» и т<ак> д<але>е).

Недавно как-то в трамвае хорошо одетая пара делилась театральными впечатлениями, меня так и подмывало сказать: «Да ведь тот, о котором вы говорите — мой друг», но во время спохватился — один раз я уже так ввязался в разговор. Результат получился обратный: «Сумочка у тебя? посматривай на всякий случай, а то знаешь неровен час — „С Пушкиным на дружеской ноге“, знаем мы это. . .».

Эх, друг любезный, не сердись на шутку,
серьезно крепко обнимаю тебя.

Твой неизменно любящий тебя

Саша.

Привет Елене Сергеевне.

Твой Александр.

Киев, Артема 58а, кв. 6

P. S. Карточка — великолепно, но я все же хотел бы иметь, если не в натуральную величину, то в натуральном виде. Может передашь, т<о> е<сть> переищдешь, буду рад.

¹ 28 декабря 1936 г. в Москве открылась Всесоюзная конференция по музыкальному воспитанию детей (Советское искусство. 1936. 29 декабря).

А. П. Гдешинский — М. А. Булгакову

11 августа 1937 г.

Дорогой Миша!

Проездом, на несколько часов, из Крыма в деревню я заглянул в Киев и нашел твое письмо и открытку.¹ В деревне у Сони² я проведу до 25-го авг(уста). Я очень жалею, что так вышло. Понятно, я очень хочу видеть тебя и Елену Сергеевну и прошу тебя написать день, когда ты будешь в Киеве, и тогда я специально приеду в Киев из Казатина. Пиши или телеграфируй по адресу заблаговременно, с. Юзефовка, Казатинский р-н Винницкой обл. Сред. школа. Софья Петровна Петрушевской.

Твой Александр Гдешинский.

Лар(иса) Ник(олаевна) шлет сердечный привет тебе и Елене Сергеевне.

¹ Письмо и открытка М. Булгакова не сохранились.

² Софья Петровна Петрушевская — сестра А. П. Гдешинского.

А. П. Гдешинский — М. А. Булгакову

Киев. Артема 58а, кв. 6.

2 XII 1938

Дорогой Миша!

Может быть, ты уже забыл про меня, так я напоминаю, что пишет тебе Саша Гдешинский из Киева, помнишь, что жил когда-то на Ильинской ул. в Киеве. Не писал я тебе давно потому, что был тяжело болен и сейчас еще тоже. Не буду распространяться о случайных болезнях, вроде abdominalis'a,¹ которым заболел в дороге из Цхалтубо (Кавказ) (где я лечил главную свою болезнь ревматизм) и который тяжело поразил меня еще в прошлом году после ангины. Руки мои были до того скованы, что я с трудом выводил несколько каракулей, а то и совсем не мог писать. Обстоятельство усугубляется тем, что руки мне необходимы для моей профессии не столько, чтобы терзать уши, сколько для педагогики. Испробовали все средства. Цхалтубо ни черта не помогло. По прилизительному подсчету кардинально не помогли мне и двадцать врачей, которые лечили меня. Вчера приехал Стражеско² (на собственном) автомобиле, лакей пошел вперед разыскивать квартиру, а он сидел в автомобиле), но не в этом суть, а в том, что он, думаю, всесторонне и правильно направил мое лечение.

Самым главным он считает впрыскивание некоего новейшего средства, которое называется «ятрен-козеин», в двух коробках:

одна слабая, а другая сильная по своим качествам — обе их необходимо влить в мою кровь. Этот препарат можно достать только в одном месте — в Кремлевской лечебнице. Стражеско сказал, если у вас есть в Москве кто-нибудь со связями, — попытайтесь достать. Дальше, говорит, ни в коем случае не откладывайте лечения, ибо останетесь калекой. (Руки мои не поднимаются и тугоподвижность плечевых суставов настолько велика, что о работе не может быть и речи). Лежу уже $1/2$ года.

Родной мой, прости, что затрудняю, если можешь, достань мне это средство! Стражеско говорит, что его там отпускают, если найти туда протекцию. В Киеве препарата нет. Ну, вот. Но это, конечно, чепуха в общем. Все равно померем, но хочется еще поработать и внести свою микроскопическую долю в социалистическое творчество.

Как ты поживаешь?

Поверишь ли, что я часто вспоминаю тебя и хотя не по-прежнему, но все же очень люблю тебя. Напиши, сделай милость, утешь старого друга.

Привет искренний Елене Сергеевне.

Твой Александр.

Лариса Николаевна шлет свой привет.

Пиши много о себе.

¹ *abdominalis* — болезнь брюшной полости.

² Стражеско Николай Дмитриевич — известный киевский терапевт.

14

М. А. Булгаков — А. П. Гдешинскому

Телеграмма. 4 декабря 1938 г.

Киев, улица Артема 58а, кв. 6. Александру Петровичу Гдешинскому Принимаю все меры достать лекарство.¹ на днях телеграфирую.

Булгаков

¹ В дневнике Е. С. Булгаковой есть недатированная запись между 5 декабря и 7 декабря 1938 г.: «Вчера пришло письмо от Саши Гдешинского. Он пишет М. А., что был тяжело болен, ему грозит остаться калекой на всю жизнь. Просит достать лекарство, которого нет в Киеве — ятрен-козеин, — есть, говорят только в кремлевской аптеке. Оленька предложила достать через Иверова. Дали обнадеживающую телеграмму Саше Гдешинскому». (Дневник Елены Булгаковой. М., 1990. С. 228).

М. А. Булгаков — А. П. Гдешинскому

7 декабря 1938

Дорогой Саша!

Извини, что на машине. Когда нужно что-нибудь спешно отправить — диктую. Сообщение твое о болезни меня глубоко огорчило. Ведь такая напасть! Будь бодр, не падай духом.

Лекарство, нужное тебе, у меня уже на столе, и завтра я тебе отправляю его почтовой посылкой. Дело только в том, что обе коробки — слабого ятрена. Увы — сильного не было, мне сказали, что это две последние коробки. Теперь ломаем голову, как его упаковать, чтобы в посылке не раздавили. Думаю, что придется, вскрывши коробки, вложить вату между ампулами.

Как только пришло твое письмо, я отправил тебе телеграмму. Получил ли ты ее?

Пока больше ничего не пишу, сейчас займемся упаковкой.

От всей души желаю тебе выздоровления, Елена Сергеевна также. Ларисе Николаевне передай наш поклон.

О себе я напишу в следующем письме, и ты пиши мне.

Твой Михаил.

М. А. Булгаков — А. П. Гдешинскому

Телеграмма 8 XII 1938

Киев, ул. Артема, дом 58а, квартира 6
Александру Петровичу Гдешинскому

Лекарство выслано почтой. Булгаков

Москва 19, ул. Фурманова, д. 3 кв. 44
М. А. Булгаков

А. П. Гдешинский — М. А. Булгакову

8 XII 1938

Дорогой Миша!

Сегодня получили вторую твою телеграмму. Как скоро и чудно ты выполнил мою просьбу! Не знаю, чему больше радоваться — получению ли лекарства, которое мне так необходимо, или живую вестью от тебя. Я всегда чувствовал, что не окончательно «покинут и забыт тобой». А чем дальше, тем теснее становится круг любимых людей.

Я не писал тебе в прошлом письме об горькой утрате — смерти любимой моей мамочки; она умерла в г. Липовце у сестры Кати на 80-м году жизни.

Я теперь целые дни почти лежу один на Гоголевской у Ларисы Николаевны (т(ак) к(ак) она оч(ень) занята и приходит лишь поздно вечером домой. . .). Есть время для воспоминаний, и в этих воспоминаниях ярко отражается дом на Андреевском Спуске № 13, твоя неистощимая веселость и блестящий непобедимый юмор. Как будто нарочно вчера вечером я по радио услышал сцены из «Дней Турбиных» и наслаждался вполне. . .

Миша, дорогой, не буду плакать тебе в жилет, но, ей Богу, до глубины души тронут твоим вниманием. Если бы ты написал о себе, это было бы еще большей радостью для меня.

Леся¹ тоже очень тронута и поражается быстроте твоей помощи. По получении лекарства немедленно отправляемся к Стражеско для получения инъекций.

Отдел искусств через Облисполком хлопочет также для меня стационарное лечение в 4-й санаторий — авось еще не поздно. . . Обнимаю тебя, родной, и целую, а также шлю свой искренний привет Елене Сергеевне.

Твой Александр.

Каким путем ты достал лекарство?

¹ Леся — Лариса Николаевна, жена А. П. Гдешинского.

18

А. П. Гдешинский — М. А. Булгакову

21 XII 1938

Дорогой Миша!

Посылка пришла в полной сохранности. Спасибо тебе и Елене Сергеевне за скорую присылку этого редкого у нас лекарства. Стражеско удивился, узнав, что мы его получили. Мне уже сделали 2 впрыскивания в мускулы. Пока что это вызывает болезненное обострение, надеюсь на благоприятный конечный результат. Еще делают мне «парафиновые ванны» — расплавленным оч(ень) горячим парафином покрывают руки и ноги. Я все еще лежу, и у меня масса времени на печальные и иронические по поводу себя размышления. Этому много помогает музыка, которую я слышу через наше прекрасное радио. Она развивает свой свиток воспоминаний, несбывшихся иллюзий, непрочных радостей и настоящих минут счастья, которые окрашены жгучей печалью в остывающей душе.

Влеку меня, невидимая сила, к неведомому концу — не вкусившего ни одной радости сполна, не выполнившего ни одного из своих желаний. Мне кажется, что я должен переродиться и вновь

начать жизнь, столь же мало похожую на прошедшую, как чистое утро на сумерки. . .

Впрочем, к черту радио и музыку — мне хочется людей и работы!

Ты, дорогой Миша, обещал мне написать о себе? Как ты живешь? Что в настоящее время пишешь? Часто ли бываешь в театре и что находишь интереснейшим из постановок?

Как ты проводишь время с утра и до вечера?

О Москве у меня сохранилось самое теплое и оригинальное воспоминание. Помню, мы играем «в блошки» в теплой комнате, залитой золотистым светом от лампы под желтым абажуром. . .¹

Да мало ли чего было хорошего? Ах, как надоело лежать! Прости, крепко целую тебя и благодарю.

Твой Александр.

Искренний и сердечный привет Елене Сергеевне.

Если встретишь Надю, Веру и Лелю,² передай им мой привет. Привет от Ларисы Николаевны и благодарность.

Миша, напиши, пожалуйста, сколько стоит лекарство.

Извини, что не сразу отвечаю тебе — сильно болят руки.

Пиши, твой Александр.

¹ Л. Е. Белозерская в своих воспоминаниях увлечение М. Булгакова игрой «в блошки» относит к 1928 г.: «Когда приходили к нам старые приятели: Понсовы, Сережа Топленинов, Петя Васильев, — мы устраивали „блошинные бои“. Михаил Афанасьевич пристрастился к этой детской игре и достиг в ней необыкновенных успехов, за что получил прозвище „Мака-Булгака — блошинный царь“» (*Белозерская Л. Е. Страницы жизни // Воспоминания о Михаиле Булгакове. М. 1988. С. 222*). В опубликованной части материалов Л. Белозерской упоминаний о приезде А. П. Гдешинского в Москву не содержится.

² Надя, Вера, Леля — сестры М. Булгакова.

19

А. П. Гдешинский — М. А. Булгакову

22 II 1939

Дорогой Миша!

Спасибо тебе за твои ласковые строки. Всегда испытываю радость по получению от тебя письма. Дела мои, дорогой друг, неважные! Я все еще лежу в постели и тоскую ужасно. Препарат уже весь *intramuscularen*,¹ кроме одной ампулы. Каждое впрыскивание меня совершенно развинчивает, по всем суставам боли, и самочувствие отвратительное, но я готов претерпеть какие угодно муки (относительно, конечно) лишь бы выйти из этого полунвалидного состояния. Был еще раз Стражеско и нашел якобы улучшение, но кардинального улучшения я не чувствую. Уже и о курорте возник вопрос: одни советуют Цхалтубо, другие Пятигорск. Кажется, остановился на последнем. . . Вид с трех сторон у меня чудесный. На запад пятиглавие Бэшту синее, как «последняя туча

рассеянной бури»² и т. д. Человек надеется до последней минуты, до тех пор, пока его не отложат в долгий ящик! — И консилиум созывали (Удинцев, Иванов и Тоффенберг), и только 200 р (ублей) — извини — «коту под хвост». Попробую еще вырвать пару-другую зубов, т(ак) к(ак) от малейшего очага инфекции может происходить вся эта гнусная история. Чорт его знает! Ну просто знаешь, как в детстве, преградили соломинкой путь муравью, и он, дурак несчастный, не знает, что ему делать! А пусть же все сгорит!

Хотя ты и не пишешь о себе подробно (что я вполне понимаю), я все же кой-что знаю о тебе, напр (имер), что ты написал либретто по Мопассану (Melle Фифи — «Рашель») — написал ли уже Дунаевский к ней музыку и так ли она хороша, как либретто?³ Из статьи Прудкина узнал я, что Турбины готовились к постановке всего две недели.⁴ Слежу всегда, когда они идут и т. д. Немного, конечно, — остальное дополняю воображением.

Как грустно, что заболела Елена Сергеевна — мы шлем ей лучшие пожелания и скорейшего выздоровления. А как сын? А что вы думаете летом делать: м(ожет) б(ыть), тоже на Кавказ решите ехать?

В общем все как-то грустно!

Хорошо еще, что есть кому руку пожать. Бедная Лариса Николаевна вместе со мной переживает все перипетии моей болезни, имея кроме того постоянные неприятности и волнения по службе. Единственным нашим развлечением служит чтение и радио. Кроме того, забавляет нас шенок «Джо», который вносит адское оживление в нашу жизнь. . . А в общем без здоровья — нет жизни!

Обнимаю тебя, Мишенька, и кланяюсь Елене Сергеевне. Не прошу тебя писать, но все же пиши, если хочешь доставить мне радость.

Твой Александр.

Лариса Николаевна шлет свой привет.

¹ Intramuskularen — введен внутримышечно.

² Цитата из романа М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» («Княжна Мэри»).

³ В 1938 г. И. О. Дунаевский сообщил о своих творческих планах читателям газеты «Ленинградская правда» (26 декабря): «Особняком стоит работа над первой моей оперой „Рашель“ (по Мопассану). Прекрасное либретто оперы написал М. Булгаков. . . Несмотря на то, что события, обрисованные в этом произведении, происходят более чем полвека назад (франко-прусская война 1871 г.), тему оперы мы рассматриваем как современную, злободневную. Ибо в ней будет показано разнузданное варварство немецких шовинистов, перекликающееся с нынешними „подвигами“ германских фашистов. Вместе с тем эта опера задумана нами как гимн патриотизму народных масс, неугасимому и неукротимому народному духу и величию».

Однако, музыка И. Дунаевского к либретто Булгакова написана не была. Лектор и музыковед Т. Назарьян в своих воспоминаниях «С Дунаевским на эстраде» писал: «Он (Дунаевский) охотно рассказывал, как в 1938—1939 гг. был увлечен мыслью написать оперу. Работа над оперой тогда была его главной задачей. Либретто М. Булгакова, использовавшего рассказ Мопассана из времен

франко-прусской войны («Мадемуазель Фифи») было даже закончено. Но затем композитор „охладел“ и к сюжету, и к либретто, и замысел остался неосуществленным» (Дунаевский И. О. Выступления. Статьи. Письма. М., 1961. С. 307).

Либретто оперы «Рашель» опубликовано в журнале «Музыкальная жизнь» (1988, № 10, 11).

⁴ М. Прудкин в статье «Актерские простои» (Советское искусство. 1939. 14 февраля) утверждал, что репетиционный период «Дней Турбиных» составлял всего несколько месяцев: «„Братья Карамазовы“, ряд пьес Чехова, Горького, Ибсена — до революции, „Дни Турбиных“, „Броненосец 14-69“, „Платон Кречет“, „Земля“ — в наше время были выпущены всего после нескольких месяцев репетиций».

20

А. П. Гдешинский — М. А. Булгакову

19 IV 1939

Дорогой Миша!

Спасибо, родной, за весточку, тем более что в ней приятное сообщение о приезде МХАТ в Киев¹ и о приезде в Киев твоей пьесы вновь!² Приедешь ли ты в Киев? Верно, да, п(отому) что я знаю, как ты его любишь. Все бы было хорошо, если бы проклятое здоровье наладилось. Хоть я уже и выхожу гулять по теплым дням на солнышко, но здоровья у меня только половина. Я слаб по утрам, особенно плечи и отчасти ноги плохо слушаются. От тепличного долгого состояния я весь как-то отяжелел. Перспективы на лето таковы: хлопчут и обещают путевку в Пятигорск на серные ванны, верно так с половины июня, потом думаю продлить — где-либо в теплых краях. Климатическое лечение, чтобы окрепнуть. Верно, со мной поедет и жена. Все-таки есть надежда, если МХАТ будет в июне, попасть на «Турбиных», да еще «Мертвые души»³ хотел бы посмотреть и «У врат царства»⁴ — пойдет ли оно?

Сегодня появилась 2-я заметка в № 16 «Совет(ского) искусства» о постановке у Вахтангова «Дон Кихота» в твоей обработке.⁵ Вот интересно, каково оно будет? Верно, здорово интересно!

Пиши, дорогой друг, хотя изредка. Я лежу хандрю, злюсь и скучаю. Живу чтением, радио и киноаппаратом, который купил для развлечения — вчера смотрел «Петр I».⁶

«Полжизни за здоровье!» Все же надеюсь. Крепко тебя обнимаю и прошу передать наилучший привет Елене Сергеевне.

Твой Александр.

Леся шлет свой искр(енный) привет.

¹ МХАТ был на гастролях в Киеве в июне 1939 г. М. Булгаков в Киеве не был, занимаясь летом 1939 г. пьесой «Батум».

² Имеется в виду пьеса «Дни Турбиных».

³ «Мертвые души» Н. Гоголя (инсценировка М. Булгакова).

⁴ «У врат царства» — пьеса К. Гамсуна.

⁵ В № 16 газеты «Советское искусство» за 1939 г. упоминание о «Дон Кихоте» не содержится. 27 марта 1939 (№ 35) в «Советском искусстве» в разделе «Хроника» появилось сообщение: «Государственный театр им. Вахтангова приступает в ближайшие дни к работе над пьесой „Дон Кихот“ по Сервантесу. Автор исценировки — Мих. Булгаков».

⁶ Речь идет о фильме «Петр I» с Н. Симоновым в главной роли. Режиссер — В. М. Петров. Ленфильм, 1937—1938 гг.

21

А. П. Гдешинский — М. А. Булгакову

Пятигорск. 15 VII (19)39

Дорогой Миша!

Привет тебе из Пятигорска. Здесь я лечусь в санатории. Чувствую себя немного лучше. Шестнадцать грязевых и столько же серных ванн раскатали наконец немного застывшие суставы. Предстоит еще упорная борьба поср(едством) лечебной физкультуры. В Пятигорске пробудем с Ларисой Николаевной до 5-го сент(ября).

В Пятигорске хорошо: пожалуй, нигде мне так не нравилось, как здесь. Эльбрус виден по утрам. Обилие фруктов. Воздух горный и прохладный. Симфонический оркестр. Биллиард. Сладко пахнет табак и пованивает серой. Одним словом, все в порядке, лишь бы здоровье вернулось хоть на половину.

Где ты сейчас?

Как проводил лето?

В Киеве с неослабевающим успехом шли твои «Дни». Здесь тоже вспоминали их, не зная, как близко мне они знакомы.

Привет Елене Сергеевне.

Остаюсь твой неизменно
Александр.

Пятигорск, гост(иница) «Бристоль», комн. № 60

А. П. Гдешинский.

Жена кланяется.

22

А. П. Гдешинский — М. А. Булгакову

3 X 1939

Дорогой Миша!

Очень огорчило и опечалило меня твое письмо.¹ Откуда такая напасть на человека! Я верю и хочу думать, что это у тебя пройдет: может быть, тут и переутомление сыграло свою роль! Все время я думаю о тебе и даже ночью просыпаюсь и думаю о тебе. Хотелось бы увидеть тебя, поговорить и пожать тебе руку. Спасибо,

что ты прислал вести о себе и за карточку спасибо.² Она стоит на письменном столе, и я все поглядываю на нее.

Миша! У вас ведь в Москве есть чудные специалисты врачи, но вспомнил ли ты о проф(ессоре) Филатове, который живет в Одессе?³

Хотел бы подробнее узнать о состоянии твоего здоровья и лечении.

Что касается меня, то я и после Пятигорска не могу похвастать кардинальным улучшением. Общее состояние, правда, лучше, но меня сильно смущает то, что боли и нарушение подвижности ползет с сустава на сустав: с плеч переходит на локтевые суставы, очень мучат также так называемые «шпоры» — опухоли на ступнях ног. Все это очень действует на психику, и редко выпадает день, когда чувствуешь себя относительно лучше. Несмотря на это, я все-таки начал понемногу занятия в школе, хоть утомляюсь, но и отвлекает внимание. Лечение мое, пока что, состоит в ежедневном занятии лечебной физкультурой под руководством специалиста в кабинете физкультуры. Говорят — это единственное средство, по крайней мере не дать беде разраститься дальше. Сейчас иду брать результаты четырех сортов исследования крови и на рентгеновский снимок. Все это, как видишь, мало утешительно и интересно!

В Киеве у нас стоит прекрасная погода, такая багряная и теплая, как вода была ко дню 17 сент(ября),⁴ когда мы с Платоном,⁵ причепурившись, шли вечером на Андреевский Спуск.

Кончаю писать, родной, и обнимаю тебя.

Люб(ящий) Саша.

¹ Копия письма М. Булгакова А. П. Гдешинскому от 26 сентября 1939 г. (неопубликованного) хранится в домашнем архиве Е. А. Земской (Москва). В сентябре 1939 г. Булгаковы были в Ленинграде, где наступило резкое ухудшение здоровья писателя. Там же, в Ленинграде, был уточнен, не оставляющий надежды на спасение, диагноз — нефросклероз.

² Фото кабинетное с надписью: «Милому Саше. М. Булгаков. 21 сентября 1939 г.».

³ Филатов Владимир Петрович (1875—1956) — известный советский офтальмолог и хирург, академик АМН СССР и АН УССР.

⁴ 17 сентября (по старому стилю) — именины Веры, Надежды, Любови.

⁵ См. примечание 6 к письму А. П. Гдешинского от 6 августа 1923 г.

А. П. Гдешинский — М. А. Булгакову

Киев. 9 ноября 1939 г.

Дорогой Миша!

Давно уже я собираюсь писать тебе вторично, но дела мои далеко не блестящи, и я все оттягивал в надежде на лучшее. Как ты себя чувствуешь, дорогой Миша? — каждый день я вспоминаю тебя, смотрю на твою карточку и мне не хочется верить,

что с тобой что-нибудь серьезное. Как подвигается твое лечение, а м(ожет) б(ыть) тебе уже лучше и ты приступил к обычной жизни? Все это меня очень волнует и интересует, и я прошу дать весточку о себе. А главное, как зрение? Лучше уже стало тебе и как вообще протекает болезнь? Если бы возможно было, чтобы по эфиру передавались мысли, ты бы почувствовал, как часто я тоскую по тебе, как вспоминаю дни нашей юности и как украсил ты ее печатью твоей личности.

И сейчас, может быть, больше, чем всегда, я жалею, что не могу видеть тебя часто. Вне семьи я одинок. Постепенно становлюсь все тяжелее на подъем. Пойти в театр — это событие, о котором страшновато подумать. Нужно одеваться, а потом идти и сидеть целых 4 акта! Правда, для Худож(ественного) театра или Вахтангова у меня бы хватило желаний и энергии. По этому поводу мне вспоминается рассказ моей кузины: «Как-то раз к ним в дом привели молодую работницу, которую женщина, приведшая ее, рекомендовала так: „Куратину вона буде исти, а баранину не на очі навіть, посуд не буде перемивати“». ¹ Ее конечно не приняли, но я на нее похож.

Здоровье мое неважное. После всех пятигорских грязей и серн(ых) ванн — у меня новый сюрприз — отек локоть и я с трудом могу подносить чашку ко рту, а одеваться и подавать не могу без помощи жены. Работать все-таки я работаю, в музык(альной) школе, хоть и имею половинную нагрузку — без работы совсем бы хоть в петлю.

Читаю. Прочел «Изгнание» Л. Фейхтвангера.

Рекомендуй, что хорошего и интересного еще прочесть. Эх, Миша, Миша, как недостает мне тебя.

Прости. ролной. крепко тебя обнимаю.

Твой Александр.

Адрес: Киев. Гоголевская 47, кв. 3.

А. П. Гдешинскому.

Лар(иса) Ник(олаевна) передает свой искренний привет.

¹ Курятину она будет есть, а баранину на глаза не показывайте, даже посуду не будет мыть. (Примечание автора письма).

24

А. П. Гдешинский — М. А. Булгакову

Киев. 19 ноября 1939 г.

Дорогой Миша!

Поздравляю тебя с днем твоего рождения ¹ и, конечно, желаю и жду твоего выздоровления.

Я послал тебе два письма. Как ты чувствуешь себя теперь? Как

зрение? Ходишь ли ты уже или лежишь? Кто лечит тебя и чем ты лечишься?

Я часто вспоминаю день 8-го ноября,² проведенный в вашем доме и многие другие дни. Все ярче выступают в памяти дни прошлого — это верно уже по-стариковски. Моя жизнь распадается на три составные части: сон, обильный и длительный: утром не могу очнуться и днем сплю, — страшная слабость нервной системы. Затем работа, которую провожу с охотой, но и усталостью, и третье — лечение в 4-й санатории: дисетермией (ультракороткие волны на суставы) и парафиновые ванны, и это тоже меня утомляет. Я жду уже того момента, когда радостный и бодрый встану и в один прекрасный день — будет ли такой день? В промежутки я читаю и слушаю радио. Недавно соблазнили меня пойти в балет на ленинградцев Дудинскую³ и Чабукиани,⁴ но устроители концерта потопили их в море киевских номеров. Впрочем, все это не важно. А что важно? Прежде всего быть здоровым.

Так будь же здоров, дорогой Миша. Ты знаешь? Скучно без тебя. До свидания. Твой Александр.

Киев. Гоголевская ул. 47, кв. 3.
Ал. П. Гдешинскому.

Привет Елене Сергеевне. Кланяется тебе и вспоминает жена.

¹ А. П. Гдешинский поздравлял М. А. Булгакова с днем именин 8(21) ноября — день архангела Михаила.

² Имеется в виду тот же день именин (по старому стилю).

³ Дудинская Н. М. (род. 1912) — известная советская балерина, народная артистка СССР.

⁴ Чабукиани В. М. (род. 1910) — известный советский артист балета, балетмейстер, народный артист СССР.

25

А. П. Гдешинский — М. А. Булгакову

9 XII <19>39

Дорогой Миша!

Несказанно рад улучшению в состоянии твоего здоровья. Всей душой верю, что тебе будет совсем лучше и ты будешь наслаждаться вполне и воздухом, и светом!

Твои вопросы¹ возбудили во мне такой наплыв воспоминаний, что я, как «Ученик Чародея» в музыкальной пьесе Дюка,² не могу уже остановить их. Бююсь, впрочем, чтобы с «большой тучи не вышло малого дождя!». Постараюсь, однако, ответить на твои вопросы:

I. Играли ли у нас в семье когда-либо квартеты? чьи? какие? кто играл? на каком инструменте?

У нас в семье постоянно играли всякие ансамбли, в том числе и квартеты. Квартеты струнные — прежде всего, пере-

ложение излюбленных хоров из опер — напр(имер) Глинки «Не проснется птичка утром» и «Ах, ты, свет Людмила» из «Руслана и Людмилы», Римский-Корсаков «Ай во поле липенька» из «Снегурочки», Бородин «Хор поселян» из «Князя Игоря», Чайковский — «Был у Христа-младенца сад» (легенда). Направник «Сторона ль сторонка» из оп(еры) «Нижегородцы» и другие. Эти переложения играли в составе трех скрипок и виолончели (3-я скрипка заменяла альт, т(ак) к(ак) его не было). Что касается настоящих квартетов, то играли (позже, когда я подучился и приехал старший брат Поля,³ который играл на альте): квартет Бетховена 1-й i-dug — 1-ю часть и, в особенности, 2-ю часть — Adagio (которое навеяно скорбным и трагическим концом драмы Шекспира «Ромео и Джульетта») и менуэт из этого квартета; б) Шуберт — квартет d-moll и особенно среднюю его часть — тему с вариациями (Andante), известную под названием «Девушка и смерть»; в) Шуман — квартет (кажется, 1-й, 1-ю часть) (дивный, странно похожий на музыку Глинки); Гайдн — части квартета, известного под названием «Семь слов Спасителя». Кто играл, на каком инструменте? В квартетах-переложениях играли: Папа — на виолончели, я играл 1-ю скрипку, 2-ю — брат Гриша,⁴ 3-ю скрипку — брат Платон или иногда сестра Соля. В настоящих квартетах (т(о) е(сть) Бетховен, Шуберт и т. д.) играли: 1-ю скрипку играл я, 2-ю — Гриша, альт — Поля и виолончель — Папа.

II. Играли ли трио, дуэты?

Играли: трио было излюбленная форма ансамбля. Играли прежде всего папины композиции для 2-х скрипок и виолончели (переделки из папиных «Детских песен», изданных Юргенсоном). Названия: «Буря» на слова Пушкина, «Пела, пела пташечка», «Румяной зарею», «Няня» и другие.

Что касается трио (фортепьянные) — то за неимением фортепьяно — играли только партии скрипки и виолончели, напр(имер) фортепианное трио Гайдна 1-й и, кажется, 6 с характерной для Гайдна торжественностью (аккорды). Из 1-го трио — знаменитый финал «l'opagases». В таком же составе играли «Сомнение» Глинки и «Жаворонок» его же. Из полных трио играли превосходные струнные трио для скрипки, альты и виолончели Бетховена (из самых ранних опусов, кажется, оп(ус) 2-й), где молодой Бетховен уже показывает свои когти (Ex ungue leonem⁵).

В особенности помню чудеснейшее Andante quasi allegretto из 3-го, кажется, трио, на которое брат Поля, игравший альты, присочинил программу: эта часть называлась у нас «Сказка о короле Ричарде» (Львиное сердце), очевидно, отголосок романов В.-Скотта. И, действительно, все удивительно сходилось: как будто рыцарь едет, возвращаясь с дальних стран и подвигов, приближается к старинному замку. Что это? Раздается чудное пение, сопровождаемое аккомпанементом лютни. Рыцарь смотрит и узнает в одном из окон башни свою милую. В конце музыка достигает такой выразительности чувств, что, оканчивая это Ан-

dante, — мы, бледные, смотрели в глаза друг другу с немым вопросом. . . пока кто-нибудь из нас не шептал волшебное имя — «Бетховен».

Играли еще чудесное трио Моцарта под названием «Дивертисмент», где в медленных и прозрачных гармониях видели и голубое небо, и солнце, и легкие облачка, плывущие по небосклону. (Была когда-то в «Ниве» такая картинка под названием «Музыка Моцарта».) Еще трио Виотти, для 2-х скрипок и виолончели.

Дуэты: излюбленные и легкие были — Плейель ор. 8, в особенности № 2-й (для 2-х скрипок), а также дуэты Мазаса. Когда я еще учился у Папы, превосходные мелодии школы Берни («ей уже более 100 лет и до сих пор — лучшая»), мы с Папой играли с упоением эти мелодии Берни на две скрипки. Дуэты для скрипки и виолончели Бетховена и другие.

III. «Musette» Оффенбаха — это любимейшая папина вещь для виолончели, и, когда я вспоминаю эту прекрасную вещь и звук виолончели, мне кажется, что я никогда и не расставался с Папой. Очевидно, она и тебе нравилась, если ты вспомнил ее через тридцать лет! С большим удовольствием сообщаю тебе эти сведения, не сердись, если пускаюсь в излишние подробности.

IV. Мы жили в доме на углу Ильинской и Волошской № 5/8 кв. № 6, третий этаж налево.

(Мы уже давно ждем шагов, прыгающих через ступеньки) — звонок и появляется, в особенности помню зимой, твоя фигура в шубе с поднятым воротником и слышится твой баритон: «Здравствуйте, друзья мои!». . . Летом помню в раскрытые окна неслись звуки виолончели, слышалось слабое постукивание шагов о тротуары, луна заливала булыжные мостовые, а напротив — из архиерейского сада несло шелканье соловья. Неужели ничего не остается, кроме памяти? Да и она исчезает. . .

V. План квартиры у тебя изумительно правильно сохранился в памяти, мне почти нечего добавлять:

VI. К сожалению, у меня нет под рукой, и я не помню, чтобы сохранились программки в саду «Купеческого собрания». Однако я по памяти напишу тебе две-три программы, которые разве только

в порядке номеров будут отличаться от оригинала, во всяком случае постараюсь написать характерное и 12-ти номеров, как ты «совершенно правильно изволил заметить».

К программам «Купеческого собрания» мне хочется сделать несколько замечаний. Во 1-х, — о дирижерах. Самый «древний» дирижер — периода 1905 года — был Рудольф Буллериан.⁶ При нем программы носили более легкий «саловый» характер — номера были вроде: Блон — «Шопот цветов», его — «Шествие гномов» и т. д. К 1910—12 году, если не ошибаюсь, был дирижер Георг Шнеефогт,⁷ и это было расцветом оркестра «Купеческого сада». Он уже ставил такие вещи, как Вагнер — «Полет Валькирий», Рихард Штраус — «Тиль Эйленшпигель» и т. п.

Были еще дирижер(ы) Терентьев,⁸ Чабан⁹ и в 1913 г(оду), кажется, А. И. Орлов.¹⁰ Концертмейстеры-скрипачи: Антон Берглер (знаменитый своим ранением в заднюю часть во время сентябрьского выстрела в оперн(ом) театре 1912 г.).¹¹ Замечательный скрипач чех Крейза.¹² Затем ученики Ауэра:¹³ Пиастро,¹⁴ Дан. Карпиловский.¹⁵ Еще были Эльфрида Боос,¹⁶ Цуккарини¹⁷ и др.

Виолончелисты-скрипачи: Шебелик,¹⁸ Гдаль-Залесский,¹⁹ Шквор²⁰ и др. Арфа — Фаллада-Шквор²¹ и т. д.

Контрабас — Воячек²² (с седой шевелюрой) и т. д.

Впрочем, я все-таки постараюсь найти где-нибудь оригиналы печатных программ и, если найду, то, конечно, пришлю. В них есть перечисление всех солистов.

Затем следует заметить, что тогда не были так щедры на серьезную симфоническую музыку. Симфонические концерты обыкновенно носили некоторый характер торжественности и объявлялись:

I симф(онический) конц(ерт), II-й и т. д. Играли чаще всего или 4-ю симф(онию) Чайковского или 6-ю Патетическую его же, или Бетховен 5-ю симфонию. Играли на них также примерно такие вещи, как Р. Корсаков — «Шехерезада», Лист — симф(оническая) поэма «Тассо» или вроде Дюка — «Ученик Чародея», Глазунов — «Раймонда», приблизительно, конечно.

Не могу не вспомнить о способе нашего с Платоном попадания в сад. Влекомые жаждой музыки, мы, по известным причинам, не всегда могли пользоваться общим для всех входом с билетной кассой перед ним. Приходилось перелезать через забор или, как мы выражались, «через закон» бывш(его) Царского сада с риском порвать брюки, а главным образом попасть на глаза садовому сторожу в зеленом одеянии. Самочувствие выхода из тьмы дерев к свету было ужасно мучительно. и только сильное желание послушать музыку заставляло терпеть эти «нравственные страдания». Вспоминаю, кстати, что один раз Дм(итрий) Ив(анович) Богдашевский,²³ тогда еще светский человек, выразил папе неудовольствие по поводу того, что нас с Платоном видели в саду на музыке. По его мнению, это удовольствие было не для нас. Помню также, что академические не хотели верить, что Пла-

тон поступил в политехникум. Все это, конечно, возмущало нас до глубины души.

Что касается вопроса № 7 — относительно академической библиотеки, то пока могу рассказать лишь следующее. Помню первую залу, вроде огромного вестибюля. За барьером — направо и налево — огромные и высокие конторки — налево для пом(ощника) биб(лиотекаря), т(о) е(сть) Папы, а направо — для библиот(екаря). т(о) е(сть) Амвро(сия) Семен(овича) Крыловского. Зал двусветный. Здесь профессора и студенты делают заказы на книги и получают их. Налево в дверь открывается огромный зал, продлинноватый, сверху до низу уставленный по стенам полками для книг.

Что находилось на этих полках, это я постараюсь разложить аргюги: все богословие начиная от древнейших учителей церкви — Августин, Ориген, Лактанций. . . Были и интересные вещи вроде: Лукреций или Лукиан «О природе вещей», но это уже, скорее, к философии, которая была в избытке в количестве, — история — литература! Помню, я сам читал Шекспира или, напр(имер), Ауэрбах(а) — роман «Вилла Эдем» (Имеется в виду роман «Дача на Рейне. — Т. В.) Смешно, конечно, пытаться охарактеризовать одну из древнейших и богатейших в мире библиотек. Сейчас она, кажется, соединена с университетской библиотекой. Постараюсь выцарапать что-либо из каталогов.

Помню еще издавался журнал «Труды Киевской Духовн(ой) Академии».

Сколько было зал, не помню, но тоже постараюсь узнать. А пока расскажу тебе небольшой эпизод: Один раз Папа пришел к обеду в веселом настроении и рассказал, что сегодня библиотеку посетил ректор Академии Владыка Феодосий. Между ним и Амвросием Семеновичем произошел следующий разговор:

Амвр(осий) Сем(енович) (развязно): «Вот, Ваше Преосв-о! Тут нужно сделать некоторые изменения. Этот шкаф поставить вот так, а перегородку передвинуть вот так, здесь сделать еще одну полку и приделать дверь и т. д. и т. д.

Феодосий (все время нагинаяет нос к нероновской своей бороде) и, наконец, спрашивает: «Вы кончили Амв(росий) Сем(енович)?» Амв(росий) Сем(енович): — Да — я кончил.

Феодосий: — Так вот что, Амвросий Семенович, ничего ж вам этого не будет сделано.

— Если не смешно, то и не смейся.

Дорогой Миша, а пока крепко тебя целую. Твой Александр. От Ларисы Николаевны самый сердечный привет, а также Елене Сергеевне.

Сегодня я сел на мель: простудился: небольшая ангина и, кроме того, «перемалываю» новокаин, т(ак) к(ак) вырвал зуб. Ну, просто прелесть, а не жизнь.

Как хорошо, что ты уже пишешь, приятно видеть твой почерк. А кто тебе пишет письма? Безукоризненно! Извини за мазню. Хочу скорее отослать ответы на твои вопросы.

Шлю привет дорогому Михаилу Афанасьевичу и искренне желаю скорее и вполне поправиться! Мы вспоминаем Вас часто, часто.

Уважающая Вас Л. Ильина.

Твое письмо получил 7 XII.

ПРИЛОЖЕНИЕ К ПИСЬМУ (9 XII 1938.)
«ПРОГРАММЫ»

Программа № 1

I отд(еление)

1. Массне — Уверт(юра) к оп(ере) «Сид»
2. Бородин — Хор поселян из оп(еры) «Князь Игорь»
3. Рубинштейн — «Вальс-каприз»
4. Делиб — «Мазурка» из балета «Коппелия»

II отд(еление)

5. Сен-Санс — Danse macabre (соло на скрипке г(осподин) Берглер)
6. Чайковский — Andante cantabile
7. Боккерини — «Менуэт»
8. Лист — 2-я венгерская рапсодия

III отд(еление)

9. Вебер — Вейнгартнер — «Приглашение к танцу»
10. Лядов — «Музыкальная табакерка»
11. Блон — «Шепот цветов»
12. Мейербер — Марш из оп(еры) «Пророк»

Программа № 2

I отд(еление)

1. Глинка — уверт(юра) «Руслан и Людмила»
2. Глазунов — концертный вальс № 2
3. Чайковский — Романс № 5
4. Кочетов — «Балалайка»

II отд(еление)

5. Мусоргский — «Рассвет на Москва-реке»
6. Чайковский — Сюита из бал(ета) «Лебединое озеро»
  - a) вступление
  - b) танец лебедей
  - c) сцена solo скрипка, виолонч(ель) и арфа
  - d) чардаш (порядок приблизительно!)
7. Направник — «Меланхолия»
8. Глинка — Лезгинка из оп(еры) «Руслан и Людмила»

III отд(еление)

9. а) Глазунов — «Эй, ухнем»
б) Р(имский)-Корсаков — «Дубинушка»
10. Рубинштейн — «Тореадор и андалузка»
11. Лядов — «Кикимора»
12. Чайковский — «Славянский марш»

Программа № 3

I отд(еление)

1. Вагнер — уверт(юра) «Тангейзер»
2. Григ — сюита «Peer Gynt»
  - а) Утро
  - б) смерть Азы
  - с) танец Анитры
  - д) в чертогах короля гор
3. Эрнефельд — Колыбельная (solo на скрипке)
4. Лист — 6-я венгерская рапсодия

II отд(еление)

5. Николай — уверт(юра) «Виндзорские кумушки»
6. Бизе — сюита «Arlesienne»
8. Мендельсон — «Сон в летнюю ночь»

III отд(еление)

9. Сен-Санс — цыганский танец из оп(еры) «Генрих VIII-й»
10. Делиб — Pizzicato из бал(ета) «Сильвия»
11. Гроссман — чардаш из оп(еры) «Тень воеводы»
12. Блон — шествие гномов

Программа № 4

I отд(еление)

1. Тома — уверт(юра) к оп(ере) «Манон»
2. Чайковский — а) В церкви
б) Осенняя песнь
3. Главач — «Лучинушка» и хоровод
4. Чайковский — «Итальянское каприччио»

II отд(еление)

5. Литольф — уверт(юра) «Робеспьер»
6. Григ — сюита «Сигурд Йорсальфф»
7. Тьерне — «Серенада»
8. Глинка — «Арагонская хота»

III отд(еление)

9. Лист — «Хроматический галоп»
10. Гиро — Yretna Green

11. Гуно — «Гимн св(ятой) Цецилии» (solo на скрипке);

12. Ипполитов-Иванов а) в ауге
б) шествие сардаря

Вспоминаю еще несколько вещей, характерных для той эпохи.

Контский — «Пробуждение льва»

Чайковский — увертюра «1812 год»

Брага — «Серенада» [ангелов]

Денца — «Вернись» (дрянце в угоду мелкобуржуазной публике).

Всевозможные оперные попури. Напр(имер), Мейербер — «Гугеноты» и другие. Вебер — увертюра «Фрейшютц». Обер — «Немая из Портичи (Фенела)»

Глинка — «Жаворонок» — трио: скрипка, виолончель, арфа

«Сомнение»

«Не ищущай меня без нужды»

и т. д. и т. п.

Еще раз извиняюсь за грязное письмо. Лар(иса) Ник(олаевна) грызет меня за это, а мне лень переписывать. Лень, говорят, мать всех приятных вещей.

¹ Письмо М. Булгакова А. П. Гдешинскому от 2 декабря 1939 г. хранится в семейном архиве Е. А. Земской (Москва). По свидетельству сестры М. Булгакова Н. А. Булгаковой, в замужестве Земской (1893—1971), «Киев брат нежно любил до конца своих дней. Замышлял написать автобиографическую повесть (уже больно писал об этом другу в Киев)».

Видно, вопросы, касающиеся юности Булгакова, образа жизни в то время, музыкальных впечатлений, связаны с замыслом этой автобиографической повести (Воспоминания о Михаиле Булгакове. М., 1988. С. 61).

Возможно, эти материалы Булгаков предполагал использовать в конце 1939 г. для завершения «Записок покойника» («Театрального романа»). Елена Сергеевна рассказывала задуманный Булгаковым финал романа: «Премьера пьесы тяжела Максудову, отзывы прессы оскорбительны. Он чувствует себя на грани самоубийства. Едет в Киев — город юности. (Тут Булгаков руки потирал, предвкушая удовольствие, так хотелось ему еще раз написать о Киеве). И герой бросается вниз головой с Цепного моста» (Лакшин В. Елена Сергеевна рассказывает. ... // Огонек. 1987. № 19. С. 23).

М. Чудакова считает, что Булгаков «надеялся отдалиться воспоминаниям и хотел, видимо, придать им некую систематичность» (Чудакова М. Жизнеописание Михаила Булгакова. С. 645).

² Дюка Поль (1865—1935) — французский композитор, писатель, педагог. Мировую известность ему принесло симфоническое скерцо «Ученик Чародея» по балладе И.-В. Гете.

³ Брат Поля — по-видимому, один из старших сыновей П. С. Гдешинского от первого брака — Поликарп.

⁴ Брат Гриша — старший брат А. П. Гдешинского, Григорий Петрович — был священником, служил в Одессе.

⁵ Ex ungue leonem — по когтям узнают льва (латинская пословица).

⁶ Буллерман Рудольф (1856—1911) — известный немецкий дирижер. Начиная с 1897 г. дирижировал в Киеве (сад Купеческого собрания), некоторое время состоял в Киеве директором музыкальной школы Блуменфельда.

⁷ Шнеефогт Георг Леннарт (1872—1947) — финский дирижер и виолончелист. Дирижировал симфоническим оркестром в Киеве в 1908—1909 гг.

⁸ Терентьев — сведений о его пребывании в Киеве обнаружить не удалось.

⁹ Чабан — сведений о его пребывании в Киеве обнаружить не удалось.

¹⁰ Орлов Александр Иванович (1873—1948) — известный русский советский дирижер. С 1907 г. работал в городах Южной России симфоническим и оперным дирижером.

¹¹ Берглер Антон Антонович — скрипач, преподаватель музыкальной школы Н. И. Икофникова, затем музыкальной школы Н. А. Тутковского. Был ранен при покушении в театре на П. А. Столыпина 1 сентября 1911 г. В газете «Киевская мысль» от 2 сентября 1911 г. в заметке «Покушение на жизнь Председателя Совета министров П. А. Столыпина» сообщалось: «Как вскоре выяснилось, вторая пуля, ранившая П. А. Столыпина в руку, — рикошетом ранила в оркестре музыканта Берглера в ногу». Автор письма неправильно указал дату покушения.

¹² Крейза Ян Павлович — преподаватель музыки по классу скрипки в музыкальной школе Н. А. Тутковского.

¹³ Ауэр Леопольд Семенович (1845—1930) — известный скрипач, преподаватель Петербургской консерватории, дирижер. С 1918 г. жил в США.

¹⁴ Пиастро Михаил Борисович (1892—1970) — известный скрипач, был учеником профессора Ауэра с 1906 по 1910 г. Окончил консерваторию с большой золотой медалью.

¹⁵ Карпиловский Даниил был учеником профессора Ауэра Л. С. с 1911-го по 1916 г.

¹⁶ Воос Эльфрида была ученицей профессора Ауэра Л. С. с 1904-го по 1908 г.

¹⁷ Цуккарини — в списках окончивших Петербургскую консерваторию по классу профессора Ауэра Л. С. не значится.

¹⁸ Шебелик Иван Феодорович — виолончелист, преподаватель музыкальной школы Н. А. Тутковского.

¹⁹ Гдаль-Залесский — сведений о его пребывании в Киеве обнаружить не удалось.

²⁰ Шквор Макс Антонович — виолончелист, преподаватель музыкальной школы Н. А. Тутковского.

²¹ Фаллада-Шквор Агнеса Ивановна — арфистка, преподаватель музыкального училища Киевского отделения Императорского музыкального общества.

²² Воячек Феодосий Иванович — композитор, преподаватель по классу контрабаса музыкального училища Киевского отделения Императорского музыкального общества.

²³ Богдашевский Дмитрий Иванович — профессор Духовной академии, протоирей, товарищ председателя Киевского православного религиозно-просветительного общества в 1915 г. Жил в доме Духовной академии вместе с семьей Гдешинских (Ильинская, д. 5).

26

М. А. Булгаков — А. П. Гдешинскому

Москва. 28 XII (19)39

До сих пор не мог ответить тебе, милый друг, и поблагодарить за милые сведения. Ну, вот, я и вернулся из санатория.¹ Что же со мною? Если откровенно и по секрету тебе сказать, сосет меня мысль, что вернулся я умирать.

Это меня не устраивает по одной причине: мучительно, канительно и пошло.

Как известно, есть один приличный вид смерти — от огнестрельного оружия, но такового у меня, к сожалению, не имеется.

Поточнее говоря о болезни: во мне происходит, ясно мной ощущаемая, борьба признаков жизни и смерти. В частности, на стороне жизни — улучшение зрения.

Но, довольно о болезни!

Могу лишь добавить одно: к концу жизни пришлось пережить еще одно разочарование — во врачах-терапевтах.

Не назову их убийцами, это было бы слишком жестоко, но гастролерами, халтурщиками и бездарностями охотно назову.

Есть исключения, конечно, но как они редки!

Да и что могут помочь эти исключения, если, скажем, от таких недугов, как мой, у аллопатов² не только нет никаких средств, но и самого недуга они порою не могут распознать.

Пройдет время, и над нашими терапевтами будет смеяться, как над мольтеровскими врачами.³ Сказанное из хирургам, окулистам и дантистам не относится. К лучшему из врачей Елене Сергеевне также. Но одна она справиться не может, поэтому принял новую веру и перешел к гомеопату.⁴ А больше всего да поможет нам всем больным Бог!

Пиши мне, очень прошу! Л(арисе) Н(иколаевне) поклон!

От всего сердца желаю тебе здоровья — видеть солнце, слышать море, слушать музыку.⁵

¹ С 18 ноября М. А. Булгаков был в санатории «Барвиха» под Москвой.

² Аллопатия — применение лекарств, вызывающих симптомы, противоположные симптомам данной болезни.

³ Известна постоянная насмешка Мольера над врачами и медицинской наукой. Он считал служителей Гиппократов шарлатанами, официальными обманщиками, невежественными «фальшивомонетчиками» («Любовь — целительница»), псевдонаучная заумь которых могла вызвать только хохот и иронию окружающих («Лекарь — поневоле»).

⁴ Гомеопатия — система лечения малыми, часто принимаемыми дозами лекарств, вызывающих в больших дозах у здоровых людей явления, сходные с симптомами самой болезни.

⁵ К письму М. Булгакова от 28 декабря 1939 г. содержится примечание Е. С. Булгаковой: «Письмо от 28 дек(абря) 1939 г. написано Михаилом Афанасьевичем Булгаковым своему другу юности Александру Петровичу Гдешинскому (Адрес Гдешинского в то время: Киев, улица Артема, д. 58а, кв. 6) Л. Н. — жена Гдешинского, Лариса Николаевна.

Елена Булгакова. Москва 23 IV 1956 г.». Список этого письма, выполненный рукою Е. С. Булгаковой, хранится в РО ГБЛ (ф. 562, к. 19, ед. хр. 19) (фотокопия). Полностью это письмо М. А. Булгакова опубликовано в книге: *Булгаков М. Письма. Жизнеописание в документах*. М., 1989. С. 457. В публикации неправильно указаны инициалы Гдешинского — вместо А. П. ошибочно напечатано А. Г.

27

А. П. Гдешинский — М. А. Булгакову

3 I 1940

Киев. Гоголевская 47, кв. 3

Дорогой Миша!

Ах, как опечалило меня твое письмо!¹ Ты прав, врачи, даже самые лучшие, часто становятся в тупик, а больной чувствует, что можно что-то сделать, что вызволит их из беды, а этого они,

как раз и не знают, и не могут. Но не в этом дело — организм сам справляется со своим врагом, а у тебя ведь хороший признак — ведь ты уже настолько окреп зрением, что написал мне письмо! Не кручинься, родной, что бы я дал, чтобы помочь тебе, любовь которого я всегда чувствовал. Еще, надеюсь, мы встретимся и пожмем друг другу руки! Часто, оч(ень) часто мы вспоминаем тебя. С радостью увидел я, что «Дни Турбиных» опять идут,² а то долгое время в газетах не появлялись в театральных объявлениях. Недавно в одном доме мне довелось слышать, что на сцене «Дни» больше понравились, чем «Анна Каренина», а сегодня прочел в «Советском искусстве», что в этом году т(еатр) Вахтангова покажет твою трагикомедию «Дон Кихот».³ Мне кажется, что всякий порядочный человек должен быть немного Дон Кихотом! У нас зима. На окне стоит елочка, которую собираемся украсить! Я схватил ангину и сижу дома, но завтра думаю пройтись на Крещатик и сдам тебе письмо. . . Почему-то зима наиболее, по-моему, поэтична и навеивает воспоминания. . . Падает снег и щекочет ласково лицо. Звенят бубенцы извозчиков. . . И везде елки. И у вас елка, и кто-то поет: *Oci turcini, color dal mare. . .*⁴ (не ручаюсь за орфографию!) . . . Ты прав, конечно, что лучший врач — это Елена Сергеевна, которой шлем лучшие пожелания, а тебя позволю обнять.

Люб(ящий) Саша.

Ты глубоко прав и в заключительных словах твоего письма. Да поможет нам всем больным Бог!

Целую тебя крепко.

Твой Саша.

Лариса Николаевна шлет свой привет.

¹ Письмо от 28 XII 1939.

² В марте 1929 г. пьеса «Дни Турбиных» была запрещена. Возобновление ее на сцене МХАТа было осуществлено в 1932 г.

³ В газете «Советское искусство» от 1 января 1940 г. в заметке «В театре им. Вахтангова» сообщалось: «В конце 1940 г. театр покажет трагикомедию „Дон Кихот“ М. Булгакова по Сервантесу. Постановка заслуженного артиста РСФСР И. М. Раппопорта, художник П. В. Вильямс. Роль Дон Кихота готовят заслуженный артист РСФСР В. В. Куза и артист Н. Н. Бубнов, роль Санчо-Пансо — заслуженный артист РСФСР А. И. Горюнов, И. А. Соловьев и Н. В. Пажитнов.

⁴ В своей книге «О, мед воспоминаний. . .» вторая жена М. А. Булгакова Любовь Евгеньевна писала о том, что Михаил Афанасьевич пел эту песню по-русски: «Дивные очи,очи, как море, цвета лазури небес голубых. . . то вы смеесть, то вы грустите. . .».

М. БУЛГАКОВ О М. Е. САЛТЫКОВЕ-ЩЕДРИНЕ

(ПУБЛИКАЦИЯ Т. М. ВАХИТОВОЙ)

В фонде М. А. Булгакова (ф. 369, № 327) хранятся две анкеты (маш. попись), одна — с подписью от 19 сентября 1933 г., другая — без подписи от 11 октября 1933 г. с ответами писателя на вопросы редакции «Литературного наследства» о значении творчества М. Е. Салтыкова-Щедрина для современности.

Эти анкеты были разосланы многим советским писателям и предназначались для публикации в томах «Литературного наследства», посвященных неизвестным материалам о жизни и творчестве выдающегося русского классика (т. 11—12, т. 13—14). Однако эти материалы не были включены в основной корпус издания и пролежали в архиве ЦГАЛИ СССР до 1976 г. (ф. 603, «Литературное наследство», оп. 3).

В связи со 150-летием со дня рождения М. Е. Салтыкова-Щедрина С. А. Макашин — один из инициаторов составления и проведения этой анкеты в 1932—1933 гг. — опубликовал в журнале «Новый мир» (1976, № 1) размышления советских писателей о великом сатирике.

Среди тех, кто отвечал на вопросы редколлегии «Литературного наследства» в начале 30-х гг. были А. Толстой, К. Тренев, Д. Бедный, В. Лидин, С. Городецкий, П. Романов, Ю. Слезкин и другие писатели. Опубликованы и ответы М. А. Булгакова.

Текст, напечатанный в «Новом мире», соответствует второму, более позднему варианту ответов М. Булгакова (11 октября 1933 г.), хранящемуся в РО ИРЛИ без подписи. Опубликованный в журнале текст сокращен и исправлен.

Вместо двух последних достаточно острых замечаний о современной писателю сатире: «Она создается тогда, когда появится писатель, который сочтет несовершенной текущую жизнь и, негодуя, приступит к художественному обличению ее. Полагаю, что путь такого художника будет весьма и весьма труден», — в журнале опубликовано заключение из другого варианта анкеты: «Но каждому из советских сатириков, я полагаю, надлежит рекомендовать усиленное изучение Щедрина».

Ниже приводятся оба варианта ответов на вопросы анкеты.

В РЕДАКЦИЮ «ЛИТЕРАТУРНОГО НАСЛЕДСТВА» ОТВЕТСТВЕННОМУ РЕДАКТОРУ Т. АВЕРБАХУ

Ответы на основные пункты Вашего запроса относительно М. Е. Салтыкова-Щедрина:

1. Степень и характер Вашего знакомства с творчеством Щедрина, его роль в формировании Вашего мировоззрения.

Ответ: Я начал знакомиться с произведениями Щедрина, будучи, примерно, в тринадцатилетнем возрасте, причем, эти произведения мне чрезвычайно понравились. В дальнейшем я продолжал их читать и перечитывать, постоянно возвращаясь к ним. Полагаю, что степень моего знакомства с творчеством Щедрина — довольно высока, а роль его в формировании моего мировоззрения — значительна.

2. Ваша оценка Щедрина как художника

Ответ: Считаю его первоклассным художником

3. Оценка Щедрина как классика сатиры в связи с задачами создания советской сатиры.

Ответ: Я полагаю, что создавать сатиру нельзя, она создается

сама собой. Но каждому из советских сатириков, я полагаю, надлежит рекомендовать усиленное изучение Щедрина.

4. Художественный метод Щедрина в свете наших сегодняшних литературно-творческих споров. Имел ли Щедрин на Вас чисто литературное влияние.

Ответ: Первая часть вопроса неясна. Что же касается литературного влияния Щедрина на меня, то мне кажется, что это влияние было весьма значительно.

5. Щедрин как тип писателя (участие в практической жизни, уровень мировоззрения).

Ответ: Вопрос неясен, я затрудняюсь ответить на него.

19 IX 1933

Михаил Афанасьевич Булгаков.

Москва, Большая Пироговская 35а, кв. 6.

Телефон): Г-3-58-03.

В РЕДАКЦИЮ «ЛИТЕРАТУРНОГО НАСЛЕДСТВА» О САЛТЫКОВЕ-ЩЕДРИНЕ

Идя по основным указанным Вами пунктам, я могу сказать о Салтыкове следующее:

Я начал знакомиться с его произведениями, будучи примерно в тринадцатилетнем возрасте. Причем, как хорошо помню, они мне чрезвычайно понравились, несмотря на то, что я понял, конечно, мало из того, что им написано. В дальнейшем я постоянно возвращался к перечитыванию салтыковских вещей. Влияние на меня Салтыков оказал чрезвычайное, и, будучи в юном возрасте, я решил, что относиться к окружающему надлежит с иронией. Сочиня для собственного развлечения обличительные фельетоны, я подражал приемам Салтыкова, причем немедленно добился результатов: мне не однажды приходилось ссориться с окружающими и выслушивать горькие укоризны. Когда я стал взрослым, мне открылась ужасная истина. Атаманы-молодцы, беспутные Клемантинки, рукосуи и лапотники, майор Прыщ и бывший прохвост Угрюм-Бурчеев пережили Салтыкова-Щедрина. Тогда мой взгляд на окружающее стал траурным. Каков Щедрин как художник? — Я полагаю, доказывать, что он перворазрядный художник, излишне.

Вы пишете об оценке Щедрина в связи с задачами создания советской сатиры?

Я уверен в том, что всякие попытки создать сатиру обречены на полнейшую неудачу. Ее нельзя создать. Она создается сама собой, внезапно. Она создается тогда, когда появится писатель, который сочтет несовершенной текущую жизнь и, негодуя, приступит к художественному обличению ее. Полагаю, что путь такого художника будет весьма и весьма труден.

11 октября 1933 г.

К ИСТОРИИ ПОСТАНОВКИ «МЕРТВЫХ ДУШ» В МХТ (ПУБЛИКАЦИЯ Д. А. БЛАСОВА)

В Рукописном отделе Пушкинского Дома хранится ряд документов, связанных с работой Михаила Афанасьевича Булгакова над инсценировкой и затем киносценарием по поэме Н. В. Гоголя «Мертвые души».¹ Значительная часть из них была опубликована Б. Ф. Егоровым² и Г. С. Файманом.³ Ниже публикуется переписка с Рижским художественным театром, намеревавшимся поставить на своей сцене булгаковскую инсценировку, договор с МХТ, письма М. А. Булгакова к К. С. Станиславскому, директору МХТ М. С. Гейтцу, В. Г. Сахновскому.

1930 год, когда М. А. Булгаков начал работать в МХТ, был переломным в его жизни. Весной ведутся переговоры относительно нового места службы, в апреле состоялся знаменитый телефонный разговор с И. В. Сталиным,⁴ вскоре после которого писатель был принят МХТ на должность режиссера-ассистента. Первой его работой в театре стала инсценировка «Мертвых душ» Н. В. Гоголя.⁵ Премьера спектакля состоялась 28 ноября 1932 г.

В 1934—1935 гг. М. Булгаков написал сценарий для кинофильма, который собирался снимать И. А. Пырьев. Однако фильм так и не был поставлен.

Спектакль «Мертвые души» в инсценировке М. Булгакова не сходил со сцены МХАТа около 50 лет, был поставлен во многих других театрах, в частности в 1952 г. рижским театром, переписка с которым автора здесь публикуется.

В Рукописном отделе ИРЛИ (Пушкинский Дом) хранятся также некоторые письма с отзывами об инсценировке М. Булгакова, рецензии, отклики, газетные вырезки, варианты сценария.

---

¹ Один из промежуточных вариантов инсценировки опубликован: *Булгаков М. А. Мертвые души* // Булгаков М. А. Пьесы. М., 1986. С. 489—542; Сценарий опубликован: *Булгаков М., Пырьев И. Мертвые души. Киносценарий* // Москва. 1978. № 1. С. 125—164.

² См.: *Егоров Б. Ф. М. А. Булгаков — «переводчик» Гоголя (инсценировка и киносценарий «Мертвых душ», киносценарий «Ревизора») // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1976 год. Л., 1978. С. 57—84.*

³ См.: *Файман Г. С. Кинороман Михаила Булгакова // Искусство кино. 1987. № 7. С. 75—92; № 8. С. 88—98; № 9. С. 80—93.*

⁴ См. подробнее об этом: Октябрь. 1987. № 6. С. 175—184.

⁵ Теме «Булгаков и Гоголь» посвящены следующие работы: *Мацкин А. Станиславский. Скрещение идей и судеб в «Мертвых душах». 1932 // Мацкин А. На темы Гоголя. Театральные очерки. М. 1984. С. 216—247; Чудакова М. О. Булгаков и Гоголь // Русская речь. 1979. № 2. С. 38—48; № 3. С. 55—59; Чеботарева В. А. О гоголевских традициях в прозе М. Булгакова // Русская литература. 1984. № 1. С. 167—176; Смелянский А. Булгаков и поэма Гоголя // Театральная жизнь. 1984. № 7. С. 14—15; № 8. С. 30—31; № 11. С. 22—23.*

ПЕРЕПИСКА М. А. БУЛГАКОВА В СВЯЗИ С ИНСЦЕНИРОВКОЙ «МЕРТВЫХ ДУШ»

1

М. А. Булгаков — К. С. Станиславскому

16 июня 1932 г.

Дорогой Константин Сергеевич!¹

Я подал в Дирекцию заявление о том, что мне необходимо для того, чтобы въехать в надстраивающийся дом писателя,² где я получаю квартиру к зиме, внести до-въездовские деньги — четыре с половиной тысячи. Эту сумму я могу собрать, только если мне Театр даст две тысячи пятьсот рублей в счет авторского гонорара. И об этом я прошу.

Я очень прошу Вас, Константин Сергеевич, не отказать мне, потому что мне н е г д е б у д е т ж и т ь, если я не въеду к зиме, — контракт на мою теперешнюю квартиру кончился,³ и после отсрочки я должен буду ее покинуть.

Из-за этой квартиры я не могу даже летом отдыхать, я всё вношу в нее. А если я не перееду, мне негде будет работать и жить.

Печатается по машинописной копии.

¹ История взаимоотношений, часто непростых, К. С. Станиславского и М. А. Булгакова подробно освещена в указанных выше работах (см. примеч. 1—5, с. 263). Опубликованы в разных изданиях и некоторые их письма друг другу.

К. С. Станиславский высоко ценил в М. А. Булгакове творческого работника и не скрывал этой своей точки зрения даже в пору его опалы. Так, в письме М. С. Гейтцу 2 сентября 1930 г. он писал: «Большие надежды возлагаем на Булгакова. Вот из него может выйти режиссер. Он не только литератор, но он и актер. Сужу по тому, как он показывал актерам на репетициях „Турбинных“. Собственно — он поставил их, по крайней мере дал те блестящие, которые сверкали и создавали успех спектаклю» (*Станиславский К. С. Собр. соч. : В 8 т. М., 1961. Т. 8. С. 269*). В свою очередь М. А. Булгаков 31 декабря 1931 г. писал К. С. Станиславскому: «Цель этого неделового письма — выразить Вам то восхищение, под влиянием которого я нахожусь все эти дни. В течение трех часов Вы на моих глазах ту узловую сцену, которая замерла и не шла, превратили в живую. Существует театральное волшебство!». (Письмо опубликовано полностью в Ежегоднике Малого Художественного театра — 1948 г. М., 1950. Т. 1. С. 425, и в статье Б. Ф. Егорова «М. А. Булгаков — „переводчик“ Гоголя (инсценировка и киносценарий „Мертвых душ“, киносценарий „Ревизора“) (Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1976 год. Л., 1978. С. 68).

² В Москве, в Нащокинском переулке (сейчас улица Фурманова), шло строительство писательского кооператива. См. также письмо М. А. Булгакова П. С. Попову от 18 августа 1932 г. (Новый мир. 1987. № 2. С. 169).

³ М. А. Булгаков остался жить в своей старой квартире на Б. Пироговской улице, куда осенью того же 1932 г. переехала вскоре после свадьбы Елена Сергеевна вместе с младшим сыном Сережей.

М. А. Булгаков — К. С. Станиславскому

Москва. 30 июня 1932 г.

Дорогой Константин Сергеевич!

В ответ на мою просьбу о выдаче мне авансом 2¹/₂ тысяч Николай Васильевич выдал мне одну и больше не дает — хоть плачь!

Я убедительно прошу, Константин Сергеевич, дайте распоряжение, чтоб Дирекция дала мне еще вторую тысячу — мне действительно без нее заперз в квартирном вопросе.

Ну что я могу поделаться с Николаем Васильевичем? Что?!

Он говорит:

«Я продам камеру и дам вам взаймы».

Я не хочу обременять Николая Васильевича взятием у него денег взаймы или зависеть в тяжелом квартирном вопросе от его камеры!

Поверьте, Константин Сергеевич, что мне так невесело просить!

Печатается по машинописной копии.

М. А. Булгаков — В. Г. Сахновскому

Москва. 6 марта 1937 г.

Дорогой Василий Григорьевич,¹

извещаю Вас, что в «Литературном Агентстве» имеется поступление за «Мертвые души» из Чехословакии в сумме чешских крон 394-24, из которых, согласно нашего договора с Вами,² Вам причитается одна шестая часть.

Копию моего договора с «Литературным Агентством» (№ 118 от 14 декабря 1935 года) прилагаю при этом письме.

Побывайте в Агентстве у Дмитрия Александровича Уманского, условьтесь, чтобы при дальнейших поступлениях Вашу часть выделяли бы сразу и зачисляли на Ваш счет.

Адрес Агентства — Леонтьевский пер. 24, телефон 2-69-58.

Уведомьте меня, пожалуйста, заказным о получении этого письма.

Как поживает «Анна»? ³ Когда выпускаете?

Дружески приветствую Вас.

Ваш М. Булгаков.

Печатается по машинописной копии. Слова «копия» в верхнем левом углу и подпись «Ваш М. Булгаков» сделаны чернилами, «Сахновскому» — карандашом, все рукой М. А. Булгакова.

¹ Сахновский В. Г. (1886—1945) — известный режиссер, теоретик театрального искусства. С 1926 г. — режиссер МХТ.

² См. ниже договор М. А. Булгакова с В. Г. Сахновским от 30 ноября 1930 г.

³ Премьера спектакля «Анна Каренина», поставленного В. Г. Сахновским совместно с В. И. Немировичем-Данченко по роману Л. Н. Толстого, состоялась 21 апреля 1937 г.

4

В. Г. Сахновский — М. А. Булгакову

Москва. 11 III <1>937

Дорогой Михаил Афанасьевич,

Ваше письмо от 6 III <1>937 с извещением о приятной неожиданности — поступлении за «Мертвые души» из Чехословакии — получил. Непременно, как будет немножко посвободнее, отправлюсь в «Литературное Агентство».

Что сказать об «Анне»? ¹

— И как будто стоя спит.

Когда, почему, зачем... пойдет спектакль — перестал понимать. Узнал от Иосифа (я говорю об Иос. Раевском), что вылился из-под пера некий роман,² посвященный одному интересующему меня театру. Шел по улице с Иосифом и от души хохотал. Пр-р-р-авильно!! Песочное пирожное очень вкусное, кушайте. Но песочные директора и худруководители еда невыносимая! Елене Сергеевне привет мой.

Крепко жму руку.

Ваш Вас. Сахновский.

¹ См. примеч. 3 к письму М. А. Булгакова В. Г. Сахновскому от 6 марта 1937 г.

² Имеется в виду «Театральный роман» М. А. Булгакова. В числе прототипов его персонажей — К. С. Станиславский и В. И. Немирович-Данченко.

ДОГОВОРЫ, ЗАЯВЛЕНИЯ М. А. БУЛГАКОВА В СВЯЗИ
С ПОСТАНОВКОЙ СПЕКТАКЛЯ «МЕРТВЫЕ ДУШИ»

1

ДОГОВОР

Г. Москва 1930 г. ноября 25-го дня, Московский Художественный Театр в лице Заведующего Административно-Финансовой частью Василия Михайловича Никитина, с одной стороны, и Михаил Афанасьевич Булгаков — с другой, заключили настоящий договор о нижеследующем:

1. М. А. Булгаков представляет МХТ свою пьесу «Мертвые Души» в 4-х актах по поэме Гоголя Н. В. того же наименования для постановки ее на Большой сцене МХТ.

П р и м е ч а н и е. После постановки означенной пьесы на Большой сцене Дирекция МХТ имеет право переносить ее исполнение в другие театральные помещения.

2. М. А. Булгаков обязуется не отдавать в печать названную пьесу и не передавать ее для постановки в каком-либо другом театре в г. Москве в течение одного года со времени первого спектакля в МХТ; в других же театрах СССР, кроме московских, М. А. Булгаков не имеет права разрешать названную пьесу к постановке ранее первого спектакля на сцене МХТ.

3. Дирекция МХТ обязуется уплачивать М. А. Булгакову авторский гонорар по существующим ставкам.

4. При подписании сего договора Дирекция МХТ обязуется выдать М. А. Булгакову в счет его авторского гонорара аванс в размере 1 500 руб. (одной тысячи пятьсот руб.).

5. Дирекция МХТ имеет право удерживать означенную тысячу пятьсот рублей из того гонорара, который будет причитаться М. А. Булгакову с первых же спектаклей пьесы «Мертвые Души». Причем удержание это должно производиться в размере 50 рублей с каждого спектакля.

6. Если бы пьеса «Мертвые Души» не была разрешена к постановке Главреперткомом или каким-либо иным правительственным учреждением, М. А. Булгаков обязуется вернуть Дирекции МХТ полученный им аванс.

7. Дирекция МХТ обязуется поставить пьесу «Мертвые Души» не позднее июня 1931 года.

Если бы к означенному сроку пьеса не была поставлена, настоящий договор должен считаться нарушенным и выданный М. А. Булгакову аванс возврату не подлежит.

Примечание. По взаимному согласию М. А. Булгакова и Дирекции МХТ действие сего договора может быть продолжено.

8. Юридические адреса сторон:

Дирекции МХТ — Проезд Художественного Т-ра, д. 3.

М. А. Булгакова — Б. Пироговская 35-б, кв. 6, т. 2-03-27.

9. Подлинный договор иметь МХТ, копию М. А. Булгакову.

Зав. адм.-фин. ч. В. М. Никитин.
М. А. Булгаков.

ДОПОЛНИТЕЛЬНОЕ СОГЛАШЕНИЕ К ДОГОВОРУ

от 25 XI (19)30 г.

1. Во изменение п. 7 договора МХТ обязуется осуществить постановку пьесы «Мертвые Души» не позднее 1 февраля 1932 г.

2. В связи с тем что к указанному в п. 7 договора сроку июнь 1931 г. пьеса «Мертвые Души» не была поставлена, пятьсот рублей из выданного М. А. Булгакову МХТ'ом аванса (п. 4) не подлежат востребованию и поступают в пользу М. А. Булгакова.

3. При подписании сего дополнительного соглашения МХТ выдает М. А. Булгакову в счет авторского гонорара дополнительный аванс в сумме семьсот пятьдесят рублей (750 р.) и 15 ок-

тября 1931 года такой же аванс в счет авторского гонорара в той же сумме семьсот пятьдесят (750 р.).

31 июля 1931 года.

Зав. адм.-фин. ч.   В. М. Никитин.
Автор   М. А. Булгаков.

Настоящий договор в части осуществления МХАТ'ом постановки пьесы «Мертвые души» (п. 7) пролонгируется до 25 апреля 1932 г.

Директор МХАТ'а Народный артист Республики
(К. С. Станиславский)
Автор   (М. А. Булгаков)

5 марта 1932 г.

Договор и дополнительное соглашение, напечатанное на его обороте, публикуются по машинописным копиям, заверенным подписями договаривающихся сторон, в том числе К. С. Станиславского и М. А. Булгакова.

2

ДОГОВОР

г. Москва. 30 ноября 1930 г.

Мы, нижеподписавшиеся, с одной стороны, Михаил Афанасьевич Булгаков, с другой — Василий Григорьевич Сахновский¹ заключили настоящий договор о нижеследующем:

1. В. Г. Сахновскому за произведенную им работу при сочинении М. А. Булгаковым пьесы «Мертвые души» причитается вознаграждение в следующем размере:

а) из начисляемого М. А. Булгакову в пределах СССР или за границей авторского гонорара за пьесу «Мертвые души» В. Г. Сахновскому причитается $1/6$ (одна шестая) часть такового;

б) в случае переуступки М. А. Булгаковым кому-либо в пределах СССР или за границей авторского права или продажи пьесы «Мертвые души» — из обусловленных при этом сумм В. Г. Сахновскому причитается 10 % (десять процентов).

Пр и м е ч а н и е. Труд В. Г. Сахновского при сочинении М. А. Булгаковым пьесы «Мертвые души» по поэме Н. В. Гоголя того же наименования выразился в собирании и разработке материалов, как литературных, так и исторических, и в работе по установлению конструкции пьесы.

2. М. А. Булгаков обязуется при заключении договоров со зрелищными предприятиями на постановку пьесы «Мертвые души» или на переуступку кому-либо авторского права и продажу пьесы передавать стороне, с которой он будет подписывать такие договоры, копию настоящего договора для непосредственного исполнения этой стороной условий настоящего договора в части выплаты В. Г. Сахновскому всех причитающихся в порядке п. 1

настоящего договора денежных сумм. Равным образом М. А. Булгаков обязуется немедленно извещать В. Г. Сахновского о всех подписанных им, М. А. Булгаковым, договорах и соглашениях по пьесе «Мертвые души», присылая В. Г. Сахновскому заказными письмами копии таких договоров, дабы последний мог учитывать сроки и размер причитающегося вознаграждения.

3. Настоящий договор составлен в 2-х экземплярах, по одному для каждой из сторон. Копия сего договора пересылается сторонами Всероскомдраму для сведения.

4. Юридические адреса сторон:

М. А. Булгакова — г. Москва, Бол. Пироговская ул., 35-а, кв. 6.
В. Г. Сахновского — г. Москва, Гоголевский бульвар, 15, кв. 57.

М. Булгаков.
В. Сахновский.

Печатается по машинописной копии. На обороте договора несколько приписок рукой В. Г. Сахновского о получении предусмотренных соглашением между ним и М. А. Булгаковым сумм.

¹ Некоторое время участие М. А. Булгакова в постановке «Мертвых душ» стыдливо замалчивалось, а В. Г. Сахновский, наоборот, представлялся как единственный на первых порах режиссер. Так, в 3-м томе «Истории советского драматического театра» (М., 1967, с. 171, 173) сказано: «Известна история постановки „Мертвых душ“. Сначала над ними работал В. Сахновский, для которого главным был Гоголь фантазмагорический... Станиславский нарушил все сделанное до него».

3

В ВСЕРОСКОМДРАМ

9 декабря 1932 г.

От М. А. Булгакова

Прошу взимать для меня мой авторский гонорар по пьесе моей «Мертвые души», сделанной по поэме Н. В. Гоголя и содержащей четыре акта.

Сообщаю, что мне причитается 5/6 всего авторского гонорара, а 1/6 часть должна поступать В. Г. Сахновскому, согласно моему договору с ним, каковой договор при сем прилагаю.

Печатается по машинописной копии, без подписи.

Директору Московского Художественного Театра
 Михаилу Сергеевичу Гейтцу¹
 Режиссера МХТ Михаила Афанасьевича
 Булгакова.

Заявление

В настоящее время я поставлен в такие материальные условия, которые вредно отзываются на моей работе над «Мертвыми душами».

В самом деле: из жалованья моего в МХТ (150 руб.) мне остается около 10—15 рублей в месяц, так как остальное уходит в уплату подоходного налога за прошлое время, когда шли мои пьесы. Эти вычеты будут производиться еще месяц или полтора.

Из жалованья моего в ТРАМе² (300 руб. в месяц) большая часть уходит на уплату долгов, сделанных во время моего разорения, предшествующего поступлению в МХТ.

По договору с МХТ («Мертвые души») мне причиталось 1 500 руб. аванса, из коих я получил 1 000 руб. суммами от 300 до 50 руб., а 500 нужно возвращать МХТ (в погашение аванса по «Бегу»).

Эта тысяча рублей, полученных по «Мертвым душам», мною отдана в уплату долгов.

Сообщаю, что к концу этого месяца положение стало таким, что мне трудно работать. Я выкраиваю время — между репетициями «Мертвых душ» и вечерней работой в ТРАМе — для того, чтобы сочинить роль Первого (Чтеца) и каждый день и каждую минуту я вынужден отрываться от нее, чтобы ходить по городу в поисках денег.

Считаю долгом сообщить Дирекции, что я выбился из сил. Прошу выдать мне еще аванс в размере 1000 руб., чтобы я мог дотянуть мою трудную работу на протяжении тех четырех месяцев, которые остались до постановки спектакля.

Режиссер МХТ М. Булгаков

29 декабря 1930 г.

[Приписано чернилами в левом поле листа. — Д. Б.]:

Я принужден отказать в Вашей просьбе т(а)к (как) ко мне обращался отв(етственный) секр(етарь) Всекомдрама с предложением ни в коем случае не авансировать Вас ввиду В(ашей) задолженности Всероскомдраму в 5000 рублей.

29 XII.

Печатается по машинописной копии, заверенной рукой М. А. Булгакова. Частично опубликовано М. О. Чудаковой, см.: *Чудакова М. О. Архив М. А. Булгакова: Материалы для творческой биографии писателя. // Записки Отдела рукописей Государственной библиотеки им. В. И. Ленина. М., 1976. Т. 37. С. 95.* Приписка директора МХТ М. С. Гейтца сделана наискосок черными чернилами. Слова «а 500 нужно возвращать МХТ (в погашение аванса по „Бегу“» вписаны красным карандашом.

¹ М. С. Гейтц — «красный директор» МХТ. Его позиция в формировании лица театра обчуживала следование рапповским «указаниям» и наскокам на МХТ в начале 30-х гг. Вскоре по инициативе К. С. Станиславского и других «стариков» М. С. Гейтц был снят со своего поста.

² ТРАМ — Театр рабочей молодежи, в котором с 1 апреля 1930 г. М. А. Булгаков был консультантом. 14 марта 1931 г. он подал заявление об увольнении.

ПЕРЕПИСКА М. А. БУЛГАКОВА В СВЯЗИ С ПРЕДПОЛАГАВШЕЙСЯ ПОСТАНОВКОЙ СПЕКТАКЛЯ «МЕРТВЫЕ ДУШИ» В РИГЕ

1

Эд. Смильгис — М. А. Булгакову

Рига. 9 X 1932

Многоуважаемому гражданину М. Булгакову.

Высоко чтя и ценя Вас как одного из талантливейших русских драматургов, чьи пьесы пользуются большою известностью далеко за пределами русской границы, Латвийский художественный театр Дайлес театрис обращается к Вам с сердечной просьбой выслать ему для ознакомления один экземпляр Вашей новой инсценировки «Мертвых душ» Гоголя. Так как театр желал бы эту пьесу поставить еще до Нового года,¹ очень просим Вас прислать рукопись по возможности скорее.

С глубоким почтением остаемся ждать Вашего скорого ответа

Эд. Смильгис.

Машинопись с подписью Эд. Смильгиса. В конце письма находится не вполне разборчивая приписка, сделанная А. И. Свицерским (см. примеч. 1 к следующему письму) с поддержкой просьбы театра² (см. ниже письмо М. А. Булгакова в ВОКС от 26 декабря 1932 г.).

¹ В 1934 г. в Латвии произошел фашистский переворот, после которого появление на сцене пьесы советского драматурга сделалось невозможным. «Мертвые души» были поставлены в Дайлес театрис только в 1952 г., причем консультантом был В. О. Топорков, исполнитель роли Чичикова в спектакле МХТ 1930—1940 гг.

² Смильгис Эдуард (1886—1966) — латышский советский режиссер, актер. В 1915 г. был эвакуирован в Петроград, где получил возможность ближе познакомиться с русским сценическим искусством. Долгие годы был руководителем Латвийского художественного театра (Дайлес театрис).

М. А. Булгаков — А. И. Свидерскому

Москва, 11 ноября 1932 г.

Многоуважаемый Алексей Иванович,¹

я с очень большой задержкой, к сожалению, получил письмо из Дайлес Театрис относительно моей инсценировки «Мертвых душ» — с Вашим дополнением к этому письму.

Я отдаю в переписку экземпляр, после этого получу разрешение из Наркомпроса на отправку рукописи в Ригу и посылаю им экземпляр.

Я поставил театр в известность, что вопросом и взиманием для меня авторского гонорара ведаает издательство С. Фишера в Берлине,² к которому я попросил обратиться, во-первых, с извещением о их желании ставить, а во-вторых, с просьбой выслать им экземпляр, т(а)к к(ак), быть может, оттуда он придет в Ригу быстрее, чем от меня.

Рад исполнить просьбу театра, поддержанную Вами.

Примите уверение в моем уважении

М. Булгаков.

Большая Пироговская 35а, кв. 6. Т. 3-58-03.

Михаил Афанасьевич Булгаков.

Печатается по машинописной копии с подписью М. А. Булгакова.

¹ Свидерский А. И. (1878—1933) — советский государственный и партийный деятель. С сентября 1929 г. — полпред СССР в Латвии. В 1928—1929 гг. будучи начальником Главискусства, оказывал М. А. Булгакову поддержку.

² См. следующее письмо М. А. Булгакова Эд. Смильгису, также от 11 ноября 1932 г.

М. А. Булгаков — Эд. Смильгису

Москва, 11 ноября 1932 г.

К о п и я

Многоуважаемый г. Смильгис,

я только позавчера, к сожалению, получил Ваше любезное письмо от 9 октября 1932 года.

Я с удовольствием предоставлю Вашему театру мою инсценировку «Мертвых душ». Досадно только то, что произойдет задержка в несколько дней, пока на машине переписут экземпляр и пока я получу разрешение из Наркомпроса на отправку в Ригу рукописи.

Позвольте мне поставить Вас в известность, что относительно «Мертвых душ» я связан договором с фирмой С. Фишер в

Берлине, каковое издательство ведает вопросами постановки «Мертвых душ» за пределами СССР и взиманием для меня моего авторского гонорара.

Ввиду этого я прошу Вас поставить С. Фишера в известность относительно намерения Вашего театра ставить «Мертвые души», а также рекомендую телеграфно запросить у них экземпляр инсценировки на русском или же немецком языке,¹ как Вам удобнее. Быть может, из Берлина Вы получите рукопись скорее, чем из Москвы. Во всяком случае рукопись я Вам переписываю и посылаю.

Адрес С. Фишера: S. Fischer Verlag Theaterabteilung. Berlin W. 57, Bülowstr. 9a.

Примите уверение в совершенном моем уважении.

М. Булгаков.

Адрес для переписки со мной:

Москва, Большая Пироговская 35а, кв. 6.

Михаил Афанасьевич Булгаков,
непреренно заказной корреспонденцией.
тел. Г-3-58-03.

Печатается по машинописной копии, заверенной подписью автора.

¹ Экземпляр инсценировки «Мертвых душ» в переводе Н. Эляшова и Ф. Ритича хранится в Рукописном отделе ИРЛИ.

4

М. А. Булгаков — во Всесоюзное общество культурной связи с заграницей

26 XII (19)32

Художественный Отдел.

В ответ на Ваше письмо от 23 декабря с. г. с вопросом относительно «Мертвых душ» для Латвии сообщаю:

Право постановки моей пьесы «Мертвые души» по Н. В. Гоголю за пределами СССР закреплено по договору за издательством С. Фишер в Берлине (С. Фишер Ферлаг, Театерабтейлунг, Берлин, В. 57, Бюловштрассе, 90), к которому и надлежит обращаться по этому вопросу.

Получив запрос из Риги от Дайлис театрис по поводу «Мертвых душ», я еще 11 ноября с. г. письмом известил Дайлис театрис, а также А. И. Свицерского, который сделал приписку на письме театра, об этом моем договоре с Фишером.

В том же письме я рекомендовал театру телеграфно запросить у Фишера экземпляр «Мертвых душ», если театр желает ускорить постановку.

Кроме того, я поставил и Фишера в известность о желании Дайлис театрис ставить пьесу и попросил его, в письме от 12

ноября с. г.; заключить с Дайлис театрис договор и выслать ему экземпляр «Мертвых душ».

Но к моему удивлению, ни на одно из трех писем (Дайлис театрису, А. И. Свидерскому и С. Фишеру), посланных спешными заказными, я до сих пор ответа не получил.

У меня же лично в настоящий момент ни одного готового экземпляра «Мертвых душ» нет. Я надеюсь его иметь в готовом виде через несколько дней, когда освобожусь от своей срочной работы над биографией Мольера.¹

Прошу известить меня письменно о получении этого письма.

М. Булгаков.

Москва, Большая Пироговская 35а, кв. 6. тел. Г-3-58-3.

Михаил Афанасьевич Булгаков.

Печатается по машинописной копии с подписью М. А. Булгакова

¹ 11 июля 1932 г. М. А. Булгаков «заключает договор на книгу о Мольере для серии „Жизнь замечательных людей“, с обязательством сдать ее не позднее 1 февр. 1933 г.» (Чудакова М. О. Архив М. А. Булгакова. С 103). Рукопись была сдана 5 марта 1933 г. получила тогда отрицательный отзыв и была издана только в 1962 г.

5

М. А. Булгаков — Эд. Смильгису

Москва. 14 января 1933 г.

Многоуважаемый г. Смильгис,

я, к сожалению, не получил от Вас ответа на мое письмо от 11 ноября 1932 года, в котором я извещал Вас о том, что для постановки «Мертвых душ» в Вашем театре надлежит обратиться в издательство С. Фишер в Берлине (Берлин, Фишер Ферлаг, Театерабтейлунг, Берлин, В-57, Бюловштрассе, 90), с которым я связан договором по охране моей пьесы за границей.

Всесоюзное общество культурной связи с заграницей повторно обращалось ко мне с просьбою дать экземпляр для постановки у Вас.

Этот экземпляр готов только теперь, и я его передаю в ВОКС для отсылки в Ригу.

Не откажите в любезности известить меня, списались ли Вы с Фишером, пойдет ли у Вас пьеса и если пойдет, то когда.

Примите уверения в совершенном моем почтении.

М. Булгаков.

Москва, Бол. Пироговская 35а, кв. 6.

Печатается по машинописной копии, с подписью М. А. Булгакова.

Эд. Смильгис — М. А. Булгакову

Рига. 28 I 1933

Многоуважаемый г(раждани)н Булгаков!

В. ответ на Ваше любезное письмо¹ по поводу постановки «Мертвых душ» должен Вам сообщить, что я списался с Фишером,² и он мне прислал экземпляр. Не знаю, может быть, немецкий перевод виноват в том, что пьеса производит впечатление некоторой сухости.³ Сейчас у нас в стране экономический кризис, который отражается также на посещаемости театра, и мы начинаем сомневаться в данный момент в успехах классиков, тем более что в последнее время наблюдались примеры, что при прекрасных классических пьесах театр был пуст. Принимая это во внимание, я решил выждать и постановку «Мерт(вых) душ» временно отложить.

Вместо того мне очень хотелось бы познакомиться с Вашими современными пьесами («Бел(ую) Гвардию» и «Зойкину квартиру» в Риге уже с большим успехом ставила Русская драма). Я был бы Вам очень благодарен, если бы Вы не отказались указать на какую-нибудь из Ваших последних пьес и, если возможно, прислали бы мне экземпляр.⁴

Наряду с большой благодарностью прошу принять уверение в совершенном моем почтении.

Эд. Смильгис.

¹ Имеется в виду письмо Булгакова от 11 ноября 1932 г.

² Издательство С. Фишера в Берлине. См. предыдущее письмо.

³ См. выше примеч. 1 к письму Булгакова Смильгису от 11 ноября 1932 г.

⁴ Неизвестно, ответил ли Булгаков на это письмо.

ИЗ ИСТОРИИ ПОСТАНОВКИ «МОЛЬЕРА» В ГБДТ ИМ. М. ГОРЬКОГО

(ПУБЛИКАЦИЯ А. Л. ЕРШОВА)

Деятельность М. Булгакова-драматурга неоднократно становилась предметом исследования ученых, однако большая часть работ при этом была посвящена тем конкретным произведениям, которые и при жизни писателя имели успех (например, «Дни Турбиных»), или его деятельности в качестве театрального работника (режиссер-ассистент во МХАТе, либреттист и консультант в ГАБТе).

Материалы, находящиеся в Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР, освещают отношения М. А. Булгакова с руководством ГБДТ, на сцене которого намечалась постановка пьесы «Мольер». История этой постановки (в целом характерная для восприятия всего драматургического творчества при жизни писателя) представляется одной из наиболее трагических.

В печально известной справке от 7 декабря 1929 г., выданной М. А. Булгакову Драмсоюзом, перечисляются пьесы, запрещенные к публичному исполнению. Сюда вошли «Дни Турбиных», «Зойкина квартира», «Багровый остров», «Бег» (см.: Отдел рукописей ГБЛ, ф. 562, к. 28, ед. хр. 8). Пьеса «Мольер» была написана в 1929 г. В архиве М. А. Булгакова в ОР ГБЛ хранится первая редакция «Мольера», датированная 6 декабря 1929 г. (ф. 562, к. 12, ед. хр. 2). В воспоминаниях Л. Е. Белозерской мы находим следующие строки: «1929 год. Пишется пьеса „Мольер“. Действует все тот же не убитый или еще не добытый творческий инстинкт. Перевожу с французского биографии „Мольера“» (ОР ГБЛ, ф. 562, к. 59, ед. хр. 7, л. 120). Договор с ГБДТ на постановку «Мольера» был заключен 12 октября 1931 г., а поставлена пьеса была лишь в начале 1936 г. после 4 лет репетиций во МХАТе. Будучи исполненной на сцене МХАТа лишь семь раз и имея огромный успех у публики (по воспоминаниям Е. С. Булгаковой: «16 февраля <...> Успех громадный. Занавес давали опять не то 21, не то 23 раза. Очень вызывали автора <...> 20 II Генеральная „Мольера“, вернее, общественный просмотр <...> Теперь ясно, что спектакль имеет громадный успех. Занавес давали раз 15—17 <...> 24 II <...> Спектакль имеет оглушительный успех. Сегодня бесчисленно давали занавес» (ф. 562, к. 28, ед. хр. 25, л. 6 об., 9—9 об., 10 об.).

9 марта в «Правде» была опубликована статья «Внешний блеск и фальшивое содержание», в которой уничтожительной критике подверглась как постановка во МХАТе, так и сама пьеса М. А. Булгакова. По воспоминаниям Е. С. Булгаковой: «Как только прочитали ее (статью в «Правде». — А. Е.), Миша сказал — „Мольеру“ и „Ивану Васильевичу“ конец. Днем пошли в Театр (МХАТ. — А. Е.). „Мольера“ сняли». (ф. 562, к. 28, ед. хр. 25, л. 14 об.).

Материалы, посвященные истории постановки пьесы «Мольер» в Ленинграде на сцене ГБДТ и хранящиеся в Рукописном отделе ИРЛИ, представляют собой деловую переписку Булгакова с руководством театра. Документы публикуются в хронологическом порядке.

1

М. А. Булгаков — Р. А. Шапиро

6 X <19>31. Москва

Милый Рувим Абрамович,¹

сообщаю, что «Мольер» разрешен Главным Репертуарным Комитетом к представлению в театрах Москвы и Ленинграда. Разрешение № 2029/Н от 3-го октября 31-го года.

Итак, если Ваш Театр желает играть «Мольера», прошу заключить со мною договор.²

Автограф, дальнейший текст отрезан, подписи нет (ф. 369, ед. хр. 151).

¹ Шапиро Р. А. — директор ГБДТ, возглавлял театр с 15 сентября 1923 г.

² Текст договора хранится в Рукописном отделе ИРЛИ (ф. 369, ед. хр. 144, № 1). Для заключения договора в Москву приезжал заместитель директора ГБДТ по художественной части Е. И. Чесноков. Договор был подписан 12 октября 1931 г., по подписанию договора М. Булгаков передал экземпляр «Мольера» для работы в театре (см. расписку Е. И. Чеснокова в получении экземпляра «Мольера», — ф. 369, ед. хр. 144, № 2).

М. А. Булгаков — Е. И. Чеснокову

Москва. 27 X (19)31

Уважаемый

Евгений Иванович!

1) Сообщаю Вашему Театру, что «Мольер» получил литеру Б (виза Г. Р. К. от 25 X (19)31 г. за прежним № 2029/Н имеется на моем цензурованном экземпляре).¹

2) Прошу Вас в пункт 2-й нашего договора на «Мольера» после слов «до какого времени автор обязуется не издавать ее» внести слова «в СССР».

Мне нужно это для охраны пьесы за границей. Прошу Вас поправку эту, соответствующим образом заверенную и подписанную, прислать мне в спешном письме.

3) Очень прошу БДТ никаким лицам вне БДТ экземпляр «Мольера» для чтения не давать, т. е. помочь мне охранять пьесу.²

Ф. 369, ед. хр. 148. Автограф, письмо написано синим карандашом, подчеркнуто красным карандашом; подписи нет.

¹ Литера «Б» означала: «Произведение, вполне идеологически приемлемое и допускаемое беспрепятственно к повсеместному исполнению». (Цит. по: Чудакова М. Публикация писем М. А. Булгакова П. С. Попову // Новый мир. 1987. № 2. С. 164. Примеч. 2).

² Письмо это, вероятно, является черновиком письма, посланного в ГБДТ и сохранившегося в архиве театра (ЛГАЛИ, ф. 268, оп. 1, ед. хр. 63 ГБДТ л. 3—3 об. Режиссерская часть. О постановке пьесы М. А. Булгакова «Мольер» (переписка с автором). 4 II (19)31—14 III 32). Письмо это также написано синим карандашом, подчеркнуто красным. Первые два пункта оставлены без изменения, только слова «в спешном письме» заменены на «в специальном письме». Далее:

«3) Прошу БДТ не выдавать без моего разрешения для чтения каким-либо лицам вне БДТ экземпляр „Мольера“, т. е. прошу помочь мне охранить „Мольера“ от списывания и утечки.

4) Собираюсь в Ленинград, но не знаю, когда удастся это — только (?), нрзб. — А. Е.) в середине ноября.

5) Вы, Евгений Иванович, забыли у меня свои калоши!

Жду срочного ответа.

Привет театру.

М. Булгаков.

Б. Пироговская 35^а, кв. 6».

М. А. Булгаков — Р. А. Шапиро

3 III 1932, Москва

Милый Рувим Абрамович,

я не получил от Вас ответа на мое письмо, в котором запрашивал о «Мольере». ¹ Будьте добры, сообщите мне спешно, пойдет ли у Вас «Мольер», или нет.

---

27 II 1932 я заказной бандеролью отправил в Ваш театр экземпляр написанной мною по роману Л. Толстого пьесы «Война и мир». Прошу Вас подтвердить получение экземпляра и срочно перевести мне (по телеграфу) следуемые мне по договору чetyреста рублей.

Жду ответа

М. Булгаков.

Б. Пироговская 35^а, кв. 6

Автограф. Письмо является черновиком письма от 4 марта 1932 г. (машинписная копия, подпись — автограф), хранящегося в Рукописном отделе ИРЛИ (ф. 369, ед. хр. 151, № 3). Первый экземпляр данной машинписной копии хранится в ЛГАЛИ (ф. 268, оп. 1, ед. хр. 63, письмо VIII, л. 8; исправления, сделанные в черновике, учтены в машинписи).

¹ Имеется в виду письмо М. А. Булгакова Р. А. Шапиро от 4 февраля 1932 г.:

4 II 1932 г. Москва

Дорогой Рувим Абрамович!

Я, к сожалению, давно что-то не получал писем из БДТ. Надеюсь, что все у Вас живы-здоровы?

Мне было бы интересно узнать, как обстоят дела с «Мольером». Напишите, будьте добры, мне спешно.

Что касается меня, то загружен я работой сверх головы.

МХТ срочно возобновляет «Дни Турбинных» (об этом, впрочем, Вы, наверное, уже знаете), а кроме этого, «Мертвые», а кроме этого, на днях должны начаться репетиции «Мольера», а сверх всего этого многоэтажная постройка «Войны и мира».

Каковую «Войну и мир» в последних числах этого февраля, я, согласно договору, отправляю в Больш(ой) Драм(атический) Театр.

Итак, жду писем, посылаю привет!

М. Булгаков.

Б. Пироговская 35^а, кв. 6.

(Автограф, фиолетовые чернила).

М. А. Булгаков — Р. А. Шапиро

Москва, 16 марта 1932 г.

Многоуважаемый Рувим Абрамович!

Подтверждаю получение мною четырехсот (400) рублей, согласно п. 4 нашего договора на «Войну и мир».

Также подтверждаю получение Вашего письма от 14 III <19> 32 г.,¹ в котором Вы извещаете меня об отклонении «Мольера» и освобождении меня от обязательств, принятых мною по договору о «Мольере».

Относительно моей поездки в Ленинград, к сожалению, ничего пока сказать не могу: занят репетиционными работами в МХТ.

Уважающий Вас

Машинопись через 1.5 интервала, 2-й экземпляр; подчеркнуто красным карандашом; подписи нет.

¹ Машинописная копия письма Р. А. Шапиро М. А. Булгакову сохранилась в архиве театра и была передана в ЛГАЛИ, ф. 268, оп. 1, ед. хр. 63, л. 9. В левом верхнем углу печать: Н. К. П. Государственный Большой драматический театр. 14 марта 1932 г. № 501.

14 марта 1932 г.

Глубокоуважаемый Михаил Афанасьевич!

К моему большому сожалению, должен уведомить Вас о том, что Худполитсовет нашего театра отклонил «Мольера». Наши протесты по этому поводу перед вышестоящими организациями не встретили поддержки. Нам неизвестно, как решится этот вопрос в будущем году при составлении нового репертуарного плана, но в этом году я считаю необходимым освободить Вас от обязательств, принятых Вами по договору с нами.

О «Войне и мире» ждите сообщений через некоторое время.

Не будете ли Вы в ближайшее время в Ленинграде?

Было бы хорошо с Вами лично поговорить

Уважающий Вас

Машинописная копия, подписи нет.

Как уже отмечалось, договор на постановку «Мольера» был заключен 12 октября 1931 г. В начале ноября Е. И. Чесноков сообщает М. А. Булгакову о ходе работы над спектаклем: «(…) Теперь наши новости: ставит „Мольера“ наш главный режиссер К. К. Тверской, художник М. З. Левин. Мольера играет И. Ф. Монахов, Бутона — В. Я. Софронов, Людовика — Кровицкий. Напишу подробнее о распределении в ближайшие дни. 5-го сего ноября „Мольер“ читается на репертуарно-производственном секторе нашего худ.-полит. совета. Напишите, уважаемый Михаил Афанасьевич, когда собираетесь к нам в Ленинград. Нужно бы использовать Ваш приезд для зачитки „Мольера“ на более широкой аудитории. Пока всего хорошего. Пишите. Поздравляю с литерой „Б“.

Привет Любови Евгеньевне

Уважающий Вас

[Чесноков]»

(ф. 268, оп. 1, ед. хр. 63, л. 2).

На состоявшемся заседании репертуарно-производственного сектора Художественно-политического совета (ХПС) ГБДТ, посвященном обсуждению «Мольера», мнения членов совета разделились. Выступавшие против постановки пьесы (Костромин, Марголина, Шостак, Зельцер и председатель ХПС

П. С. Горенбург) выдвигали следующие доводы: «в пьесе не отражен сегодняшний день», пьеса «не дает полноценной картины нашего строительства», пьеса «не отражает укрепления социализма нашей стройки». Выступившие в поддержку пьесы Р. А. Шапира, К. К. Тверской, А. В. Шубин и др. не смогли собрать большинства голосов. И в связи с тем, что мнения участников дискуссии разделились поровну, было решено вопрос о постановке «Мольера» вынести на Пленум ХПС, который состоялся 19 ноября 1931 г. После обсуждения «Мольера» на репертуарно-производственном секторе ХПС 11 ноября в «Красной газете» появилась заметка Вс. Вишневого, в которой он писал: «Театр, „многожды“ заверявший общественность в своем желании выдвигать пролетдраматургов, принял к постановке пьесы „Мольер“ Булгакова и „Завтра“ Равича. Идеино-творческая позиция Булгакова известна по „Дням Турбинных“ и „Дьяволиаде“ (...). Ну, так кто же вы творчески, товарищи из ГБДТ? С кем вы идете? Скажите в дружеской дискуссии, как принципиально совместить мейерхольдовскую выставку, мхатовский натурализм (в спектакле „Дело чести“) и пьесы Булгакова и Равича?». (Цит. по: *Бурмистров А. «Астория», № 430. Михаил Булгаков в Ленинграде // Нева. 1987. № 12. С. 194. Подробнее о выступлении Вс. Вишневого и реакции М. А. Булгакова на его заметку и последовавшие за этим другие публикации, в том числе карикатуру на него, см.: Письма М. А. Булгакова П. С. Попову // Новый мир. 1987. № 2. С. 163—165). Премьера спектакля «Дело чести» Микитенко состоялась 6 ноября 1931 г. Премьера пьесы Равича «Завтра», о которой упоминает Вс. Вишневский, состоялась 31 марта 1932 г. Выступая на Пленуме ХПС 20 февраля 1932 г., один из ведущих актеров ГБДТ В. Я. Софронов сопоставил именно эти две пьесы, подвергшиеся столь резким нападкам. Он сказал: «Для того чтобы доказать неправильность линии автора пьесы и линию театра, критики занимают неправильные позиции: называют свои статьи бульварными названиями, сравнивают т. Равича с Булгаковым и т. д.» (ЛГАЛИ, ф. 268, оп. 1, ед. хр. 71, л. 3). Как видим, сопоставление здесь Равича с Булгаковым было сделано не в пользу последнего.*

После выступления в печати Вс. Вишневого ход обсуждения «Мольера» на Пленуме ХПС 19 ноября был заранее предрешен. Несмотря на попытки со стороны дирекции театра дать пьесе объективную оценку (Р. А. Шапиро поддержал зав. культ (урно)-массовым сектором С. К. Абашидзе), большинство присутствующих было настроено против постановки. Пленум решил пьесу «Мольер» в своем репертуаре не оставлять (ЛГАЛИ, ф. 268, оп. 1, ед. хр. 68, л. 6—7).

Р. А. Шапиро, будучи не согласным с решением Пленума ХПС, заявил о своем особом мнении и поставил в известность присутствующих, что приложит все усилия, «чтобы с разрешения Ленискуства поставить эту пьесу в ГБДТ» (Там же, л. 7).

О решимости Дирекции поставить «Мольера» может свидетельствовать и тот факт, что в адрес директора ГПБ и директора Эрмитажа были отправлены официальные письма с просьбой оказать содействие в получении на время подготовки спектакля иконографических материалов, критических работ и исследований об эпохе Людовика XIV и Франции XVII в. (ЛГАЛИ, ф. 268, оп. 1, ед. хр. 63, л. 4, 6). Причем, если первое письмо датируется 17 ноября, то второе было отослано 22 ноября, т. е. спустя 3 дня после Пленума ХПС.

Чтобы нейтрализовать возможные попытки Р. А. Шапира оставить пьесу М. Булгакова в репертуаре, руководство ХПС направило выписку из протокола заседания пленума в адрес Ленискуства. Отказ ставить «Мольера» мотивировался следующими причинами:

«1. „Мольер“ Булгакова является поверхностной, неглубокой пьесой о жизни, личных переживаниях и трагической смерти писателя и актера Мольера.

2. Пьеса не отражает подлинной, исторической сущности мольеровской эпохи, в ней нет показа классовых сил, действовавших на исторической арене того времени, нет борьбы нарождающегося и крепнущего класса буржуазии против абсолютизма и духовенства.

3. „Мольер“ Булгакова ни в какой мере не показывает даже Мольера как борца, бичующего в своих сатирических произведениях ханжествующий клерикализм» (ЛГАЛИ, ф. 268, оп. 1, ед. хр. 68, л. 8).

Подобное отношение к пьесе М. Булгакова со стороны ХПС можно объяснить даже не чувством личной неприязни к автору или же художественными просчетами писателя (высокий уровень «Мольера» признается в выписке из протокола Пленума ХПС, отправленной в Ленинкуство, где говорится: «Художественные и литературные достоинства „Мольера“ Булгакова и его ценность, как высококачественный материал для работы актера, не могут являться решающим моментом к постановке пьесы „Мольер“ в ГБДТ» — ЛГАЛИ, ф. 268, оп. 1, ед. хр. 68, л. 8), а, скорее, «требованиями показа на сцене театров процессов революционного обновления, торжества идей Ленина—Сталина, их конкретного воплощения в повседневной жизни». В этом отношении много может прояснить «Краткая пояснительная записка к репертуарно-производственному плану ГБДТ на 1931 год», разработанная в соответствии с «художественно-политической установкой»:

«I. Тематический план репертуара на 1931 год в основном определяется теми заданиями, которые намечены театром в его пятилетнем плане. Продолжая свою основную линию на советскую драматургию, театр намечает темы:

1. Социалистическое строительство — „Линия огня“.
2. Соцсоревнование и ударничество — „Декада“.
3. Гражданская война (историко-революционный цикл) — „Патетическая соната“.
4. Расслоение и эволюция интеллигенции — „Список благодетней“.
5. Строительство социалистического быта — (заказ).
6. Революционное движение на Западе — „На Западе без перемен“.
7. Оборона СССР» (ЛГАЛИ, ф. 268, оп. 1, ед. хр. 67, л. 3).

Как видим, из этого списка тем только две графы остались незаполненными — 5 и 7. Но пьеса Булгакова вряд ли могла бы войти в это прокрустово ложе социального заказа. Несколькo далее, на л. 13, дана краткая аннотация пьес, пользовавшихся поддержкой ХПС и удовлетворяющих строгим вкусам театральных критиков. Вот некоторые из них (в скобках приводятся даты премьер, указанные в кн.: Ленинградский государственный Большой драматический театр им. М. Горького. XV. Октябрь. Сборник материалов. Л., 1932. С. 88):

- «Пипы Суринамские». Пьеса на тему о перестройке быта в связи с непрерывной. Премьеры 12 01 <19>31 (12 01 <19>30).
- «Линия огня» Пьеса на тему об изменении психологии строителя под влиянием трудового процесса, в свою очередь изменяющегося под влиянием человека. Премьера 24 01 <19>31 (26 03 <19>31).
- «Святой» Пьеса на антирелигиозную тему. Премьера 12 02 <19>31 (24 03 <19>30).
- «Декада» Пьеса о растущей мощи Балтфлота и культурном росте Краснофлотцев. Премьера 15 04 <19>31 (дата премьеры не указана).

5

М. А. Булгаков — Е. И. Чеснокову

Глубокоуважаемый Евгений Иванович,

в ответ на Ваше письмо от 14 марта с. г. за № 501 сообщаю Вам, что я изъявляю свое согласие на пролонгацию монопольного права ГБДТ на мою пьесу «Мольер» до 1 января 1934 года, принимая во внимание невозможность осуществления постановки ее до 1 ноября с. г. <нрзб.> по причинам, не зависящим от Вас и изложенным в Вашем письме от 14 марта с. г.¹

Однако, учитывая то, что вследствие этого я не имею возможности получать в настоящее время авторского гонорара за публич-

ное исполнение моего произведения, я прошу Вас выдать мне авансом . . . руб. в счет причитающегося мне в будущем авторского гонорара по пьесе «Мольер».

О Вашем согласии прошу меня уведомить.

Черновик письма, написан чернилами фиолетового цвета с многочисленными исправлениями; подписи нет (ф. 369, ед. хр. 148, № 2).

¹ Письмо от 14 марта 1932 г. за № 501, вероятно, было написано Р. А. Шапиро. В предыдущем письме от 16 марта М. Булгаков, ссылаясь на это же письмо, обращается к Р. А. Шапиро.

6

М. А. Булгаков — Дирекции БДТ

26 10 <19>32. Ленинград

В Дирекцию Бол<ьшого> драм<атического> театра

Настоящим письмом изъявляю согласие на пролонгацию нашего договора от 12 октября 1931 г. на пьесу «Мольер» с тем, чтобы пьеса эта была выпущена БДТ не позднее 1 ноября 1933 г.

Однако, учитывая то, что вследствие оттяжки постановки я не получаю авторского гонорара за исполнение «Мольера», я прошу Дирекцию БДТ выдать мне в счет авторского гонорара по пьесе «Мольер» две тысячи рублей ¹ (л. 1 об.) с тем, чтобы погашение этого аванса производилось путем вычетов из моего авторского гонорара по пьесе «Мольер» в размере не свыше 50 рублей с каждого спектакля.

Одну тысячу рублей Дирекция БДТ уплачивает мне не позднее 26 октября 1932 г. и одну тысячу рублей не позднее 15-го ноября 1932 г.

М. Булгаков.

Моск<овский> адрес автора:

Б. Пироговская ул.,

д. 35-а, кв. 6.

т. 3-58-03

Ф. 369. ед. хр. 148, № 3. Письмо написано карандашом; вероятно, является чистовым вариантом предыдущего черновика.

Письмо, вероятно, связано с проведением в ГБДТ репертуарного совещания от 8 октября 1932 г., на котором обсуждались пьесы «Телефонная трубка» Е. Шварца, «Иностранная коллегия» Л. Славина, «Мольер» и «Бег» М. Булгакова, «Суд» В. Киршона и «Король пушек» Б. Шоу. В п. 3 «Постановления» записано: «О постановке „Мольера“ поднять вопрос. („Бег“ запрещен Реперткомом)» (ЛГАЛИ, ф. 268, оп. 1, ед. хр. 70, л. 8).

¹ За пьесу «Мольер» М. Булгакову в октябре 1931 г. было выслано 1200 р. (см.: ЛГАЛИ, ф. 268, оп. 1, ед. хр. 63, л. 1, 5).

М. А. Булгаков — Т. И. Бережному

6 ноября <19>32 г.
Москва

Милый Тимофей Иванович,¹

у меня есть 12-го срочный платеж. Поэтому у меня к Вам просьба — пришлите мне следуемые мне деньги именно к этому сроку.

Если кто-нибудь из Вас едет в Москву, было бы хорошо, если бы он передал деньги мне лично. Если же нет, — я полагаю, что лучше всего было бы перевести их мне **МОЛНИЕЙ** с одновременной посылкой мне молнии-телеграммы, где был бы указан номер перевода.

Привет театру.

М. Булгаков.

Большая Пироговская 35а, кв. 6.

Ф. 369, ед. хр. 148, № 4; машинопись, подпись — автограф (чернила фиолетового цвета), вверху страницы рукою М. Булгакова — «Копия».

¹ Бережной Т. И. — Зам. директора по административно-хозяйственной части, в ГБДТ работал с 10 декабря 1919 г.

Булгаков — Шапиро, Чеснокову

Ленинград, Фонтанка 65, Театр
Шапиро, Чеснокову

Жду условленную тысячу молнией. Бережной не ответил на спешное письмо. Булгаков.

Адр<ес> отпр<авителя>: Москва, Бол. Пироговская 35а, кв. 6.
Михаил Афанасьевич Булгаков.

Машинопись, копия отправленной телеграммы; внизу карандашом дата — 16 XI 1932; здесь же квитанция о приеме телеграммы № 126 в Ленинград, слов — 17. Взято сборов 2 р. 75 к. На квитанции круглый почтовый штемпель: Москва. Хамовники. РАЙОН. П. Т. К. 16 XI 32.

М. А. БУЛГАКОВ. КУРС ИСТОРИИ СССР

(ПУБЛИКАЦИЯ А. М. ЛЮБОМУДРОВА)

В архиве М. Булгакова в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) находится черновая рукопись «Курса истории СССР» для 3—4-х классов, над которым писатель работал в марте-июне 1936 г., предполагая принять участие в объявленном конкурсе на лучший школьный учебник истории. Работа осталась неоконченной. Предыстория открытия конкурса на этот учебник такова.

В 1920-е гг. в советских школах преподавание истории как самостоятельной дисциплины было практически ликвидировано, она стала лишь главой курса «обществоведение». Это явилось следствием того, что в исторической науке 20-х гг. главенствующее место занимали теории историка М. Н. Покровского, отрицавшие историю как объективную науку и предмет преподавания.

Развернувшийся в 30-е гг. процесс «преодоления ошибочных положений школы Покровского» включал в себя меры по улучшению исторического образования в СССР. В ряде партийных постановлений 1931 и 1932 гг. говорилось о том, что необходимо ввести историю как самостоятельную дисциплину в учебные планы и создать учебники по этому предмету. Однако подготовленные в 1933 г. первые стабильные учебники оказались перегружены социологическими обобщениями, абстрактными схемами в ущерб конкретному фактическому материалу.

Постановление ЦК ВКП(б) и Совнаркома СССР «О преподавании гражданской истории в школах СССР» от 16 мая 1934 г. констатировало: «Вместо преподавания гражданской истории в живой, занимательной форме с изложением важнейших событий и фактов в их хронологической последовательности, с характеристикой исторических деятелей учащимся преподносится абстрактное определение общественно-экономических формаций, подменяя таким образом связное изложение гражданской истории отвлеченными социологическими схемами».¹ В этом же постановлении указывалось, что к июню 1935 г. должны быть подготовлены новые учебники — «История древнего мира», «История средних веков», «Новая история», «История СССР», «Новая история зависимых и колониальных стран» — и утверждены списки групп по их составлению. В группу по подготовке «Истории СССР» вошли Н. Н. Ваняг (руководитель), Б. Д. Греков, А. М. Панкратова, С. А. Пионтковский.

Кроме того, 9 июля 1934 г. Совнаркомом СССР и ЦК ВКП(б) был решен вопрос о введении в начальной и неполной средней школе элементарного курса истории СССР, а также были организованы группы специалистов для подготовки учебной книги по этому курсу (руководители И. И. Минц и Лозинский).

Работа над учебниками проходила под постоянным контролем правительственных органов. 8 и 9 августа Сталин, Жданов и Киров представили в СНК и ЦК ВКП(б) свои «Замечания» по поводу первых представленных конспектов учебников «Истории СССР» и «Новой истории». В «Замечаниях» (впервые опубликованных только в 1936 г., в «Правде» от 27 января) эти конспекты подвергались серьезной критике и содержались указания, в каком направлении их необходимо переработать: создать учебник не русской истории, а истории всех народов, входящих в состав СССР; рассмотреть историю СССР в рамках всеобщей истории; отразить роль царизма как «тюрьмы народов» и «международного жандарма»; избегать трафаретных определений. 14 августа 1934 г. СНК и ЦК ВКП(б) одобрили эти «Замечания» и признали неудовлетворительность как конспектов двух вышеназванных учебников, так и подготовленных группами Минца и Лозинского учебников по элементарному курсу истории СССР.

Время шло, а школа так и не получала столь необходимых ей учебных книг: переработанные и вновь представленные к 1935 г. теми же авторскими коллективами учебники снова получили отрицательную оценку. В начале 1936 г. Совнаркомом и ЦК ВКП(б), как информировала «Правда» от 27 января 1936 г., было отмечено, что подготовленные учебники продолжают страдать прежними

¹ Известия. 1934. 16 мая. № 113.

недостатками: «Особенно неудовлетворительно составлен учебник по „истории СССР“, представленный группой профессора Ванага, а также учебники по элементарному курсу истории СССР для начальной школы, представленные группами Минца и Лозинского», авторы которых, как отмечалось, «продолжают настаивать на... несостоятельных исторических определениях и установках, имеющих в своей основе известные ошибки Покровского...».² Отметив, что задача преодоления антинаучных исторических взглядов «школы Покровского» является необходимой предпосылкой как для создания учебников по истории, так и для развития исторической науки, СНК и ЦК ВКП(б) 26 января 1936 г. приняли следующее постановление:

«Для просмотра и улучшения, а в необходимых случаях и для переделки написанных уже учебников по истории, организовать комиссию в составе гг. Жданова (председатель), Радека, Сванидзе, Горина, Луккина, Яковлева, Быстрянского, Затонского, Файзуллы Ходжаева, Баумана, Бубнова и Бухарина.

Комиссии предоставить право организовать группы для просмотра отдельных учебников, а также объявлять конкурс на учебники взамен тех, которые будут признаны подлежащими коренной переделке. В первую очередь должны быть рассмотрены учебники по элементарному курсу истории СССР и по новой истории».

На следующий день в «Правде» (27 января 1936 г.) появилась подборка материалов, связанных с преподаванием истории в школе: были опубликованы процитированное Постановление от 26 января 1936 г., «Замечания» Сталина, Жданова и Кирова от 8 и 9 августа 1934 г., статья К. Радека «Значение истории для революционного пролетариата». В «Известиях» 27 января 1936 г. напечатана статья Н. Бухарина «Нужна ли нам марксистская историческая наука (О некоторых существенно важных, но несостоятельных взглядах тов. М. Н. Покровского)».³

1 февраля 1936 г. в «Правде» (№ 31) опубликованы «Критические замечания об учебниках по истории СССР» В. Быстрянского (члена вышеназванной комиссии), где окончательно признаны непригодными к употреблению в школе учебники по истории СССР, подготовленные группами Ванага, Минца и Лозинского (среди перечисленных недостатков — «левацкий интернационализм», недооценка положительных явлений в прошлом страны, подмена изложения фактов гражданской истории «дурной социологией»)⁴.

Таким образом, созрели предпосылки для открытия свободного конкурса на школьные учебники по истории. 4 марта 1936 г. в «Правде» и «Известиях» опубликовано постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «Об организации конкурса на лучший учебник для начальной школы по элементарному курсу истории СССР с краткими сведениями по всеобщей истории».

В архиве М. Булгакова в Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР (далее: ИРЛИ) (ф. 369, ед. хр. 270, л. 9) имеется это постановление (вырезка из «Правды») с пометами, сделанными рукой писателя. Приводим его текст, выделив подчеркнутые М. Булгаковым слова:

«Придавая исключительное значение преподаванию в школе исторической науки и созданию марксистских учебников по истории, Совет Народных Комиссаров Союза ССР и Центральный Комитет ВКП(б) постановляют:

1. Объявить конкурс на составление лучшего учебника для начальной школы по элементарному курсу истории СССР с краткими сведениями по всеобщей истории.

² Правда. 1936. 27 января. № 26.

³ Эти материалы перенечтаны в ряде журналов: История в школе. 1936. № 1; Борьба классов. 1936. № 2, и др. «Замечания» опубликованы также в книге: Пропаганда и агитация в решениях и документах ВКП(б). М., 1947. С. 321—326.

⁴ Эту статью см. также в журналах: История в школе. 1936. № 2; Борьба классов. 1936. № 2.

2. Для премирования лучших учебников, представленных на конкурс, установить 4 премии:

первая премия 100 000 рублей,⁵
вторая премия 75 000 рублей,
третья премия 50 000 рублей,
четвертая премия 25 000 рублей.

3. В конкурсе могут принимать участие все желающие, без всяких ограничений, как отдельные лица, так и коллективы (группы авторов, институты и т. д.).

4. Срок представления учебников на конкурс — 1 июля 1936 года.

5. Учебники могут представляться на конкурс за подписью автора или под избранным им девизом.

6. Учебник должен быть рассчитан на учащихся 3-го и 4-го класса начальной неполной, неполной средней и средней школы (10—12-летний возраст учеников).

7. Объем учебника не должен превышать 20 печатных листов, из которых 18 листов чистого текста и 2 листа иллюстраций и карт.

8. При составлении учебника авторы должны руководствоваться теми установками, которые даны: а) в решениях Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) от 16 мая 1934 года „О преподавании гражданской истории в школах СССР“, б) „Замечаниями по поводу конспекта учебника по истории СССР“ за подписями товарищей И. Сталина, А. Жданова и С. Кирова от 8 VIII 34 г., опубликованными в „Правде“ и „Известиях“ от 27 января 1936 г., и в) статьями товарищей Бухарина («Известия» от 27 I), Радека («Правда» от 27. I) и Быстрянского («Правда» от 1 II 36 г.).

9. При составлении учебника авторы должны в первую очередь иметь в виду указания ЦК ВКП(б) в постановлении „О преподавании гражданской истории в школах СССР“ от 16 V 34 г., что «решающим условием прочного усвоения учащимися курса истории является *соблюдение историко-хронологической последовательности в изложении исторических событий с обязательным закреплением в памяти учащихся важных исторических явлений, исторических деятелей, хронологических дат*» и что „только такой курс истории может обеспечить необходимую для учащихся доступность, наглядность и конкретность исторического материала, на основе чего только и возможны правильный разбор и правильное обобщение исторических событий, подводящие учащегося к марксистскому пониманию истории“.

10. Элементарный курс истории СССР с краткими сведениями по всеобщей истории для начальной школы по своему содержанию и характеру изложений должен учитывать возрастные особенности учащихся 3-го и 4-го классов, для которых этот учебник предназначается.

11. Учебник должен быть конкретен и исторически правдив. Одновременно с этим изложение его должно быть ярким, интересным, художественным и вполне доступным для учащихся указанных возрастов.

12. В конце учебника должен быть помещен словарь трудных и иностранных слов.

13. Для рассмотрения представленных на конкурс учебников и присуждения премий назначить жюри в составе:

А. Жданов (председатель), К. Бауман, А. Бубнов, Н. Бухарин, В. Быстрянский, П. Горин, В. Затонский, А. Сванидзе, Файзулла Ходжаев.

Председатель Совета
Народных Комиссаров Союза ССР
В. Молотов

Секретарь Центрального
Комитета ВКП(б)
И. Сталин

3 марта 1936 года.

7 марта 1936 г. в «Правде» (№ 66) появилась передовая «Знать и любить историю своей родины» (она также имеется в архиве М. Булгакова, — ИРЛИ, ф. 369. ед. хр. 270, л. 12), где более детально раскрывались требования к учебнику, указанные в постановлении о конкурсе, и, в частности, говорилось, что оно

⁵ Обведено М. Булгаковым красным карандашом.

адресуется и к мастерам художественного слова: «Может ли быть для советского писателя, для советского художника задача, более благодарная и почетная, чем участие в создании такой книги, которая стала бы настольной книгой молодого советского поколения».

На конкурс было представлено 46 учебников. В Постановлении жюри Правительственной комиссии, опубликованном в «Правде» 22 августа 1937 г. (№ 231),⁶ отмечалось наличие ряда общих недостатков во всех учебниках. Первую премию было решено не присуждать. Второй премии было удостоен «Краткий курс истории СССР» под редакцией проф. А. В. Шестакова, подготовленный кафедрой истории СССР Московского пединститута. Он был одобрен и рекомендован в качестве учебника для 3-го и 4-го классов; переиздавался ежегодно с 1937 по 1954 г. Поощрительные премии в размере 5 тыс. руб. были выданы следующим авторам, представившим учебники на конкурс: И. И. Минцу, Э. Б. Генкиной, А. М. Панкратовой, Гудошникову, Глязеру.

* * *

Какие мотивы побудили М. Булгакова взяться за работу над учебником? После 1926 г. его произведения практически перестали печататься в СССР, с репертуара были сняты все его пьесы (кроме «Дней Турбиных»). Однако начало 1936 г. было обнадеживающим: в различных театрах готовились к постановке несколько пьес Булгакова. Художественный театр осуществил постановку «Мольера». 5 февраля успешно прошла генеральная репетиция спектакля, а 15 февраля состоялась премьера. Она прошла блестяще, огромным успехом у публики пользовались и последующие представления пьесы. Однако 11, 17, 22 февраля в печати появляются неодобрительные отклики. У Булгакова возникает и постепенно растет чувство тревоги за судьбу постановки.⁷

4 марта было опубликовано Постановление о конкурсе на учебник истории. В этот день Булгаков с женой присутствовали на седьмом представлении «Мольера». В дневнике Е. С. Булгаковой имеется следующая запись от 4 марта 1936 г.: «Театр полон, в правой ложе видела в подутье Литовского, который что-то записывал.⁸ Занавес давали много раз. Миша выходил кланяться. Сегодня объявлен конкурс на учебник по истории СССР. Миша сказал, что будет писать. Я поражаюсь ему. По-моему, это невыполнимо».⁹ Булгаков действительно приступил к работе над учебником на следующий день, о чем свидетельствует запись на первой странице «Тетради I» «Курса истории СССР»: «Начало работы 5 марта»¹⁰ и фраза в дневнике Е. С. Булгаковой от 5 марта: «Миша начал работу над учебником».¹¹

9 марта в «Правде» появилась редакционная статья «Внешний блеск и фальшивое содержание», где критиковался «Мольер». Снятие с репертуара булгаковских пьес, последовавшее за этой статьей, вновь поставило писателя в труднейшие условия и, вероятно, лишь укрепило уже принятое им решение участвовать в конкурсе на учебник. Среди причин обращения Булгакова к работе над «Курсом истории» было, возможно, и желание упрочить свое материальное положение: в тексте постановления им обведена сумма первой премии — 100 000 рублей.

Работа над учебником велась в течение марта—июня 1936 г. и осталась незаконченной. В архиве Булгакова в ИРЛИ (ф. 369, ед. хр. 268) находятся четыре

⁶ См. также: Исторический журнал. 1937. № 8; Партийное строительство. 1937. № 18.

⁷ См.: Смелянский А. Михаил Булгаков в Художественном театре. М., 1986. С. 307—311; Чудакова М. Первая и последняя попытка (Пьеса М. Булгакова о Сталине) // Современная драматургия. 1988. № 5. С. 209—211. О первом представлении «Мольера» см. также настоящий сборник. С. 276.

⁸ Председатель Главреперткома О. С. Литовский — автор резкой критических статей о Булгакове и, в частности, отрицательного отзыва о «Мольере» в «Советском искусстве» от 11 февраля 1936 г.

⁹ Архив М. Булгакова в Отделе рукописей Государственной библиотеки им. В. И. Ленина (далее: ГБЛ), ф. 562, карт. 28, ед. хр. 25, л. 13 об.

¹⁰ РО ИРЛИ, ф. 369, ед. хр. 268, с. 1.

¹¹ ГБЛ, ф. 562, карт. 28, ед. хр. 25, л. 14.

тетради, озаглавленные «М. Булгаков. Курс истории СССР», пронумерованные автором. Первые две тетради содержат ряд подготовительных материалов (планы, наброски хронологической канвы «Курса», выписки, словарь трудных и иностранных слов). Тетради III—IV (склеенные, надписанные Булгаковым «черновик») представляют собой черновик связного текста «Курса», охватывающий период с 1720-х по 1870-е гг.

Если выписки в тетрадях I и II сделаны по большей части с использованием какого-либо одного источника, то в «Черновике» встречаются места, когда текст скомпилирован Булгаковым из нескольких источников. Каждый тематический раздел, совокупность которых и составляет текст «Черновика», представляет собой более или менее близкую к источнику конспективную запись или переработанную писателем выборку сведений из статей в словаре или энциклопедии, из раздела какого-либо исторического труда.

Источники, которые Булгаков использовал в работе над «Курсом», позволяет установить ряд помет и ссылок в его тексте. Основой для построения «Курса» стал «Учебник русской истории» К. В. Елпатьевского, служивший до революции учебным пособием для старших классов средних учебных заведений и многократно переиздававшийся в 1900—1910-е гг. Он охватывает события русской истории с древнего времени до начала царствования Николая II. Этот учебник во многом определил структуру, хронологическую канву «Курса»; из него перенесены М. Булгаковым (в виде конспекта) в свой «Курс» описания многих исторических событий.

Вторым основным источником послужил «Энциклопедический словарь», изданный Ф. А. Брокгаузом и И. А. Ефроном в начале века, к которому писатель обращался широко и постоянно: в тексте «Курса» обнаруживаются фрагменты и конспекты десятков статей «Словаря».

В значительно меньшей степени, эпизодически, использованы Булгаковым «История государства Российского» Н. М. Карамзина, «Русская история» Н. Г. Устрялова, «Лекции по древней русской истории до конца XVI века» М. К. Любавского (в набросках плана разделов о Древней Руси), «История России с древнейших времен» С. М. Соловьева (описания событий XVIII в.), шеститомное издание «Великая реформа. Русское общество и крестьянский вопрос в прошлом и настоящем», Большая и Малая Советские энциклопедии и, возможно, некоторые другие источники (точные выходные данные источников приводятся в примечаниях).

В архиве М. Булгакова и ИРЛИ хранится папка, надписанная им: «Газетные вырезки для учебника истории» (ф. 369, ед. хр. 270). В ней находится около трех десятков вырезок из «Правды», «Известий», «Вечерней Москвы» и других газет, основная часть которых датирована мартом—началом июня 1936 г. — временем работы писателя над учебником. Большую часть из них составляют материалы, публиковавшиеся в марте 1936 г. в связи с 15-летней годовщиной установления советской власти в Грузии, Абхазии и Аджарии, а также статьи о Молдавской АССР, Витимо-Олекминском национальном округе, Казахстане, Монгольской Народной Республике (всего 18 вырезок). В папке имеются рецензии и отклики на книгу «Ленин и Сталин. Сборник произведений к изучению истории ВКП(б)» (М., 1936); брошюру К. Ворошилова «Сталин и Красная Армия»; отклик на публикацию в журнале «Пролетарская революция» (1936, № 7) новых статей, писем В. И. Ленина и И. В. Сталина и др.

Представляет интерес помета М. Булгакова в докладе секретаря ЦК ВЛКСМ Е. Л. Файнберга «О новой программе ВЛКСМ» (Правда. 1936. 22 апреля) — в нем обведена карандашом цитата из книги И. Сталина «Вопросы ленинизма»: «В прошлом у нас не было и не могло быть отечества. Но теперь, когда мы свергли капитализм, а власть у нас рабочая, — у нас есть отечество и мы будем отстаивать его независимость».

Прямых следов использования этих вырезок в «Курсе истории СССР» нет: рамки работы не затрагивают советскую эпоху. Многочисленные заметки о Закавказских республиках и Сталине, имеющиеся в папке, Булгаков, возможно, предполагал использовать в работе над пьесой, получившей впоследствии название «Батум», которую он, по свидетельству Е. С. Булгаковой, «окончательно решил писать» 6 февраля 1936 г. О том, что работа над «Курсом» шла параллельно с подготовкой материалов к пьесе о Сталине, свидетельствует обилие

сведений из истории Грузии, включенных Булгаковым в текст учебника, и «Материалы для биографии И. В. Сталина», находящиеся в «Тетради II» (с. 19—21).¹²

В «Курсе истории СССР», как уже говорилось, почти отсутствуют следы художественной обработки материала. Видимо, этим можно объяснить отсутствие эмоциональной окраски, налет некоторой авторской отстраненности, холодности, присущий страницам «Курса». Значительно преувеличенными представляются в связи с этим оценки В. Виленкина, восхищающегося «свежестью и живостью языка, изяществом стиля... литературным совершенством» черновых фрагментов учебника,¹³ и В. Лакшина, утверждавшего, что многие страницы книги написаны «с булгаковской свободой дыхания и мастерством».¹⁴

Как у каждого крупного художника и мыслителя, у Булгакова, конечно, были свои представления о закономерностях и ходе исторического процесса, свое понимание судеб России, оценки исторических личностей и событий. Естественно, что в черновом варианте «Курса» они проявились не в полной мере. Но, несмотря на то что «Курс» остался незавершенным и многие его части носят конспективный характер, имеющийся текст все же позволяет судить о некоторых исторических воззрениях самого Булгакова — прежде всего по отбору материала, по формулировкам, авторским эпитетам и характеристикам, по тем штрихам, которые он давал к описаниям тех или иных исторических картин.

Работая над «Курсом», Булгаков неизбежно вынужден был учитывать конкурсные требования, поскольку писал официальный учебник, и игнорировать их, естественно, не мог. При сопоставлении «Курса» с теми официальными установками, которые содержались в документах, сопровождавших постановление о конкурсе (прежде всего «Замечания» Сталина, Жданова и Кирова и статья В. Быстринского в «Правде» от 1 февраля 1936 г., непосредственно касающиеся учебника по истории СССР), обнаруживаются достаточно широкие соответствия. Однако, по-видимому, и собственные взгляды художника в ряде случаев отвечали требованиям, которые регламентировали содержание учебника. Об этом говорит и тот факт, что одни пункты отражены в «Курсе» весьма полно и широко, другие — в гораздо меньшей степени.

Так, положение «Правды» (1 февраля 1936) об обязательном присутствии в учебнике «ясной картины развития крепостного права», вероятно, совпало с собственным интересом Булгакова к судьбам и положению крестьянства, чему посвящена значительная часть его «Курса». Лейтмотивом через весь «Курс» проходит мысль об «ужасном положении» крестьян, которое «ухудшалось непрерывно с момента их закрепощения». Булгаков подчеркивает, что русский крестьянин при этом превращался «в совершенно бесправного помещичьего раба», рисует картины истязаний крестьян помещиками, жестокого сбора недоимок, приводит факты бедственного положения народа (например взятое из «Истории» С. М. Соловьева свидетельство, как одна женщина ст отчаяния убила своего ребенка во время голода). Писатель говорит о России как о «рабовладельческой» стране начиная уже с 1756 г.

Много страниц уделено крестьянской реформе 1861 г. Учитывая, видимо, указание «Правды» (1 февраля 1936 г.) рассказать в изложении реформы «о выкупных платежах», Булгаков достаточно подробно описал подготовку, содержание реформы, но в то же время не счел необходимым говорить о ее «прогрессивности», как того требовала та же статья в «Правде».

Постоянное внимание писателя привлекают народные бунты, крестьянские войны. Самый значительный по объему раздел «Курса» посвящен восстанию Пугачева. Булгаков стремится отметить все факты выступлений крестьян против крепостного гнета, имевшие место на протяжении XVIII—XIX вв., детально описы-

¹² В настоящее время еще не прояснен до конца вопрос об отношении Булгакова к Сталину, об оценке им событий культурно-общественной жизни страны середины 30-х гг. Существуют разные точки зрения на замысел и творческую историю пьесы «Батум», см.: *Смелянский А. Уход* (Булгаков, Сталин, «Батум»). М., 1988 (Б-ка ж. «Огонек», № 49); *Чудакова М.* Первая и последняя попытка (Пьеса М. Булгакова о Сталине) // Современная драматургия. 1988. № 5. С. 204—220.

¹³ *Виленкин В.* Воспоминания с комментариями. М., 1982. С. 391.

¹⁴ *Лакшин В.* Уроки Булгакова // Памир. 1972. № 4. С. 60.

вают крестьянские бунты 1830-х г., волнения в военных поселениях, возмущения крестьян в период проведения реформы 1861 г. — при этом подчеркивает, что они подавлялись властями «с жестокостью, которая могла бы поразить наше воображение».

Описывая «условия и истоки национально-освободительного движения покоренных царизмом народов России» («Замечания»), Булгаков проследживает ход башкирского бунта 1735 г., ряда национально-освободительных движений в Закавказье, гайдамацкого восстания 1768 г.; упоминает о «борьбе с чукчами и каряками в Охотске, которые яростно восставали против русской власти» и т. д. и говорит об их жестоком подавлении.

М. Булгаков воплотил и раскрыл в своем «Курсе» такие темы, перечисленные в статье В. Быстрянского (Правда, 1 февраля), как «польские восстания 1830 и 1863 годов», показ «положительного значения польского освободительного движения против царизма в течение XIX века», «ход завоевания Северного Кавказа», «захват Финляндии и Приамурья в XIX веке». Во внешнеполитической деятельности русского государства Булгаков стремится подчеркнуть прежде всего его «аннексионистско-колонизаторскую роль» («Замечания»): так, например, причину русско-турецкой войны 1735 г. он видит в «желании российского правительства отнять у Турции северный берег Черного моря», не сообщая при этом ни о грабительских набегах из Крымского ханства, ни об агрессии Турции в этом районе.

Почему М. Булгаков в «Курсе истории СССР» сосредоточил основное внимание на отрицательных моментах истории дореволюционной России? «Рабовладельческая Россия», страна «технически отсталая и с вечно расстроеными финансами», «забитая солдатская и крестьянская Россия», «тьма невежества и отсталости», «громоздкая тюрьма для народов» — такими определениями буквально пестрят страницы «Курса».

Булгаков обладал талантом сатирика, зорко подмечавшего прежде всего негативные стороны действительности. Можно полагать, это своеобразие его творческой индивидуальности определило подход к историческому материалу. Кроме того, обстановка 30-х гг., невозможность печататься, крушение надежд на плодотворное сотрудничество с театрами, осмысление процессов, происходящих в современности, и исторических судеб русского народа в целом — все это накладывало свой отпечаток на творчество Булгакова этого периода. Дух скептицизма, душевной усталости проникал на страницы создававшегося в эти годы романа «Мастер и Маргарита». Невозможно заподозрить в неискренности Булгакова, так определявшего в письме к Правительству существенные черты своего творчества: «...яд, которым пропитан мой язык, глубокий скептицизм в отношении революционного процесса, происходящего в моей отсталой стране, и противопоставление ему излюбленной и Великой Эволюции, а самое главное — изображение страшных черт моего народа, тех черт, которые задолго до революции вызвали глубочайшие страдания моего учителя М. Е. Салтыкова-Щедрина».¹⁵

Все эти моменты весьма точно выражают сущность булгаковского подхода к истории в «Курсе истории СССР». Этим же, видимо, объясняется и тот факт, что в «Курсе» лишь в малой степени отражена созидательная деятельность народа, героика народной борьбы с захватчиками во время оборонительных войн. В этом отношении характерен, например, раздел, посвященный Отечественной войне 1812 г. В объективированном описании хода событий, боевых действий сторон (носящем, как и другие разделы «Курса», отпечаток фактографизма, но не являющемся только конспектом — материал уже переработан автором в связный текст) Булгаков избегает сочувственных слов о героизме русских солдат, о подъеме народного духа. Неоднозначно воспринимается фраза о гибели наполеоновской армии как о «великой катастрофе, поразившей великую армию»; последний эпитет неизменно сопровождается упоминаниями о Наполеоне: «великий завоеватель», «великий полководец», «выдвинутый революцией гениальный полководец» (в отличие от весьма скромных и скупых характеристик русских военачальников). Лишь в заключающем раздел абзаце появляются слова о «безграничной смелости и самопожертвовании крестьян-партизан», однако здесь следует отметить чрезвычайно важный штрих: по мысли Булгакова, крестья-

¹⁵ Булгаков М. Чаша жизни. М., 1988. С. 508.

яне гнали иноземцев со своей земли, где до вторжения «терпели тяжкие страдания», «инстинктивно».

Восприятие Булгаковым фигуры Наполеона, его кодекса законов еще предстоит уточнить булгаковедам. Несомненно, писатель воспринимал Наполеона как историческую личность мирового значения («В мире появился новый император, великий полководец, стремящийся к новым завоеваниям»). Можно предполагать, Булгаков размышлял о том, что мог бы принести Наполеон России в случае победы, — он сообщает в своем учебнике о результатах покорения Германии: «Завоевания Наполеона принесли германским землям многие революционные реформы — уничтожение многих дворянских привилегий, веротерпимость, ограничение власти духовенства, уничтожение многих монастырей и даже введение Наполеонова кодекса законов».

В целом, несмотря на обилие материалов о положении народа, о крестьянских выступлениях и т. п., народ нередко предстает в «Курсе» как пассивная масса, руководимая сильной личностью, что вполне вписывается в общий мировоззренческий контекст творчества Булгакова. Писатель «не идеализировал анархический „час народных расправ“... и... идеализировал сильную власть, сильную руку», — отмечает И. Роднянская.¹⁶

Значительный интерес для исследователей творчества М. Булгакова представляет своеобразный взгляд писателя на историю развития русской культуры. Среди недостатков, свойственных подготовленным учебникам по истории СССР, статья В. Быстриянского в «Правде» (1 февраля 1936 г.) называла следующий: «... почти полностью отсутствует история культуры не только народов СССР, но и великорусского народа... Гражданская история сводится главным образом к перечню войн и завоеваний. Крайне скудны данные по истории письменности, литературы и других сторон культуры народа. В определенной мере это замечание можно было бы отнести и к «Курсу истории СССР» Булгакова (в том виде, в каком он существует), особенно к наброскам разделов о Древней и Средневековой Руси. Составляя хронологический план-конспект «Курса» (в тетрадях I и II), Булгаков использовал учебник Еллатьевского, но при этом опуская разделы, касающиеся древнерусской литературы, просвещения, образования, «нравов и обычаев» Руси вплоть до петровской эпохи. Возможно, это было вызвано общей концепцией русской культуры, которая обнаруживается в разделах, посвященных Новому времени.

В «Черновике» (тетради III и IV, воссоздающие период с 1720-х по 1870-е гг.) содержится упоминание об учреждении первого драматического театра, актерах Волкове и Дмитревском, об открытии университета, о Сумарокове и Ломоносове (обрисована в основном научная деятельность последнего). Процесс развития русской культуры представлен М. Булгаковым как постепенное «просачивание» просвещения из Европы в Россию. «Просвещение только начинало озарять страну», согласно «Курсу», лишь в середине XVIII в.; к этому же времени относит писатель и «начатки русской литературы».

Следуя этой концепции, Булгаков останавливает внимание на фигурах русских «просветителей». Кратко очертив творчество Фонвизина — «борца за просвещенное воспитание русских» и только лишь упомянув о Державине, Булгаков подробно описывает личность и деятельность Н. И. Новикова, который, по его определению, «был одним из лучших и просвещенных людей в стране», и судьбу А. Н. Радищева.

В описании истории XIX в. ряд страниц отведен, например, «либеральному и умнейшему» М. М. Сперанскому, тем либеральным преобразованиям, которые он пытался осуществить; деятелям литературы и искусства этого же периода посвящено несколько строк: «... первая половина века XIX... дала отечеству нашему в самую темную пору ряд выдающихся лиц». Далее перечислены Пушкин, Лермонтов, Белинский, «величайший сатирик» Гоголь, М. Глинка и Т. Шевченко.

Несомненный интерес представляет оценка Булгаковым Н. М. Карамзина. Автор «Истории государства Российского» (Булгаков использовал ее в набросках начальных глав «Курса») упомянут лишь в связи с подачей императору трактата «О древней и новой России...», раскрывающего несостоятельность

¹⁶ Роднянская И. К идеологии «народных расправ» // Литературное обозрение. 1988. № 7. С. 96.

преобразовательной деятельности Сперанского, и охарактеризован как «реакционер по своим убеждениям, противник реформ в государстве». К этой характеристике, которая могла бы быть механически перенесена Булгаковым из какого-либо современного ему источника, он, однако, считает необходимым добавить (вписать) еще одно определение: «крайний монархист».

Вполне объяснимо, что исторические взгляды и оценки Булгакова (касающиеся не только культуры, но и истории России в целом), оказались во многом близки дореволюционной либеральной историографии, которую в основном и использовал писатель, разрабатывая свой «Курс» (учебник Елпатьевского, сборник «Великая реформа», словарь Брокгауза и др.). Булгаков, выросший в семье профессора-историка, был хорошо знаком с этой литературой, и, как и основная масса русской дореволюционной интеллигенции, получал образование по этим книгам. Естественно, что подобная историческая литература в значительной степени формировала гуманистическое сознание приверженца «излюбленной и Великой Эволюции», его отношение к историческим деятелям, его просветительские взгляды, надежду на «либеральные преобразования», неприемлемость монархии. Она же определила столь отчетливо проступающее в «Курсе истории СССР» понимание исторического процесса как борьбы «просвещенных», «передовых», «развитых» людей с «темной реакцией» и «тьмой невежества».

Таковы некоторые характерные особенности булгаковского «Курса». Трудно судить, в какой степени были бы они присущи окончательному тексту учебника, если бы он был доработан и завершен. Можно лишь предполагать, что при доработке исчез бы холодновато-скептический и несколько отстраненный взгляд на историю родины, присущий сохранившимся наброскам «Курса истории СССР».

Каждая из четырех тетрадей «Курса», хранящихся в архиве М. А. Булгакова в ИРЛИ, надписана: «М. Булгаков. Курс истории СССР. Тетрадь...» — далее следует номер: I, II, III, IV. Тетради в коленкорových обложках, различены фабричным способом «в линейку». Тетради I, II, III содержат по 320 страниц, IV (иная по типу) — 200 страниц. На странице в тетрадях I, II, III 21 строка, в IV — 23 строки. Страницы каждой тетради пронумерованы М. Булгаковым. Текст написан фиолетовыми чернилами, за исключением нескольких записей простым карандашом (они отмечены в публикации). Пометы М. Булгакова красным и синим карандашом отмечают места, требующие дополнений и уточнений, а также некоторые имена собственные, географические названия, исторические реалии, важные даты и события. Как и во многих булгаковских рукописях, количество помарок, исправлений относительно невелико.

Тетради I и II содержат подготовительные материалы, а III и IV, соединенные в одной бумажной обложке и озаглавленные М. Булгаковым (на 1-й странице «Тетради III») «Черновик», представляют собой черновик связного повествования, охватывающего период с 1725 по 1873 г.

«Тетрадь I» заполнена конспективными, более или менее подробными записями истории страны с Ледникового периода до 1408 г. (с. 1—77), включая развернутое повествование о битве на Калке. Затем отмечены лишь главные события и темы, для раскрытия которых оставлено определенное место. Образовавшийся таким образом хронологический план доведен до 1796 г. (с. 182); на с. 189—195 находится набросок фрагмента о восстании Пугачева.

На с. 200—227 «Тетради I» помещен «Словарь трудных и иностранных слов» (каждой букве отведено по одной странице). В «Словаре» чередуются записи фиолетовыми чернилами, простым и синим карандашом; часть записей сделана, предположительно, рукой Е. С. Булгаковой.

В конце первой тетради находятся справочные материалы: сведения из истории древней Грузии (с. 292—298), схема республик СССР, записи «Выправить», «Просмотреть», «Особо важное», «Дополнить», «Найти» (с. 306—319).

«Тетрадь II» была предварительно размечена М. Булгаковым по векам, десятилетиям и годам следующим образом: векам с V в. до н. э. по XVI в. н. э. отведено от 2 до 20 страниц (см. текст публикации); века XVII, XVIII и XIX разбиты на десятилетия, причем каждому десятилетию отведено по 2 страницы; после каждого из этих веков оставлено по 10 страниц для «Приложений». В XX в. разметка преимущественно годовая, большей части годов (с 1901 по

1936) отводится по одной или двум страницам. Далее следует «Приложение» с описаниями некоторых событий XIX—XX вв. (с. 265—277).

Этот хронологический план заполнялся записями событий, с разной степенью подробности, начиная с 1689 г. и по 1921 г. Таким образом, имеется пересечение двух хронологических планов-конспектов (в тетрадах I и II) в интервале 1689—1796 гг.; причем записи событий в них преимущественно не совпадают, но дополняют друг друга.

Видимо, в связи с тем что страницы 3/4, 9/10 и 13/14 «Тетради II» дефектны (вырезаны части листов), хронологическая датировка начата лишь со с. 15 (где обозначен V в. до н. э.). На с. 7 вверху написано слово «История». Впоследствии на с. 19—21 (где были обозначены III и II вв. до н. э.) были записаны «Материалы для биографии И. В. Сталина».

Сопоставление тетрадей показывает, что «Черновик» (тетради III и IV) создавался с использованием хронологических планов-конспектов «Тетради I» (с записи о воцарении Екатерины I и по 1796 г.), «Тетради II» (с 1725 по 1873 г.), набросков разделов о Пугачевском восстании («Тетрадь I»), башкирском восстании 1735 г. (в «Приложении к XVIII веку»), крестьянских восстаниях в Грузии (в «Приложении к XIX веку»), восстании декабристов и польском восстании 1863 г. (в общем «Приложении» «Тетради II», с. 267—269, 276—277) и непосредственно самих источников.

В тетрадах встречаются пропущенные в тексте или оставленные внизу страницы строки, которые предназначались для последующего заполнения уточняющими и дополняющими сведениями. Поля оставлены в «Тетради I» на с. 1—50 (до раздела «Татары», причем на с. 1—27 и 32 поля отчеркнуты линией), далее до конца тетради поля отсутствуют. В «Тетради II» поля отсутствуют. В «Тетради III» на с. 1—51 (до слов «Государство Российское, доставшееся Екатерине II-й...») поля отсутствуют; далее в «Тетради III», а также в «Тетради IV» чистое место оставлено или сбоку страницы (в виде полей), или внизу страницы (или сочетаются оба способа).

В фондах М. А. Булгакова в ИРЛИ (ф. 369, ед. хр. 269) и в ГБЛ (ф. 562, карт. 17, ед. хр. 6—7) имеются машинописные копии «Курса», выполненные, предположительно, Е. С. Булгаковой. Они отражают рукописи не вполне адекватно, поскольку содержат пропуски, описки, ошибки в прочтении булгаковского текста. Отрывки из «Курса истории СССР» публиковались по этим машинописным копиям А. К. Райтом в зарубежном «Новом журнале» (1981. № 43. С. 54—88), В. И. Лосевым в «Книжном обозрении» (1987. 18 сентября. № 38. С. 8—9), М. Ю. Шатиным в журнале «Наука и религия» (1988. № 7. С. 22—23). Фрагмент «Курса», посвященный Пугачевскому восстанию, опубликован Я. С. Лурье и В. М. Панеяхом по рукописи, с развернутой вступительной статьей, в журнале «Русская литература».¹⁷

В настоящем издании текст «Курса» впервые публикуется полностью, по рукописи, с соблюдением современных норм орфографии и пунктуации. Слова и фразы, вписанные М. Булгаковым, приводятся в квадратных скобках. Недописанные части слов и редакторские пояснения в тексте заключены в угловые скобки. Количество строк, пропущенных М. Булгаковым, обозначено цифрами также в угловых скобках. Слова и предложения, подчеркнутые М. Булгаковым, выделены полужирным шрифтом.

В примечаниях, носящих информативный характер, указываются выявленные источники наиболее значительных фрагментов и разделов «Курса».

В тексте «Курса истории СССР» встречается немало фактических ошибок, описок (например, упоминание о Москве как о «столице Российской империи»), содержится ряд устаревших либо спорных исторических сведений (например, указание даты битвы на Калке — 16 июня 1224 г.¹⁸). В задачу публикатора не входит выявление всех исторических неточностей «Курса» и сопоставление приводимых в нем сведений с данными современной исторической науки. Основная цель настоящей публикации — ввести в научный оборот полный текст неизданного оригинального сочинения М. А. Булгакова.

¹⁷ Лурье Я. С., Панеях В. М. Работа М. А. Булгакова над курсом истории СССР // Рус. лит. 1988. № 3. С. 183—193.

¹⁸ Об этой датировке см.: там же. С. 183.

ТЕТРАДЬ I

М. БУЛГАКОВ

КУРС ИСТОРИИ СССР

Начало работы 5 III 1936 г.

Материалы

(Постановление о конкурсе
опубликовано в «Правде»
и «Известиях 4 III 1936)

[Откуда пошел наш народ?]

Там, где теперь ^а раскинулась часть ^а громадной и мощной страны — отечества нашего СССР. . . ^б

Ледниковый период. . . [Ледники идут к морям.]

Человек жил на юге России — там теплее. <1>

Древнекаменная, или палеолитическая эпоха.

Люди были дики, некультурны. Знали огонь. Били зверей.

Мамонты, олени, пещерные медведи, гиены, волк-собака. **Носороги, львы.**

^вКак человек ловил рыбу?^в

Человек был **зверобой**. Кремневое копьё.^г

Старался сделать из кремня ножик, молоток. <1>

Облава на зверей — пугали, гнали зверя к яме.

Мясо ели сырым, а шкуру сдирали, надевали на себя.

Из костей старался сделать острое оружие вроде стрел. . .

Жался к пещерам, где укрывался от непогоды и спал. . .

Когда скучал, старался развлечь себя, вырезывая на мамонтовых костях рисунок. Удавалось ему это плохо вначале, а потом получше. . .

Старался из зубов медведей сделать бусы. . .

Собака шла к пещерам. . .

Хоронить не умел.

^д[Переход к неолитической эпохе]^д

Но жизнь шла, и человек умнел и развивался.

Он научился делать глиняную посуду. . . Стрелы стал делать лучше, шлифовал наконечники,^е сделал крючки для ловли рыбы, гарпун.^ж [На кости изображение собаки.]

^{а-в} было: расположена ^б рядом на полях: Любавский ^{в-в} подчеркнуто красным карандашом ^г рядом на полях: Рисунок ^д фраза вписана на полях. Было: **Неолитическая эпоха** ^е рядом на полях: **Шлифовка** ^ж рядом на полях с чертой к слову крючки: **А нить?**

Неолитическая эпоха.

Начал строить хижины, шалаши (ветви?).

Вал из земли и камней.

Исчезали постепенно пещерные медведи, носороги и мамонты. . .

Олени,³ зубры. <1>

Скотоводство. . .

Маленькие ручные жернова. Копья, кинжалы, булавы. . .⁴

Стал обжигать глину, выделять тарелки, горшки, чаши.

Разрисовывал острыми косточками посуду. <1>

Погребение.

Крематории.

Трипольская культура

[Землянки и] обмазанные глиной жилища.

Очаги, пилы из кремня.

Завел коз, свиней, коров, лошадей. . .⁵ <1>

Краска черная и красная (из чего краска?) на сосудах.

Статуэтки.

Безобразно и плохо изображал людей на сосудах. <1>

Металл.

Медь, бронза.

Отливка. . .

Топоры.

Наконеч (< . . . >)

Железо. <2>

Глава 2

Итак, мы застаем человека на нашей земле уже в V веке [до Р. Х.] по нашему летоисчислению.

Летосчисление.

Греки. [Торговля.] ^а Геродот.

Греки называли прилегающую к Понту Эвксинскому область Страной скифов.^б <1>

Жизнь скифов. Тождество скифов и славян. Нападение сарматов на скифов 2000 лет тому назад (в конце 1-го до Р. Х. и в начале 1-го Р. Х.) <1>

Сарматы — славяне? <1>

Откуда пришли славяне?^в <1>

Гунны. Атилла. <1>

---

³ перед Олени было: Появились ^г рядом на полях: Когда человек стал жарить мясо? ^д рядом на полях: Жарил? ^е вписано с чертой к слову Греки ^ж рядом на полях: стр. 12, 13 ^з рядом на полях: Славяне.

Нашествие болгар в конце V-го века.
Авары. <1>
Хазары.
Как расселились славянские племена?^o
Культура славян.
Торговля. Религия.
Разделение, раздробленность славянская.ⁿ
Хазары.
Славяне под властью хазар. <1>
Угры.
<3>

Глава 3

Варяги^p

Кто они?

Зачем пришли? <1>

Торговля их^{1,c}

а) Аскольд и Дир. Киев^{2,t}

Нападение их на Царьград в 865 г. (866 г.?)^y

Аскольд и Дир двинулись на юг с целью предложить свою службу императору Византии, но до Византии не дошли, а задержались в Киеве, разбили Хазаров, сами заняли Киев, осели в нем.^ф Поход на Византию. Буря. Гибель их флота (ладьи). Греческие миссионеры. Приняли христ<ианскую> веру.

б) Итак, два княжества (державы (Устрялов)): Новгородское и Киевское. Меж ними независимые Кривичи и Северяне.

в) Смерть Рюрика. Малолетний Игорь. <2>

г) Олег.³

назвался гостем (купцом) Варяжским со свитой. Аскольд и Дир вышли к нему навстречу. И тут их ждал конец.

«Вы не князья, — сказал им Олег, — убейте их». Дружина Олега выскочила (из засады) и, перебив тех, кто пытался сопротивляться, убила и Киевских князей. Город не сопротивлялся. Олег устремился по рекам, покорил славянские племена по Днепру, по Десне (Северян), по Соже — Радимичей, по Припяти и Горыни — Древлян [883 г.]. Проник на Днестр и Буг. Дошел до Карпатских гор.

Олег сооружал крепости и города. Посадники-варяги. Дань Пополнение войска. . .^x

^o рядом на полях: Русь. В основном тексте далее было: Глава 3. ⁿ рядом на полях: Русь, строкой ниже на полях было: Варяги. В основном тексте далее было: Глава 3. Славяне объединяются. Олег. ^p рядом на полях: Русь; подчеркнуто красным карандашом ^c далее было: Киев; ^t рядом на полях: Византия ^y рядом на полях: Устрялов. Далее в основном тексте было: Владимир <1> Христианство <1> Просвещение <1> Искусство <1> Глава 4. На месте этих зачеркнутых слов вписан текст Аскольд и Дир ~ Малолетний Игорь; ^ф далее было: Буря ^x рядом на полях: 907. Брокгауз. Гривна.

[В 907 году.] 80 000 войска. 2000 судов.⁴ Днепр. Черное Море. Лев VI Философ. Византийцев ждала беда.

Заграждение гавани **целью** ⁴ <2>

На сушу.

Запылали храмы, дворцы, села. . .

Отрава, договор.

Щиты,

Возвращение, шелковые паруса.

Вещий Олег.

Послы, договор.

Смерть.

Песнь о вещем Олеге.

Игорь ⁵ начал княжить в 912 году.^{ш 4}

Восстание древлян. Оно кончилось плохо — прибавлением дани.⁹

Кочевники, скотоводы.¹⁰ Шатры, кибитки, прекрасные лошади. Копья, стрелы. Славились искусством переплывать реки, вследствие чего были опасны в бою (держась за гривы? на больших кожах).

Кроме всего, за золото вступали в союзы.

Греки платили им, например, чтобы **обуздать** болгар и русских.

Печенеги мечтали ограбить Киев и подошли к нему. Но их встретило очень сильное и хорошо вооруженное войско Игоря. В бой не вступили. Договор о ненападении? Удалились в направлении Бессарабии.

Несколько лет не нападали на русских, но <в> 920 году произошло столкновение с ними (незначительное?) ^а <1>

Хорошие отношения с Византией были нарушены Игорем. Около тысячи судов. Высадил. Храмы, монастыри, селения. Свирепая расправа.

Император Роман.

Флот Игоря стоял у маяка. Техника, греческий огонь. Поражение. К берегам Малой Азии.

Полководцы (греческие?) ^а разбили Игоря на **суше**. Войско Иг(оря) бежало на суда. К фракийским берегам.⁶

Опять греческий флот. Поражение.

Казни пленных.

В 943—944 годах.⁹

⁴ *рядом на полях:* шеляг. ⁴ *рядом на полях:* В войска вошли варяги, ильменские славяне, чудь, кривичи, поляне и многие другие. . . Конница <было: На конях> пошла берегом, а другие на кораблях. Лодки на колесах (значит — паруса?) ^ш *подчеркнуто красным карандашом* ^ш *рядом на полях:* **Карамзин.** ⁹ *рядом на полях:* **Древляне.** (Брокг.) *Далее на полях вписано более мелким почерком:* Хлебопашцы, кузнецы и промыслы гончарный, кузнечный, шпоры. *Отсюда стрелка к обведенному рамкой недописанному тексту:* Были города, были свои князья. . . <3> ¹⁰ *рядом на полях:* **Печенеги.** ^а *строкой ниже на полях:* В Италию? греч(еский) флот.

^а *рядом на полях:* Патрики й Варда Доместик ⁶ *рядом на полях:* **Карта!** ⁹ *рядом на полях:* **Аманаты.**

Игорь вновь собрал войско и на этот раз готовился нанести серьезный удар. Он нанял печенегов. В Империи узнали.⁷ Послы. Благоразумный совет. Опять дань без войны.

В 944 послы в Царьград.¹ Заключение мирного и торгового договора. В нем князь русский со своей стороны обещал⁸ клятвенно не нарушать мира с греками, доколе сияет солнце и стоит мир. Далее следовали пункты торгового договора. . .⁹

В том числе о взаимной выдаче невольников.³ <2>

В землю древлян неудачное возвращение. Впавшие в отчаяние древляне — напали. . . Ненависть ограбленного народа. . . Казнь Игоря. <9>

Ольга.

Наследовать Игорю должен был его сын Святослав.⁶ Но он был малолетний. Правила Русью вдова Игоря Ольга. Начало ее правления ознаменовалось ее жестокой мстиею восставшим древлянам.

Казнь послов, нападение на Коростен, новая дань и рабство. <2>¹

В 955 году в Константинополь. Константин Багрянородный. Христианство.

Сказка о предложении. Прием ей был оказан весьма сухой.¹⁰ [Войско обещала императору].¹¹

Святослав.

Воинственность Святослава. Покорение Вятичей, взятие Белой Вежи у Хазаров.⁰ <1>

В 967 г. Никифор Фока нанял Святослава и тот совершил разгром болгар.¹²

В 968 г. едва не потерял свою столицу (печенеги). <5>

Первые уделы.

Киев — Ярополку, Олегу — древлянскую землю. Владимира в Новгород. <3>

Болгары не приняли Святослава мирно <2>

Война с греками.¹³

Азиатские легионы.

Бессмертный легион.

Святослав под Адрианополем. Цимисхий под Переяславцем в 971 г. Взял его. Разбил Святослава под Доростолом, а Доростол осадил <2>

⁷рядом на полях: Переговоры у Дунайского Устья; ⁸рядом на полях: Царьград
⁰было: клялся ⁹рядом на полях: Карамзин стр. 102, 103 ¹⁰рядом на полях: —
п<ункт> IV.; строкой ниже: Свенельд ¹¹рядом на полях: Маг ¹²было:
Игорь ¹³рядом на полях: Поездка на север ¹⁴рядом на полях: Багряно-
родный ¹⁵фраза вписана и обведена; первые два слова подчеркнуты красным
карандашом ¹⁶было: печенегов ¹⁷рядом на полях: Ольга — «денница и луна
спасения» ¹⁸рядом на полях: Иоанн Цимисхий

Уход из Доростола. Бои. <2>

Ранение Святослава. <2>

Мир.^c <5>

Чаша из черепа. <4>

Раздробление земли русской. <1>

Древлянский Олег убил в злобе на охоте Люта, сына Свенельда. Свенельд уговорил Ярополка^r на войну с Олегом. Под Овручем Олег был разбит и погиб во время паники на мосту. Владимир у норманнов. Ярополк назначил наместников своих в Новгород.^y <1>

Владимир возвращается.

История Рогнеды. <1>

Убийство Ярополка. <2>

Войны Владимира.^ф <9>

Как Владимир принимал веру христианскую. <5>

Херсон <2>

Анна.^x <7>

Разделение государства между сыновьями Владимира. <5>

Столкновение с печенегами. <9>

По смерти Владимира

Святополк захватил власть в Киеве. Борис был убит на Альте, Муромский князь Глеб под Смоленском.^ч

Древлянский князь Святослав [хотел] бежать в Венгрию, был настигнут у Карпатских гор, убит.

Ярослав Новгородский (хромой).

Варяги вызвали возмущенные новгородцев. Казнь новгородцев. <1>

Ярослав с 40 000 войска и 1000 варягов.

Святополк прибегнул к помощи печенегов. Сошлись на Днепре.^с Насмешки. Переправа. Шатки на головах. Провал на льду озера.

Разгром Святополка. Ярослав в Киеве. <2>

[Куда девался Святополк?]

Ярослав вступил в войну с польским королем Болеславом Храбрым.

Пожар в Киеве <3>

Бой на Буге. [Глупый воевода Будый]^ш <1>

Тучный король.

Конница поплыла.

---

^c *рядом на полях*: Месяца июля, Индикта XIV в лето 6479 я, Святослав, князь Русской по данной мне *(описка, нужно мною)* клятве, хочу иметь до конца века мир ^r *рядом на полях карандашом*: Ярополк 972—980 ^y *рядом на полях карандашом*: В 973 г. послы у Оттона ^ф *ниже на полях*: Лапотники. ^x *рядом на полях*: Вспомнить Кирилла и Мефодия 988 г.; имена подчеркнуты красным карандашом ^ч *рядом на полях*: Золотая гривна ^с *рядом на полях*: Осень ^ш *рядом на полях*: 1018 г.

Разгром Ярослава.

Киев сдался. Святополк вновь в Киеве. <1>

Предательство Святополка. <2>

Кого разбил второй раз на Буге Болеслав? <5>

Святополк за помощью к печенегам.

Бой на Альте. <1>

Святополк разбит и бежал в Богемию. <14>

Уничтожение Святополка не принесло русской земле успокоения. <1>

Полоцкий князь Брячислав,^щ внук Владимира, напал на Новгород, был разбит Ярославом. <1>

Тмутараканский князь Мстислав, предварительно в союзе с греками уничтожив Хазаров в Тавриде, <1> единоборствовал с Редедей, <1> победил Касогов (черкесов) и кинулся к Киеву.^з

В это время Ярослав усмирлял мятеж (голодный) в Суздале. <2>

В Черниговской области бой. . . Ярослав разбит.^ю

Разделили царство.^я <2>

Ливония? <2>

Ярослав воевал с Мечиславом Польским.^а

Смерть Удалого.^б

Ярослав — единый властитель России до Венгрии и Азии.

Ярослав был женат на дочери Шведского Олафа. <1>

Опять дележ. Владимиру — Новгород. <2>

Печенеги разбиты наголову под Киевом. <2>

Золотые Ворота. <2>

Храм Святой Софии. <3>

Постройка монастырей. <2>

Войны с Ятвягами. . .^в <3>

Столкновение с Царьградом.^г <4>

Родственные связи.^д <9>

Смерть Ярослава.^е <11>

Русская Правда. <6>

Дележ. <2>

Шесть уделов. <2>

Лет десять было сравнительно тихо. <8> *^ж

В 1064 г. началось междоусобие. <6>^з

Изяслав разбит половцами.^и <1>

Изяслав бежал в Киев. <1> *^к

Киевское восстание. <1>

Зверства Мстислава.^л <1>

---

^щ рядом на полях: 1021 г.   ^з рядом на полях: Мстислав «чермен лицом, дебел телом»   ^ю рядом на полях: Якун, строкой ниже: **Луда**   ^я рядом на полях: 1026 г.

^а рядом на полях: 1032 г.   ^б рядом на полях: 1036 г.   ^в рядом на полях: Карамзин, т. II, стр. 20   ^г рядом на полях: 1043 г.   ^д рядом на полях: Монеты при Ярославе   ^е рядом на полях: 1054 г.   ^ж на полях напротив пропущенных строк: Кто такие половцы <2> 1061 г. набег половцев.   ^з на полях напротив пропущенных строк: Карамзин, т. 2, 48, 49   ^и рядом на полях: 1068 г.   ^к рядом на полях: В 1071 г. волхв в Киеве. Кар(амзин) II, 61.   ^л рядом на полях: Кар(амзин) II, 51.

Убийства поляков.^м <3>

Дальнейшие распри.⁵ <5>

После Изяслава

Всеволод Ярославич, 1078—1093. <4>

После Изяслава Святополк II Михаил. <4>

Съезд в Любече 1097 г. <2>

Второй съезд в Витичеве 1100. <2>

Половцы разбиты на Сале 1111 г. <2>

[На Дону.]^н

Облеклись в брони, полки построились для боя,^о [несли иконы, шли с пением священники... сверкала броня...]^о [половецкая конница зашла в обхват]. Города Осенев и Сугров...

Мономах нанес быстрый удар... Бились страшно, из-под копыт лошадей головы русские и половецкие.

Победа!^п

Мономах ... «Как пил он Дон золотым шоломом» <3>

Мономах, 1113—1125.

Поучение.^р

<16 страниц>

Татары.⁶

С отдаленных времен (еще тысячи за две лет [были] известны^с) жили в Азии кочевые народы [монголо-татары] монгольско-и тюркского происхождения. Они кочевали и в пустыне Гоби и заходили в Северный Китай, были на юге Сибири. [Одно монг<ольское> племя именовалось Та-Та, откуда и пошло слово татары]. Племя^т татарское кочевало в районе верховьев реки Амура, и знали о нем очень мало, пока в начале XII века не стал во главе его Хан Темучин. Долго враждуя с соседними такими же монгольскими племенами, он в конце концов покорил их и объявил себя верховным повелителем всех татарских племен и принял назв<ание> Чингиз-Хан.

В начале века Чингиз-Хан покорил Северный Китай, народы Бухары... <2>

Рати Чингиз-Хана пошли на Запад и в конце концов пришли на Кавказ.

Им было оказано сопротивление аланами, но татары разбили их и двинулись на юг России.

Половцы первые испытали силу их удара.

Тут впервые по Руси побежали неясные слухи о том, что идут невиданные еще рати каких-то страшных иноплеменников неизвестно откуда.

Наконец к князю Мстиславу Галицкому прибежал половецкий хан Котян с ужасным известием о том, что половецкое царство

^м рядом на полях: Елпатьевск<ий> 23. ^н рядом на полях: 26 марта
^{о-о} вписано на полях ^п рядом на полях: Когда Нестор писал? ^р рядом на
полях: Елп. 25 ^с далее было: появились ^т было: Одно из племен

разорено и захвачено бесчисленными ордами татар и что они идут дальше.

Хан привез подарки — верблюдов, невольников, невольниц, умолял о помощи.

Мстислав собрал в Киеве совет князей русских и, будучи человеком энергичным, объединил князей для борьбы с неизвестным неприятелем. В союз вошли в числе других еще два Мстислава — Киевский и Черниговский.

Рати соединились.^у Тут выяснилось, что татары не только грозные завоеватели, но и неплохие дипломаты.

Когда рати были на Днестре, явились к князьям татарские послы и повели речи о том, что татары собственно не покушаются ни на русские земли, ни на народ, а пришли исключительно с тем, чтобы наказать половцев, которых считают своими подвластными данниками.

И тут князья поступили свирепо и, пожалуй, неразумно. Они умертвили послов, а сами двинулись дальше.^ф <1>

Войска стягивались на юг и наконец сошлись у Хортицы. Пришли черниговские князья (и другие). Появились и галичане. К великой радости союзников ладьи их в количестве нескольких сот прошли по Днестру в Черное Море, а оттуда в Днепр.

Подошли и половецкие рати.

Тут стало известно, что показался первый татарский отряд. Были сделаны две разведки, которые принесли разноречивые сведения.

Князь Даниил с конным разъездом подходил к татарам, сообщил Мстиславу, что татары производят впечатление воинов плохих и не страшных. Но один из галичанских воевод в противоположность Даниилу доносил, что татары опасны, а стреляют из луков вряд ли не лучше половцев.

Решено было ударить на татар, и татарский передовой отряд был разбит. Это вызвало большой подъем духа, и многочисленная рать тронулась от Днепра к востоку навстречу иноземным полчищам.

Девять дней шло войско и дошло до реки Калки.

Первым подошел Мстислав Галицкий. И тут, наконец, увидели россияне татарское войско, и многие из них увидели его в первый и последний раз.

Мстислав сделал большую ошибку. Не дождавшись, пока подойдут Киевский и Черниговский, подал он сигнал к бою и первым кинулся на татар храбрый Даниил с конницей.

Первое, что узнали россияне, это что татары вооружены кривыми саблями, колчанами, что они в шлемах и броне, что в бою прикрываются хворостяными щитами и что, а это было новостью для россиян, с ними идут осадные стенобитные машины.

Искусство татар в стрельбе оказалось чрезвычайным, конница

---

^у далее было: и пошли по Днепру вниз   ^ф строкой ниже записи: Вторые послы. Олешье (Кар(амзин, т.) III)

их была первоклассна. Через реки они переправлялись искусно, плыли на кожаных,^х набитых сеном.

Прав оказался галицкий воевода, а не юноша (?) Даниил. **Туча стрел.**

Началась страшная сеча,^и и первой причиной гибели явились половцы. Их рати не выдержали страшных ударов неумолимых и храбрых татар, дрогнули и вдруг кинулись бежать в панике, топча и ломая все на пути, расстраивая ряды россиян. Померк свет в глазах у россиян! И побежали войска. Тяжко раненный Даниил еле выскочил из боя. Шесть князей полегли на месте.^и С боевым визгом татары бросились преследовать и одних киевлян будто изрубили до десяти тысяч человек.

Мстислав Галицкий понял, что дело погубило, и побежал. Несколько дней с жалкими остатками дружины он бежал к Днепру, добежав, истребил ладьи, чтобы татары не могли плыть по реке, и скрылся в Галиче.

Бывший, как сказано, в тылу Мстислав Киевский совладал с паникой, укрепился на горе и принял удар татар. Те штурмовали гору три дня, предложили Мстиславу сдаться, обещали свободу за выкуп. Мстислав согласился, но изменник воевода хитростью овладел им и его зятьями князьями Дубровецкими, выдал их татарам. И участь их была печальна. Татары задушили их и на деревянном помосте пировали на трупах их.

Войска татарские пошли к Днепру, и беззащитное теперь население городов и сел просило пощады у завоевателей, выходило с крестами. Но татары были безжалостны.

Но тут беда вдруг прекратилась. Чингиз-Хан отозвал рати татарские в Азию. И остались во всей южной Руси ^и развалины, оплакивал народ убитых, и не понимали жители, откуда пришла страшная туча и зачем и куда внезапно ушла.

Однако по уходе Чингизовских полчищ успокоения не наступило и началась вновь междоусобица.

Князь Даниил Романович воевал с Михаилом Черниговским из-за Галича, Ярослав Всеволодович брал Киев.

^иВойна с Мордвою. Кровопролитная и страшная 1226, 1228, 1229.^и

Прошло двенадцать лет со страшного поражения на Калке, и страшная и худшая беда пришла вновь.

В 1237 году победил болгар (где жили . . . .) великий татарский военачальник Батый с 300-тысячным войском и появился в Рязанской области. Он взял несколько небольших городов и подступил к Рязани.

Великий князь Георгий находился во Владимире. Князя рязанские просили подать помощь, но Георгий не подал. Татары осадили Рязань, меняя полки, шесть дней штурмовали город, на

---

^х вероятно, описка; по смыслу надо: кожах ^и наверху страницы вписано: **Битва на Калке 16 VI 1224 г.** ^и далее было: Одних ^и далее было: дымящиеся ^и—^и сверху и снизу отчеркнуто линиями

шестой стенобитными машинами разбили укрепления, подожгли город, ворвались и истребили и дружину и народ, обратили в развалины город. И двинулись дальше.

Евпатий Коловрат пришел с юга, увидев разоренную рязанскую землю, с одним полком кинулся догонять уходящих татар, напал на арьберггард и, конечно, был уничтожен со всем полком. Некоторые взятые в плен, когда татары спросили в изумлении, кто они, отвечали, что они слуги князя Рязанского, полку Евпатиева, а явились, чтобы копьями проводить со своей земли. И Батый, пораженный их мужеством, им подарил жизнь.

Татарские лошади. Выносливость.

После этого Батый подступил к Владимиру. <1>

Георгия II (Юрия II) не было во Владимире. <1>

Владимир был взят. <1>

1238 г. Бой на Сити. Гибель Юрия II. <1>

Появление Ярослава Всеволодовича. <1>

1240 г. Взятие Киева. <1>

В это же время удельн(ый) князь Новгородск(ий) Александр разбил Биргера, фактического правителя Швеции на Неве. Ладья.

1241 г. Венгры разбиты татарами. <2>

Чехи разбили татар в Моравии.

[1242 г. Ливонские рыцари (соединенный орден с немецк.). Ледовое побоище (5 IV 1242 г.). Свиное рыло. Чудь (финские племена). Озеро покрылось кровью. Обходное движение Александра.]

Золотая, или Кипчакская, Орда — столица Сарай на Ахтубе.

Архитекторы.

1245 г. разбил литовцев.

Александр ездил в Орду?

Быт татар. <2>

Баскаки. <2>

Перепись. <3>

Александр Невский 1252—1263.

Был великолепным дипломатом.

Поездки Александра в Орду.

Два огня.

Музыка.

Кумыс. <2>

При Александре Невском многочисленны попытки³ русских освободиться от ига татарского.

Батый умер (1257 г.?).

Перепись (освобождение духовенства).

Новгород, город, привыкший к известной независимости, не желал платить дани.

Александр произвел жестокие казни бояр.

Александр приставил стражу для охраны татарских чиновников. <1>

---

³ далее было: народов

Дань явилась настоящим бедствием для бедных. <1>

Народу жилось под властью татар настолько тяжело, что в 1262 году началось восстание в городах Ростове, Владимире, Суздале, Переяславле и Ярославле.

(Откупщики дани). <1>

Вечевые колокола. <1>

Александр едет к Хану Берке. <1>

Смерть Александра. <2>

Ярослав Ярославович, 1263—1272.⁸ <1>

Восстание новгородцев против него. <2>

1266 г. Смерть Берке.

(При Берке татары приняли веру магометанскую.)

За Ярославом стал великим князем Василий Ярославич (Костромск(ой)), 1272—1276. <1>

Далее сыновья А. Невского Дмитрий (Переяславский) и Андрей (Городецкий). <1>

1276—1304 г.

Что за опустошение они произвели?

Младший сын Невского <1> Даниил явился основателем княжества Московского (Москва упоминается впервые в 1147 г. «Мутная вода»). <3>

Сын Даниила Юрий.

Его борьба с тверским Михаилом Ярославичем (1304—1319), который был убит в Золотой Орде.

Юрий был женат на Кончаке, [крестилась — Агафия], сестре Хана Узбека, получил великое княжение (1319—1326) <1>

Юрий был убит в Орде (?) сыном Михайла Ярославича Дмитрием. <1>

Дмитрий был казнен Ханом. <1>

Великим князем становится брат Дмитрия Александр Михайлович (1326—1328 г.). <1>

История с Чол-Ханом. <1>

Брат Юрия и сын Даниила Иван Данилович, прозванный Калита (1328—1340). <1>

Человек ^ю очень большого таланта государственного ^а и хитрости.

[Еще в 1326 г. пригласил на жительство в Москву митрополита Петра.]

Сидя на княжении в маленьком Московском княжестве, в котором было 6 городов, Калита дожидался своего часа. И дождался. <2>

В Твери убили Чол-Хана вместе с другими татарами.

Калита в Орду. Возвращение с войском татарским.

Александр бежал в Псков, а оттуда в Литву.

Калита получает великое княжение. <2>

Возвращение Александра в Тверь (1336?). <2>

Александр недолго княжил в Твери.

^ю далее было: необыкновенно   ^а подчеркнуто красным карандашом

Убит в Орде в 1339 г.

Что сделал Калита?

1) Вполне подчинился Хану, следовательно, вошел в милость. Получил возможность наказывать в случае послушания других князей.

2) Получил право собирать дань непосредственно без баскаков. Часть дани оставалась в руках у Калиты. <1>

3) На деньги эти стал скупать или брать в залог земли у разоренных князей и присоединять их к княжеству московскому. <1>

4) Привлек духовную власть в Москву... <1>

5) Навел порядок, проведя планомерную борьбу с разбойниками. <1>

6) Москву отстроил и украсил. <1>

7) Стал называть себя великим князем всея Руси. <1>

8) Положил начало единовластию. <1>

9) Настала великая тишина. <2>

За Калитой последовали:⁹ <1>

Семен Гордый (сын К<алиты>), 1340—1353. <1>

С. Г. погиб от чумы («Черная смерть»). <1>

Затем Иван II Кроткий (1353—1359). <3>

Сын Ивана II Дмитрий был мал и великое княжение получил...

Суздальский Дмитрий Константинович, но удержался только четыре года [1359—1363], был вытеснен москвичами, <2>

и **Дмитрий Иоаннович** (Донской) 1363—1389.

Столкновения его <с> Тверск<им> Мих<аилом> Александр<овичем> и Ольгерд<ом> и рязанским Олегом Ивановичем.

Разложение Зол<отой> Орды. Смены ханов. Русские перестают бояться татар.

Столкновение с татарами в ряз<анском> княжестве на р. Воже в 1378 году.

(Знаменитый воевода татарский Мамай после многих смен ханов провозгласил себя Ханом).

Желая [вновь] привести в подчинение русских, Хан Мамай собрал большое войско, вступил в переговоры с литовским князем Ягайло. <1>

Дмитрий Д<онской> спешно стал собирать князей для отпора и достиг единодушия. Один только Олег рязанский не вступил в союз, предпочитая вести переговоры с татарами. <1>

26-го августа Димитрий Д<онской> со многими князьями, рати которых соединились, пошел навстречу Мамаю. Шла огромная рать. Монахи шли в числе войск, ободряли русские полки.

6-го сентября русские подошли (к Дону, Непрядве) [Дмитрию во время битвы — 30 лет].^a

Мамай месяц^b стоял уже там, поджидая войско Ягайло.

^a фраза обведена   ^b было: двадцать дней

Русские поступили правильно, решив не дать Мамаю дожидаться Ягайло, на рассвете 8-го сентября (1380 г.) **переправились** (?) через Непрядву,^в разворачиваясь на обширном Куликовом поле.

В полдень на Поле вступили татары, и Дмитрий дал приказ броситься на татар.

Тут начался еще невиданный никогда на русской земле бой. На десяти километрах протяжением стоял грохот, звон, вой и стон. Дрались с безумною храбростью несколько сот тысяч человек. . . К концу третьего часа боя татары стали одолевать. Но тут от топота задрожала земля, рев послышался в тылу татар. Воевода Боброк, литовец по происхождению, служивший великому князю, появился со своим полком из засады. Следом за ним (?) ударил на татар Князь Владимир Серпуховской (?).

Неутомленная конница Боброка начала рубить [уставших от боя] татар.

Тут дрогнули их ряды, и вдруг началось неслыханное еще бегство.

Хан Мамай, наблюдавший за ходом боя из отдаленного места (с холма?), понял, что дело проиграно. И через короткое время быстрые кони унесли Мамаю со свитой.

До реки Красивой Мечи летел Боброк с конницей, рубил татар. Битва невиданная. <2>

Будто бы сто тысяч одних русских полегло на Куликовой равнине. <2>

Коталаунская битва (451 г.). <1>

Турская битва (732 г.). <2>

Прекращение наступления Азии на Восточную Европу. <2>

Каков порядок престолонаследия. <2>

Тем не менее Куликовская битва не означала прекращения татарских нападений. <2>

Тохтамыш.

Мамай был убит Тохтамышем. [В 1382 г. 26 авг<уста> Тохт<амыш> взял Москву в отсутствие Донского хитростью. Мятаж в Москве. Защита Москвы москвичами и литовцами. Кроме того, целый ряд подмосковных городов взял Т<охтамыш>.]

Дмитрий Донской умер в 1389 <г.>.† <2>

За Дм<итрием> Д<онским> —

его сын Василий I (1389—1425), <он> купил ярлык у Хана на^а Н. Новг<ород> и Муром. <3>

Тохтамыш, хан Золотой Орды, восстал против великого азиатского завоевателя Тимура [-Хромого], или Тамерлана.

В 1395 г. Тимур разбил Тохтамыша [на Тереке], придя из **Закавказья**.^е [Тамерлан в Грузии. . .] Сжег Сарай, изгнал Тохта-

† фраза обведена   ^а далее было: великое княжение   ^е подчеркнуто красным карандашом

мыша. . . тронулся в русские пределы, но дошел только до гор (ода) Ельца, а потом повернул обратно.

[Тохтамыш погиб в 1407 г.]*

Тохтамыш изгнан, в Зол(отой) Орде непорядки и смута. Василий перестал платить дань. (1)

Эдигей в 1408 г. вторгся в Моск(овское) княжество, разорил Серпухов, Нижний Новгород, а Москва откупилась от него, и он ушел. (2)

После Василия I¹⁰

Василий II (сын I-го) Темный

Война Василия II с дядей Юрием Дмитриевичем. (1)

Кровавое княжение Вас(илия) II (17)

Иоанн III. (1462—1505). (5)

В. Новгород лишен свободы. (4)

Тверь присоединена. (8)

Война с Литвой. (9)

Софья Палеолог. (9)

Судебник. (1 страница)

Василий III (1505—1533). (15)

Война с Литвой, Крымом, Казанью. (12)

Иоанн IV Грозный [родился в 1530 г.] (1533—1584)

С 1533 по 1538 г. Елена Васильевна. (2)

С 1538 г. (смерть Елены) правит боярская дума. (2)

Князя Шуйские. (1)

Князя Бельские. (1)

Воспитание Иоанна IV. (5)

Иоанну 13 лет. (1)

Смерть Андр(ея) Шуйского. (5)

Венчание на царство, 1547 (г.) (2)

Царь. (3)

Глинские. (9)

Сильвестр и Адашев. (8)

Судебник 1550 г. (12)

Завоевание Казани и Астрахани. (6)

Крым. (8)

Крымский Хан напал на Москву, 1571 г. (10)

Ливонская война. (8)

Сибирское царство. (2)

Хан-Кучум. (7)

Кто такие казаки? (7)

История Ермака. (6)

Ермак убит (?) в 1584 г. (5)

Опричнина. (2 страницы)

Федор Иоаннович, 1584—1598 гг. (7)

Брат жены Федора Ирины Борис Федорович **Годунов.** (10)

Прикрепление крестьян. (10)

Патриаршество. (7)

* фраза обведена

- Убийство царевича Дмитрия.** <1 страница>
Борис Годунов (1598—1613). <6>
Начало борьбы Бориса с боярами. <12>
Голод 1601—1604 гг. <1 страница>
Дмитрий Самозванец (Лжедмитрий). <7>
Лжедмитрий в Москве (1605—1606). <11>
Шуйский Вас(илий) Ив(анович) (1606—1610). <1 страница>
Шаховской. <8>
Болотников. <15>
Лжепетр (выдавал себя за сына Федора Иоанновича). <6>
Лжедмитрий II (Тушинский вор). <4>
Низложение Шуйского. <1 страница>
Междоусобие (1610—1613). <1 страница>
Тушинский вор убит в Калуге. <13>
Минин и Пожарский. <18>
Михаил Федорович Романов избран на царство 21 февраля 1613 г. (1613—1645) <10>
Заруцкий. <9>
Мир в Столбове. (1617 г.) <7>
[Первая] война с поляками. <11>
Филарет. <5>
Вторая война с Польшей. <1 страница>
Азов. Донские казаки. <1 страница>
Иностранцы. <1 страница>
Алексей Михайлович (1645—1676). <3>
Правление Морозова. <13>
Соборное уложение 1649 г. <1 страница>
Денежный мятеж. <1 страница>
Степан Разин. <3 страницы>
Никон. <1 страница>
Богдан Хмельницкий.³ <2 страницы>
Война с Польшей и Швецией. <9>
Полоцкий Симеон. <9>
Нащокин. <1 страница>
Федор Алексеевич⁴ (1676—1682). <7>
Дорошенко. <11 строк и 3 страницы>
Петр I (1682—1725).
Петр и Иоанн. <6>
Софья. <5>
Голицын. <5>
Стрелецкий бунт, 15 V 1682 г. <7>
Софья, Петр и Иоанн. <4>
Раскольники. <6>
Хованский. <5>
Польша. <2>
Война с крымским ханом.
Два похода: I — 1687 г. Голицын Вас(илий) Вас(ильевич)

⁴ подчеркнуто синим карандашом   ³ подчеркнуто красным карандашом

с гетманом Самойловичем (100 тысяч+50 т(ысяч)) Пожары. II — 1689 г. Гол(ицын) и Ив(ан) Мазепа. Неудача. Ханом Крымским в это время был Селим-Гирей I (Хаджи-Селим-Гирей) <2>

Нерчинский договор. <7>

Учение Петра. <10>

Конец Софьи. <1 страница>

1696 г. Смерть Иоанна V. <5>

Взятие Азова. <6>

Флот. <5>

1697 г. Петр едет за границу. <8>

Стрелецкий бунт. <6>

Бороды. <2>

Мир с Турцией. <10>

Война со Швецией.

Русские имели перевес в вооружении (ружье со штыком). <7>

Астрахань и Дон. <7>

1708 г. <21>

27 VI 1709. Заложен Петербург.* <9>

Война с турками. <1 страница>

Ништадтский мир. <11>

Персидская война. <7 строк и 6 страниц>

Екатерина I^a (1725—1727 г.)

Умирая, Петр I преемника своего не указал. <1>

Представители знатных боярских родов разделились на две партии. <1>

Одна из них хотела утвердить на престоле Петра, сына Алексея, которому было около 10 лет, другие, во главе которых был Меншиков, стояли за вдову Екатерину Алексеевну. <2>

Гвардия поддерживала вторых, и Екатерина была провозглашена императрицей. <3>

Меншиков вошел в страшную силу, и по его предложению был учрежден <2>

Верховный Тайный совет, которому подчинялся Сенат. <2>

Меншиков играл в этом Совете главнейшую роль. <4>

Была открыта Академия наук. (1726 г.?)

Крестьяне ¹¹

Положение крестьян в это время было ужасно. Недород в течение нескольких лет.

Крестьяне должны были платить подушные по 74 коп. с человека. 5 II 1725 Ек(атерина) велела убавить по 4 коп. <1>

Списки были составлены, а из них не выключены ни инвалиды, ни умершие, ни даже младенцы.

*запись ошибочна: 27 VI 1709 — дата Полтавской битвы   *подчеркнуто синим карандашом

Голодали, утопила^н одна баба ребенка, продавали скот (Соловьев, к. IV, 887 и далее). Крестьяне убежали в Польшу и в Запорожье. Решено было Верх<овным> Тайн<ым> Сов<етом> уменьшить количество чиновников в губ<ерниях>, уменьшение их жалованья... сделать облегчение в смысле уплаты подушной подати (часть провиантом) <9>

Дочь Меншикова. <5>

Смерть Екатерины I в мае 1727 г. <5>

Петр II (1727—1730). <4 страницы>

Анна Иоанновна (1730—1740). <4 страницы>

Иоанн VI (1740—1741). <2 страницы>

Елизавета Петровна (1741—1761).^н <6 страниц>

Петр III (1761—1762). <4 страницы>

Екатерина II (1762—1796).

Кто такая? <6>

28 VI 1762 г. <2>

Приезд Суворова из Пруссии. <2>

1763 г. Учреждение мед<ицинской> коллегии. Восп<итательный> дом в Москве. <3>

Изъятие крестьян у духовного ведомства.

Уничтожение гетманского достоинства.

1764 г. Смольный институт. <4>

1765 <5>

1766 <4>

1767. Начало составления нового уложения (в Москве) выборными. Воспитательный дом в Петерб<урге>.

Сейм в Польше.

Репнин.

1768 Началась 1-я Турецкая война [(причина ее), длительность, 1768—1774]. Учрежден ассигнационный банк. Война с Польшей. Репнин. Дюмурье. Конфедераты.^о <2>

1769 <5>

1770 Победы на Ларге и на Кагуле (Румянцев). Русск<ие> занимают Молдавию и Валахию. Чесменское дело.

Чума в Москве. <4>

1771 Долгорукий занял Крым. Война с Польшей (?). Возмущение яицких казаков (**Калмыки**^н уходят). Подготовка пугачевского восстания. Калмыки. Киргизы. Башкиры. Чуваши. Черемисы. (см. стр.) <2>

1772 <12>

1773 Летом ( )^р появился Пугачев окончательно. В октябре у Пугачева 25 тыс. войска. Конец декабря. Бибигов. Первый раздел Польши.

Румянцев осадил Силистрию. Каменский и Суворов идут к Константинополю.

^нбыло: убила   ^нподчеркнуто красным карандашом   ^одалее было: Суворов
^нподчеркнуто красным карандашом   ^рв скобках оставлено место, вероятно, для указания точной даты

- 1774 Кучук-Кайнарджийский мир. <3>
 Михельсон разбил Пугачева (Черный Яр). <7>
- 1775 Ек(атерина) обнародовала «учреждения для управления губерниями». 50 губерний.
 Конец Запорожской Сечи.
 Казнь Пугачева. <4>
- 1776 <10>
- 1777 <8>
- 1778 <12>
- 1779 <6>
- 1780 <13>
- 1781 <15>
- 1782 <10>
- 1783 Присоединение Крыма. <1>
 Грузия под покровительством России. Ираклий. <6>
- 1784 <11>
- 1785 Жалованная грамота дворянству. Помещики — полные
 властители крестьян.
 Учреждение гос(ударственного) заемного банка.
- 1786 <12>
- 1787 Екатер(ина) едет в Крым. <6>
 Начало 2-й турецк(ой) войны.
- 1788 Каков Потемкин полководец? <1>
 Летом бой у Очакова (флот). <1>
 Взятие Очакова. <3>
 Война со шведами (Густав III). <3>
- 1789 Фокшаны и Рымник. <5>
- 1790 Умер Иосиф II. <2>
 Взятие Измаила. <1>
 Мир со шведами. <7>
- 1791 Смерть Потемкина.
 Мир с Турцией в Яссах. <5>
- 1792 <11>
- 1793 Людовик XVI казнен. <6>
- 1794 <13>
- 1795 <5>
- 1796 <15>
- Умер Румянцев-Задунайский. <1 страница>

Калмыки

[Кочевой] народ, принадлежащий к Западной ветви монголов. Вышли они из Джунгарии в 1618 г. На Волге они появились в 1630—1632 гг. <1>

Калмыцкая степь. <1>

°Чжунгария, или Джунгария° <1>

В калмыцкой орде начались волнения, которые привели к тому, что Хан Убаши 5 января 1771 г. вывел около 30 тысяч семейств с Волги и повел в Чжунгарию. <5>

^{с-с} обведено

Башкиры — народ тюркского племени, обитатели Приуральского края. <1>

Восстание 1755 года. <16>

Киргиз-кайсаки — тюркское племя. <3 страницы>

Пугачев ¹²

Давно, еще с половины XVI века по побережью реки Яик стали селиться выходцы с Дона [и беглые из Москвы], получившие название яицких казаков. Занимались они по преимуществу рыбной ловлей на этой богатой рыбой реке.

До Петра они жили вольно, решая дела свои на сходах, выбирая на них старшин. Они предпринимали походы (производили набеги) на Персию.

Со времен Петра яицкие казаки утратили былые вольности. Атамана им стало назначать русское правительство. За [право ловить] рыбу пришлось казакам платить деньги в казну, причем старшины казачьи обирали бедных казаков. Те жаловались, посылая ходоков в столицу России, но тщетно. К семидесятым годам среди казаков царило недовольство и начиналось брожение. Усилилось оно чрезвычайно из-за того, что русское правительство пожелало составить московский легион и требовало у казаков свыше 300 человек для этого легиона. Для разбора казачьих дел был прислан генерал Траубенберг. Но тот не только не сумел быстро разобраться в казачьих делах, а допустил, что атаман Тамбовцев арестовал одного из казаков Бородина, ходока казачьего.

Произошло восстание казаков, и Траубенберг был убит в 1772 году в январе.

Неописуемыми мучениями заплатили яицкие казаки за свой бунт. Вспышка была подавлена генералом Фрейманом, пришедшим в Оренбург с гренадерами. Многие были арестованы и наказаны с бессмысленной жестокостью. Казаков забивали до полусмерти кнутом, вырывали им щипцами носовую перегородку (?), [клеймили,] ссылали, разгоняли по армейским полкам. Кроме того, наложили на них громадный штраф.

Войско яицкое было озлоблено, подавлено до последней степени.

В то же время и в тех же местностях начались[†] волнения среди горнозаводских крестьян (история их), <2>

поставленных в очень тяжелые условия. (Их заставляли работать сверх нормы.) <1>

Кроме того, башкиры, калмыки, киргиз-кайсаки.

Летом 1772 года в Сызранской степи появился человек лет тридцати.[‡] Звали его Емельяном Ивановичем Пугачевым.[§]

Как выяснилось впоследствии, Пугачев был беглым казаком с Дону и много претерпел на своем веку.

[†] было: происходили   [‡] было: еще молодой   [§] далее было: Несмотря на свою молодость, он пережил уже большие приключения

Он участвовал в походах в Пруссию, Польшу и Турцию и выслужил [офицерский] чин хорунжего.

Когда обстоятельства заставили его бежать с Дона, он начал свои скитания и попал на Терек.

Хорунжий Пугачев был^x недюжинным человеком. Он был смел, хитер и по природе своей умел вести за собой других. На Тереке казаки выбрали его своим атаманом, но его выдали (?), поймали и приковали к цепи. Каким образом, неизвестно, но ему удалось бежать.

Он бросился на Дон, там его арестовали. И опять он бежал. После скитаний он попал в область яицких казаков и, бродя, расспрашивал о положении казаков. Он быстро освоился с обстановкой и стал встречных казаков подговаривать уйти на Кубань и отдаться под власть турецкого султана. При этом он добавлял, что [он купец и] у него в иных местах (?) есть спрятанного товара на большую сумму.

Как сказано, летом 1772 года он в Сызранской степи в нескольких десятках верст от Яицкого Городка попал на постоянный двор, называемый Таловый Умет. Содержал умет Степан Оболяев, очень хороший, добродушный и доверчивый человек, [прозванный Ереминой Курицей]. Он приютил у себя странного купца и рассказал ему о страданиях яицких казаков.

И вот оттуда из Талового Умета, как от искры, вспыхнул и охватил громадное пространство екатерининского царства — пожар.

Еремина Курица познакомил купца с казаками, и тем Пугачев изложил свой проект массового ухода на Кубань, причем водительство брал на себя [и обещал по 12 рублей на семью]. С казаками Пугачев отправился в Яицкий Городок, где в это время ходил слух о том, что Петр III не убит, а жив и где-то скрывается. Тут осеняла мысль Пугачева, и казакам он объявил, что он и есть именно чудесно спасшийся император Петр III.

Нашелся предатель, передавший властям слова хорунжего, и Пугачев был схвачен. Он употребил всю изворотливость своего ума и бежал из Казанской тюрьмы вместе с конвойным. И опять скрылся в умете у Ереминой Курицы. Моясь в бане, показал Ереминой Курице знаки, оставшиеся у него на коже после какой-то болезни, сказал, что это царские знаки. (4¹/₂ страницы)

СЛОВАРЬ ТРУДНЫХ И ИНОСТРАННЫХ СЛОВ^a

А

Аманат

Заложник. Атап (от турецк. восклиц.: пощади! сжался!)

---

^x далее было: не простым человеком, а природным ^a внизу страницы написано красным карандашом: см. Тетрадь IV, стр. 1. Через десять страниц аналогичные записи, не имеющие отношения к «Словарю»: см. Тетрадь IV, стр. 10 и см. Тетрадь IV, стр. 12.

Алтын	3 копейки (с татар.)
Адъюнкт	Лат. <i>adjunctus</i> . Помощник профессора. У протестантов — помощник пастора (свящ.)
Атлет	Греч. <i>athletes</i> , от <i>athlos</i> — борьба. Борец, силач.
Автономия	От греч. <i>autos</i> — сам и <i>nomos</i> — закон. Самоуправление (учреждения, сословия) города, области, страны.
Архиепископ	Священнический высокий чин.
Администрация	Лат. от <i>administrare</i> — управлять. Управление делами — государств(енными), обществен(ными), частными.
Анархия, анархический	Греч. <i>anarchia</i> . <1> Безначалие. Состояние государства, при кот. нет ни законов, ни властей. 2) Хаос, распушенность. Беззаконный. Не признающий властей. Буйный.
Аппарат	Лат. <i>Apparatus</i> . Снаряд. Снаряд, прибор, приспособление.
Автокефальный	Самостоятельный (Самостоятельная церковь — А. ц.)
Арена	Лат. <i>arena</i> , песчаное место. 1) Ровное место, усыпанное песком, на кот. происходили в древности бои зверей и гладиаторов — римских публичных бойцов. 2) В переносн. смысле — поприще, место, пространство, на кот. действуют. Поприще жизни — бытовая жизнь человека.
Агент	Лат. <i>agens</i> от <i>agere</i> — действовать. Исполнитель поручений. Посредник в делах. Уполномоченный.
Атака	Фр. <i>attaque</i> . Нападение на неприятеля.
Афиша, афишка	Фр. <i>affiche</i> , от <i>afficher</i> — прибывать объявление. Объявление.

Б

Брауншвейг	В то время ⁴ германское герцогство. ¹¹¹
Батальон	Фр. <i>bataillon</i> , уменьшит. от <i>bataille</i> — войско. Войсковая часть; отряд пехоты, состоящий из 4-х рот.
Бонапартист	Приверженец Бонапарта — Наполеона.
Баррикада	Фр. <i>bagricade</i> . Преграда поперек улицы, делаемая из всего, что попадет под руку (экипажи, мебель, камни мостовой, ворота и т. д.). Устраивается во время гражданской войны для борьбы с правительственными войсками.

⁴ было: бывшее

¹¹¹ далее было: Теперь часть Германии

В

Варварский	Лат. <i>barbarus</i> . Жестокий, дикий.
Вольтер	Знаме<нитый> французский писатель, историк и философ, энциклопедист XVIII века, борющийся в своих произведениях за право разума и личности. 1694—1778.
Вольтерьянец	Последователь Вольтера. Часто в смысле — вольнодумец.
Вассал, вассальный ^ш	от кельт. <i>gwasawl</i> — служащий, отсюда средн.-век. лат. <i>wassallus</i> . В средн. века — условный владелец земли, обязанный за пользование ее службой своему сюзерену — основному владельцу земли.
Вахтпарад	От нем. <i>Wacht</i> — стража, караул, и фр. <i>parade</i> — наряд. Развод войска.

Г

Гренадеры	От фр. <i>grenadier</i> . Отборные войска. Прежде — солдаты, назначавшиеся для метания ручных гранат.
Герцог	Нем. <i>Herzog</i> . Дворянский титул. ⁹ В Германии — прежде — небольшой владетель.
Граф	Дворянский титул. (От нем. <i>Graf</i>)
Гимназия	От греч. <i>gymnazo</i> , <i>gymnos</i> — голый. У д. з. — сад для телесных упражнений, в дс, волюцион. России — средняя школа.
Гайдамаки	у Миши
Генералитет	От лат. <i>generalis</i> — общий. Собрание генералов.
Гроссмейстер	Нем. <i>Grossmeister</i> — великий начальник. Глава рыцарского или духовного ордена (см. орден).
Губернатор	Лат. <i>gubernator</i> . От <i>gubernare</i> — управлять. Начальник губернии в царской России.
Генерал-губернатор	Главный начальник нескольких губерний в царской (России). ⁹
Гвардейский экипаж	Итал. <i>guardia</i> + фр. <i>equipe</i> — лучшие войска в государстве, пользующиеся особыми преимуществами. Гв. эк. — все служащие в гвардии.

Д

Деньга, денежка	¹ / ₂ копейки.
Диссертация	От лат. <i>disserere</i> — разъяснять. Научное со-

^ш далее было: Валлахия   ⁹ было: Почетный   ⁹ в рукописи описка: в царской губернии

	чинение на какую-нибудь данную тему для получения ученой степени.
Диссидент	От лат. <i>dessidere</i> — расходиться. Разномыслящий. Не католик — в Польше.
Джунгария	См. Чжунгария.
Десятина	Мера земли (примерно около 3 с половиной квадрат. сажен).
Диктатор	Лат. от <i>dictatore</i> — объявлять, назначать. 1) В Римской республике — правитель с неограниченной властью, выбиравшийся на полгода. 2) Лицо, временно имеющее неограниченную власть.
Департамент	Фр. <i>département</i> — часть. В дореволюц. России — подразделения высших админ. и судеб. учрежд.
Династия	Гр<еч.> <i>dynasteia</i> , от <i>dynatai</i> — быть сильным. Ряд царствующих государей, имеющих одного родоначальника.
Демократический	Греч. от <i>demos</i> — народ и <i>kratos</i> — власть. Народный.

Е

Епископ	Высокий священнический сан.
Есаул	Помощник военачальника (адъютант). Чин в дореволюционных казачьих войсках.
Евангелие	Греч. <i>euaggelion</i> , от <i>eu</i> — благо, добро и <i>aggelein</i> — возвещать. Священная книга православных людей, содержащая в себе рассказы о жизни, деятельности и учении Иисуса Христа.

Ж

З

И

Интрига	От лат. <i>intricare</i> . Запутанное дело, ведущееся с определенной целью.
Иерархия, иерархический	Греч. <i>hierarchia</i> . Последовательность и подчиненность по старшинству — служащих. Служебная лестница власти и подчиненности.
Идея	Греч. <i>idea</i> — форма, наружность, вид от <i>eidein</i> — видеть. Понятие. Мысль.
Инфантерия	Испан. Военная пехота. Генерал от инфантерии — военный чин. Полный генерал.

К

Капрал	Происх. от лат. <i>caput</i> — голова. Унтер-офицер, имеющий в своем заведовании 1/4 роты. (Прежний (до Ник. I) унтер-офицерский чин). В иностр. армиях — первое звание после рядового.
Коран	Священная книга магометан, одновременно и гражданский закон их.
Кредит	От лат. <i>credere</i> — верить. Доверие (в денежных делах — к платежеспособности другого лица или учреждения).
Коллегия	Лат. <i>collegium</i> — <1> собрание людей с одинаковыми правами и обязанностями. 2) Название некоторых учебных заведений.
Ксендз	Пол. священник (рим.-католики)
Каторга	Каторжные работы — принудительные работы, после смертной казни высшее в царской России наказание.
Коалиция	От лат. <i>coalescere</i> — соединяться. Временный союз нескольких государств или политич. партий для общего действия.
Комиссия	Фр. <i>commission</i> а) Временное учреждение для разработки важных вопросов или дел. б) Поручение.
Карьера	Повышение по службе. Успех в общественной или иной деятельности. Делать карьеру — успевать по службе.
Колония. Колонист	Лат. <i>colonia</i> , от <i>colonus</i> — земледелец, поселенец. 1) Область или страна, захваченная или подчиненная экономически более сильным государством (метрополии). 2) Земледельческие поселения, напр., немецкие колонии на Волге, еврейские колонии на Украине. Колонист — переселенец из другой земли. Житель колонии.
Камер-юнкер	Нем. от лат. <i>camera</i> — комната и нем. <i>Junker</i> — дворянин. Придворное почетное звание, степенью ниже камергера в ц(арской) Р(оссии)
Камергер	Лат. <i>camera</i> — комната и Негг — немец. — господин. Придворный чин в ц(арской) Р(оссии)
Коллежский асессор	Гражданский чин в царской России, соответствующий майорскому тогда же.
Континентальный	Лат. <i>contineus</i> — смежная земля. Сухопутный. Находящ(ийся) на материке.
Кампания	Фр. <i>campagne</i> , от лат. <i>campus</i> — поле. Поход или война.

Л

Лейб-хирург	(Собственный). Придворный (?) доктор. Лейб — нем. Leib — тело, употребляется только в соедин. с другими словами для обозначения «придворный».
Лейб-гвардия	Гвардия, охранявшая императора.
Логика	Гр(еч). logike от logos — рассуждение. Наука о законах мышления.
Либеральный	Лат. liberalis, от liber — гражданский, свободный. Свободномыслящий.
Лихоимец	Взяточник, мздоимец. Подкупной служитель.
Литератор	Лат. litterator, фр. littérateur, от лат. littera — буква. Писатель.
Легион	Лат. legio, opis, от legere — собирать. а) Отряд римского войска в 6000 человек. б) Во- обще войсковой отряд.
Лафет	Нем. Lafette. Станок, на кот. помещается артиллер. орудие.

М

Манифест	Лат. manifestum. Всенародное объявление правительства ^а о важном государственном деле.
Мекленбург-Шверин	В то время ^а германское герцогство. ^б
Морганатический	Лат.morganaticum от ^а morgengaba — брак мужчины с женщиной низшего звания; тайнобрачие.
Металлургия	От греч. metallon — металл и ergon — труд. Наука о способах добывания и обработки металлов.
Мозаика	Др.-греч. museion. Рисунки из мелких цветных камней, стекол, мрамора, эмали, дерева, скрепленных цементирующим веществом (связывающим).
Монтескьё	1689—1755. Знамен. франц. полит. писатель.
Магнат	От лат. magnus — великий. В Польше или Венгрии — представитель знатного рода. Слово употребляется «капиталист».
Молебен	От слова молиться. Короткое богослужение, в виде благодарности или просьбы.
Масоны (см. франк-мас.)	Фр. franc-maçons — вольные каменщики. Тайное общество, стремившееся к достижению всеобщего равенства и братства, сущ. в XVIII и в 1-ой полов. XIX века.

^а было: главы государства

^б было: Бывшее

^в далее было: Теперь часть Германии

^г было: немецк.

древн.

Муштровать	От нем. <i>mustern</i> — делать образцом. 1) Обучать фронту и ружейным приемам. Давать военную выправку. 2) Грубо обращаться с кем-ниб. во время ученья.
Министерство	Лат. <i>ministerium</i> . Высшее правительственное учреждение, ведающее какой-либо крупной отраслью управления. (У нас — наркомат).
Мздоимец	См. Лихоимец
Мушкетерский полк	Фр. <i>mousquetaire</i> .
Монархия	Греч. <i>monarchia</i> , от <i>monos</i> — один и <i>archo</i> — управляю. Государство, управляющееся одним лицом. Монарх — лицо, стоящее во главе монархии.
Монархист	Сторонник монархии — единодержавия.
Миссионер	Обращающий язычников в христианство.
Мародер	Фр. <i>maraudeur</i> . Солдат, отделяющийся от армии для грабежа.
Маневр	Фр. <i>manoeuvrer</i> . Способ действия. Искусное движение. Поворот.

Н

Ненормальный	Душевно больной человек.
--------------	--------------------------

О

Ода	С греч. <i>odo</i> — пою. Стихотворение в честь какого-нибудь лица или события.
Орден (о-ва)	Нем. <i>Orden</i> , от лат. <i>ordo, inis</i> , порядок. 1) Сообщество людей, связанных общей целью и определенными правилами жизни (монашеский, духовный, рыцарский). 2) Особый знак отличия за военные или гражданские заслуги.
Обычное право Бркг. 48, стр. 910	Правила и обычаи жизни, обязательные для исполнения наравне с законом и подлежащие, в случае их нарушения, такому же воздействию, как и при нарушении законов. П. о. представляет собою выражение тех представлений о правде и справедливости, кот. живут в данном народе на определенной ступени его развития.
Опальный	

П

Плутонг	Пол. <i>pluton</i> , фр. <i>peloton</i> . Небольшой отряд войска для последовательной стрельбы мелкими залпами.
---------	---

Поэтика	С греч. <i>poieo</i> — творю. Искусство писать стихи.
Популярный	Лат. <i>populus</i> — народ. Известный в народе, любимый им. 2) Популярное изложение — понятное, общедоступное.
Привилегия	Лат. <i>privilegium</i> — исключительное право в ремеслах и промыслах. 2) Личное право, преимущество. 3) Сословия, которым даны преимущественные права перед народом.
Протестант	Лат. <i>protestare</i> — публично объявлять. Последователь учения протестантизма.
Протестантизм	Вероисповедание. Религия.
Пикинеры	Фр. от <i>pique</i> , пика. Вооруженный пикою.
Проект	Новолат. <i>projectum</i> , от лат. <i>proicere</i> — выставлять. Предположение
Психический	Греч. от <i>psyche</i> — душа. Душевный. Психически ненормальный — душевнобольной (сумасшедший).
Папа римский	Итал. <i>papa</i> . Глава Римско-католической церкви.
Практика	Греч. <i>praktike</i> , от <i>prasso</i> — делаю. Приложение к делу правил и научных выводов (противополож. теории).
Привилегирован(ный) класс	Класс, имеющий особые права и преимущества.
Пролетарий	

Р

Регент	Лат. <i>regens</i> — <i>regent</i> . Правитель государства во время несовершеннолетия, болезни или отсутствия государя.
Риторика	С греч. <i>rhétor</i> . 1) Наука красноречия. 2) Фраза, лишенная содержания.
Реформа	Лат. <i>reformare</i> — преобразовывать. Преобразование. Изменение.
Руссо Жан-Жак	1670—1741. Знаменитый французский писатель, писавший по вопросу о воспитании детей.
Регулировать	От лат. <i>regula</i> — правильность. Приводить в порядок. Уравнивать.
Республика	Лат. <i>res publica</i> , общественное дело.
Реакция	Лат. <i>reactio</i> . Противодействие. Противодействие новым порядкам. Возврат к старым порядкам.
Реакционер, реакционный	Сторонник политической реакции.
Русификация	Распространение и утверждение русской культуры, языка, нравов.

Реквизиция	Лат. <i>requisitio</i> — искать, спрашивать. Принудительное (но оплачиваемое) взятие частной собственности по требованию государственной власти.
Рескрипт	Лат. <i>rescriptum</i> . Письменное обращение главы государства к гражданину или учреждению, обыкновенно с указанием их заслуг и дарованием какой-нибудь награды.
Результат	Фр. <i>Résultat</i> , от лат. <i>resultare</i> — отражаться. Вывод. Следствие.
Реставрация	Лат. <i>restauratio</i> , от <i>restaurare</i> — восстанавливать. Возведение вновь на престол прежней династии.
Режим	Фр. <i>régime</i> . Образ государственного управления.
Роль	Фр. <i>rôle</i> . Действие и назначение человека в обществе, в государстве.

С

Сержант	Фр. <i>sergent</i> от лат. <i>serviens</i> — служба. Прежде в России — старший унтер-офицер. В госуд(арств)ах Европы — полицейск(ий) служащий.
Сейм	Пол. <i>sejm, seim</i> — собрание народных представителей. Парламент в Польше и в Финляндии.
Сераскир Сатирический	Тур. Главнокомандующий турецкой армией. От лат. <i>satira</i> — сатира, сочинение, в кот. осмеиваются пороки и слабости общества. Насмешливый.
Сюзерен	В эпоху феодализма — владелец земли, раздавший подчиненным ему вассалам землю в пользование, за службу ему.
Статс-секретарь	От нем. <i>Staat</i> — государство и фр. <i>secrétaire</i> — секретарь. Секретарь при государе. Министр.
Семинария	Лат. <i>seminarium</i> от <i>semen</i> — семя. Среднее духовное училище.
Семинарист	Ученик семинарии.
Сенат	Лат. <i>senatus</i> от <i>senex</i> — старик. Высшее судебное учреждение [†] в дореволюционной России.
Статский советник	От нем. <i>Staat</i> — государство. Гражданский, не военный. С. с. — гражданский чин в ц(арской) Р(оссии)
Саперы	Фр. <i>sappeur</i> , от итал. <i>sarpa</i> — заступ. (Солдат, ведущий траншею). Военно-инженер-

[†] было: правительственное место

ные войска, производящие в военное время полевые и крепостные земляные работы.

Т

Титул	Лат. <i>titulus</i> . Слово, обознач. почетное звание, прибавляется к имени.
Территория ^а	Лат. от <i>terra</i> — земля. Пространство земли. Округ. Государство.
Траншея	Фр. <i>tranchée</i> , от <i>trancher</i> — отрезывать. Длинный сухой ров, служащий подступом к укреплению.
Теория, теоретик	Греч. <i>theoria</i> , от <i>theoros</i> — наблюдатель. Выработанное разумом объяснение какого-нибудь явления. Основы науки, искусства. (Противопол. — практика). Теоретик — 1) человек, основывающийся на теории. 2) Отвлеченный мыслитель, мало сведущий в практике.
Техника	Греч. Не <i>technikos</i> , от <i>techne</i> , искусство. Правила или приемы в каком-нибудь искусстве, производстве или ремесле.
Театр войны, военных действий	Место, где происходят события, военные действия. Греч. <i>theatron</i> , от <i>theaomai</i> — смотрю. Место действия.
Трактат	

У

Уния. Униат	От лат. <i>Unus</i> — один. Связь. Союз. Соединение. [Отпадение от православной церкви]. Соединение нескольких государств или церквей под одной властью, но с сохранением их внутрен. особенностей. <Униат> — приверженец унии.
Унтер-офицер	Нем., от <i>Unter</i> — ниже, под и <i>Officier</i> — офицер. Военный чин в царской России.
Уланы. Уланский полк	Пол. <i>ulan</i> , от турецк. <i>oplan</i> — служитель. Легкая кавалерия, впервые введенная в Польше. (Словарь Михельсона и Вайсблит). Легкая кавалерия, особого вооружения (пика, сабля, пистолет), получившая свое название от татар. «Углан». («храбрый» — титул татар. царевичей). У. п. — гвардейский полк в русской царской армии.
Университет	Нем. <i>Universität</i> , от лат. <i>universitas</i> — община, корпорация. Высшее учебное заведение (теперь — ВУЗ).

^а далее было: Тягло

Ф

Фельдмаршал	Нем. Feldmarschall. Высший военный чин.
Философия	Греч. от <i>phileo</i> — люблю и <i>sophia</i> — мудрость. Наука о достижении человеком мудрости, о познании им явлений мира.
Фаворит	От лат. <i>favor</i> — благосклонность. Любимец.
Фашины	От лат. <i>fascina</i> — связка. Нем. <i>Faschine</i> . Связка хвороста, прутьев, употребл. при саперных и др. работах для укрепления насыпей, прокладки дорог в болотистых местах и т. п.
Франк-масоны	См. масоны.
Фураж	Фр. <i>foufrage</i> . Корм для войсковых лошадей.
Фуражир	Фр. <i>foufrageur</i> . Заведующий покупкой и раздачей фуража.
Фабрикат	
Флигель-адъютант	

Х

Хорунжий	Пол. Носитель знамени. Перв(ый) офицерский чин в дореволюционных казачьих войсках.
Хаос, хаотический	Греч. <i>chaos</i> , от <i>chaino</i> — открываться. Беспорядок. Беспорядочный.

Ц

Цизальпинская	Лат. от <i>cis</i> — по эту сторону и собств. имени. Находящаяся по сю сторону Альп. Ц. республика основана Бонапартом в 1797 г. С 1802 — Итал. республ. 1805—(18)14 — Итал. королевство.
---------------	---

Ч

Челобитье	(От слов: челом бить). Просьба; жалоба.
Чжунгария	Ранее — Чжунгарийское царство, находившееся севернее Тянь-Шаня. С 1758 г. — в составе Китайск. империи. Потом часть ее отошла к России в состав Семиречен. и Семипалатин. обл. Чжунгарией стала называться часть Китайской Империи.

Ш

Шляхта, шляхтич	Пол. дворянство Польши.
Штраф	От нем. <i>strafen</i> — наказывать. Наказание. Денежное взыскание в виде наказания.

Шеренга	Пол. szereg, от ит. schira. Ряд солдат.
Шпицрутены	Нем. spitzruthe, от Spitz — кончик и Ruthe — прут, хлыст. Телесное наказание нижних чинов в русской армии, сущ. до 1863 года. Осужденного заставляли проходить сквозь строй солдат, кот. прутьями били по спине осужденного.
Штатский	Нем. от Staat — государство. Не военный.
Шеф	Фр. chef. Начальник. Начальник, глава какого-нибудь учреждения или предприятия.

Щ

Э

Энциклопедия, энциклопедический словарь	Греч. сборник, в кот. изложены все науки, искусства и ремесла. Объяснение слов, касающихся наук, искусства, ремесл и общежития.
Энциклопедист (философ)	1) Член общества ^е французских философов XVIII века, составивших энциклопедию наук, искусств и ремесл, имевшую большое значение для распространения революционных идей. 2) Вообще — разносторонне образованный человек.
Экспедиция	Лат. expeditio. Отправление людей с какой-нибудь целью. Путешествие с научной целью. Военные операции с целью захвата чужих областей или подавления восстаний.

Ю

Я

Янычар	Тур. jeni-tscheri — Новые войны. Турецкое войско, охранявшее двор султана. Упразднено в 1862 г. Играли большую роль в дворцовых переворотах.
Ярмо	Деревянный хомут на рабочий скот. В переносном см. — бремя, тяжесть, рабство, неволя.

⟨64 страницы⟩

^е было: кружка

I

Грузины или картвелы.

Картвелы — от Карду, названия первой родины грузинских племен. <1>

В древности грузины обитали в Халдее, Месопотамии и Малой Азии (месхи, тубалы, колхи). <2>

Грузинские племена, [занимавшиеся виноградарством и скотоводством], теснили соседние обитатели Ассирийского царства, и грузины постепенно выселялись в Закавказье, в свою очередь вытесняя бывших там к северу. <2>

Образовались два царства — Иберийское восточное (Карталиния и Месхетия). Западное царство (Колхида).

Гр<узия> На перекрестке торговых путей. <2>

Гавани Фазис (Поти) и Диоскурия (около теперешнего Сухума). <2>

IV в. до хр. э., племена на ю<го->в<осточном> побереж<ье> Черн<ого> м<оря> попали под власть Ахеменидов — древнеперсидских царей. <1>

Колхи лишь платили дань персам. <1>

Иберия независима. <1>

I век до хр. э.

Грузины борются вместе с Митридатом против римлян.

(Понтийское царство).

В 65 [до Р. Х.] году римский полководец Помпей принудил и Колхиду и Иберию признать власть Рима. <2>

Во главе страны стоял царь (отдельно Иберии и отдельно Колхиды?) Мамасахлиси, причем царская власть передавалась следующему по старшинству в царском роде. <2>

36 г. до Р. Х. восстание против римлян. <2>

15 г. до Р. Х. восстание против римлян. <2>

Римляне перестали вмешиваться во внутренние дела Грузии. <3>

117 г. по Р. Х. (?) Царь Иберии Фарсиан едет в Рим (Адриан). <2>

Во 2-м веке появилась собственность на землю.* Помимо свободного населения появляются рабы. <2>

В III веке началось столкновение между Римской Империей и Персией из-за кавказских государств... <1>

Римляне помогли Грузии освободиться от своей зависимости от персов.

Низибинский мир 298 г.

Когда Грузия принимает христианство. <1>

IV век. Иберия разделяется на два царства, одно под протек-

---

* далее было: а также

торатом Персии, другое — Византии, потом оба подчиняются Сассонидам.

Персия хочет [вести] **маздеизм**. <3>

484 г. Восстание царя Вахтанга против персов. Подавлено. <2>

Когда столица Иберии и<з> Мцхета переносится в Тифлис? ³ <3>

523—532 гг. восстание. Иберия теряет самостоятельность (перс<идская> провинция). <1>

В то же время византийское правительство (импер.) захватывает Колхиду (Лазику). **Гнет экономический**. <1>

Губаз II восстал против византийцев, обратился к персам, но потом соединился (видя, что персы захват<или> Лазику) с византийцами.

554 г. Груз<инско>-греч<еские> войска разбили персов. Персы отказались от Колхиды. <1>

Персы господствовали в Иберии до 7-го века. <1>

В 643—645 гг. арабы овладели Иберией.

Золотой динар с дома.

Аббасиды. С не-мусульман вдвое.

Восстания. <1>

Бегство из Иберии в Колхиду. (Под Визант<ией>). <1>

Арабский эмир в Тифлисе. <1>

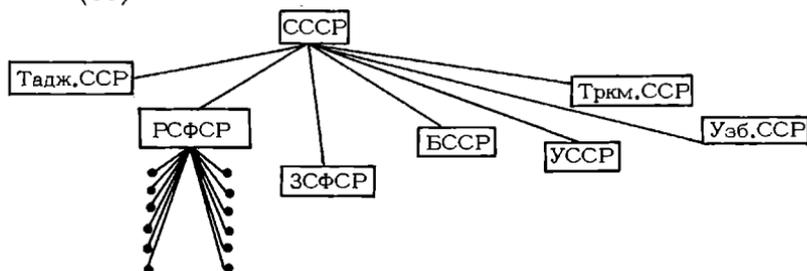
Дворянство стало играть крупную роль. Мелкие землевладельцы попал<и> в зависимость от крупного. Вынужден<ы> был<и> закабалиться... <1>

IX век. Арабы на Кавказе ослабевают. <1>

Борьба тифл<исских> эмиров с халифами. <1>

Середина IX века. Гр<узия> перестает платить дань арабскому халифату. <7 страниц>

Грузия <1> Финляндия <1> Украина <1> Белоруссия <1> Армения <16>

<Примечание к схеме: СССР написано, а РСФСР обведено красным карандашом; УССР и ЗФСР обведено синим карандашом>

"Выправить

Управление Бессарабией в 1813 году (3-я тетрадь).
Конец польского восстания 1830 года." <2 страницы>

³ подчеркнуто красным карандашом

"—" написано простым карандашом

Просмотреть

Крепостное право.
Александр II.
Браунинг.
Смит и Вессон.
Земские учреждения.
Имам.
Мюридизм.
Русско-турецкая война.
Голод.
Тяглые люди.

Дубинная война. <8 строк и 1 страница>

*Особо важное. Бркг.

1. Посполитая Б. Эф. 48, стр. 691
2. Тягло Бркг. 67, 377
3. Барщина Бркг. 5, 122
4. Христианская эра ^к
<15 строк и 2 страницы>

Дополнять:

- 1) Поселения военные, гг. 1816, <18>17-й, <18>18-й и далее.
- 2) Бессарабия с 1816 года (Берг. Бессарабия, стр. 71) ¹⁴
- 3) Бессарабия в составе Молдавского княжества
- 4) Франк-масонство — Новиков.
- 5) Писать Армению со времени русско-перс<идской войны> 1829 г. ^л
- 6) Континент<альная> система и Наполеон (Отечест<венная> война). Бркг. 43, 404. ^м
- 7) Вольтерьянцев.
- 8) Адрианопольский мир Рос<сии> с Турц<ией>.
- 9) 1833 год, Мегмет-Али, Турция и Россия.
- 10) Кавказские войны при Александре I.
- 11) Восхваление крепостного права в 1850-х годах. (Великая реформа, том 3).
<6 строк и 1 страница>

Найти:

- 1) Казенные крестьяне.
- 2) Павел I — причина убийства.
- 3) Букеевская орда, Бркг. 8.
- 4) Государств<енные> крестьяне, Бркг. 32, 693.
- 5) В Грузии, в начале XIX века, было крепостное право или нет.
- 6) Бунт.
- 7) Военные поселения.
- 8) Христианская эра.

^{к-к} написано простым карандашом ^л неточность: русско-персидская война велась в 1826—1828 гг. ^м далее все записи до конца тетради сделаны простым карандашом

- 9) Сарты.
  - 10) Петрашевы.
  - 11) Герцогство Варшавское и Царство Польское.
  - 12) Литва с 1830 года.
  - 13) Шамиль (1830-е и 1840-е годы).
  - 14) Инвентарные правила (Бркг. том 16, 702).¹⁵
  - 15) Уния (1839 год).
  - 16) Черниговский полк.
  - 17) Муравьева-Апостола Сергея.
  - 18) Грибоедова — фам(илия) жены? Слова на могиле?
  - 19) Восточный вопрос, Бркг. том 7, 303.¹⁶
- ⟨2 страницы до конца I Тетради⟩

ТЕТРАДЬ II ^a

⟨6 страниц⟩

История. ⟨8 страниц⟩

V ⟨в. до н. э.⟩.⁶ ⟨2 страницы⟩

IV   »   ⟨2 страницы⟩

Материалы для биографии И. В. Сталина ^a

Родился в 1879 г. в г. Гори Тифлисской губернии. ⟨1⟩

Джугашвили, бывший воспитанник 6-го класса Тифлисской духовной семинарии. ⟨2⟩

22 IV 1901 г. в Тбилиси первомайская демонстрация. ⟨1⟩

В конце октября 1901 г. Сталин приехал в Батум. ⟨4⟩

В ночь на 1 I 1902 г. конференция рабочих батумских кружков (присутствовало 30 человек, под видом встречи нового года). ⟨2⟩

В январе 1902 Сталин организовал в Батуме нелегальную типографию. ⟨2⟩

8 и 9 марта 1902 демонстрации в Батуме. ⟨1⟩

В ночь на 5 IV 1902 во время заседания руководящей партийной группы Сталин арестован в Батуме.

До 19 IV 1903 в батумской тюрьме.

С 19 IV до ноября 1903 в кутаисской тюрьме.

Из кутаисской обратно в батумскую тюрьму. ⟨1⟩

В конце ноября 1903 г. в ссылку в Иркутскую губернию на 3 года. ⟨15 строк и одна страница⟩

I ⟨в. до н. э.⟩ ⟨2 страницы⟩

I ⟨в. н. э.⟩ ⟨2 страницы⟩

II ⟨2 страницы⟩

III ⟨2 страницы⟩

IV ⟨2 страницы⟩

---

^a описание начальных страниц и общей структуры «Тетради II» см. во вступительной статье, с. 292—293. ⁶ римские цифры, обозначающие века (с V до н. э. по XX н. э.), написаны синим карандашом в левом верхнем углу страниц. ^a «Материалы...» вписаны на с. 19—21, где были обозначены III и II века до н. э.

- V <2 страницы>
- VI <2 страницы>
- VII <2 страницы>
- VIII <2 страницы>
- IX <4 страницы>
- X 901—1000 <6 страниц>
- XI <6 страниц>
- XII <6 страниц>
- XIII <8 страниц>
- XIV <12 страниц>
- XV <20 страниц>
- XVI <20 страниц>
- XVII 1601—1610 <2 страницы>
- 1611—1620 <2 страницы>
- 1621—1630 <2 страницы>
- 1631—1640 <2 страницы>
- 1641—1650 <2 страницы>
- 1651—1660 <2 страницы>
- 1661—1670 <2 страницы>
- 1671—1680 <2 страницы>
- 1681—1690 <1½ страницы>

Петр I женится на Евдокии Лопухиной.¹ <1>

- 1689 г. Петр пишет брату Иоанну: «Царствие править самим». Петр единодержавен. (Петр I родился в 1672 г. 30-го мая). Софья сослана в Новодевичий монастырь. Шакловитый казнен.
- 1690 г. Лефорг Франц (швейцарец?) начинает оказывать влияние на Петра I. <2>
Когда Петр I ездил в Архангельск?

1691—1700

- 1691 г. Петр I едет на Переяславское озеро. <3>
- 1692 <г.> <3>
- 1693 <г.> <3>
- 1694 <г.> Умерла Наталья Кирилловна, мать Петра I. Вторая поездка Петра I в Архангельск (?) <2>
- 1695 <г.> Умер брат Петра I Иоанн V. Первый Азовский поход. <2>
- 1696 г. [На построенном] в Воронеже в одну зиму флоте русские, спустившись по Дону в Азовское море весною, через 2 месяца взяли Азов. Посылка молодых людей за границу — Англия, Голландия (учиться корабельному делу). <1>
- 1697 г. Петр I едет за границу. Саардам. <1>
- 1698 г. Стрелецкий бунт (когда?). Пострижение Евдокии Лопухиной. Петр возвращается из-за границы. История с патриархом Адрианом и иконой. Бороды.

Семеновский полк называется Семеновская лейб-гвардия. <1>

1699 г. Весною Петр I в Воронеже.
Умер Лефорг. <3>

1700 г. Первый день года 1 января. Летосчисление от Р. Х. Мир с турками. Азов и Таганрог — России.
Карл XII: Война со Швецией.
19 XI 1700 г. русские разбиты при Нарве шведами. Преображенцы и семеновцы не бежали, а дрались храбро в течение 3 часов.

‘Приложение к XVII веку.’ <10 страниц>

XVIII <в.> 1701—1800

1701—1710 ^д

1701 г. Шереметев фельдмаршал разбивает Шлиппенбаха (?) 1703?

1702 г. Осенью Петр берет Нотебург—Орешек—Шлиссельбург.

1703 г. Царь Вахтанг VI (1703—1724). [Кахетия? Карталиния?]. <1>

Весною 1703 г. (1 мая) взят Петром Ниеншанц и 16-го мая на месте его (скрытого Петром) заложен Питербурх. Петр нашел выход в море! На Котлине заложен Кронштадт.

На р. Свири стали строить корабли.

В этом году Шереметев берет Ям и Копорье (?) <1>

1704 г. Русские ° берут Дерпт и Нарву. <1>

1705 г. Петр I увидел впервые Марту Скавронскую (см. стр. 176)* <1>

1706 г. Восстание в Астрахани. <2>

1707 г. <3>

1708 г. Восстание на Дону. Булавин.

Летом Карл XII идет на Украину. Мазепа.

Поражение Левенгаупта.

История Кочубея и Искры.

1709 г. <1> 27 июня 1709 г. Полтавский бой. <1>

1710 г. Турция объявила Петру I войну. <2>

1711—1720 ^з

1711 Петр вторгается в Молдавию (война с Турцией).

Прутский мир (1711 г.?).

Учреждение Правительствующего Сената. <1>

^г—^г написано простым карандашом вверху страницы   ^а подчеркнуто красным карандашом   ^е было: Петр   ^ж вписано простым карандашом. В настоящем издании см. с. 335   ^з подчеркнуто красным карандашом.

- В 1712 г. большое крестьянское восстание в Кахетии, подавленное вооруженной силой.
- 1713 <1>
- 1714 25 VII шведский флот разбит при Гангуте.
- 1715 <1>
- 1716 <1>
- 1717 Петр I ездил в Париж.
- 1718 г. История Алексея, сына Петра I (см. стр. 176).^н
- 1719 г. Восстание крестьян в Карталинии и, кроме того, волнения (восстание) крепостных на церковных землях. Крестьянск(ие) восстания, хотя и подавленные, дали плод.
Вахтанг VI (1703—1724) отменил право первой ночи. Крестьяне были признаны собственниками своих земельных участков (?)
Петр I объявил перепись всего податного сословия.
- 1720 г. <1 страница>

1721—1730

- ^к1721 г. Ништадтский мир (со Швецией) 30 августа.^к
Петр I учреждает Святейший Синод.
Титул «Отца Отечества, Императора Всероссийского и Великого». <1>
- 1722 г. Петр I объявил персидскому шаху войну.
Табель о рангах. <1>
- 1723 г. Мир с Персией. Россия получает Дербент, Баку и друг(ое) <2>
- 1724 <2>
- 1725 г. Умер Петр I. 28 I (см. стр. 173).^л
<1 страница>

1731—1740

<2 страницы>

1741—1750

- 1741 г. В ночь на 25 XI Елизавета захватила русский престол. <1>
- 1742 г. <2>
- 1743 г. Мир со Швецией в Або. <2>
- 1744 ^м В Кахетии воцарился Ираклий II (воспитывался при дворе перс(идского) шаха Надира, был с ним в походе в Индию).
Величайшая храбрость. Впереди войск бросался на врага.

^н в настоящем издании см. с. 335   ^{к-к} эта строка повторена и зачеркнута на предыдущей странице тетради (под 1720 годом)   ^л в настоящем издании см. с. 335   ^м подчеркнута красным карандашом

Он начал увеличивать войско, вел борьбу с кавказскими горцами (?).

Ввел наказ, по которому беглые крепостные после 30 лет получали свободу. . . (слабое исполнение этого)

Рост книгопечатания и увеличение [открытие?] количества церковных школ.

〈6 строк и 1 страница〉

1751—1760

1751 〈2〉

1752 〈2〉

1753 〈4〉

1754 〈3〉

1755 В Москве открывается университет. 〈4〉

1756 Был основан первый русский театр (Волков?)

Семилетняя война (1756—1763). 〈1〉

1757 В Петербурге основана Академия художеств. 〈4〉

1758 Битва при Цорндорфе. 〈3〉

1759 Битва при Кунерсдорфе. 〈3〉

1760 Ираклий II объединил под своей властью Кахетию и Карталинию, а кроме того, покорил ханов (персидских) ганджинского и эриванского, заставил их платить дань. Чернышев взял Берлин (1760?)

1761—1770

1761 Умерла Елизавета Петровна. 〈2〉

1762 28 июня переворот — Екатерина II на престоле. Осенью она коронуется. 〈3〉

1763 〈3〉

1764 Летом Мирович пытается освободить Иоанна. 〈3〉

1765 〈15〉

1768 г. Нач〈алась〉 1-я война России с Турц〈ией〉. Россия в союзе с Грузией. Генер〈ал〉 граф Тотлебен Готлиб Генрих. Его неудачные действия в помощь Грузии. 〈2〉

1770 г. Грузины разбили турок в Аспиндзском сражении.

Соломон I, имеретинский царь, просит помощи. Опять Тотлебен.

Чума в Москве.

1771—1780

1771 〈1〉

1772 〈1〉

1773 〈1〉

1774 Кучук-Кайнарджийский мир. Слабость военной помощи от России, неисполнившиеся надежды на помощь финан-

совую заставляют Ираклия II "искать дружбы с Турцией, потом с Австрией и Францией. Тщетно. Обращается Ир(аклий) к России вновь (см. 1783 г.) <2>

1775

<3>

1776

<4>

1777

Родился Александр I (12 XII).

<1 страница>

1781—1790 <7>

1783 24 VII. В г. Георгиевске подписан русско-грузинский трактат — Гр(узия) независима во внутренних делах, а во внешних является вассалом (?) России (принимает покровительство России).

Покровительство ровно ничего не дало Грузии (см. 1795 г.)

<9 строк и 1 страница>

1791—1800 <15>

1795 г. Никакой помощи Россия Грузии не оказала, и персы, возглавляемые Аги-Магомет-Ханом,^o разгромили Ираклия II и, невзирая на отчаянную защиту грузинским войском, взяли и дотла разрушили и разграбили Тифлис. Ираклий I покинул Тифлис.

Причина разгрома: разъединение Грузии (?), феодальная система (?)ⁿ

1796 г. Скончалась Екатерина II 6 XI. 42-летн(ий) Павел I — император. Его отношение к войне... К революции... «чувствует нужду противиться всевозможными мерами неистовой Французской республике, угрожающей всей Европе совершенным истреблением закона, прав, имущества и благонравия». <4>

1797 г. Ага-Мохаммед вновь обрушился на Грузию, но был убит своими же слугами.

Павел I издал указ о барщине.

1798 г. Ираклий II умер; ему наследовал **Георгий XIII** [(XIII?!)] (1798—1800)], которому досталась разгромленная, обнищавшая страна (?). Он боролся с персами, призывая русских на помощь (см. стр. 183.)^p

1799 г. Итальянский поход Суворова (см. стр.)^c

1800 г. Возвращение Суворова в Россию (в начале 1800 г.).

ⁿ далее было: заставляют ^o над фразой вписано и обведено с чертой к слову Магомет: Мохаммед. С чертой к этому же имени вписано внизу страницы: отличался дикой жестокостью, производил, например, массовое ослепление пленников (Бр(кг), 45, 396) ^p фраза вписана внизу страницы и обведена ^r в настоящем издании см. с. 337 ^c пропуск в рукописи

Приложение к XVIII веку

Преобразования Петра I.² <1>

- 1) Деление России на губернии. <1>
- 2) Дворяне. <1>
- 3) Крестьяне (усиление зависимости от помещиков). <10>
- 4) Армия и флот. <8>
- 5) Промышленность и торговля. <4>
- 6) Образование. <5>
- 7) Петр — изобретатель гражданской азбуки. <1 страница>

История Марты Скавронской^{τ 3}

Дочь литовского крестьянина Самуила Скавронского (род. 5 IV 1684 г.). В Лифляндии служила у суперинтенданта Глюка. Получила воспитание. Вышла за шведского драгуна. По взятии Мариенбурга попала к Шереметеву. От Шереметева к Меншикову. С 1705 г. Петр I. В 1711 была с Петром в Прутском походе. Ее участие в переговорах.

Брак с Петром 19 II 1712 г. <1>

История Алексея, сына Петра I.⁴ <3>

Бежал за границу в 1716 году. В мае 1717 г.^y поселился в Неаполитанском замке Сент-Эльмо. Петр Толстой заманил Алексея в Россию. С отцом увиделся 3 февраля 1718-го. Был лишен права наследовать престол, ввергнут в тюрьму (?) Пытаем. [Приговорен к смерти] И погиб 26 VI 1718 г. (убит или умер?) <1 страница>

Башкирское восстание при Анне Иоанновне.⁵

С начала XVIII века башкирский народ почувствовал, что его земельные владения у него могут отнять. Русские все ближе подходили к земле башкиров [с севера,] строя все новые горные заводы.

Уже в 1724 году башкиров ограничили в праве владеть некоторыми лесными угодьями, объявив часть лесов заповедными.

В 1735 году начали строить город Оренбург,* что чрезвычайно взволновало башкиров. В том же году начались волнения среди башкиров, перешедшие в восстание, во главе которого стал Кильмяк-Абыз. Дело началось^x с нападения на драгунский пол <к>, в котором был убит офицер и 60 солдат и отбит полковой обоз.

Сведения о бунте башкир взволновали [бироновское] правительство в Петербурге, и было Сенатом и кабинет-министрами постановлено послать знатную и надежную <персону>, которая бы

---

* построение которого было поручено статскому^φ советнику Кириллову. Кириллов писал о киргизах и башкирах: «Никогда не следует допускать их в согласие, а в потребном случае надобно нарочно поднимать их друг на друга и тем смирать». *Примечание М. А. Булгакова.*

^τ написано красным карандашом   ^y было: 1716 г.   ^φ было: сенатскому

^x было: Началось дело.

сперва добрыми мерами, а затем, ежели потребуется, то и оружием усмирила башкир.

Этой знатной и надежной персоной оказался генерал Румянцев, который бунтующих [«воров-]башкир» в 1736 году беспощадно усмирил. Действовали по проекту того же Кириллова, который докладывал в Петербург, что самый удобный момент для усмирения — ранняя весна, ибо башкиры тогда голодны, а лошади их худы.

Воинские команды под начальством Румянцева и Татищева (см.)^к [строителя горных заводов] учинили [жестокий]^ч разгром башкирского народа,^м Кириллов писал, что башкир гнали как скот.

Было сожжено сотни^ш деревень, уничтожена мечеть, где совещались о восстании и целовали Коран башкиры, женщин и мужчин^з побиты тысячи две,^о казнено полтора ста. Кириллов доносил,^н что «...воры не знали, куда скрыться, ибо с самого начала подданства ни за которые бунты никогда такой казни и разорения не видали. По сему началу несомненная надежда есть, что сии плуты в совершенное подданство приведены будут».

^аПомимо мер кровавых русские^б применили и другие меры. Разрешено было русским скупать земли в Башкирии, а мещерякам, немногочисленному народу монгольского происхождения, было дано право собственности на те земли, которые они арендовали у башкир.

Однако первое нападение на башкир к покорности их не привело.^в Громадную роль в восстании башкир сыграл некий человек неизвестного происхождения, именовавший себя Каракасал и утверждавший, что он сын чжунгарского хана, вынужденный скитаться по чужим землям.^г Он стал во главе восставших башкир, и напрасно русское командование назначало награду за его голову.

Под его водительством [он принял титул Султан-Гирея] восстание вспыхнуло сильнее, чем раньше в 1739 (?) (см. Каракасал — Бркг.).

Подавить его удалось кн. Урусову лишь в 1740 году, причем погибло свыше 16 тысяч башкир, сосланы в разные места были 4000 тысячи,^д а 300 человек подверглись варварской казни, им обрезали нос и уши.

Несметное количество верблюдов, лошадей и рогатого скота было отнято у Башкир.

Каракасал бежал к киргизскому хану, выдан русским не был, собрал киргизов, пошел в Чжунгарию в поход, был разбит, и след его пропал.

^к пропуск в рукописи   ^л было: такой   ^м далее было: что   ^н было: 200
^з было: детей   ^о было: несколько сот   ^п далее было: что такой погром

^а начало абзаца было: Сопротивляться более башкиры не могли и стали изъявлять покорность   ^б далее было: для того, чтобы совладать   ^в далее было: и в 1740 году   ^г внизу страницы написано: Чжунгария   ^д так в рукописи

1801 г. Приказом Павла I Грузия присоединяется к Российской Империи.

Смерть Павла I; убит 11 III.

В Грузию начинают посылать русск<ие> войска, в управлении и судах вводится русский язык. Наихудшие представители русск<ого> чиновничества посылаются на службу в Грузию, лихоимцы и беззаконники (это признавали даже ревизоры-сенаторы), уничтожена автокефальность грузинской церкви. Школа русифицировалась. <1> Представители феодальной аристократии стремятся получить высшие должности, чины и ордена и награждения. [Симпатии мелкого дворянства русская власть завоевывала тем, что освобождала их от зависимости от князей и уравнила в правах с русск<ими> дв<орянами>.] Другая часть стремится восстановить своего собственного царя. См. 1812 г. и 1819 г.

Положение крестьян под властью помещиков становилось все хуже. Гнет увеличивался. Усиливалась крепостная система (см. БСЭ, 19, 570).

Помимо помещиков угнетало крестьян и государство воинскими постоями, подводной и дорожной повинностями. см. (1804 г. и 1809 г.)

1802 г. <1>

1803 г. <1>

1804 г. Крестьянск<ое> восстание в Мтиулетии (см. стр. 203).^е

Наполеон — император.

1805 г. Александр I в союзе с Австрией и Англ<ией> воюет с Напол<еоном> I (см.*

1806 г. Пруссия вступает в войну с Наполеоном.

1807 г. Тильзитский мир.

1808 г. Война России со Швецией (1808—1809).

1809 г. Восстание крестьян в Грузии (см. стр. 203).^з <1>

1810 г. Имеретинское царство упразднено (?! БСЭ) особым манифестом.

Первый опыт военных поселений в Могилевской губ<ернии>. (Творцом проекта был не Аракчеев, а Александр). <2>

1811—1820

1811 г. Большое крестьянское восстание в Кахетии. Истребили некоторые воинские отряды и помещиков. Подавление с жестокостью (см. 1841 г.)

1812 г. 12 июня 1812 г. Наполеон с 600 тыс. прекрасного войска перешел реку Неман. (Разноплеменный состав войска).

^е в настоящем издании см. с. 341

* так в рукописи

^з в настоящем издании см. с. 341

Барклай де Толли в Виленск(ой) губ(ернии). Багра-
тион в Гродненск(ой) губ(ернии). Смоленск.

26 августа Бородинское сражение.

1 сентября военный совет в Филях.

2 сентября войска русск(их) оставляют Москву.

Отступление французов. <2>

В Кахетии князя (тавалы?) подняли восстание.

Русск(ие) войска подавили (см. 1819 г.) <2>

1 янв(аря) 1813 г. русск(ие) войска пошли за границу. <2>
Гюлистанский мир. <2>

1814 г. В марте взят Париж. <1>

1815 14 сент. 1815 г. подписан устав Священного союза. <1>

1816 <2>

1817 <1>

1818 <2>

1819 г. В Имеретии и Гурии помещичье восстание (см.
1832 г.). <1>

1820 г. Александр отказывается от реформ.

Аракчеев.

Восстание в Семеновском полку.

1821—1830 <2>

1821 Александр Ипсиланти начинает восстание против турок.

1822 Волнения на Березовских золотых приисках, на заводах
Баташева во Владимирск(ой) губ. и на заводах Рас-
торгуева в Пермской (1822—1823), где рабочие захватили
в свои руки управление заводами.

1823 <2>

1824 7 XI Наводнение в Петерб(урге).

К концу царствования Александра I в разных губ(ер-
ниях), в том числе Херсонск(ой) и Екатеринослав-
ск(ой), 12 гренадерских полков, 6 пехотных, 16 кавалерийских и 2 арт(иллерийские) бригады.

1825 19 XI Александр скончался в Таганроге.

Декабристы (см. стр. 267).[»] <4>

1826 г. Николай I в войне с Персией. Елизаветполь. Эривань.
Паскевич. <2>

1827 Наваринский бой. <2>

1828 Война с Турцией (1828—1829). <3>

1829 Адрианопольский мир. <3>

1830 <3>

В ночь на 17 XI 1830 г. началось восстание в Варшаве.

1831—1840

1831 г. В военных поселениях Новгородской губ. бунт. <7>

1832 г. Представители высшей аристократии [в Грузии] устр(о-

[»] в настоящем издании см. с. 345. Подчеркнуто красным карандашом

или) заговор (изгнать русских). Раскрыт. Высланы в Россию. <1>

1833 г. Под руководством Сперанского был издан Свод законов Росс(ийской) Империи.

<5 строк и 1 страница>

1841—1850 <3>

1841 г. В Гурии крестьяне, восстав, захватили весь Озургетский уезд и держались четыре месяца. Требование уничтожить крепостное право. Войска в большом количестве стянули для подавления. <1>

1842 г. Издан приказ о полном подчинении Грузинских крестьян помещикам (см. 1857 г.). <23>

1848 г. Февр(альская) рев(олюция) в Париже. Восстание венгров. Николай I вмешивается в венгерские дела. <1>

1849 К августу 1849 г. Николай I подавляет венгерское восстание. <2>

1850 <2>

1851—1860 <2>

1851 <3>

1852 <3>

1853 Крымская война начинается. <2>

1854 г. <4>

5 X <18>54 г. началась осада Севастополя. <3>

1855 18 II 1855 г. Смерть Николая I.

27 VIII <18>55 г. взят Севастополь (союзники штурмом взяли знаменитый Малахов курган). <3>

1856 г. Уничтожены военные поселения (?) 1857?

26 VIII Александр II коронуется в Москве. [Последовали льготы: недоимки были сняты, объявлено на 3 года прекращение рекрутских наборов, и те из декабристов, что уцелели, а также участники польск(ого) восстания 1831 г. возвращены.]

Парижский мир (Турции взятый русскими Карс, а русским возвращен Севастополь. У русских отнята часть Бессарабии и отдана^к Молдавскому княжеству).

1857 г. В Мингрелии широкое крестьянское восстание (см. стр. 204).^л Комитет начинает обсуждать вопрос об уничтожении крепостн(ого) права. <1>

1858 г. Были открыты женские гимназии и прогимназии (раньше только институты и частные пансионы). <1>

1859 г. Шамиль взят в плен. <2>

1860 г. <1>

1861—1870

1861 г. 19 II 1861 г. уничтожено крепостное право. <5>

^к было: возвращена   ^л в настоящем издании см. с. 342

- 1862 г. <2>
 1863 г. Крепостное право отменено в Восточн<ой> Грузии. 17-го апреля указ об отмене телесных наказаний для уголовных преступников и пешеэтапного порядка. **Польское восстание** (см. стр. 276).^м
 1864 г. Недостатки прежних судов. Утверждены «Судебные Уставы», гласный суд, для уголовных преступлений суд с присяжными. Выборные мировые судьи и т. д. Земские учреждения.
Покорение западной части Кавказа.
 1865 г. Генерал Черняев взял Ташкент, хан кокандский признал свою зависимость от России. Голод в России.
 1866 г. <3>
 1867 г. Отменено крепостное право в Зап<адной> Грузии. <2>
 1868 г. Родился Николай II. <3>
 1869 г. <3>
 1870 г. <5>

1871—1880

- 1871 <3>
 1872 <3>
 1873 Война с Хивинским ханством. Хива взята. <3>
 1874 1 I манифест о всеобщей воинской повинности. <3>
 1875 Восстание сербов в Боснии и Герцеговине против турок. <2>
 1876 г. Кокандское ханство окончательно присоединено к России. Бухарский эмир. Самарканд (?) (Елп.) (когда?) <7>
 1877 12 IV объявлена война Турции. <4>
 1878 19 II в Сан-Стефано заключен мир. В июне берлинский конгресс.
 1879 <2>
 1880 Голод в России.^м

1881—1890

- 1881 г. Скобелев взял Геок-Тепе. Текинцы. Поход в безводной пустыне. Верблюды. <5>
 1 марта 1881 г. убит Александр II.
 2 марта на престоле Александр III.
 1882 Учрежден крестьянский земельный банк. <2>
 1883 Уничтожена подушная подать.
 15 мая Ал<ександр> III короновался в Успенском соборе. Его речь к крестьянским старшинам: «... не верьте вздорным и нелепым слухам и толкам о переделах земли, даровых прирезках и тому подобному».
 1884 <4>

^м в настоящем издании см. с. 346. Подчеркнуто красным карандашом   ^м рядом зачеркнут вопросительный знак

- 1885 г. Учрежден Дворянский Земельный банк.
 Единственное военное столкновение при Александре III —
с афганцами на берегах Кушки.
 «...вследствие занятия Мерва, Серакса и Памира и вас-
 сального подчинения Бухары...» (Елп.⁶).^o <3>
- 1886 <2>
 1887 <2>
 1888 В Томске открыт университет.
 Крушение у станции Борки 17 октября. <2>
- 1889 <2>
 1890 г. Учреждена должность земских начальников.

1891—1900

- 1891 г. Заложена 19 мая великая дорога.
 Франц<узская> военная эскадра пришла в Тулон.
 Дружба с Францией.
 Голод в России поразил 16 губерний с населением
 в 35 миллионов людей. <2>
- 1892 <3>
 1893 Русская эскадра пришла в Тулон. <3>
- 1894 г. <3>
 20 октября 1894 г. Ал<ександр> III скончался в Ли-
 вадии.
 21 окт<ября> на престоле последний царь Николай II.
- 1895 г. 14 мая Ник<олай> II короновался в Москве. <1>
 Ходынка. <3>
- 1896 г. <3>
 1897 г. <3>
 1898 г. <3>
 1899 г. <3>
 1900 г. <2>

Приложение к XIX веку "

В 1804 г. в Мтиулетии (в нагорной части Вост<очной>
 Грузии) началось **восстание крестьян**^p против помещиков. По-
 давлено?

Грузия ⁷

В 1809 г. **восстание крестьян**^c Ксанского ущелья против
 князей Эристовых. Перебили многих помещиков, вооружились,
выставили караулы в деревнях. Жалобы крестьян на князей
 звучат как вопль, «У нас отнимают последнее имущество, —
 говорили крестьяне, — лишают дневного пропитания!» Крестьяне
 требовали, чтобы безжалостные князья прекратили их невидан-
 ные притеснения. <1> **Подавлено?**

^o цитата отчеркнута на полях красным карандашом   ⁿ написано простым
 карандашом   ^p подчеркнуто красным карандашом   ^c подчеркнуто красным
 карандашом

1857 г. Восстание крестьян в Мингрелии против помещиков. (Предводители восстания крестьяне Уту Микава и Тодуа). Здесь дело доходило до того, что помещики похищали детей у крестьян и продавали их в Турцию.

Восставшие требовали уничтожения княжеского и дворянского сословия, потому что все люди братья. Восставшие требовали запрещения роскоши и ограничения торговых барышей.

И власти, усмирявшие восстание, отмечали влияние революционных идей Западной Европы (Запада), занесенных во время минувшей войны. (8 страниц)

XX (в.)

1901[†] (2 страницы)

1902 (2 страницы)

1903 (2 страницы)

1904 г. Правительство Николая II сделало попытки утвердить[‡] господство России в Маньчжурии и Корее.[§]

Еще в 1896 г. договор с Китаем, по которому России предоставлялось право строить железные дороги в Сев(ерном) Китае. Кроме того, в 1898 г. Россия взяла в аренду у Китая две южно-маньчжурские гавани Порт-Артур и Да-лян-ван (Дальний). Первые же попытки оккупировать Маньчж(урию) и Корею привели к столкновению с Японией. (1)

В ночь с 26 на 27 I 1904 г. без объявления войны японские миноносцы вывели из строя Бр(оненосцы) «Ретв(изан)», «Цесар(евич)» и крейсер «Пал(ада)». (2) Россия 27 янв(аря) объявила войну. [27-го же днем был погублен в гавани Чемульпо «Варяг».]

В правительственном сообщении было сказано, что русское общество должно «терпеливо ожидать грядущих событий, вполне уверенное, что наша армия заставит сторицею заплатить за брошенный нам вызов».

Страна была обманута, ибо грядущие события были печальны и позорны.

Начались поражения морские, а затем и сухопутные.

Осенью 1904 г. Куропаткин был разбит под Ляояном. В декабре 1904 г. японцы взяли Порт-Артур.

Выяснилось, что царская Россия не обладает никаким могуществом.

Неподготовленное совершенно офицерство,[¶] ничем не связанное с солдатской, не доверяющей ему массой. Исключительная бездарность генералов, авантюризм и казнокрадство; отсталое в техническом отношении государство.

[†] годы с 1901 по 1936 написаны простым карандашом   [‡] было: расширить
[§] далее было: в большинстве

1905 Девятое января.
^x [12 мая началась стачка Ив(аново)-Вознес(енских) текстилей.
 14 мая Цусима (см. стр. 265).^ч ^x
 В феврале 1905 г. в громадном сражении под Мукденом русская армия была разбита наголову, а в [14-го] мае 1905 г. случилось самое страшное. Цусима. Рождественский.
 Россия заключила мир в Портсмуте 23 VIII 1905 г. И вынуждена была отказаться от оккупации Монг(олии) и Кор(еи) и потерять половину острова Сахалина.

Революция.⁹

Что представляла собою страна?

- а) Тяжко эксплуатируемые рабочие, с длинным рабочим днем (до 11¹/₂ час.), с низкой заработной платой.
- б) Расслоенное крестьянство, задыхающееся под гнетом власти и разоряемое кулаками. Крестьянство имело только один выход — забрать земли у помещиков.
 Главной действующей [движущей] силой стал революционный пролетариат и крестьянство.

Главным вопросом был вопрос крестьянский: <1> (МСЭ), но «гегемония в революции принадлежала пролетариату». <2>

12 дней московского восстания, восстание шахтеров в Донском бассейне. Некоторые сибирские города были захвачены железнодорожниками и солдатами при возвращении с Дальнего Востока.

Новороссийск около двух недель был в руках рабочих.

Крестьянские волнения, начавшись в феврале, разлились по всей стране. Начались и произошли разгромы помещичьих усадеб в более чем 250 уездах. 2 тысячи дворянских усадеб были сожжены. Восстание крестьян в Гурии.

Причины поражения революции 1905 г. "[см. стр. 266.]" «Крестьяне действовали слишком распыленно, неорганизованно» (Ленин). Пролетариат, не имевший рев(олюционного) опыта, был также слабо организован и не сумел достаточно втянуть в революцию армию и флот.

1906 <2 страницы>
 1907 <2 страницы>
 1908 <2 страницы>
 1909—1910—1911 <2 страницы>
 1912—1913 <2 страницы>
 1914 <2 страницы>
 1915—1916 <2 страницы>

^{x-x} вписано сверху страницы ^{ч-ч} подчеркнуто красным карандашом.
 В настоящем издании см. с. 344 ^{ч-ч} вписано и подчеркнуто красным карандашом. В настоящем издании см. с. 344

- 1917 <4 страницы>
 1918 <2 страницы>
 1919^ш <2 страницы>
 1920 <2 страницы>
 1921 <6> На 25 II меньшевистское правительство Грузии бежало (?), уехало (?) из Тифлиса в Батум. Ревком Грузии вступил в переговоры, но меньш(евики), ведя переговоры, приготовились к эвакуации и покинули пределы СССР. <1^{1/2} страницы>
 1922 <2 страницы>
 1923—1924 <2 страницы>^ш
 1925—1926 <2 страницы>
 1927—1928 <2 страницы>
 1929—1930 <2 страницы>
 1931—1932 <2 страницы>
 1933—1934 <2 страницы>
 1935—1936 <2 страницы>

Приложение

1905 г. 9 января в Петербурге.

В феврале крестьянские восстания в Курской, Орловской губ(ерниях) (см. стр. 222).^з

Апр(ель,) май — III съезд (РСДРП).

12 мая стачка Ив(аново-)Возн(есенских ткачей).

14 мая Цусима <2>.

Летом <1> стачка в Лодзи и забастовки на ж(елезной) дор(оге).

«Потемкин Таврический» (в июне).

Стачка

Закон о созыве Думы (когда?).

В конце сентября стачка в Москве среди типогр(афских) раб(очих), затем ж.-д. рабочих. <1>

Всеобщая Октябрьская стачка. Возник Петерб(ургский) совет рабочих депутатов (за ним другие).

Манифест 17 X.

Погромы.

1905 г. В ноябре Шмидт.

В декабре **Таммерфорсская конференция**. <1>

В декабре Московское вооруженное восстание. Восстали рабочие с заводов и фабрик, ремесленники и домашняя прислуга.

Недостаток вооруженной силы (см. стр. 222).

(См. стр. 272).^ю

Национальное движение в Финляндии в 1905 году. <1>

^ш вверху страницы зачеркнуто: Приложение ^ш на второй странице начало записи: В августе 1924 г. в ^з подчеркнуто красным карандашом. В настоящем издании см. с. 343 ^ю в настоящем издании см. с. 343; 345. Первая сноска подчеркнута красным карандашом

Результаты революции 1905 года.
Чего достиг пролетариат? <1>
Чего достигло крестьянство? (МСЭ). <5>

Декабристы.^{п 10}

Крепостнические отношения в начале XIX века начали явно мешать промышленному развитию страны (см. БСЭ).^а

Возникла мысль об уничтожении крепостного права и связанная с этим мысль об уничтожении самодержавия. Мысль эта возникла и окрепла среди группы дворян военных, среди которых многие были гвардейскими офицерами. Уже в 1816 году образовалось тайное общество «Союз спасения». Несогласия между членами Союза привели к образованию в 1818 году «Союза благоденствия». Тот в свою очередь распался на два тайных общества Северное и Южное, во главе которого стоял Пестель, составивший проект конституции. По плану Пестеля надлежало произвести полное уничтожение крепостничества. Пестель предполагал свергнуть царствующий дом, казнить и царя и его родных и учредить демократическую республику.

14 декабря 1825 г. на Сенатской площади. <4>

На юге. <10>

Расплата Николая I была жестокой. Многие получили ссылку на каторгу в Сибирь или на поселение, пятеро были приговорены к четвертованию. Николай заменил четвертование повешением, и 13 июля 1826 года были в Петропавловской крепости повешены П. И. Пестель, П. Г. Каховский, К. Ф. Рылеев [Кондратий Федорович, бывший конный артиллерист, поэт, бывший в дружбе с Пушкиным, обаятельный человек. . . «Я не поэт, я гражданин . . .», «Я должен умереть и умереть смерти позорной . . .»], М. П. Бестужев-Рюмин, С. И. Муравьев-Апостол.

Страшнее всех расплатились солдаты восставших полков. Сквозь строй (некоторые через 1000 человек 12 раз). <2 страницы>

К стр. 266^б

Декабрьское восстание в Москве (БСЭ)¹¹

Момент для начала восстания был пропущен. Гренадерский Ростовский полк (солдаты) овладели винтовками и пулеметами, которые тогда только начинали вводить в армию. Но 4-го гренадеры прекратили сопротивление. Накануне был арестован в Петербурге Совет.

Восстание началось 7 XII (?) 10 XII рабочие вступили уже в перестрелку с войсками и начали постройки баррикад.

Рабочие были малочисленны. 500 человек железнодорожников, человек четыреста типографских рабочих. . . В общем число

^п подчеркнуто синим карандашом

^а было: МСЭ   ^б в настоящем издании с. 344

восставших не превышало 8 тысяч. Вооружение: бульдоги, смит-вессоны (Смит и Вессон), немного наганов и маузеров, винтовок мало.^в

Правительство ввело в действие артиллерию и драгун. Драгуны начали обстреливать баррикады.

В сумерки Пресня получила приказ строить баррикады. 10 XII в 4 час. дня. [Загremели топоры, телеграфные столбы, бочки, бревна, сани, ломовые телеги, ворота, перепутывали все это сорванной проволокой]. Дружина Пресни из нескольких сот человек, в распоряжении которых было несколько десятков винтовок. Пресненские рабочие дрались отчаянно и 12 XII сумели отбить у артиллеристов орудие.

Железнодорожники не сумели помешать, и из Петербурга в Москву прошел Семеновский гвардейский пехотный полк. 15 XII он появился в Москве, 16-го грохот начался в Москве; получивший подкрепление Дубасов сжал Пресню и начал громить ее артиллерией. 17-го восставшие были побеждены. 18-го утром исчезли последние баррикады в Москве. Восставшие потеряли около тысячи ранеными, около двухсот ^г [(?) (454?) (см. БСЭ 21, 61—62)] ^г убитыми, было убито и ранено около ста человек детей. <1>

Расправа. Дубасов, Мин, Риман. <1>

Меньшевики (вожди) относились отрицательно к революции 1905 года и, в частности, к московскому восстанию и утверждали, что рабочим не следовало братья за оружие, но Ленин говорил, что нужно было действовать более решительно и наступательно, и утверждал, что партия в 1905 году недостаточно знала тактику «отчаянного, смелого, бесповоротного и решительного наступления». <1 страница>

Польское восстание 1863 года.¹²

Ему предшествовал целый ряд манифестаций (наприм⟨ер⟩), годовщина Гроховского сражения — столкновение с войсками, убиты 5 человек).

[В 1862 г. назначен наместником Царства Польского Конст⟨антин⟩ Ник⟨олаевич⟩. Покушение Ярошинского.]

Начали организовываться тайные революционные кружки. 31 <18> 63 г. рекрутский набор; в списки внесли манифестантов. Это переполнило чашу. Во главе восстания стало временное народное правительство — ржонд народный, [состав которого менялся.] Восстание началось с нападений на русские гарнизоны в некоторых городах (Бркг.). Восстание приняло форму партизанской войны, [разлившейся и в Литве] (?). Разгар его был летом 1863 года.

Повстанцы не могли противостоять войскам русского правительства, и восстание было раздавлено. 5 авг⟨уста⟩ 1863 г. (?)

^в вверху страницы написано: Дубасов Грузинская дружина ^г — вписано со стрелкой к слову двухсот

были схвачены (?) и казнены члены последнего ржонда — 4 человека.

В 1864 г. восстание кончилось. Погибло несколько десятков тысяч повстанцев, было убито и ранено свыше 3 тысяч русских. Было повешено около 2 т(ысяч) человек. Эмиграция. <1>

После восстания: русский язык сделан обязательным в администрации и учебных заведениях. Польша была разделена на 10 губерний. <1>

Крестьяне —^д

ТЕТРАДЬ III

Черновик.¹

Чувствуя приближение смерти, Петр I [в начале шестого часа утра 28 января] велел подать себе бумагу и начал писать на ней. Но лишь только он вывел уже непокорною рукой слова «Отдайте всё...», сознание покинуло его, и окружающие воли его узнать не могли. Возник вопрос о том, кто будет наследовать Петру. Собравшиеся приближенные Петра вступили в спор, так как вопрос был неясен. Князья из знатных московских родов, во главе с Дмитрием Голицыным, стояли за малолетнего Петра Алексеевича — сына Алексея, а другая группа вельмож, возглавляемая энергичным Меншиковым, настаивала на том, что право на российский престол принадлежит вдове Петра Екатерине.

Споры были прерваны тревожным барабанным грохотом. К дворцу, где умер Петр, подошли Преображенский и Семеновский полки, которые привел Меншиков.^а Гвардия оказалась на стороне Екатерины, и Екатерину провозгласили императрицей российской.

Безвестная некогда дочь крестьянина Скавронская заняла престол, но на деле это означало, что власть в государстве полностью будет принадлежать Александру Меншикову, влияние которого на Екатерину было очень велико.

Происхождение Александра Даниловича Меншикова плохо известно. В молодости он, по некоторым сведениям, проживал в Москве и зарабатывал себе пропитание тем, что продавал на улице пироги.

Но бывший пирожник отличался громадной энергией, острым практическим умом. Попав вначале в услужение к Лефорту, затем к самому Петру, Меншиков обнаружил очень большой военный талант. После битвы под Полтавой Меншиков^б получил чин генерал-фельдмаршала.

^а рукопись обрывается; до конца тетради 40 чистых страниц

^б далее было: Сочувствие гвардии оказалось ^б далее было: был сделан

Меншиков был талантлив, но беспринципен и жаден. Во все время своей деятельности он обкрадывал казну, брал взятки, грабил даже помещиков, сидевших на смежных с его землями.^в

Теперь при Екатерине этот человек подошел к самому истоку власти. В России он стал первым временщиком. Близкие к престолу вельможи учли, к чему приведет влияние Меншикова, и, желая ограничить его власть, добились учреждения Верховного Тайного Совета, в состав которого вошло всего несколько человек, в том числе Дм. Голицын. Совет явно ограничивал власть императрицы, потому что она обязалась указов^г без ведома Совета не издавать. Сенат и Синод подчинены были Тайному Совету.

Совет ограничил Екатерину, но Меншикова ему ограничить не удалось, и фактически он правил Российским государством.

Одним из важных действий Верховного Совета следует признать его мероприятия относительно крестьян. Положение крестьянства в то время было ужасно. Неурожай несколько лет подряд совершенно разорил их, и подушная подать становилась нестерпимо тяжелой. [Крестьяне голодали, многие из них бежали в Польшу и Запорожье.] Совет разработал вопрос о снижении подушной подати с 74 коп. до 70 коп. (в год?)^д и об уплате части ее натуральными продуктами. Помимо этого, Совет разработал проект сокращения количества чиновников в губерниях и уменьшения им жалования (?).^е

Все эти меры [принесли ли пользу крестьянству? Проводились ли в жизнь?] <2>

Помимо этого, следует отметить, что в царствование Екатерины I была открыта Академия наук в конце 1725 года.

Кроме того, при Екатерине I было постановлено восстановить на Украине гетманство, против которого яростно боролся Петр I в конце своего царствования. Совсем недавно в 1722 году он учредил «малороссийскую коллегию» под председательством бригадира Вельяминова (русского?).* <2>

Цель Петра, болезненно вспомилавшего измену Мазепы, была избавиться вовсе от гетманщины. Украинцы тем не менее боролись энергично и упорно и послали челобитчиков к Петру просить разрешения выбрать гетмана. Царь челобитчиков во главе с полковником Полуботком заключил в Петропавловскую крепость, где Полуботок умер.

При Екатерине правители стали опасаться, что украинцы могут взбунтоваться, <2> и решили сделать им некоторые «удовольства и приласкания».^з С этой целью были уменьшены подати на Украине, решено было разрешить выбрать гетмана, а в суды ввести только украинцев.

^в так в рукописи   ^г далее было: помимо   ^з подчеркнуто красным карандашом
^д знак вопроса подчеркнут красным карандашом   ^е рядом помета красным карандашом   ^з рядом помета красным карандашом

Все эти постановления при Екатерине выполнены не были. 6 мая^н 1727 г. Екатерина скончалась. Еще при жизни ее дальновидный Меншиков уговорил Екатерину назначить наследником малолетнего Петра, сына Алексея, и он был провозглашен императором.

12-летнего мальчика Меншиков [немедленно] перевез в свой дом [на Васильевском острове,] следил за ним, не спуская с него глаз, добился обручения его со своею дочерью, получил от императора-мальчика чин генералиссимуса [13 V получил генералиссимуса, 25 обручение Петра II с дочерью Меншикова]. Казалось бы, что не будет предела возвышению Меншикова.^к

Первыми же действиями Тайного Совета было разрешение назревшего украинского вопроса. Опасение войны с Турцией заставляло облегчить положение украинцев.

Решено было малороссийскую коллегия уничтожить, гетманское достоинство восстановить, русским запретить покупать земли на Украине, чтобы «малороссиянам не было учинено озлобления».

В июле того же года был подписан указ о выборе гетмана. Но тайному советнику Наумову, отправляемому на Украину, была дана тайная инструкция, чтобы гетманом непременно был избран старик Данило Апостол, а светлейший князь Меншиков от себя прибавил к этой инструкции, чтобы ни в коем случае не допускать выбирать в сотники и на иные должности евреев.^о

1 сентября в Глухове на майдане торжественно был избран гетманом Апостол, миргородский полковник.

А через несколько дней после этого разразилась катастрофа, и Меншиков погиб.

Его усиление стало ненавистно врагам его, во главе которых было семейство князей Долгоруких. Им удалось вызвать в упорном и упрямом подростковом возрасте ненависть к властному Меншикову. 8 сентября к Меншикову явился майор гвардии с объявлением ему ареста на дому. Старый сподвижник Петра I, мечтавший, как шептали, о короне российской, упал без сознания. Ему пустили кровь, он пришел в себя, пытался сделать все, что мог, для своего

---

^н было: В мае   ^к далее было: Но семейство князей Долгоруких сумело повлиять на подростка, посеять в нем недоверие к всеильному временщику. Подросток приказал Меншикову покинуть Петербург и уехать в Рязанскую губернию.

Враги временщика добились обвинения Меншикова в лихоимстве^л и немедленного ареста его. Всю жизнь почти Меншиков удачно спасался от суда, но на этот раз спастись ему не удалось. Он был^м лишен чинов, орденов, имения его были отняты, и он с семьей был сослан в Сибирь, в город Березов, где и умер вскоре^п.

Долгорукие между тем прилагали все усилия для того, чтобы не выпустить из своих рук подрастающего царя.   ^л далее было: и отдачи его под суд   ^м далее было: судим   ^п рядом помета красным карандашом   ^о внизу страницы запись: Лифляндия и сейм — см. Соловьев, кн. IV, 1052

спасения. Но ничего не достиг. Он был лишен чинов и орденов [и выслан в Рязанскую губ.], и 10 сентября, когда уже начинались сумерки, в нескольких каретах шестернями выехал всесильный недавно временщик в сопровождении семьи в черной одежде.^п Поезд этот сопровождал отряд гвардии.

Через некоторое время Долгорукие добились того, что Меншикова из Рязанской губернии отправили в Сибирь, в город Березов. Там он и умер.

Долгорукие, заполучив в свои руки Петра II,^р перевезли его в Москву (9 I 1728 г.) и оказались еще хуже Меншикова. Петр II объявил себя совершеннолетним, <5> но править он, конечно, не мог. Остерман отстранился от его воспитания. Долгорукие стали занимать его охотой и развлечениями.

Украина продолжала добиваться своих прав.

В 1728 г. Апостол подал прошение царю об этом. Ответ был дан и назывался решительными пунктами. Суд должен был состоять из выборных лиц. В состав генерального суда вошли под председательством гетмана трое русских и трое украинцев, все сборы, которые были наложены малороссийской коллегией, отменялись, и оставлены были только те, которые существовали при гетманах. <3>

Долгорукие в конце 1729 года устроили обручение Петра II с одной из своих княжен. Но планы Долгоруких остались неосуществленными: в январе 1730 года Петр погиб, заболев оспой.

И тут на престоле государства Российского появилось новое лицо: на смену подростку пришла женщина.

Члены Верховного Совета решили посадить на престол Анну Иоанновну, вдову герцога Курляндского. Курляндская область, населенная народами финского и литовского племен, <5> издавна была колонизирована немцами. В XVII веке в Курляндию вторглись шведы.^с При Петре I шведы покинули Курляндию, и с того времени она находилась под русским влиянием, управляясь курляндскими герцогами.

Анна Иоанновна, дочь Иоанна, брата Петра I и была той, которую верховники избрали.

Но они поставили будущей императрице два условия: во-первых, серьезно ограничить ее власть. Так, Анна без согласия Верховн<ого> Сов<ета> не только не могла начинать войну, не только не назначать никаких новых податей, не только у дворянства без суда «живота, имения и чести» без суда не отнимать, но даже не производить никого самостоятельно в чины выше полковничьего.

Второе условие было другого рода и заключалось в том, чтобы Анна ни в каком случае не привозила с собой в Россию некоего Эрнеста Иоанна Бирона, курляндского дворянина, слу-

^п было: в трауре
красным карандашом

^р далее было: добились отлучения

^с фраза отчеркнута

жившего при дворе Анны Иоанновны, о котором было прекрасно известно, что он является невенчанным мужем Анны.

Оба условия Анна приняла и оба нарушила. Бирон прибыл в Россию к великому впоследствии горю русского народа, а собравшиеся по приезде Анны в Россию дворяне — противники властолюбивого Верховного Совета упростили⁷ Анну царствовать самодержавно. На что та согласилась в высшей степени охотно и собственноручно разорвала условие, <3> подписанное Анной в городе Митаве. Это означало, что самодержавным властителем при Анне, не отличавшейся никакими государственными способностями, стал этот, которого недаром опасалась русская знать, Бирон.

[Верховный Совет просуществовал недолго, был уничтожен, а многие из русских знатных были сосланы.⁸ Кабинет из трех человек].

Первые же годы царствования Анны ознаменовались войнами.

Приготовления к ней повел военный инженер по образованию, состоящий в русской службе по договору еще со времен Петра I генерал Бурхард Христофор Миних.

Ему было поручено устройство и реформы в русской армии. Миних ввел порядок в гарнизонных и армейских полках, увеличил гвардию, сформировав⁹ пехотный Измайловский полк, [переименовав драгунский полк] в полк Конной Гвардии, основал сухопутный кадетский корпус, а на Украине двадцать полков **украинской милиции**.¹⁰ Большие тяжести военных приготовлений пали прежде всего на Украину. При короновании Анна решила дать облегчение украинцам и сократила количество стоявших постоем на Украине русских [кавалерийских] полков до шести. Однако вслед за тем начались великие тяжести для украинского народа. Миних с целью защиты от крымских татар и турок начал громадные окопные работы с возведением крепостей от Днепра до Дона. На эти работы были ежегодно посылаемы до 30 000 украинцев. Многие погибали <3> на этих тяжелых работах.

В 1733 году Россия, а с нею и Украина были втянуты российским правительством в войну с Польшей из-за того, что Россия решила противодействовать избранию на польский престол Станислава Лещинского. Русские войска, к которым была присоединена армия в 20 000 украинских казаков, взяла город Данциг, вынудив к бегству Лещинского.

А в 1735 году началась война с Турцией.

Причины ее были в желании российского правительства отнять у Турции северный берег Черного моря.

Для этого пришлось начать с уступок Персии, чтобы держать ту на своей стороне, и вернуть ей все, что завоевал Петр I на берегах Каспийского моря, то есть и Дербент, и Баку. Что и было сделано.

⁷ было: уговорили   ⁸ рядом помета красным карандашом   ⁹ было: введя в нее   ¹⁰ подчеркнуто красным карандашом

Затем под водительством Миниха был предпринят поход в Крым, в царство крымское, бывшее в вассальной зависимости от Турции.

После первых неудач и чудовищных трудностей Миних достиг в 1736 году Перекопа. Русские были подавлены видом укрепления. Оно оказалось в полном порядке. Тянулся верст на семь ров с крутейшей стеной, переходящей в вал, а на валу башни. Перекоп защищали турецкие янычары отчаянно.

Но русская пехота, руководимая⁴ фельдмаршалом,⁴ бросилась в ров летом. Втыкая пики и рогатки, поползла по почти отвесной стене на вал. Пока передние плутонги лезли на вал, задние плутонги били бешеным огнем по валу. Через головы пехоты била артиллерия. Перекоп был взят. Русские колонны бросились в Крым. Конница, донские казаки и гусары пошли вперед, захватили у татар несметное количество баранов, свиней. Пополненная армия ожила, взяла Бахчисарай, причем разъяренные солдаты зажгли его.⁵

Что же делал Бирон в то время, пока шли войны?

Русский народ попал в ужасное положение. Бирон презирал и холодно жестоко относился к нему. Со времен Петра I за крестьянством накопились крупные недоимки, достигшие суммы в несколько миллионов рублей. Бирон с неслыханной жестокостью стал выбирать эти недоимки. Застонала русская земля. [Тщетно даже губернаторы и воеводы доносили в Петербург, что народ будет разорен]. Бирон изобрел такой способ. Он послал военные отряды в города и деревни с приказом сажать в тюрьмы и цепи самих воевод и помещиков, если они не добьются уплаты от крестьян. Можно себе представить, с какой невероятной жестокостью стали выколачивать из крестьян недоимки. ⁶ [Началось бегство крестьян, а с ними иногда и помещиков. Несколько сот тысяч беглых к концу Анны (?)].⁷ У крестьян продавали скот, отнимали лошадей, последний скарб, разоряли до нитки, догола. Отчаянные крестьяне стали ударяться в бег. [Распорядился доимочным приказом сам Бирон].

Возмущение и ропот пошли по земле. Тогда Бирон широко развил сеть шпионов, наушников, доносчиков. Людей хватили по одному доносу, они попадали в руки знаменитого начальника канцелярии тайных розыскных дел.⁸

Возмущение Бироном шло до самых верхов, но борьба с ним была немыслима.

Фаворит, получивший в первые же дни своего появления в России должность обер-камергера, награжденный вслед за тем высшими орденами, в 1737 году стал курляндским герцогом.

⁴ далее было: безжалостным. ⁴ рядом помета красным карандашом
⁵ рядом вписано: Башкирское восстание (красным карандашом) и (см. тетрадь II, стр. 178) — подчеркнуто красным карандашом. В настоящем издании см. с. 335
⁶—⁷ вписано на полях ⁸ внизу страницы вписано и отчеркнуто красным карандашом: Башкирский бунт 1735 г. (Сол(овьев)) и случаи возмущения крестьян против помещиков, заговор на жизнь Затрапезного — владельца полотняной фабрики Ярославской (Бркг.).

Для того, чтобы это сделать, Анна двинула в Курляндию [русские] войска.^ю <3>

Чем же занималась императрица Анна в это время?

Двор украсился необыкновенной пышностью. За этой пышностью, очень безвкусной, скрывалась грязь и грубость нравов.

Анна занималась беседами с монахами, посещала богослужения. В то же время благодаря грубому вкусу наряду с балетом и итальянской оперой при дворе завели многочисленный штат шутов и шутих, причем в этих должностях перед нею кривлялись два князя (Волконский и Голицын).

Занималась стрельбой в цель, содержала псарню, увлекалась охотой.

Война с турками продолжала греметь. Миних (в Бессарабии) при Ставчанах разбил в 1739 года 28 августа турецкого сераскира Вели-Пашу. Но война не принесла ничего России. Австрия не оказала, будучи союзницей России, никакой помощи. В 1739 году в Белграде был заключен мир. <3> Россия получила кусок степи между реками Днепром и Бугом, и турки обязались срыть Азов.

Война стоила: 100 000 русских [и украинских]^а солдат, погибших в боях и от дизинтерии и цынги, [и привела к полному разорению крестьян и опустению деревень].

В 1739 году Анна велела устроить ледяной дом на Неве, где с шутовской церемонией была совершена свадьба шута Голицына с калмычкой Бужениновой.

В 1740 году кабинет-министр Волынский, вступивший в распрю с Бироном, был им погублен. После жестоких пыток он был казнен. Это было летом, а в октябре 1740 г. умерла Анна. <5>

* *

Швеция, отправившаяся после войн с Петром I и подкрепленная золотым займом у Франции (?) (Бркг.), желая возвратить то, что было отвоевано у нее Петром I, в 1741^а году объявила России войну.

Русская армия, руководимая генералом Ласси, иностранцем, состоящим в русской службе, двинулась в поход против шведов.

[Русский] манифест о войне со шведами был подписан^б императором Иоанном. Примечательно то, что лицу, подпись которого стояла под манифестом, [от роду] было в момент подписания ровно 1 год и 1 день.

Какой младенец и почему подписывал манифест?

Припомним: у царя Алексея Михайловича был сын Иоанн. У этого Иоанна — дочь Екатерина Иоанновна. Ее выдали замуж за герцога Мекленбур-Шверинского Леопольда, причем у нее родилась дочь Анна Леопольдовна, Анну Леопольдовну выдали

---

^ю рядом помета красным карандашом   ^а рядом помета красным карандашом
^а было: 1740   ^б далее было: со стороны Рос(сии)

замуж за принца Антона Брауншвейгского, и от брака родился Иоанн Антонович.

В жилах ребенка, как видите, не было почти никакой русской крови. Тем не менее Анна, умирая, назначила его наследником престола. Манифест 41 года был писан, конечно, не рукою неграмотного и несчастного впоследствии ребенка, <5> а от его имени действительными правителями России.

Регентом при Иоанне VI младенце Анна назначила Бирона. Бирон, чувствуя всю трудность своего положения, начал с того, что сделал попытку привлечь к себе симпатии русского народа.^б Было издано постановление, объявляющее снижение подушного оклада на 17 копеек, было объявлено прощение преступникам, за исключением убийц и разбойников и расхитивших большие казенные деньги.^г Были оказаны милости, даны подачки некоторым сановникам и видным людям, причем 360 рублей получил избитый Волынским придворный поэт В. Третьяковский.

Всё это ни к чему не привело. Против Бирона все больше нарастало озлобление в гвардии. Окончательный удар Бирону нанес фельдмаршал Миних, решившийся на военный переворот. Бирон регентствовал только 3 недели. В начале ноября он был арестован гвардейцами по указанию Миниха вместе с его приверженцами, ввергнут в Шлиссельбургскую крепость, вскоре судим, причем ему предъявлен был [длинный] ряд тяжких обвинений — захват регентства обманным путем, желание^а овладеть русским престолом и, наконец, «малослыханные жестокости». Бирона приговорили к смертной казни, но он был помилован Анной Леопольдовной и сослан в город Пелым в Тобольскую губернию.

Правительницей стала при малолетнем Иоанне Анна Леопольдовна. Она обнаружила не только полную неспособность к управлению, но и нежелание заниматься государственными делами. Она предпочитала проводить все время за карточной игрой. Короткое время правления Анны Леопольдовны стало временем интриг, борьбы за власть у трона, попытками вельмож свалить ставшего первым в империи Миниха. Естественно, что не много было сделано для государства Анной Леопольдовной.

Отмечен был историей лишь регламент, пытающийся урегулировать работы на суконных фабриках. Регламент устанавливал 15-часовой рабочий день для рабочих, наивысший оклад рабочему 50 рублей в год, разрешал фабрикантам подвергать рабочих телесному наказанию, но не кнуту и не ссылке в каторжные работы.

Изне война. Незадолго до регламента русские войска под водительством Ласси под Вильманстрандом (на территории Финляндии) разгромили шведов.^е Но Анне Леопольдовне не пришлось кончать эту войну.

^б далее было: Был выпущен манифест, в котором объявлялось, что помета красным карандашом

^а далее было: утвердить захв(ать)ть)

помета красным карандашом

^г рядом

^е рядом

В то время как правили Анна Иоанновна и Анна Леопольдовна, в России жила Елизавета Петровна, дочь Петра I. Она была чрезвычайно популярна в гвардии, все более ненавидевшей немцев, окруживших российский престол.

В 1741 году в ночь на 25 ноября Елизавета решилась на отчаянное действие. Она явилась в казармы Преображенского полка в первую гренадерскую роту и сказала <4> солдатам о своем намерении занять принадлежащий <ей> престол. Она встретила полное сочувствие у преобразенцев и с их помощью в ту же ночь арестовала Анну Леопольдовну с мужем и детьми и Миниха и Остермана.* Дворцовый переворот был бескровен. Немецкие временщики не встретили поддержки и защиты. Помогал Елизавете в перевороте лейб-хирург Лесток, француз, состоящий в русской службе.

Переворот был встречен благоприятно. Манифест, выпущенный на следующий же день, доказывал, но туманно права Елизаветы на престол, туманно потому, что в этой родственной путанице возле престола трудно было доказать что-нибудь ясно.

Анну Леопольдовну с семьей отправили в ссылку в Холмогоры,* Остермана, Миниха, Головкина и других в Сибирь. <1>

Одним из первых дел Елизаветы было награждение той [роты] Преображенского полка, которая ее возвела на трон. Офицеры ее получили генеральские чины, солдаты [зачислены в дворяне, им даны были деревни]. Сержантов произвели в полковники, а капралов в капитаны. Рота получила название лейб-кампании. <1>

Деятели, которыми окружила себя Елизавета, были русские, а особенно близок к ней был ее мorganатический муж украинец Алексей Григорьевич Разумовский,³ с которым она тайно повенчалась в 1742 г. В 1744 году граф Римской империи.

Внешней политикой руководил канцлер Бестужев-Рюмин." <1> Лесток, возведший Елизавету на престол. <3> *

Начало" царствования Елизаветы отмечено было ликвидацией башкирского восстания и борьбой с чукчами и коряками в Охотске, которые яростно восставали против русской власти.

Кабинет в царствование Елизаветы был уничтожен, а Сенату была возвращена и сила его и значение. Сенат сделал возможное для борьбы с беспорядками, которыми отличалось ведение дел в коллегиях и в провинциальных городах.

Синод развил большую деятельность в царствование Елизаветы, и деятельность эта была вредна для государства и направлена на уничтожение просвещения. Так, Синод всеми мерами протестовал против ввоза из-за границы книг без цензуры, повел

---

* Описать Остермана раньше. *Примечание М. А. Булгакова.*

^ж рядом помета красным карандашом ³ внизу страницы написано: Разумовский Алексей. Башкиры. Разумовский Кирилл. Румянцев. * рядом помета красным карандашом ^к напротив пропущенных строк помета красным карандашом ³ было: Сами начала

беспощадную и неумную борьбу с раскольниками и вместо того, чтобы действовать мерами убеждения,^м боролся с раскольниками силой. Против них посылались военные команды, а фанатики раскольники, не желая исповедовать навязываемые им обряды, иногда сжигали себя целыми группами.

Синод боролся против открытия церковных школ. <2>

Так обстояло дело в России.

Из внешних дел надлежит отметить мир со Швецией, заключенный в Або в 1743 году. Русские, победившие шведов, получили новые земли в Финляндии. <1>

* * *

В Грузии [в Кахетии] на три года позже Елизаветы Петровны воцарился царь Ираклий II. Воспитывавшийся при дворе персидского шаха Надира, Ираклий отличался большими военными способностями и великой храбростью. <1>

* * *

Елизавета в 1750 году дала Кириллу Разумовскому звание гетмана Малороссии. Сын бедного украинца казака, в детские годы бывший пастухом на родине, [в отроческие годы учившийся за границей], получил графский титул, [в 1746 году звание президента Академии наук, а в 1750 г.] судьбы Украины <4> были даны ему в руки. [Президенту Академии наук] — 18 лет.

Кирилл поселился в Глухове, где зажил как царь, окружив свою резиденцию величайшей пышностью.

Пользы Украина от гетманства Кирилла не получила никакой. «Он стал пользоваться своею властью для обогащения своих родственников» (Бркг.) (Как обогащал? Земли?) <2>

В 1755 г. в Москве был открыт Университет [и гимназии две]. В 1756 году учрежден первый в России [драматический] театр, во главе которого стали первый и знаменитый актер того времени Волков и другой — Дмитревский. Вообще просвещение постепенно начало просачиваться в Россию.

Начинает сказываться с устранением <3> немцев влияние французское. [Стали выписывать учителей французов.] Распространяется среди знати и дворян знание французского языка.

Это время отметить тем, что появились начатки русской литературы.

Уже в 1747 году Сумароков Александр Петрович обратился к президенту Академии Кириллу с просьбою [о разрешении] напечатать его трагедию «Хорев».^н В своем прошении Сумароков говорил, что печатать свое произведение он желает только для того, чтобы служить чем может своему отечеству. Трагедия была напечатана, а сам Сумароков действительно послужил и много

---

^м далее было: взывал к светской власти

^н подчеркнуто красным карандашом

сделал для развития просвещения в отечестве и для возбуждения любви <4> в русских к театру и литературе. Пьесы Сумарокова игрались при дворе и в кадетском корпусе, а с образованием настоящего театра он был сделан директором его.

То время, которое мы описываем, было отмечено появлением другого человека, значение которого для отечества необыкновенно высоко.

Его звали Ломоносов Михаил Васильевич.²

Сын крестьянина из Холмогор Архангельской губернии Ломоносов рано выучился грамоте, причем мачеха препятствовала ему в этом, и он должен был прятаться и из-за страстного желания учиться терпел, по его словам, стужу и голод. Он бежал (?) в Москву, попал в школу, изучил латинский язык, пиитику, риторику и философию.

Имед один алтын (3 копейки) в день на жизнь, одну денежку (полкопейки) тратил на хлеб, полкопейки на квас, остальное на бумагу и одежду. Так впроголодь жил пять лет, но «наук не оставил».

Великие способности Ломоносова были причиною того, что его отравили за границу оканчивать образование.

В Германии Ломоносов занимался математикой, химией, физикой, [металлургией,] философией и стал увлекаться поэзией, сочиняя торжественные оды.

По возвращении в Россию Ломоносов был сделан адъюнктом физики в Академии наук, затем профессором химии.

Разносторонность этого человека поразительна. Он перевел на русский язык физику Вольфа, издавал латинские диссертации (?) (Бркг.). В 1748 году устроил химическую лабораторию, сочинил первую на русском языке риторику. В то же время писал стихи, причем знание русского языка у него было выше, чем у Тредиаковского и Сумарокова, и стихом он владел лучше.

Он основал фабрику мозаики и бисера, сочинил Российскую Грамматику. Нужно отметить, что он, непрерывно проповедуя пользу и необходимость просвещения для своего отечества, со всею силою и страстью, свойственной ему, воевал за право низших сословий на образование.

Таков был этот великий человек, русский ученый. И многие из современников его в тот век, когда просвещение только начинало озарять страну, ценили его ° и Шувалов писал о нем стихи, где говорил, что Ломоносов «... открыл природы храм богатым словом Россов, пример их остроты в науках Ломоносов».

В то время, когда действовал Ломоносов, Сумароков, Шувалов. . . <1>

грубость нравов. . .

Роскошь. . . <3>

В то время как дворянство России усваивало привычки западноевропейские, а высшие слои привыкали к роскоши, в то

° пропущено полстроки

время как чиновничество России было разъедаемо взяточничеством, положение крестьянства было чрезвычайно тяжело.³ <5>.

Из десятилетия в десятилетие XVIII века продолжает укрепляться и развиваться крепостное право [и продолжается отнятие у крестьян их гражд(анских) прав]. Указ 1726 года отнял у крестьян право свободно отправляться на промыслы. Через несколько лет появился указ, запрещающий крестьянам заниматься подрядами. Через 10 лет после этого (в 1741 г.) крестьяне были устранены от присяги государю. В 1747 году⁴ было разрешено помещикам продавать крестьян и дворовых людей [кому угодно] для отдачи в рекруты.

В дальнейшем последовало разрешение помещикам ссылать своих крепостных в Сибирь.

Таким образом, помещик становился <4> полным владельцем крестьянина, превращающегося постепенно в совершенно бесправного помещичьего раба. <1>

В 1756 году рабовладельческая Россия вступила в войну, известную в истории под названием Семилетней войны. Правительство решило воевать, имея в качестве союзников Австрию и Францию, против Пруссии, в которой царствовал Фридрих II.

Россия напала на Пруссию (?), причем фельдмаршал Апраксин, имея в составе своего войска казаков и отряды калмыков, <1> произвел громадное опустошение в восточной Пруссии и разбил прусское войско при Гросс-Эгерндорфе, но вынужден был отступить из Пруссии, объясняя это плохим снабжением армии. Апраксин был отдан под суд, и война пошла при других полководцах. Один раз Фридриху удалось разбить русских при Цорндорфе в 1758 году, затем Фридрих был разбит при Кунерсдорфе, и положение его стало отчаянным. Генерал Чернышев в 1760 году дошел до Берлина и взял его, но вынужден был оставить его.⁵ <1>

Фридрих II, вынужденный⁶ отбиваться на три (? А Швеция?) стороны, попал в очень тяжелое положение, и казалось бы, что война должна России дать новые земли, но на самом деле война не принесла ничего. Потеряла же Россия в борьбе с Фридрихом несколько десятков миллионов рублей золотом и несколько сот тысяч солдат.

Дело в том, что в 1761 году⁷ Елизавета Петровна умерла, и русский престол перешел к сыну голштинского герцога Петру-Ульриху на том основании, что он был сыном Анны Петровны, дочери Петра I.

Петр-Ульрих вступил на престол под именем Петра III, и царствование его было чрезвычайно кратковременно. Оно продолжалось⁸ около полугода. Петр III отличался малым развитием, любовью ко всему военному, при этом любовью, носившей характер какого-то ребячества, страстной привязанностью ко всему прусскому.

³ далее было: помещикам   ⁴ рядом помета красным карандашом   ⁵ далее было: в борьбе на три   ⁶ было: 1861 году   ⁷ далее было: ров(но) один год

Начал он с того, что ^ф прекратил войну против Фридриха и отказался от завоеваний России в Пруссии. <2> Вскоре после занятия престола выпустил указ, освобождавший дворян от обязательной службы, и второй — об уничтожении тайной канцелярии.

Такие указы ^х должны были вызвать к Петру III симпатии русских. Но этого не случилось. Будучи по всему складу своему и вкусам немцем, Петр III восстановил против себя гвардию, начав производить в войске реформы на немецкий лад, вызвал, кроме того, к себе ненависть русского духовенства своими распоряжениями о закрытии домашних церквей^а и столкновениями с Синодом.

[Петр III прекратил преследование раскольников, дал разрешение вернуться тем из них, которые бежали в Польшу.]^ч

Трагическая гибель Петра III не замедлила последовать.

Женат был Петр III на немке же, принцессе Ангальт-цербстской [Софье-Августе], принявшей православие и имя Екатерины [Алексеевны]. Эта женщина отличалась большим умом, склонностью к изучению наук, пытливым вниманием к русской жизни. Вкусы Петра III и Екатерины совершенно не сходились, и жили они в неладах, постепенно перешедших в ненависть взаимную.

В противоположность Петру Екатерина сумела стать чрезвычайно популярной в гвардии.

Когда Петр, приглашавший на службу немцев, раздражавший всех формированием голштинских батальонов, окончательно оттолкнул от себя русские военные круги, Екатерина, опираясь <2> на близкий к ней круг русских гвардейцев, бесшумно и хитро подготовила переворот.

Во главе его стали гвардейцы братья Орловы и несколько других гвардейских офицеров, которые уже успели подготовить в стоящих в Петербурге полках множество сторонников Екатерины.

В лето 1762 года и именно 28 июня Петру III был нанесен решительный удар.

На рассвете гвардейцы вывели Екатерину из Петергофа в Петербург. Она явилась в казармы гвардейских полков. Там ее приняли восторженно. В тот же день она была провозглашена самодержицей и войска присягнули ей.

В тот же вечер она стала во главе войска, которое отправилось брать Ораниенбаум, где находился Петр III. Но не произошло никакого кровопролития, так как Петр, которому не на кого было опереться, за исключением своих голштинцев, сопротивления оказать не мог, пал духом и подписал свое отречение 29 июня.

Он был отправлен в Ропшу под надзор Алексея Орлова и через неделю примерно этим же Орловым якобы в пьяной ссоре убит.

---

^ф далее было: от дальнейшего участия в Семилетней войне отказался   ^х далее было: казалось бы   ^а далее пропущено полстроки и помета красным карандашом   ^ч фраза вписана внизу страницы

Так началось одно из самых примечательных царствований в России, царствование Екатерины, именуемой Второй. (7)

* * *

Во время описываемых событий в России, в Грузии и именно в Кахетии воцарился Ираклий II. В юности он получил воспитание в Персии при дворе шаха Надира и принимал участие в походе этого шаха в Индию.

Ираклий II отличался большим военным талантом и храбростью.

Он начал увеличивать кахетинское войско и вступил в борьбу с кавказскими горцами.¹¹¹ К 1760 году Ираклий объединил под своею властью Кахетию и Карталинию, а кроме того, покорил ханов ганджинского и эриванского, заставив их платить дань.

Действия Ираклия II не ограничивались одними войнами, и из дел внутренних надлежит отметить указ, по которому беглые крепостные крестьяне после тридцати лет получали свободу. Этот указ, представляющий некоторую попытку облегчить положение крестьян, в жизнь проводился очень плохо.

При Ираклии II был в Грузии отмечен рост книгопечатания и открытие новых церковных школ.

* * *

Государство Российское, доставшееся Екатерине II, находилось в очень тяжелом положении. Семилетняя война истощила государственную казну. [Кредит России за границей был плох. Сенат вел свои дела беспорядочно и медленно, губернаторы дурно исполняли распоряжения центральной власти, и вся Россия страдала от неимоверного взяточничества чиновников.

По всей России, вспыхивая то там, то здесь, происходили крестьянские волнения, иногда принимавшие грозный характер.]¹¹²

Екатерина начала с того, что прервала приготовления к бессмысленной войне с Данией, которую затевал Петр III, покончила миром войну семилетнюю. (2)

Одним из ценных качеств Екатерины было умение выбирать себе опытных или умных, или талантливых советчиков и помощников во всех областях государственной жизни.

Внешнюю политикой Екатерина занялась сама, пользуясь помощью и советами графа Никиты Ивановича Панина, назначенного управляющим коллегией иностранных дел.

Громадное влияние на Екатерину во внутренних делах оказывали заговорщики 28 июня, возведшие ее на престол, то есть братья Орловы, получившие³ Григорий — титул князя, а Алексей — графа и всевозможные материальные блага.

Граф Григорий Орлов был первым¹⁰ из тех, кто составил цепь фаворитов Екатерины II.

Григорий Орлов был невенчанным мужем Екатерины.

¹¹¹ рядом помета красным карандашом   ¹¹² Кредит России ~ характер
вписано на полях   ³ далее было: графские титулы   ¹⁰ было: главным

В 1763 году была учреждена «медицинская коллегия» для образования русских врачей ^а [и воспитательный дом в Москве].^а

Первое потрясение, которое пережила царица Екатерина, произошло в 1764 году, когда ^а [обедневший украинский дворянин]^а подпоручик смоленского пехотного полка Мирович Васил(ий) Яковл(евич), человек честолюбивый и, кроме того, дурно настроенный против самой Екатерины, вследствие бесплодных попыток добиться возврата наследственных имений, решил освободить из Шлиссельбургской тюрьмы Иоанна Антоновича VI и объявить его государем. Иоанн, сын Анны Леопольдовны, не видел свободы никогда: до 1756 года он был в ссылке в Холмогорах, а в 1756 году переведен в Шлиссельбург, причем никто и никогда к нему не допускался. ^б [Он томился в заключении без имени. «Известный арестант»].^б

Мирович, взбунтовав гарнизон^в ^г [при помощи подложного манифеста],^г вздумал овладеть арестантом, но тюремное начальство, действуя по строжайшей и тайной инструкции, где было сказано, что если кто-либо захочет этого арестанта взять, то^д «... арестанта умертвить, а живого никому его в руки не отдавать», убили Иоанна. Мирович же был казнен.

[В 1764 году крестьяне, числящиеся за монастырями, были изъяты у монастырей и переданы в ведение особой коллегии экономии. Экономические крестьяне.

В 1764 году учреждены кадетские инженерный и артиллерийский корпуса и Смольный Институт.]^е

В 1765 году (1 VIII) была введена откупная система для продажи вина (см. Бркг. 46, стр. 731). <5>

Россия существовала, не имея свода законов* кроме того, который был составлен под именем Уложения при Алексее Михайловиче.

Екатерина составила комиссию для выработки нового уложения,⁴ причем сама составила для этой комиссии Наказ. Это было в 1767 году. Любопытно отметить, что властительница крепостной страны в тот период времени находилась под влиянием французских писателей и философов, в том числе знаменитого Вольтера.

Идеи,³ заключающиеся в известном сочинении [француза Шарля] Монтескье,^н [занимавшегося специально исследованием законодательств древних и новых стран],^н «Дух законов, получили отражение в Наказе Екатерины.

Екатерина полагала, что России свойственен только один вид правления — монархический самодержавный, а всякий другой был вреден и разорителен.

^{а-а} вписано на полях

^{а-в} вписано на полях

^{б-б} вписано на полях

^в было: караул

^{г-г} впи-

сано на полях ^д далее было: «... захотел арестанта у вас взять, то онаго никому не отдавать»

^е В 1764 году крестьяне ~ Смольный Институт вписано на полях, рядом с концом фразы помета красным карандашом

^ж далее было: со времен

^з начало фразы было: Отражение / Известное сочи(ение)

^{н-н} вписано на полях; рядом помета красным карандашом

Затем Екатерина высказывала ряд либеральных и гуманных мыслей, касающихся наказаний за преступления, причем она восставала против жестоких наказаний, против применения пытки^к [и указывала на то, что самым надежным средством для улучшения людей является распространение просвещения и правильная постановка воспитания. Основой воспитания она считала обязательное обучение детей закону Божьему.]^к Екатерина призвала к тому, чтобы законы были написаны языком ясным, понятным каждому.

Выборные люди, которые должны были составлять уложение, познакоившись с Наказом, выразили полное восхищение им и просили Екатерину принять титул «Великой Премудрой Матери отечества».

Затем, разбившись на комиссии, выборные начали работу над уложением.

Крайне неприятное впечатление на российское правительство произвели украинские депутаты, вызванные для составления Уложения. Выяснилось, что и простые казаки, и старшина украинская, и мещане, и селяне, и духовенство — все единодушно были настроены отстаивать автономию Украины, ее права и привилегии. Все старания графа Петра Румянцева, стоявшего во главе «Малороссийской коллегии», направленные к тому, чтобы выбрать подходящих депутатов, успехом не увенчались, и Григорий Полетика — выбранный произнес ряд пылких речей в защиту вольности Украины. Но украинцы не добились ничего, и правительство российское твердо^л стояло на том, чтобы в отношении Украины следовать своим «непреклонным решениям».

Комиссия Уложения не составила, хотя и работала, разбившись на малые комиссии, в течение нескольких лет.

Одной из причин этого было то, что произошли^м внешние события, вовлекшие страну в целый ряд войн.

Началось с вмешательства России в дела Польши.^{5н} [В описываемое время Польша — Речь Посполита^о — находилась в состоянии очень большого беспорядка. Королевская власть, ограниченная, пришла в упадок. Сейм с 1569 года избирал короля, сейм же и ограничивал королевскую власть. Король не имел права без одобрения сейма издавать новые законы или объявлять войну. На сеймы собирались дворяне Польши, делившиеся на две группы, к первой принадлежали лица знатных и богатейших фамилий, так называемые магнаты, ко второй — мелкое дворянство, зависящее экономически от магнатов.

С ограничением королевской власти, по сути дела, Польша превратилась в страну, которой именно правили магнаты. На

---

^{к-к} вписано на полях   ^л далее было: решило   ^м было: начались   ^н далее было: Со стороны той части населения, которое исповедовало православную веру, то и дело поступали жалобы, обращенные к России, на то, что православных в Польше притесняют, преследуют их за религиозные их убеждения и не дают таких прав, как католическому населению.   ^о рядом помета красным карандашом

сеймеⁿ существовал порядок, при котором каждый из голосовавших мог заявить «не позволю» по какому-нибудь из вопросов, после чего решение не могло быть принято, так как оно должно было быть единогласным. Таким образом, любой из участников сейма — магнат или группа шляхтичей, зависящих от магната, — мог сорвать любой сейм, иногда руководясь совершенно недобросовестным побуждением или интригой. И это случалось не раз.

Политическая неурядица на сеймах полностью отражалась в стране. Магнаты враждовали между собою,* увлекая за собою шляхту.^p Та чинила обиды городскому бедному населению.

Католическое население враждовало с православным и еврейским.

Государственный порядок был надломлен]^c.

В 1763 году умер польский король Август. Предстояло избрание нового на сейме. Под давлением России, [угрожавшей военной силой.] был избран [в 1764 году] на польский престол Станислав-Август из фамилии Понятовских, друг Екатерины II, находившийся под сильным влиянием России.

За год до избрания [белорусский] православный [архи]епископ Георгий Конисский обратился к Екатерине с жалобой на притеснения православных в Польше и Литве.^r А такие притеснения были.

Подавляющая^y масса шляхты исповедовала католическую религию, причем^ф препятствовала в постройке новых [православных] церквей и даже запрещала ремонтировать старые.

Одновременно с этим католическая церковь стремилась к полному подавлению и слиянию с собой церкви так называемой униатской. Униатами назывались православные, сохраняющие обряды православия, но принадлежащие не к православной церкви, а признающие над собою власть римского папы.

Помимо православных подвергались притеснению и протестанты. Как тех, так и других (диссидентов, то есть иначе мыслящих) не только ограничивали в их религиозных правах,^x но и в политических, запрещая занимать общественные должности.

Россия вступилась за православных, а Пруссия за протестантов.

^вВ 1767 году русский посол Репнин потребовал от сейма прав для диссидентов. Католическая и резко настроенная против России партия оказала этому решительное сопротивление.^ч Репнин, который еще раньше этого ввел в Варшаву русские войска,^ш

ⁿ было: А так как

* В случае если были недовольны королем или решениями сейма, собирали партию, составляли союз-заговор, объединение («конфедерацию») и иногда пускали в ход вооруженную силу. *Примечание М. А. Булгакова* ^p рядом помета красным карандашом ^c текст В описываемое время Польша ~ был надломлен *вписан на полях* ^r рядом помета красным карандашом ^y было: шляхетская ^ф далее было: православным ^x фраза отчеркнута на полях красным карандашом ^ч начало фразы было: На сейме ^ш начало фразы было: Тогда ^ш далее было: силой

захватил вожakov католической партии и отправил их в Россию.

Сейму пришлось уступить вооруженной силе. Католическое исповедание было признано господствующим, но православные получили права.

Часть магнатов и шляхты, недовольная королем, составила конфедерацию <1> в Баре с целью свергнуть с престола Понятовского.

Тут Россия вступила на путь войны, и русские войска обрушились на конфедератов.

Начало борьбы русских с конфедератами совпало с восстанием гайдамаков под предводительством Железняка (Зализняка) и Ивана Гонты.

Гайдамаками назывались казаки, силою восстававшие против существующего в Польше порядка^ш [притеснений, которые шляхта чинила беднейшим слоям крестьян]^щ и для этого собиравшиеся в вооруженные отряды. Собственно состав <3> гайдамаков был пестрый, кроме украинских казаков, в число гайдамаков входили и крестьяне, и городские мещане, и русские солдаты, и донские казаки.

В 1768 году гайдамацкое движение приняло грандиозную форму.

[Максим] Железняк, запорожский казак по происхождению, был послушником в одном из монастырей.

Когда притеснения православного населения со стороны шляхты и насилия со стороны Барских конфедератов,^з [которые требовали от крестьян провианта, корму для коней и денег]^з вызвали возмущение крестьян, Железняк поднял восстание. К нему сбежались толпы народа, вооруженные чем попало, косами, вилами, а иногда и просто дубинами, и Железняк двинулся к Умани, громя и зажигая польские поместья, истребляя ксендзов, шляхтичей и еврейское население.

Польские магнаты держали команды так называемых надворных казаков. Сотником в уманском отряде надворных казаков был Иван Гонта. Гонта должен был отразить Железняка, подходившего к Умани, но соединился с ним, после чего гайдамаки обложили Умань. Поляки сделали отчаянную попытку защитить Умань. Умань была обнесена валом, перед которым был...^ю В Умани были пушки.

Но гайдамаки взяли город, причем ярость восставших вылилась в поголовной резне осажденных, в которой не пощадили ни женщин, ни детей.

От Умани восстание должно было кровавым потоком разлиться по польской Украине. <2> ^а Но тут вмешалось в дело правительство России.^а

---

^{ш-щ} вписано на полях и отчеркнуто красным карандашом   ^{з-з} вписано на полях   ^ю пропуск в рукописи   ^а нижняя часть листа (с. 65/66) вырезана

^а было: русские власти

Генералу Кречетникову, сражавшемуся в то время с конфедератами, был прислан приказ уничтожить гайдамаков.

Донской конный^б полк под командой Гурьева подошел к стану Железняка. Гурьев для того, чтобы овладеть предводителями [гайдамацкого] восстания, пустил в ход вероломство. Предложив Железняку и Гонте вступить в союз против конфедератов, заманил Железняка, Гонту и казацких старшин на пир <3> <и> схватил и<х> предательски. Подошедшая на помощь донцам Гурьева пехота захватила весь лагерь гайдамаков.

Лишенное предводителей, восстание было подавлено. Железняк [взятый русскими властями], поплатился истязаниями и ссылкой в Сибирь, а Гонта был выдан Польше. Казнь его была зверской. С него живого снимали полосами кожу. Он вынес мучения с неслыханной стойкостью, не издав ни одного стона.

Когда один из офицеров панцырной хоругви,^в караулившей Гонту перед казнью, попросил у Гонты на память о нем что-нибудь, Гонта обещал ему пояс. Когда палачи приступили к мучениям, офицер напомнил о своей просьбе, и Гонта сказал ему, что, когда палач снимет первую полосу, офицер может взять ее себе на память в виде пояса.

[Части] тела четвертованного Гонты были выставлены в разных городах Украины на виселицах.

Несколько сот восставших были посланы^г на крепостные работы, некоторые повешены.

[Память о Гонте долго жила среди украинского народа.]

Австрия и Франция с тревогой смотрели на то, как Россия распоряжается в Польше. Они направили свои усилия на то, чтобы склонить Турцию к войне с Россией.^б

Повод к войне нашелся. Запорожцы напали на пограничное селение Балту (польско-турецкую?).

Россия была объявлена турецким султаном война. Таким образом, России пришлось воевать на два фронта — в Польше и с Турцией. Россия заручилась тогда помощью Грузии.

Война пошла для турок крайне неудачно. Главнокомандующий русской армией Румянцев <2> в 1770 году разбил в Молдавии сто-тысячное войско крымского хана, а затем еще более многочисленное турецкое войско. На помощь Грузии Россия послала под командою генерала Тотлебена^а небольшой отряд, который не оказал грузинам серьезной помощи [как Кахетинскому Ираклию II, так и Соломону I Имеретинскому]. Несмотря на это, в том же 1770 году грузины наголову разбили турок в Аспиндзском бою.

В то же время русский флот направился к берегам Греции, которая восстала против турок.<6>^е

В Хиосском проливе* русский флот под командою Алексея

^б было: кавадерийский   ^в далее было: присутствовавший при казни   ^г было: сосланы   ^а рядом помета красным карандашом   ^е напротив пропущенных строк помета красным карандашом   * далее было: и в бухте Чесме

Орлова начал бой с флотом турецким. В бухте Чесме³ блестяще действовали и сожгли весь турецкий флот при помощи брандера," [который сцепился с 84 пушечным кораблем и был причиной пожара всего тур<ецкого> флота]." <5>

В то время пока русские армии сражались в Польше и с Турцией, страну постигло бедствие.

Из Молдавии на юг России была занесена страшная заразная болезнь — чума, которая проникла в Москву.⁷ В распространении ее сыграло большую роль суеверие народа. Полагая, что от страшного мора его может избавить икона Богородицы на Варварских воротах, народ толпами стал стекаться к ней, чтобы служить молебны. Зараженные чумой в толпе были причиной того, что страшная болезнь стала косить население Москвы. Архиепископ Амвросий, приказавший убрать икону, был убит взбунтовавшейся толпой, которая [после этого] кинулась громить Кремль. Начальству пришлось пустить в ход войска.

Усмирять московский мятеж был послан Григорий Орлов.

Убийцы Амвросия были повешены.<5>

В 1771 году армия под начальством Долгорукого заняла Крым.<2>

Военные действия против польских конфедератов продолжались.

Следует отметить, что во время этих^к действий стал выдвигаться военный, приобретший впоследствии славу полководца, равного которому не было в русской истории. Этот военный никогда и никем не был разбит.

Его звали Александр Васильевич Суворов.

Происходил он из военной семьи и вследствие хилого своего сложения был [родителями] предназначен для службы гражданской. Но неудержимое влечение его с юности к военному делу победило, и он начал свою службу рядовым в Семеновском полку.

Подвигаясь по служебной лестнице, Суворов рано обнаружил необыкновенные военные способности, в частности прекрасное умение обращаться с солдатами, среди которых стал чрезвычайно популярен. Он участвовал в бою при Цорндорфе, во взятии Берлина, затем командовал пехотными полками и в чине полковника был послан против поляков, которых разбил в нескольких сражениях, а в 1772 году взял Краков.

[Конец] конфедератов приближался. Пруссия и Австрия с большим беспокойством следили за действиями России в Польше и в конце концов заняли некоторые польские области: Пруссия — Померанию, Австрия — Галицию.

Терзаемая беспорядком Польша не могла сопротивляться, и в 1773 году произошел так называемый первый раздел Польши, по которому Пруссия <4>^а, а Россия получила Белоруссию. <11>

* *

³ начало фразы было: Русские адмиралы Спиридов и Грейг; рядом на полях вписана дата: 1770 г. ^а — вписано на полях ^к было: них ^а напротив пропущенных строк помета красным карандашом

В XVIII веке, когда Россия непрерывно вела внешние войны, положение крестьян из году в год становилось все тяжелее. При всех правительствах этого века с крестьян без пощады взыскивали тяжкие^н подати.

Власть помещиков росла все больше и больше. И подати и недоимки [крестьянские] правительству должны были сдавать помещики, отчего, конечно, их власть над крестьянами разрасталась неудержимо.

А так как^н в законах не существовало <5> точного указания [о том,] где, собственно, пределы этой власти, то пределов ей и не было. Крестьяне XVIII века были, по сути дела, бесправными холопами помещиков. Крестьянин был бессилен. Его могли переселить с одной земли на другую, сдать в военную службу, продать. Крестьянин был бессилен, но в сознании его мысль о том, что он не бесправный раб в государстве, а подданный этого государства, жила вечно, и ничто не в состоянии было эту мысль вытравить.

Всякие изменения в законе, касающиеся помещиков-дворян, вызывали надежды крестьян, что их положение будет изменено к лучшему. Так, например, указ 1762 года, позволивший помещикам служить или не служить, <5> был истолкован крестьянами как подающий надежды, что и их участь будет облегчена, ибо они считали, что повинны нести помещичьи тягости лишь потому, что помещик служит.

[Также ждали они в 1764 г., когда крестьян у монастырей отобрали в казну, что и у помещиков их отберут.]

Но изменений никаких не произошло.^о <1>

Тогда, когда терпение крестьян истощалось, то там, то здесь в отечестве происходили крестьянские волнения, возмущения и бунты, подавляемые с величайшей жестокостью. Так длилось до тех пор, пока в семидесятых годах не произошли события...

В Приуральском крае, когда начали строить заводы, к ним в полное распоряжение заводчиков приписывали крестьян, которые свои подати должны были отрабатывать на этих заводах.

Условия, в которые были поставлены <1> эти приписные горнозаводские крестьяне, были очень тяжелы. Их заставляли работать сверх меры, и вообще заводчики стремились к тому, чтобы превратить их в крепостных, что и было, конечно, на самом деле.

Заводчики, например, с 1763 года получили право, подобно помещикам, ссылать провинившихся на поселение в Сибирь. <2>

Невыносимые условия очень часто вызывали волнения и бунты среди горнозаводских крестьян. <2>

Давно, давно, еще с половины XVI века по побережью реки Яик (Урал) стали селиться беглые из подмосковных мест крестья-

^н было: тяжелые   ^н было: И хотя   ^о далее было: Если и производились

не, солдаты, спасающиеся от солдатчины, выходцы с Дона, люди, совершившие преступления, голытьба, мечтающая о вольной жизни.

Масса этих людей осела за Яиком, получив название заяицких казаков. Вольности их стала стеснять царская российская власть еще со времен Петра I. Раньше они сами выбирали атамана себе и старшину, а теперь их стало назначать правительство. Их заставили нести гарнизонную службу. За право ловить рыбу в Яике пришлось платить деньги в казну, причем старшины обирали бедную часть казачества.

В 1772 году разразилось [казацье] возмущение и кончилось тем, что генерал Траубенберг, посланный для разбора казачьих дел, был убит.

Вспышка была подавлена с неимоверною жестокостью военной силой. <3>.

Виновных казаков забивали до полусмерти кнутом, вырывали им щипцами носовую перегородку,^п клеймили, ссылали, разгоняли по армейским полкам. [Кроме того, наложили на заяицких казаков громадный штраф денежный.]

В 1772 году волновалось заяицкое войско, было озлоблено до последней степени. <3>

Одновременно с этим происходили сильнейшие волнения и среди башкирского народа. Причиной их была постройка на территории Башкирии многих заводов, под которые <3> отбирали башкирские земли, в том числе и лесные угодия. Кроме того, произвол и насилия царской администрации и попытки духовенства насильственно обращать башкир в православную веру.

Возмущение башкир привело к новому восстанию в 1755 году, когда башкиры <4> соединились с киргиз-кайсаками <6> для общей борьбы против русских.

Русским пришлось пустить в ход не только военную силу, но и поселить раздоры между башкирами, с одной — и мещеряками и тептерями, с другой стороны.

Восстание 1755 года удалось подавить, силы башкир были сломлены, но башкиры не успокоились. <2>

Дело с калмыцким народом обстояло также неладно. Русские сделали попытки ограничить власть хана калмыцкого. Это привело к тому, что в 1771 году калмыки^р в количестве около 170 тысяч человек при 33 тысяч(ах) кибиток снялись с мест и ушли в Азию, стремясь в Джунгарию.

Русские послали за ними военные отряды, но преследование было неудачно. К преследованию хотели привлечь и заяицких казаков. (привлекли?)... <3>

Волновались чуваши и черемисы. <4>

Раскольники, хотя в описываемое нами время правительство русское их уже не преследовало, настроены были крайне неприязненно к правительству (?). <2>

^п рядом на полях вписано: Вспомнить Наказ   ^р далее было: те, которые кочевали за Волгой

Таково было состояние юго-востока, того края, в котором жили... <2>

Осенью^c 1772 года под Яицким Городком, впоследствии переименованном в Уральск, на постоялом дворе, называвшемся Таловый Умет, остановился погостить человек лет тридцати с лишним.

Содержал постоянный двор Степан Оболяев, по прозвищу Еремина Курица.

Гость рассказал Ереминой Курице о том, что он выходец из Польши, купец. А Еремин-Курица, словоохотливый, добродушный и доверчивый человек, поведал гостю все горести яицких казаков.

Тут гость сказал хозяину, что он имеет проект, как переселить яицких казаков с Яика на Кубань, где они отдадутся под власть турецкого султана. При этом гость добавил, что может повести казаков и выдать каждому семейству по 12 рублей. Деньги^f же у него есть. На юге у него на Кубани на 200 тысяч спрятано товару. То, что говорил гость о товаре и о том, что он выходец из Польши, было неправдой.

Гостя звали Емельяном Ивановичем Пугачевым, и был он донским казаком, во время походов [в Пруссию, Польшу и Турцию] дослужившимся до чина хорунжего.

Жизнь Пугачева была исполнена приключений и бедствий. Бежав с Дона, он попал на Терек. Там за попытку стать атаманом терских казаков был схвачен, посажен на цепь и сумел бежать. Был вновь на Дону и опять был схвачен, и опять бежал. Долго скитаясь, попал, наконец, к яицким казакам.

Проект переселения понравился Еремину-Курице, и он познакомил гостя с некоторыми казаками. И с ними Пугачев побывал в ноябре 1772 года в Яицком Городке.

В Яицком Городке, где ходили странные слухи о том, что Петр III жив и где-то скрывается, Пугачева осенила мысль, и он объявил казакам, что скрывающийся Петр III и есть он сам.

Один человек предал Пугачева, его арестовали, отвезли в Казань, посадили в тюрьму, из которой Пугачев бежал, напоив одного из конвойных пьяным, а другого сманив с собой.

Летом 1773 года Пугачев опять оказался у своего друга Оболяева в Таловом Умете. Морясь с ним в бане, показал ему оставшиеся от какой-то <то> *накожной* болезни знаки на груди и объявил, что это царские знаки.

Оболяев поверил, и как искра побежал меж яицкими казаками слух об явившемся Петре III.

Слуху этому казаки хотели страстно верить, и в Умет явились казаки знакомиться с Петром III.^g

Пугачев же обещал им желанные права на волю. Обещал, что

---

^c было: К концу лета ^fрядом палатки красным карандашом ^gдалее в рукописи зачеркнут текст Поверили ли они ~ прижмули к нему, который приводится ниже, в месте, предназначенном для него М. А. Булгаковым.

будут казаки владеть и сенными покосами^ф и рыбными ловлями на Янке безданно и беспошлинно и солью будут торговать беспрепятственно.

После этого свидания с казаками Пугачева едва не схватили, ^х [когда он отправился в Малыковку] ^х, но ему удалось спастись, и был арестован лишь Еремин-Курица. После этого у Пугачева^ц под Таловым Уметом состоялось свидание второе с казаками, в числе которых были Чика Зарубин и Шигаев.

Поверили ли они, что этот чернобородый (?) казак и есть Петр? Нет. Не поверили. Но их влекла страстная мысль о том, что кто бы он ни был, он стал бы во главе их и повел для того, чтобы бороться с ненавистной властью помещиков, дворян и жестокой администрацией. Они надеялись, что Пугачев вернет им вольность и права. И они согласились признать Пугачева императором и примкнули к нему.

Они примкнули, и часть их отправилась подымать Яицкий Городок и запастись знаменами, а сам Пугачев с другими в степи к Узени.

Войсковое начальство проведало о том, что готовится, и послало на р. Усиху отряд, чтобы поймать Пугачева. Но он ускользнул.

В степи 17 сентября 1773 г. казаком Яковом Почиталиным был написан первый манифест Пугачева. (18)

И Пугачев во главе своего немногочисленного отряда пошел к Яицкому Городку. Первые подали о себе весть киргизы и прислали Пугачеву подарки от киргизского^д Нур-Али-Хана.

По дороге отряд Пугачева разрастался. Яицкий Городок обошли, пошли к Илецкому Городку. По дороге брали форпосты, тут уже захватили пушки. Илецкий Городок сдался добровольно, и горожане вышли к Пугачеву крестным ходом.

Крепости брали одну за другой, в них были слабые гарнизоны. Офицеры делали попытки защищать крепости. Взяв в плен, их предавали смерти.

Страшен Пугачев^ш стал после взятия крепости Татищевой, где взял хорошую артиллерию, деньги, провиант. (3)

Две дороги лежали перед ним к Оренбургу и к Казани; если бы он пошел на Казань, неизвестно, что было бы дальше и как тряхнул бы Пугачев Екатерининским царством. Казань не была защищена, а слухи о движении императора как огонь бежали среди крестьян. Но казаки толкнули Пугачева идти к Оренбургу, и он осадил его.

По мере того, как двигался Пугачев, он рассылал манифесты [и указы], направленные и национальным меньшинствам, и к крестьянам, и к рабочим.

Они были написаны малограмотно, иногда с канцелярскими оборотами, но в них чувствовалась зажигательная сила, пере-

^ф было: угодиями х-х вписано на полях ^ц было: у него ^д далее было: хана ^ш далее было: взял

дававшаяся и угнетенным крестьянам, и башкирам, и калмыкам, и татарам.

«Заблудившиеся, изнурительные, в печали находящиеся, по мне скучившиеся, услыша мое имя, ко мне итти, у меня в подданстве и под моим повелением быть желающие!»

И к нему шли и складывались в полки илецкие, исетские, оренбургские казаки, калмыки, татары, заводские крестьяне. Было уже многотысячное^ш войско с десятками артиллерийских орудий, с копьями, ружьями и пистолетами.^з Была учреждена военная коллегия при Пугачеве.^ю

Первые действия правительственных отрядов были неудачны. Восстание широко разливалось, и, пока Пугачев осаждал Оренбург, отряды Пугачева брали другие крепости. Все башкиры восстали, осадили Уфу.

В Оренбургской губернии башкир поднял Салават Юлаев, образованный башкир, знающий Коран и сам народный поэт и певец. Главное руководство башкирами Пугачев поручил Зарубину-Чике, который принял титул и фамилию графа Чернышева. Зарубин обнаружил громадное административное дарование, воззва<ния> его подняли массу крестьянства против помещиков.

В конце декабря [1773 <г.>] город Самара присягнул без боя самозванцу, встретив с крестным ходом отряд атамана Арапова.

Центром борьбы с Пугачевым стала Казань.^н <2>

Бибиков признавался, что дьявольски трусил, чтобы его собственные солдаты не поступили бы так же, как гарнизонные, не сложили бы оружие перед мятежниками.

А опасаться этого следовало. В Нижнем среди солдат были волнения, и некоторых пришлось арестовать.

Тем не менее правительственные войска стали действовать. Самару отбили у пугачевцев, причем в этой операции принимал участие Гавриил Державин, тогда поручик-преображенец. Разбив отряды Пугачева под Красным Яром, правительственные войска двинулись на выручку осажденного Оренбурга. Крестьян усмиряли с великой жестокостью, подвергая истязаниям плетьюми.

Под Татищевой Пугачев был разбит, осаду с Оренбурга снял^а [в марте (конце) 1774 года].^а Был взят Хлопуша. Еще поражение. Войско Пугачева было разбито, ближайшие его сподвижники попали в плен. <2>

В это время на севере подполковник Михельсон с кавалерийским отрядом пошел к Уфе и отбил осажденный город.

Зарубина-Чикю выдали Михельсону, причем Михельсон за это выдал казачьему есаулу 500 рублей награды.

---

^ш было: многочисленное ^з рядом на полях вписано: Желтые и красные знамена ^ю далее было: Загорелись именья помещиков, их стали вешать. В Петербурге взволновались. Первые действия ^а рядом на полях вписано: Генерал Бибиков А. И.

^{з-а} вписано на полях

Пугачевцы терпели неудачу за неудачей.

Тем не менее восстание ничуть нельзя было считать усмирённым. С особенною яростью дрались башкиры повсюду, в особенности под Уфой, не сдаваясь живыми.

Михельсон упорно искал Пугачева, но не мог найти его. <2>

А тот формировал на место разбитых частей новые и выпустил указ, в котором, обращаясь к русским крестьянам, жаловал их вольностью, освобождал их от податей и рекрутчины. Это опять вызвало новый прилив сил к Пугачеву.

11 VII 1774 года Пугачев взял Казань. Михельсон кинулся на выручку, дрался с Пугачевым в 7 верстах от Казани, причем рассяял часть пугачевских войск. Как быстро стекались под знамена Пугачева, видно из того, что в три дня в его отряде опять было свыше 15 тысяч. Пугачев опять пытался взять Казань, но неудачно, тогда он сделал то, чего не ожидали, — перешел за Волгу.

Тогда Пугачев выпустил манифест, в котором объявил свободу крепостным крестьянам и призывал их к истреблению помещиков, которых называл возмутителями империи и разорителями крестьян.

И опять имел успех. Крестьяне переходили на сторону Пугачева, причем интересно отметить, что духовенство сельское очень часто поощряло их к этому.

1 VIII <17>74 г. Пугачев без сопротивления взял Пензу. <5>

Потом повернул на юго-восток, пошел к Саратову и его взял. Здесь он захватил несколько пушек и 25 тысяч медной монетой.⁶ Здесь он совершил большую ошибку, пошел к Дону, намереваясь уйти на Кубань.^в

Его не раз узнавали. Побежал слух, что он не император. Когда нужно было подписать манифест донцам, он отказался это сделать. Стали твердить, что он неграмотен.

21 августа 1774 года Пугачев был под Царицыном. Взять его ему не удалось. Приближался Михельсон. Пугачев пошел к Сарепте. <2>

24 августа 1774 года произошло последнее сражение Пугачева. Под Черным Яром на Волге Михельсон с конными полками и артиллерией нагнал Пугачева. Пугачев храбро вступил в бой, но был разбит, потеряв около 2 000 человек убитыми, свыше 6 тысяч пленными. На лодке с несколькими приближенными он переплыл^г на другой берег.

Суворов приехал, принял начальство над отрядом Михельсона,

---

⁶ *рядом на полях*: С фронта турецкой войны в это время правительство снимало полки, отправляло их для борьбы с Пугачевым. (Кучук-Кайнарджийский мир 10 VII <17>74 г.) * И вызвали Суворова из Дунайской армии. *Внизу страницы вписано*: Кучук-Кайнарджийский мир был чрезвычайно выгоден России. Она получила Азов, Керчь, Кинбурн. 4¹/₂ миллиона рублей. Признание независимости крымских татар и свободное плавание из Черного моря в Средиземное. ^в *рядом на полях*: ?Надо было развивать успех? На Север? К Москве? Ошибка: жену свою возил с собою. ^г *было*: спасся

посадил всю пехоту на лошадей и переправился за Волгу, составив план окружения Пугачева.

Но план этот не понадобился. Ближайшие его сообщники, видя отчаянное положение свое, в половине сентября, надеясь заслужить жизнь, схватили его. Пугачев сказал Творогову: «Вяжи». По дороге он пытался спастись, ранил из пистолета одного из казаков.

В Яицком Городке Суворов видел Пугачева.

Клетка.

А в Симбирске — [граф] Панин [Петр Иванович]. Его жестокие наказания уже приведенного в покорность населения.

Превышение власти.

Екатерина одобряла. А Наказ? <2>^a

Пугачев был казнен в Москве 10 I 1775 года. Подробности казни. Палач.

Кроме (него) четвертовали Перфильева ^e [как главного мощн(ика) Пугачева];^e Шигаева, Падурова и Торнова повесили.

Многим кнут, вырывание ноздрей, каторга.

Река Яик переименована в Урал, Яицкий Городок в г. Уральск.

<4>

Так погибло восстание, носящее название пугачевщины.

Причин неудачи^ж Пугачевщины было несколько. Слишком разнородны были массы крестьян, заводских крестьян-рабочих и казаков ³ [и национальных меньшинств],³ вошедших в восстание, а единого класса, который мог бы соединить эти массы, не было. Казаки, шедшие во главе восстания, сами были расслоены на старшину и голытьбу казачью.

Программа Пугачева не была ясна, неизвестно, что произошло бы в случае победы. . . <4>

В 1775 году произошел конец Сечи Запорожской. Запорожье было нужно как заслон против Крымского ханства. Но война 1769—1774 года подкосила мощь крымцев. Сечь была не нужна и в то же время опасна своим стремлением к вольности. 5 июня 1775 года,^h когда население Запорожья было в степях на работах, на реке, на рыбной ловле, генерал Текелий с громадным войском, в которое входило 20 эскадронов гусар, 17 эскадронов гусар,^h 13 полков донских казаков, пехота и артиллерия, занял Сечь.

Сопротивляться захваченные врасплох запорожцы не могли. Старшина была арестована, послана в монастыри. Все хозяйство Сечи было отобрано в казну. Тогда запорожцы попросили у Текелия разрешения пойти на рыбную ловлю и на своих челнах в количестве около 40 тысяч ускользнули по Днепру в море. Они передались турецкому султану и основали в Добрудже Задунайскую Сечь.

^a напротив пропущенных строк вписано на полях: Что с сыном Пугачева?
^{e-e} вписано на полях   ^ж было: гибели   ³⁻³ вписано на полях   ^h далее было:
генерал Текелий   * вероятно, описка; надо: 17 пикинерных эскадронов (см.: Скальковский А. История Новой Сечи. 3-е изд. Одесса, 1886. Ч. 3. С. 178).

Оставшиеся были обращены в мирных поселян, а запорожские земли были розданы русским вельможам. Один Потемкин получил 100 тысяч десятин. <5>

Первый серьезный удар Крыму и его самостоятельности со стороны России был нанесен в 1771 году, когда войско русское под начальством Долгорукого заняло крымский полуостров. Теперь Крым находился под сильнейшим влиянием России.

По Кучук-Кайнарджийскому миру Турция признала независимость Крыма.

В 1774 году ханом был утвержден Шагин-Гирей,^а принадлежащий к русской партии (русская ориентация). Ему пришлось вести борьбу со сторонниками Турции, русские войска оказали ему помощь, и он утвердился окончательно.

Шагин-Гирей стал производить реформы. Он завел постоянное войско, **преобразовал диван^м** [как],^н учредил иерархическую систему, новые органы управления (какие?),^о призывал иностранцев (на службу?)

Все эти преобразования Шагин-Гирея вызвали против него новое восстание, опять-таки подавленное войсками Прозоровского.

Но они готовы были вспыхнуть вновь, и под давлением России Шагин отрекся^п от престола. Тогда Россия объявила Крым присоединенным к Российской империи, переименовав его в Тавриду, а наместником его был назначен **Потемкин.**^р <2>

Потемкин приступил к постройке городов на Крымском полуострове, к заселению его русскими раскольниками, армянами, а татарское население всячески удерживал от переселения в Турцию.

Присоединение Крыма совершилось в 1783 году. <1>

В то время в Грузии происходило следующее. После того, как Ираклий II убедился, что союз с Россией не принес грузинскому народу финансовых выгод и военной помощи, он несколько раз менял ориентацию, <2> обращаясь то к туркам, то даже к европейским странам, но попытки его были безуспешны. Тогда он вернулся к России, и Россия, которая, как мы видим, [стремила] безгранично расширяться, в 1783 году подписала русско-грузинский трактат в г. Георгиевске, по которому Грузия **(то есть часть ее?)**^с сохраняла независимость во внутренних делах, а во внешних зависела от России, становясь ее вассалом. <1>

Год 1785-й стал черным годом для русских крестьян. Екатерина II в «жалованной грамоте», данной дворянству, указала, что дворяне владеют крестьянами как неотъемлемой собственностью. С этого года крестьяне становились бесправными

---

^а далее было: склонный   ^м подчеркнуто красным карандашом   ^н вписано на полях красным карандашом   ^о подчеркнуто красным карандашом   ^п было: отказался   ^р подчеркнуто красным карандашом   ^с подчеркнуто красным карандашом

рабами помещиков. Им было запрещено жаловаться на жестокое обращение с ними помещиков.[†]

Усиление и расширение России вызвало в 1787 году ее войну с Турцией.

Она началась неудачно: черноморский русский флот погиб во время бури в Черном море. Затем положение стало исправляться.[‡] Суворов разбил турок[§] на Кинбурнской косе у Днепровского лимана в 1787 году. В следующем русский возобновленный флот одержал победу при Очакове.

Швеция воспользовалась случаем и в свою очередь в 1788 году начала войну с Россией, действуя при помощи флота в Финском заливе, а также отправив свои войска в Финляндию. <4>

В то время как Россия вела войны с Турцией и Швецией, во Франции началась революция, известная под именем Великой. Франция к концу столетия была истощена в финансовом отношении, и все отрасли народного хозяйства находились в ужасном состоянии. Положение крестьянства... <2>

17 июня 1789 года. <11>

Победы России на юге тем временем продолжались. Суворов и союзные австрийские войска разгромили турок в Валахии при Фокшанах и на реке Рымнике, за какую победу Суворов от Екатерины получил титул графа Рымникского.[‡]

Война со Швецией закончилась в 1790 году безрезультатно для обеих сторон — на севере границы Российской империи остались неизменны.

10 декабря 1790 <года> Суворов[¶] на реке Дунай [близ Черного моря] взял турецкую крепость Измаил. Эта крепость считалась военными знатоками неприступной. Она была обнесена валом в шесть верст длиной, в четыре сажени вышиной и со рвом, налитым водою перед валом. На валу было триста пушек, в Измаиле 35 тысяч войска.

Суворов, подойдя к Измаилу, приготовил фашины [связки прутьев], чтобы завалить ров, и штурмовые лестницы. Послал сераскиру (Айдозла-Ахмет?)[¶] предложение сдать крепость в 24 часа. Отказ.

Тогда Суворов начал артиллерийскую подготовку и из сотен пушек стал громить укрепления, а затем бросил солдат на штурм. Колонны русских с штурмовыми лестницами полезли, заваливая ров [фашинами], на укрепления, оставляя во рву сотни трупов. Турки дрались отчаянно, и колонна, которую вел Михаил Кутузов, дрогнула. Тогда Суворов послал ординарца к Кутузову объявить, что он назначает Кутузова комендантом Измаила. Тогда Кутузов сделал последнее усилие, колонны русских ворвались в укрепле-

---

[†] далее в рукописи следует текст В то время как Россия ~ 17 июня 1789 года, который, согласно помете М. Булгакова, должен находиться четырьмя абзацами ниже, где он и приводится [‡] было: дело стало поправляться [§] далее было: при Кинбурне; отчеркнуто красным карандашом [¶] далее было: а затем в 1790 году Суворов [¶] далее было: Суворов в устье [¶] рядом помета красным карандашом

ния, в остервенении дрались в самих укреплениях с янычарами (?). Измаил был взят. На штурме Суворов положил четыре тысячи солдат убитыми и шесть ранеными. [Турок пало 23 тысячи, среди них 60 пашей, турецких генералов].^ш

Взятие Измаила, где Суворову достались 400 знамен и 265 пушек, произвело такое впечатление во всем мире, что поэты, и среди них знаменитый английский, Байрон, воспели его. <2>

В 1791 году был заключен мир в Яссах с Турцией, и опять-таки он принес расширение России. Турция навсегда отказалась от своих притязаний на Крым и отдала России побережье^ш между реками Бугом и Днестром с городом Очаковом.⁹ <2>

^юНа Сейме в Польше⁹ в 1791 году одной части поляков, во главе которых был Потоцкий, удалось провести новую конституцию. Согласно ей, избирательное престолонаследие заменялось наследственным, дела на сейме решались большинством голосов и «не позволяю» отменялось. Была введена свобода вероисповеданий. . .^а <3>

Образовалась партия, которая протестовала против этих реформ, и эта партия стала просить помощи у России. Россия ввела стотысячное войско на территорию Польши. Раздоры партий кончились тем, что русские заняли Варшаву, а Пруссия под предлогом борьбы с якобинским французским духом в Польше заняла Познань, Торн, Данциг и область, носящую название Великой Польши с Калишем, Ченстоховым. <1>

В 1793 году 21 I король французский Людовик XVI был казнен.<1>

В 1793 году произошел второй раздел Польши. К России отошли Волынская, Подольская и Минская области, а к Пруссии указанные только что.^а

Теперь растерзанная Польша уже не имела никакой самостоятельности. Король Станислав Понятовский дал обязательство не начинать войн и не заключать договоров без согласия России.

Польские патриоты не могли примириться с тем, что произошло с их отечеством, и тайное общество, возглавляемое Тадеушем <2> Костюшко, [польским генералом], начало восстание. Русские военные части в Варшаве были перебиты.

Диктатором [и главнокомандующим] был провозглашен Костюшко.^б Поляки объявили войну и России и Пруссии.

Но положение их вскоре стало отчаянным, так как крестьянское население, терпевшее угнетения от шляхты, не поддержало ее.^в

---

^ш фраза вписана на полях   ^ш было: земли   ⁹ рядом на полях вписано: (Одесса?) Основана в 1794 г.?: первое слово подчеркнуто красным карандашом   ^ю начало абзаца было: После первого раздела Польши она   ^а рядом на полях: Елп., 375 и помета красным карандашом

^а далее было: Сила заставила поляков   ^б рядом на полях вписано и подчеркнуто красным карандашом: А король?   ^в рядом вписано: Несмотря на реформу Костюшко: Бржг., Костюшко, <т.> 31, <с.> 421

В Польшу был прислан Суворов, в... году после штурма предместья Варшавы Праги, она пала. (8)

Спротивляться больше поляки не могли. Произошел третий и последний раздел Польши в 1795 году.

России — Литва и вассальное польское герцогство Курляндское, Австрии — Краковскую, Сандомирскую и Люблинскую области. Пруссии — остальные земли с Варшавою.

Так в конце XVIII века Польша прекратила свое самостоятельное существование. (8)

Приближался и конец самостоятельности Грузии. Как было сказано, Россия не оказала ей надлежащей помощи — финансовой и военной, и маленькой [феодальной, расчлененной, не объединенной] стране пришлось отбиваться в 1795 году от персов, возглавляемых Аги-Мохаммед-Ханом.

Отличавшийся дикой жестокостью Аги-Мохаммед-Хан напал на Грузию и, невзирая на отчаянную защиту грузинским войском, взял,[†] разграбил и дотла разрушил Тифлис.

Ираклий II был вынужден отступить от Тифлиса. (12)

Век XVIII шел концу, в России шло к концу царствование Екатерины II.

Мы видели и войны, прошедшие во второй половине этого века, и страшные волнения. Нам интересно знать, как подвигалось вперед дело просвещения русского народа. Вторая половина этого века дала (3) России замечательного писателя Дениса Фон-Визина,¹⁰ сочинившего знаменитые комедии «Бригадир» и «Недоросль». Фон-Визин был борцом^а за просвещенное воспитание русских. Он осмеивает невежество, предрассудки, жестокость и порок, доставшиеся стране от старины. В то же время он боролся своим острым пером против поверхностного перехватывания внешних признаков европейского воспитания, (7) ничуть не исправляющего грубой сущности человека.

В области поэзии в этот век прославился Державин. (5)

И, наконец, следует отметить еще двух.

Первого из них звали Новиков Николай Иванович.¹¹ Он был одним из лучших и просвещенных людей в стране. Он был мыслителем, общественным деятелем и литератором.

Он начал издавать сатирический журнал «Трутень». (2) Этот журнал замечателен тем, что в крепостнической стране повел борьбу против крепостного права, осуждая злоупотребления помещичьей властью, нападая на взяточничество [и неправомерные действия]. развращающие страну.

«Трутень» был прекращен. Тогда Новиков выпустил в 1772 году «Живописец», того же направления журнал, что и «Трутень». Вскоре прекратился и «Живописец». (7)

Та же участь постигла и следующий журнал — «Кошелек», в котором Новиков осмеивал нравы высшего общества, чем вызвал ненависть в придворных кругах.

[†] далее было: и дотла разрушил   ^а было: представителем той груп(пы)

Новиков выпустил^е в свет множество исторических изданий. <2>

Общественная деятельность Новикова привела его к беде. В девяностых годах он попал под следствие, затем по приказу императрицы Екатерины был арестован и заключен в Шлиссельбургскую крепость, где попал на допросы в руки знаменитого Шешковского.* <4>

В 1792 году Новиков был приговорен к заключению в Шлиссельбурге на 15 лет.

Обвинения, предъявленные Новикову, были многочисленны и неясны. В числе их принадлежность к масонам. <8>

Из Шлиссельбурга в 1796 году Новиков вышел дряхлым и разбитым стариком. [Интересно отметить, что Новиков в 1762 году был рядовым Измайловского полка. Это он стоял у подъемного моста измайловских казарм в тот час, когда Екатерина шла поднимать полки против Петра III. Это Новиков пропустил Екатерину в полк.]

История Новикова неувидительна. Екатерина II, начинавшая свою деятельность либеральными планами, находившаяся под влиянием просвещенных европейских мыслителей, к концу царствования стала жестокой крепостницей. <1>

Великая французская революция, отзвуки которой потрясали [в сущности] весь мир, в Екатерине II нашла своего первого и заклятого врага. В России были запрещены все французские книги и журналы. В России было позволено пребывать лишь тем французам, которые под присягой отказывались признать Французскую республику. <1>

Второй, которого надлежит отметить, был Александр Николаевич Радищев.

В 1790 году он сочинил книгу под названием «Путешествие из Петербурга в Москву». В посвящении к одному из своих друзей Радищев пишет: «Я взглянул окрест меня — душа моя страданиями человеческими уязвлена стала». В «Путешествии» были смелые суждения автора <4> об ужасе крепостного права и грустные картины общественной жизни России.

Книга вызвала ярость Екатерины II.³

Заключенный в крепость, Радищев дрогнул на допросах Шешковского, стал каяться, отказывался от своей книги. Это ему не помогло. К нему применили статью Уложения о государственной измене и приговорили к смертной казни.

Екатерина смягчила приговор «по милосердию и для всеобщей радости» по поводу мира со Швецией и заменила казнь десятилетним заключением в остроге в Сибири.

В 1796 году, когда Екатерина умерла, Радищева вернули. Но Сибирь, по-видимому, не изменила Радищева.

---

^е далее было: целый ряд   * рядом помета красным карандашом   ³ рядом на полях вписано красным карандашом: Бржг.   ⁴ начало абзаца было: Десять лет провел

Он был введен в комиссию по составлению законов и составил проект, в котором поднимался вопрос об освобождении крестьян.

Председатель комиссии граф Завадовский^к сурово поговорил с автором проекта и намекнул на возможность второй раз попасть в Сибирь. Угроза так подействовала на Радищева, что он принял яд и погиб в мучениях в 1802 году. <7>^л

Французская республика начиная с 1793 года вела войны с Австрией и Пруссией.

В 1795 году во Франции была учреждена Директория из 5 человек. Во время ее выдвинутой революцией гениальный полководец генерал Бонапарт одержал победу в итальянских владениях Австрии. Тогда против [революционной] Франции Екатерина стала составлять коалицию и решила послать против Франции войска, но поход не состоялся из-за смерти Екатерины. <2> Этой же смертью был прерван поход против Персии, начатый с целью отбить у персов Грузию. <18>

Павел I ¹²

Эта же смерть была причиной того, что на русском престоле появилось^н новое лицо. Его звали Павлом. Он был сыном Екатерины II и убитого в Ропше Петра III. И так как на русском престоле Павла еще не было, Павел получил название Первого.

Павел представлял собою человека явно ненормального психически и интересен был отчасти и в том отношении, что люто ненавидел свою мать.

Павлу было 42 года, когда смерть матери освободила ему дорогу к российскому престолу.^о До этого времени он жил замкнуто в Гатчине,^о где он занимался тем, что муштровал свои гатчинские батальоны. Военное дело, которое он понимал как внешнюю выучку солдат и офицеров [и наблюдение за их обмундированием], было его болезненной страстью.

Екатерина ненавидела и презирала своего сына и имела намерение устранить его от престолонаследия, но это ей не удалось, так как она не встретила сочувствия в совете. (?)^п <2>

Важно отметить, что Павел I революцию ненавидел больше, чем даже Екатерина. <1>

Итак, в 1796 году он стал царем, и первым делом, которое он произвел к ужасу и удивлению многих окружающих, было коронование праха Петра III, для чего гроб Петра был перенесен из Александрово-Невской лавры в Зимний дворец, а оттуда в Петропавловскую крепость.

Вскороности за этим последовал указ, которым изменялся поря-

---

^к далее было: внушая   ^л далее было: После казни Людовика XVI во Франции страна прошла эпоху террора. В 1793 году   ^м было: появился   ^н было: трону   ^о далее было: посвящая   ^п знак вопроса на полях с чертой к слову совете

док престолонаследия в России. Согласно этому указу, наследовать трон должен был старший сын царя.^р <6>

А затем уже Павел обратил внимание на положение государства.

Дворяне и купцы были подавлены указом Павла об отмене тех привилегий, которые были даны Екатериной. — дворян стали опять подвергать телесным наказаниям. . . <1>

^сВ отношении крестьян Павлом было предпринято следующее: крестьянство страдало в особенности от барщины, то есть от обязательной для них повинности платить своим трудом [земле-владельцу-помещику] за право обрабатывать <2> тот клочок земли, который числился крестьянским.

Положение крестьянства ухудшалось, как мы знаем, непрерывно с самого начала их закрепощения, то есть с начала^т XVI века.^у

В законе не существовало ни слова, ~~которое могло бы~~ ограничить размер барщинного крестьянского труда, и, следовательно, ничто не препятствовало полному^ф произволу помещика

Помещики в XVIII веке, как хищники, пользовались крестьянским трудом в любое самое горячее время, отнимая у крестьянина иногда <3> последнюю возможность обрабатывать собственный надел и превращая его порою в нищего раба.

Один из современников Петра I говорил, что помещики полагают, что не нужно давать обрести крестьянину, а надо «стричь его яко овцу догола».

Павел обратил внимание на этот вопрос и издал указ в 1797 году, которым запрещалось заставлять крестьян работать в воскресные дни, а кроме того, в котором содержался совет помещикам ограничиваться трехдневной барщиной.

Само собой понятно, что закон, составленный так, не произвел на помещиков никакого впечатления и совету этому они не последовали. В положении же крестьян [вообще Павел] не только не произвел никакого улучшения, но, наоборот, — резкое ухудшение. Руководясь нелепой мыслью о том, что помещичьим крестьянам живется лучше, чем **казенным**,^х <2> Павел широкой рукой стал раздавать частным лицам во владение крестьян и за время своего короткого царствования вверх под помещичье ярмо около 600 тысяч человек.

Надо отметить, что Павел издал и указ о запрещении в Украине [или Малороссии] продавать крестьян без земли.^ч <2>

В области военного своего любимого дела Павел обнаружил варварский деспотизм и свирепую жестокость. Тут пострадали не только солдаты, забываемые палками за малейшую провинность, но даже и офицеры и генералитет. <5>

^р было: государя   ^с начало фразы было: В смысле крестьян Па<вел>

^т было: с конца   ^у рядом на полях: Брк., Барщина, стр. 132—133   ^ф было: дикому

^х подчеркнуто красным карандашом, рядом на полях знак вопроса

^ч рядом на полях: Льготы раскольникам

Войска стали одевать на прусский лад ⁴ [причем, например, в конной гвардии за 4 года цвет и покрой мундиров меняли девять раз],⁴ солдат доводили маршировкой до состояния отчаяния.

Офицеры стали бежать из гвардии. <1>

В области гражданской произошло то же самое. Дикое самодурство Павла I изгнало лучших. Решались делать карьеру лишь низкопоклонники, к тому же лишенные дарования. <1>

Ненависть Павла к Французской революции была так велика, <3> <что> он запретил ввозить из-за границы не только книги, но даже музыкальные произведения. ^ш [Запрещено было ввозить какую бы то ни было книгу, время издания которой помечено каким-нибудь годом Французской республики.] ^ш Запрещено было употреблять ставшее широко известным благодаря французской революции слова «гражданин» и «отечество», запрещены были французские моды, запрещены были поездки за границу для образования. <2>

Меры, которые Павел применил для урегулирования^ш жизни общества, показали, что он мыслит превратить жизнь людей в жизнь как бы в некоей огромной казарме. <2> Дошло до того, что был выпущен полицейский приказ о том, в какой час жители Петербурга должны тушить огонь в домах. <2>

Ненависть к Павлу выливалась в тихом ропоте, который постепенно охватывал разные слои общества. <1>

Что касается внешней политики России, то она, благодаря Павлу, страдала [отсутствием] какой бы то ни было логики.

При вступлении на трон Павел начал с того, что дал знать иностранным государствам о своем миролюбии. [о своих мирных намерениях]. Причем мирные эти намерения объяснялись тем, что Павел, благодаря своему «человеколюбивому сердцу» желает дать отдых его подданным, изнуренным непрерывными войнами. [Прибавлено было, что войско российское не будет действовать против Франции.]

³И тут же в полном противоречии со сказанным было заявлено о том, что Павел «чувствует нужду противиться всевозможными мерами неистовой Французской республике, угрожающей всей Европе совершенным истреблением <2> закона, имущества и благонравия». <1>

Повод для вмешательства России в войну нашелся вскоре.¹³

Французская республика, **во главе военных сил которой (?)**^ю стоял... Наполеон, <1> вела войны в Европе, причем, побеждая своих противников на завоеванных территориях, основывала новые республики.

Генерал Наполеон Бонапарт занял остров Мальту [в Средиземном море], которым владели^а члены духовно-рыцарского ордена иоаннитов, или мальтийских рыцарей.

⁴⁻⁴ вписано на полях   ^{ш-ш} фраза вписана на полях   ^ш рядом на полях
вписано и обведено: регулировать   ³ начало абзаца было: Однако в этом же сообщении было сказано   ^ю подчеркнуто синим карандашом; знак вопроса
рядом на полях   ^а было: на котором жили

Религиозный же Павел I был избран гроссмейстером этого ордена [Павел дал убежище франц(узским) аристократам, бежавшим из отечества от революции.]

В 1799 году Россия вступила в союз с Австрией, Англией и Турцией против Франции с тем, чтобы противодействовать «распространению правил анархических» и отнять у Французской республики ее завоевания. (1)

Престарелый фельдмаршал Суворов, изгнанный Павлом в деревню за резкие отзывы о реформах Павла в армии, (5) был вызван в Петербург. Павел сказал ему: «Иди спасать царей» и объявил ему, что назначает его главнокомандующим союзной армией (русской и австрийской), которая должна отправиться в поход в [Северную] Италию, чтобы изгнать оттуда французов.

Верховный военный совет Австрии, которому должен был подчиняться Суворов, чрезвычайно мешал ему.^a

Это не помешало Суворову разбить французов на притоках реки По Адде (1) и Треббии.^b

С Суворовым дрались талантливые^b генералы Французской республики, (2) но не сам Наполеон, бывший в это время в военной экспедиции в Африке. (1)

Французы вынуждены были очистить Северную Италию. (2)

Цизальпинская республика^c [связанная военным и торговым договором с Францией, была образована Бонапарте в 1797 г., столицей ее был Милан]^d прекратила свое существование. (4)

Затем Суворову было велено идти в Швейцарию, чтобы там действовать против французов, находящихся под командой генерала Массена. (2)

Для того чтобы попасть в Швейцарию, Суворов должен был со своей 20-тысячной армией перевалить через цепь Альпийских гор. Благодаря австрийцам был выбран самый короткий, но ужасный путь через горный узел Сан-Готар. Суворовская армия осаню при тумане и ветре овладела с боем позициями в горах Сан-Готара, а затем^a под огнем французов перешла через Чертов Мост,^e висящий над бурной рекой. Так как часть его была французами разобрана, русские разломали сарай и, связав бревна офицерскими шарфами, перешли через пропасть. Затем в горах, отбиваясь от превосходных сил французов, Суворов по горной тропе в метель, в то время как мулы, лошади и люди то и дело срывались с круч в пропасти, вывел свои войска из гор.

Этот швейцарский поход (3) мог удасться лишь благодаря изумительной выносливости [и храбрости] русских солдат, которые вышли из гор босыми, оборванными, голодными и без артиллерии. (2)

---

^a было: стеснял его   ^b было: Треббии   ^c было: лучшие   ^d — вписано на полях
^e далее было: совершили с боем же переход через Чертов Мост   ^e далее было: причем Так как часть его французы, преграждавшие (...) через пропасть

Кампания 1799 года принесла* Суворову титул Светлейшего князя, многолетия в церквях,³ золотую с бриллиантами шпагу от итальянского города Турина, славу мировую и смерть в начале 1800 года.¹ <1>

Планы Павла I положить предел военным успехам Французской республики изменились тотчас же после итальянско-швейцарского похода.

Россия разорвала союз с Австрией и Англией и резко повернула в сторону Франции.

Причиной этого был переворот, произведенный Бонапартом, благодаря которому власть Директории пала и сменилась властью консулов, из которых Бонапарт был избран «первым консулом». <2>

Конец XVIII века принес второе нападение Ага-Мохаммеда, персидского хана, на Грузию [в 1797 г.], но смерть Мохаммеда, убитого своими же слугами, прервала его.

Ираклий II умер в 1798 году, ему наследовал царь Георгий, <2> которому досталась совершенно обесиленная персидскими разгромами и обнищавшая страна. <2>

В 1801 году вышел приказ Павла, которым [Восточная] Грузия объявлялась присоединенной к Российской Империи. <1>

С этого момента для Восточной Грузии^к началась новая эпоха под русским владычеством. <1> С этого времени в Грузию начинают посылать русские войска, в администрации и в судах вводится русский язык. <1>

Конец 1800 год <а>^а принес проект Павла I об отнятии^м Индии у Англии в союзе с Францией. Он стал разрабатывать проект о совместном действии русских и франц<узских> соединенных войск.

В конце^н года он отдал приказ, и 40-тысячная армия донских казаков тронулась и пошла на восток с целью через Хиву и Бухару пройти в Индию. <1>

Но ночь с 11 на 12 марта^о 1801 г. прервала начало этой войны. В эту ночь гвардейские офицеры, входившие в обширный заговор против ставшего <3> ненавистным Павла, убили его.¹⁴ Главой заговора, его вдохновителем был Санкт-Петербургский генерал-губернатор (?) граф фон дер-Пален. <2>

Разрыв с Англией наносил удар благосостоянию дворян. . . <2> [Были некоторые, кот<орые> хотели ввести конституционную монархию. («Цареуб<ийство>», Фонвиз<ин>, 159)].^п

В ночь на 11 марта в помещение^р Павла I в Михайловском замке проникли руководимые^с генералом Бенигсеном заговорщики.^т [Камердинера обманули, сказав, что в городе пожар.

---

* было: дала   ³ было: в церквях молебствия в церквях   ^н рядом на полях: (Кто такой Карл Эмануил? Елп., 387)   ^к далее было: перестала существовать самостоятельно и стала частью   ^а было: 1801 год   ^м было: завоевании   ^о было: начале   ^п фраза вписана на полях   ^р было: спальню   ^с далее было: Паленом и   ^т далее было: Павла застали в спальне

Он открыл дверь в прихожую. Два лейб-гусара (камер-гусары?) пытались задержать заговорщиков].^у Павла застали в спальне. Генерал Бенигсен объявил Павлу, что к нему явились требовать отречения от престола. Павел ответил отказом.

Ярость тогда^ф овладела заговорщиками. Кто-то крикнул: «Тиран!» Николай Зубов, опьяненный выпитым шампанским, ударил Павла золотой табакеркой в висок.^х Тут лютая ненависть к Павлу прорвалась потоком. На Павла бросились толпой. Кто-то эфесом шпаги ударил Павла по голове [другой — рукояткой пистолета], и наконец <4> измайловец Скарятин шарфом задушил его.

Александр, сын Павла, знал, что готовится переворот, но не знал, что будет убийство. <5>

Ликование охватило Петербург. <2>

Солдаты встретили убийство и переворот сумрачно и равнодушно. <2 страницы>

Век XIX

[24-летний] Александр, сменивший Павла, был воспитан швейцарцем Лагарпом, умеренным республиканцем, обладавшим к тому же юридическим образованием.

Но недолго пришлось Лагарпу образовывать своего воспитанника.^а Либеральные идеи Лагарпа и, в частности, проект реформ, который он разрабатывал для введения в швейцарском городе Берне, где было аристократическое правление, стоили ему должности воспитателя царского сына. Лагарп покинул Россию, продолжая еще некоторое время переписываться с Александром. <2>

Идеи Лагарпа оставили-таки след в Александре, выражающийся в том, что он любил говорить о себе, что он республиканец по убеждениям. <2> Однако в очень скором времени всем^б пришлось убедиться в том, что Александр никак не может быть признан республиканцем. <2>

Правда, в первые годы своего правления Александр поднял вопрос о самом больном, что терзало страну, — о крепостном праве. [Подумать об этом нужно было, так как в России не прекращались крестьянские волнения. . . и не далее как за четыре года до начала царствования Александра они охватили 12 губерний.]^в

Однако приближенные очень легко доказали Александру, <4> что крестьяне не подготовлены к этой реформе. <2>

Тогда Алекс<андр> ограничился полумерами, пытаясь смягчить участь крестьян, по возможности не затрагивая интересов помещиков. <2>

^у Камердинера ~ заговорщиков *вписано на полях*   ^ф было: вдруг
^х было: по голове. Ненависть к Павлу   ^а далее было: В разгар Великой
1795 года Франц <узской> революции Лагарп сочинил <1> проект реформ в Швейцарии и создание, в частности созвание, штатов <3> Проект Лагарпа   ^б было: народу / народам   ^в фраза *вписана на полях*

Так, было указано отбирать крестьян^м <у> помещиков, бесчеловечно обращающихся со своими крестьянами.

Но, например, проект, в составлении которого участвовал Радишев, о непродаже крестьян без земли Александром утвержден не был. Зато прошел и стал законом проект, по которому помещикам разрешалось помещиком^з <освобождать крестьян> в случае их желанья с дачей им земли, но, конечно, с условием **выкупа**^ю ее крестьянами, становившимися «вольными хлебопашцами». <1>

Понятно вполне, что этот закон дворянско-помещичьими кругами был встречен с величайшим раздражением и освобождено было ничтожное количество [крепостного] народа. <13>

Другие либеральные мероприятия Александрова царствования выразились в том, что он указом Сенату отменил пытку.^а <14>

Затем Александр приступил к реформам, стремясь преобразовать всю систему государственных учреждений и добиться улучшения финансов в государстве. <2>

Коллегии Петра I были в 1802 году преобразованы^а в министерства, которых было восемь, во главе с министрами, управляющими ими единолично (коллегии управлялись присутствиями). <18>

В реформах начала века огромную и полезную роль для государства играл Сперанский, выбившийся на высокие государственные должности из весьма ничтожного положения. <2>

Сперанский — сын деревенского священника, по образованию семинарист, а потом воспитанник духовной академии, возвысился исключительно благодаря своему уму и способностям. <12>

^б [Присоединение Грузии к России принесло России, оказавшейся теперь соседом Персии, столкновение с нею и затяжную войну. В 1803 году русские войска отняли у ганжинского хана Ганжу. Персы вступили в столкновение с русскими и были дважды разбиты. В 1805 году... (см. Бржг. 45, 368)].^б <3>

В 1804 году первый консул Франции Наполеон Бонапарт^в решением сената был признан наследственным императором Франции.

Папа Римский Пий VII <4> совершил помазание на царство нового императора в Соборе Парижской Богоматери.

В следующем же году италийская республика признала Наполеона своим королем. В мире появился новый император, великий полководец, стремящийся к новым завоеваниям. <3>

Против Наполеона составилась союз нескольких стран — Англии, Австрии, Швеции и России. <3>

Война 1805 года началась с того, что австрийская армия сдалась Наполеону, пойманная им [в ловушку] и отрезанная от Вены.

^м далее было: у тех ^з так в рукописи ^ю подчеркнуто синим карандашом, рядом на полях: ? Бржг., 32, 698 ^а рядом на полях: — какие же последствия?

^б было: переименованы ^{б-б} вписано в углу страницы ^в далее зачеркнуто: был признан / по конституции 1802 года считающийся

Затем в Моравии под Аустерлицем произошла битва, именуемая битвой трех императоров (Наполеон, Франц I австр(ийский) и Александр I русск(ий) лично были в ней).

Соединенная русско-австрийская армия была разбита Наполеоном наголову.

В следующем году вся Пруссия была завоевана Наполеоном.

Остальные государства Германии объединились в Рейнский союз, под покровительством Напол(еона) и обязались для него держать 60 тысячное войско.

^Г[Завоевания Наполеона принесли германским землям многие революционные реформы — уничтожение многих дворянских привилегий, веротерпимость, ограничение власти духовенства, уничтожение многих монастырей и даже введение Наполеонова кодекса законов.]^Г

Та часть Польши, которая после раздела принадлежала Пруссии, восторженно встретила приход Наполеона и сформировала для него свои войска, надеясь получить независимость. <2>

В 1807 году в Восточной Пруссии под Фридландом русская армия, во главе которой был Бенигсен, была разгромлена Наполеоном. <2>

Единой победой,^д которая досталась союзникам, <2> это морская победа англичан над французским флотом.^е <3>

В 1807 году был заключен Тильзитский мир. Пруссия потеряла половину своих владений, из которых Наполеон образовал Вестфальское королевство (король — младший брат Наполеона Иероним). <1>

Из тех польских земель, что принадлежали Пруссии, Наполеон образовал герцогство Варшавское под верховною властью саксонского короля. <2>

По Тильз(итскому) миру — России **Белостокск(ая)** * обл(асть).

[Но Тильзитский мир дал следующее еще: Франция заключила с Россией секретное условие, по которому России предоставлялась беспрепятственная возможность овладеть Ф(инляндией), отбив ее от Швеции.]

Теперь и русский царь и прусский король [Фридрих Вильгельм III] признали Наполеона и императором Франции и королем Италии и протектором **Рейнского Союза**.^з <3>

Могущество Наполеона теперь шло к высшей своей точке. Он владел всей Европой по сути, а трое братьев его стали королями: голландским, вестфальским, как мы говорили, и неаполитанским. <2>

Оставалась одна Англия, неуязвимая для Наполеона благодаря отсутствию у него флота. <1>

Но против Англии Наполеон принял следующую меру: он заставил Россию принять континентальную систему: запрещение

^Г—^Г фраза вписана на полях   ^д далее было: которую союзники могли отметить   ^е рядом на полях вписано и подчеркнуто красным карандашом: **Трафальгар**   * подчеркнуто красным карандашом   ^з подчеркнуто красным карандашом

английским кораблям входить в европейские гавани (удар по английской торговле). <11>

Тильзитский мир не принес народам России отдыха и успокоения, потому что под влиянием Наполеона в 1806 году и Турция объявила России войну. Эта война шла вяло до 1810 года. <14>

Помимо турецкой началась в 1808 году и со Швецией война, которая не только не признала континентальной системы, но вступила в тесный союз с Англией. <11>

Русская армия под начальством генерала Буксгевдена вторглась в Финляндию и еще до объявления войны начала военные действия, которые пошли в высшей мере удачно. <2>

Мешало удачному ходу дел то обстоятельство, что шведы сумели поднять партизанское движение среди финского населения. <5>

Несмотря на это, в течение года примерно вся Финл(яндия) была захвачена русскими вместе с Аландскими островами. Швеция была вынуждена заключить мир.

Швеция потеряла Финляндию, а Финляндия свою самостоятельность. <1>

Страна была названа Финляндским княжеством¹⁵ " [вместе с Выборгской губ., ранее завоеванной,]" и вошла в «...собственность и обладание Империи Российской». В торжественной грамоте¹ правитель России обещал хранить религию, основные законы и права, коими финны пользовались до завоевания их Россией.

На Сейме в Бorge в марте 1809 года¹⁶ Александр это подтвердил.

Финны просили, чтобы им деньги оставили их собственные (?) Но это не было уважено¹⁷ (?), и единицей денежной стал русский рубль.

Правительством Финляндии являлся Правительственный совет из финляндцев [или сенат], но в Петербурге А(лександр) учредил особую комиссию по финляндским делам, во главе которой стоял статс-секретарь. [Кроме того, назначался в Финляндию генерал-губернатор, который являлся председателем сената,¹⁸ в его распоряжении находилось войско как русское, расположенное на территории Ф(инляндии)и, так и финское.]¹⁹

Рекрутчины Александровская Россия в Финляндии не <5> ввела.¹⁹

На сейме 1809 г. члены сейма ходатайствовали о том, чтобы финские войска не выводились из Финляндии. Но на это ходатайство ответа от Ал(ексан)дра не последовало, и в 1812 году финские войска выводили для караульной службы в Петербург. <2>

¹⁵—¹⁶ вписано на полях   ¹⁷ было: в состав Российской державы   ¹⁸ было: манифесте   ¹⁹ далее было: Александр, присутствуя, подтвердил обещание
¹ далее было: Александром Дела   ¹⁸ далее было: ему принадлежало начальство
¹⁹ фраза вписана на полях   ¹⁹ с чертой к этой фразе вписано вверху страницы:
Поселенная система (Брк., 70, 940 и 71, 4)

Вообще Финляндия попала в несколько обособленное отношение, так, например, преподавание было оставлено в школах на финском языке. (?)^c <1>

В Грузии же в то время, как Финляндия теряла свою свободу и ее устраивали как часть Российской империи, происходило вот что:^b <6>

С момента присоединения Восточной Грузии ее начали наводить русскими войсками,[†] в административных учреждениях и судах стали вводить русский язык. То же самое произошло и со школами, где преподавание на родном языке всячески преследовалось. <2>

Уничтожена была [самостоятельность] автокефальность^y грузинской церкви. <3>

На чиновничьи должности стали присылать людей из России, причем отправлялись на службу в Грузию худшие из них, так что государственный аппарат страны все более заполнялся взяточниками,^ф [мздоимцами — продажными душами],^х беззаконниками, угнета<те>лями населения. <2>

Крестьянское положение год от года ухудшалось. Не говоря уже о том, что их разоряли и угнетали собственные помещики, постоянные передвижения войск по стране <4> ложились тяжким бременем на население, которое стонало от воинских постоев, частых реквизиций.

Крестьян [?] сгоняли на постройку и исправление дорог, а также чрезвычайно мешали им в хозяйстве, требуя у них подвод. <3>

Таким образом, у крестьянского населения Грузии росла и развивалась двойная ненависть: [национальная] к русским и классовая — своим помещикам. <5>

Ненависть выливалась в крестьянских восстаниях. Одно из них вспыхнуло в Мтиулетии в Восточной Грузии в 1804 году, а пять лет спустя [в год присоединения Финляндии] восстали крестьяне Ксанского ущелия^ч [недалеко от Тифлиса] <1> против своих владетелей, [принадлежавших к древнему роду] князей Эристовых,^ч получивших свое наименование от слова эристовы (предводители народа), как назывались начальники округов.

Восстание вызвали Эристовы-Ксанские, князья, державшие сторону России, служившие в русской военной службе и за это пользовавшиеся покровительством российской царской власти. <6>

Движение Ксанских крестьян выразилось в том, что они перебили некоторых из своих помещиков, вооружившись чем попало, выставили караулы, чтобы не пропустить врага в свои деревни.

Ксанские крестьяне заявляли, что притеснения довели их до того, что у них отняли последнее, что может иметь человек, что у них нет дневного пропитания. <6>

^c знак вопроса подчеркнут красным карандашом   [†] далее было: в правлении
^y слово автокефальность наполовину зачеркнуто   ^ф было: лихоимцами
^х вписано на полях   ^ч рядом на полях вписано и подчеркнуто красным карандашом: (где? это?)   ^ч далее было: Ксанских, происходящих

Ксанские крестьяне требовали, чтобы^ш у князей Эристовых отняли полную власть над крестьянами, над которым и учиняют невиданные доселе притеснения и кровопролитие. ^ш [Восстание, конечно, было подавлено с жестокостью.]^ш <2>

[В 1810 году царская власть выпустила манифест, объявляющий упразднение имеретинского царства, так что и западная часть Грузии утратила свою призрачную самостоятельность.]

Так обстояло дело в Грузии во времена Александра, называвшего себя республиканцем.

1810 год в особенности показал, чего стоят эти слова. У Александра возник проект устроить в России военные поселения. Смысл их заключался в том <...>^з <3>

Обыкновенно мысль об организации военных поселений приписывается генералу Аракчееву, с которым мы еще встретимся, но это неверно. Творцом военных поселений явился царь, а Аракчеев даже возражал против этой мысли, <3> указывая на дороговизну поселений, а также и ненадежность...^ю <3>

Но Александр ответил, что поселения он устроит, хотя бы для этого пришлось уложить трупами дорогу от Петербурга до Чудова.^а [Тогда Аракчеев приступил к их организации.]^а

Эти зловещие слова исполнились. В Могилевской губернии в 1810 году был поселен баталион елецкого мушкетерского полка. Для того, чтобы <5> освободить землю под новых поселенцев, [несколько тысяч] коренных жителей переселили в Новороссийскую губернию.

Крестьяне^б покорились своей участи безропотно, оставили свои дома и ушли. И большинство из них в дороге погибло от голода, холода и пьянства, вызванного тоской. <2>

Мушкетерский же баталион, уйдя через 2 года на войну и вернувшись в свое поселение, <5> не застал [на месте] не только своего имущества, но даже и самих строений. По бревну их разобрали окрестные крестьяне.

Кроме того, солдаты отвыкли за время военных действий от земледельства и как земледельцы оказались никуда не годными. <2>

Невзирая на эту неудачу, мысль о дальнейших поселениях не была отброшена, как мы это еще увидим. <10>

В 1810 году^в армия под начальством генерала от инфантерии графа Каменского разбила турок при Рушуке на Дунае. Принявший командование по смерти Каменского Кутузов победил турок на Дунае.

[1811 год ознаменовался большим крестьянским восстанием в Кахетии. Грабеж и насилия над населением со стороны местных властей довели крестьян до того, что они не только напали на

^ш далее было: Эристовы   ^{ш-ш} фраза вписана на полях   ^а рядом помета красным карандашом   ^ю рядом вписано: Бркг., «Посел(ения) воен(ные)»
^а подчеркнуто красным карандашом; рядом на полях знак вопроса красным карандашом

^{а-а} фраза вписана на полях   ^б далее было: не оказали; рядом на полях: белорусы?   ^а далее было: граф Каменский

своих помещиков, но даже перебили войсковые части, направленные на их усмирение. Это восстание было подавлено с великой жестокостью.]

Турция была вынуждена заключить с Россией мир ^г[5 V 1812 г. в Бухаресте]^г <4>, который принес России Бессарабию,¹⁷ страну, расположенную между реками Прутом на западе, Днестром на востоке. На юге она ограничена одним из рукавов реки Дуная и Черным морем. <1>

В царском манифесте, выпущенном по поводу Бухарестского мира, объявлено было, что «сей богодарованный мир доставил знатные выгоды Российской империи, включая в прекрасные пределы ее многолюдную и плодотворную поверхность земли». <5>

^дОколо 2 тысяч лет назад на земле, которую впоследствии стали называть Бессарабией, жил народ геты,^е который был покорен римским императором Траяном. Страна гетов была превращена в римскую провинцию под названием Дакии, в которой стали селиться римские колонисты. <7> Предполагают, что молдоване, или молдаване, — ^ж[главная часть населения Бессарабии?]^ж — потомки этих римских колонистов, смешавшихся с дакийским населением.

В III веке пришли готы — народ германского происхождения, к концу V века авары, родственное гуннам племя, <2> потом болгары — народ **финского происхождения**^з (?) <2> и наконец славянские племена. <2>

Кочевые народы беспрестанно и страшно разоряли страну. <4> Так, угры нападали на нее в IX столетии, печенеги в X, половцы в XII и, наконец, в XIII монголы. <4>

В середине XIV века Бессарабия вошла в Молдавское княжество, которое в XV веке стало платить дань Турции, <7> присоединившей к себе южную часть [и северную части] Бессарабии и построившей там крепости, в том числе Измаил на юге и Хотин на севере. <2>

Так как Бессарабия находилась ^н на пути из России в Турцию, то Бессарабия нередко становилась ареной войн и прохождений войск. <2>

Так, за время с 1711 г. по 1812 г. русские занимали Бессарабию пять раз, причем Бессарабия иногда на несколько лет попадала во владение России. <3>

Так продолжалось до 1812 года, когда Бессарабия стала частью Российской империи.

^к[Состав населения был чрезвычайно пестр. Главную массу составляли молдаване, затем украинцы, выходцы из Украины, великороссы, преимущественно раскольники, носящие название липован, которые бежали из России, евреи и цыгане.]^к

---

^{г-г} вписано на полях   ^д начало абзаца было: Давно, давно на территории Бессарабии жили скифы. В 106 г. хр. э. римский император Траян предпринял поход   ^е подчеркнуто и рядом помета на полях — красным карандашом   ^{ж-ж} подчеркнуто красным карандашом   ^з подчеркнуто красным карандашом
^н было: лежала   ^{к-к} вписано на полях

Плодоносная страна досталась России в очень тяжелом состоянии. Население было разорено русско-турецкой войной. Русские истощали население реквизициями, работами на дорогах, перевозками фуража и хлеба, кошением казенного сена. <4> Крестьянское население было угнетено мыслью, что Россия принесет им крепостное право.^л Крепостного права в Бессарабии не было,^м [только цыгане находились в некоторых местах в крепостной зависимости (почему?)].^н Но существовала барщина — крестьяне должны были 12 дней в году работать на помещика, а кроме того, отдавать в его пользу десятую часть своих доходов и нести повинности, выражающиеся в охране лесов, починке плотин. <5>

Опасения крестьян имели под собой основание и оправдались.

Одним из первых дел российского царя в отношении новоприсвоенной страны было признание [действительными] старых грамот молдавских помещиков на земли в Бессарабии, вследствие чего в Хотинском уезде земли попали в руки некоторых молдавских бояр, а крестьяне в зависимость.

[По присоединении^п было решено, что Бессарабия будет управляться по прежним ее, то есть молдавским, законам. Несчастье^о заключалось в том, что законы эти были в состоянии хаоса^п и молдавская администрация, руководясь обычным правом, так притесняла и грабила население, что нередко вызывала^р бегство за пределы жителей. Писали,^с что поступки членов департаментов, например, противны даже здравому смыслу, не говоря уже о законах.

Все это привело к тому, что российское правительство <решило> реорганизовать управление Бессарабией.

Гражданским начальником Бесс<арабии> был назначен боярин молдавский Стурдза. Управление поручено двум департаментам, в которые входили и русские советники и молдаване. В уездах хозяйничали исправники (пыркалабы), пользов<авшиеся> и адм<инистративной> и судебн<ой> властью.]^т

1812 год принес одно событие во внутренней жизни России, которое следует отметить.

Сперанский, сделавший так много для того, чтобы упорядочить государственное управление в России и очистить административный аппарат от негодных чиновников, в числе прочих работ занимался составлением нового гражданского уложения.

Развитой и передовой для своего времени человек, Сперанский был увлечен кодексом Наполеона и стал пользоваться им для заимствований. <2>^у

---

^л далее было: а мысль эта имела большое основание. Российский царь ^{м-н} вписано на полях; почему? подчеркнуто красным карандашом ^н было: В 1812 году ^о было: Беда ^п было: в беспорядочном состоянии ^р было: приводило ^с было: Гартинг писал ^т По присоединении ~ властью вписано на полях, рядом записи: Переделать. Выправить. (Стиль — зачеркнуто), помета красным карандашом ^у сверху страницы вписано: Сперанский и Финляндия

Кроме того, он разработал указы о придворных званиях и об экзаменах на гражданские чины.

Первый указ ударил по дармоедам и карьеристам из знатных фамилий, которые, со времен Екатерины II получая придворные чины в младенческом возрасте, на службе сразу занимали высшие должности, так как камер-юнкера чин [или камергера]^ф давал на это право. <7> Сперанский предложил придворные звания считать отличиями, вовсе не дающими права на чин.

Второй указ предписывал никого не производить в чин коллежского асессора без окончания университетского курса или же без экзамена.

Оба эти указа создали Сперанскому многочисленных врагов среди аристократии и чиновников. <7>

В 1811 году известный литератор [а затем и историк, автор «Истории Государства Российского»] Карамзин Николай Михайлович, реакционер по своим убеждениям, противник реформ в государстве [и крайний монархист], сыграл известную роль в том, что произошло со Сперанским, подав записку, направленную против либеральных преобразований.¹⁸ <1>

Отношения Франции и России начали портиться уже с 1809 года, когда Александр I не выполнил <5> своего обещания Наполеону помочь ему военной силою против Австрии.

В 1810 году Наполеон был настроен уже резко враждебно против России.

То обстоятельство, что Наполеон I отказался дать России обещание в том, что Польша не будет восстановлена, ухудшало дело.

Континентальная система тяготила Россию, и Александр I не соглашался вовсе закрыть свои гавани для иностранных судов. Наполеон утверждал, что нейтральных судов нет, так как все они производят торговлю английскими товарами. <3>

Назревали события, и становилось понятно, что события будут очень грозными. <1>

Либеральные реформы Сперанского, тяготение его к французскому кодексу законов дали повод бесчисленным врагам его обвинять его не только в том, что он приносит вред государству^х [и вызовет его разложение своими нововведениями],^х но и в прямой измене. Клеветники утверждали, что Сперанский находится в связи с агентами Наполеона I. <5> Все это дало свои плоды, и в марте 1812 года непоследовательный, подозрительный царь выслал Сперанского в Н. Новгород. <1> С этого времени Александр I лишился и последнего единственного передового человека возле себя и стал попадать все более под влияние^а реакционеров. <1>

Итак, шел грозный 1812 год, и вся Российская империя знала, что возможна война с Наполеоном, ставшим повелителем

^ф было: например

^{х-х} вписано на полях

^а было: власть

почти всей Европы, и что Наполеон формирует и сосредотачивает в Пруссии и великом герцогстве Варшавском <1> огромную армию. <16>

* * *

^ч Вечером 11 июня 1812 года на реке Неман в трех верстах выше города Ковно разъезд лейб-гвардии Казачьего полка заметил подозрительное движение на реке и стал наблюдать за ней.

Когда совсем стемнело, через реку с возвышенного и лесистого берега на русский берег на лодках и паромках переправилась рота сапер.

Казачи поближе подошли к реке и были обстреляны саперами, после чего ускакали донести начальству о том, в чем не было сомнений: неприятель [без объявления войны] входил в пределы России. <3>

Вслед за саперами переправились три роты пехоты, стали охранять сапер, а те стали наводить мосты и к ночи навели три моста. <1>

Лишь когда рассвело, 12 июня 1812 года по трем мостам потекла в пределы России огромная армия, сосредоточившаяся на западном берегу Немана. <1>

Это была армия Наполеона I, во главе которой он шел сам в Россию. <5>

Утром ^ш 12-го кавалерийские русские разъезды слышали глухой рев тысяч голосов у переправ. Это солдаты наполеоновской армии, знавшие, что Наполеон с холма смотрит на переправу, кричали: «Да здравствует император». <1>

Армия, вторгшаяся в пределы ^ш Российской империи, была чудовищно велика. Наполеон вел для покорения России, считая со своими резервами 612 тысяч человек с 1300 пушек. <2>

Составлена армия была из многих народов. Половину ее <2> примерно составляли французы. Но в одиннадцати корпусах армии, [которыми командовали наполеоновские маршалы], были народы всех стран, которые покорил Наполеон или которые состояли с ним в союзе. Здесь ⁹ были поляки, баварцы, саксонцы, итальянцы, испанцы, пруссаки, вестфальцы, португальцы, австрийцы. ^ю Ядро [великой] армии составляла императорская французская гвардия, которой командовали три маршала. <4>

Предвидя все трудности похода по редко населенной России и ее великим пространствам, Наполеон снабдил армию громадным обозом, с тем чтобы провиант не задерживался ни на минуту.

Помимо этого солдаты на себе несли запасы пищи, которых им должно было хватить на 4 дня. <2>

Армия Наполеона, имея впереди себя в авангарде конницу

---

^ч было: В ночь с 11 на 12 июня 1812 года казаки лейб-гвардии Казачьего полка заметили подозрительное движение на реке ^ш было: Днем ^ш далее было: России ⁹ было: В армии ^ю рядом вписано: Войска ...ские

под командой Иоахима Мюрата, короля неаполитанского, пошла в поход. <2>

Александр I находился в Вильно, и уже вечером 12 июня, когда он был на балу у Бенигсена, ему доложили о вторжении Наполеона. <3> Ничего, кроме чувства страха, не могло охватить русского царя при этом известии.

Россия, технически отсталая и с вечно расстроеными финансами страна, для того, чтобы отражать неприятеля, могла выставить только третью часть того войска, с которым он входил. <1> В армии русской было много новобранцев неопытных, которые вряд ли могли быть противопоставлены испытанным в боях полчищам Наполеона. <1>

Имя Наполеона, уже бившего русских, наводило страх. Распространились слухи о том, что Наполеон идет с миллионной армией, и многие ждали конца. <1>

Дворянство впало в уныние, потому что было в нашествии Наполеона нечто не менее страшное, чем сама грозная военная сила завоевателя. Зловещие слухи о том, что собственные крестьяне ненадежны, — вот что явилось причиной смятения. <3> Заговорили о том, что появились возмутители, которые призывают к бунту, что мужики мечтают о вольности. Многим ярко вспомнилась пугачевщина. <1>

Александра стали обвинять в том, что он не сумел предотвратить войну. <2>

Но как бы то ни было, грозный враг уже шел по стране и стране пришлось напрячь свои силы для того, чтобы его отразить. <3>

В первом же приказе по армии Александр I, взывая к войскам, писал, что войны должны защитить «веру, отечество, свободу», а в рескрипте, направленном государственному совету, обещал не положить оружия, доколе ни единого неприятельского воина не останется в царстве его. <2>

Русские силы разделялись на две армии, одной из которых командовал [немец] генерал от инфантерии Барклай де Толли, другой — Багратион, по происхождению грузинский князь, опытейший и храбрый боевой генерал, некогда бравший с Суворовым Чертов Мост. <2>

Опытный [военный] теотерик Барклай составил план, заключающийся в том, чтобы не принимать от Наполеона решительного сражения, а увлечь его в глубь России. <1>

Задача обоих полководцев прежде всего заключалась в том, чтобы соединить свои армии, и ее они начали выполнять, отступая перед Наполеоном. <5>

Тем временем Александр I выпустил манифест о сборе ополчения^а [примечательно то, что в манифесте содержался призыв не внимать никаким лукавствам и обманам неприятеля. В этом прямой отзыв слухов о том, что Наполеон может принести свободу]^а и обращение к первопрестольной столице Москве. Об-

^{а-а} вписано на полях

ращение это ^а было составлено в торжественных и неясных выражениях, и понять из него можно было только одно, что Россия находится в состоянии крайней опасности.

Обращение вызвало чувство ужаса среди дворянства московского, и, по выражению одного из современников, его «пронял холодный пот».

Посещение Александром I Москвы несколько подняло настроение, и Россия стала выставлять ратников ополчения и жертвовать деньги.

Тем временем армии Барклая и Багратиона соединились под Смоленском. После этого Барклай пошел к Витебску, но Наполеон предпринял обходное движение к Смоленску, желая отрезать русскую армию от Москвы.

Смоленск после отчаянной защиты был разрушен артиллерией Наполеона и взят, а русская армия стала отступать к <8> Москве. <1>

Настроение в армии из-за отступления стало падать. Как ни был страшен враг, войска все же хотели выйти из томительного отступления. <1> То обстоятельство, что Барклай был немец, было причиной разговоров об его измене, Багратион был сторонником боя. <1>

Александр I при этих обстоятельствах назначил главнокомандующим обеими армиями престарелого генерала Кутузова, того, который выиграл турецкую кампанию, <2> хоть и не любил его лично. <1> Имя Кутузова, сподвижника Суворова, было известно и в России пользовалось симпатиями. <1> Смена главнокомандующего оживила армию. <1>

Однако, приехав в армию, Кутузов несколько дней^б уклонялся от боя с Наполеоном и отступал. <1>

Остановил он армию [в 20-х числах августа] в 100 верстах от Москвы у села Бородина [и стал укреплять позиции]. Тогда армии стало известно, что здесь произойдет решительный бой. <1>

^в [Подосевший Наполеон с 130-тысячной армией 24 августа отбил у русских укрепление у села Шевардина и русские осадили левый свой фланг версты на две.]^в

113-тысячная [русская] армия стала на 5-верстной позиции. 25 августа 1812 года части войск увидели икону Божией Матери, спасенную из Смоленска. Ее несли торжественно, чтобы поднять дух солдат. Солдаты становились на колени, молились.^г Большинство солдат 25 августа отказались от порции водки и все надели чистые рубахи, зная, что многих из них завтра ждет. <1>

Наполеон же приказал показать своим войскам портрет его сына-мальчика, именуемого «князем Рима».

В половине шестого утра^д 26 августа 1812 года после первого пушечного выстрела начался невиданный и чудовищный бой между армией Наполеона и русскими.

---

^а далее было: также   ^б было: дней десять   ^в фраза вписана сверху страницы
^г далее было: Солдат   ^д было: На рассвете

В бою участвовало с обеих сторон около 1200 артиллерийских орудий.

Поля под Бородином стали ареной бешеных столкновений конниц, налетавших полками друг на друга, железных пехотных атак, когда и русские и французы шли в штыковой бой без единого выстрела (?).

Пушечным и ружейным огнем косило шеренгами солдат. <2>

Бой продолжался целый день и стал стихать только с наступлением темноты. <3> Результаты его не сразу стали ясны. Обе армии, или вернее то, что осталось от них, остались, примерно, на своих местах, и Кутузов отдал распоряжение наутро возобновить бой, но к ночи отменил его и приказал отступить.^е

Бородинское поле сражения представляло собою взрытое гранатами и ядрами пространство, на котором среди разбитых лафетов, колес, орудий лежали горами тысячи трупов людей и лошадей, а по Можайской дороге тащились тысячи раненых солдат.

Оказалось, что русские <3> потеряли 58 тысяч человек убитыми и ранеными, в том числе 21 генерала. Багратион был смертельно ранен. Наполеоновская армия потеряла [убитыми и ранеными] 50 тысяч человек и 43 генерала.

Наполеон, давший в своей жизни пятьдесят сражений, утверждал впоследствии, что Бородинское было самым ужасным.

Бородинское сражение было объявлено победоносным в Петербурге.

Кутузов был произведен в фельдмаршалы, и ему дано 100 тысяч рублей, Барклаю орден Георгия 2-й степени, <2> а раненому Багратиону 50 тысяч. Солдатам было пожаловано по 5 рублей. <1>

Итак, не могло быть и речи о бое на следующий день, как не могло быть, впрочем, о каком-нибудь другом бое под Москвой. Позиции для боя не было, и нельзя было рисковать потерей армии. Это выяснилось вечером 1 сентября в деревне Филях под самой Москвой, где Кутузов собрал военный совет. <1>

В Москве в это время действовал и распоряжался главнокомандующий (?) в Москве граф Ростопчин, ставший известным благодаря своим печатным обращениям к народу, так называемым афишкам, сочиненным им самим в ложно народном духе, шутовским языком, который* он считал понятным для народа и которого народ не понимал и относился с отвращением. <1>

Афишки Ростопчина давно уже были причиной паники и смятения в Москве. Из Москвы дворяне начали выезжать уже после Бородинского сражения, а с того момента, когда армия русская подошла к самой Москве и распоряжения Ростопчина стали путанными и противоречивыми, отъезд принял форму исхода.³

^е далее было: 27-го августа русская армия * далее было: народ ³ рядом на полях: через какие заставы; подчеркнуто синим карандашом

1 сентября^а Москва представляла уже картину полного беспорядка. Выпущенные из тюрьмы колодники пытались проникнуть в закрытые кабаки, люди простого звания, видя, как уезжают люди высших классов, волновались и угрожали им. <4>

2 сентября утром уходили валом последние экипажи, повозки, верховые, стаи встревоженных собак шли за своими хозяевами... А затем через Москву пошла, уходя на рязанскую дорогу, русская <3> армия, в арьергарде которой шел отряд Милорадовича. <1>

На плечах у отступающих шла наполеоновская армия без боя с отступающей, так как было заключено перемирие. <1>

Днем 2 сентября все было кончено. ^{*}[Из 300 примерно тысяч жителей в Москве осталось не более 10-ти (? Кто?)]^к

Показались первые разъезды великой армии, в том числе польские уланы, и столица Российской империи¹⁹ была занята. <5>

Сам Наполеон в это время с Поклонной горы смотрел на развернувшуюся перед ним с бесчисленными маковками церковью завоеванную столицу. В свите маршалов царила та же уверенность, что и у самого полководца. Война почиталась оконченной.

Поэтому Наполеон, подъехав к Дорогомиловской заставе, ждал, что к нему выйдут и сдадут ключи от города.

Но это ожидание оказалось тщетным, что распространило удивление и тревогу.

Переночевав в Дорогомилове, Наполеон 3-го вступил в Москву и поместился в Кремлевском <2> дворце. <3>

Вечером 2 сентября в Москве вспыхнул первый пожар на Солянке и с большим трудом был потушен. Тогда же^л загорелся гостинный двор на Красной площади,^м и пожар был в разгаре, когда Наполеон въезжал в Кремль. Пожары сопровождалось грабежами лавок и домов, и в них принимали участие как свои русские, так и солдаты <4> наполеоновской армии.

Горело за Яузским мостом. В ночь с 3 на 4 сентября поднялся сильный ветер. ^н[Уезжающие видели. Отступающая армия видела зарево.]^п

4 сентября огонь охватил Пречистенку, Арбат, загорелись Красные ворота.

Горели мосты на реке, Замоскворечье было охвачено пламенем. Наполеон понял 4 сентября, что грозит ему. В Кремль был введен подвижной пороховой магазин и боевые снаряды для корпуса (?) молодой гвардии.

Лицо Наполеона было страшно, когда он, бросив работу, смотрел в окно. Он догадался, в чем дело, и сказал: «Эти они сами поджигают! Что за люди! Это — скифы». <1>

Между тем ветер менял направление как бы нарочно, и огненные волны пожирали город так, что многих улиц уже нельзя было найти. Оконные стекла во дворце стали накаляться.

^а над фразой знак вопроса и помета синим карандашом   ^{к-к} фраза вписана на полях; Кто? написано красным карандашом   ^л было: Но на другой день ^м далее было: как раз тогда, когда Наполеон   ^{н-п} вписано на полях

Приближенные настойчиво стали просить Наполеона покинуть Кремль. Он согласился на это лишь тогда, когда загорелась Троицкая башня. <1>

Наполеона вели окруженного гвардейской охраной тогда, когда приходилось закрывать лицо руками и задыхаться от дыма.

Он мог погибнуть в огненном море, если бы не случайная встреча с мародерами из корпуса маршала Даву. Они вывели Наполеона по Ленивке и Волхонке на Пречистенку. <1>

Затем, попав на Москву-реку у Дорогомиловского моста, Наполеон° сложным путем к ночи был приведен в Петровский дворец, где и поместился. <1>

Пожар прекратился 6 сентября после двухдневного сильного дождя. <1>

Что представляла из себя Москва, описать трудно. Из 329 церквей, бывших в ней, сгорело 122. <2>

В то время, как армия^п Наполеона находилась в Москве [и ее окрестностях] и Наполеон употреблял все усилия для того, чтобы, во-первых, наладить нормальную жизнь в завоеванной столице, а во-вторых, выяснить все условия, на которых можно было бы заключить мир, Кутузов со своей армией благополучно вышел на Рязанскую дорогу, а с нее на Калужскую. ^р [Мюрат со своей конницей пошел искать Кутузова. Кутузов отошел]^р и стал при Тарутине так, что в тылу у него оказалась Тула с оружейным заводом.

Продовольственная часть русской армии была налажена хорошо. Она стояла на своей земле. <1>

Положение же Наполеона ухудшалось непрерывно. Во-первых, в его разноплеменной армии, занявшей город, появились [правда, слабые, но все же] признаки разложения [в особенности среди немцев]. Развивалось в величайшей степени мародерство, и дисциплина резко упала. <1>

Продовольствоваться [в окрестностях Москвы] было очень трудно. ^т [Казачьи отряды донского корпуса Платова (?), появились партизанские отряды,^с нападали на фуражиров крестьяне Московской и Смоленской губ.]^т В армии появились болезни. Осень шла суровая,^у войска начали страдать от холода. <3>

^ф [3 октября Наполеон сделал попытку предложить мир, но получил в ответ от Ал(ександра) молчание.]^ф

6 октября 1812 года Кутузов атаковал Мюрата, но не разбил его. Мюрат ушел. <1>

Тогда Наполеон отдал приказ уходить из Москвы.

Что толкнуло его на это? Разве он не мог зимовать в Москве? Мог, но опасался остаться на долгий срок вдаль от Франции и решил вернуться к Смоленску, зимовать у литовской границы, чтобы весной пойти на Петербург. <1>

° далее было: а потом переправился
нуто: Вся? ^{р-р} вписано на полях
вписана на полях ^у было: холодная

^п рядом на полях написано и зачерк-
^с далее было: истребляли ^{т-т} фраза
^{ф-ф} фраза вписана вверху страницы

11 октября Наполеон пошел из Москвы, велел взорвать Кремль.^x <2>

Было ли выступление Наполеона паническим? Нет. Он все рассчитал и настолько даже, что по календарям за 40 лет приказал навести справку о том, когда обычно начинаются морозы. Продовольствия было взято множество. Армия его была боеспособна. <1>

Первоначально Наполеон двинулся⁴ через Малоярославец к Калуге, намереваясь выбить оттуда Кутузова.

После боя у Малоярославца дела развиваться не стал, <5> а пошел на Смоленскую дорогу. <1>

И тут началась великая катастрофа, поразившая великую армию.

Отягощенная [гигантскими] обозами, взятыми в Москве, армия пошла⁴ преследуемая сбоку³ **конницей**³ (?) Милорадовича, с тылу³ донской конницей Платова [и со всех сторон партизанскими отрядами.] При постоянных столкновениях она дошла до Вязьмы, где Платов и Милорадович вцепились в арьберггард. <1>

И в тот же день пошел снег и начались морозы.

Лошади стали падать вначале сотнями, а затем и тысячами. <2>

Пришлось бросать повозки, а затем и артиллерийские орудия. <1>

Под Смоленском корпус вице-короля был разбит русскими. <1>

От Смоленска армия пошла к Орше. Она таяла с каждым днем. Оборванные солдаты начали погибать от холода и голода и в постоянных боях. <1>

К реке Березине, [притоку Днепра,] подошли в середине ноября.

Здесь Наполеона старались поймать три армии. Кутузовская (?), армия Витгенштейна, защищавшая ранее путь на Петербург и подошедшая с театра турецкой войны, армия адмирала Чичагова. Но и тут Наполеон сумел предпринять маневр, которым обманул Чичагова. Тот стянул свою армию не в то место, куда нужно было, и Наполеон, взяв от Чичагова в сторону на 12 верст, с яростными боями, переправился на правый берег. <1> Переправа эта, когда тонули сотни людей на подламывающихся мостах, под артиллерийским обстрелом русских, добила армию. На правый берег вышли тыщач 40. . .¹⁰ <4>

Тут Наполеон оставил армию, оповестив Францию о бедствии, которое постигло ее, и уехал в Париж, а командование сдал Мюрату. <2>

В Вильну пришло тысяч 5 способных держать ружья. . . За ними тащились безоружные, закутанные в лохмотья остатки. <1>

Вышли из пределов России через Ковно около тысячи гвардейцев с 9 пушками и тысяча двадцать человек, которые уже не являлись солдатами. Это были голодные, большие, безоружные, заросшие бородами толпы людей. <1>

^x рядом на полях: — подробности   ⁴ далее было: к Калуге   ⁴ было: тронулась
³ было: с тыла   ³ подчеркнуто красным карандашом   ³ было: с флангов
¹⁰ тысяч 40 *зачеркнуто и внась написано*

Так в 1812 году извергла из своих пределов Россия великого завоевателя Наполеона, действуя при безмерной храбрости солдат и при безграничной смелости и самопожертвовании крестьян-партизан, инстинктивно гнавших иноземцев со своей земли, где они терпели тяжкие страдания. Но это была их земля. <10>

* * *

Александр I, ждавший бедствий от Наполеона, волею своего народа, защищавшего страну, оказался победителем.²⁰ <2>

Кутузов [теперь после изгнания Н(аполеона) светлейший князь Смоленский] получил приказание двинуть армию за пределы страны. Александр I теперь лелеял план свержения Наполеона. 1. I 1813 года русские войска перешли Неман. Александр был в армии. Пруссия восстала, присоединилась к России. <5>

Но Наполеон вновь собрал большую армию [до 200 тысяч человек] и разбил союзников на территории Саксонии. <2>

Через некоторое время России удалось составить против Наполеона громаднейший союз, в котором помимо Пруссии приняли участие Австрия, Англия и Швеция. <8>

В 1813 г. в начале октября произошел грандиозный бой под Лейпцигом [именуемый «Битвой народов»], где армия Наполеона была разбита союзными войсками и Наполеон вынужден был уйти за реку Рейн.

Австрия была склонна прекратить кампанию, но Александр I настоял на вторжении во Францию. <2>

После боев на французской территории в марте 1814 года положение Наполеона стало безнадежным.

Французская армия, защищавшая Париж, не могла удержать <3> союзников, и (?)^{*} марта 1814 г. Париж был взят. [Наполеон не защищал сам Париж, он был со своею гвардией в городе Фонтенбло.]

Союзные войска во главе с Александром вошли в Париж 31 марта. <2>

Французский сенат вынес постановление о низложении Наполеона I с престола. Тот отрекся в пользу сына, но от него потребовали отречения безусловного, что он и исполнил. <2>

Остров Эльба в Средиземном море был отдан во владение Наполеону, ему назначена пожизненная большая пенсия. На английском корабле он был отправлен на Эльбу.

Поражение императора, считавшегося непобедимым, и его падение резко изменило к нему отношение французов в дурную сторону. <1>

Во Франции же произошла реставрация, и на трон был возведен представитель той самой династии Бурбонов, которую свергла революция.

На троне Франции оказался Людовик XVIII [брат казненного XVI], давший, по настоянию союзников, обещание ввести

^{*} было: 18-го

конституцию. Конституция была дана, но грубо нарушалась. Начались преследования приверженцев Наполеона, республиканцев, исповедующих протестантскую веру.

В 1814 году в Вене открылся конгресс, на который съехались <2> многие короли Европы и министры.^а Александр I играл очень большую роль на этом конгрессе.

Однако притязания Александра на то, чтобы завладеть всем Варшавским герцогством, встретили большое противодействие, и ему пришлось отдать^б Пруссии Торн и часть восточной Галиции Австрии. <2>

В начале марта^в 1815 года распространилось известие о том, что Наполеон покинул остров Эльбу и направился во <2> Францию. Наполеон высадился на юге Франции и пошел на Париж. <1>

Людовик XVIII немедленно бежал из Парижа. <1>

Царствование Наполеона на этот раз продолжалось только сто дней. Наполеон решил отказаться от абсолютной власти и объявил о том, что дает Франции конституцию. <1>

Союзные государства не дали долго царствовать Наполеону. 18 июня 1815 года в Бельгии при Ватерло армия Наполеона была разбита соединенными английскими и прусскими войсками.

Наполеон отрекся от престола, был захвачен англичанами, сослан на остров Святой Елены и шесть лет прожил на нем под именем генерала Бонапарта. Он умер в 1821 году. <1>

Во Францию возвратился Людовик XVIII, и первый год его возобновленного правления был ознаменован преследованиями бонапартистов, вообще республиканцев, виновников вторичного воцарения Наполеона. Преследования сопровождались смертными казнями, изгнаниями из страны, конфискацией имущества. <2>

Наступила полоса темной реакции в Европе.²¹

Александр I после уничтожения Наполеона стал играть невиданную роль в Европе. И всю силу и мощь, которые теперь оказались у него в руках, он направил на подавление революций в Европе, где бы они ни вспыхивали. Он образовал так называемый Священный Союз государей, и сам явился автором устава этого союза. <8> Союз обязывал государей в управлении подданными и в политических отношениях к другим правительствам руководствоваться заповедями Евангелия. <1>

Темная реакция распространялась в Европе. В 1822 году была задавлена путем иностранного военного вмешательства революция в Испании. <8>

Вторая половина царствования Александра I показала ясно, что надежды просвещенных людей на то, что он, некогда ученик Лагарпа, он, причислявший себя к республиканцам, произведет какие-нибудь реформы.

Бывший некогда под влиянием либерального и умнейшего

^а далее было: чтобы разделить земли
ло: 8 марта

^б было: удовольствоваться

^в бы-

Сперанского, Александр I во вторую половину царствования подпал под влияние Аракчеева, одной из самых страшных фигур, которые знает история [России] XIX века. <6>

Генерал Аракчеев, **военный министр**,[†] а затем инспектор артиллерии, <1> главной своей заботой поставил увеличение войска в России и введение в ней железной дисциплины.

Отличаясь безграничной, тупой и бесчеловечной жестокостью, генерал Аракчеев был причиной невероятных страданий солдат во всей стране. <7> За малейшие провинности их подвергали зверским телесным наказаниям, забывая до полусмерти шпицрутенами. Какие-либо серьезные преступления, а в особенности преступления политические приводили к назначению наказаний неслыханных. Солдат прогоняли сквозь строй иногда до через несколько тысяч человек, что было равносильно смертной казни, но казни мучительной. <1>

Военные поселения,²² мысль учредить которые, как мы знаем, принадлежала самому Александру, были введены и устроены Аракчеевым. <2> На землях государственных крестьян были поселены в различных губерниях, например, Харьковской, Новгородской, Херсонской, солдаты некоторых^д полков, которые обязаны были заниматься хлебопашеством и в то же время непрерывным военным обучением. <1>

В военных поселениях жизнь этих поселян была похожа на жизнь в казарме или тюрьме. <1> Не говоря уже о той тяжести, которую представляла двойная работа военная и земледельческая, <4> военных крестьян мучил их образ жизни. Они ни в чем не принадлежали себе. Они должны были испрашивать разрешения на брак^е [нередко девушек — дочерей поселенных выдавали замуж по назначению начальства]^е, не смели отлучаться с места поселения без разрешения командиров.

Унтер-офицеры обходили избы поселенных, следя за каждым их шагом. Малейшие проступки влекли за собою телесные наказания, отправления в учебные батальоны или на службу в Сибирь. <1>

Как ни была забита солдатская и крестьянская Россия, в военных поселениях вспыхивали бунты.

В 1817 году в Новгородской губернии взволновались крестьяне, протестуя **против введения поселений**.^{*} <1> В том же году вспыхнуло волнение в бугском войске. <3>

В 1819 году начался бунт в Таганрогском и Чугуевском полках, где военные поселения отказались косить сено для казенных лошадей и оказали сопротивление войскам, вызванным для усмирения. <1>

Жестокость усмирения была такова, что из 70 человек, <3> подвергшихся наказаниям шпицрутенами, нескольких забили на месте насмерть. <3>

Каторжное обращение командиров с солдатами, привитое

[†] подчеркнуто красным карандашом   ^д было: различных   ^{е-е} вписано на полях   ^{*} рядом на полях знак вопроса

Аракчеевым, давало свои результаты, и в армии не было спокойно. <1>

В 1820 году произошло возмущение в лейб-гвардии Семеновском полку. Командир его Шварц своею жестокостью довел солдат до того, <7> что одна рота отказалась нести караулы и повиноваться офицерам.

Когда роту окружили вызванные роты Павловского полка, взбунтовались остальные семеновцы. Взбунтовавшиеся³ были отправлены в Петропавловскую крепость, полк был расформирован, солдаты понесли обычное бесчеловечное наказание — истязание шпицрутенами. Зачинщиков после этого отправили в каторжные работы. <3>

Возмущение в Семеновском полку вызвало новый взрыв реакции и усиление строгостей в армии. <2>

Темной порой была вторая половина царствования Александра. Усилился крепостной гнет. <1>

Стало падать просвещение. Министр народного просвещения Голицын стал губителем университетской науки. Он дошел в своем мракобесии до того, что утверждал, что изучение наук следовало бы заменить чтением священного писания.

При Александре I были открыты новые университеты в **Казани, Петербурге и Харькове**⁴ (?), но наука в них стояла низко, потому что начальство, яростно пытаясь искоренить неверие, изгнать вольнодумные мысли, преследовало лучших профессоров и студентов. Особенное разрушение науки произвел в Казанском университете попечитель⁵ учебного округа Магницкий, изгнавший даже изучение римского права.

Цензура стала свирепой. <9>

В этой громадной тюрьме [для народов], которой стала обширная страна, захватившая столько новых земель, не прекращались никогда попытки народа избавиться от крепостного гнета. <4>

После тех волнений, которые были среди крестьян в 1812 году, через десять лет, в 1822—<18>23 гг., вспыхнуло возмущение на золотых Березовских приисках, потом у заводчика Баташева во Владимирской губернии, на заводах Расторгуева в Пермской, где рабочие на некоторое время захватили в свои руки управление расторгуевскими заводами.⁶ <2>

Страна, придавленная аракчеевским режимом, стремилась выйти из него. <1>

В 1825 году в имени, принадлежащем графу Аракчееву, была дворовыми людьми зарезана⁷ домоправительница и невенчанная жена Аракчеева Настасья Минкина.

Грузино было местом, где крестьянам жилось хуже, чем на каторге. Жестокость Аракчеева и Минкиной доводила дворовых до того, что они кончали жизнь самоубийством. <2> Несколько раз пытались Минкину отравить. Наказание за убийство Мин-

³ было: Семеновский полк   ⁴ подчеркнуто и рядом помета — синим карандашом   ⁵ рядом с абзацем помета красным карандашом   ⁶ было: убита

киной было серьезно. Трех осужденных по делу крестьян забили кнутом насмерть. <15>

* * *

^мКрепостное право, достигшее в XIX веке своего пышного развития, начинало явно мешать промышленному развитию страны. <4> ^нРазоряя крестьян, оно в то же время ударило и по хозяйству помещиков.²³ <4>

И вот у многих передовых и просвещенных людей того века, а в России они были и в то время, когда царствовали и управляли такие люди, как Александр I и Аракчеев, возникла мысль о необходимости уничтожения крепостного права. Мысль же эта, конечно, была неразрывно связана с мыслью об уничтожении самодержавия в России, породившего и питавшего крепостное право. <1>

Эти мысли ширились и развивались среди дворянского круга, представители которого были и сами помещиками и большинство которых принадлежало к военным и преимущественно гвардейских полков. <2>

Походы за границу сыграли в этом значительную роль. Военные познакомились с европейскими порядками, получили представление о политических взглядах, отличающихся от тех, что царили в России. И это относится не только к офицерам, но и к солдатам. <2>

Бедствия страны были слишком очевидны, чтобы их не поняли лучшие из привилегированного класса.

Борьба в открытую, высказывание своих взглядов были невозможны. Тогда это привело к образованию тайных заговорщических обществ. <1>

Первое из них «Союз Спасения» образовалось еще в 1816 году. Затем распалось, и в 1818 году создано новое «Союз благоденствия». То, распавшись в свою очередь, разделилось на два общества — Северное и Южное, и оба они стали разрабатывать проекты переворота и установления республиканского образа правления.

Во главе Южного стоял наиболее деятельный, смелый и развитой полковник Пестель. <1>

Южное общество предлагало более крайние меры, чем Северное. Пестель лелеял планы уничтожения не только Александра I, но и всей царской семьи. <2>

Пестель повел переговоры с представителями польских тайных обществ. <2>

Летом 1825 года правительству стало известно о некоторых планах заговорщиков, благодаря доносу. <Он>^о был сделан унтер-

---

^н начало фразы было: Крепостнические отношения в стране Чем дальше, тем яснее в 19 веке ^н напротив пропущенных строк помета красным карандашом, скопая с пометой возле абзаца После тех волнений ~ заводами (см. выше), который, вероятно, М. Булгаков предполагал перенести на данное место ^о было: ... доносам. Один из них

офицером 3-го Бугского Уланского полка Шервудом. Но правительство действовало вяло и медленно в раскрытии заговора.

В конце 1825 года Александр I умер в Таганроге. Наследовать ему должен был его брат Константин. Но тот отрекся от престола еще в 1821 году, причем его отречение держалось в тайне. Вследствие этого возникло на короткое время междоусобица. Страна не знала, кто станет царем. В некоторых местах уже присягнули Константину. Затем было объявлено о присяге другому брату Александра Николаю. <1>

Северное общество решило, что настала пора действовать. Оно решило воспользоваться неурядицей для того, чтобы увлечь за собою полки и добиться у Николая отказа от самодержавия. <2>

Заговорщики назначили князя Трубецкого диктатором, для того чтобы избавиться от несогласий, мешающих проведению переворота. <3>

14 декабря 1825 года в Петербурге члены Северного Тайного общества сделали попытку переворота.^п <6> В этот день был назначен сбор гвардии на Сенатской^р (?) площади в Петербурге для принесения присяги новому царю, который вступил на престол под именем Николая I. <1>

Заговорщики вывели две роты лейб-гвардии московского полка,^с лейб-гренадерский и часть гвардейского экипажа.^т <5> Эти части присягать отказались. Произошло смятение. <2>

Но заговорщики действовали нерешительно. <5>^у

Тогда Николай собрал у Зимнего Дворца [другие части] гвардии. К бунтовавшим частям был послан для увещания митрополит и петербургский генерал-губернатор граф Милорадович. <1>

Милорадовича убили выстрелом из пистолета.

Николай I послал в атаку на восставших кавалерийские конногвардейские и кавалергардские полки. <3>

Атака успеха не имела. Тогда восставшие были обстреляны артиллерийским огнем и были рассеяны. <3>

На юге началось восстание также. <1>

Часть Черниговского полка освободила арестованного Сергея Муравьева-Апостола и с ним двинулась в Белую Церковь. <1>

Гусары и конная артиллерия <1> настигли отряд Муравьева-Апостола, и раненый Муравьев был арестован.^ф <3>

Восстание и в Петербурге и на юге было подавлено, и восставшие преданы верховному уголовному суду.^х Под суд пошли

---

^п рядом на полях: **Декабристы**   ^р рядом помета красным карандашом
^с далее было: несколько <ко>   ^т подчеркнуто красным карандашом; рядом на полях: объяснить
^у напротив пропущенных строк написано: причина   ^ф рядом на полях: **бой?**, подчеркнуто красным карандашом   ^х далее зачеркнут текст: Нововступивший царь обнаружил на первых же порах необыкновенное лицемерие и жестокость. <1>

В Манифесте, изданном немедленно после событий, было сказано, что нижние чины, то есть солдаты, в деле 14 декабря «ни делом, ни намерением не участвовали» и что они впали в заблуждение.

Казалось бы, что солдаты должны были быть оправданы <2>

Но тут же прибавлялось, что

свыше ста офицеров различных частей и некоторое количество штатских лиц.

Приговор суда был таков: 31 одного⁴ человека приговорили к смертной казни путем отсечения головы, остальных в каторжные работы на разные сроки. <2>

Но были пятеро особо выделенные, которым была назначена смертная казнь варварским способом — четвертованием. <1>

Николай I [несколько] смягчил приговоры всем почти обвиненным. Тогда суд пятерых главных обвиняемых, «сообразуясь с высокомонаршим милосердием», приговорил не четвертовать, а повесить. <1>

13 июля 1826 года в Петропавловской крепости были повешены пятеро: Пестель, Сергей Муравьев-Апостол, Бестужев-Рюмин, Каховский и Рылеев.

Последний был поэт, бывший в дружбе с величайшим поэтом отечества, жившим в то время, — Пушкиным.

О себе в стихах своих Рюмин сказал: «Я не поэт, я гражданин».

То, что говорил суд о высокомонаршем милосердии,⁴ было бесстыдной ложью. Царь, восшедший на престол, не только был чужд милосердию, но отличался и лицемерием, редко видаемым.

Хуже всех расплатились солдаты, признанные виновными в мятеже. Некоторых из них приговорили прогнать сквозь строй тысячи человек до 12 раз. Это означало забивание человека прутьями насмерть. <1>

Так началось царствование Николая I в России. <2>

Одним из первых дел нового царя было учреждение [III-го отделения] собственной его величества канцелярии и связанного с ним теснейшим образом корпуса жандармов, шеф(ом) которых был назначен граф Бенкендорф. <14>⁵

В тот же год началась русско-персидская война. <2> Русские в ней взяли перевес и перенесли сражения на территорию Армении.⁵ <19>

На территории ханства Эриванского существовала сильная крепость Эриван. Она была взята русскими,³ и по Туркманчайскому миру Россия не только получила 20 миллионов рублей контрибуции, но и завладела новой страной, получив ханства Эриванское и Нахичеванское. <14>

Не успела кончиться русско-персидская война, как Николай I, который с первых дней повел политику вмешательства в чужие дела, вовлек Россию в новую войну с Турцией.²⁴ <1>

Поводом для нее послужила борьба греков с турками, когда греки пытались добиться независимости от Турции <1>

По сути дела, греки в отношении турок должны были бы рассматриваться как революционеры, и Николай I, сочувствующий

⁴ так в рукописи   ⁴ было: Высокомонаршее милосердие, о котором говорил суд
⁵ напротив пропущенных строк на полях: Объяснить деятельность корпуса
⁵ рядом на полях: История Армении. *Напротив пропущенных строк помета красным карандашом*   ³ рядом на полях: в 1826?

уставу охранительного Священного Союза, должен был быть <2> на стороне Турции, но вмешался в дело вопрос вероисповедания. Греки были единоверцами русских, и Россия обрушилась на неверных мусульман. <3>

В 1827 году в Наваринской гавани соединенный англо-русско-французский флот напал на соединенный турецко-египетский флот и уничтожил его, причем в бою со стороны русских отличался талантливый адмирал Нахимов. <5>

Наваринское сражение привело к войне с Турцией. <2>

Русские [по двум направлениям обрушились на турок,] на Дунае взяли турецкие крепости Бранлов и Варну, а в^ю Закавказье (?) русские под начальством генерала Паскевича взяли Ахалцых на грузинской территории в августе 1828 года и удержали его, а в июне крепость Карс. <1>

У турок была надежда привлечь на свою сторону персов, которые^а рисковали войной с Россией <5> из-за того, что в Тегеране 30 июня^а 1829 года был убит персами русский посланник Грибоедов. <1>

Грибоедов был знаменитым, оставшимся известным и по наши дни писателем, автором пьесы «Горе от ума».^б Пьеса была запрещена цензурой, и сам Грибоедов едва не погиб, будучи привлечен по делу декабристов. Ему удалось уничтожить заранее всю опасную для него переписку <2> и оправдаться. <1>

Он был послан обратно на службу в Персию с назначением послом (полномочным министром?) в Тегеран. <2>

Ненависть персов к русским вызвала в январе 1829 года нападение толпы на посольство. Грибоедов был зверски убит. <1>

Персидское правительство сделало все, чтобы избежать столкновения из-за тегеранского убийства, и войны не последовало. <2>

Убитого^в опального посла в Петербурге забыли, но страна не забыла его.

И надпись, сделанная на его могиле женою Ниной... <1> Ум и дела твои... <1> оказалась справедливой. <4>

Итак, расчеты на помощь Персии не оправдались. <5>

Русские, неуклонно развивая успех в Европе,^д [в Азии взяли Эрзерум].^е <2>

Адрианополь <2>

В 1829 году был заключен Адрианопольский мир и Россия получила <1> восточный берег Черного моря с **Анапой, Поти и Ахалцых**.^ж <2> Молдавия, Валахия и Сербия — право иметь

^ю далее было: в Азии генерал Паскевич — крепости Карс <1> и Ахалцых. Рядом со словом Азии помета красным карандашом ^а далее было: могли

^а вероятно, описка; следует: 30 января ^б далее было: Пьеса эта была сочинена Грибоедовым в Персии, где он вынужденно служил в посольстве, в Тифлисе и в России во время долго(го) отпуска. ^в было: от Грибоедова же

^г рядом на полях: **Дописать**, подчеркнуто красным карандашом ^д далее было: взяли ^е вписано на полях ^ж подчеркнуто и рядом знаки вопроса — синим карандашом

собственных государей, с обязательствами платить Турции дань. Греция была признана независимой от Турции. <1 страница>

В то время как корпус жандармов, руководимый Бенкендорфом, употреблял все усилия для того, чтобы искоренить крамолу и бороться с революцией внутри страны, <3>, ту же роль [охранителя-жандарма] в более широком масштабе Николай I выполнял в отношении Европы. <6>

В 1830 году во Франции произошла так называемая июльская революция, когда буржуазия восстала против французского короля Карла X (из рода Бурбонов) [сменившего Людовика XVIII], подавившего какие бы то ни было признаки свободы [печатать, выпускавшего указ] о вознаграждении эмигрантов и т. д.]. В революции приняли участие рабочие,³ стремившиеся добиться демократической республики.

[В конце] июля произошли баррикадные бои в Париже народа с правительственными войсками. Правительственные войска были разбиты или частью перешли на сторону восставших.

Но рабочие, недостаточно организованные, не могли добиться учреждения республики, и революция кончилась сменой династии" [Карл X отрекся],^к и на престол Франции попал Людовик-Филипп, герцог Орлеанский, причем королевская власть была несколько ограничена. <2>

Июльская революция отразилась на некоторых^л странах Европы, и в том числе в Бельгии, которая существовала как одно государство в соединении с Голландией. Народ Бельгии начал восстание [в Брюсселе] против короля, а из Брюсселя оно распространилось по всей стране. <2>

Николай I, верный своей роли охранителя Европы от революций, уже лелеял план похода в Бельгию, как <2> разразилась события, которые коснулись его гораздо ближе, нежели бельгийские события. <2>

В Польше, со времени Венского конгресса присоединенной к России под именем Царства Польского, тайные общества патриотов, не покидавших мысли о возвращении Польше независимости, в ноябре 1830 года начали восстание.²⁵ <1>

Военные напали на Бельведерский дворец, где помещался наместник Царства Польского брат Николая Константин, и тот еле спасся. <1>

Затем ему пришлось вывести [русские] войска из Варшавы, и восстание поляков разлилось широко.

Польская армия (Польша имела свою [национальную] армию, но ведал ею Константин) перешла на сторону восставших. <1>

Восставшие разбились на две партии, из которых одна — умеренная хотела добиться конституционного строя, а другая — республиканского. <1>

Константин вынужден был вывести войска из пределов Польши. <1>

³ далее было: стремлением которых было   " фраза отчеркнута на полях
^к вписано на полях   ^л было: многих

Николай I обрушился со всею силою на подавление польского восстания, и стотысячная армия <2> русская вторглась в Польшу. <2>

Поляки были разбиты при Грохове недалеко от Варшавы. <3>

Восстание распространилось в Литве, но восставшие были разбиты под городом Вильно. <1>

Русские под командой Паскевича взяли Варшаву, и восстание было подавлено. <8>

Результат его был печален для Польши. Николаем было уничтожено отдельное национальное польское войско. "Царство Польское было по государственному устройству приравнено к русскому государству." Университеты в Варшаве и Вильно были закрыты, а вместо них основан университет в Киеве. <1 1/2 страницы>

В 1833 году, когда Египетский паша Мегмет-Али поднял восстание против Турции, Россия, которая, как мы видим, непрерывно почти воевала с Турцией, отнимая у нее ее владения, верная охранительной политике Николая I, заключила с нею союз и послала <11> "Ведя войны на юге и западе, Россия Николая I непрестанно продолжала свое движение в Среднюю Азию. Постепенно поглощая киргиз-кайсацкую степь и покоряя киргизов, Россия устраивала^o на территории киргизов **казачьи** поселения."ⁿ <1>

Назначая среди киргиз султанов правителей, Россия придавала каждому из них военные русские казачьи части. <1>

Постепенно продвигаясь в Сибирь, русские^p учредили уже военные посты на границе с Голодной Степью. <3>

Продвижение русских привело их к столкновению с Хивинским ханством, <4> и в 1839 году генерал Перовский с [маленьким] отрядом был послан в поход на Хиву.

Поход этот кончился полной неудачей, и отряд Перовского после первых столкновений вернулся, не достигнув своей цели. <17>

Тридцатые годы столетия XIX ознаменованы были также непрекращающейся борьбой России с кавказскими народами.^c <1 страница>

Как же обстояло дело внутри самой страны в тридцатых годах? <1>

Разрозненное и бесправное задавленное крепостное крестьянство страны не могло мириться со своим положением. <1>

Никогда не прекращаясь, то там то здесь во всех концах страны начинались волнения крестьян. <1>

Большую частью они начинались на почве тягостного экономического положения крестьян. Наибольшее количество их вызывала тяжкая барщина. Обременение работами, жестокое взыскание недоимки, [насильственное] переселение крестьян и, нако-

^{m-n} отчеркнуто, рядом на полях: Выправить ⁿ начало фразы было: Постепенно захватывая ^o было: строила ^p абзац отчеркнут на полях ^r далее было: военные посты ^c рядом на полях: Шамиль

нец, жестокое, невероятное в наше время, обращение с крестьянами помещиков и их управителей.[†] [Дело доходило не только до телесных наказаний, но и до пыток, иногда до травли собаками крестьян, дворовых и их детей. Бывали ли исключения? Конечно. Некоторые помещики обращались человечно со своими подданными, заботились о них. Бывали случаи, когда мелкопоместные (не более 20 душ крестьян) помещики жили со своими подданными. . . см. Вел. Реф. III, 37]^{† 26}.

Телесными наказаниями и истязаниями вообще крестьян доводили до отчаяния. <2>

Когда маленькие вспышки крестьян разрастались, они переходили в бунты, неповиновение уже не самим помещикам, а властям с противодействием присланным для увещания чиновникам, а иногда и противодействием военным командам. И власть в николаевское время подавляла их с жестокостью, которая могла бы поразить наше воображение. <2>

В самом же начале царствования Николая I были установлены военные суды для крестьян, восставших против помещичьей власти, а несколько позже было отдано распоряжение подавлять восстания военной силой.

^у[Вред крепостного права был очевиден для всякого мыслящего человека. В начале царствования Николай I позволил себе выразиться о нем как о серьезном зле. Но уничтожение этого зла он признавал еще большим злом. От этого и происходили жалкие полумеры, которыми хотели смягчить положение крестьян].^у <2>

Так обстояло дело с крестьянами. <2>

В военных поселениях, оставленных стране в наследство Александром I и Аракчеевым, дело обстояло не лучше.²⁷ <3>

В 1831 году в Новгородской губернии разразился бунт, принявший огромные размеры. <4> Поводом к нему явилась эпидемия холеры, вспыхнувшая в России. Эта эпидемия сопровождалась беспорядками повсюду. Неграмотное и темное население, видя гибель людей от страшной болезни и веря нелепым слухам о том, что врачи и начальство отравляют народ умышленно, совершало насилия над врачами.

С этого началось дело и в военных поселениях и приняло характер кровавого возмущения, во время которого ярость военных поселян обрушилась на жестоких командиров и унтер-офицеров ^фВ военных поселениях^ф было убито более ста человек офицеров.

Попытки подавить восставших вооруженной силой давали плохие результаты. <1>

Бунт прекратился^х <3>

И, как обычно, последовала военно-судная расправа с бунтовщиками. <1>

---

^{†-†} вписано на полях   ^{у-у} вписано на полях   ^{ф-ф} начало фразы было:
В округах   ^х рядом на полях повторен знак вопроса

Около трех тысяч человек было подвергнуто зверским [телесным] наказаниям, причем многие из осужденных погибли под шпицрутенами. <4>

Правление Николая I замечательно тем, что как будто бы нарочно, как бы руководимый злою силой, желанием причинить вред стране и ее народам, он вел и ввергал страну в тьму невежества и отсталости. <2>

Учебные заведения разного типа [в том числе и высшие] учреждались и открывались при Николае I, но уже в начале своего царствования николаевское правительство сделало все возможное, чтобы преградить доступ в учебные заведения молодежи из низших слоев общества.

Высшее образование признавалось для них вредной и лишней роскошью, которая выводит их «из круга первобытного состояния без выгод для них и государства».

Так душилось⁴ всякое стремление к просвещению. <3>

Крепостное право тормозило экономическое развитие страны, и Россия была самой отсталой в этом смысле в Европе. Она торговала с Европой своим сырьем и это же свое сырье получала обратно с европейских фабрик в виде фабриката готового.

<Конец III тетради>

ТЕТРАДЬ IV

Продолжение Николаевской эпохи.

(См. тетрадь III)

Техническое образование стояло чрезвычайно низко. <1>

Многие гражданские ведомства вместе с их учебными заведениями были построены по типу военных организаций, например ведомство путей сообщения, причем это не приносило никакой пользы. <1>

Первая железная дорога на коротком протяжении между Петербургом и Павловском <2> была сооружена в конце тридцатых годов и то при противодействии министра финансов Канкрин. <2>

Главное внимание николаевского правительства было направлено на армию, так как в ней видели опору для борьбы с внутренними беспорядками и силу для нападений на соседей. <1>

Казалось бы, что армия, поглощавшая столько сил в стране и денег, и людей, которым приходилось служить по <2>^а должна была быть в образцовом порядке.

Нет, этого не было. Все усилия командиров были направлены на то, чтобы улучшить внешнюю выpravку солдат. Для этого

---

⁴ душилось в рукописи зачеркнуто

^а на полях напротив пропущенных строк помета красным карандашом

не жалели никаких сил, и муштровка солдат превращала их в автоматы.

А между тем на вооружение армии не обращали должного внимания, что и принесло, как мы увидим, империи Николая I очень печальные плоды. <7>

Из внутренних дел государства Николая I следует отметить издание в 1833 году свода законов, составленного под руководством Сперанского, возвращенного к деятельности. <2>

И финансовую реформу, произведенную министром финансов Канкриним, который выпустил в обращение так называемые депозитные билеты, разменивающиеся на серебро рубль за рубль <6>⁶

Сороковые годы ознаменовались большим восстанием крестьян в Гурии, части Грузии, расположенной у юго-восточной части Черного моря.

Гурийцы — народ грузинского племени, занимающийся земледелием и виноделием.

Восставшие требовали уничтожения крепостного права. Крестьянами был захвачен почти целиком Озургетский уезд, и удалось им продержаться около четырех месяцев, пока не были стянуты войска в большом количестве, которые подавили восстание. <5>

В 1848 году во Франции произошла революция, именуемая Февральской. Она была произведена рабочими, поддержанными мелкой буржуазией.

Король Франции Людовик-Филипп был низвергнут и бежал. Во Франции была провозглашена республика.

⁶Рабочие элементы добились.⁹ <7>

Вслед за Французской произошли революции в Германии и Австрии.^г <6>^а

[В конце 1848 года Венгрия восстала против австрийской императорской власти.]^е В 1849 году она объявила себя самостоятельным государством с народным управлением, причем во главе правительства стал Кошут. <3>

Николай I, последовательно проводя свою политику вмешательства в дела стран, где происходят революционные события, отозвался на призыв австрийского правительства, разбитого венграми [под предводительством Гергея,] и двинул свою армию в Венгрию под предводительством Паскевича. <1>

Армия русская раздавила венгерскую, и Гергей вынужден был сдаться у села^ж Вилагош. <1>

После этого наступила реакция в Венгрии. Многие из восставших были казнены. <4>

Революционные события в Европе вызвали в Российской империи усиление реакционного николаевского режима. Замерла всякая общественная жизнь. <1>

⁶ *напротив пропущенных строк на полях*: и т. д. Елп., 424 ^{в-в} было: Первоначально рабочие элементы добились значительных завоеваний; *рядом на полях*: МСЭ, 7, 224 ^г *рядом на полях*: МСЭ ^а *напротив пропущенных строк на полях*: Маркс, подчеркнуто красным карандашом ^е *начало фразы было*: Венгрия ^ж *было*: под

Цензура стала свирепствовать особенно сильно, за университетами был установлен особенно крепкий надзор, были запрещены командировки молодых русских ученых за границу. <10>

Среди русских образованных людей, конечно, были многие, понимавшие все черные стороны николаевской монархии и положение страны. <2>

Петрашевский-Буташевич, литератор, сочинивший словарь иностранных слов, написанный под влиянием идей сороковых годов, царивших во Франции, организовал кружок лиц, собиравшихся у него для бесед. <6> К этому кружку примкнули многие литераторы и ученые. Главными темами, обсуждавшимися среди петрашевцев, были, конечно, наболевший вопрос об уничтожении крепостного права, вопрос о необходимости произвести судебную реформу [и дать] свободу книгопечатания. <1> Петрашевцы громили в своих беседах цензурные безобразия. [Это был либеральный кружок.] <1>

Правительство, получившее донос о собраниях петрашевцев, схватило их и раздуло дело о них. Их отдали под военный суд, тот признал петрашевцев заговорщиками, действующими под влиянием пагубных учений, породивших мятежи в Западной Европе, и вынес им приговор, никак не соответствующий делу. Петрашевцев приговорили к смертной казни путем расстреливания.

Правда, раскаяние всех подсудимых, за исключением Петрашевского, державшегося непоколебимо, привело к замене смертной казни ссылкой на разные сроки на каторгу, но смягчение приговора объявили осужденным тогда, когда их одели уже в предсмертные рубахи и привязали к столбам. [Это было в Петербурге на Семеновском плацу 22 XII 1849 года.] Таким образом их заставили пережить предсмертные мучения, из-за которых один из осужденных потерял рассудок. <3> Петрашевский пошел в бессрочную каторгу, а обвиненный в числе других великий русский писатель Достоевский в каторгу на четыре года. <2>

Поскольку петрашевский кружок вовлек в себя многих литераторов, здесь уместно отметить, что первая половина века XIX-го как раз в царствование Александра и Николая Первых дала отечеству нашему в самую темную пору ряд выдающихся лиц, составивших славу нашей страны на целые столетия. <1>

В числе их были: величайший поэт Пушкин, погибший от смертельной раны на дуэли в 1837 году, другой поэт — Лермонтов, убитый на дуэли в 1841 году, Грибоедов, которого мы уже знаем, великий русский критик Белинский, величайший сатирик Гоголь. <2>

В области музыки бессмертную славу получил основоположник русской музыки Михаил Глинка. <3>

Украинский народ выделил из себя знаменитого поэта Тараса Шевченко, крепостного крестьянина, выкупленного у своих господ. <6> За принадлежность³ к украинофильскому обществу был сослан в рядовые в Оренбургскую губернию. <22>

³ далее было: по делу

В 1853 году Турция, поддерживаемая Англией и Францией, объявила России войну.¹ <1>

Причин для нее было много. Непосредственным поводом для столкновения^к с Турцией послужил спор из-за права владеть так называемыми святыми местами в Палестине. <2>^л

Русская политика Николая I к тому времени вызывала уже резко отрицательное отношение стран Западной Европы. Европа не желала более терпеть вмешательства России в чужие дела.

Кроме того, западные страны, и в особенности Англия, опасались усиления Российской империи на Востоке. <1>

К войне Россия не была подготовлена. Армия ее была вооружена плохо; в то время как западные страны и турки вооружили свои армии новыми тогда нарезными ружьями, большая часть <2> русской армии была вооружена устаревшими, негодными для боя кремневыми ружьями.

Порохом армия была снабжена в недостаточном количестве. Снабжение армии было поставлено плохо, и, кроме того, война показала, до какой степени в николаевской империи было развито казнокрадство и взяточничество, из-за которого русские солдаты были плохо одеты и обуты. <2>

Флот России устарел. В нем были парусные суда, в то время как другие <3> страны плавали на новых конструкциях паровых судов. <2>

При таких условиях началась война. <1>

Военные действия открылись между Турцией и Россией и на Дунае и на Кавказе. В Черном море под Синопом талантливому русскому адмиралу Нахимову удалось уничтожить турецкую эскадру. <1>

Но это вызвало появление в Черном море многочисленного соединенного англо-французского флота.

Тогда Николай I объявил Англии и Франции войну.

^л [Действия Англии и Франции в других морях] ^л

Весною 1854 года соединенный флот англичан и французов бомбардировал Одессу и произвел высадку в Евпатории. <1>

Затем соединенные турецко-англо-французские войска на реке Альме разбили русскую армию и заставили ее отступить. <1>

Тогда союзники осадили с моря и суши Севастополь, в котором оказался запертым русский по сравнению с соединенным малочисленный флот (?). <4> Осажденный город защищали адмиралы Нахимов и Корнилов с армией сухопутной и моряками. Возведением укрепления^л ° [Севастополя занимался талантливый (?) военный инженер Тотлебен].^о

С 1 октября 1854 года началось бомбардирование Севастополя осаждающими, и после этого в течение 11 месяцев <2> русские

---

^л на полях: Наполеон III — дополнить   ^к было: спора   ^л далее было: Турция была поддержана вступившими с нею в союз Англией и Францией, а в дальнейшем и Сардинией <2>   ^л—^л фраза вписана на полях   ^л так в рукописи   ^о—^о фраза вписана на полях, рядом помета красным карандашом

с чрезвычайною храбростью отстаивали Севастополь. Свыше 80 тысяч человек потеряли они за время осады. <1>

В августе 1855 года бомбардировкой союзники разрушили большую часть укреплений, и наконец, 27 августа французы после отчаянного штурма взяли главное укрепление Севастополя Малахов Курган.

Севастополь, истерзанный артиллерийским огнем, превратился в развалины. Удерживать его больше было нельзя. Тогда русские [затопили в бухте военные суда,] взорвали свои пороховые погреба, зажгли то, что еще уцелело в Севастополе, и покинули его. <12>

Падение Севастополя сыграло решающую роль. Более войну продолжать не было смысла.

Россия потеряла свыше полумиллиона людей убитыми, ранеными и больными из-за тяжелых условий, в которых приходилось воевать, и полмиллиарда денег. <1>

России пришлось идти на мир, который и был заключен в 1856 году в Париже. <1>

Севастополь она не потеряла, так как русские войска взяли в Азии турецкую крепость Карс. <3> Карс был оставлен Турции, Севастополь России, но Россия потеряла право иметь в Черном море военный флот и крепости. <1>

Мир с союзниками подписывал уже не Николай I, а вступивший на престол России сын его Александр II. <1> Николай I отравился (?) 18 II 1855 года, оставив истощенную войной, задавленную крепостным правом громадную страну. <7>

* * *

Многие в России понимали, что дальнейшее существование страны с таким государственным порядком, как при Николае I, невозможно. Все ждали реформ и перемен. <2>

Манифест 1856 года, выпущенный Александром II в торжественных и высокопарных, как обычно, выражениях.^п <9>

Царствование Александра II началось с того, что лица, осужденные по делу декабристов 1825 года и участвовавшие в польском восстании, были возвращены из сибирской ссылки. <15>

Затем были открыты женские гимназии и **прогимназии**, что дало возможность, наконец, женщинам получать образование, так как до этого существовали только **институты** и **пансионы** частных лиц.^р

[Извне Россия продолжала расширение своих владений. Устье реки Амура, [впадающей в Татарский пролив,] уступленной в 1689 году при царевне Софье Китаю, было захвачено русскими к 50-м годам.

В 1855 году на Амуре появились русские войска, а затем и поселенцы. В 1858 году Россия заключила с Китаем трактат,^с

^п далее было: как будто обещал, хотя и глухо
нуты красным карандашом

^р выделенные слова подчерк-

^с было: договор

по которому Амур был признан границей России с Китаем. В дальнейшем Россия по договору с Китаем взяла и приморскую полосу — Уссурийский край.

Крестьяне, работавшие в Нерчинских рудниках, были поселены по Амуру, и из них сформировано казачье войско.

Кроме того, Россия произвела окончательный захват Кавказского хребта. См.][†]

^у [Уступки земли Сев(еро-) Ам(ериканским) Соед(иненным) Штат(ам) за деньги и Сахалин см. Елп., 450].^у

Но самый главный вопрос, стоявший перед царской властью, был, конечно, вопрос о наболевшем крепостном праве. <2>

Свыше двадцати миллионов людей в громадной стране были на положении рабов. Крестьянам не принадлежало ни пяди земли, они жили на земле помещика и за право работать на этой земле должны были отбывать барщину. <8>

Крепостное право все более и более мешало экономическому развитию страны.^ф

[Вражда крестьян к крепостному праву неуклонно росла в 50-х годах.² В 1854 (году), когда царская власть объявила призыв в морское ополчение, началось движение крестьян, предпочитавших рисковать своею жизнью, чем оставаться в крепостной зависимости. Среди крестьян распространился слух, что поступление в ополчение освобождает от помещичьей власти. Толпы крестьян направились из различных имений в города, чтобы записываться в ополчение. И правительству пришлось посылать войска для задержания крестьян.

То же повторилось в 1855 году, когда было объявлено ополчение сухопутное.

Отбиваясь от внешнего врага, правительству пришлось выделять войска для борьбы с собственным населением. Движение волной развивалось не только в великорусских губерниях, но и на Украине. Например, в губернии Киевской. Там стремление к воле в особенности поддерживало воспоминание о временах казачества, о самоуправлении казаков и о их независимости.

Крестьяне приходили к священникам и требовали у них царского указа о записи в казаки и освобождении от крепостной зависимости. Получив отказ в этом, так как указа такого не было, крестьяне производили нападения на священников. В некоторых уездах Киевской губернии движение приняло характер мятежа, который пришлось подавлять военной силой, причем в Киевской губ. на места волнений пришлось правительству выделить 16 эскадронов^х кавалерии и пехотные части. Среди крестьян были убитые и раненые, причем характерно то, что раненые крестьяне очень часто скрывали свои раны, чтобы скрыть свое участие в мятеже. 1856 год не принес никакого успокоения. По южным губер-

[†] Извне Россия ~ хребта. См. вписано на полях, рядом помета красным карандашом ^у фраза вписана сверху страницы ^ф здесь отсылка к нижеследующему тексту Вражда крестьян ~ реформой, произведенной в 1861 году (с. 416—418), который вписан на полях ^х подчеркнуто красным карандашом

ниям пронесся слух, что будто бы помещичьих крестьян вызывают для заселения разоренного Крыма. Легенды, ходившие между крестьянами, разрастались. Пошел слух, что в Перекопе будто бы сидит в золотой шапке царь и раздает всем пришедшим волю, а неявившиеся останутся в панской неволе.

Тогда из Екатеринославской и Херсонской губерний народ тысячами пошел в Крым за волей. Пришлось посылать войска, чтобы остановить крестьян, покинувших своих владельцев, и дело доходило до кровавых столкновений.

А в 1857 году в Мингрелии разразилось громадное крестьянское восстание.³ Мингрелия расположена в Закавказье, между реками Рионом и Цхенис-цхали. Мингрелия некогда существовала⁴ [с 1442 года — времени разделения Грузии] как самостоятельное государство, которым единовластно распоряжался правитель-дадиан, которому принадлежала вся территория Мингрелии.

Мингрельцы — народ картвельской группы. Крестьянское население Мингрелии делилось на ряд классов в зависимости от того, насколько они были в подчинении у помещиков. Среди крестьян были полусвободные, несшие лишь некоторые повинности. Были более обязанные, вынужденные выделять работников на барщину, и наконец, состоявшие в полном рабстве у князей-помещиков и называвшиеся моджалабе.

Духовенство Мингрелии также входило в крепостное сословие. Священник не только отбывал крепостную повинность наравне с крестьянами, но и так же мог быть продан хозяином.

Мингрелии приходилось во время своего самостоятельного существования платить дань и турецкому султану и персидскому шаху. Так продолжалось и до заключения Кучук-Кайнарджийского мира (1774?), когда Мингрелия освободилась от дани.

В 1803 году владетель ее Григорий Дадиан отдался в подданство России, но самостоятельность в делах гражданских сохранил.

В 1846 году духовенство было освобождено правителем Мингрелии от крепостной зависимости.

Мингрельцы — народ способный, музыкальный и боевой по своей натуре, был очень беден, жил в саклях, крытых дранью, или в сплетенных из раkitника и крытых травой избушках (? Бркг. 37, 334).⁴ В хозяйстве их — несколько виноградных лоз и гряд с арбузами и дынями. Притеснения, разорявшие мингрельских крестьян, нередко вызывали их восстания. И вот в 1857 г. такое восстание разлилось по Мингрелии. Во главе крестьян стали двое крестьян: Уту-Микава и То-Дуа.

«Все плоды наших трудов идут на пользу нашим господам, — говорили мингрельцы. — Последнее добро господа вымогают у него или хитростью, или насилеи. Господа считают, что мы хуже животного». Заявления и требования восставших потрясли царскую власть. Восставшие заявили, что все люди — братья

³—⁴ вписано внизу страницы ⁴ знак вопроса подчеркнут красным карандашом

и что сословия дворянское и княжеское не могут больше существовать. Восставшие требовали уничтожения³ роскоши и ограничения торговых барышей. В этих требованиях власть увидела влияние революционных идей Запада, занесенных во время минувшей восточной войны. Русские войска были брошены на подавление восстания, и оно было подавлено с обычной жестокостью.

В других местах Грузии вооруженные выступления крестьян участились перед реформой, произведенной в 1861 году.]⁴

В 1857 году [был учрежден, наконец, комитет для рассмотрения вопроса об упразднении крепостного права]. В Виленской, Ковенской и Гродненской губерниях местным дворянам было предложено приступить к разработке проектов об улучшении положения крестьян. <11>

Затем и в других губерниях образовались дворянские комитеты для обсуждения проектов об улучшении быта крестьян. <25>

Наконец, 19 февраля 1861 г. был выпущен манифест об уничтожении крепостного права и издано «Положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости». <7 строк и 1 страница>

Крепостные и дворовые помещиков становились свободными, им присваивались, как и всем другим, личные и имущественные права. <9>

Но им не дали земли. <10>

Помещики сохраняли право собственности на всю землю и обязывались отдать в постоянное пользование крестьян то, что было занято крестьянской усадьбой и, кроме того, некоторое количество пахотной земли. <6>

За такой надел крестьяне <6> должны были уплатить помещику выкуп деньгами или работой и до тех пор, пока не выплатят, считались в долгу у помещика, называясь временнообязанными крестьянами. <4>

Если крестьянин выкупал свою усадьбу, а также полевой надел с согласия помещика, он становился крестьянином собственником. <7 строк и 1 страница>

Откуда же крестьянам было взять денег для выкупа своей земли? <6>

Правительство соглашалось выдавать деньги за земли помещикам с тем, чтобы потом крестьяне уплатили их в казну в течение ряда лет. <12>

Дворовые люди помещиков для того, чтобы получить свободу, должны были в течение еще двух лет оставаться в повиновении своим владельцам и служить им. <20>

Были назначены мировые посредники для разбора дел между освобожденными крестьянами и их бывшими владельцами. <1 1/2 страницы>

Отменяя крепостное право, царское правительство больше всего опасалось крестьянских волнений и того, чтобы власть на местах не была поколеблена. <5>

³ было: ограничения

И опасения власти оправдались. <3>

Крестьянские волнения охватили страну, причем причиною их явилось разочарование крестьян, вызванное царской реформой.⁵ <6>

Крестьяне ждали полной воли и земли и не могли примириться с тем, что им за землю приходилось платить обязательной повинностью помещикам. <12>

Немедленно по объявлении манифеста и положений в Виленской губернии <2> крестьяне отказались от исполнения барщины. Дело дошло до того, что местные власти начали арестовывать крестьян, наказывать их розгами, ставить в деревни на постой солдат. <3>

В Витебской губернии крестьяне произошли ^ш такие же беспорядки, причем крестьяне в одном из имений бросились на приехавшего усмирять их флигель-адъютанта. <2>

По целому ряду губерний прокатились волнения, при этом во многих местах крестьяне не верили тому, что им читают подлинный манифест, а не фальшивый. <1> В подлинном, как они полагали, золотыми буквами им дана воля без обязательств по отношению к помещикам. <2>

Флигель-адъютантов, которые были разосланы по губерниям для усмирения крестьян, принимали за переодетых подставных лиц, обманывающих крестьянский мир. <5>

В Минской губернии, в Мозырском уезде, крестьяне сочли себя совершенно свободными после объявления манифеста и твердо решили стоять за то, чтобы повинностей не исполнять. «Мы не поддадимся под помещика, хоть горло всем перережь», — говорили крестьяне и отказывались работать более одного дня в неделю. <2>

Всюду гудели слухи о том, что царь дал им волю и землю, но [ненавидимые] помещики скрывают это, неверно читают положения, скрывают от крестьян самое главное. <3>

То же происходило и на Украине. <2>

В Киевской губернии крестьяне были уверены, что земля им дана безвозмездно. <6>

В Подольской губернии волнения охватили, потрясли 12 уездов. <2>

Всюду были волнения и всюду заканчивались жестокими телесными наказаниями тех людей, которые по манифесту становились свободными. <3>

Самый тяжелый случай был в Казанской губернии, где в селе Бездна ^б один из крестьян толковал Положение так, что крестьяне свободны уже давно, а господа волю от них утаивали. <2> Это толкование крестьянина пользовалось большим успехом.

Этот крестьянин, по фамилии Петров, призывал ^в крестьян помещиков больше <не> слушать,^ю начальников также, на бар-

^ш так в рукописи

^в было: говорил крестьянам, что

^ю далее было: не надо

щину не ходить, не платить оброка, подвод не давать, от помещиков ничего не брать самим, но если кто будет брать, то ему не препятствовать. <1>

^а Крестьяне понимали Петрова так, что ^а вся земля отходила к крестьянам, а господам оставались лишь овраги, дороги, буераки да базарные места. <4>

После толкования Петрова, которое распространилось по нескольким уездам, крестьяне, уверенные в том, что действуют они законно и правильно, начали отказываться от повинностей, а иногда делали попытки делить помещичье имущество и хлеб. <2>

Генерал-майор граф Апраксин, посланный для усмирения крестьян, был встречен ими с хлебом-солью. Но хлеба этого не принял, а потребовал выдачи Петрова. Когда же крестьяне выдать его отказались. <2> Апраксин велел стрелять в толпу, причем было убито и ранено свыше ста человек.

Крестьянин Петров был приговорен к смертной казни и расстрелян, а Апраксин получил от правительства орден. <1¹/₂ страницы>

Крестьяне Грузии получили освобождение позже русских.^а

Произвести наконец ^б крестьянскую реформу и в Грузии пришлось, однако, довольно поспешно, так как события 1863 года, вызванные польским восстанием, могли повлечь за собою войну. <1>

В Восточной Грузии крепостное право прекратилось в 1863 году, а в Западной позже. Там в 1867 году. <5>

Крестьяне в Грузии были отпущены на волю без земли. Помещики оставили им незначительные куски, за которые крестьяне должны были уплатить выкуп и очень высокий. <1>

Вообще землей здесь распорядились помещики так, что пахотной земли у крестьян после реформы оказалось меньше, чем до реформы (БСЭ, Грузинск.) <1> И свыше полутора тысяч крестьянских семей земли совсем не получили.

Что же касается выкупа, то справиться с ним нищее и голое крестьянство Грузии в некоторых местах не могло справиться ^в до первого десятилетия XX века. <5>

Волнения среди крестьян Грузии вследствие такого положения дел продолжались, временами вспыхивая с **большой** силой. <22>

Что же это за восстание поляков в 1863 году, которое грозило России войной с Европой и ускорило реформу в Грузии? ⁷ <9>

Поляки никогда не оставляли мысли освободиться от русского владычества. В особенности эта мысль была крепка в кругах польских эмигрантов. У поляков была надежда на то, что Европа поддержит их в борьбе за освобождение. <2>

Особенного напряжения отношения достигли к началу шести-

---

^{а-а} было: По словам Петрова

^а строкой ниже было: Администр

^б было: Поторопиться с ^в так в ру-

кописи

десятих годов. <1> В Польше стали образовываться <6> тайные революционные кружки. <2>

Ненависть поляков начинала выливаться в **манifestациях**, разгоняемых военной силой. <1>

В 1862 году, когда наместником Царства Польского был назначен великий князь Константин Николаевич, один из польских **патриотов** произвел на него покушение. <1>

В начале января русское правительство объявило **рекрутский**^г набор и при этом нарочно внесло в списки призываемых лиц, участвовавших в манифестациях. <1>

Это переполнило чашу терпения, и началось открытое восстание. Возглавляло его временное народное правительство — ржонд народовый, состав которого менялся во время восстания. <3>

Восстание началось с нападений на русские гарнизоны в некоторых городах, а затем приняло характер партизанской войны против русских.^д <2>

Европейские страны Англия, Франция, Австрия сделали попытку вмешательства в дело, послав **требования** (?) русскому правительству с целью облегчить...^е <4>

Но до войны дело не дошло, и русские раздавили восстание в 1864 году. <2>

Погибло несколько десятков тысяч повстанцев в боях, около двух тысяч человек при беспощадном усмирении были повешены. <1>

Стал известен безмерной жестокостью при подавлении восстания граф Михаил Николаевич Муравьев, назначенный в мае 1863 года генерал-губернатором Северо-Западного края с чрезвычайными полномочиями. По приказу Муравьева были сожжены целый ряд деревень и **шляхетских усадеб** (?),* <1> причем жители их ссылались в Сибирь не только с женщинами, но даже с детьми. <4>

Неудачное восстание закончилось полным поглощением Польши Россией. <6> Польша была разделена на 10 губерний, ее самостоятельные правительственные учреждения были уничтожены (?) и заменены^з такими, как повсюду в России, русский язык стал обязательным в школах и в административных учреждениях.

[Многие поляки эмигрировали.]

Крестьяне — см. Елп. 448." <20>

1863—1864 годы ознаменовались тем, что Россия окончательно захватила северо-западный Кавказ.

Наступая, русские заставили горцев или выселиться на пло-

^г манифестациях, патриотов, рекрутский *подчеркнуто синим карандашом*
^а на полях с чертой к слову русских: Литва? Белоруссия? ^е на полях: Какие?
требования? ^ж **шляхетских** *подчеркнуто синим карандашом; рядом на полях*
вписано синим карандашом: околиц (Брэг., Муравьев) ^з далее было: общерусскими; *рядом помета красным карандашом* ^и *рядом пометы красным карандашом*

скость по Кубани и Лабе, или же вынуждены были покинуть Кавказ и эмигрировать в Турцию. <11>

В 1865 году русские отряды взяли у кокандцев Ташкент. <27>

10-го апреля по старому стилю, а 22-го по новому 1870 года в городе Симбирске родился Владимир Ильич Ульянов (Ленин). <3>

Летом 1870 года началась война между союзом германских государств, во главе которых стояла Пруссия, и Францией, в которой царствовал Наполеон III.^к

Немцы показали прекрасную организованность. Их почти 400-тысячная армия была прекрасно снабжена. <1>

Иначе дело обстояло у французов, которые произвели мобилизацию с большим трудом. Интендантская часть у французов оказалась не в порядке.

Немцы нанесли французам <4> ряд решительных поражений, и в конце концов при [крепости] Седане на французской территории <1> французская армия вместе с императором Наполеоном III сдалась в плен немцам. <2>

После этого в Париже, столице Франции, началась революция, именуемая сентябрьской.

4 IX Наполеон был объявлен низложенным и во Франции провозглашена <4> республика. <2>

Франция, [во главе которой стало правительство национальной обороны] еще продолжала сопротивление немцам, но из последних сил. <1>

19 IX Париж был осажден немецкими войсками и продержался до ^а конца января 1871 года. Страшнейший голод заставил его сдаться. <1>

Последствием войны была потеря Францией Эльзас-Лотарингии и образование Германской империи, провозглашенной уже в конце 1870 года. <3>

Во Франции же произошло следующее:⁸ <2>

Рабочие массы, значительное количество [которых] вошло в национальную гвардию, восстало против правительства национальной обороны. <2>

18 III массы парижских пролетариев, к которым присоединились представители мелкой буржуазии, <7> захватили Париж. Правительство с войсками и чиновничеством отступило или бежало в Версаль, находящийся вблизи Парижа. <2>

Париж оказался в руках национальной гвардии. <1>

Были организованы выборы в городской совет — коммуны. <9>

Попавшие в совет по выборам представители буржуазии отказались от своих полномочий, и, таким образом, после дополнительных выборов совет был составлен из коммунаров. <2>

Так началась Парижская Коммуна 1871 года. <2>

Лица в составе ^м ее руководителей отличались иногда значи-

---

^к рядом на полях: **Причины войны**, подчеркнуто красным карандашом
^а далее было: 28 I.   ⁸ было: Состав

тельно по своим политическим взглядам и принадлежали к разным группировкам. <2> Единственно, на чем сходились все, это желание создать демократическую республику с полным самоуправлением коммун или общин (в городах?) <2>

Парижская Коммуна отделила церковь от государства, отменила постоянную армию и заменила ее народной милицией, произвела многие мероприятия с целью охраны труда рабочих. <1>

Но она не произвела конфискации° денег во Французском банке, чем могла бы нанести серьезный удар буржуазным противникам Коммуны.

Вообще Парижская Коммуна совершила ряд ошибок, к числу которых следует отнести недостаток связи с пролетариатом других городов, плохую организацию правительственного аппарата и очень плохую организацию защиты Парижа. <2>

А защищать его пришлось немедленно после начала Коммуны против армии версальцев, увеличившейся благодаря тому, что <5> германское правительство,° виднейшую роль в котором играл канцлер Бисмарк, выпустило и вернуло на родину французских военнопленных. <1>

Во главе версальцев стоял Адольф Тьер. <2>

Коммуна отчаянно защищала в боях Париж, но не могла противостоять версальцам, и 21 мая они вступили в Париж. <1>

В течение недели шли беспощадные бои на баррикадах, среди пылающих домов. Каждую пядь столицы коммунары отдавали с кровью.

28 мая Париж был полностью в руках версальцев, и Коммуна, просуществовав 72 дня, пала. <1>

Особенную ярость при подавлении сопротивления парижских коммунаров проявил кавалерийский генерал [маркиз] Гастон [Де-] Галлифе. <1>

В течение недели боев в Париже были убиты и расстреляны без суда многие тысячи коммунаров. <1> Военные суды после поражения Коммуны приговорили несколько тысяч человек <5> к ссылке и 21 человек <а> к расстрелу. Несколько тысяч человек бежали от суда. <1>

В боях за Парижскую Коммуну пали некоторые выдающиеся руководители Коммуны. Имена их Флуранс, Верморель, Делеклюз и поляк Домбровский. <13>

Революционное движение в России.

<3 страницы>

В 1873 году Россия предприняла поход против хивинцев. Отряды русских под командою генерала Кауфмана в мае взяли столицу Хивинского ханства.

<Далее до конца тетради 120 чистых страниц>

° было: захвата   ° было: Бисмарк

Примечания

В примечаниях указаны некоторые источники наиболее значительных разделов и фрагментов «Курса».

Большинство из них неоднократно переиздавались. Издания, которые в принципе мог использовать М. Булгаков (ввиду совпадения номеров страниц, указанных писателем в ссылках), следующие:

Карамзин Н. М. История государства Российского: В 12 т. СПб.: Издание Е. Евдокимова, 1892. Т. I—III.

Соловьев С. М. История России с древнейших времен: В 6 кн. СПб.: Издание Товарищества «Общественная польза», б. г. (В дальнейшем — Соловьев).

Устрялов Н. Г. Русская история: В 2-х ч. 5-е изд. СПб., 1855. Ч. I.

Любавский М. К. Лекции по древней русской истории до конца XVI века. 2-е изд. М., 1916.

Елпатьевский К. В. Учебник русской истории. 11-е изд. СПб., 1907 (В дальнейшем — Елп.).

Великая реформа: Русское общество и крестьянский вопрос в прошлом и настоящем: В 6 т. М., 1911.

Энциклопедический словарь, издаваемый Ф. А. Брокгаузом и И. А. Ефроном: В 82 томах. СПб., 1893—1907 (В дальнейшем — Бркг.).

Большая Советская Энциклопедия. 1-е изд. М., 1926—1947 (к 1936 г. вышло 27 томов. В дальнейшем — БСЭ).

Малая Советская энциклопедия. 1-е изд. М., 1928—1931 (В дальнейшем — МСЭ).

Тетрадь I

¹ Записи с начала тетради по пункт «Торговля их» в «Главе 3» представляют собой конспект «Лекций...» Любавского (глав 1, 2, 4, 5, 7).

² Пункты а), б), в) «Главы 3» имеют соответствия в «Русской истории» Устрялова (изд. 5-е, ч. I, с. 39—40).

³ Далее использована статья «Олег» в Бркг. и другие источники.

⁴ Несколько страниц, начиная со сведений об Игоре и по пункт «Зверства Мстислава» являюгся конспектом «Истории...» Карамзина — с главы 6 1-го тома по главу 5 2-го тома.

⁵ *Дальнейшие распри ~ Поучение* имеют соответствия в учебнике Елп., с. 23—25.

⁶ В разделе «Татары» и описании битвы на Калке использованы Бркг. (статья «Татары»), «История» Карамзина (т. 3, глава 8) и другие источники.

⁷ *Георгия II ~ Архитекторы* — Елп., 62—66.

⁸ *Ярослав Ярославович ~ ... митрополита Петра* — Елп., 69—70; далее о Калите из другого источника.

⁹ *За Калитой последовали ~ ... на реке Воже в 1378 году* — Елп., 72—73.

¹⁰ *После Василия I ~ 1796 г.* — Булгаков в хронологическом плане непосредственно использует названия разделов и параграфов учебника Елп. (с. 76—77, 100—157, 170—207, 246—268, 299—300 и др.) и хронологическую таблицу, приведенную в конце этого учебника.

¹¹ Сведения о положении крестьян — Соловьев, кн. IV, т. XVIII, стб. 876—877, 887, 889—891.

¹² Раздел «Пугачев» построен всецело на материале статей «Пугачев» и «Пугачевщина» в словаре Бркг.

¹³ Конспект фрагментов статьи «Грузинская Советская Социалистическая Республика» в БСЭ.

¹⁴ Имеется в виду книга Л. С. Берга «Бессарабия» (Пг., 1918).

¹⁵ При ссылке на Бркг. Булгаков обычно указывает номер полутома. В данном случае указанный том 16 соответствует полутому 32.

¹⁶ Полутом 13.

Тетрадь II

¹ Хронологический план-конспект с 1689 по 1885 г. построен на основе учебника Елп. с привлечением ряда других источников. Многочисленные сведения из истории Грузии взяты из статей «Грузия», «Персия» в Бркг. и, главным образом, из статьи «Грузинская ССР» в БСЭ.

² *Преобразования Петра I* — конспект обширного раздела о значении Петра I из учебника Елп., 268—299.

³ Бркг., «Екатерина I Алексеевна».

⁴ Бркг., «Алексей Петрович».

⁵ Сведения о башкирском бунте: Бркг., «Башкиры», «Каракасал»; Соловьев, История, кн. IV, т. 20, стб. 1529—1553.

⁶ Елп., 462.

⁷ Раздел о Грузии — БСЭ, «Грузинская ССР».

⁸ В разделе о русско-японской войне использованы одноименная статья в МСЭ и статья «Японско-Русская война» в Бркг.

⁹ Целиком на основе МСЭ, «Революция 1905 года».

¹⁰ Целиком на основе БСЭ, «Декабристы».

¹¹ Целиком на основе БСЭ, «Декабрьское восстание».

¹² Бркг., «Польское восстание» (1863 г.).

Тетрадь III

¹ В описании исторических событий 1725—1750-х гг. использованы «История» Соловьева, статьи в Бркг.: «Меншиков», «Екатерина I Алексеевна», «Анна Иоанновна», «Анна Леопольдовна», «Елизавета Петровна», «Россия» (раздел о истории Малороссии, п/т 55, с. 505—506), «Разумовский (граф Кирилл Петрович)», «Сумароков Александр Петрович» и другие.

² О Ломоносове — целиком на основе Бркг., «Ломоносов».

³ Сведения о крестьянах — Бркг., «Крестьяне» (32, 683).

⁴ О составлении Уложения — Елп., 340—342.

⁵ Сведения о Польше с этого места до гайдамацкого восстания — Елп., 369—373.

⁶ Далее по Елп., 356—357.

⁷ Елп., 358—359.

⁸ Целиком на основе Бркг., «Пугачев» и «Пугачевщина».

⁹ История второго и третьего разделов Польши — Елп., 375—378; Бркг., «Костюшко».

¹⁰ О Фонвизине — конспект Елп., 354.

¹¹ О Новикове и Радищеве — Бркг., «Новиков Николай Иванович», «Радищев Александр Николаевич».

¹² Сведения о царствовании Павла I — Бркг., «Павел Петрович», другие источники.

¹³ Итальянско-швейцарский поход — близко к Елп., 383—387.

¹⁴ В описании убийства Павла I использованы сведения из «Записок Фонвизина» в книге: Цареубийство 11 марта 1801 года. Записки участников и современников. СПб.: Изд. А. С. Суворина, 1907. С. 157—169.

¹⁵ О Финляндии — Бркг., «Финляндия».

¹⁶ О Грузии — БСЭ, «Грузинская ССР».

¹⁷ О Бессарабии — Бркг., «Бессарабская губерния» (история).

¹⁸ Имеется в виду труд Н. М. Карамзина «О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях». Впервые в советскую эпоху полностью опубликованный трактат и комментарии к нему (Литературная учеба. 1988. № 4. С. 88—142) обнаруживают тенденциозность бытовавших долгое время оценок Карамзина — автора трактата — как реакционера и обскуранта, а реформ Сперанского — как безусловно полезных.

¹⁹ Неточность: Москва не была столицей Российской империи.

²⁰ Конспект параграфа «Низложение Наполеона. Венский конгресс и Священный союз» из Елп., 412—413.

²¹ Конспект параграфа «Перемены в характере и деятельности Александра после Венского Конгресса» из Елп., 414—416.

²² Бркг., «Поселения военные».

²³ На основе БСЭ, «Декабристы».

²⁴ Русско-турецкая война — Елп., 425, 427—429.

²⁵ Польское восстание 1830 г. — краткий конспект Елп., 430—433.

²⁶ Из статьи В. Бочкарева «Быт помещичьих крестьян» (Великая реформа. Т. III. С. 22—40).

²⁷ Бркг., «Поселения военные». Почти идентичная статья того же автора (А. С. Лыкошина. Военные поселения) помещена и в «Великой реформе» (т. II, с. 86—106). В данном месте изложены с. 101—103.

Тетрадь IV

¹ Бркг., «Восточная война (1853—1856 г.)».

² Из статьи И. И. Игнатовича «Крестьянские волнения» (Великая реформа. Т. III. С. 56—61).

³ Далее — из БСЭ, «Грузинская ССР», Бркг., «Мингрельцы».

⁴ Далее о реформе 1861 г. — краткий конспект Елп., 438—440.

⁵ Далее — из статьи А. З. Попельницкого «Первые шаги крестьянской реформы» (Великая реформа. Т. V. С. 181—190).

⁶ *Игнатович И. И.* Бездна // Великая реформа. Т. V. С. 214—219.

⁷ Бркг., «Польское восстание» (1863 г.).

⁸ Бркг., «Коммуна Парижская»; МСЭ, «Парижская коммуна».

**АЛФАВИТНЫЙ ПЕРЕЧЕНЬ
ПРОИЗВЕДЕНИЙ М. А. БУЛГАКОВА
МАТЕРИАЛЫ К БИБЛИОГРАФИИ
(СОСТАВИТЕЛЬ Б. С. МЯГКОВ)**

В настоящий «Алфавитный перечень произведений» Михаила Афанасьевича Булгакова (1891—1940) включены все достоверно атрибутированные по авторству произведения, как опубликованные в советской печати, так и отчасти архивные, неопубликованные по состоянию на 1 июля 1988 г. тексты.

Первые публикации отрывков, ранних редакций или вариантов приведены в построчных примечаниях наряду с прочими пояснениями. В квадратных скобках указывается жанр произведения (в том числе условно определенный); при современных публикациях, не напечатанных при жизни М. А. Булгакова, сообщается дата фактического написания; в конце, в круглых скобках, указан объем данного произведения в авторских листах. Общие примечания и дополнения приведены после основного библиографического списка.

Настоящая работа является лишь первой, подготовительной частью к составлению полной библиографии, которая включит в себя републикации и переиздания произведений, персоналию статей и материалов о М. А. Булгакове и его творчестве.

Общий объем зарегистрированных текстов, включенных в данную работу, составляет 175 авторских листов, количество их единиц — 255.¹

Автобиография 1924 года [Статья] // Никитина Е. Ф. Русская литература от символизма до наших дней. М.: Никитинские субботники, 1925. С. 14; То же: Писатели: Автобиографии современных русских прозаиков / Под ред. Вл. Лидина. М.: Время, 1926. С. 12. (0,05).

Автобиография 1937 года [Статья] // Советские писатели: Автобиографии. М.: Советский писатель, 1966. Т. 3. С. 85. (0,10).

Автоклавы нужно получить, а корпус достроить [Репортаж] // Рабочий. М., 1922. № 50, 4 мая. С. 2. Подпись: Булл. (0,03).

Адам и Ева [Пьеса] // Октябрь. М., 1987. № 6, июнь. С. 138—173. (3,50).
Акафист нашему качеству [Фельетон] // Красная газета. Веч. вып. Л., 1926. № 113, 15 мая. С. 2. (0,16).

Американские рабочие отдадут нам свой труд [Репортаж] // Рабочий. М., 1922. № 42, 23 апреля. С. 2. Подпись: М. Б. (0,02).

¹ Без учета вариантов, ранних редакций, сведения по которым приведены в построчных примечаниях, и без учета материалов, отмеченных в примечаниях в конце «Перечня».

Аптека [Фельетон] // Гудок. М., 1925. № 5 (1389).² 7 января. С. 3. Подпись: М. Б. (0,07).

Багровый остров. Роман тов. Жюль Верна. С французского на эзоповский перевод Михаил А. Булгаков [Фельетон] // Накануне. Берлин, 1924. № 90 (607), 20 апреля. С. 2—6. [Рубрика «Литературная неделя»]. (0,80).

Багровый остров [Пьеса] 1927 // Дружба народов. М., 1987. № 8, август. С. 140—189. (5,90).

Банан и Сидараф [Фельетон] // Гудок. М., 1924. № 1357, 27 ноября. С. 3. Подпись: М. (0,05).

Банщица — Иван [Фельетон] // Гудок. М., 1925. № 81 (1465). 9 апреля. С. 3. Подпись: Михаил. (0,08).

Батум [Пьеса] (1939). Машинопись // ОР ГБЛ, ф. 218, к. 1238, ед. хр. 13; ф. 562, к. 14, ед. хр. 9. (3,50).

Бег. Восемь основ [Пьеса] (1928) // Булгаков М. Драммы и комедии. М.: Искусство, 1962. С. 123—214.³ (3,60).

Безобразия на заводе «Яриг» [Репортаж] // Рабочая газета. М., 1922, № 130, 8 августа. С. 3. Подпись: М. Б. (0,03).

Белая гвардия [Роман] // Россия. М., 1925. № 4, февраль. С. 3—99 [часть 1]; № 5, апрель. С. 3—82 [часть 2, публикация не закончена]; Булгаков М. Избранная проза. М.: Советский писатель, 1966. С. 109—348.¹ (13,60).

Белобрысова книжка. Формат записной [Рассказ] // Накануне. Берлин, 1924. № 71 (588), 26 марта. С. 2—3. (0,22).

Бенефис лорда Керзона [Очерк] // Накануне. Берлин, 1923. № 337, 19 мая. С. 3. (0,19).

Беспокойная поездка. Монолог начальства. (Не сказка, а быль) [Фельетон] // Гудок. М., 1923. № 1026, 17 октября. С. 3. Подпись: Герасим Петрович Ухов. (0,16).

Библифетчик [Фельетон] // Гудок. М., 1924. № 1315, 7 октября. С. 4. (0,07).

Благим матом [Фельетон] // Гудок. М., 1925. № 206(1590), 10 сентября. С. 3. Подпись: Михаил. (0,07).

Блаженство. Сон инженера Рейна [Пьеса] (1934) // Звезда Востока. Ташкент, 1966. № 7, июль. С. 75—107. (2,50).

Богема [Рассказ] // Красная нива. М., 1925. № 1, 4 января. С. 9—12. (0,32).

Братский подарок немецких рабочих [Репортаж] // Рабочий. М., 1922. № 42, 23 апреля. С. 2. Подпись: М. Булл. (0,03).

Брачная катастрофа [Фельетон] // Гудок. М., 1924. № 1277, 23 августа. С. 1. Подпись: Эм. (0,06).

Бубновая история [Рассказ] // Гудок. М., 1926. № 130(1812), 8 июня. С. 4. Подпись: Михаил. (0,22).

Буза с печатями [Фельетон] // Гудок. М., 1925. № 97(1487), 30 апреля. С. 4. Подпись: Михаил. (0,08).

Бурнаковский племянник [Рассказ] // Бакинский рабочий. Баку, 1924, № 70, 30 марта. С. 4. [Рубрика «Московский Вавилон»]. (0,18).

Бывший Зингер. Гос. механический завод в Подольске [Репортаж] // Рабочая газета. М., 1922. № 129, 6 августа. С. 4. Подпись: М. Булл. (0,05).

² Показанная в скобках валовая нумерация дается только для газет «Гудок» с 1925 г. и «Накануне» с 1924 г., так как она была сквозная по предыдущим годам, без выделения номера с начала года. Во всех остальных случаях дается текущий номер данного года.

³ [Отрывок из пьесы]: Сон седьмой // Вечерняя Красная газета. Л., 1932. № 226, 1 октября. С. 3.

⁴ [Ранние редакции и отдельные главы]: В ночь на 3-е число: Из романа «Алый мах» // Накануне. Берлин. 1922. Литературное приложение. № 30. (к № 207 за 10 декабря). С. 3—6; Вечерок у Василисы // Накануне. Берлин, 1924. № 122(639), 31 мая. С. 2—3; № 124(641), 3 июня. С. 2—3; Петлюра идет на парад // Красный журнал для всех. Л., 1924. № 6, июнь. С. 429—434; Конец Петлюры // Шквал. Одесса, 1924. № 5, май. С. 4—6; Заря Востока. Тифлис, 1924. № 719, 2 ноября. С. 6 [Глава из романа] // Литературная Россия. М., 1966. № 47, 18 ноября. С. 16—18 [Глава ранней редакции] // Новый мир. М., 1987. № 2, февраль. С. 150—163.

- Был май [Рассказ] // (1934) // Аврора. Л., 1978. № 3, март. С. 67—68. (0,15).
 В театре Зимина. наброски карандашом [Репортаж] // Гудок. М., 1923. № 823, 11 февраля. С. 1. Подпись: М. Б. (0,02).
- В школе городка III Интернационала [Очерк] // Голос работника просвещения. М., 1923. № 4, 15 марта. С. 22—23. Подпись: М. Б. (0,19).
- Вагонно-ремонтный завод московского трамвая [Репортаж] // Рабочий. М., 1922. № 25, 30 марта. С. 2. Подпись: М. Бул. (0,02).
- «Вода жизни» [Фельетон] // Гудок. М., 1925. № 289 (1673), 18 декабря. С. 4. Подпись: Незнакомец. (0,15).
- Война воды с железом [Фельетон] // Гудок. М., 1924. № 1338, 2 ноября. С. 3. (0,12).
- Война и мир [Инсценировка] (1932) // Булгаков М. Пьесы. М.: Советский писатель, 1986. С. 543—604. (3,50).
- Волчки на колесах [Репортаж] // Рабочая газета. М., 1922. № 132, 10 августа. С. 4. Подпись: М. Б. (0,03).
- Воспаление мозгов [Рассказ] // Булгаков М. Рассказы. Л.: 1926. С. 5—14 [Юмористическая иллюстрированная библиотека журнала «Смехач», № 15]. (0,24).
- Восстановите платформу! [Фельетон] // Гудок. М., 1925. № 88 (1472), 17 апреля. С. 4. Подпись: П. Ухов. (0,07).
- Воспоминание... [Рассказ] // Железнодорожник. М., 1924. № 1—2, январь—февраль. С. 9—12. Подпись: Михаил Б. (0,28).
- Вьюга [Рассказ] // Медицинский работник. М., 1926. № 2, 18 января. С. 12—14; № 3, 25 января. С. 14—16. (0,67).
- [Выступление на диспуте: «Дни Турбиных» и «Любовь Яровая» в театре им. В. Мейерхольда 7 февраля 1927 г.] [Статья] // Огонек. М., 1969. № 11, март. С. 25—27 [в ст. Петелин В. М. А. Булгаков и «Дни Турбиных»]. (0,70).
- Гениальная личность [Фельетон] // Гудок. М., 1925. № 12 (1396), 15 января. С. 4. (0,10).
- Гибель Шурки-уполномоченного. (Дословный рассказ рабкора) [Фельетон] // Гудок. М., 1924. № 1348. 16 ноября. С. 4. (0,05).
- Глав-полит-богослужение [Фельетон] // Гудок. М., 1924. № 1253, 24 июля. С. 4. Подпись: М. Б. (0,08).
- Говорящая собака [Фельетон] // Гудок. М., 1924. № 1196; 16 мая. С. 4. Подпись: М. Ол-Райт. (0,15).
- Горемыка-Всеволод. История одного безобразия [Фельетон] // Гудок. М., 1925. № 224 (1608), 1 октября. С. 3. Подпись: Эмма Б. (0,09).
- Государственный завод минеральных и фруктовых вод № 1 [Репортаж] // Рабочий. М., 1922. № 53, 7 мая. С. 34. Подпись: М. Б. (0,03).
- Громкий рай [Фельетон] // Гудок. М., 1926. № 147 (1829), 30 июня. С. 4. Подпись: М. (0,10).
- Грядущие перспективы [Статья] // Грозный [г. Грозный]. 1919. № 47. 13 (26) ноября. С. 2. Подпись: М. Б. (0,19).
- Двуликий Чемс [Фельетон] // Гудок. М., 1925. № 123 (1507), 2 июня. С. 4. Подпись: Михаил Б. (0,13).
- Дело идет [Репортаж] // Рабочая газета. М., 1922. № 133, 11 августа. С. 3. Подпись: Булл. (0,01).
- Дело расширяется [Репортаж] // Рабочая газета. М., 1922. № 141, 22 августа. С. 4. Подпись: М. Б. (0,01).
- День нашей жизни [Фельетон] // Накануне. Берлин, 1923. № 424, 2 сентября. С. 7 [Рубрика «Литературная неделя»]. (0,25).
- Детский рассказ [Рассказ] // Советский артист. М., 1939. № 1, 2 января. С. 3. [Без подписи]. (0,15).
- Динамит!!! [Фельетон] // Гудок. М., 1925. № 223 (1607), 30 сентября. С. 3. Подпись: Эмма Б. (0,07).
- Дневник Н. Н. Лямина [Рассказ] (1928). Машинопись // ОР ГБЛ, ф. 562, к. 17, ед. хр. 19. (0,25).
- Дни Турбиных [Пьеса] (1926) // Булгаков М. Дни Турбиных. Последние дни. М.: Искусство, 1955. С. 3—72. (4,60).
- Дон-Кихот [Инсценировка] (1938) // Булгаков М. Пьесы. М.: Искусство, 1962. С. 361—462. (3,50).

- Донос с беспристрастием [Фельетон] // Гудок. М., 1924. № 1266, 9 августа. С. 1. Подпись: Эм. (0,05).
- Дрожжи и записки [Фельетон] // Гудок. М., 1925. № 172 (1556), 30 июля. С. 3. Подпись: Михаил. (0,09).
- Дьяволиада [Повесть] // Недра. М., 1924. № 4, март. С. 221—257. (2,00).
- Египетская мумия [Рассказ] // Смехач. Л., 1924. № 16, 10 сентября. С. 14. (0,10).
- Желанный платило [Фельетон] // Гудок. М., 1924. № 1368, 10 декабря. С. 4. (0,09).
- Жизнь господина де Мольера [Повесть] (1933) // Булгаков М. Жизнь господина де Мольера. М.: Молодая гвардия, 1962. Вып. 1 (334). С. 9—224. (9,40).
- Заколдованное место [Фельетон] // Гудок. М., 1925. № 7 (1391), 9 января. С. 4. Подпись: Михаил Б. (0,08).
- Залог любви. Роман [Фельетон] // Гудок. М., 1925. № 35 (1419), 12 февраля. С. 4. (0,13).
- Записки на манжетах [Повесть]: [Часть 1] // Накануне. Берлин, 1922. Литературное приложение. № 8 (к № 68 за 18 июня). С. 5—7; Бакинский рабочий. Баку, 1924. № 1, 1 января. С. 6; Возрождение. М., 1923. Кн. 2. С. 5—19; [Часть 2] // Россия. М., 1923. № 5, январь. С. 20—25. (2,10).
- Записки покойника [Роман] (1937) // Новый мир. М., 1965. № 8, август. С. 6—97 [С разночтениями по сравнению с последующим изданием и под названием «Театральный роман»⁵]; Булгаков М. Избранная проза. М.: Художественная литература, 1966. С. 505—642 [Под названием «Театральный роман»]. (8,40).
- Запорожцы пишут письмо турецкому султану [Фельетон] // Гудок. М., 1925. № 124 (1508), 3 июня. С. 4. Подпись: Михаил. (0,11).
- Заседание в присутствии члена [Фельетон] // Гудок. М., 1924. № 1247, 17 июля. С. 3. (0,10).
- Звездная сыпь [Рассказ] // Медицинский работник. М., 1926. № 29, 12 августа. С. 12—14; № 30, 19 августа. С. 12—15. (0,75).
- Звуки польки неземной [Фельетон] // Гудок. М., 1924. № 1350, 19 ноября. С. 3. (0,07).
- «Знаменосцы грядущих боев». День 3-го сентября [Репортаж] // Рабочая газета. М., 1922. № 152, 5 сентября. С. 2. Подпись: Булл. (0,03).
- Зойкина квартира [Пьеса]: [Первая и вторая редакции] (1926) // ОР ГБЛ, ф. 562, к. 11, ед. хр. 5 и 6. (3,60); [Третья редакция] (1935) // Современная драматургия. М., 1982. № 2, март—апрель. С. 171—192. (2,60).
- Золотистый город [Очерк] // Накануне. Берлин, 1923. № 448, 30 сентября. С. 2; № 453, 6 октября. С. 2; № 458, 12 октября. С. 2. № 460, 14 октября. С. 2—3. (0,70).
- Золотые корреспонденции Феропонта Феропонтовича Капорцева [Фельетон] // Булгаков М. Рассказы. Л., 1926. С. 15—29 [Юмористическая иллюстрированная библиотека журнала «Смехач». № 15]. [Состав: I. Несгораемый американский дом; II. Лжедмитрий Луначарский; III. Ванькин-дурак; IV. Брандмейстер Пожаров].⁶
- Иван Васильевич [Пьеса] (1935) // Булгаков М. Драммы и комедии. М.: Искусство, 1965. С. 413—474. (2,43).
- Игра природы [Рассказ] // Гудок. М., 1924. № 1295, 13 сентября. С. 4. (0,16).

⁵ [Отрывок из романа] // Литературная Россия. М., 1965. № 22, 28 мая. С. 16—17.

⁶ [Ранние редакции этого цикла фельетонов]: 1) Золотые документы. Из моей коллекции // Накануне. Берлин, 1924. № 81 (598). 6 апреля. С. 3. [Состав: Предисловие коллекционера; I. Брандмейстер Пожаров; II. Крокодил Иванович; III. В ногу; IV. Варфоломеевская ночь (причем глава I публиковалась под названием «Геркулесовы подвиги. Светлой памяти брандмейстера Назарова» // Гудок. М., 1924. № 1127, 19 февраля. С. 3. Подпись: Маг; и глава II — под названием «Ванькин-дурак» // Бузотер. М., 1925. № 19, август. С. 2. Подпись: Ф. Скитайкин)]; 2) Золотые корреспонденции // Красная газета. Веч. вып. Л., 1925. № 102, 30 апреля. С. 4 [Несгораемый американский дом]; № 127, 26 мая. С. 4 [Лжедмитрий Луначарский]. Подпись: М. Б. (Общий объем цикла — 0,44).

- «Из ничего создаем!» 3-й Государственный авторемонтный завод [Репортаж] // Рабочий. М., 1922. № 17, 21 марта. С. 2. Подпись: Михаил Булл. (0,02).
- Инженктора. У немецких эмигрантов на инженерном заводе [Репортаж] // Рабочий. М., 1922. № 8, 9 марта. С. 2. Подпись: М. Б. (0,02).
- Кабала святош (Мольер) [Пьеса] (1931) // Булгаков М. Пьесы. М.: Искусство, 1962. С. 215—284. (2, 80).
- Как Бутон женился [Фельетон] // Гудок. М., 1925. № 95 (1479), 28 апреля. С. 5. Подпись: Михаил. (0,08).
- Как, истребляя пьянство, председатель транспортников истребил. Плачевная история [Фельетон] // Гудок. М., 1924. № 1274, 20 августа. С. 3. Подпись: М. Б. (0,13).
- Как на теткин деньги местком подарок купил [Фельетон] // Гудок. М., 1925. № 184 (1568), 14 августа. С. 3. Подпись: Михаил. (0,10).
- Как не надо помогать голодным. Убийственные выкладки [Репортаж] // Рабочий. М., 1922. 26 марта. С. 3. Подпись: М. Булл. (0,02).
- Как он сошел с ума [Фельетон] // Гудок. М., 1924. № 1104, 20 января. С. 2. Подпись: Эм. (0,10).
- Как разбился Бузыгин. Жуткая история в 7-ми документах [Фельетон] // Гудок. М., 1923. № 1056, 22 ноября. С. 3. Подпись: Г. П. Ухов. (0,17).
- Как школа провалилась в преисподнюю. Транспортный рассказ Макара Девушкина [Фельетон] // Гудок. М., 1924. № 1260, 1 августа. С. 3. Подпись: Михаил Б. (0,10).
- Караул! [Статья] // Журналист. М., 1925. № 6—7, июнь—июль. С. 65. (0,40).
- КАЭНПЕ и КАПЕ [Очерк] // Голос работника просвещения. М., 1923. № 4, 15 марта. С. 19—21. (0,15).
- Киев-город [Очерк] // Накануне. Берлин, 1923. № 377, 6 июля. С. 2—4. (0,51).
- Китайская история [Рассказ] // Иллюстрации «Петроградской правды». Пг., 1923. № 7 (Иллюстрированное приложение к № 99 за 6 мая). С. 1—4. (0,61).
- Когда машины спят. 1-я ситцевая фабрика в Москве [Репортаж] // Рабочий. М., 1922. № 1, 1 марта. С. 2. Подпись: Михаил Булл. (0,02).
- Когда мертвые встают из гробов... [Фельетон] // Гудок. М., 1925. № 179 (1563), 8 августа. С. 3. Подпись: Михаил. (0,15).
- Колесо судьбы [Фельетон] // Гудок. М., 1926. № 176 (1858), 3 августа. С. 3. Подпись: Михаил. (0,15).
- Коллекция гнилых фактов (Письма рабкора). Факт 1. История о том, как фельдшер жертвовал сукно в МОПР [Фельетон] // Гудок. М., 1925. № 14 (1398), 17 января. С. 4. (0,05).
- Колыбель начальника станции [Фельетон] // Гудок. М. 1924. № 1304, 24 сентября. С. 3. Подпись: Михаил Б. (0,05).
- Комаровское дело [Очерк] // Накануне. Берлин, 1923. № 363, 20 июня. С. 2—3. (0,33).
- Кондуктор и член императорской фамилии [Фельетон] // Гудок. М., 1925. № 48 (1432), 27 февраля. С. 3. (0,11).
- Красная корона (Historia morbi) [Рассказ] // Накануне. Берлин, 1922. Литературное приложение. № 23 (к № 166 за 22 октября). С. 2—3. (0,32).
- Красный флаг. Как шли бои в Париже [Статья] // Рабочий. М., 1922. № 16, 18 марта. С. 2. Подпись: Булл. (0,01).
- Крещение поворотом [Рассказ] // Медицинский работник. М., 1925. № 41, 25 октября. С. 15—16; № 42, 2 ноября. С. 13—14. (0,60).
- Круглая печать [Фельетон] // Гудок. М., 1925. № 9 (1393), 11 января. С. 3. Подпись: М. Б. (0,05).
- Крысиный разговор [Фельетон] // Гудок. М., 1924. № 1170, 11 апреля. С. 5. Подпись: Михаил Б. (0,05).
- Кулак бухгалтера. Пьеса. (Может идти вместо «Заговора императрицы») [Фельетон] // Гудок. М., 1925. № 180 (1564), 9 августа. С. 4. Подпись: Михаил. (0,08).
- Курс истории СССР. Материалы к учебнику [Статья] (1936) // ОР ГБЛ, ф. 562, к 17, ед. хр. 6 и 7.⁷ (8,00).

⁷ [Фрагмент] // Книжное обозрение. М., 1987. № 38, 18 сентября. С. 8—9.

- Лестница в рай [Фельетон] // Гудок. М., 1923. № 1073, 12 декабря. С. 5. Подпись: Ф. С-ов. (0,08).
- Летучий голландец [Фельетон] // Гудок. М., 1925. № 199 (1583), 2 сентября. С. 3. Подпись: Михаил. (0,08).
- Ликующий вокзал [Фельетон] // Гудок. М., 1925. № 235 (1619), 14 октября. С. 4. Подпись: Эмма Б. (0,05).
- Мадмазель Жанна [Фельетон] // Гудок. М., 1925. № 46 (1430), 25 февраля. С. 3. (0,11).
- Мастер и Маргарита [Роман] (1929—1940) // Москва. М., 1966. № 11, ноябрь. С. 6—127; 1967. № 1, январь. С. 56—144 [В сокращенном виде и с различиями по сравнению с последующим изданием]; Булгаков М. Романы. М.: Художественная литература, 1973. С. 421—812.⁸ (21,60).
- Мертвые души. Комедия по поэме Н. В. Гоголя [Инсценировка] (1930) // Булгаков М. Пьесы. М.: Советский писатель, 1986. С. 489—542.⁹ (3,02).
- Мертвые ходят [Фельетон] // Гудок. М., 1925. № 219 (1603), 25 сентября. С. 3. Подпись: Эмма Б. (0,05).
- Минин и Пожарский [Либретто] (1937) // Музыка России. Вып. 3. М.: Советский композитор, 1980. С. 228—261. (1,50).
- Морфий [Рассказ] // Медицинский работник. М., 1927. № 45, 9 декабря. С. 11—14; № 46, 17 декабря. С. 6—7, 10; № 47, 23 декабря. С. 10—13. (1,60).
- Москва 20-х годов [Очерк] // Накануне. Берлин, 1924. № 119 (636), 27 мая. С. 2—3; № 131 (648), 12 июня. С. 2—3.¹⁰ (0,62).
- Москва краснокаменная. 1. Улица [Очерк] // Накануне. Берлин, 1922. № 94. 30 июля. С. 2. (0,22).
- Московские сцены. 1. На передовых позициях [Рассказ] // Накануне. Берлин. 1923. Литературное приложение. № 51 (к № 327 за 6 мая). С. 2—3.¹¹ (0,22).
- Муза мести. Маленький этюд [Статья] (1921) // Неделя. М., 1984. № 48, 26 ноября—2 декабря. С. 14; Вопросы литературы. М., 1984. № 11, ноябрь. С. 196—199. Подпись: М. Булл. [В сокращении].¹² (0,35).
- Музыкально-вокальная катастрофа [Фельетон] // Гудок. М., 1926. № 121 (1803), 28 мая. С. 2. Подпись: Михаил. (0,11).
- На каком основании десятник женился?! Быт [Фельетон] // Гудок. М., 1924. № 1268, 12 августа. С. 5. Подпись: Михаил Б. (0,04).
- На Красной площади [Репортаж] // Рабочий. М., 1922. № 89, 21 июня. С. 3. Подпись: Булл. (0,02).
- На чем люди сядут. Подлинное письмо [Фельетон] // Гудок. М., 1925, № 241 (1625), 21 октября. С. 3. Подпись: Эм. Бе. (0,05).
- Налет. В волшебном фонаре [Рассказ] // Гудок. М., 1923. № 1084, 25 декабря. С. 2—3. Подпись: М. Б. (0,32).
- Не свыше... [Фельетон] // Гудок. М., 1924. № 1305, 25 сентября. С. 4. (0,05).
- Не следует забывать советские законы [Репортаж] // Рабочий. М., 1922. № 24, 24 марта. С. 3. Подпись: М. Б. (0,02).
- Не те брюки [Фельетон] // Гудок. М., 1925. № 211 (1595), 16 сентября. С. 3. Подпись: Михаил. (0,07).

⁸ [Фрагменты глав и ранних редакций]: Квартира № 50 // Литературная газета. М., 1966. № 137, 19 ноября. С. 3; Якобы деньги // Даугава. Рига, 1983. № 10, октябрь. С. 117—125; Копыто инженера // Памир. Душанбе, 1984. № 7, июль. С. 44—64.

⁹ [Фрагменты и сокращенные редакции] // Литературно-художественный сборник. Л.: Гослитиздат, 1946. С. 215—225; Молодежная эстрада. М., 1951. № 6, июнь. С. 3—22; Гоголь Н. В. Репертуарный сборник. М.: ГКПИ, 1951. С. 86—117; В школьном театре. М.: Просвещение, 1975. с. 103—133 [Ротапринтные машинописные издания] // Булгаков М. Мертвые души (по Гоголю). М.: Музей МХАТ, 1937; Булгаков М. Мертвые души (по Гоголю). М.; Отдел распространения драматических произведений ВУОАП, 1975.

¹⁰ [Сокращенная редакция]: Трактат о жилище [Рассказ] // Булгаков М. Трактат о жилище. Л.: Земля и Фабрика, 1926. С. 3—10.

¹¹ [Редакция с различиями]: Четыре портрета [Рассказ] // Булгаков М. Трактат о жилище. Л.: Земля и Фабрика, 1926. С. 3—10.

¹² [Полный текст] // Машинопись // ЦГА РСФСР, ф. 2313, оп. 6, д. 300.

- Негритянское происшествие. Письмо рабкора Лага [Фельетон] // Гудок. М., 1925. № 168 (1552), 25 июля. С. 3. Подпись: Михаил. (0,08).
- Неделя просвещения [Рассказ] // Коммунист. Владикавказ, 1921. № 296, 1 апреля. С. 1. (0,25).
- Незаслуженная обида [Фельетон] // Гудок. М., 1924. № 1219, 13 июня. С. 3. Подпись: М. Б. (0,05).
- Необыкновенные приключения доктора [Рассказ] // Рупор. М., 1922. № 2, май. С. 10—12. (0,50).
- Неунывающие бодистики [Фельетон] // Гудок. М., 1925. № 54 (1438), 6 марта. С. 4. (0,05).
- Новый способ распространения книги [Фельетон] // Гудок. М., 1924. № 1328, 21 октября. С. 4. (0,07).
- № 13. Дом Эльпит-рабкоммуна [Рассказ] // Красный журнал для всех. Пг., 1922. № 2, декабрь. С. 23—27. (0,46).
- Ноября 7-го дня. Как Москва праздновала [Репортаж] // Гудок. М., 1923. № 1045, 9 ноября. С. 3. Подпись: М. Б. (0,02).
- О пользе алкоголизма [Фельетон] // Гудок. М., 1925. № 86 (1470), 15 апреля. С. 4. Подпись: Михаил. (0,10).
- Обмен вещев. Записная книжка [Рассказ] // Смехач. Л., 1924. № 19, октябрь. С. 18—19. (0,08).
- Он был велик и неудачлив [Статья] // Горьковец. М., 1936. № 3, 15 февраля. С. 3. (0,02).
- Они хотят свою образованность показать... [Фельетон] // Гудок. М., 1925. № 38 (1422), 15 февраля. С. 3. (0,13).
- Опера [Статья] // Коммунист. Владикавказ, 1921. № 322, 6 мая. С. 3. Подпись: М. Б. (0,01).
- От мая к маю. 5-летие комячейки на фабрике быв. Сиу. Май 1917—май 1922 г. [Репортаж] // Рабочий. М., 1922. № 68, 25 мая. С. 3. Подпись: Булл. (0,02).
- Охотники за черепами [Фельетон] // Гудок. М., 1924. № 1222, 18 июня. С. 3. Подпись: М. Б. (0,14).
- Паршивый тип [Фельетон] // Гудок. М., 1925. № 290 (1674), 19 декабря. С. 4. Подпись: Михаил. (0,17).
- 1-я детская коммуна [Очерк] // Голос работника просвещения. М., 1923. № 5—6, 15 апреля. С. 30—32. (0,23).
- Петр Великий [Либретто] (1937) // Советская музыка. М., 1988. № 2, февраль. С. 50—59. (2,50).
- Пивной рассказ [Фельетон] // Гудок. М., 1924. № 1272, 17 августа. С. 5. Подпись: Михаил Б. (0,05).
- Площадь на колесах. Дневник гениального гражданина Полосухина [Рассказ] // Заноза. М., 1924. № 9, 9 апреля. С. 5. Подпись: М. Олл-Райт. (0,09).
- По голому делу (Письмо) [Фельетон] // Гудок. М., 1924. № 1319, 11 октября. С. 3. Подпись: М. Б. (0,04).
- По поводу битья жен [Фельетон] // Гудок. М., 1925. № 162 (1546), 18 июля. С. 4. Подпись: Михаил. (0,08).
- По телефону. Пьеса [Фельетон] // Гудок. М., 1924. № 1383, 30 декабря. С. 4. (0,13).
- Повесили его или нет? [Фельетон] // Гудок. М., 1924. № 1200, 21 мая. С. 3. Подпись: М. Ол-Райт. (0,05).
- Повестка с государем императором [Фельетон] // Гудок. М., 1924. № 1330, 24 октября. С. 4. (0,06).
- Под мухой. Сценка с натуры [Фельетон] // Гудок. М., 1924. № 1347, 15 ноября. С. 4. (0,05).
- Под стеклянным небом [Очерк] // Накануне. Берлин, 1923. № 317, 24 апреля. С. 2. (0,18).
- Поднятая целина. Подольск [Репортаж] // Рабочая газета. М., 1922. № 135, 13 августа. С. 4. Подпись: Михаил Булл. (0,01).
- Пожар (С натуры) [Фельетон] // Гудок. М., 1925. № 187 (1571), 19 августа. С. 3. Подпись: Михаил. (0,08).
- Пологонец с петухом [Рассказ] // Медицинский работник. М., 1926. № 33, 12 сентября. С. 10—12; № 34, 18 сентября. С. 12—15. (0,70).

- Полуумный Журден (Мольериана) [Пьеса] (1932) // Булгаков М. Драммы и комедии. М.: Искусство, 1965. С. 285—337. (3,50).
- Последние дни (Пушкин) [Пьеса] (1935) // Булгаков М. Дни Турбиных. Последние дни. М.: Искусство, 1955. С. 73—120. (2,90).
- Похождения Чичикова. Поэма в X пунктах с прологом и эпилогом [Рассказ] // Накануне. Берлин, 1922. Литературное приложение. № 19 (к № 142 за 24 сентября). С. 2—6. (0,55).
- Похождения Чичикова, или Мертвые души [Киносценарий] (1934) // Киносценарии. М., 1987. № 4, октябрь—декабрь. С. 174—188.¹³ (2,00).
- Почему закрывают? Механический завод Гознака [Репортаж] // Рабочий. М., 1922. № 70, 28 мая. С. 6. Подпись: М. Б. (0,03).
- Праздник с сифилисом [Фельетон] // Гудок. М., 1925. № 70 (1454), 27 марта. С. 4. Подпись: Михаил. (0,10).
- При исполнении святых обязанностей [Фельетон] // Гудок. М., 1925. № 159 (1543), 15 июля. С. 3. Подпись: Михаил. (0,15).
- Приключения покойника [Фельетон] // Гудок. М., 1924. № 1230, 27 июня. С. 3. (0,06).
- Приключения стенгазеты (Ее собственный дневник) [Фельетон] // Гудок. М., 1925, № 29 (1413), 5 февраля. С. 4. (0,11).
- Присяга на площади Революции [Репортаж] // Рабочий. М., 1922. № 49, 3 мая. С. 3. Подпись: Булл. (0,05).
- Проглоченный поезд [Фельетон] // Гудок. М., 1924. № 1323, 16 октября. С. 3. Подпись: Рабкор 68 и М. Б. (0,12).
- Пропавший глаз [Рассказ] // Медицинский работник. М., 1926. № 36, 2 октября. С. 11—13; № 37, 12 октября. С. 12—14. (0,80).
- Просвещение с кровопролитием [Фельетон] // Гудок. М., 1924. № 1159, 29 марта. С. 3. Подпись: М. ОЛ-РАЙТ. (0,10).
- Псалом [Рассказ] // Накануне. Берлин, 1923. № 442, 23 сентября. С. 7. (0,19).
- Птицы в мансарде [Очерк] // Голос работника просвещения. М., 1923. № 7—8, 15 июня. С. 36—38. (0,15).
- Путевые заметки. Скорый № 7. Москва—Одесса [Очерк] // Накануне. Берлин, 1923. № 341, 25 мая. С. 4 [Под рубрикой «Русская жизнь»]. (0,15).
- Путешествие по Крыму [Очерк] // Красная газета. Веч. вып. Л., 125. № 184, 27 июля. С. 4 [Под названием «Выбор курорта»]; № 190, 3 августа. С. 4; № 195, 10 августа. С. 4; № 205, 22 августа. С. 4; № 206, 24 августа. С. 4; № 212, 31 августа. С. 4. (0,75).
- Пьяный паровоз [Фельетон] // Гудок. М., 1926. № 133 (1815), 12 июня. С. 3. Подпись: Михаил. (0,12).
- Работа достигает 30 градусов [Фельетон] // Гудок. М., 1925. № 125 (1509), 4 июня. С. 4. Подпись: Михаил Б. (0,12).
- Рабочий город-сад [Очерк] // Рабочий. М., 1922. № 71, 30 мая. С. 2. Подпись: Михаил Булл. (0,12).
- Радио-Петя. Записки пострадавшего [Рассказ] // Гудок. М., 1926. № 127 (1809), 4 июня. С. 3. Подпись: Михаил. (0,15).
- «Развратник». Разговорчик [Фельетон] // Гудок. М., 1926. № 159 (1841), 14 июля. С. 3. Подпись: Михаил. (0,12).
- Рассказ Макара Девушкина [Фельетон] // Гудок. М., 1924. № 1217, 11 июня. С. 4. Подпись: Михаил Б. (0,11).
- Рассказ про Поджилкина и крупу [Фельетон] // Гудок. М., 1924. № 1310, 1 октября. С. 4. (0,05).
- Рассказ рабкора про лишних людей [Фельетон] // Гудок. М., 1924. № 1343, 11 ноября. С. 4. (0,10).
- Расширение «Проводника» [Репортаж] // Рабочая газета. М., 1922. № 141, 22 августа. С. 4. Подпись: М. Б. (0,01).
- Рашель [Либретто] (1939) // Музыкальная жизнь. М., 1988. № 10, май. С. 27—29; № 11, июнь. С. 26—28. (0,50).
- Реальная постановка [Фельетон] // На вахте. М., 1925. № 36, 13 февраля. С. 4. Подпись: Любовь Булгакова. (0,10).

¹³ [Вариант, написанный совместно с И. А. Пырьевым]: Мертвые души (1934) // Москва. М., 1978. № 1, январь. С. 127—164.

- Ревизия. Из рабкоровских сцен с натуры [Фельетон] // Гудок. М., 1925. № 19 (1403), 24 января. С. 4. Подпись: Михаил Б. (0,05).
- Ревизор (Необычайное происшествие, или Ревизор, по Гоголю) [Киносценарий] (1934). Машинопись // ОР ГБЛ, ф. 562, к. 15, ед. хр. 8.¹⁴ (2,00).
- «Ревизор» с вышибанием. Новая постановка [Фельетон] // Гудок. М., 1924. № 1380, 24 декабря. С. 4. (0,09).
- РЕ-КА-КА [Фельетон] // Гудок. М., 1924. № 1288, 5 сентября. С. 4. (0,04).
- Роковые яйца [Повесть] // Недра. М., 1925. № 6, февраль. С. 79—148.¹⁵ (4,20).
- Ряд изумительных проектов [Фельетон] // Гудок. М., 1925. № 65 (1449), 21 марта. С. 3. Подпись: М. Б. (0,06).
- С наступлением темноты [Фельетон] // Гудок. М., 1925. № 57 (1441), 10 марта. С. 4. Подпись: Михаил Б. (0,08).
- С. П. Аксенов. 35 лет служения сцене [Статья] // Коммунист. Владикавказ, 1921. № 332, 18 мая. С. 2. (0,10).
- Самогонное озеро. Повествование [Рассказ] // Накануне. Берлин, 1923. № 397, 29 июля. С. 9 [Рубрика «Литературная неделя»]. (0,32).
- Самоцветный быт. Из моей коллекции [Фельетон] // Накануне. Берлин, 1923. Литературное приложение. № 61 (к № 385 за 15 июля). С. 1—2. {Состав: 1. В волнах азарта; 2. Средство от застенчивости; 3. Сколько Брокгауза может выдержать организм; 4. Иностранное слово «мотивировать»; 5. Работа среди женщин; 6. Р. У. Р.; 7. Курская аномалия; 8. Прогрессивный аппетит}. (0,20).
- Сапоги-невидимки [Фельетон] // Гудок. М., 1924. № 1221, 15 июня. С. 3. Подпись: М. Б. (0,13).
- Свадьба с секретарями. Подлинное письмо рабкора Толкача [Фельетон] // Гудок. М., 1925. № 89 (1473), 18 апреля. С. 4. Подпись: Михаил. (0,05).
- Семь раз примерь — один отрежь. О неудачных и непродуманных приказах [Репортаж] // Гудок. М., 1925. № 66 (1450), 25 марта. С. 4. (0,08).
- Сентиментальный водолей [Фельетон] // Гудок. М., 1925. № 237 (1621), 16 октября. С. 3. Подпись: Эмма Б. (0,16).
- Серия ноль шесть № 0660243. Истинное происшествие [Рассказ] // Вечерняя Москва. М., 1924. № 4, 5 января. С. 2—3. (0,25).
- Сильнодействующее средство. Пьеса в 1-м действии [Фельетон] // Гудок. М., 1924. № 1089, 3 января. С. 3. Подпись: Михаил Б. (0,10).
- Скупой [Перевод пьесы Ж.-Б. Мольера] (1935) // Мольер Ж.-Б. Собр. соч. Т. 3. М.; Л.: Academia, 1939. С. 363—497. (3,00).
- Смерть Иоанна Грозного [Статья] // Коммунист. Владикавказ, 1921. № 305, 13 апреля. С. 3. (0,05).
- Смуглявый матершинник [Фельетон] // Гудок. М., 1924. № 1333, 28 октября. С. 4. (0,06).
- Смычкой по черепу [Фельетон] // Гудок. М., 1925. № 119 (1503), 27 мая. С. 3. (0,12).
- Собачье сердце [Повесть] (1925) // Знамя. М., 1987, № 6, июнь. С. 76—135. (5,30).
- Собачья жизнь [Фельетон] // Гудок. М., 1924. № 1363, 4 декабря. С. 4. (0,05).
- Совет-хозяин. Предприятия Рогожско-Симоновского райсовета [Репортаж] // Рабочий. М., 1922. № 25, 30 марта. С. 2. Подпись: М. Б. (0,02).
- Советские писатели о Щедрине. Ответ на анкету [Статья] (1933) // Новый мир. М., 1976. № 1, январь. С. 210 [В сокращении¹⁶]. (0,05)
- Сорок сороков [Очерк] // Накануне. Берлин, 1923. № 310, 15 апреля. С. 2—3. (0,35).
- Сотрудник с массой или свинство по профессиональной линии (Рассказ-

¹⁴ [Вариант, написанный совместно с М. С. Каротиным] (1935) // Булгаков и Каростин. Необычайное путешествие, или Ревизор (по Гоголю). М.: ЦЕДРАМ, 1935.

¹⁵ [В сокращенном варианте под названиями «Луч жизни» и «Роковые яйца»] // Красная панорама. Л., № 19, 10 мая. С. 1—4; № 20, 17 мая. С. 3—4; № 21, 24 мая. С. 5—9 [Под названием «Луч жизни»]; № 22, 30 мая. С. 4—6; № 24, 13 июня. С. 4—6 [Под названием «Роковые яйца»].

¹⁶ [Полный текст] Машинопись // ЦГАЛИ, ф. 603, оп. 3, ед. хр. 7.

- фотография) [Фельетон] // Гудок, М., 1924. № 1282, 29 августа. С. 3. Подпись: Эм. (0,09).
- Спектакль в Петушках [Фельетон] // Гудок. М., 1924. № 1097, 12 января. С. 2. Подпись: Мих. Б. (0,06).
- Спиритический сеанс [Рассказ] // Рупор. М., 1922. № 4, июль. С. 6—7. (0,35).
- Стальное горло [Рассказ] // Красная панорама. Л., 1925. № 33, 15 августа. С. 1—4. (0,50).
- Стенка на стенку [Фельетон] // Гудок. М., 1924. № 1326, 19 октября. С. 4. (0,12).
- Столица в блокноте [Очерк] // Накануне. Берлин, 1922. № 216, 21 декабря. С. 2; 1923. № 239, 20 января. С. 6; № 256, 9 февраля. С. 2—3; № 273, 1 марта. С. 5. (0,82).
- Страдалец-папаша [Фельетон] // Гудок. М., 1925. № 216 (1600), 22 сентября. С. 3. Подпись: Эм. (0,09).
- Счастличик [Фельетон] // Гудок. М., 1924. № 1361, 2 декабря. С. 3. (0,05).
- Сыновья муллы [Пьеса] (1921) Машинопись // ОР ГБЛ, ф. 562, к. 11, ед. хр. 2. (1,80).
- Тайна несгораемого шкафа. Маленький уголовный роман [Рассказ] // Гудок. М., 1926. № 89 (1771), 18 апреля. С. 3. Подпись: М. Неизвестный. (0,24).
- Тайному другу [Повесть] (1929) // Памир. Душанбе, 1987. № 4, апрель. С. 108—134. [В сокращении¹⁷]. (1,55).
- Тайны Мадридского двора [Фельетон] // Гудок. М., 1923. № 1039, 1 ноября. С. 3. Подпись: Г. П. Ухов. (0,16).
- Там, где лечат паровозы. Государственный завод «Паро-ремонт» в Подольске [Репортаж] // Рабочая газета. М., 1922. № 136, 15 августа. С. 2. Подпись: Булл. (0,05).
- Таракан [Рассказ] // Заря Востока. Тифлис, 1925. № 958, 23 августа. С. 6. (0,33).
- Типаж [Рассказ] (1926) // Литературная газета. М., 1973. № 8, 21 февраля. С. 16. (0,15).
- Торговый дом на колесах [Фельетон] // Гудок. М., 1924. № 1154, 23 марта. С. 3. Подпись: Михаил Б. (0,12).
- Торговый ренессанс. Москва в начале 1922 года [Очерк] (1922) // Социологические исследования. М., 1988. № 1, январь—февраль. С. 137—138. Подпись: М. Булл. (0,12).
- Три вида свинства [Рассказ] // Красный перец. М., 1924. № 21, октябрь. С. 5. (0,09).
- Три застенка [Рассказ] // Бакинский рабочий. Баку, 1924. № 185, 18 августа. С. 5 [Рубрика «Кривое зеркало»]. (0,17).
- Три копейки [Фельетон] // Гудок. М., 1924. № 1286, 3 сентября. С. 4. (0,03).
- Трудовой праздник на заводе «Динамо». 25-летие завода «Динамо» и принятие шефства над 1-м легким артиллерийским дивизионом [Репортаж] // Рабочий. М., 1922. № 60, 16 мая. С. 2. Подпись: М. Б. (0,03).
- Тьма египетская [Рассказ] // Медицинский работник. М., 1926. № 26, 20 июля. С. 13—15; № 27, 27 июля. С. 14—15. (0,50).
- У курян [Репортаж] // Гудок. М., 1922. № 575, 12 апреля. С. 2. Подпись: М. Б. (0,02).
- Увертюра Шопена. Неприятный рассказ (По материалам рабкора) [Фельетон] // Гудок. М., 1924. № 1298, 17 сентября. С. 4. Подпись: Эм. (0,05).
- Угрызаемый хвост [Фельетон] // Бузотер. М., 1925. № 20, август. С. 4. Подпись: Тускарора. (0,07).
- Удачные и неудачные роды. 553-го рабкора рассказ [Фельетон] // Гудок. М., 1925. № 32 (1416), 8 февраля. С. 4. Подпись: Михаил Б. (0,05).
- Уплата во-время [Репортаж] // Гудок. М., 1922. № 729, 18 октября. С. 3. Подпись: М. Б. (0,01).
- Устные рассказы (Записаны Е. С. Булгаковой) [Рассказ] (1932—1940) Машинопись // ОР ГБЛ, ф. 562, к. 17, ед. хр. 10. (0,80).

¹⁷ [Фрагменты под названием «Мне приснился сон. . .»] // Неделя. М., 1974. № 43, 21—27 октября. С. 10—11; [Полный текст] // Булгаков М. Чаша жизни. М.: Советская Россия, 1988. С. 261—287.

- Ученая каста против рабочего класса [Репортаж] // Рабочий. М., 1922. № 11, 12 марта. С. 2. Подпись: М. Б. (0,01).
- Ханский огонь [Рассказ] / Красный журнал для всех. Л., 1924. № 2, февраль. С. 101—111. (1,07).
- Целитель [Фельетон] // Гудок. М., 1925. № 3 (1387), 4 января. С. 3. (0,05).
- Чайные кружки из старых жестяных банок. 2-ой механический завод Меж-
рабпона [Репортаж] // Рабочий. М., 1922. № 44, 22 апреля. С. 2. Подпись:
М. Булл. (0,02).
- Часы жизни и смерти. С природы [Репортаж] // Гудок. М., 1924. № 1109,
27 января. С. 3. Подпись: М. Б. (0,12).
- Чаша жизни. Веселый московский рассказ с печальным концом [Рассказ] //
Накануне. Берлин, 1922. Литературное приложение. № 33 (к № 223 за 31 декабря).
С. 10—11. (0,22).
- Человек с градусником [Фельетон] // Гудок. М., 1925. № 160 (1544), 16 июля.
С. 3. Подпись: Михаил. (0,10).
- Чемпион мира. Фантазия в прозе [Фельетон] // Гудок. М., 1925. № 295 (1679),
25 декабря. С. 3. Подпись: Михаил. (0,10).
- Чертовщина [Фельетон] // Гудок. М., 1925. № 40 (1424), 18 февраля. С. 3.
(0,08).
- Черное море [Либретто] (1937) Машинопись // ОР ГБЛ, ф. 562, к. 16, ед. хр.
7. (1,50).
- Шансон д'Эте [Очерк] // Накануне. Берлин, 1923. № 409, 16 августа. С. 2—3.
(0,23).
- Шпрехен зи дейтч? [Рассказ] // Бузотер. М., 1925. № 19, август. С. 4—5.
Подпись: Тускарора. (0,10).
- Электрическая лекция [Фельетон] // Гудок. М., 1924. № 1148, 15 марта. С. 3.
Подпись: Михаил Б. (0,08).
- Электрфикация Москвы. 1000 человек дают 10 000 лошадиных сил [Репор-
таж] // Рабочий. М., 1922. № 10, 11 марта. С. 2. Подпись: Михаил Булл. (0,02).
- Юбилейное заседание [Либретто шуточного приветствия от ГАБТа —
МХАТу] (1938) Машинопись // ОР ГБЛ, ф. 562, к. 17, ед. хр. 9. (0,25).
- Юрий Слезкин. Сиуэт [Статья] // Сподохи. Берлин, 1922. № 12, декабрь.
С. 49—54. (0,70).
- Я убил [Рассказ] // Медицинский работник. М., 1926. № 44, 8 декабря. С. 13—
15; № 45, 12 декабря. С. 14—16. (0,40).

ПРИМЕЧАНИЯ

1. В данный «Алфавитный перечень произведений М. А. Булгакова» (в даль-
нейшем — просто «Перечень») включены все, по нашему мнению, достоверно
атрибутированные его тексты, библиографически известные из доступных исследо-
ванию источников: библиотек, архивов, собраний.

Не включены в «Перечень» материалы, не попадающие под вышеприведенные
признаки, а также известные только по названиям и не сохранившиеся по разным
причинам или не разысканные до настоящего времени. Не включена эпистолярная
проза, часть из которой — письма разных лет — указана в п. 3 настоящих приме-
чаний.

Так как в «Перечень» включены только полные завершённые произведения,¹
здесь отсутствуют черновые материалы, наброски и т. п. В частности, не включены
наброски черновых материалов перевода пьесы Шекспира «Виндзорские проказ-
ницы», автобиографии 1926 и 1936 гг., аналогичные включенным, агитационные
стихи помощи Помголу, интервью «О ходе работы над сценарием „Полождения
Чичикова или Мертвые души“» (газ. «За большевистский фильм». М., 1934, 25 авгу-
ста), материалы к либретто «Калоши счастья» (по Г. Х. Андерсену, 1939), инсцени-

¹ Исходя из принятого жанрового разделения в «Перечень» включены
3 романа, 6 повестей, 46 рассказов, 17 очерков, 112 фельетонов, 14 статей, 34 репор-
тажа, 12 пьес, 3 инсценировки, 2 киносценария, 5 либретто, 1 перевод.

ровки «Следопыта» (по Ф. Куперу, 1934), ранние редакции произведений, сохранившиеся отрывки из дневников и записных книг, черновой набросок стихотворения *Funeгайес* («Похороны»), заметки автобиографического характера и сюжет пьесы «Ласточкино гнездо» (1940), записанные П. С. Поповым, дарственные надписи на книгах, пометы в книгах собственной библиотеки и т. п.

Не вошли в «Перечень» произведения, известные только теоретически по библиографическим материалам М. А. Булгакова: первый рассказ «Похождения Светланы», ранние прозаические опыты — «Зеленый (огненный) змей», «Недуг», «большой роман» по канве «Недуга», «Первый цвет», «День главного врача», рассказ с подзаголовком «Дань восхищения» (отрывки которого сохранились), фельетоны конца 1919—мая 1921 г., которые, по признанию автора, «шли во многих кавказских газетах»; не сохранившиеся и уничтоженные драматургом пьесы владикавказского периода: «Самооборона», «Братья Турбины», «Глиняные женихи, или Вероломный папаша», «Парижские коммунары», доклады и сообщения (материалы не обнаружены) на литературных вечерах и в народном университете во Владикавказе, полный текст «Записок на манжетах», ранние московские литературные фельетоны «Евгений Онегин» и «Театральный Октябрь», статья «Драматург и критик» («Премьера»), материалы, созданные во время работы сотрудником в отделе хроники «Торгово-промышленного вестника», конференсанс в театральной труппе, редактором в Научно-техническом комитете при Военно-воздушной академии, режиссером-консультантом в Театре рабочей молодежи и театре САНПРОСВЕТА, консультантом в Большом театре, а также во время участия в режиссерской работе над пьесой Н. Венкстери «Одиночка», ее же инсценировкой «Пиквикский клуб». Кроме того, есть сведения о работе драматурга над диалогами к фильму «Восстание рыбаков» (1932), заметками для доклада о Шекспире, работе над пьесой о Распутине и Николае II, комедией «Белая глина», инсценировкой «Собачье сердце», комедией о Пречистенке, биографическим словарем современных русских писателей. Эти материалы не сохранились и поэтому в «Перечень» не включались.

2. За основу атрибутирования авторства опубликованных в периодике 1920-х гг. произведений «малой прозы» (рассказы, фельетоны, репортажи) приняты три сборника их машинописных копий, составленных в 1950—1960 гг. вдовой писателя Е. С. Булгаковой с помощью С. А. Ермолинского и А. А. Кубаревой и хранящихся в архиве писателя в Отделе рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина (ф. 562, к. 1, ед. хр. 9, 13; к. 2, ед. хр. 1, 2) с указанными там подписями-псевдонимами; сведения из предисловия В. Я. Лакшина к сборнику «Избранная проза» (М., 1966); воспоминания людей, лично знавших М. Булгакова, а также библиографии в первых диссертациях о писателе (А. М. Альтшулера, Т. А. Ермаковой, И. С. Скоропановой, В. А. Чеботаревой, Е. И. Орловой) и результаты поисково-просмотровой работы в журнально-газетной периодике 1920-х гг. ряда советских и зарубежных исследователей-булгаковедов.²

При этом достоверными псевдонимами при атрибутировании произведений признаются следующие: «Михаил Булл», «Михаил Бул.», «М. Булл», «М. Бул.», «Булл», «Михаил Б.», «Мих. Б.», «Михаил», «Герасим Петрович Ухов», «Г. П. Ухов», «П. Ухов», «Маг.», «Незнакомец», «Тускарора», «Ф. Скитайкин», «М. Ол-Райт», «М. Олл-Райт», «Эмма Б.», «Эм. Бе.», «Ф. С-ов», «Любовь Булгакова», «М. Неизвестный»; псевдонимы-подписи «М. Б.», «М.», «Эм.» учитываются только для произведений, атрибутированных Е. С. Булгаковой и Л. Е. Белозерской. В «Перечне» все указаны специально, как подпись при публикации произведения. Отсутствие подписи означает, что произведение было подписано полным или сокращенным именем и фамилией, то есть: «Михаил Булгаков», «Мих. Булгаков», «М. Булгаков», «Булгаков».³

² Среди них в первую очередь можно отметить М. Чудакову, Л. Яновскую, В. Гудкову, В. Молодцова, А. Бурмистрова, М. Владимирского, В. Осипова, В. Рокотянского, Ю. Ростовцева, А. Спиренкова, Г. Файмана, М. Царева, Р. Янгирова, а также зарубежных исследователей: И. Аманта (Франция), Ф. Левина (ФРГ), Л. Милн (Англия), Э. и К. Профферов (США), А. К. Райта (Канада).

³ Мотивы выбора М. А. Булгакова того или иного псевдонима заслуживают отдельного разговора. Здесь отметим, что наиболее часто он применял псевдонимы «М. Б.» (32 раза), «Михаил» (27 раз), «Михаил Б.» (15 раз). Остальные псевдо-

Недостовверными, спорными или ошибочными по атрибутированию авторства М. А. Булгакова при этом являются, по нашему мнению, около 50 фельетонов, репортажей и заметок, включенных в сборники и библиографии, составленные отдельными советскими и зарубежными исследователями, в том числе (по алфавиту):

- Амур не отстает // На вахте. М., 1925. № 28, 4 февраля. С. 4. Подпись: М. Б.⁴
Английские булавки // Бузотер. М., 1926. № 11, июнь. С. 4. Подпись: Ол. Райт.
Арифметика // Дрезина. М., 1923. № 3, ноябрь. С. 2. Подпись: Ол-Райт.
Ахматовка // Пламя. Тифлис, 1924. № 3—4, апрель. С. 29. Подпись: Мак.
[Рубрика «Московские силуэты»].
Банные дела // Гудок. М., 1924. 9 июля. С. 6. Подпись: М. Мишев.
Беззубый циркуляр и побоище согласно оного // Гудок. М., 1923. 9 октября. С. 4. Подпись: М. А.
Бог грехам терпит // Красная газета. Веч. вып. Л., 1927. № 101, 16 апреля. С. 2. Подпись: М. Б.
В борьбе с разрухой // Гудок. М., 1922. № 556, 31 марта. С. 4. Подпись: М.
В Вятке сойдет! // Гудок. М., 1923. 14 февраля. С. 4. Подпись: М. А.
В ливень // Гудок. М., 1925. 16 июля. Подпись: М. Б.
В чем тут дело? // Гудок. М., 1924. № 1149, 16 марта. С. 3. Подпись: Эм.
Впечатления дорожные. Царицын—Ростов // Народная газета. Ростов-на-Дону. 1919. № 196, 29 ноября. С. 2. Подпись: Евг. Юдин.
Время—деньги // Последние новости. Л., 1924. № 15, 14 апреля. С. 3. Подпись: Олл-Райт.
Герой // Гудок. М., 1925. 23 июня. С. 4. Подпись: Эль-Эс.
Город строят // Последние новости. Пг., 1923. № 16, 16 апреля. С. 2. Подпись: Москвич.
Детская хрестоматия на современный лад // Тачка прокатывает всех. М., 1922. № 7, сентябрь. С. 3. Подпись: Б—в.
Документ-с // Гудок. М., 1924. № 1277, 23 августа. С. 4. Подпись: М.
Долг природе // Бузотер. М., 1925. № 21, сентябрь, С. 13. Подпись: Э.
Жизнь без свисту // Гудок. М., 1925. № 203 (1587), 6 сентября. С. 3. Подпись: Т. Май.
Задолженности надо положить конец // Гудок. М., 1924. № 1093, 8 января. С. 3. Подпись: Эм.
Золотые тиски // Коммунарка Украины. Харьков, 1922. № 12, декабрь. С. 18—23. Подпись: М. Булгаков-Майский.
Как бороться с «Гудком» // Гудок. М., 1924. 20 августа. С. 6. Подпись: М.
Как я из репортера сделался фельетонистом // Гудок. М., 1922. № 504, 15 января. С. 2. Подпись: Репортер.⁵
Куда делись? // Гудок. М., 1923. № 859, 24 марта. С. 4. Подпись: Иван Бездомный.⁶

нимы применялись по одному или нескольку раз. Всего М. А. Булгаков использовал псевдонимы 125 раз.

⁴ С таким псевдонимом в этой газете также ошибочно относят к булгаковским несколько публикаций 1924 г.: «На Черном море» (№ 164), «Пена на воде» (№ 165), «Путешествие на пароходе» (№ 209).

⁵ Ошибочно приписываемая М. А. Булгакову первая публикация в «Гудке». В действительности первая его публикация в этой газете, по данным С. А. Ермолинского со слов Е. С. Булгаковой, — «У курян», напечатанная в постоянной рубрике «По московскому узлу». Эта рубрика была практически в каждом номере газеты, и репортажи давались либо без подписи с разных отделений дорог (в том числе и с Курской — «У курян»), либо подписывались псевдонимами; в репортаже, подписанном «М», сообщалось о делах на Николаевской железной дороге. Псевдоним расшифровывается по аналогичным публикациям как «Мюллер» или «М-р» и т. п. Всего в «Гудке» М. А. Булгаковым было помещено 118 публикаций, в том числе 106 фельетонов, тогда как, например, в «Накануне» — 25, в «Рабочем» («Рабочей газете») — 29.

⁶ Аналогичные заметки в «Гудке», подписанные этим рабкором со станции Пенза-2 (см., например, корреспонденцию «Живая связь», псевдоним «Иван Без-

Культоотдел виноват целиком и полностью // Гудок, М., 1924. № 1264, 25 мая. С. 3. Подпись: Э.

На футболе // Гудок, М., 1926. № 142 (1831), 2 июля. С. 3. Подпись: Спортсмен.

Неожиданное похмелье // Гудок, М., 1923. № 826, 25 февраля. С. 4. Подпись: Б—в.⁷

О незаметных юмористах // Советская степь. Кзыл-Орда, 1927. № 15, 18 января. С. 3. Подпись: Бул.⁸

Остерегайтесь подделок! // Дрезина, М., 1923. № 12, ноябрь. С. 2. Подпись: Ол Райт.

По московскому узлу // Гудок, М., 1923 [Серия заметок между 22 ноября и 12 декабря]. Подпись: М. Б.⁹

Под парами // Гудок, М., 1924. № 1100, 16 января. С. 4. Подпись: Ф. Ес.
Поездка в Крым // Гудок, М., 1925. № 192 (1576), 25 августа. С. 5. Подпись: 699.

Помехи в работе. Кое-что из практики РКК // Гудок, М., 1924. № 1157, 27 марта. С. 2. Подпись: Эм.

Почему они счет любят? // Московский служащий. М., 1925. № 12, апрель. С. 5. Подпись: М. Б.

Правила ТУ? // Гудок, М. [При публикации приведено без отсылки на конкретный номер газеты].

Привычка // Бузотер, М., 1927. № 15, август. С. 11. Подпись: Ол-Райт.

Пусть все платят, а я не хочу // Гудок, М., 1923 [Конец декабря: при публикации нет точной отсылки]. Подпись: М.

Пустыня Сахара // Гудок, М., 1924. № 1215, 8 июня. С. 4. Подпись: М. Мишев.

Роль-Ройс, или Доберман-Пинчер // Накануне. Берлин, 1923. № 360, 16 июня. С. 2. Подпись: Ф. Икс.¹⁰

Справка кулаком // Гудок, М. [При публикации приведено без отсылки на конкретный номер газеты].

Ужасное утро // Гудок, М., 1924. № 1223. С. 4. Подпись: Б. М.

Февральские дни 9 марта // Красная газета. Веч. вып. Л., 1927. 9 марта. С. 4. Подпись: М. Б.—в.

Фруктовый сад // Гудок, М., 1925. 27 июня. С. 4. Подпись: Эль-Эс.

Циркулярная болезнь // Гудок, М. [При публикации приведено без отсылки на конкретный номер газеты]. Подпись: Раборк 99.

Человек за бортом. Павла Антоновича собственный рассказ // Гудок, М., 1923. № 1077, 16 декабря. С. 3. Подпись: М.

Возможны еще приписания М. А. Булгакову не принадлежащих ему произведений под разными псевдонимами. Каждый такой случай требует индивидуальной научной атрибутики.

3. Писем М. А. Булгакова к разным лицам (эпистолярная проза) сохранилось относительно немного, в количестве около 250 единиц. Их можно разделить на

домный — «Гудок», 1923, 3 марта и «Помощь безработным станции Пенза», псевдоним «Иван Безродный», — «Гудок», 1923, 28 января), также не принадлежат М. А. Булгакову, но, вероятно, проходили через его руки, так как он был в это время (начало 1923 г.) обработчиком писем. Этот псевдоним, как известно, был использован в «Мастере и Маргарите», в ранних же редакциях романа герой носил имя Антон (позже Иван) Безродный.

⁷ Видимо, это псевдоним журналиста В. Башкирова, довольно часто публиковавшего в «Гудке» подобные корреспонденции.

⁸ Вырезка этой корреспонденции обнаружена в фонде Ильфа и Петрова в ЦГАЛИ (ф. 1821, оп. 1, ед. 190; л. 116). В ближайших к этой дате номерах газеты имеются репортажи под таким же псевдонимом («Темная история» — 7 января, № 6, «Трагедия Андрея Терентьевича» — 27 января, № 22, и др.). Возможно, это был журналист Ф. Буланцев, писавший фельетоны под псевдонимом «Дон-Базилио».

⁹ См. также сноску к названию «Как я из репортера сделался фельетонистом».

¹⁰ Псевдоним журналиста-накануневца Ю. Н. Потехина, публиковавшегося и под «зеркальным» к этому псевдониму именем — «Скиф».

несколько групп. Часть писем опубликована полностью или фрагментами. Оригиналы писем хранятся в архивах ОР ГБЛ, ЦГАЛИ, ИМЛИ, ИРЛИ, ЦГА РСФСР, в фондах Центрального театрального музея, Государственного литературного музея, музея МХАТ и Большого театра Союза ССР, в архивах частных лиц.

Здесь приводятся отдельные наиболее важные в историко-биографическом отношении письма из числа доступных к изучению.

Письма близким родным (матери, сестрам, братьям) — 66 писем (1914—1940). Звездочками отмечены опубликованные письма // Известия Академии наук СССР. Сер. лит. и яз. М., Т. 35. 1976. № 5, сентябрь—октябрь. С. 454—464; Вопросы литературы. М., 1984. № 11, ноябрь. С. 203—216; остальные письма // ОР ГБЛ, ф. 562, к. 19, ед. хр. 10—18, 21—25, 32. — 1 письмо матери, В. М. Булгаковой-Воскресенской (17* ноября 1921); 25 писем сестре, Н. А. Земской (3 апреля 1914, 19 марта 1915, 3* октября, 31* декабря 1917, апрель* [без даты], 26* апреля, май* [без даты], 2* июня, 23* октября, 9* ноября [два письма], 1*, 15* и 30* декабря 1921, 10* и 13* января, 24* марта, 18* апреля 1922, лето [без даты], осень [без даты] 1923, 20 августа 1924, 24 ноября 1926, 24 февраля, 5 сентября, 19 октября 1927); 3 письма к сестре, В. А. Карум (26* апреля 1921, 24* марта 1922, 23* января 1923); 4 письма к сестре, Е. А. Светлаевой (3, 25 и 31 декабря 1939, 2 января 1940); 31 письмо [с открытками и телеграммами — 45] к брату, Н. А. Булгакову (25 апреля, 23 июля 1929, 1, 11—13 марта, 6 мая 1932, 14 января, 8 марта, 19 апреля, 13 и 30 августа, 14 сентября, 4 октября 1933, 29 января, 1 марта, 10 мая, 10 июля, 1 и 2 августа 1934, 14 апреля, 8 и 13 мая, 9 и 26 июля 1935, 3 и 7 января, 5 [2 письма], 9 и 11 февраля, 24 марта, 5 апреля, 15 июля 1937); 2 письма к двоюродному брату, К. П. Булгакову (1* и 16* февраля 1921).

Письма к П. С. Попову — 30 писем (1931—1940) // Театр. М., 1981. № 5, май. С. 90—93; Новый мир. М., 1987. № 2, февраль. С. 163—180 [с разночтениями]; Булгаков М. Чаша жизни. М.: Советская Россия, 1988. С. 519—548 (26 октября 1931, 25—28—29—30 января — 24 февраля, 19 и 27 марта, 14—15—21, 24 и 30 апреля, 7 мая, 8—9—10—12—13 июня, 14 и 18 августа 1932, 13 и 19 апреля, 19 мая, 22 июля 1933, 14 марта, 28 апреля, 26 июня, 6 и 10 июля 1934, 14 марта 1935, 11 февраля, 5 октября 1936, 29 января, 24 марта, 4 апреля, 23 октября, 1 и 6 декабря 1939, 24 января 1940).

Письма к В. В. Вересаеву — 17 писем 1925—1939 // Вопросы литературы. М., 1965. № 3, март. С. 152—171; Знамя. 1988. № 1, январь. С. 161—174; [фрагменты]: Литературная Россия. М., 1987. № 16, 17 апреля. С. 16—17 (6 декабря 1925, 10 августа, 18 ноября 1926, 1 июня 1930, 29 июня, 22 июля 1931, 15 марта 1932, 2 августа 1933, 6 марта, 26 апреля, 11 июля 1934, 20 мая, 26 июля, 16, 27, 29 августа, 10 сентября 1935, 12 марта, 2 октября 1936, 5 октября 1937, 11 марта 1939).

Письма Правительству СССР и руководителям государства — 6 писем (1929—1938) // Октябрь. М., 1967. № 6, июнь. С. 175—184 (Енукидзе А. С. — 3 сентября 1929; Правительству СССР — 28 марта 1930; Сталину И. В. — начало 1931 [Фрагмент], 30 мая 1931, 10 июня 1934, 4 февраля 1938).

Письма Е. С. Булгаковой — 14 писем [кроме того, 34 открытки, 16 телеграмм, 46 записок]¹¹ (1936—1938). [Звездочками отмечено опубликованное] // Булгаков М. Чаша жизни. М.: Советская Россия, 1988. С. 560—570; остальные письма // ОР ГБЛ, ф. 562, к. 19, ед. хр. 6, 7, 8* (29 ноября 1936, 27* мая, 2*, 3*, 11, 14—15* и 22* июня, 22, 25, 30 и 31 июля, 8, 9 и 19 августа 1938).

Письма к разным лицам (1922—1939):

Асафьеву Б. В. // Музыка России. М.: Советский композитор, 1980. С. 262—290 (9 января, 13 февраля, 24 марта, 10 мая, 2 октября, 18, 21 и 25 декабря 1937, 2 и 7 февраля, 10 апреля 1938; кроме того — 7 телеграмм);

Венкстерн Н. А. // ЦГАЛИ, ф. 2050, оп. 1, ед. хр. 197 (22 июля 1930—20 июня 1932);

Волошину М. А. // ИРЛИ, ф. 369, № 284; ф. 562, № 296 (10 мая, 10 июля 1925, 3 мая 1926);

Горькому А. М. // Октябрь. М., 1987. № 6, июнь. С. 175—176 (3 и 28 сентября 1929); ОР ГБЛ, ф. 562, к. 19, ед. хр. 20 (30 сентября 1931, 5 августа 1933, 1 мая 1934);

¹¹ Фрагменты писем: Яновская Л. М. «Беседовать с тобой одной...» // Октябрь. М., 1984. № 1, январь. С. 189—201.

- Дунаевскому И. О. // Театральная жизнь. М., 1983. № 3, февраль. С. 29—30 (1 декабря 1938, 22 и 26 января, 7 апреля 1939);
- Заволокину П. Я. // Советские архивы. М., 1973. № 4, апрель. С. 101—102 (24 ноября 1922);
- Кремлеву И. Л. // Петелин В. Россия — любовь моя. М.: Московский рабочий, 1986. С. 246 (1926);
- Леонтьеву Я. Л. // ОР ГБЛ, ф. 562, к. 19, ед. хр. 27 (17 августа 1936, 17 июля 1937);
- Попову А. Д. // ЦГАЛИ, ф. 2417, оп. 1, ед. хр. 528 (26 июля, 11 августа 1926);
- [Фрагменты] // Петелин В. Россия — любовь моя. М.: Московский рабочий, 1986. С. 254—258;
- Слезкину Ю. Л. // Москва. М., 1976. № 7, июль. С. 194 (31 августа 1923) [в ст.: Петелин В. Возвращение мастера];
- Станиславскому К. С. // Смелянский А. М. Михаил Булгаков в Художественном театре. М.: Искусство, 1986. С. 202, 206, 290—291 (6 августа 1930, 31 декабря 1931, апрель 1935);
- Трениву К. А. // ЦГАЛИ, ф. 1398, оп. 2, ед. хр. 259 (20 июня 1938);
- Файко А. М. // ЦГАЛИ, ф. 2205, оп. 1, ед. хр. 269 (1 декабря 1939);
- Федорченко С. З. // ЦГАЛИ, ф. 1611, оп. 1, ед. хр. 75 (24 ноября 1925).
- За пределами этого списка адресатов М. А. Булгакова оказались единичные письма к О. С. Бокшанской, А. П. Гдешинскому, А. М. Земскому, С. М. Савину, В. Г. Сахновскому, Ю. В. Соболеву, Е. А. и С. Е. Шкловским и др., а также деловые письма и заявления в дирекции театров, в Союз писателей, в театральные и общественные организации, в редакции газет, письма, связанные с зарубежными изданиями произведений и постановками пьес.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

- ОР ГБЛ — Отдел рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина, Москва;
- ЦГАЛИ — Центральный государственный архив литературы и искусства, Москва;
- ИМЛИ — Институт мировой литературы им. А. М. Горького, Москва;
- ИРЛИ — Институт русской литературы (Пушкинский Дом), Ленинград;
- ЦГА РСФСР — Центральный государственный архив РСФСР, Москва

ПРИЛОЖЕНИЕ

К «АЛФАВИТНОМУ ПЕРЕЧНЮ ПРОИЗВЕДЕНИЙ М. А. БУЛГАКОВА»

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ СТАТИСТИКА

Творческий путь Михаила Афанасьевича Булгакова (1891—1940) вписывается в 20 лет. 1919—1939 г. — время активной писательской и литературной деятельности, когда было написано и опубликовано или написано, но не опубликовано 255 перечисленных в «Перечне» (без указанных в Примечаниях) произведений писателя общим объемом в 175 авторских листов.

Это количество можно распределить по годам написания, учитывая для прижизненно не опубликованных произведений дату создания (в случае нескольких вариантов редакций — написание основной, канонической сегодня редакции).

Годы	Количество произведений	Объем в авторских листах
1919	1	0.25
1920	—	—
1921	7	3.16

1922	41	4.75
1923	26	8.18
1924	63	9.94
1925	64	31.30
1926	19	12.78
1927	3	8.20
1928	2	3.85
1929	1	1.55
1930	1	3.02
1931	1	6.30
1932	2	7.0
1933	2	9.45
1934	4	6.65
1935	3	8.33
1936	2	8.02
1937	5	14.0
1938	3	25.45
1939	4	4.95

Таким образом, видно, что пик творческой деятельности М. А. Булгакова по количеству созданных произведений (с публикацией и без) приходится на 1924—1925 гг. и на 1925—1926 и 1938 гг. по объему написанного (без учета создания подготовительных материалов, черновых и ранних редакций и с исключением времени интенсивной работы во Владикавказе в 1920-м—начале 1921 г.).

Включенные в настоящий «Перечень» произведения по жанрам могут быть разделены так:

Жанр	Количество	Объем в авторских листах
романы	3	43.60
повести	6	24.55
рассказы	46	17.24
очерки	17	5.39
фельетоны	112	10.67
статьи	14	10.83
репортажи	34	0.82
пьесы	12	38.63
инсценировки	3	10.02
киносценарии	2	4.00
либретто	5	6.25
переводы	1	3.00
Итого	255	175.00

125 произведений из этого количества было подписано 25 псевдонимами (как опубликованных, так и не опубликованных при жизни), в том числе:

Псевдоним	Количество употреблений	Объем в авторских листах
Михаил Булл	3	0.03
М. Булл	6	0.59
Михаил Бул	2	0.03
М. Бул	1	0.02
Булл	8	0.17
Михаил Б.	15	1.45
Мих. Б.	1	0.06
Михаил	27	2.68

Герасим Петрович Ухов	1	0.16
Г. П. Ухов	2	0.33
П. Ухов	1	0.07
Маг.	1	0.04
Незнакомец	1	0.15
Тускарора	2	0.17
Ф. Скитайкин	1	0.08
М. Ол-Райт или М. ОЛ-РАЙТ	3	0.30
М. Олл-Райт	1	0.09
Эмма Б. или ЭММА Б.	5	0.42
Эм. Бе.	1	0.05
Ф. С—ов	1	0.08
Любовь Булгакова	1	0.10
М. Неизвестный	1	0.24
М. Б.	32	2.27
М.	2	0.15
ЭМ. или Эм.	6	0.44
Итого	125	10.3

Статистический учет эпистолярного наследия требует отдельного разговора. Основные письма указаны в примечаниях к «Перечню». Указанный перечень писем (как уже отмечалось) далеко не полный. Он, в частности, не учитывает письма М. А. Булгакова в редакции газет (например, «Коммунист», Владикавказ, и др.), его письма в театральные, издательские и общественные организации и письма некоторым частным лицам, хранящиеся в ведомственных и личных архивах.

Из писем и заявлений в государственные и общественные организации можно выделить:

в Дирекцию МХАТ — 4 июня 1926 г. и 10 мая 1930 г. (архив музея МХАТ);

в Конфликтную комиссию Всероссийского союза писателей — 26 октября 1925 г. (ЦГАЛИ, ф. 341, оп. 1, ед. хр. 257, частично опубликовано в кн. В. Петелина «Россия — любовь моя». М., 1986, с. 247).

в Правление МОДПИК — 23 октября и 17 ноября 1926 г., 1 декабря 1927 г. (ЦГАЛИ, ф. 675, оп. 1, ед. хр. 44).

В архиве ОР ГБЛ (ф. 562, к. 19) есть переписка, связанная с изданием романа «Белая гвардия» и постановкой пьесы «Дни Турбиных» за рубежом и с защитой авторских прав (Дело З. Л. Каганского, 19, хр. 37; 11 октября 1925 г.— 24 октября 1928 г., 48 документов, 68 листов), а также связанная с постановкой пьес за рубежом, с отношениями с берлинскими издательствами Ладыжникова и Фишера, с театральными издательствами в Вене, с товариществом «Театр русской драмы» в Риге (29 февраля 1928 г.—23 января 1935 г., 117 а. л.) (ед. хр. 38) и др.

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции 3

I

<i>А. С. Бурмистров.</i> К биографии М. А. Булгакова (1916—1918	5
<i>Л. Ф. Ершов</i> Ранняя сатира Михаила Булгакова	23
<i>Н. А. Грознова.</i> Повесть «Собачье сердце» в литературном контексте 20-х годов	43
<i>А. И. Павловский.</i> Булгаков и Ахматова	64
<i>Т. М. Вахитова.</i> Булгаков и Леонов. К вопросу о творческих параллелях («Белая гвардия» и «Белая ночь»)	80
<i>В. А. Шошин.</i> М. А. Булгаков как автор оперных либретто (По материалам Рукописного отдела Пушкинского Дома)	94
<i>Б. С. Мягков.</i> Булгаковские места (Литературно-топографические очерки)	142

II

<i>Я. С. Лурье.</i> Рукописи М. А. Булгакова в Пушкинском доме	175
<i>Е. И. Колесникова.</i> Краткий обзор документальных материалов М. Бул- гакова	194
Из переписки М. А. Булгакова с Е. И. Замятиным и Л. Н. Замятиной (1928—1936) (Публикация <i>В. В. Бузник</i>)	208
Переписка М. А. Булгакова с А. П. Гдешинским (1923—1940) (Публикация <i>Т. М. Вахитовой</i>)	227
М. Булгаков о М. Е. Салтыкове-Щедрине (Публикация <i>Т. М. Вахито- вой</i>)	261
К истории постановки «Мертвых душ» в МХАТ (Публикация <i>Д. А. Бла- гова</i>)	263
Из истории постановки «Мольера» в ГБДТ им. М. Горького (Публикация <i>А. Л. Еришова</i>)	275
М. Булгаков. «Курс истории СССР.» (Публикация <i>А. М. Любомудрова</i>)	284

III

Алфавитный перечень произведений М. А. Булгакова. Материалы к библио- графии (Сост. Б. С. Мягков)	427
--	-----

ТВОРЧЕСТВО МИХАИЛА БУЛГАКОВА

Исследования. Материалы. Библиография

Книга № 1

*Утверждено к печати
Институтом русской литературы
(Пушкинский Дом) Академии наук СССР*

Редактор издательства Н. А. Никитина
Художник Г. В. Смирнов
Технический редактор Г. А. Смирнова
Корректоры Н. И. Журавлева, Ф. Я. Петрова,
Э. Г. Рабинович и С. И. Семиглазова

ИБ № 44543

Сдано в набор 3.12.90. Подписано к печати 30.05.91.
Формат 60×90¹/₁₆. Бумага книжно-журнальная. Фотонабор.
Гарнитура литературная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 28+0.5 вкл. Усл. кр.-от. 28.5. Уч.-изд. л. 34.94.
Тираж 2000. Тип. зак. № 946. Цена 6 р.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука»,
Ленинградское отделение.
199034, Ленинград, В-34, Менделеевская лин., 1.
Ордена Трудового Красного Знамени Первая типография
издательства «Наука».
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Готовит к выпуску книгу:

ТВОРЧЕСТВО МИХАИЛА БУЛГАКОВА

Исследования. Материалы. Библиография

Кн. 2.

Книга содержит материалы о жизни и творчестве А. Булгакова. В статьях сборника затрагиваются проблемы власти, нравственного идеала в романе «Мастер и Маргарита», идеи утопии в драматургии писателя, освещаются материалы сербской литературной критики о Булгакове, рассматриваются творческие взаимоотношения художника с деятелями оперного театра 30-х годов и др.

Значительную часть сборника составляют вновь публикуемые материалы из той части архивного наследия писателя, которая хранится в Пушкинском Доме: обзор биографических документов, из истории рукописи пьесы «Александр Пушкин», переписка с современниками; материалы к постановкам пьес Булгакова в Германии и Франции в 20-е гг. и др., а также материалы из архива сестры писателя — Н. А. Булгаковой (Земской). Заключает сборник обширная библиография: «Литература о жизни и творчестве М. Булгакова (1919—1990).»

Для литературоведов, историков и всех, интересующихся историей русской литературы.

КНИГИ ИЗДАТЕЛЬСТВА «НАУКА»
МОЖНО ПРЕДВАРИТЕЛЬНО ЗАКАЗАТЬ
В МАГАЗИНАХ КОНТОРЫ «АКАДЕМКНИГА»,
В МЕСТНЫХ МАГАЗИНАХ КНИГОТОРГОВ
ИЛИ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОЙ КООПЕРАЦИИ.

Для получения книг почтой заказы просим направлять по адресу:

- 117393 Москва, ул. Академика Пилюгина, 14, корп. 2, магазин «Книга — почтой»
Центральной конторы «Академкнига»;
252208 Киев, ул. Правды, 80а, магазин «Книга — почтой»;
197345 Ленинград, Петрозаводская ул., 7, магазин «Книга — почтой» Северо-
Западной конторы «Академкнига» или в ближайший магазин «Академ-
книга», имеющий отдел «Книга — почтой»
- 480091 Алма-Ата, ул. Фурманова, 91/97 («Книга — почтой»);
370001 Баку, Коммунистическая ул., 51 («Книга — почтой»);
232600 Вильнюс, ул. Университетского, 4 («Книга — почтой»);
690088 Владивосток, Океанский пр., 140 («Книга — почтой»);
320093 Днепропетровск, пр. Гагарина, 24 («Книга — почтой»);
734001 Душанбе, пр. Ленина, 95 («Книга — почтой»);
375002 Ереван, ул. Туманяна, 31;
664033 Иркутск, ул. Лермонтова, 289 («Книга — почтой»);
420043 Казань, ул. Достоевского, 53 («Книга — почтой»);
252030 Киев, ул. Ленина, 42;
252142 Киев, пр. Вернадского, 79;
252025 Киев, ул. Осипенко, 17;
277012 Кишинев, пр. Ленина, 148 («Книга — почтой»);
343990 Краматорск Донецкой обл., ул. Марата, 1 («Книга — почтой»);
660049 Красноярск, пр. Мира, 84;
443002 Куйбышев, пр. Ленина 2 («Книга — почтой»);
191104 Ленинград, Литейный пр., 57;
199034 Ленинград, Таможенный пер., 2
194064 Ленинград, Тихорецкий пр., 4;
220012 Минск, Ленинский пр., 72 («Книга — почтой»);
103009 Москва, ул. Горького, 19а;
117312 Москва, ул. Вавилова, 55/7;
630090 Новосибирск, Красный пр., 51;
630090 Новосибирск, Морской пр., 22 («Книга — почтой»);
142284 Протвино Московской обл., ул. Победы, 8;
142292 Пушкино Московской обл., МР «В», 1 («Книга — почтой»);
620151 Свердловск, ул. Мамина-Сибиряка, 137 («Книга — почтой»);
700000 Ташкент, ул. Ю. Фучика, 1;
700029 Ташкент, ул. Ленина, 73;
700070 Ташкент, ул. Шота Руставели, 43;
700185 Ташкент, ул. Дружбы народов, 6 («Книга — почтой»);
634050 Томск, наб. реки Ушайки, 18;
450059 Уфа, ул. Р. Зорге, 10 («Книга — почтой»);
450025 Уфа, Коммунистическая ул., 49;
720001 Фрунзе, бульв. Дзержинского, 42 («Книга — почтой»);
310078 Харьков, ул. Чернышевского, 87 («Книга — почтой»).